

ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2020

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2020

Редакционная коллегия

*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, Т.В. Марченко,
М.Ю. Сорокина (отв. секретарь), Г.А. Тюринна*

Международный совет

*Корин Амашер (Женева, Швейцария)
Ирина Антанасиевич (Белград, Сербия)
Лукаш Бабка (Прага, Чехия)
Всеволод Багно (Санкт-Петербург, Россия)
Стефано Гардзонио (Италия)
Драган Гачич (Белград, Сербия)
Юлия Матвеева (Екатеринбург, Россия)
Виктор Москвин (Москва, Россия)
Ивона Анна Ндяй (Ольштын, Польша)
Жорж Нива (Женева, Швейцария)
Федор Поляков (Вена, Австрия)
Юрис Салакс (Рига, Латвия)
Игорь Силантьев (Новосибирск, Россия)
Иван Толстой (Прага, Чехия)
Режина Хелена де Фрейтас Кампос (Белу-Оризонти, Бразилия)
Манфред Шруба (Милан, Италия)*

Ответственный редактор

Н.Ф. Гриценко

Художник

И.И. Антонова

**КАФЕДРА:
К 25-ЛЕТИЮ
ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

КАПИТАН РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Интервью

Виктора Александровича Москвина

*Ивану Никитичу Толстому**

Всякий раз, выходя из метро «Таганская» (кольцевая), я невольно вздрагиваю, когда вижу надпись: «Выход к Дому русского зарубежья имени А. Солженицына». Все-таки очень сложно поверить, если ты первые тридцать лет прожил при советской власти, что такое учреждение вообще могло появиться в России. А как у Вас? Как это случилось с Вами? Думали ли Вы когда-нибудь, что возглавите учреждение, которое будет заниматься зарубежной Россией?

Нет, я, конечно, начал об этом думать только на рубеже 1980–90-х годов. Прежде об этом думать, естественно, не приходилось, и мой путь к этой теме был довольно долгим. Сразу после школы, став студентом заочного отделения первого курса истфака Калининского государственного университета, я начал работать в Останкинском дворце-музее. Случилось это 1 июня 1973 года. Сотрудниками музея были жена Юрия Кублановского Ирина Петухова, Борис Борисович Михайлов, с которым мы сдружились, работали вместе в экскурсионном отделе. Он пришел месяцем раньше меня, будучи уволенным из Строгановского училища за то, что в курс советской скульптуры XX века, который он читал, он отказался включить кого-то из корифеев социалистического реализма. Борис Борисович был дружен с семьей Солженицыных, с Вадимом Борисовым, Александром и Ариной Гинзбург, с Наталией Горбаневской. В восемнадцать лет я вошел в круг людей, которые мыслили свободно, у которых был свой взгляд на происходящее. Читал и тамиздат, и самиздат.

То есть Вы попали не просто в круг людей, но и в круг имен? в круг текстов?

Да, с первого курса, с восемнадцати лет. Затем случилась следующая история: после того как вышел «Архипелаг ГУЛАГ», началась кампания против Солженицына в советской прессе, и Борис Михайлов выступил с открытым письмом в защиту Александра Исаевича. Осенью 1974 года пришла команда уволить Михайлова из музея. К тому времени он был старшим научным сотрудником. В музее работала замечательная Наталия Николаевна Чеботарева, она была заместителем директора по научной работе и симпатизировала Борису Борисовичу. Она ему сказала, что пришла «команда». Мы с Борисом обсуждали эту новость, гуляя по останкинскому парку. Мне в голову пришла тогда мысль, которая была, конечно же, оторванной

* Интервью взял Иван Никитич Толстой 24 октября 2014 г. в Доме русского зарубежья. Впервые опубликовано: «Ad multos annos» = [На долгие годы]: К юбилею В.А. Москвина / сост. Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильева, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 60–76.

от реальности, может быть авантюристичной... Я говорю: «Боря, скоро будут выборы в профсоюзный комитет. Согласно советскому КЗоТу члена профкома можно уволить только с согласия профсоюзного комитета. Давай выберем свой комитет». Мы начали тайную предвыборную работу, договорились с кандидатами в счетную комиссию и профком. На собрании, которое в итоге состоялось, — что было полной неожиданностью для партийной организации музея, для дирекции, — большинство наших сторонников прошли в профсоюзный комитет. Мы не дали возможности начальству изменить ситуацию, сразу после окончания этого бурного собрания, которое тянулось до позднего вечера, провели первое заседание избранных членов комитета, тут же напечатали протокол и вывесили его. Я стал председателем профкома, Борис Борисович — моим заместителем. По тогдашним правилам итоги выборов в профсоюзные местные органы должен был утверждать горком Профсоюза работников культуры под председательством Зои Глебовской. Горком находился по адресу: проезд Серова, дом 4, то есть стена в стену с Лубянской. Годом позже Лубянка их выставила, и они переехали в новое здание горкома, на Малую Грузинскую. Я был вызван тогда на заседание президиума горкома. Помню, как это было: окно на площадь, на памятник Дзержинскому. Зоя Николаевна — грузная женщина, сидела в торце стола буквой «Т», а вдоль длинной части стола сидят члены президиума, человек пятнадцать-двадцать; я открываю дверь — никто мне не предлагает сесть; все как по команде поворачивают голову, изучающее смотрят; лица у всех каменные, без единой эмоции, злые глаза. Люди в основном пожилые. Ведь кто попадал на почетную общественную работу в президиум горкома? — Заслуженные ветераны. И монолог Зои Николаевны, которая говорит: «Вы, пожалуй, самый молодой председатель профсоюзного комитета города Москвы, вам всего девятнадцать лет, ваш отец — фронтовик, будущее в ваших руках. Если вы будете прислушиваться к мнению старших товарищей, то вас ожидают хорошие перспективы, если не будете — пеняйте на себя! Мы решили утвердить протокол вашего собрания, но поскольку вы еще молодой и неопытный, мы решили попросить члена президиума Александра Ивановича Сычева вас курировать. Он вам сейчас передаст свои телефоны, и при возникновении любых вопросов вы можете к нему обращаться». На этом все заканчивается. Никто ни о чем меня больше не спрашивал.

Ваше мнение никого не интересовало?

Не интересовало абсолютно. Мы вышли, Александр Иванович дал номера своих телефонов — рабочего и домашнего, сказал, что можно ему звонить. Спустя несколько дней у нас было заседание местного комитета профсоюза. Пришла секретарь парторганизации, и мы большинством голосов предложили ей покинуть заседание, потому что участие секретаря парторганизации не предусмотрено профсоюзным уставом. Вот был такой эпизод. И удивительная вещь: эта «авантюра» сработала, и Борис Борисович Михайлов доработал до перестройки в Останкинском музее. Теперь он известный в Москве священник.

Так это тот самый Михайлов? Борис Михайлов — настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях?

Да. Он возглавлял Фонд Солженицына одно время.

А куда Вы отправились после Останкина?

В 75-м году там была сделана еще одна попытка уволить Михайлова, уже через профсоюзное собрание. Его обвинили в том, что он без разрешения администрации музея показал своим друзьям и однокашникам по Московскому университету, болгарским искусствоведам, иконостаю церкви Живоначальной Троицы, который не входил в экспозицию. И что, открывая дверь храма, он сломал замок. Было решено его уволить. Я в это время был в отпуске, собрали профсоюзное собрание. Но я на это собрание приехал за пять минут до начала, сел на председательское место и его вел. У них поломался весь сценарий, так как я из-за отпуска не должен был быть. Были заранее заготовлены выступления, выступал реставратор по фамилии Паламарчук, пожилой человек, член партии с многолетним стажем. И вот он своим выступлением задает тон. Слова были примерно такие: я фронтовик, наша страна потеряла миллионы своих сыновей и дочерей, мы проливали кровь и не думали, что появятся такие люди, как Михайлов, которые будут выступать против своей страны; я считаю, что такие люди не должны работать в музее, есть наш хлеб, предлагаю его уволить. Все это очень эмоционально... А это же 75-й год, представляете: большинство сотрудников — это смотрительницы, бабушки. Надо было видеть их лица, они же слышат знакомые речи, они же это проходили все. Бледные лица, опущенные взгляды. И было несколько таких выступлений. Пользуясь положением ведущего собрания, спрашиваю: «У меня вопрос к заместителю директора по хозяйственной части: сколько стоит замок?» Она называет цену. Я говорю: «У меня другое предложение. Предлагаю обязать Михайлова купить новый замок и объявить ему выговор». По поводу замка поднялся шум, и это разрядило ситуацию чисто психологически. Кроме того, стало ясно, что среди руководства нет единой позиции. Партком и дирекция за увольнение, председатель месткома за выговор. В итоге с небольшим перевесом голосов, что называется со скрипом, проголосовали за объявление выговора.

Так начиналась Ваша дипломатическая карьера.

А дальше, отвечая на ваш вопрос, я перешел в 1975 году на дневное отделение Калининского государственного университета. Поскольку учился я очень хорошо, все оценки были отличные. Поэтому с помощью Марэна Михайловича Фрейденберга (он заведовал тогда кафедрой Древнего мира и Средних веков Калининского университета) я перевелся, а после окончания университета несколько месяцев не мог в Москве найти работу, поскольку администрация музеев была наслышана о моей профсоюзной деятельности.

Какой, кстати, была тема Вашего диплома?

Я принадлежал к тем студентам, которые хотели быть историками, но не хотели быть связаны с современной тематикой, писал по теме «Обряды и обычаи древних скандинавов по материалам исландских саг». Понятно, что это была тема, которая позволяла заниматься интересными исследованиями вне связи с официальной идеологией.

Гуревич, Стеблин-Каменский?

Да, Стеблин-Каменского «Исландские саги», 56-го года издания. И Арон Яковлевич Гуревич этим занимался, и он был предшественником Фрейденберга в Калининском университете, потом он работал в МГУ. Это было замечательное время, когда можно было заниматься сагами, уйти в глубокую древность, сравнивать саги с былинами, находить, кстати, много общего.

Окончив университет, Вы пошли работать в Библиотеку иностранной литературы?

Нет, был еще один период. Я был безработным после окончания университета. Как-то, получив очередной отказ, по-моему от Музея истории и реконструкции Москвы, я вышел со станции метро «ВДНХ», увидел Музей космонавтики и подумал: «Зайду туда!» И меня взяли на работу.

Как специалиста по сагам? (Смеется.)

Ну да! (Смеется.) У меня была, кстати, очень интересная тема. Я занимался биографией академика Сергея Павловича Королева и работал с его вдовой, Ниной Ивановной. Занимался в том числе и периодом его заключения, когда он сидел в «шарашке», а перед этим на Колыме. Поскольку человеком я был активным, то меня там также избрали председателем профсоюзного комитета. В 1980 году в Москве проходила Олимпиада, и Комитет госбезопасности отправил меня в отпуск, и это было тоже очень интересно. Председатель профсоюзного комитета, член «треугольника», который подписывает грамоты и вообще всякого рода бумаги...

Раскусили Вас уже? (Смеется.)

Да... Я работал в Доме-музее Королева, филиале Музея космонавтики. Незадолго перед Олимпиадой туда был приставлен кагэбэшник, рыжий здоровый парень, неприметно одетый. Он сначала поливал цветы, делать ему было нечего в музее. Олимпиада была у нас в июле, где-то с конца июня он там появился и помогал садовнику поливать цветы, был мил со всеми, а потом в один из дней я прихожу, он стоит в дверях и говорит: «Товарищ Москвин, я не могу Вас пропустить...»

Садовник говорит! (Смеется.)

«...зайдите в отдел кадров музея». Прихожу в отдел кадров, который под ракетой у ВДНХ, мне говорят: «Да, Виктор Александрович, нужно Вам обязательно написать заявление и уйти в отпуск». Мы, как профсоюзный комитет, распределили билеты на соревнования, и я, будучи в отпуске, ходил на них, но работать не имел права, поскольку музей посещали иностранцы. Вот такой был принудительный отпуск. А потом уже, в марте 1982 года, я перешел работать в Библиотеку иностранной литературы, в отдел редкой книги.

Википедия сообщает, что Ваша диссертация была посвящена цензуре и распространению иностранных изданий в Москве в конце XIX — начале XX века.

Да, это так. Эту работу я начал в Библиотеке иностранной литературы, будучи сотрудником отдела редкой книги. Диссертация построена на материалах москов-

ского отдельного цензора по иностранной цензуре, фонд был практически не изучен, хранится он в Центральном государственном историческом архиве Москвы. Интереснейший фонд, много любопытнейших материалов.

Есть ли какая-то связь между вот этой Вашей темой (если диссертация, значит, эта тема не случайная, долго и углубленно изучавшаяся Вами) и тем, чем Вы стали заниматься здесь, во главе Дома русского зарубежья? Как монтируются эти темы между собой?

Вы знаете, как это ни удивительно, но изучение этой темы помогло мне создать структуру нашего Дома. В XIX — начале XX века в Москве книжная торговля иностранными изданиями развивалась очень бурно. Скажем, в 1913 году только через одну Москву было ввезено более миллиона единиц иностранных изданий. Книги, журналы, грампластинки, уже кинематографические пленки тогда появились, все это ввозилось, и все проходило через цензуру. В Москве существовало больше десятка магазинов иностранной книги, из них пять было крупных. Это магазин Таставена, прежде принадлежавший Готье, магазин Ланга, книжная торговля Кнебеля...

Тот самый, который потом громили, да?

Да. И интереснейшая вещь — это была старая схема, и не только для магазинов иностранной книги, но вообще для книжных магазинов: при каждом крупном магазине существовала библиотека для чтения. Это было связано с тем, что книги были довольно дорогими, и когда книготорговец их получал, он, с одной стороны, мог их продать, с другой стороны, он мог их предоставить по абонементу для чтения дома. Человек вносил залог и мог получать книги, читать, потом сдавать назад. Было несколько категорий пользователей: первой категории чтение обходилось дороже, у нее было «право первой ночи»; потом, когда первая категория книгу прочла, могли уже пользоваться вторая и третья, которая платила сущие гроши. Вот, кстати, отвлекаясь: иногда говорят, что Библиотека иностранной литературы, где я работал, — это такое чисто советское порождение, а это не вполне так. Дело в том, что эта библиотека создавалась Маргаритой Ивановной Рудомино на основе фондов как раз этих книжных магазинов, библиотек при книжных магазинах. Я смотрел первые инвентарные книги Иностранки, первые поступления — они были из магазина Готье — Таставена. А долгие годы у Иностранки существовал абонемент в Петровских линиях, который был создан на базе книжного магазина Лидерта. И было, кстати, в Москве две библиотеки иностранной литературы: одна, которую создала Рудомино, другая — Библиотека имени Кропоткина, в конце 1920-х годов их соединили вместе под эгидой Маргариты Ивановны. И поэтому, когда, скажем, создавался Дом русского зарубежья, туда был включен еще и книжный магазин; в состав Дома, уже по опыту Иностранки, вошел довольно мощный исследовательский научный отдел. То есть здесь синтез, с одной стороны, работ моих чисто диссертационных, с другой стороны, опыт работы в Иностранке и музеях, и поэтому сейчас Дом русского зарубежья представляет собой структуру, состоящую из большого научного отдела, где работают хорошие специалисты, некоторые даже лучшие специалисты в сво-

их областях, занимающиеся русским зарубежьем, из музея, архива, библиотеки, плюс киностудия, издательство, уже упомянутый книжный магазин.

Я думаю, Вас уже много раз спрашивали об этом, тем не менее позвольте еще раз попросить Вас рассказать, что называется «в капсульной форме», как у Вас появилась идея создать Дом русского зарубежья.

Пусть к созданию Дома занял несколько лет. Началось все в 1987 году, когда в горбачевскую эпоху начались выборы. Меня выбрали заведующим сектором выставочной работы Иностранки. В план я поставил проведение выставок издательств «УМСА-Press», «Ардис», «Жизнь с Богом». Как известно, идеи такого плана появляются не у одного человека. В один из дней приехали руководители издательства «Книжная палата», которые сказали, что на Московской книжной выставке к ним подошел Лев Регельсон и предложил организовать выставку «УМСА-Press». Они ищут площадку, а у нас все уже в плане стоит. Мы объединили усилия, привлекли в качестве спонсора издательство «Художественная литература». 17 сентября 1990 года в Москве открылась первая выставка «УМСА-Press». То, что она состоялась, было чудо. Представляете, сентябрь 1990 года. КГБ возглавляет Крючков. Я узнал позже, что на таможне был огромный скандал, что в итоге они, таможенники, все-таки пропустили книги. А ведь пропустили не только выставочные книги: Никита Алексеевич Струве привез еще сорок тысяч книг для продажи.

Сорок тысяч?!

Да. Мы договорились так, что будет выставка, где «УМСА-Press» представит весь свой имеющийся репертуар начиная с 1920-х годов, плюс будет работать читальный зал, плюс будет устроена продажа.

То есть все, как с теми магазинами, которые здесь торговали?

Да-да, то есть все это идет еще с дореволюционной поры. Тот опыт мы использовали в нашей работе. Получилась потрясающая вещь... Выставку запланировали на 17 сентября, в начале сентября был убит отец Александр Мень, как раз была назначена встреча Никиты Алексеевича Струве с отцом Александром... Тяжелейшая была ситуация... В один из дней, за несколько дней до убийства, я был в кабинете у Екатерины Юрьевны Гениевой, она была заместителем директора Иностранки. Кабинет ее выходил на площадь перед зданием библиотеки...

Кто был директором?

Вячеслав Всеволодович Иванов. ...Картина потрясающая: едет московское желтое такси, «Волга», а за ним огромный грузовик. Французский водитель решил на московскую таможню не ехать, а направился прямо в Библиотеку иностранной литературы. Он нанял таксиста. Таксист ехал впереди, показывал дорогу, а водитель за ним. Я тогда успел получить лицензию на ввоз литературы. Лицензии выдавал Государственный комитет СССР по печати. Лицензию подписал Дмитрий Федорович Мамлеев, взял на себя такую ответственность. На следующий день, в субботу мы с Екатериной Юрьевной поехали вдвоем на таможню. Таможня тогда находилась на площади трех вокзалов и представляла собой иное учреждение, чем в постсоветские годы. Мы туда пришли. Сидят два дежурных таможенника. Оба скучают. Один пен-

сионного возраста, другой — молодой. Мы говорим, что вот выставка, есть оргкомитет, в состав которого входит Ельцин (Ельцина мы включили в комитет заочно), Лихачев, министр культуры Губенко, патриарх... Услышав такие имена, старший таможенник начинает суетиться, звонить по домашним телефонам своему начальству, чтобы получить команду. Ему не везет. За окном отличная погода. Никого нет.

Суббота!

Да, все на дачах. Никто не отвечает. Младший таможенник канючит, ему надоело здесь сидеть: «Давай я поеду!» Старший сдаётся. Мы на метро едем к Иностранке. По дороге выясняем, что у таможенника накануне было большое событие — сыну исполнилось пять лет. Приходим в Иностранку, в кабинет директора, предлагаем ему отметить пятилетие сына здесь. Он с удовольствием соглашается. Пьем ивановский коньяк... Выдаю тайну спустя двадцать четыре года.

А Вячеслава Всеволодовича нет на месте?

Нет. Он лекции читает. В Стэнфорде или еще где. Вообще, он появлялся нечасто в Иностранке. После чего таможенник подходит к машине, снимает пломбы, которые поставили на машину на границе. Распахивает дверцы. Там стоят палеты, на которых «Красное Колесо» Солженицына, Бердяев, Цветаева, весь имковский репертуар. Он говорит: «Да я уже много видел этих книжек таких». (*Смеется.*) Берет бумаги, ставит печать «Выпуск разрешен». После этого начался настоящий праздник. В читальный зал стояла очередь на освободившееся место. Очередь стояла в книжный магазин. По советским правилам от организаций приходили просьбы продать книги по безналичному расчету. Было довольно забавно, когда мы получали заявки и от Духовной академии в Сергиевом Посаде, и от Политиздата. Словом, все хотели купить книги «УМСА-Press». В конце сентября, когда Струве улетал, я предложил ему подписать два договора. Один — о проведении выставок в других городах Советского Союза, другой — о создании постоянно действующего читального зала литературы русского зарубежья в Библиотеке иностранной литературы. Такой зал был создан, на месте профессорского зала. Было создано совместно с «УМСА-Press» в 1991 году, еще до августовского путча, издательство «Русский путь». Мы стали проводить выставки. В марте 91-го прошла выставка «УМСА-Press» в Ленинграде, в Музее-квартире А.С. Пушкина на Мойке. На выставку патриарх прислал делегацию во главе с митрополитом Владимиром, позже Киевским. Принимал участие в открытии выставки и Анатолий Собчак... Затем был Киев. Еще в начале августа 1991 года Киев выглядел очень советским. У директора Библиотеки Академии наук в кабинете в углу стояло красное знамя, над столом висел портрет Ленина. Все говорили по-русски. Приезжаем в сентябре. В кабинете директора на столе стоит трезубец. Секретарша уже говорит по-украински. А потом... Потом в Иностранке по разным причинам нам стало тесно. И тогда появилась идея создать отдельный Дом. С этой идеей я пришел к начальнику управления культуры ЦАО Москвы Р. Р. Крылову-Иодко. Он говорит: «Идея хорошая, но денег нет». Это была осень 1993 года. Говорю: «В Центральном округе около пятидесяти библиотек. Возьмите одного из директоров, повысьте его, чтобы он не обижался, а меня

назначьте на его место. Оставьте тот бюджет, который есть, предоставьте право юридического лица». Идея была поддержана. Как всегда, помог Никита Алексеевич Струве — об этой просьбе он написал в Вермонт Солженицыным. А дальше ключевую роль сыграли Солженицыны. В 1995 году Ю.М. Лужков, много помогавший, передал нам филиал № 17 ЦБС № 5 ЦАО. Это была самая плохая библиотека в Центральном округе. Два из четырех этажей сдавались в аренду. Библиотека представляла собой жалкое зрелище. Количество сотрудников — четыре человека, включая заведующего. Плюс уборщица на полставки.

Кто были первыми сотрудниками библиотеки?

Одна из них, Роза Константиновна Китаева, работает по сию пору здесь. Другие изначально не приняли идею о создании Дома. А еще включились местные коммунисты, которые писали письма во все инстанции, президенту Ельцину, министру культуры Сидорову, Лужкову. Протестовали против создания Дома. Собрали собрание, где звучали такие слова: «Ваши эмигранты богатые, пусть они построят где-нибудь отдельное здание. Ваш Бердяев с Ильиным и Деникиным нам не нужны». Надо отдать должное префекту ЦАО Александру Ильичу Музыкантскому, Олегу Витальевичу Беликову, Ромуальду Ромуальдовичу Крылову-Иодко, которые помогли нам. Вот так мы начали работать. Потом все стало постепенно развиваться. 7 декабря 1995 года мы открыли Библиотеку-фонд «Русское Зарубежье», позже, в 2009 году, переименованную в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

То есть днем рождения следует считать 7 декабря?

Да. Хотя постановление было подписано в июле, но реально мы открылись в декабре. В открытии приняли участие Александр Исаевич Солженицын, Никита Алексеевич Струве, митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл, посол Франции Пьер Морель, Владимир Петрович Лукин, который был одним из руководителей партии «Яблоко», он возглавлял комитет по международным делам Государственной думы.

Известно имя первого читателя библиотеки?

Дело в том, что мы 17-ю библиотеку не закрывали. Она так и продолжала работать. Поэтому мы ничего не меняли. Тем паче я обещал читателям старой библиотеки, что фонд будет сохранен, что любой пенсионер может прийти почитать популярную газету или журнал, а школьники могут прийти взять литературу по школьной программе. И мы по сей день держим этот абонемент. Понятно, что там нет макулатуры, есть хорошие книги, и к нам до сих пор ходят местные жители, которые читают интересную им литературу. Вот так все начиналось.

Кого персонально из людей диаспоры, из русских эмигрантов Вы помните особо? Кто запечатлелся в Вашем сердце? Что это были за люди?

Трудно выделить кого-то отдельно. Было очень много эпизодов... В 1990-х годах в один из дней приходит Владимир Драшусов из Бельгии, приносит свои «Воспоминания». Интереснейшие воспоминания. В 1939 году он оканчивает университет в Бельгии по специальности «агроном». Работы нет. В Европе начинается война. Он уезжает работать в Африку, в Бельгийское Конго. Занимается там

развитием сельского хозяйства. В Европе русским получить работу было тяжело. У кого-то не было гражданства, у кого-то был просто нансеновский паспорт, кого-то просто не брали. Администрация Бельгийского Конго состояла в значительной части из русских. На совещаниях колониальной администрации, когда не было бельгийцев, рабочим языком был русский.

Гениально! (Смеется.)

Другой был интереснейший эпизод. Звонит охрана: «К Вам гость из Австралии». Принимаем его. Это был Александр Жилинский. Он: «Мимо шел. Смотрю — “Русское зарубежье”. Захожу. Хотя мне нужен Исторический музей. Ищу. Я первый раз в Москве. Не подскажете где?» Я показал ему Дом, сказал, что Исторический музей находится на Красной площади. После этого он говорит: «Знаете, нет, в Исторический музей я не пойду. У меня поручение — передать Вам реликвию». Передает большой фрагмент шерстяного одеяла, которое дочери Николая II связали в подарок царевичу Алексею. Это одеяло было найдено в доме Ипатьева генералом М.К. Дитерихсом, потом было передано сестре императора великой княгине Ксении Александровне в Лондоне. Незадолго до смерти она его передала с другими реликвиями своему духовнику отцу Николаю Успенскому. Отец Николай Успенский потом уехал в Австралию. Дочь отца Николая решила передать это в Россию. Вместе с фотографиями, которые подтверждают подлинность этой реликвии, часть одеяла была передана в Екатеринбург, в храм, который был построен на месте Ипатьевского дома, на месте расстрела, а часть была передана нам. Вот такой эпизод. Очень долго можно рассказывать о нашем Доме. Он начался в 1995 году с дара Струве, с коллекции книг и документов «УМСА-Press». В 1996 году Солженицыны передали более 700 воспоминаний «Всероссийской мемуарной библиотеки», которую Александр Исаевич собрал, обратившись дважды к русским, живущим на Западе, с призывом присылать воспоминания, с обязательством, что после падения большевизма они будут переданы в один из городов Центральной России. Вместе с мемуарами людей, живших при советской власти, эти мемуары составят сгусток народной памяти о событиях XX века. Сейчас у нас более двух с половиной тысяч дарителей. Дом создан благодаря дарам русских людей из разных стран мира. География наша — это география всего русского рассеяния.

За двадцать лет существования пройден огромный путь, и директор любого учреждения — научно-исследовательского, культурного и т. д. — он, конечно, своего рода капитан на корабле. На корабле не бывает демократии. Демократия может быть в парламенте, но на корабле капитан решает, как должны быть расставлены силы, и Вы эти силы расставляли и расставляете. Естественно, корабль должен двигаться вперед, капитан должен от чего-то отказываться на своем пути. Он с чем-то растается. Вам как руководителю приходилось за двадцать лет расставаться?

Знаете, изначально я ставил перед собой простую задачу, но в то же время в какой-то степени амбициозную — я хотел собрать лучших специалистов в области русского зарубежья здесь, на Таганке, под нашей крышей. Действительно, в значительной степени это удалось. От услуг некоторых пришлось отказаться, потому

что они прекрасные специалисты в своей области, но они работали на себя, без учета интересов Дома. И это печально, что были такие истории, потому что специалисты действительно первоклассные. Это, пожалуй, одно из моих разочарований.

Никакой директор-капитан не может руководить в одиночку. Какова структура Дома русского зарубежья. Какова опора?

Всегда можно опираться на людей, в любом деле. Есть хорошая команда. Есть профессионалы, которые возглавляют научные подразделения. Есть заместитель директора по научной работе доктор исторических наук Наталия Федоровна Гриценко, один из блестящих специалистов по русской истории рубежа XIX–XX веков.

Составитель «Ежегодника Дома русского зарубежья»!

Да, она ответственный редактор, составитель этого издания. Есть научные отделы, которые возглавляют отличные специалисты: Олег Анатольевич Коростелев¹, Марина Юрьевна Сорокина, Татьяна Вячеславовна Марченко. Это сильные специалисты в своих областях. Марченко занимается Буниным, Сорокина — историей русского зарубежья, Коростелев — литературой в широком смысле. Они ведут свои направления. У них есть сотрудники, которые составляют их команду. У них почти полная свобода в подборе людей, поэтому отделы сформированы с учетом их рекомендаций, по их видению работы.

А издательство? Во внешнем мире люди судят по книгам.

Да, по изданиям, по продукции киностудии, по выставкам, которые мы проводим. Издательство «Русский путь» старше Дома. Думаю, если бы не было издательства, то не было бы и Дома. Когда принималось решение о создании Дома, то серьезным аргументом было то, что издательство занималось не только изданием книг, но и организацией выставок в разных городах страны. К 1995 году было больше сорока выставок. Дом было легче создавать, так как все уже знали, что за этим проектом уже есть некоторое информационное поле и стоит четыре года деятельности. Издательство изначально было филиалом «УМСА-Press». В определенной степени таковым оно остается и сейчас, потому что главный редактор «Русского пути» — Никита Алексеевич Струве². Это уникальный случай, когда деятельность эмигрантского издательства достаточно успешно была перенесена в Россию. Не только перенесена, но и развита, потому что целый ряд проектов «УМСА-Press» был перенесен сюда. Это и серия «Наше недавнее. Всероссийская мемуарная библиотека». Это и издание серии «Исследования новейшей русской истории» под редакцией Александра Исаевича Солженицына. Какие-то проекты были в издательском портфеле «УМСА-Press», а осуществлены были уже здесь. Плюс еще не только авторы русского зарубежья, но и авторы из России. У нас в общей сложности за эти годы вышло больше пятисот книг. Понятно, что тиражи были разные. Могу с гордостью сказать, что макулатуру мы не выпускали. За деньгами не гнались.

¹ Олег Анатольевич Коростелев (1959–2020) возглавлял научно-исследовательский отдел истории литературы и печатного дела с 2004 по 2017 г. — *Ред.*

² Никита Алексеевич Струве (1931–2016) возглавлял издательство «Русский путь» до своей смерти. — *Ред.*

Могу только подтвердить! Как благодарный читатель, могу только подтвердить! Виктор Александрович, у человека, который занимает Ваш пост, который возглавляет такое многообразное учреждение, рабочий кабинет весь в книгах. А в Вашей личной, домашней библиотеке есть эмигрантские книги?

Да, конечно! Есть книги, которые лично мне дарили разные люди как в России, так и за рубежом, и авторы в том числе; есть книги «Русского пути».

А вот когда у Вас есть свободный часок что-то полистать, с книгой полежать на диване, посидеть в кресле, Вы какую предпочтете?

Вы знаете, когда появляется время, чаще беру рукопись, которая готовится к печати или которую предложили к печати и нужно посмотреть, почитать. «Просто так» времени мало, для души удастся почитать чаще всего только в поездках. Книги очень разные. Выделять что-то я бы не стал. Как правило, чтение подчинено интересам издательства.

Я понимаю, что у нас идет вполне благостный разговор, это совершенно нормально, пока мы остаемся в системе координат русского зарубежья, изучения этой тематики, проблем русского зарубежья, русской диаспоры. И все-таки, если учесть другие оси координат, с какими проблемами сталкивается изучение русского зарубежья сейчас? Когда уже все не внове, когда уже двадцать лет прошло — когда общественность, интеллигенция все читает и изучает, когда уже нет привкуса экзотики в изучении этого. (Для специалиста, конечно, все внове, все экзотика.) Вы — менеджер, директор. Вы видите то, что делается в целом, общую картину происходящего. Вот на уровне этой общей картины — с какими проблемами сталкивается изучение русского зарубежья?

Главная проблема сейчас — финансовая. Ведь очень важно, изучив тему, представить труд на суд общественности, то есть издать его. Других особенных проблем не было. Как это ни удивительно! Тут мы говорим о том, что Россия очень свободная страна, то есть нашему издательству двадцать три года, идет двадцать четвертый, и единственный эпизод давления на издательство (не было ни одного звонка за все время, чтобы что-то не то напечатали) был в 1998 году, когда вышла «Россия в обвале» в нашем издательстве.

Маленькая книжка Солженицына.

Да, Солженицына. В тот день, когда привезли тираж, вдруг появилась налоговая полиция. С совершенно надуманными претензиями. Явно липовыми, вымышленными из пальца: якобы не заплатили деньги за книжный склад. Деньги были проплачены, все было оплачено сполна, как положено. Я сказал проверяющему: «Вас интересует эта книжка? Вы опоздали — очередь стоит в магазине».

А Вы догадались? (Смеется.)

Ну конечно! За пару недель до того по тогдашнему российскому телевидению показывали сюжет: Коржаков написал воспоминания о Ельцине и сумел выпустить в свет, хотя разные типографии отказывались печатать. И когда книга была напечатана, явилась налоговая полиция. Калька — один в один... И здесь я говорю: «Ребята, поздно, книжка уже в магазине, стоит очередь, журналисты, сей-

час буду давать интервью. Опоздали». А мы действительно книжку печатали без предварительной рекламы.

И все? Больше не было претензий к оплате склада? (Смеется.)

Уехал, потом позвонил: «Привезите такие-то бумаги!» Им привезли платежки. Поэтому, скажем, какого-то политического давления внешнего я никогда — ни как руководитель Дома русского зарубежья, ни как директор издательства, ни как учредитель киностудии — никогда не испытывал, кроме этого эпизода.

Это — «телесный низ», а «духовный верх», если можно? Каковы проблемы изучения и перспективы изучения духовного наследия? Какова интеллектуальная проблема наследия русского зарубежья? Что нас ждет? Куда плывем?

Куда плывем? Очень много освоено: тут уже «вершинные» работы опубликованы — авторы первого ряда уже вышли в России. Но ведь русское зарубежье — это айсберг. Если «вершинная» часть известна, то другая, «глубинная», совершенно неизвестна. А задача историков, филологов и других специалистов — изучить русское зарубежье во всей его полноте и глубине. Поэтому здесь, с одной стороны — работа с наследием менее известных авторов. Некоторые из них совершенно неизвестны. Например, то, что я предложил несколько лет назад и мы стали делать вместе со Страсбургским университетом: помимо авторов, которые писали по-русски, немало русских начали писать на других языках (помимо Набокова, Набокова-то все хорошо знают). Но мы стали заниматься большим количеством людей — авторами, которые писали на разных европейских языках. Провели семинар. Были интереснейшие доклады, интереснейшие выступления. Только во Франции около пятидесяти русских авторов писали по-французски. Например, Артюр Адамов — известный французский драматург русско-армянского происхождения, родившийся в Кисловодске, затем живший в Баку, отец его был крупный промышленник.

Анри Труайя? Эль-Банин?

Да, Анри Труайя (Тарасов) — уроженец Москвы, его архив теперь находится в РГАЛИ. Кстати, кто писал по-английски, мы еще мало знаем. Неизвестная часть русского зарубежья! По крайней мере, недостаточно известная. И Умм эль-Бану (Банин) тоже. Или Винавер — известнейший современный писатель Франции, внук одного из лидеров партии кадетов Максима Моисеевича Винавера. Да! Какой пласт! Направление интересное! Или Морис Дрюон, вечер которого мы здесь устраивали. Он вспоминал русские песни, которые слышал в детстве.

Песню Анны Марли? (Смеется.)

Анна Марли... Мы устраивали посвященную ей выставку, издали книгу. Я с ней по телефону разговаривал — потрясающе!

Так в чем же секрет, по Вашему мнению, неисчерпаемости русского зарубежья? Очень распространенный банальный, затасканный образ — образ Атлантиды. Все говорят: «Атлантида, Атлантида!» Но Атлантида — это остров, как мы

знаем по Платону. Она конечна. А вот русское зарубежье? И Вы об этом знаете, и я в этом убежден, что русское зарубежье бесконечно. В чем загадка этой бесконечности?

Ну, загадка в самом деле очень проста — политическая история России XX и начала XXI века. Количество людей, говорящих по-русски, думающих по-русски. Здесь, кстати, есть один момент — мы называемся Домом *русского* зарубежья, но тут под словом «русское» мы имеем в виду людей разных национальностей, связанных корнями с Россией.

Российское, то есть.

Да, подразумеваем людей, которых объединяет русский язык, культура. Нам интересны люди разных национальностей и конфессиональных принадлежностей. Русское зарубежье развивается в разных странах мира в связи с материковой Россией. Эта связь подпитывается людьми современной России, эмиграцией 1990–2010-х годов. Русское зарубежье стало огромным из-за развала Советского Союза. Потому что русское зарубежье — это не только Франция и Соединенные Штаты, это и Казахстан, и Украина, и Грузия, Армения, Белоруссия. Никто точно не знает, но, по грубым подсчетам, это порядка тридцати — тридцати пяти миллионов человек.

Вы хотите сказать, если я Вас правильно понимаю, что у метрополии и диаспоры — у России и эмиграции — корни общие? «Грибницы» пересекаются где-то глубоко под землей и взаимно питают друг друга?

Абсолютно верно!

И поэтому одна русская литература или две русские литературы — не имеет значения! Считай «одна», считай «две»!

Как угодно!

Как тебе нравится! Самое главное — общая «грибница».

Считай — один ствол с разными ветвями, считай — два ствола одного дерева, как тебе нравится! Корень один! Иногда происходят потрясающие вещи: например, известный французский политический деятель Филипп де Вилье решил свои знаменитые парки в Вандее воссоздавать в России. Почему? Потому что у него русские корни. Помимо того что он маркиз де Вилье, он потомок того самого знаменитого московского генерал-губернатора графа Федора Ростопчина, его дочери, графини де Сегюр — известной французской писательницы XIX века. Вот прошло сто пятьдесят лет, а генетическая память дает о себе знать, ну, помимо, конечно, коммерческого интереса.

И последний вопрос, Виктор Александрович! Приходит к Вам совсем маленький мальчик и говорит: «Дядя Витя, вот все говорят “русское зарубежье”, “русская эмиграция”. А что это такое?»

Это вторая Россия. Другая Россия, Россия вне границ.

Вот тут мальчик напрягается и говорит: «Это как понимать? Это что значит?»

Это русское рассеяние — русские люди, которые живут за пределами государственных границ своего отечества.

Есть ли у них что-то общее, у этих русских? Они друг друга понимают?

Понимают не всегда, но общее у них есть — русский язык, самосознание, ощущение принадлежности к одной культуре. Они не всегда понимают друг друга, поскольку придерживаются разных взглядов: политических, религиозных, разных взглядов на события, что особенно актуально сейчас. Но у них один генетический корень, один генетический код, основанный на Великой Русской Культуре.

А бывает у Вас такое ощущение, когда Вы едете в стеклянном, совершенно «аквариумном» лифте Дома снизу вверх или сверху вниз, что Вы собрали в этом странном стеклянном здании, полупрозрачном, все толици, все слои русской зарубежной культуры? Есть ощущение «объединительности» Дома русского зарубежья?

Да, конечно! Потому что все-таки в будущем году нам двадцать лет и нам удалось многое сделать: прежде всего, собрать огромный фонд, собрать большие силы, которые занимаются изучением духовного наследия эмиграции, и, главное, сделать это наследие достоянием России. Мы, среди прочего, предостерегаем современную Россию от катастрофы, которая случилась с нашей родиной тогда. Ну, и продолжение ответа: незадолго до своей отставки здесь был у нас в июне 2010 года Юрий Михайлович Лужков. И когда я его провожал, он сказал: «Я вот многое сумел сделать, но то, что появился этот Дом, — я хочу повторить следом за Никитой Струве — это чудо!» А это Струве ему говорил на открытии нового здания Дома в 2005 году. Пять лет Юрий Михайлович об этом помнил и потом повторил: «То, что случилось на Таганке, — это чудо!» И это действительно — ощущение чуда. Так что, начиная нашу беседу, мы как раз говорили о том, как это оказалось возможно. Ну, конечно, в 1970–80-х годах трудно было предположить, что такое может случиться. А вот на исходе XX века это оказалось возможным.

В России надо жить долго!

Но то, что случилось — из области чудес.

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М.Ю. Сорокина

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

15 мая 2020 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялся международный круглый стол «Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны» (в онлайн-режиме), посвященный 75-летию Великой Победы во Второй мировой войне. В нем приняли участие исследователи из ведущих российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских институтов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск), Южно-Российского института управления РАНХиГС (Ростов-на-Дону), Института новейшей истории Сербии (Белград), Института политических исследований Польской академии наук (Варшава) и др.), зарубежные соотечественники, общественные деятели, гражданские активисты из многих стран Европы.

Круглый стол продолжил традицию обсуждения истории европейского Сопротивления и участия в нем представителей русского зарубежья, которая в течение последних десятилетий активно развивается в рамках научно-исследовательских и историко-просветительских программ Дома русского зарубежья. Так, в частности, в 2015 г. ДРЗ выступил с инициативой проведения международной научной конференции «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом», ставшей первым в истории современной России и российской науки форумом, специально посвященным этой проблематике.

В XX столетии и сама русская эмиграция, и историки, работавшие в СССР, немало сделали для изучения и сохранения памяти о русских и советских участниках европейского движения Сопротивления. Так, первый литературный памятник — небольшая брошюра замечательного писателя русского зарубежья Гайто Газданова «Je m'engage à défendre» («Я защищаю») была издана в Париже уже в 1946 г. Чуть позже, в 1947 г., активные участники французского Сопротивления Софья Носович и Игорь Кривошеин опубликовали воспоминания о своей соратнице, гильотинированной в берлинской тюрьме, Вики Оболенской [Кривошеин 1947], а в 1951 г. Владимир Варшавский в своей известной книге «Незамеченное поколение» посвятил русским резистантам целую главу со знаковым названием «Погибшие за идею».

В СССР первая научная статья, представляющая и анализирующая историю русского Сопротивления, появилась также сразу после окончания Второй мировой войны — в 1949 г. — и принадлежала перу эмигранта-возвращенца, а впло-

Афиша международного круглого стола

следствии известного историка М.М. Штранге [Штранге 1949]. С этого момента многочисленные исследования, описывавшие вклад и русских эмигрантов, и советских граждан, оказавшихся на оккупированных территориях европейских стран, в победу над гитлеровским и другими фашистскими режимами стали публиковаться постоянно. Достаточно напомнить, что список литературы «Участие советских людей в европейском движении Сопротивления», подготовленный Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, только за 1960–1975 гг. насчитывает 481 позицию [Участие 1975].

Советская историческая и художественная литература, подчеркивая многонациональный характер движения Сопротивления, его большой вклад в победу над нацизмом и жертвенность его участников, создавала в эти годы одновременно и позитивный образ соотечественника-«антифашиста»-героя, и образ интегрированности СССР в европейское пространство. Нередко приходится слышать, что эта литература отражала цели советской пропаганды и ее стремление поддержать левое коммунистическое движение в Европе. Однако это верно только частично. Ни советская историография, ни советская литература не были тотально подконтрольны партийным и цензурным органам и весьма часто выстраивали свою, параллельную официальной идеологической парадигме, художественную и документальную правду. Например, в Эстонии и на эстонском языке уже в 1959 г. появилась первая статья, посвященная Борису Вильде [Соколов 1959], а затем на протяжении всех 1960-х гг. регулярно публиковались материалы о нем, в том числе сокращенный перевод его знаменитого дневника за октябрь–ноябрь 1941 г. [Dialog 1964], а в 1968 г. был снят и документальный фильм.

В 1990-х гг. антифашистская тематика уступила место более актуальным для того времени историческим сюжетам, и ее возрождение связано прежде всего с работой Дома русского зарубежья и издательства «Русский путь» по увековечению

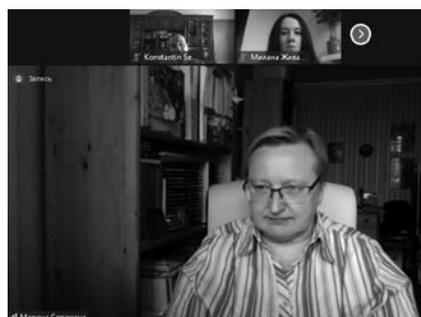
памяти соотечественников — участников Сопротивления. Вместе с Российским историческим обществом и другими партнерскими организациями ими был реализован международный научный проект «Русские в европейском Сопротивлении», проведены многочисленные выставки и научно-просветительские конференции, изданы книги, началась работа историко-просветительского семинара ДРЗ «Русские в европейском Сопротивлении».

Эта практика отражала тот огромный интерес к проблемам исторической памяти, который существует сегодня. Действительно, историческая память как такая форма коллективного сознания, которая формирует коллективную идентичность в ее отношении к значимому для нее прошлому, становится одним из самых актуальных политических и геополитических факторов современной жизни. Тем более важным, что процесс декоммунизации стран Восточной Европы и поиска ими своего нового места в общеевропейском пространстве оказался прямо связан с пересмотром базового исторического нарратива этих стран, в том числе итогов Второй мировой войны. Память о войне рассматривается в этих нарративах прежде всего как травматический и/или травмирующий опыт. В свою очередь сам термин «Сопротивление», историческое содержание которого еще недавно казалось очевидным и синонимичным антифашизму, подвергается переосмыслению и часто употребляется в совершенно иных смыслах.

Именно поэтому программа круглого стола «Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны» (организатор и модератор М.Ю. Сорокина) была построена так, чтобы расширить традиционные представления об истории и географии движения Сопротивления, которое в большинстве случаев ассоциируется с Францией, и представить новые события и имена антифашистов.

Возможности zoom-конференции, которую открыл директор ДРЗ В.А. Москвин, позволили подключиться к круглому столу более 70 участникам из многих стран мира. Никита Игоревич и Ксения Игоревна Кривошеины (Париж, Франция) напомнили о том, как поначалу неоднозначно воспринималась гитлеровская агрессия в среде русской эмиграции и как в конечном итоге значительная часть русских эмигрантов «встала на путь Сопротивления и надежды на победу России», в их числе и мать Мария (Скобцова), о которой К.И. Кривошеина написала несколько книг.

Об особенностях движения Сопротивления в Югославии и трагической судьбе его участников в послевоенные годы рассказала научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград) Милана Живанович; о русских эмигрантах в польском подполье — докторант Института политических исследований Польской академии наук Хуберт Куберский; о Норвегии, где в годы войны было много лагерей для советских военнопленных, которым местные жители помогали бе-

Модератор круглого стола
М.Ю. Сорокина

*Хуберт Куберский
(Польша)*

Почетный президент туринского общества «Русский мир» Анна Роберти рассказала, как в Италии сохраняется память о русских военнопленных — участниках партизанского движения в этой стране. Автор книги о советских партизанах в Италии Массимо Эккли поделился результатами своих изысканий в российских архивах, а Михаил Талалай, живущий в Италии, сфокусировал свое выступление на истории римского антифашистского подполья и эволюции взглядов русских аристократических эмигрантских семейств от антикоммунизма до патриотической позиции «Мы не белые и не красные, мы — русские».

Профессор Венского университета Федор Поляков представил новый источник, раскрывающий совершенно неизвестные страницы эмигрантской биографии

*Президент Ассоциации соотечественников «Memoire russe» (Франция)
Сергей Дыбов*

жать и вливаться в ряды Сопротивления, — доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия) Марина Паникар; о невероятной судьбе историка Г.Г. Баумана, участника движения Сопротивления в Нидерландах, поведал профессор С.А. Кислицын. Алексей Сосинский, потомок известной семьи Сосинских — Черновых, напомнил о привлечении советских военнопленных в диверсионную группу русских эмигрантов на острове Олерон во Франции, а эту интересную тему раскрыл в своем докладе Степан Решетников (Москва, РГГУ).

Вики Оболенской; доктор филологических наук Анастасия Гачева посвятила свое выступление взглядам евразийца Константина Чхеидзе. Президент Ассоциации соотечественников «Memoire russe» (Франция) Сергей Дыбов рассказал о российских кавалерах французского ордена Освобождения; ведущий научный сотрудник ДРЗ Наталья Масоликова — о неординарной судьбе выдающегося русско-французского микробиолога Ильи Вольмана; преподаватель Санкт-Петербургского университета Наталья Турыгина рассмотрела место писателя и мыслителя, участника движения Сопротивления А.М. Агафонова-Глянцева в национальной

памяти России, Франции, Германии; ведущий научный сотрудник ДРЗ Михаил Горинев-мл. рассказал о непростой судьбе участника антифашистской борьбы во Франции Н.Н. Роллера, кандидат исторических наук Алексей Вовк — о движении Сопротивления во французской провинции, и в частности о случае эмигранта Георгия Шеметилло; старший научный сотрудник ДРЗ Константин Семенов — об

Александре Угримове и его антифашистской группе. Ведущий научный сотрудник ДРЗ Наталья Ликвинцева на богатых архивных материалах исследовала дела милосердия в оккупированном Париже.

Участники Международного круглого стола пришли к единодушному мнению, что для дальнейшего развития исследовательской программы по изучению русского участия в европейском Сопротивлении в годы Второй мировой войны необходима интернационализация усилий и создание общеевропейского научно-исследовательского проекта.

Полный текст выступлений участников Международного круглого стола можно посмотреть и послушать на официальном сайте Дома русского зарубежья: https://www.domrz.ru/press/news/20082_mezhdunarodnyy_kruglyy_stol_russkaya_emigratsiya_i_dvizhenie_soprotivleniya_v_gody_vtoroy_mirovoy_vo/?sphrase_id=7292.

Литература

- Кривошеин 1947 — *Кривошеин И.* Русские участники Сопротивления во Франции // Новое селъе (Нью-Йорк). 1947. № 35/36. С. 91–101 (то же: Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции (Париж). 1947. № 1).
- Соколов 1959 — *Соколов А.* Lugu minu koolivennast // Kirjanduse sirvilauad. 1959. С. 309–312. (эст.)
- Участие 1975 — Участие советских людей в европейском движении Сопротивления (список лит. за 1960–1975 гг.) / сост. М.А. Яковлева; ГПБ, Справ.-библиогр. архив. [Л.], 1975.
- Штранге 1949 — *Штранге М.М.* Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941–1944 годах // Вопросы истории. 1949. № 8.
- Dialoog 1964 — Dialoog vanglas: (дневник Бориса Вильде, октябрь–ноябрь 1941) / сокp. пер. на эст. В. Адамса // Looming. 1964. № 8. Lk. 1206–1212. (эст.)

Ф.Б. Поляков

РАННИЕ ГОДЫ ВЕРЫ МАКАРОВОЙ
(КНЯГИНИ ВИКИ ОБОЛЕНСКОЙ)
В ВОСПОМИНАНИЯХ А.В. ИСАЧЕНКО

Труды выдающегося лингвиста, специалиста по русскому и словенскому языкам, участника Пражского лингвистического кружка Александра Васильевича Исаченко (21 декабря 1910 / 3 января 1911, С.-Петербург — 19 марта 1978, Klagenfurt) получили еще прижизненное признание, а его деятельность повлияла на традиции академической славистики в современных Австрии, Чехии, Словакии, Словении [Дюрович 1996; Зимек 1996; Брглез, Селяк 2008; Щипанская 2008; Дерганц 2012; Элиаш 2012; Ďurovič 1996; Harbuľová 2001; Ďurovič 2004; Brglez, Seljak 2007; Eliáš, Matejko 2011; Zajc 2015]. Его имя также появляется в контекстах изучения истории и культуры эмиграции, а также на пересечении раннего евразийства с типологическими исследованиями сформулированной князем Н.С. Трубецким идеи языковых союзов [Томан 1994; Poljakov 2005].

Профессиональная карьера Исаченко связана с постоянными перемещениями, сменой стран и университетов [Российское научное зарубежье 2011, с. 311–312]. Однако, несмотря на некоторое внешнее благополучие и даже *fortune*, она протекала в сложных обстоятельствах — и по политическим, и по эмоциональным причинам. Ему посчастливилось уйти от преследования гестапо в Вене в 1938 г.; он работал в Люблянском университете на доцентуре, пережил войну в Словакии, занимал руководящие должности в академических учреждениях Чехословакии и ГДР. Неудивительно, что его профессиональное общение не было ограничено поездками в СССР¹. Уже в первой половине 1960-х гг. он многократно бывал в европейских университетах, в том числе в Упсале, Гётеборге, Осло, Лондоне, Париже, Нанси. В 1965 г. Исаченко переехал из Восточного Берлина в Прагу, а в 1967 г. получил возможность провести год на гостевых профессурах в Лос-Анджелесе (UCLA), Анн-Арборе (University of Michigan) и Нью-Хейвене (Yale University) — т. е. не только получил приглашения из-за океана, но и соответствующее разрешение чехословацких инстанций на такую (сказочную для социалистического лагеря) командировку. В августе 1968 г., во время ввода войск Варшавского договора находясь в отпуске по другую сторону железного занавеса от Праги, в Клагенфурте, Исаченко принял решение не возвращаться в Чехословакию, что в очередной раз означало перемену жизненного уклада (и потребовало

¹ Приводимые далее сведения о поездках А.В. Исаченко — это далеко не полный их перечень, содержащийся в curriculum vitae 1970-х гг. (личный архив В.А. Кюнелът-Леддин, Вена).

организовать спасение своей библиотеки, впоследствии ожидавшей его в Вене)². Вскоре он занял профессию в UCLA, где находился до 1971 г., после чего переехал обратно в Клагенфурт, создав там Институт славистики и став впоследствии проректором новооткрытого университета (Alpen-Adria Universität). Разумеется, бегство из социалистического лагеря в Калифорнию послужило причиной запрета ссылок на труды Исаченко и на упоминание его имени³.

Именно в Клагенфурте, возвратившись на круги своя, в места, где отчасти прошли его школьные годы, А.В. Исаченко и обратился к работе над воспоминаниями, которые были озаглавлены «Жизнь прожить». Их замысел имел одну особенность — рассказ о семье и о своих корнях сталкивался с невозможностью полноценной документальной реконструкции из-за утраты множества материальных знаков памяти. Поэтому, несмотря на то что в повествовании о своем отце и особенно о деде Исаченко все-таки не удастся ограничиться только собственными воспоминаниями (что побуждало его, в частности, собирать материалы для семейной истории среди своих родственников в СССР), он обосновывает механизм своей повествовательной композиции следующим образом:

В нашей семье никто никогда ничего не записывал, не сохранял писем, не вел дневников. Откладывались исключительно фотографии да отдельные документы. Многочисленные бегства, переезды из страны в страну, революции и войны уничтожили и то немногое, что могло бы послужить материалом для этих записок. Зажигательные бомбы, сброшенные на Берлин, уничтожили все личные сувениры моей матери. Хранившиеся у меня отдельные письма отца остались в оккупированной русскими Праге. В своих репортажах о событиях, отделенных от нас полвеком и больше, я всецело должен был положиться на память — зрительную, вкусовую, музыкальную, память запахов и настроений, память боли и радости.

Я знаю, что сейчас уже невозможно отделить воспоминания о фактически происшедшем от семейной легенды, рассказов взрослых. Да это и не важно: единственно реальным лично для меня является лишь то, что хранится в моем сознании. Источники — второстепенный вопрос. В этом смысле жизнь

² По рассказу В.А. Кюнельт-Леддин (устное сообщение), в день начала оккупации Чехословакии, 21 августа 1968 г., она с мужем рано утром выехала из замка Crisberg в Каринтии, где их семья проводила каникулы, в Клагенфурт, чтобы утешить своего отца, попавшего, как им казалось, из-за оккупации Чехословакии в сложные обстоятельства, но, к их удивлению, он просто сиял от радости, предвкусывая начало новой жизни; позднее в его письмах к дочери из Лос-Анджелеса также не говорилось о сожалениях и утратах.

³ Ср.: «...открывая конференцию, посвященную памяти профессора А.В. Исаченко, мы возвращаем тот долг, который по отношению к Исаченко как ученому и человеку лежит на чехословацкой русистике и чехословацкой науке вообще с того самого дня, когда его научные труды были запрещены, когда его университетские и гимназические учебники были изъяты из употребления, когда само его имя было предано забвению. Проклятие это не было снято даже после его смерти в Клагенфурте 19 марта 1978 года. <...> труды Исаченко не только длительное время замалчивались, но <...> даже было запрещено их цитировать. Таким образом, по сути, одно или даже два поколения молодых чехословацких русистов практически были лишены возможности узнать, кем же был в действительности Исаченко, что же он такого особенного создал, что заставляет нас вновь и вновь обращаться к его трудам» [Дюрович 1996, с. 10; см. также: Нерознак, Сальников 1998, с. 969–970].

моя мне не представляется как документальный фильм; это фильм в полном смысле слова «художественный», его единственный режиссер — моя память⁴.

Кинематографическая метафора, которую использует Исаченко, подразумевает более сложную структуру текста, чем единичный зрительный образ (ср., например, заглавие воспоминаний Августы Даманской «На экране моей памяти»). Однако выразительные возможности кинематографа, различная техника совмещения повествования относимы как к достоверным, так и к художественно переосмысленным текстам. Так, рассказы участника французского Сопротивления журналиста Владимира Гессена оцениваются в предисловии к его книге Марком Алдановым как материал, который может быть воплощен «в романе с напряженной фабулой», притом что сомнений в достоверности этих рассказов не возникает; одновременно Алданов связывает представление о кинематографе также с фикциональным текстом: «И вполне возможно, что если б Достоевский дожил до кинематографа, то он писал бы и для экрана: слишком соблазнителен этот самый мощный из всех существующих способов морального воздействия на человечество» [Алданов 1951, с. 5]⁵. Таким образом, на основании этой формулировки можно подчеркнуть, что и по отношению к тексту Исаченко использованная им кинематографическая метафора прежде всего характеризует способы презентации различных кодов индивидуальной памяти («память запахов и настроений» и др.), что помогает противостоять утратам материальных свидетельств в исторических катастрофах. Однако в воспоминаниях Исаченко автору, привыкшему к историческому исследованию, порой бывает трудно подчиниться указаниям «режиссера» — своей памяти.

Завершить свои воспоминания А.В. Исаченко не успел, мы располагаем только несколькими фрагментами — тремя главами и началом четвертой главы, написанными по-русски, а также наброском по-немецки. Небольшие отрывки из воспоминаний Исаченко по оригиналу на русском языке были напечатаны в основном самим Исаченко в 1974 г. журнале «Russian Linguistics» его ближайшим учеником и другом Любомиром Дьюровичем, после 1968 г. — профессором в Лунде [Исаченко 1979]. Через два десятилетия дочь А.В. Исаченко филолог Варвара Александровна Кюнельт-Леддин выпустила перевод воспоминаний на немецкий с включением той части биографии отца, которая осталась за рамками описанного им периода [Issatschenko 2003]. В сотрудничестве с В.А. Кюнельт-Леддин, верным хранителем наследия своей семьи и нашим добрым другом, подготовлено издание оригинальной версии воспоминаний А.В. Исаченко. По машинописи этих воспоминаний здесь впервые публикуется рассказ о его встречах с Верой Макаровой — будущей княгиней Верой Аполлоновной Оболенской, получившей известность под своим домашним именем Вики⁶.

⁴ Цит. по машинописному оригиналу (личный архив В.А. Кюнельт-Леддин, Вена).

⁵ Автор книги Владимир Иосифович Гессен (1901–1982) — журналист, один из первых синхронных переводчиков в ООН, друг Владимира Набокова. См. о нем: [Гессен 2004. С. 335]. Прочитываемые строки Алданова вызывают интерес для сопоставления с его же очерками на военные темы. См.: [Пепард 2013].

⁶ Встречающаяся у Исаченко неточность в передаче ее имени — «Виктория Макарова» — объясняется ошибочным переосмыслением семейной традиции, попыткой перевода детского имени в статус взрослого.

* * *

Поскольку в корпусе сведений о героине французского Сопротивления княгине Вере Аполлоновне Оболенской практически отсутствуют данные, касающиеся ее ранних лет, до приезда в Париж, значение публикуемого фрагмента воспоминаний А.В. Исаченко трудно переоценить.

Напомним, что Вера Макарова 9 мая 1937 г. вышла замуж за князя Николая Александровича Оболенского (1900–1979), впоследствии также участника Сопротивления, который пережил заключение в Бухенвальде и позже принял священный сан [Нивьер 2007, с. 352–353]. Она была в числе основателей «Organisation Civile et Militaire» («Гражданская и военная организация») в 1940 г., арестована в Париже 17 декабря 1943 г., казнена на гильотине в берлинской тюрьме Plötzensee (по жуткому совпадению — в излюбленном русскими районе Берлина Шарлоттенбург) 4 августа 1944 г.⁷

Вера Макарова родилась в Москве 11 июля 1911 г. в семье статского советника и последнего вице-губернатора Бакинской губернии (1914–1917) Аполлона Аполлоновича Макарова и его жены Веры Алексеевны, урожд. Коломниной. Об отце Вики ее подругой сообщается: «[Он] уехал в Америку якобы с тем, чтобы впоследствии выписать туда жену и дочь. Так мне, во всяком случае, рассказывала Вики. Но он никогда этого не сделал. Уезжая, он поручил Вики на день именин ее матери преподнести от его имени букет роз. Вики честно исполняла его просьбу, никогда не забывая»⁸.

Итак, А.А. Макаров одно время находился с семьей в Париже, но поскольку в рассказе Исаченко он не упомянут, то отправлялся он в эмиграцию, по всей вероятности, другим маршрутом или в другое время. Вики ехала в беженском потоке только с матерью и ее так и не названной теткой, и жили они, согласно этим воспоминаниям, тоже одни — и в Белграде, и в Париже. Материальное положение отца Вики, который, по некоторым сведениям, работал на спичечной фабрике в Нью-Йорке [Флам-Оболенская 2012, с. 122], очевидно, не позволяло ему осуществить план воссоединения семьи. О судьбе дочери он был оповещен французскими властями. Аполлон Аполлонович Макаров умер в Нью-Йорке 18 апреля 1953 г. [Незабытые могилы 2004, с. 308].

Отметим, что Аполлон Макаров был выпускником Училища правоведения (58-й выпуск, 15 мая 1897 г., под № 13), и потом в Париже это послужило поводом сближения Вики с одной из ее подруг, чей отец учился там же [Флам 2005, с. 9–10]. Любопытно, что в памяти Исаченко никаких сведений об отце Вики не запечатлелось, иначе при расспросах взрослых о том, кто эта чудная девочка, он рассказал

⁷ Из обширной литературы, посвященной В.А. Оболенской, упомянем здесь: [Варшавский 2010; Флам 2005]. О памятных знаках см. также: [Нечаев 2008, с. 277]. Обстоятельства казни на гильотине (а не расстрела, как встречается в разных публикациях) описаны в работах: [Оболенская-Флам 2011; Флам-Оболенская 2012]. Важнейшие французские источники, в том числе материалы полицейского расследования и свидетельства современников, указаны в статье (подготовлена в 2016 г., дополнена в 2020 г.): [Bougrée]. Имя В.А. Оболенской под номером 153 входит в перечень трупов казненных врагов рейха, которые были использованы для анатомических целей: [Hildebrandt 2013].

⁸ Свидетельство Марии Михайловны Муравьевой (урожд. Родзянко, 1909–1982), цит. по кн.: [Флам 2005, с. 12].

бы о ее родителях, так что его отец, Василий Васильевич Исаченко (1880–1925), который окончил то же учебное заведение (62-й выпуск, 15 мая 1901 г., № 3), мог бы, вероятно, проявить интерес к этому имени.

В подробной реконструкции жизненного пути В.А. Оболенской, предпринятой Л.С. Оболенской-Флам, сообщается: «Ей было девять лет, когда Макаровы, пережив в России кровавые события революционных лет и Гражданской войны, попали беженцами в Париж» [Флам 2005, с. 8]. По какому-то другому источнику уже упоминавшийся нами выше участник Сопrotивления Владимир Гессен передает: «Ей было только семь лет, когда родители увезли ее из Москвы во Францию» [Гессен 1974, с. 152–153]. Столь ранняя датировка Гессена (т.е. 1918 г.) ошибочна. Вики и Александр были одногодки, их семьи в течение 1920 г. находились в путешествии по Балканам, а затем осели на некоторое время в Белграде, причем оказались соседями. Поскольку приезд семьи Исаченко в Белград летом 1920 г. подтверждается другими источниками, то его фраза «а я на лето приезжал к родителям» (он был вскоре отправлен учиться в интернат в Клагенфурте) должна относиться уже к следующему лету, т.е. к 1921 г., и отъезд Макаровых в Париж мог состояться между второй половиной 1921 г. и серединой 1922 г., когда Исаченко, по его словам, «потерял ее из виду». Сам он в 1923 г. был взят отцом из интерната в Клагенфурте и переехал в Берлин.

После встречи с Вики в 1932 г. (очевидно, во время непродолжительной поездки в Париж) Исаченко, летом 1933 г. защитив диссертацию в Венском университете, получил годовую стипендию в Париже. В своей (цитированной выше) автобиографии он упоминает лекции лингвистов Антуана Мейе (Antoine Meillet; 1866–1936) и Жозефа Вандриеса (Joseph Vendryes; 1875–1960), славистов Андре Мазона (André Mazon; 1881–1967) и Андре Вайяна (André Vaillant; 1890–1977) в течение 1933 г. Его венский наставник (и будущий тесть) Н.С. Трубецкой относился к этой поездке с легким скепсисом: так, в письме к Р.О. Якобсону от 25 октября 1933 г. он сообщает, что Исаченко «нашел в Париже заработок и страшно горд, что “стоит на собственных ногах”. <...> Но все же в Париже Исаченке делать действительно как будто нечего», добавляя (в письме от 15 ноября 1933 г.), что «Исаченко Парижем очень доволен, но, кажется, подпадает под влияние французских славистов» и что «материально ему в Париже очень тяжело, так что желательно бы устроить его в Прагу» (5 декабря 1933 г.) [Trubetzkoу 1985]. Поскольку на протяжении всех этих лет они с Вики так и не встретились, вероятно, к этому времени их пути навсегда разошлись.

Литература

- Алданов 1951 — *Алданов М.* Предисловие // Гессен В. Герои и предатели. Нью-Йорк, 1951.
 Брглез, Селяк 2008 — *Brglez A., Seljak M.* Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljana, 2008. S. 135–144. = *Брглез А., Селяк М.* Россия в Словении: Русские преподаватели в Люблянском университете в 1920–1945 гг.
 Варшавский 2010 — *Варшавский В.* Незамеченное поколение / сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой. М., 2010. С. 284–289.

- Гессен 1974 — *Гессен В.* В борьбе за жизнь: Записки эмигранта: Петербург — Берлин — Париж — Нью-Йорк. Нью-Йорк, 1974.
- Гессен 2004 — *Гессен В.Ю.* Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004.
- Дерганц 2012 — *Дерганц А. А.В.* Исаченко в Любляне // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении / главные уредники Б. Станковић; приредило за штампу П. Буњак. Београд, 2012. С. 127–132.
- Дюрович 1996 — *Дюрович Л.* Речь на открытии международной конференции, посвященной памяти А.В. Исаченко // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике.* 1996. № 2/1. С. 10–19.
- Зимек 1996 — *Зимек Р.* Славистическая конференция в честь проф. А.В. Исаченко (Оломоуц, 1995) // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике.* 1996. № 2/1. С. 180–181.
- Исаченко 1979 — *Исаченко А.В.* Жизнь прожить // *Russian Linguistics.* Vol. 4. 1979. № 2. P. 129–158.
- Незабытые могилы 2004 — *Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков.* М., 2004. Т. 4.
- Нерознак, Сальников 1998 — *Нерознак В.П., Сальников Н.М.* Имя из списка Главлита // *Вестник Российской академии наук.* Т. 68. 1998. № 11.
- Нечаев 2008 — *Нечаев С.Ю.* Русская Ницца. М., 2008.
- Нивьер 2007 — *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995: Биографический справочник. М.; Париж, 2007.
- Оболенская-Флам 2011 — *Оболенская-Флам Л.* Расстрел или гильотина?: К 100-летию со дня рождения кн. Веры Оболенской // *Новый журнал.* Кн. 264. 2011. С. 181–190.
- Пеппард 2013 — *Пеппард В.* Марк Алданов и Вторая мировая война // *Русское зарубежье и Вторая мировая война / сост. И.Ю. Белякова.* М., 2013. С. 198–210.
- Российское научное зарубежье 2011 — *Российское научное зарубежье: Библиографический справочник / глав. ред. Ю.В. Мухачев; ред.-сост. М.Ю. Сорокина; под общ. ред. Г.А. Месяца и Е.П. Чельшева.* М., 2011.
- Флам 2005 — *Флам Л.* Вики: Княгиня Вера Оболенская. 2-е изд., испр., доп. М., 2005.
- Флам-Оболенская 2012 — *Флам-Оболенская Л.* Новые сведения о мученической кончине Веры (Вики) Оболенской // *Вестник Русского христианского движения.* 2012. № 199/1. С. 121–132.
- Щипанская 2008 — *Щипанская Н.* К портрету А.В. Исаченко — прешовские встречи // *Osobnosti ruskej a ukrajinskej emigrácie na Východnom Slovensku / L. Harbuľová, M. Ňachajová, L. Babotová (eds.).* Prešov, 2008. С. 140–147.
- Элиаш 2012 — *Элиаш А.* А.В. Исаченко и становление брагиславской литературоведческой русистики // *Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении / главные уредники Б. Станковић; приредило за штампу П. Буњак.* Београд, 2012. С. 133–148.
- Bourrée — *Bourrée F.* (complétée par A. Pannetier et F. Strauss). Obolensky Véra née Makarova // *Le Maitron: Dictionnaire biographique. Fusillés, guillotins, exécutés, massacrés 1940–1944.* URL: <https://maitron.fr/spip.php?article178524> (дата обрац, 30.10.2020).
- Brglez, Seljak 2007 — *Brglez A., Seljak M.* Ruski profesorji Univerzi v Ljubljani. Ljubljana, 2007. S. 82–86.
- Đurovič 1996 — *Đurovič L.* О возникновении журнала *Russian Linguistics* // *Russian Linguistics.* Vol. 20. 1996. P. 3–14.

- Đurovič 2004 — *Đurovič L.* Vortrag anlässlich des Gedenkens zum 25. Todestag von A.V. Isačenko, Universität Klagenfurt, 19. März 2003 // Wiener Slawistischer Almanach. 2004. Bd. 53. S. 337–340.
- Eliáš, Matejko 2011 — Florilegium in honorem Alexandri Isačenko ad iubiliaeum centinarium oblatum / A. Eliáš, L. Matejko (eds.). Bratislava, 2011.
- Harbul'ová 2001 — *Harbul'ová L.* Ruská emigrácia a Slovensko: (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2001. S. 121–122.
- Hildebrandt 2013 — *Hildebrandt S.* The Women on Stieve's List: Victims of National Socialism Whose Bodies Were Used for Anatomical Research // *Clinical Anatomy*. 2013. Vol. 26. P. 3–21. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/ca.22195> (дата обрац. 30.10.2020).
- Issatschenko 2003 — *Issatschenko A.* Eine Kindheit zwischen St. Petersburg und Klagenfurt: Momentaufnahmen // aus dem Russischen übersetzt, bearbeitet und ergänzt von Warwara Kühnelt-Leddihn. Klagenfurt; Ljubljana; Wien, 2003.
- Toman 1994 — Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945 / J. Toman (ed.). Ann Arbor, 1994. P. 121–122 (Cahiers Roman Jakobson, 1).
- Trubetzkoy 1985 — N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes / prep. for publication by Roman Jakobson with the Assistance of H. Baran, O. Ronen, and M. Taylor. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. P. 288, № CXXIII; P. 292, № CXXV; P. 295, № CXXVI (*Janua Linguarum*, 47).
- Poljakov 2005 — *Poljakov F.* Nikolaj S. Trubetzkoy's eurasische Vision: Hintergründe und Wirkung // Nikolaj Trubetzkoy. Rußland — Europa — Eurasien. Ausgewählte Schriften zur Kulturwissenschaft / hrs. von F.B. Poljakov; Redaktion und Vorwort von H. Miklas. Wien, 2005. P. 315–461 (Schriften der Balkan-Kommission, 45).
- Zajc 2015 — *Zajc N.* Jezikovne etude, variacije in rime A.V. Isačenka (ob treh «ljubljskih» razpravah A.V. Isačenka). Ljubljana, 2015.

А.В. Исаченко

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ

Глава II. Отец <фрагмент>

Ехать на «Запад» было не так-то легко. Русским беженцам почему-то не давали индивидуальных виз, надо было ехать группами, и нелегко было попасть в список. Используя все еще поддерживаемые связи с Красным Крестом, папа добился того, что нас полулегально посадили в поезд, ехавший по направлению в Белград. Мы заняли купе вместе с двумя голландскими офицерами Международного Красного Креста.

Железные дороги на Балканах были совершенно разбиты, через мосты (шаткие, жуткие) поезд полз шагом, то и дело нас оставляли на запасном пути. Иногда приходилось даже возвращаться к станции, чтобы дать проехать встречному товарному поезду, везущему ободранных военнопленных. Вагоны были допотопны: в каждое купе можно было войти с обеих сторон, а вдоль вагона бежала подножка, по которой кондуктор во время езды переходил из купе в купе. Такие вагоны я впоследствии видел в Германии. Наш поезд назывался «Ориент Экспресс», и как бы в подтверждение этого громкого имени в составе обдрипанного поезда находился гордый вагон-ресторан. Отец решил поужинать по-человечески, и на одной из остановок мы перебежали из нашего вагона в шикарный коричневый международный вагон с золотыми буквами. Голландцы остались стеречь наши вещи. Нам отвели столик, и отец стал изучать меню, а я впитывал в себя новые впечатления: я еще никогда не был в вагоне-ресторане и, как многие русские, страдал железнодорожным романтизмом. Гораздо позже в одном никогда не опубликованном стихотворении я назвал вокзал — «сарай тоски». За соседним столиком сидели две дамы — явно сестры — а с ними сидело совершенно ангельское существо: девочка лет восьми-девяти, длинные, до плеч каштановые волосы (в них небольшой белый бант), невероятно синего цвета глаза, чуть смугловатая кожа. Одета она была в светлое платьице с короткими рукавами. Они между собой говорили по-английски, что меня глубоко разочаровало, т.к. я сам знал только несколько слов по-английски (я кое-что подхватил на «Чинче» и на английском истребителе), но разговаривать на этом языке не мог. Даже если бы с Божьей помощью удалось познакомиться с этой неземной мисс, я все равно не смог бы сказать ей ничего умного.

Весь ужин я просидел как очарованный и, надо думать, англичаночка это заметила. Потом, вернувшись в наше купе, я стоял у открытого окна и далеко впереди, в одном из первых вагонов, видел развевающиеся волосы моей красавицы, видел белый бант и даже локоток, но обладательница всего этого смотрела, естественно, вперед, т.е. не в мою сторону. Когда же она поворачивала голову назад (чтобы отвернуться от густого дыма, которым паровоз обдавал весь состав), она

закрывала глаза, опасаясь, как бы частица угля не попала ей в глаз, и таким образом меня и не могла (или не хотела?) замечать. Вскоре стемнело, надо было укладываться на ночь. А наутро я напрасно выгибался из окна — никто не показывался. Так кончилось мое увлечение прекрасной мисс.

Первой остановкой была София — столица Болгарии. Самостоятельно продолжать наше путешествие нам не разрешили, т.к. у нас была общая виза. Но и поезда для нас не было. Нам было предложено переждать в Софии и ежедневно приходиться справляться в Красный Крест.

Город уже был переполнен русскими беженцами. Несмотря на то что Болгария сражалась на стороне немцев против России, население очень хорошо относилось к русским, в которых все продолжали видеть освободителей. Перед софийским собором, построенным в русском стиле, стоял памятник Александру III, «царю-освободителю», многие надписи вроде БАНКА были понятны, вообще же болгарский язык казался нам пародией на русский. Я тогда не совсем понимал, почему отец так расхохотался, увидев надпись ВЛАГАЛИЩЕ («магазин», «склад»). Отцу удалось найти комнатку в частном доме, но комната оказалась клоповником. Я-то уснул, но родители не решились лечь, так как клопы были повсюду. Они нагло ползали по подушкам, лезли с пола на кровати, вылезали из всех щелей на ободренных обоях и даже наподобие парашютистов спрыгивали с потолка. Бедные родители просидели всю ночь у стола. Сперва у них еще была свеча, и отец сжигал вонючих клопов, но свеча догорела, и пришлось с клопиним нашествием бороться вслепую. Утром у меня страшно разболелся зуб, и отец отправился со мной к зубному врачу. Доктор оказался русофилом, говорил очень бойко (и очень неправильно) на русском языке (в Болгарии русский язык был первым иностранным языком во всех гимназиях), он ловко вырвал мне зуб и даже вознаграждал меня за страдания рюмочкой коньяку. Заодно выпил и папа. Узнав, что папа адвокат и что мы остановились в малопривлекательной комнате, он нас просто пригласил в свой дом. В Болгарии тогда был продовольственный кризис, но в этой стране садовников всегда было достаточно овощей и фруктов, и мы превкусно питались разными интересными балканскими блюдами. Но нам не пришлось задерживаться в Софии. Транспорт русских был назначен на один из ближайших дней.

Таща все ту же самую нашу корзину, мы явились в назначенное время на вокзал, попрощавшись с трогательными хозяевами и получив от них продовольствие на дорогу. У перрона почти пустого вокзала стоял товарный состав, и нам было предложено грузиться в теплушки. Начались протесты, возмущенные крики русачков на кошмарном французском языке, кто-то бегал куда-то жаловаться, кто-то звонил по телефону в штаб-квартиру союзников — напрасно. Начальник станции решительно попросил нас не задерживать движения (которого не было) и производить посадку. Кто похитрей, стали «занимать места», т. е. устраиваться в уголке теплушки. Чемоданами и тюками отгораживали свою «площадь» и устраивались кто как мог. Многие расстилали на полу пледы, другие из кульков и узелков строили сиденья. В вагоне было темновато, пахло не то лошадьми, не то навозом. И когда вагон был уже переполнен, когда все уже перезнакомились и стали угощать друг друга кто чем мог, у дверей появились давешние англичан-

ки, а с ними ангельское создание, на этот раз с желтым бантом. Кто-то помог им вскарабкаться (табуретку, служившую подножкой, уже убрали), им снизу подали багаж, и им пришлось устраиваться «посерединке», но тут наш состав тронулся. Паника, однако, была излишня, так как наш состав просто перевели на запасной путь и там забыли. На запасном пути мы простояли два дня, и эти два дня были для меня решающими.

Во-первых, выяснилось, что к запахам уже существующим прибавился еще один новый, едкий, нашатыристый запах, особенно ночью, когда двери теплушки задвигались. Он исходил из корзины англичанок, которые везли с собой пару диких сиамских котов. К тому же она, т. е. кошка, постоянно чихала. Иногда приходилось кошек выпускать, и тогда они устраивали «джунгли»: носились по всему вагону, карабкались по отвесным деревянным стенам теплушки, прыгали на пассажиров и вызывали всеобщее неудовольствие. Спрыгнув на полотно железной дороги, они молниеносно исчезали в канаве, и приходилось их ловить. Вот эта ловля кошек и была подарком небес.

Наши англичанки оказались, конечно, русскими: мадам Макарова, ее безымянная и незамужняя сестра и — дочь Виктория, называемая Вики. Кошки принадлежали незамужней даме, и она тряслась над ними. Мы с Викой были единственными детьми, в целом транспорте, и жизнь вновь улыбнулась мне, когда она (обращаясь ко мне на «вы») попросила меня помочь ей поймать кошку. Мы часами блуждали по запущенному товарному вокзалу, катались на турникете, на котором поворачивали паровозы, взбирались на водокачку, заходили далеко в район складов, даже раз отправились обратно в город. Не буду скрывать — с первого же дня я понял, что это моя судьба и что Вики обязательно будет моей женой. Она была изящна в движениях, охотно соглашалась даже на довольно рискованные эскапады — например, проехаться вдвоем на ручной дрезине — и с необыкновенным тактом давала мне понять, что она принимает мое мужское превосходство как должное, она доверяла своему рыцарю, не подвергая никаким сомнениям его приоритет и инициативность.

Наконец поезд нашел свой паровоз (пришлось вскладчину подкупить машиниста и кочегара), и мы черепашным шагом стали двигаться по летнему пейзажу Болгарии. На болгарско-сербской границе, в Цариброде, наш состав остановили, причем наш вагон оказался на шатком деревянном мосту, состоявшем из рельсов и шпал, так что выйти из теплушки было невозможно. Нас долго продержали на границе, потом пустили в Сербию (станция Пирот) и довели до города Ниш, но там уже не оказалось паровоза. Опять пришлось искать предприимчивого машиниста, опять вскладчину давались взятки, пока наконец один из русских пассажиров не вызвался везти нас на свой риск: он был инженером-путейцем и разбирался в паровозах. Самое удивительное то, что железнодорожное управление согласилось на такую авантюру. Ехали мы без расписания, ехали медленно, чтобы в случае встречного поезда можно было остановиться и дать сигнал, по ночам стояли на запасных путях маленьких полустанков. Топливо пришлось тоже покупать самим, а топкой занимались врачи, адвокаты, офицеры, фабриканты. Эта романтическая поездка (с дивными цветами у самой насыпи, которые я препод-

носил и матери Вики, и — для отводу глаз — моей маме), с кострами у самого полотна, где ночью сидели сторожа, организованные для охраны «детей и женщин», вылазки в сербские деревни и городишки для добычи продуктов (хлеб, лук, сало — масла сербы в то время не знали), все это нас с Викой необыкновенно сблизило. В конце путешествия, когда стало ясно, что придется расставаться, я доверился маме и поставил ее в известность о своих матримониальных намерениях. Мама мне посоветовала хорошенько обдумать этот важный шаг, Вики пока не делала предложения, намекнув (довольно бестактно) на возможность встречи с другой девушкой, которая... но довольно! Такой мысли я просто не допускал.

С Вики мы не разошлись навсегда. Макаровы, как и мои родители, поселились в Белграде, а я на лето приезжал к родителям. Макаровы жили буквально в двух шагах от нашего домика: наш и их сад соприкасались. Кошка все еще чихала, я приходил утром к Макаровым, и мы с Вики отправлялись на базар покупать «ждигерицу за мачку» (печенку для кошки) за динар. Я уже стал ходить в кино; в то время стали показывать американские авантюрные фильмы в продолжениях, которые назывались «эпохами». Помню картину, в которой шайка разбойников с соколиными перьями на шляпах терроризировала фермеров, шерифа они схватили и, привязав к бревну, собирались распилить на лесопилке. Вот бревно приближается к пиле, шериф пытается освободиться, а там уже скачут хорошие ковбои, готовые ему помочь. На этом картина обрывается, продолжение в следующей «эпохе». Подобного рода мотивы поставляли материал наших совместных игр. Я то привязывал Вики к яблоне и с дьявольским хохотом издевался над ней, то (уже в другой роли) ударом кулака повергал незримого противника и освобождал жертву, за что всегда чувствовал искреннюю благодарность. Справедливость торжествовала, а мы научились проигрывать вдвоем целые «эпохи». Мои чувства к Вики, которая росла и хорошела, почти не изменились. Но в 1922 году я потерял ее из виду.

Встретились мы с Вики совершенно случайно в 1932 году в Париже, на рю Дарю. Нас познакомили, но моментально мы узнали друг друга. Она только что приехала из Страсбурга и пригласила меня к себе в Нейи. Созвонившись с матерью по телефону, она повела меня к автобусу и, стоя на площадке, стала скороговоркой рассказывать о себе, расспрашивать меня. Теперь она была настоящая красавица, рослая, идеально сложенная, крайне симпатичная. Мадам Макарова и ее (все еще безымянная) сестра снимали особнячок в предместье Парижа. В большой комнате, куда можно было пройти прямо со двора, кишели кошки всех мастей и возрастов. Ужинать в такой атмосфере было довольно неприятно. Но у Вики была своя комнатка в мансарде, куда мы и укрылись после ужина. У Вики, по-видимому, было горе, она только что пережила большое разочарование, но наша встреча была очень сердечной, искренней и веселой: мы вспоминали наши игры, наши роли, хохотали весь вечер. К сожалению, через несколько дней мне пришлось возвращаться в Вену.

Позже я узнал, что Вики вышла замуж за князя Оболенского, приезжая в Париж, я часто встречался с лицами, хорошо с ней знакомыми, но лично с ней больше не встречался. О ее судьбе я совершенно случайно узнал из «Литературной

газеты» летом 1958 года. Советская газета писала со слов своего парижского корреспондента о подвиге русской женщины во время оккупации, о Виктории Оболенской, исполнявшей опаснейшие поручения для организации Сопротивления и попавшей в лапы гестаповцев. Она была расстреляна немцами в самом конце войны. Память об этом чудном ребенке, об этой обаятельной женщине и об этой самоотверженной героине я храню с особым пиететом.

М. Живанович

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ НА СУДЬБУ И ПАМЯТЬ О РУССКИХ УЧАСТНИКАХ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЮГОСЛАВИИ

В ходе нескольких крупных волн с 1919 по 1923 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыло немалое число русских ученых. По подсчетам исследователей, к началу 1922 г. в страну приехали 836 русских инженеров различных специальностей, 88 университетских преподавателей, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 108 агрономов, 150 музыкантов, художников, артистов и других деятелей искусств, 401 судья и юрист, 133 адвоката [Жовановић 1996; Миленкович 1996, с. 136]. Государство им, да и с другим беженцам, оказывало всестороннюю помощь и поддержку, создало условия для трудоустройства, а также разрешило создание учебных заведений для детей и молодежи. В ответ изгнанники — и квалифицированные кадры из России, и те, кто получил образование в Югославии, — внесли существенный вклад в развитие культуры, разных отраслей науки, искусства, экономики, инфраструктуры, промышленности, архитектуры страны [Жовановић 1996; Жовановић 2006]. И это далеко не все. Вклад русских эмигрантов, прежде всего военных и ученых, в борьбу с фашизмом был таким же незаменимым.

Сразу после вторжения войск Германии и ее союзников в Югославию 6 апреля 1941 г. русские приняли участие в боевых действиях — их либо мобилизовали в югославскую армию, либо они сами вступили в нее добровольцами. Многие известные ученые, художники и общественные деятели ушли добровольцами в армию, как, например, приват-доцент Белградского университета Илья Николаевич Голенищев-Кутузов или художник комиксов Юрий Павлович Лобачев. Подпоручик зоолог Кирилл Владимирович Мартино участвовал в войне в качестве взводного командира минометной батареи, архитектор Григорий Иванович Самойлов — в качестве офицера, подпоручик Владимир Александрович Лебедев был мобилизован в югославскую армию как врач [Ёхина 2015а, с. 183; Ёхина 2015б, с. 219; Миловановић 1994, с. 263]. Около 12% русских участников Апрельской войны погибли, а 173 солдата и офицера вместе с сербами попали в немецкие лагеря для военнопленных [Тимофејев 2011, с. 30]. К числу последних принадлежали Самойлов, Лебедев и Лобачев, причем Владимиру Александровичу и Юрию Павловичу удалось сбежать [Ёхина 2015а, с. 183; Миловановић 1994, с. 263].

Апрельская война закончилась 17 апреля капитуляцией Югославии. Ее территория была разделена между соседними странами и провозглашенным Независимым государством Хорватия.

После начала оккупации Сербии некоторые русские публично отказались от любого контакта с оккупантами, другие приняли решение активно сопротивляться. Таким образом возникла подпольная организация, которая станет называться Союзом советских патриотов [подробнее см.: Тимофе́ев 2012, с. 257–277; Тимофе́ев 2012, с. 17–19; Тимофеев 2013, с. 241–257; Ёхина 2015а, с. 174–205].

Она была сформирована осенью 1941 — зимой 1942 г. Изначально ее деятельность заключалась в пропаганде, отборе кадров и сочувствующих, потом — в подготовке побегов пленных Красной армии из лагерей и переброске людей в партизанские отряды, выполнении заданий, полученных от Коммунистической партии Югославии, оказании помощи партизанам и народно-освободительному движению [Тимофеев 2015, с. 249–254]. Верховную тройку организации составляли Федор Ефимович Высторопский, Владимир Александрович Лебедев и Илья Александрович Одишелидзе, а общее число членов к концу 1943 г. — примерно 150 человек. Некоторые из членов перебрались в партизанские отряды (по состоянию на ноябрь 1944 г. их число составляло 17, погибли 6), другие помогали Красной армии, а поступившая в октябре 1944 г. в распоряжение Красной армии подпольная группа из 30 человек в составе бригады полковника Загребина участвовала даже в боях за освобождение Белграда [Йованович 2012, с. 14–16; Тимофеев 2015, с. 251–252, 256–257]. В связи с этим следует отметить, что одним из пунктов устава организации, который был принят во время оккупации, предусматривался самороспуск союза: организация прекратит деятельность в момент вступления Красной армии на территорию, на которой она действует, и, следовательно, отдаст себя в распоряжение «советских властей» [Казак 1975, с. 69; Ёхина 2015б, с. 221].

Кроме членов вышеупомянутой организации, в рядах Народно-освободительной армии Югославии боролось и некоторое число русских эмигрантов [О́сак 1987, с. 297–307; Тесемников 1988, с. 135–136; Тимофе́ев 2011; Боровняк 2015, с. 305–327; Радженович 2015, с. 328–342]. Выдающимися членами Сопротивления стали Федор Евдокимович Махин, Владимир Федорович Смирнов, Аркадий Иванович Попов, и их вклад в борьбу с фашизмом в стране был отмечен — их наградили высшими югославскими орденами, а Махин и Смирнов были произведены в генералы армии. Но, к сожалению, имена многих русских эмигрантов — участников антифашистской борьбы как в Сербии, так и в Независимом государстве Хорватия — остались забытыми. На такое положение дел повлияло несколько факторов. Во-первых — определенное число членов Сопротивления погибли во время оккупации, и места их захоронения были неизвестны, в некоторых случаях — даже не установлены. Причем причины были совсем простыми — самые обстоятельства, при которых они погибли, — либо в сражении с фашистами, либо в тюрьмах или концлагерях — существенно повлияли на увековечение памяти о них. Во-вторых, лишь несколько русских достигли вершин в партизанской иерархии [Тимофеев 2015, с. 246]. Но несмотря на значимость перечисленных факторов, возникает вопрос о влиянии политики как на память о них, так и на судьбу выживших участников движения Сопротивления в стране после принятия Резолюции Информационного бюро и последовавшего за нем конфликта Тито и Сталина 1948–1953 гг.

По итогам совещания коммунистических партий в Бухаресте в июне 1948 г. их представители приняли документ, согласно которому руководство Коммунистической партии Югославии обвинялось в национализме и антисоветской политике. Вслед за этим жестом югославские власти начали арестовывать русских, обвинять их в «шпионских делах», в просталинской ориентации. Их бросали в тюрьмы и лагеря, потом — высылали за границу [Арсеньев 1999]. Эти репрессии коснулись прежде всего русских, которые приняли советское гражданство, в том числе тех, кто выступил в поддержку Резолюции Информбюро¹. Среди них были члены Союза советских патриотов (ССП) военного времени — Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич Крат, Юрий Павлович Лобачев, Борис Сергеевич и Сергей Сергеевич Марковы², Борис Дубровин-Заболоцкий³, Мстислав Юрьевич Зилон [Тимофеев 2015, с. 259; Ошак 1987, s. 303]. В августе 1951 г. в Белграде состоялся публичный показательный процесс над так называемой «группой советских шпионов»⁴, в результате которого были осуждены В.А. Лебедев, П.В. Крат, Борис Дубровин-Заболоцкий, И.Н. Голенищев-Кутузов и другие бывшие члены ССП. Илья Голенищев-Кутузов и Павел Крат⁵ были приговорены к 4 годам строгого тюремного режима, Борис Дубровин-Заболоцкий — к 6 годам тюрьмы, Владимир Лебедев — к 9 [Тимофеев 2015, с. 259; Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018, Т. 1, с. 288]. Остановимся на судьбе некоторых из них.

Во время войны И.Н. Голенищев-Кутузов был одним из помощников начальника Информационного отделения Воеводины. Он работал военным корреспондентом и переводчиком. Во время боев за Белград находился в окрестностях города с партизанами [Ёхина 2015а, с. 193–194]. Одновременно Илья Николаевич являлся заместителем командира Главного штаба Воеводины [Ошак 1987, с. 303]. В 1944 г. он стал политическим комиссаром г. Панчево [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018, т. 1, с. 287], потом работал в советских учреждениях в Белграде. В июне 1949 г. его арестовали югославские власти по обвинению в шпионаже в пользу СССР и подрывной деятельности против Югославии. В 1951 г. Голенище-

¹ О списке репрессированных см. [Тимофеев 2019, с. 294–311]. По оценкам А.Б. Арсеньева, около 200 русских оказались в концлагере «Голи-Оток» и в тюрьмах [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018, т. 1, с. 26].

² В августе 1944 г. Сергей Сергеевич Марков вступил в ряды 15-й бригады Народно-освободительной армии Югославии, после войны работал в Министерстве лесоводов Республики Сербия (АЮ. Ф. 13. Оп. 97). Борис Сергеевич Марков, выпускник архитектурного отделения технического факультета Белградского университета, после войны работал инженером в Отделе по контролю за ценами при Коммунальном отделе Исполнительного народного комитета (АЮ. Ф. 13 (Персональный отдел). Оп. 45).

³ Борис Дубровин-Заболоцкий был инженером-электротехником. Летом 1944 г. он вступил в ряды 11-й бригады 23-й дивизии Народно-освободительной армии Югославии [Ошак 1987, s. 300, 303].

⁴ Накануне тот же самый суд шел и над русскими в г. Сараево. Их назвали «бывшими белогвардейцами, советскими гражданами, завербованными советской разведкой», и даже «агентами гестапо», а их деятельность была охарактеризована как «направленная против свободы и независимости Югославии». Они были приговорены к тюремному заключению и принудительным работам [Арсеньев 2011, с. 159; Пред народни суд 1949].

⁵ После освобождения Белграда П.В. Крат работал в государственной компании «Югопроект». В связи с началом конфликта Тито и Сталина его арестовали по обвинению во враждебной позиции по отношению к социалистической Югославии [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018, т. 1, с. 610].

ва-Кутузова осудили на четыре года заключения. Наказание отбывал в г. Сремска-Митровица недалеко от Белграда. Его освободили в июне 1953 г., и еще в течение года он находился под наблюдением полиции. Получив разрешение на выезд, Илья Николаевич покинул Югославию в 1954 г. [Сорокина 2017, с. 124].

В октябре 1944 г. Юрий Павлович Лобачев стал личным переводчиком генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Жданова, работал в штабе по разминированию домов в Белграде, в результате которого на зданиях появлялись надписи: «Проверено — мин нет». С Красной армией Лобачев дошел до Вены. По возвращении в Белград он стал художественным редактором журнала «Дуга» («Радуга»), работал карикатуристом и иллюстратором. Год спустя Юрий Павлович принял советское гражданство. Его арестовали в 1949 г., потом прямо из тюрьмы выслали в Румынию [Ёхина 2015б, с. 224–225, 228; Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018, т. 1, с. 326].

Среди тех, чья деятельность была охарактеризована как шпионская и на пользу СССР⁶, был и Владимир Александрович Лебедев. После освобождения Белграда Владимир Александрович в составе санитарного отделения Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии воевал в Восточной Боснии. В марте 1945 г. он служил в 27-й Восточно-Боснийской дивизии III корпуса. Войну окончил в звании майора медицинской службы. В рядах армии Лебедев оставался до 1947 г. Владимир Александрович был награжден орденом «За заслуги перед народом» 3-й степени. Его арестовали в июне 1949 г. и потом отправили в концлагерь «Голи-Оток». Позднее Лебедева переместили в тюрьму в г. Сремска-Митровица для ведения следствия по делу о шпионаже в пользу СССР. В 1951 г. его приговорили к 9 годам тюрьмы. Вышел из лагеря в 1955 г. [Ёхина 2015а, с. 185, 187; Ёхина 2015б, с. 225; Црвена армија 2018, с. 162–163; Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018, т. 1, с. 586].

Зоолога Кирилла Владимировича Мартино, который служил командиром взвода и в декабре 1944 г. стал переводчиком в Отделе пропаганды штаба Первой армии НОАЮ [Ёхина 2015а, с. 185, 197], просидевшего пять месяцев в тюрьме, из-за нехватки улик выпустили и потом принудили покинуть страну [Борейко 2001; Шергалин 2013а, с. 2691; Шергалин 2013б, 602].

Одновременно с арестами и обвинениями в адрес русских против них велась активная и довольно жесткая пропаганда через средства массовой информации. Ее не прекратят и по окончании перечисленных процессов. Так, Управлением государственной безопасности в 1953 г. была опубликована сводная справка под названием «Русская эмиграция в Югославии». В этом документе, составленном на основании свидетельств заключенных лагеря в г. Билеча в Боснии, авторы дали официальную (тенденциозную) трактовку деятельности русских эмигрантов — довоенной, военной и послевоенной [Црвена армија 2018, с. 9]. В справке писали о антифашистски настроенных лицах, которые «в своих намерениях проявить свою любовь к СССР попытались связаться с югославским народно-освободительным движением, а только в редких случаях вступали в воинские части На-

⁶ Причем следует отметить, что его попытки вступить в Красную армию не увенчались успехом [Ёхина 2015б, с. 225].

родно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Они делали это не ради оказания помощи югославским народам в освобождении, а ради того, чтобы способствовать советской борьбе и продвигать интересы Советского Союза» [Там же, с. 141]. Согласно описательно-мотивировочной части обвинительного приговора суда Союз советских патриотов объявили «одним из шпионских центров НКВД в Югославии» [Там же, с. 163].

Говоря о сводной справке, следует отметить, что военную деятельность тех участников антифашистской борьбы, кто не выступил в поддержку Резолюции Информбюро или погиб в боях с оккупантами, не затрагивали — их вообще не упоминали или только озвучивали их имена. Имя Алексея Петровича Дуракова было названо среди тех, кто являлся членом Союза советских патриотов. О деятельности инженера Всеволода Сысоева, подполковника ВВС Югославии, отсутствовали отрицательные оценки [Там же, с. 143]. В короткой сводке о членах Союза о Сысоеве было написано, что он был убежденным антифашистом, сотрудничал в качестве члена ССП и с местными организациями. Сысоев был арестован усташами за связь с партизанами [Тимофеев 2015, с. 268].

В данном документе также нет ни слова о инженере и капитане I класса Югославской армии Владимире Кудревиче. Согласно короткой сводке о деятельности членов Союза советских патриотов он являлся большим патриотом и антифашистом. По заданию был внедрен в коллаборационистское формирование в оккупированной Сербии, создаваемое под эгидой главы Правительства национального спасения М. Недича — Сербскую государственную стражу. Служив в этом формировании, Кудревич доставлял как данные о ее деятельности, так и регулярные донесения о деятельности сербских вооруженных отрядов. После освобождения Белграда он вышел из подполья, присоединился к Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) и окончил войну в должности начальника штаба 2-й артиллерийской бригады НОАЮ. Владимир Кудревич был произведен в майора Югославской армии [Ошак 1987, с. 301; Тимофеев 2015, с. 267, 257].

В документе также не затрагивали военную деятельность двух генералов Югославской армии — Федора Евдокимовича Махина и Владимира Федоровича Смирнова.

Полковник Российской Императорской армии Федор Евдокимович Махин участвовал в Первой мировой войне и за организацию снабжения 1-й Сербской добровольческой дивизии в Одессе был награжден высокой наградой — орденом Белого орла с мечами. В начале 1920-х гг. открыл и потом руководил представительством Земгора в Королевстве СХС / Югославии [Ганин 2014, с. 20, 43]. В межвоенный период Федор Евдокимович был завербован советской разведкой [Тимофе́ев 2011, с. 69]. В 1939 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии. В июне 1941 г. гестапо и Специальная полиция попытались его арестовать. Однако им не удалось это сделать [Иветић 2014, с. 320]. По словам И.Н. Голенищева-Кутузова, накануне отъезда с Югославской армией в 1941 г. Махин поручил сотруднику библиотеки Земгора Федору Ефимовичу Высторопскому «организовать русских патриотов для борьбы с фашистами в Белграде» [цит. по: Ёхина 2015а, с. 179]. При штабе Народно-освободительной армии Югославии он

работал в отделе радио и пропаганды. В феврале 1944 г. ему присвоили чин генерал-лейтенанта Югославской армии. В марте 1945 г. Федор Евдокимович был назначен начальником Исторического отдела Генштаба Югославской армии, по окончании военных действий — начальником военных архивов Югославии. Был награжден высшими югославскими орденами — орденом Партизанской звезды 1-й степени и Партизанским памятным знаком, а также советским орденом Ленина.

Федор Ефимович скончался в Белграде в начале июня 1945 г. после возвращения из командировки в СССР [Ганин 2006, с. 54–58; Тесемников 2008, с. 68–83; Ганин 2014, с. 16–59; Сахрана генерал-лајтнанта 1945, с. 2]. Для генерал-лейтенанта отвели почетное место на белградском Новом кладбище — недалеко от памятника защитникам Белграда в 1914–1915 гг., на создающейся Аллее народных героев Югославии [Тесемников 2008, с. 82–83].

Некрологи были переполнены хвалой покойному: «Генерал-лейтенант Махин — сын великого русского народа, негибаемый борец за свободу нашего Отечества. С самого начала нашей освободительной войны он был в передовых рядах нашей армии, сражаясь против ненавистных оккупантов за независимость наших народов. На протяжении всей Отечественной войны товарищ Махин проявлял огромную энергию в деле победы нашей армии. За выдающиеся заслуги во время Отечественной войны товарищ Махин награжден орденом Партизанской звезды 1-й степени» [цит. по: Тесемников 2008, с. 82]. «Когда нападением на Советский Союз гитлеровская Германия грозила существованию всех славянских народов, Федор Махин вступил в народно-освободительную борьбу» [Фјодор Јевдокимович 1945, с. 1]. Подчеркивали, что на бойцов Народно-освободительной армии сильно повлияло поведение «60-летнего старика, который мужественно и последовательно боролся за освобождение Югославии» [Сахрана генерал-лајтнанта 1945, с. 2]. «Как искренний патриот и отличный военный писатель он способствовал созданию и укреплению нашей армии»; «Умер на боевом посту, вкладывая все свои усилия в дальнейшее развитие нашей армии» [Фјодор Јевдокимович 1945, с. 1]. «В 1944 г. Федор Махин после 26 лет разлуки возвратился в Советский Союз, где был встречен как сын своей Родины, выполнявший свой долг перед Отечеством за рубежом» [цит. по: Тесемников 2008, с. 82]. О нем писали как о патриоте, который «направил все свои умственные способности и вложил все свои усилия на служение своему народу» [Фјодор Јевдокимович 1945, с. 1]. Махин «верно служил своей Родине и за ее пределами» [Сахрана генерал-лајтнанта 1945, с. 2].

Одним из тех малочисленных русских, кто достиг вершин в партизанской иерархии, был и инженер Владимир Федорович Смирнов. Он ушел в партизаны в 1941 г., стал начальником технического отдела Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии. Во время войны выполнял такие задачи, как разрушение мостов, уничтожение коммуникаций, из-за чего получил прозвище Влада Рус-Мостоубийца. Его самой известной акцией стала как раз постройка переправы через р. Неретва во время наступления немцев. Совершив этот подвиг, Смирнов спас 4000 раненых [Радженович 2015, с. 330, 332].

Владимир Федорович был награжден высшими югославскими орденами. После войны стал начальником Строительно-технического отдела Министерства народной обороны, потом начальником Управления военной промышленности и строительства. В июле 1948 г. — спустя две недели после принятия Резолюции Информбюро — он был произведен в генерал-майоры. Но его «превентивно» уволили с должности начальника Управления военной промышленности и строительства и назначили главным инженером Генеральной дирекции военного строительства. Тем не менее в самом разгаре советско-югославского конфликта Владимир Федорович являлся ключевой фигурой в военно-строительном комплексе — разрабатывал проекты строительства подземных бункеров и командных пунктов — бомбоубежищ, в которых располагались бы югославское руководство, государственные органы и учреждения в случае войны с СССР. На посту главного инженера он остался до 1958 г. Тогда же был назначен заместителем начальника Строительного управления Югославской народной армии. Одновременно ему было присвоен чин генерал-подполковника. Смирнов ушел на пенсию в 1960 г. Умер в Белграде в 1985 г. [Животић 2016, с. 145–147]. Он был похоронен на аллее Заслуженных деятелей на белградском Новом кладбище. Тем не менее его похороны оплатил один из членов его семьи ⁷.

Послевоенный период в Югославии был ознаменован не только репрессиями в отношении русских, но и проведением памятных акций, целью которых являлось увековечение памяти нескольких русских эмигрантов — членов движения Сопrotивления, погибших в борьбе с фашизмом. Их организаторами являлись государственные, военные структуры, а также общественные организации.

В ходе одной из первых акций вспомнили Ф.Е. Махина. Уже в апреле 1946 г. решением власти города Белграда — Исполнительного народного комитета г. Белграда — одна из белградских улиц названа именем Махина [Промена назива улица 1946, с. 5]. Ее как раз вновь переименовали лишь в 2004 г. [Rešenje o promeni naziva 2004a].

Несколько лет спустя, а именно параллельно с вышеуказанными процессами и жесткой пропагандой против русских, вспомнили командира звена военно-воздушных сил Народно-освободительной армии Югославии майора Аркадия Ивановича Попова (получившего прозвище Аркашка). В 1943 г. Аркадий Иванович примкнул к партизанам и народно-освободительному движению. Его назначили командиром 1-й авиаэскадрильи Народно-освободительной армии Югославии. В 1943–1944 гг. Попов совершил многочисленные вылеты. Он погиб в октябре 1944 г. в районе г. Слано (близ Дубровника), повторяя подвиг летчика Николая Францевича Гастелло. Его самолет был сбит зенитным огнем и упал в море. Несколько месяцев спустя, в феврале 1945 г., представительством коммунистического движения — Антифашистским вече народного освобождения Югославии — посмертно награжден орденом Партизанской звезды 2-й степени. Само награждение как раз инициировал Тито [Vazduhoplovstvo u strategiji NOR-a 1986,

⁷ Архив Нового кладбища.

s. 193, 200, 520, 525, 529; Тесемников 1988, с. 136; Pejić 1991, s. 315; Frka, Novak, Pogačić 1998, s. 176; Писцов 2013].

Первая акция увековечения памяти погибшего летчика, а также пилотов первой авиаэскадрильи состоялась в самый разгар советско-югославского кризиса — в 1951 г. На острове Вис в Адриатическом море, в южной части Хорватии, возле далматинского побережья, на перекрестке трассы Вис — Комижа — Подстражье сотрудники военно-воздушных сил Югославии установили памятную доску, на которой была высечена следующая надпись: «На освобожденном острове Вис 2 сентября 1944 г. товарищ Тито встретился с нашей первой авиаэскадрилей и поставил ей следующую задачу: “Летчики, не допустите, чтобы враг сбежал из нашей земли безнаказанно”. Следуя приказам своего Главнокомандующего, наши первые авиаэскадрильи поднимались с аэродрома Вис и совершили около 3000 вылетов, чтобы освободить отечество. Исполняя эти приказы, свои жизни отдали пионеры авиации Тито, имена которых мы назовем ниже. В память о павших летчиках-офицерах эту мемориальную доску устанавливают народ острова Вис и служащие югославских ВВС, воспитанные на бессмертных примерах этих светлых героев, которые показали, что значит любить Родину и свободу и что значит отважно и мужественно умереть за эти ценности» [Vožanić-Bezić 1968, s. 310]. Установление этой доски свидетельствовало о том, что она являлась своего рода общим памятником павшим пилотам и, следовательно, что увековечение памяти Аркадия Ивановича не отделялось от проведения подобных акций, посвященных памяти погибших летчиков, его соратников. Однако следует отметить, что в перечне погибших его имя находилось на втором месте, причем очевидно, что при составлении этой описи инициаторы не руководствовались датами гибели летчиков.

Спустя шесть лет после этой акции состоялась вторая. В 1957 г. в рамках масштабной акции, направленной на сохранение памяти летчиков, погибших в войне, командование военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны и объединение югославских ветеранов (Союз объединения бойцов Народно-освободительной войны — отдел населенного пункта Стон в месте Доли) возвели Аркадию Ивановичу недалеко от Стона памятник в виде крыла самолета. О монументе заботились тот же самый отдел Союза и военное подразделение в г. Мостар [Vazduhoplovstvo u strategiji 1986, s. 558; Живанович 2020].

В середине 1980-х гг. один из его соратников назвал Попова человеком порядочным, «любимым другом, отличным летчиком и командиром» [Ivanišević 1986, s. 200]. Писали также, что, несмотря на его происхождение, он «в душе был и остался югославянином» [Pejić 1991, s. 315].

В 1959 г. прошла еще одна акция, в ходе которой увековечено имя еще одного русского эмигранта — члена движения Спротивления — Габриэля Денисова. На здании Дома лесоводов в Загребе Общество лесоводов Хорватии установило мемориальную памятную доску, посвященную инженерам, павшим в борьбе с фашизмом. На нее же было занесено имя Габриэля Денисова, инженера лесного хозяйства, который сотрудничал с партизанами. Его убили в 1942 г. [Zakon o vraćanju 1977, s. 351; Puškadija-Ribkin, s. 178; Живанович 2020].

В 1969 г. военная деятельность Владимира Смирнова, в частности постройка временного моста через р. Неретва, была увековечена в одном из самых масштабных проектов югославского кино — кинофильме «Битва на Неретве», снятом на государственные деньги. Речь шла о самом дорогом фильме в истории югославского кино. Главную роль — роль Владо — исполнил Юл Бриннер [Ostojić 1977].

В 1981 г. вспомнили еще одного участника антифашистской борьбы, а именно члена Союза советских патриотов поэта Алексея Петровича Дуракова. Поэзией он стал заниматься в эмиграции, его творчество включало стихи на русском языке, такие как «Политком», «Сердце», «Партизанская любовь». Одновременно он работал учителем в гимназиях на юге Сербии, в том числе во Вране. К партизанскому движению примкнул после начала оккупации. Его арестовывали болгарские фашисты, недичевцы, гестапо. После возвращения с принудительных работ в Германии Алексей Петрович воевал в составе посавской бригады Народно-освободительной армии Югославии. Погиб в августе 1944 г. в деревне Прогар (на сегодняшний момент вошедшей в состав Белграда), прикрывая отступление своего отряда, который находился под пулеметным огнем. Он был похоронен на месте гибели. В 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил Алексея Петровича орденом Отечественной войны 2-й степени [Ђурић 1990; Боровняк 2015, с. 308, 311; Тимофеев 2015, с. 266; Ёхина 2017, с. 191–205]. В 1981 г. к 100-летию существования гимназии и к 40-летию восстания в Сербии «рабочие люди и граждане враньского края» установили на здании гимназии в г. Вране памятную доску. На нее были занесены имена учеников и учителей, погибших в 1941–1945 гг., в том числе А.П. Дуракова [Живанович 2020].

Также следует отметить, что, несмотря на предъявленные обвинения, приговор и депортацию Ю.П. Лобачева, его мастерство и произведения в стране не были забыты. Наоборот: в конце 1950-х гг. журнал «Политикин забавник», доверенным сотрудником которого являлся Юрий Павлович, переиздал комиксы «Гайдук Велько», «Баш Челик» и «Башня ни на небе, ни на земле». В 1965 г. — спустя 16 лет после депортации — его сотрудничество с журналом «Политикин забавник» было возобновлено и официально подтверждено изданием комикса «Таинственная пещера». В 1976 г. издательство «Югославия» опубликовало его книгу комиксов под названием «Волшебный мир Юрия Лобачева», для которой он заново нарисовал ранее публиковавшиеся комиксы. На 2-м Салоне югославского комикса в г. Винковци в Хорватии в 1985 г. Юрий Павлович получил гран-при. В 1996 г. в Белграде открылась школа комиксов «Джордже Лобачев». В том же году он получил премию «Максим» 1-го салона комиксов в г. Заечар [Драгинчић, Зупан 1986; Антанасиевич 2015, с. 63–64]. В 2004 г. одной из улиц в Земуне — части Белграда — присвоено его имя [Rešenje o promeni naziva 2004b].

С одной стороны, политика действительно напрямую повлияла на судьбу тех выживших членов движения Сопротивления в стране, кто выступил в поддержку Резолюции Информационного бюро. Против них вели жесткую пропаганду, репрессировали. С другой стороны, после окончания Второй мировой войны в Югославии государственными, военными структурами, а также общественными организациями проводились памятные акции, целью которых являлось увеко-

вечение памяти нескольких русских эмигрантов — участников антифашистской борьбы — как тех, кто погиб в борьбе с фашизмом, так и тех, кто пережил войну.

Сокращения

АЮ — Архив Югославии
ВВС — Военно-воздушные силы
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НОАЮ — Народно-освободительная армия Югославии
ССП — Союз советских патриотов

Литература

- Антанасиевич 2015 — *Антанасиевич И.* Русская классика в картинках. Белград, 2015. 276 с.
- Арсеньев 1999 — *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. 253 с.
- Арсеньев 2011 — *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2011. С. 140–169.
- Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018 — *Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л.* Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Т. 1–2. Белград, 2018.
- Борейко 2001 — *Борейко В.Е.* Мартино Владимир Эммануилович (9.06.1889 — 15.09.1961) // Словарь деятелей охраны природы. 2-е изд., испр. М., 2013. (История охраны природы).
- Боровняк 2015 — *Боровняк Дж.* Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. / сост. К.К. Семенов. М., 2015. С. 305–327.
- Ганин 2006 — *Ганин А.В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.
- Ганин 2014 — *Ганин А.В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: сб. ст. и материалов / под ред. А.В. Посадского. М., 2014. С. 16–59.
- Ёхина 2015а — *Ёхина Н.А.* «История русского сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014–2015. М., 2015. С. 174–205.
- Ёхина 2015б — *Ёхина Н.А.* «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: К истории Союза советских патриотов в Белграде // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. / сост. К.К. Семенов. М., 2015. С. 203–237.
- Ёхина 2017 — *Ёхина Н.А.* «Погибшие с живыми пребывают...»: И.Н. Голенищев-Кутузов об эмигрантах — членах Союза советских патриотов в Югославии, погибших в годы Второй мировой войны // Люди и судьбы Русского Зарубежья / отв. ред. А.Б. Ефимов, Е.М. Миронова. Вып. 4. М., 2017. С. 191–205.
- Живанович 2020 — *Живанович М.* Захоронения и памятники русским эмигрантам — членам Сопротивления в Югославии // Военно-исторический журнал. 2020. № 10. С. 75–80. URL: <http://history.milportal.ru/zaخورoneniya-i-pamyatniki-russkim-emigrantam-chlenam-soprotivleniya-v-yugoslavii> (дата обрац. 02.11.2020).

- Йованович 2012 — *Йованович М.* Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера: Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // *Родина (Москва)*. 2012. № 11. С. 14–16.
- Казак 1975 — *Казак В.Н.* Побратимы: Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран: 1941–1945. М., 1975. 175 с.
- Миленкович 1996 — *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии 1920–1941 // *Русская эмиграция в Югославии*. М., 1994. С. 136–147.
- Писцов 2013 — *Писцов В.* Они прославили Русское имя... Русские за рубежом (Часть вторая) // *Русские в Казахстане*. 2013. 21 сент.
- Радженович 2015 — *Радженович Р.* Документы Архива Югославии об участии российских эмигрантов в борьбе с фашизмом в Югославии в годы Второй мировой войны // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. / сост. К.К. Семенов*. М., 2015. С. 328–342.
- Сорокина 2017 — *Сорокина М.Ю.* И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): К истории возвращения в СССР // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*, 2017. М., 2017. С. 114–128.
- Тесемников 1988 — *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии 1919–1945 гг. // *Вопросы истории (Москва)*. 1988. № 10. С. 128–137.
- Тесемников 2008 — *Тесемников В.А.* Превратности судьбы генерала Ф.Е. Махина // *Tokovi istorije*. 2008. № 1–2. С. 68–83.
- Тимофеев 2012 — *Тимофеев А.Ю.* Союз советских патриотов в Сербии // *Родина (Москва)*. 2012. № 11. С. 17–19.
- Тимофеев 2013 — *Тимофеев А.Ю.* Деятельность «Союза советских патриотов» в Сербии в период Второй мировой войны // *Славянский альманах (Москва)*. 2013. № 1. С. 241–257.
- Тимофеев 2015 — *Тимофеев А.Ю.* Соппротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. / сост. К.К. Семенов*. М., 2015. С. 249–254.
- Тимофеев 2019 — *Тимофеев А.Ю.* Сломанные судьбы. 1948–1953 гг. Репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности) // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына*, 2019. М., 2019. С. 294–311.
- Шергалин 2013а — *Шергалин Е.Э.* Кирилл Владимирович Мартино (1914–2005) — орнитолог, ихтиолог и охотник // *Русский орнитологический журнал*. 2013. Т. 22. Экспресс-выпуск 925. С. 2687–2696.
- Шергалин 2013б — *Шергалин Е.Э.* Кирилл Владимирович Мартино и его публикации по хищным птицам Югославии // *Труды VI Международной конференции по соколообразным и совам Северной Евразии*. Кривой Рог, 2013. С. 600–602.
- Драгинчић, Зупан 1986 — *Драгинчић С., Зупан З.* Историја југословенског стрипа I (до 1941 године). Нови Сад, 1986. 148 с.
- Ђурић 1990 — *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Горњи Милановац; Београд, 1990. 300 с.
- Животић 2016 — *Животић А.* Руски емигрант — југословенски генерал // *Војно-историјски гласник*. 2016. № 1. С. 135–149.
- Иветић 2014 — *Иветић В.* Махин, Фјодор Јевдокимовић // *Српски биографски речник*. Том 6. Мар–Миш. Нови Сад, 2014. С. 319–320.
- Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. 386 с.

- Јовановић 2006 — *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану: 1920–1940. Београд, 2006. 560 с.
- Миловановић 1994 — *Миловановић М.* Григорије Иванович Самојлов // Руси без Русије. Српски Руси / ур. З. Бранковић. Београд, 1994. С. 255–264.
- Пред народни суд 1949 — Пред народни суд у Сарајеву изведени су бивши белогардејци — совјетски грађани који су у совјетској обавештајној служби радили против слободе и независности ФНРЈ // Политика. 1949. 2 дек.
- Промена назива улица 1946 — Промена назива улица у Београду // Борба. 1946. 15 априла. С. 5.
- Сахрана генерал-лајтнанта 1945 — Сахрана генерал-лајтнанта Фјодора Јевдокимовића-Махина // Борба. 1945. 5 јуња. С. 2.
- Тимофејев 2011 — *Тимофејев А. Ј.* Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. 460 с.
- Тимофејев 2012 — *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота — антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // Токови историје. 2012. № 3. С. 257–277.
- Фјодор Јевдокимович 1945 — Фјодор Јевдокимович Махин генерал-лајтнант // Борба. 1945. 4 јуња. С. 1.
- Црвена армија 2018 — Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти ИБ-овске пропаганде / прир. А. Тимофејев, Београд, 2018. 265 с.
- Božanić-Bezić 1968 — *Božanić-Bezić N.* Spomenici najnovijeg doba na otoku Visu // Prilozi povijesti umjetnosti u Dalmaciji. 1968. № 1. S. 265–320.
- Frka, Novak, Pogačić 1998 — *Frka D., Novak J., Pogačić S.* Zrakoplovstvo Nezavisne Države Hrvatske 1941–1945. Zagreb, 1998. 368 s.
- Ivanišević 1986 — *Ivanišević Đ.* Hrabri piloti 1. eskadrile NOVJ // Vazduhoplovstvo u strategiji NOR-a. Beograd, 1986. S. 193–201.
- Očak 1987 — *Očak I.* Ruski emigranti i narodnooslobodilačka borba naroda Jugoslavije // Historijski zbornik. 1987. № 40. S. 297–307.
- Ostojić 1977 — *Ostojić S.* Rat, revolucija, ekran. Zagreb, 1977. 152 s.
- Pejčić 1991 — *Pejčić P.* Prva i druga eskadrila NOVJ. Beograd, 1991. 357 s.
- Puškadija-Ribkin 2006 — *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije u kulturnom i znanstvenom životu Zagreba. Zagreb, 2006. 304 s.
- Rešenje o promeni naziva 2004a — Rešenje o promeni naziva ulica na teritoriji gradskih opština Stari grad i Vračar // Sl. list grada Beograda. 2004. № 4.
- Rešenje o promeni naziva 2004b — Rešenje o promeni naziva ulica na teritoriji gradskih opština: Zemun, Zvezdara, Vračar, Palilula, Savski venac, Rakovica i Čukarica // Sl. list grada Beograda. 2004. № 5.
- Vazduhoplovstvo u strategiji 1986 — Vazduhoplovstvo u strategiji NOR-a: okrugli sto 21. mart 1985.: za pobjedu i slobodu: učesnici govore. Beograd. 1986. 569 s.
- Zakon o vraćanju 1977 — Zakon o vraćanju nacionaliziranog dijela zgrade «Šumarski dom» u Zagrebu // Šumarski list. 1977. № 8–9. S. 339–356.

Н.В. Турыгина

УЧАСТНИК ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ
А.М. АГАФОНОВ-ГЛЯНЦЕВ (1920–2009)
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РОССИИ,
ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ¹

Русские эмигранты раньше прочувствовали тяготы и лишения Второй мировой войны. Сначала в соответствии с законодательством государства проживания, к которому испытывали признательность за приют, они были призваны в армию. И надо сказать, что зачастую этот призыв воспринимался как должное, а многие шли и добровольцами.

Затем после оккупации страны проживания — Франции или Югославии, например, — последовало интернирование в лагерь для военнопленных, а после нападения Германии на Советский Союз — новые преследования сочувствующих по обвинению в шпионаже. И это на фоне преследования евреев, коих среди выходцев из России было много. В то же самое время другая активная группа русских эмигрантов уже договаривалась с новой властью, чтобы заручиться поддержкой, получить помощь (желательно материальную) и устроиться лучше прежнего. Пораженческое крыло при этом активно использовало патриотические лозунги борьбы за национальную Россию.

После окончания Второй мировой войны оборонческое крыло русской эмиграции было охвачено бурными чувствами и стремилось получить советский паспорт и вернуться на родину. Пораженцы же замечали следы, уезжали в поисках укромного места, куда бы не смогла дотянуться рука правосудия. А у тех, кто активно принимал участие в борьбе против национал-социализма, затеплилась надежда на возможное примирение и воссоединение с родиной.

Однако в Советском Союзе их не ждала теплая встреча. Многие русские эмигранты, а вместе с ними советские пленные и остарбайтеры оказались в советских лагерях по обвинениям в шпионаже и измене родине. В 1953–1954 гг. многие вышли из тюрем по амнистии после смерти И.В. Сталина, а в 1970-х гг. прошла волна реабилитаций. Однако недоверие оставалось, социальное давление не ослабевало, и примирения так и не произошло.

Яркий пример — жизнь Александра Михайловича Агафонова (Глянцева). О нем написано немало публикаций [Полян 2015; Черкашин 2010]² и снято несколько фильмов³, но наиболее ярко и подробно о его судьбе можно узнать из

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект №19-78-00085 «Русская эмиграция между “старой” и “новой” родиной в условиях Второй мировой войны: проблемы идентичности и патриотизма»).

² BDIC La Contemporaine. Carton 1. Chemise 8; Carton 2. Chemises 1, 2.

³ Ibid. KV 1614, films 1–4.

автобиографической повести «Записки бойца Армии теней» [Агафонов (Глянцев) 1998; Агафонов-Глянцев 2007].

Остановимся на важных для понимания проблемы вехах его жизни. А.М. Агафонов родился в 1920 г. в Крыму и провел все детство с бабушкой, которую звал мамой, в Харькове, тогда как родители были эвакуированы с армией П.Н. Врангеля. Они осели в Белграде, куда через Международный комитет Красного Креста выписали сына. По воспоминаниям А.М. Агафопова, по приезде в 1927 г. он называл их «товарищ мама» и «товарищ папа», а за свое советское прошлое и советский паспорт получил прозвище «большевичок». Мальчик активно включился в жизнь русской диаспоры. Впоследствии он так вспоминал те годы: «Я стал понимать, сколько прошло мимо меня такого, что не дало угаснуть искре русскости, а неистовые вихри жизни лишь сильнее раздули ее жар... Немало помогли этому Плетневская 1-я русско-сербская гимназия, среда преподавателей и гимназистов, организация русских скаутов — юных разведчиков, церковь, традиции. Никакой политики, кроме одной, — воспитания любви к Родине, к ее культуре, развитие чувства долга и благородства...» [Агафонов (Глянцев) 1998, с. 404].

В сентябре 1940 г. А.М. Агафонов «был зачислен курсантом 68-го класса Низшей школы Военной академии Королевства Югославия»⁴. Именно там его и застала Апрельская война, так называемая операция «Наказание» фашистской Германии против бывшего союзника. После капитуляции курсанты оказались в плену, где при распределении Александр Агафонов остался с сербами: «В Панчево объявили: “Хорваты, босанцы, македонцы, словенцы, русские! Выйти из строя!” Я почувствовал себя сербом, подданным страны, которая дала нам убежище, приняла в свое лоно, и остался с друзьями. Так же поступили и все другие русского происхождения! По-братски поделим чашу скорби!» [Агафонов (Глянцев) 1998, с. 64]. Хотелось бы отметить, что при этом он не переставал осознавать себя русским, но чувство солидарности после пережитого на первый план выдвинуло не этничность, а гражданскую позицию. Это подтверждает тезис об изменчивости самоидентификации в зависимости от обстоятельств — как внешних, так и внутренних.

Далее последовало содержание в лагерях для военнопленных: Дединье, Панчево, Секелаж, Трир (Шталаг XII-D), Саарбрюкен, Шталаг XII-F в Лотарингии. Именно там, в Лотарингии, в селе Ремельфинген группе, в которой был А.М. Агафонов, удалось завязать контакты с местными французскими ребятами-подростками Полем Негло и Жеромом Мурером, проявившими сочувствие и помогшими организовать побег, совершенный в августе–сентябре 1941 г. Эта помощь, как и помощь встреченных беглецами людей (разных национальностей: и французов, и поляков, и греков), укрепила в мысли продолжать борьбу против нацизма. Впрочем, у них и не было другого выхода, как присоединиться к подполью, к французскому подполью, которое с самого начала было многонациональным и разношерстным. По воспоминаниям А.М. Агафопова: «Мы были уверены, что нас всюду примут с распростертыми объятиями: идет война, и солдаты нужны.

⁴ Ibid. F delta 2190. Carton 1. Chemise 1. P. 8.

Мы будем драться за свободу многих стран: Югославии, Франции, Польши, Греции, России... против их, против нашего общего врага — фашизма-агрессора» [Агафонов (Глянцев) 1998, с. 115]. Так формируется новая идентичность.

Окунувшись в подпольную работу, А.М. Агафонов и участвовал в саботаже на немецком заводе, и обучал обращению с оружием новобранцев маки, и собирал разведданные, не раз оказывался на волосок от смерти. Был арестован в июле 1943 г. в рамках акции СД под кодовым названием «Меершаум» («Морская пена») по распоряжению начальника Службы безопасности Парижа. После следствия с пристрастием был переведен в пересыльный лагерь Компьень и отправлен в Бухенвальд⁵.

5901 KL: <u>Meimar-Buchenwald</u>		Meerschaum		HSHL-Nr.: <u>44445</u> R	
Häftlings-Personal-Karte			Lagerstufe:		
Fam.-Name: <u>Glantzow</u>		Überstellt		Personen-Beschreibung:	
Vorname: <u>Alexandr</u>		am: an KL.		Größe: <u>180</u> cm	
Geb. am: <u>18.11.20</u> <u>Koreiss</u>		am: an KL.		Gestalt: <u>m.stark</u>	
Stand: <u>ledig</u> Kinder: <u>-</u>		am: an KL.		Gesicht: <u>oval</u>	
Wohnort: <u>Paris XIV-me, 111., rue</u>		am: an KL.		Augen: <u>blau-grau</u>	
Strasse: <u>de Varves</u>		am: an KL.		Nase: <u>gerade</u>	
Religion: <u>orth.</u> Staatsang.: <u>USSR</u>		am: an KL.		Mund: <u>gew.</u>	
Wohnort d. Angehörigen: <u>Verlobte:</u>		am: an KL.		Ohren: <u>gew.</u>	
<u>Annie Mouglaie, Nantes,</u>		am: an KL.		Zähne: <u>2 fehl.</u>	
<u>15th, rue Dos d'Anc, Dép. Loire Inf.</u>		am: an KL.		Haare: <u>dklbraun</u>	
Eingewiesen am: <u>29.1.44.</u>		am: an KL.		Sprache: <u>russ., franz., deutsch, serb.</u>	
durch: <u>B.D.S. Paris</u>		am: an KL.		Bes. Kennzeichen: <u>Narben re</u>	
in KL.: <u>Buchenwald</u>		am: an KL.		Charakt.-Eigenschaften:	
Grund: <u>Polit. Russe</u>		Entlassung:		Sicherheit b. Einsatz:	
Vorstrafen: <u>keine</u>		am: durch KL.:		Körperliche Verfassung:	
mit Verfügung v.:		am: durch KL.:		4740	
Strafen im Lager:			I.T.S. FOTO No. <u>1364</u>		
Grund:	Art:	Bemerkung:	Körperliche Verfassung:		
.....		
.....		
.....		
.....		

Личная карточка узника Бухенвальда А.М. Агафопова (Глянцева).
29 января 1944

Там он встретил знакомых по французскому подполью югославов, познакомился с немецким антифашистским движением, работал санитаром и пытался облегчить участь узников. При первой возможности, не без помощи лидеров немецких антифашистов, заключенному № 44445 удалось бежать и окунуться в жизнь «пиратов» Кельна. Здесь А.М. Агафопова жизнь свела с советскими военнопленными, и окончание войны он встретил с ними. Органы советской контр-

⁵ Arolsen Archives, 1.1.5.3 Individuelle Unterlagen Männer Buchenwald / ALEXANDR GLANTZOW, Bild 5953074. URL: https://collections.arolsen-archives.org/archive/5953069/?p=1&s=Glantzow&doc_id=5953074 (дата обрац. 25.02.20)

разведки были озабочены поисками шпионов, так что А.М. Агафонов, оказавшись в советской зоне оккупации, снова попал в лагерь, и снова в Бухенвальд, к тому времени переименованный в спецлагерь НКВД СССР № 2. Только теперь заключенными были советские перемещенные лица и немецкие национал-социалисты, включая детей.

Находясь на допросах у советского следователя и впоследствии в органах Смерша и МГБ, А.М. Агафонов пришел к следующим выводам: «Раньше, там, когда дрался, я знал, на что и за что иду: они — враги, и я им враг! И все было правильным: и пытки, и суды, и приговоры... или просто пытки и перспектива уничтожения без суда и приговора, Бухенвальд... Все было правильным, всего этого я был достоин, как злостный враг, от врага и получал по заслугам. А здесь?! Зачем и сколько можно терпеть?» [Агафонов (Глянцев) 1998, с. 430-431].

С точки зрения советского государства А.М. Агафонов был подозрительным социально опасным элементом. Сначала он проживал на спецпоселении в Республике Коми, где в 1949 г. был арестован и осужден по ст. 7-35 УК РСФСР на 5 лет⁶. 28 марта 1953 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», на основании которого А.М. Агафонов был освобожден в марте 1954 г., за два месяца до окончания срока заключения.

Начиная новую жизнь, он с репутацией бывшего зека испытывал социальное давление, но не сдавался, а стремился найти свое место, получить образование и в дальнейшем добиться признания своего прошлого. В 1962 г. ему был вручен советский паспорт, а вместе с ним и все права советского гражданина. В 1965–1971 гг. он обучался на филологическом факультете Одесского государственного университета⁷, но по специальности не работал. А.М. Агафонов учительствовал в школах Крыма, где организовал Клуб интернациональной дружбы. С его помощью он искал свидетелей своего прошлого, которые могли бы подтвердить его участие во Второй мировой войне. В 1967–1968 гг. его письмо мэру Лотарингии имело резонанс и во французской, и в советской печати [Chombarts 1967; L'ancien officier 1967; Alex, l'évadé de Sarreguemines 1968; Les résistants en culottes courtes 1968; Cuny 1968; Шерешев 1968]. Он нашел Поля Негло и Жерома Мурера, встреча же состоялась только в 1987 г., когда наконец было получено разрешение на выезд. Об этой встрече лотарингское региональное телевидение даже сняло небольшой сюжет⁸.

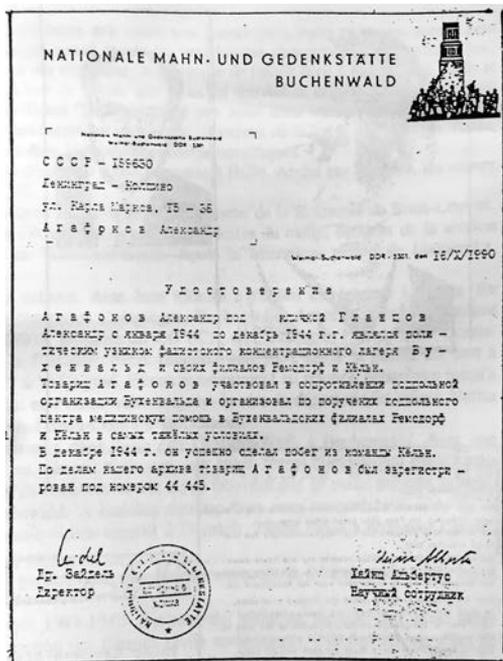
Тем временем в 1970–90-х гг. вышли в свет публикации, посвященные борьбе русских эмигрантов и советских граждан в рядах европейского движения Сопротивления в отечественных и зарубежных изданиях, причем как в научных журналах, так и в средствах массовой информации. Эти люди воспринимались и воспринимаются героями, заслуживающими признания и уважения за стойкость, мужество, борьбу за добро и справедливость. Но зачастую только на бумаге и по случаю.

⁶ BDIC La Contemporaine, F delta 2190. Carton 1. Chemise 1. P. 37.

⁷ Ibid. P. 21.

⁸ Ibid. KV 1613. Disque 1.

Что же касается государственной политики, то в 1970-х гг. в СССР прошла волна реабилитаций политических заключенных. 28 сентября 1973 г. определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР был реабилитирован и А.М. Агафонов. В октябре того же года из Верховного суда пришло разъяснение, что по существующему законоположению ему как реабилитированному могут зачесть в трудовой стаж время пребывания в местах лишения свободы, но подтвердить факты службы в армии и участия в войне может лишь военное ведомство⁹. В 1981 г. А.М. Агафонов обратился в Крымский областной военкомат для получения статуса участника войны, к заявлению были приложены и свидетельства соратников по подпольной борьбе. Ответ был получен в ноябре 1984 г.: «В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 907-78 г. удостоверение участника войны выдается только лицам, которые участвовали в боевых действиях по защите СССР»¹⁰. У А.М. Агафопова же было только свидетельство Международной службы розыска о том, что он был солдатом Югославской армии¹¹.

Справка о статусе узника Бухенвальда, выдана архивной службой Национального мемориального музея Бухенвальд. 16 октября 1990. BDIC La Contemporaine. F delta 2190. Carton 1. Chemise 1. P. 49

Выйдя на пенсию, А.М. Агафонов переехал в Колпино под Санкт-Петербургом, где в 1990 г. получил удостоверение реабилитированного, подтверждавшее, что он имеет право на льготы, предусмотренные решением Исполкома Ленсовета № 281 от 26 марта 1990 г. «Об оказании помощи реабилитированным гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий». Льготы приравнивали его к инвалидам Великой Отечественной войны.

В 1991 г. А.М. Агафонов выехал во Францию на встречу с соратниками по подпольной борьбе и принял решение остаться там, среди близких ему людей. По совету друзей 25 июля 1991 г. А.М. Агафонов написал письмо президенту Франсуа Миттерану с просьбой остаться во Франции на постоянное место жительства¹². Получив статус политического беженца

⁹ BDIC La Contemporaine. F delta 2190. Carton 1. Chemise 1. P. 31.

¹⁰ Ibid. P. 45.

¹¹ Ibid. P. 25.

¹² Ibid. P. 52.

ца, А.М. Агафонов лишился советского гражданства, а вместе с ним и пенсии, и статуса реабилитированного. В новой среде нужно было заново доказывать свое участие в движении Сопротивления, а кроме того, встал и вопрос о получении материального довольствия.

24 июня 1992 г. А.М. Агафонов обратился к федеральному министру внутренних дел ФРГ о возможности получения компенсации за период Второй мировой войны как военнопленный Югославской армии. В октябре 1992 г. был получен ответ от Министерства финансов. Согласно общему международному праву требования о возмещении ущерба, причиненного воюющей державой, могут быть предъявлены только государством к государству. Отдельные пострадавшие могут получить компенсацию только от своего родного государства в соответствии с действующими льготами. Немецкие законы не предусматривают компенсационных выплат иностранным гражданам в таких случаях. По соответствующим договорам 1956 и 1973 гг. экономическая помощь Югославии от ФРГ уже была оказана.

Советский Союз правительственной декларацией от 22 августа 1953 г. от дополнительных репараций от Германии отказался. Согласно международному праву этот отказ распространяется и на Российскую Федерацию как правопреемницу Советского Союза, а также на другие государства — преемники Советского Союза и на всех граждан этих государств. Однако правительства Германии и бывшего Советского Союза летом 1991 г. начали переговоры по вопросу о компенсации советским гражданам, пострадавшим от национал-социалистических мер преследования во время Второй мировой войны. С 1993 по 2011 г. действовало государственное учреждение «Фонд взаимопонимания и примирения», которое распределяло в России немецкую и австрийскую финансовую помощь жертвам нацизма: узникам концлагерей и лицам, привлекавшимся к принудительному труду. В дальнейшем такая помощь оказывалась через частные фонды, но А.М. Агафонов, как политический беженец, на эту поддержку рассчитывать не мог, как и на статус участника Великой Отечественной войны. Закон «О ветеранах» был принят в РФ уже после его отъезда, в декабре 1994 г., с тех пор документ претерпел значитель-

COMITÉ INTERNATIONAL DE LA CROIX-ROUGE
AGENCE CENTRALE DE RECHERCHES

Geneve, le 30.8.1992 г.
1, AVENUE DE LA PAIX

Attestation

Центральное Агентство Розыска подтверждает, что согласно с документацией которую он имеет:

Имя, фамилия	ГЛЯНЦЕВ Александр
Дата рождения	19.1.1920 г или 18.10.1920
Место рождения	Крам
Сын	Михайло и Марин уржд. Агафоновой
Чин	солдат
Служба	в югославской армии
Матрикул	
Взят в плен	18.4.1941 г. в Фока
интернирован	в Сталаге XII-D. и в Сталаге XII.
под номером	20.980
	сбежал 22.8.1941 г.

Вышеуказанные данные подтверждены:
4-мя карточками о пребывании в плену
из вышеуказанных лагерей.

№ 2190 (1/1) 1951

Справка о статусе военнопленного, выдана Центральным агентством розыска Международного комитета Красного Креста. 30 августа 1972.

BDIC La Contemporaine. F delta 2190. Carton 1. Chemise 1. P. 29

ные изменения и в последней редакции к участникам Великой Отечественной войны относит в том числе и «лиц, принимавших участие в боевых действиях против фашистской Германии и ее союзников в составе партизанских отрядов, подпольных групп, других антифашистских формирований в период Великой Отечественной войны на территориях других государств» (Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О ветеранах»).

Параллельно в 1992–1996 гг. Агафонов ходатайствовал о признании статуса депортированного-сопротивленца (*Carte de Déporté-Résistant*), но французский министр по делам ветеранов и жертв войны неоднократно в этом отказывал.

Что касается Германии, именно там при жизни А.М. Агафонов опубликовал свои воспоминания, хоть и в довольно вольном переводе [Агафонов 1993], распространял их сам, русскоязычную рукопись отправлял в библиотеки Крыма, выступал с публичными чтениями среди немецкой молодежи, старался ежегодно посещать встречи бывших узников Бухенвальда в Баварии. Именно в Германии вышел первый телевизионный фильм об А.М. Агафонове в 1995 г. (реж. Отто Альбрехт). В Германии же была создана Ассоциация Александр Агафонов, оказывавшая ему материальную поддержку. Бесспорно, та позиция покаяния, которую занимает прежде всего немецкая общественность и которую поддерживают официальные власти, беспримерна по своей сути и масштабам.

Как можно было убедиться, в разных странах разные меры поддержки ветеранов Второй мировой войны, разный статус, разное отношение. Безусловно, государственная политика связана с понятиями национальности и гражданства. В итоге закономерно встает вопрос — кому же нужны наши космополиты? Вот уж воистину борцы «армии теней». Кто и как сохранит память о них?

С одной стороны, канонизирована как преподобномученица мать Мария, с другой — многие герои антифашистской борьбы остаются безымянными для своих соотечественников, и даже наметилась тенденция устанавливать мемориалы в честь борцов против коммунизма (то есть мемориальные доски или монументы тем, кто сотрудничал с Гитлером). В последнем случае эти бойцы позиционируются как борцы за национальную идею.

Еще в 1936 г. на обсуждении проекта устава оборонческого движения в среде политически активной русской эмиграции во Франции ставился вопрос о том, на чью сторону встанет русская эмиграция. «Планы враждебных России держав к началу 1936 года выяснились с совершенной очевидностью. В этих планах Россия рассматривается как объект колониальной политики, необходимый для наций, якобы более достойных и цивилизованных. Более или менее открыто говорится о разделе России, подобно тому как разделена была некогда Польша. Врагами России поддерживаются всякие сепаратистские движения, возможные в многонациональной стране в революционный период ее жизни. И во имя борьбы с существующим в России правительством некоторые круги эмиграции открыто солидаризируются со всеми этими вражескими планами, надеясь ценою раздробления родины купить себе возможность возврата в нее и захвата в ней государственной власти. Такое положение дел ставит перед эмиграцией вопрос об исполнении ею морального долга по отношению к родной стране. Это вопрос совести каждого

эмигранта: с кем он? С врагами ли его страны, преследующими цели ее раздела, или с нею?» Недвусмысленно звучал тезис о том, что «деятельность пораженческих кругов является предательской и преступной; что никогда Россия не простит этого предательства, независимо от того, какими мотивами оно вдохновляется»¹³.

Однако с момента написания этих слов прошло более восьмидесяти лет, а в России число мемориалов и памятников именно пораженцам заметно превалирует над коммеморативными акциями в отношении героев антифашистской борьбы из среды русской эмиграции. И те и другие устанавливаются, как правило, по частной инициативе. Но переименование улиц и учебных заведений напрямую касается государственной политики РФ и военно-патриотического воспитания молодежи. При формировании исторической памяти важно правильно расставлять акценты, чтобы идеалом был не махровый национализм, а универсальные ценности гуманизма. В этом смысле выявление, сохранение и распространение сведений о героях Сопротивления русского происхождения имеет стратегическое значение.

Сокращения

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация
СД — Служба безопасности рейхсфюрера СС
СМ — Совет министров
Смерш — «Смерть шпионам!», органы советской контрразведки
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
УК — Уголовный кодекс
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
BDIC — Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Нантер, Франция)

Литература

Агафонов (Глянцев) 1998 — *Агафонов А.М. (Глянцев)*. Записки бойца Армии теней / предисл. П. Поляна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 456 с. (Библиотека журнала «Новый Часовой»).

Агафонов-Глянцев 2007 — *Агафонов-Глянцев А.М.* Записки бойца Армии теней: Автобиографическая повесть-хроника. Севастополь: Вебер, 2007. 321 с.

Полян 2015 — *Полян П.М.* Перекрестки коллективного сопротивления и личного героизма (Александр Агафонов-Глянцев) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф., Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 377–385.

Черкашин 2010 — *Черкашин Н.* Боец армии теней // Столетие: интернет-газета. 2010. 27 янв. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/bojec_armii_tenej_2010-01-27.htm (дата обращ. 25.02.2020).

¹³ BDIC La Contemporaine. F delta res 827. Carton 1. Chemise 5. Оборонческое движение. Задачи и цели (Предварительный проект). <1936>.

Шерешев 1968 — *Шерешев В.* Традиции Сопrotивления живут // Слава Севастополя. 1968. 6 марта.

Agafonow 1993 — *Agafonow A.* Erinnerungen eines notorischen Deserteurs / aus dem Russischen von E. Laplace. Berlin: Rowohl, 1993. 272 s.

Alex, l'évadé de Sarreguemines, 1968 — Alex, l'évadé de Sarreguemines écrit au maire de Varangeville: «Retrouver ceux qui m'ont aidé» // Republicain Lorrain (France). 1968. 25 jan.

Chombarts 1967 — *Chombarts M.* Remelfing: L'ancien officier soviétique n'a pas oublié ceux qui l'avaient aidé à sévader // Républiqueain Lorrain (France). 1967. 25 juil.

Cuny 1968 — *Cuny M.* Grâce à notre journal l'ancien résistant de Dombasle a retrouvé Alex // Républiqueain Lorrain (Metz). 1968. 16 mars.

L'ancien officier 1967 — L'ancien officier soviétique raconte à ces élèves les faits héroïques de ses sauveteurs de Remelfing // Républiqueain Lorrain (France). 1967. 8 nov.

Les résistants en culottes courtes 1968 — Les résistants en culottes courtes de Remelfing reçoivent des nouvelles d'Alex // Républiqueain Lorrain (Metz). 1968. 25 jan.

М.Ю. Сорокина

АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НА БАЛКАНАХ:
К БИОГРАФИИ ПОЭТА АЛЕКСЕЯ ДУРАКОВА (1898–1944)

Хочу истлеть в земле родимой,
Смирив пред смертью стыдный страх.
Пусть ветер в яркие долины
Перенесет мой тленный прах.

Алексей Дураков

Все уходит прочь из жизни,
Кроме Памяти, не знающей разлук.

Мария Вега

Участие «белой» русской эмиграции во Второй мировой войне — одна из наиболее дискуссионных проблем ее истории. Значительное большинство старшего поколения постреволюционных беженцев, тесно связанное с различного рода военно-политическими организациями русского зарубежья, рассматривало гитлеровское нападение на СССР, особенно на первоначальном этапе войны, как инструмент борьбы с большевизмом. Однако эмигрантская молодежь разной политической ориентации, выросшая и получившая образование уже в новом культурном и политическом социуме, приняла самое деятельное участие в антифашистском движении Сопротивления во многих странах Европы. Показательно, что сам термин «Сопротивление» (*La Résistance*) получил широкое распространение вслед за изданием летом 1940 г. во Франции одноименной подпольной газеты, выпускавшейся двумя молодыми этнологами российского происхождения, Борисом Вильде (1908–1942) и Анатолием Левицким (1909–1942).

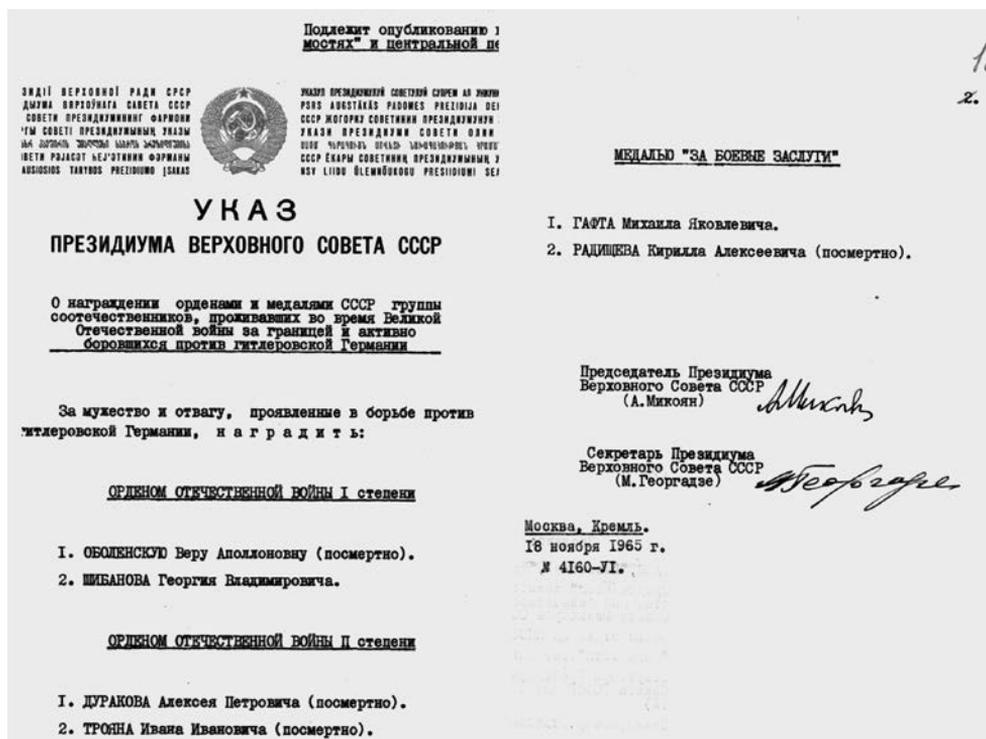
Противостояние «коричневой чуме» XX в. и совместная защита общих духовных и профессиональных ценностей часто объединяли русских беженцев и многих европейских интеллектуалов, персональные и групповые стратегии сопротивления которых в годы Второй мировой войны требуют новой исследовательской оптики и рефлексии, в том числе в контексте полемики о закате первой волны русской эмиграции к 1939 г.

Именно русские интеллектуалы бывшей Югославии, где была сосредоточена одна из самых больших и энергичных русских диаспор Европы, внесли существенный вклад в борьбу против нацизма и немецкой оккупации своей новой «зарубежной родины», как называла Сербию известный лингвист русского происхождения, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств И.Г. Грицкат-Радулович [Грицкат 2017]. Однако в России, где в последние десятилетия фокус изучения практик русской эмиграции в Югославии периода Второй мировой войны по очевидным причинам сместился с анализа деятельности партизанских

и прокоммунистических освободительных соединений на активность коллаборантов, в том числе чинов Русского охранного корпуса, их опыт остается малоизвестным. Только в самые последние годы появились исследовательские работы, на новых архивных материалах рассматривающие идеологию и разнообразные практики просоветски настроенной части русской эмиграции в межвоенной Югославии [Боровняк 2015; Ганин 2006; Ёхина 2015а; Ёхина 2015б; Ёхина 2017; Сорокина 2017; Тимофеев 2012; Тимофе́ев 2012; Тимофеев 2015].

Между тем в числе первых шести русских эмигрантов, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1965 г. награжденных советскими орденами «за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеровской Германии», был и представитель русского пореволюционного зарубежья в Королевстве Югославия — Алексей Петрович Дураков (1898–1944).

Появившийся на излете советской «оттепели» и приуроченный к празднованию 20-летия Победы, этот «юбилейный» указ оказался знаковым во многих международных и внутренних контекстах. Приход нового поколения руководителей СССР — бывших фронтовиков — сопровождался возвращением дню 9 Мая статуса всенародного праздника. Тем самым в советском публичном пространстве

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР группы соотечественников, проживавших во время Великой Отечественной войны за границей и активно боровшихся против гитлеровской Германии. 18 ноября 1965.

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 82. Д. 263. Л. 184, 185

было заявлено, что источником легитимности новой партийно-государственной элиты является уже не только и не столько становившаяся исторически далекой революция, но прежде всего — участие в продолжавшей наполнять коллективное сознание советских людей Великой Отечественной / Второй мировой войне. Впервые после окончания память о войне выступила как общенациональный символический ресурс и инструмент, одинаково важный как для политических и социальных практик власти и общества, так и для профессиональной и общественной исторической и философской рефлексии, инициировавшей новые образные доминанты советской вербальной и визуальной культуры (монументальной скульптуры, литературы, театра и кинематографа и др.).

В то же время указ 1965 г. закреплял некоторые итоги уже проделанной в годы правления Н.С. Хрущева работы по восстановлению связей с зарубежными соотечественниками и сшиванию общей истории «разделенного общества». После кончины И.В. Сталина многие эмигранты-возвращенцы, ранее арестованные и/или препровожденные в «места отдаленные», получили возможность переехать в крупные города СССР и публиковать свои мемуары. Впервые широко заговорили и о русских участниках европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны. Хотя первая в СССР научная статья об этом появилась еще в 1949 г. и принадлежала перу возвращенца, а затем известного историка, доктора исторических наук М.М. Штранге (1907–1968) [Штранге 1949], именно с середины 1960-х гг. научные работы, посвященные движению Сопротивления, стали публиковаться регулярно и повсеместно. Новая историческая политика предлагала создание позитивного и жертвенного образа русского эмигранта, персонифицировавшего интегрированность СССР в европейское пространство, и советские средства массовой информации также стали работать в этом направлении. Так, в 1964 г. в одном из самых массовых советских журналов — «Огоньке» напечатали сценарий художественного фильма о подвиге Вики Оболенской (1911–1944), автором которого был известный кинодраматург, один из родоначальников киноленинианы, лауреат Сталинской премии и орденоносец А.Я. Каплер (1903–1979) [Каплер 1984]. Приглашение на главную роль французской кинозвезды первой величины Марины Влади свидетельствовало о намерении создать международной кинобестселлер, обращенный одновременно к советской и зарубежной аудитории. И хотя проект не состоялся, сама его идея была очень характерна для того времени.

В том же тренде находился и цикл публикаций известного филолога-слависта, возвращенца Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова (1904–1969), посвященных роли молодого поколения русской эмиграции в югославском Сопротивлении. Мемуарные тексты бывшего активного члена Союза советских патриотов в Белграде были адресованы непосредственно русским эмигрантам всех поколений — читателям газеты «Голос Родины», издававшейся Советским комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом [Голенищев-Кутузов 1963а; Голенищев-Кутузов 1963б; Голенищев-Кутузов 1963в; Голенищев-Кутузов 1965]. Одной из центральных фигур этих публикаций стал многолетний друг автора поэт и партизан Алексей Дураков.

*Илья Николаевич
Голенищев-Кутузов.
1930-е*

Вероятно, именно благодаря Голенищеву-Кутузову его имя и оказалось в списке награжденных в 1965 г. эмигрантов-сопротивленцев. Кто стал инициатором этой символической акции, как и по каким критериям отбирались персоналии первой шестерки эмигрантов¹, почему отмеченными оказались только эмигранты во Франции и Югославии — вопрос очень интересный, но остающийся неисследованным.

Почти все русские эмигранты, представленные к советским наградам в 1965 г., уже были отмечены французскими орденами, и, добавляя к ним свои государственные знаки отличия, советская власть как бы предлагала забыть былую непримиримость и признавала эмигрантов «своими». Реализации этого резонансного пропагандистского жеста не помешали ни разные политические взгляды награжденных, ни их гражданство и/или «непролетарское» социальное происхождение. Однако так многообещающе начинавшееся воссоединение зарубежной и советской России/СССР не состоялось — и в следующий раз об участии русских эмигрантов в антифашистской борьбе в СССР вспомнили на правительственном уровне только через двадцать лет, с началом эпохи перестройки и «нового мышления», когда 7 мая 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями была награждена новая немногочисленная группа «русских французов»².

Несмотря на то что указ 1965 г. открывал исследовательские и издательские шлюзы для темы антифашистской борьбы русских эмигрантов в Европе, в том числе на Балканах, история единственного «не-француза» среди всех награжденных русских эмигрантов-сопротивленцев и единственного среди них поэта — Алексея Петровича Дуракова — минимально привлекала внимание и осталась малоизвестной как филологам, так и историкам.

*Обложка «Антологии
новой югославянской
лирики». Белград.
1933*

Хотя писать стихи «наш Алекса», как называли поэта в Сербии, начал еще в России и с начала 1920-х гг. печатался во многих журналах и альманахах Белграда и Парижа, но при жизни не выпустил ни одного поэтического сборника. Творчество Дуракова не было отмечено ни литературными премиями, ни прижизненным признанием. И сейчас о нем вспоминают в основном в связи с изданной в Белграде в 1933 г. «Антологией новой югославянской лирики», где вместе с И.Н. Голенищевым-Кутузовым и Е.Л. Таубер он выступил как переводчик сербской поэзии.

¹ Кроме А.П. Дуракова, орденов Отечественной войны I и II степени были удостоены Вера Аполлоновна Оболенская, Георгий Владимирович Шибанов, Иван Иванович Троян; медали «За боевые заслуги» — Михаил Яковлевич Гафт и Кирилл Алексеевич Радищев.

² Орденом Отечественной войны были награждены Т.А. Волконская, Б.В. Вильде, А.Н. Левицкий, Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), медалью «За боевые заслуги» — Б.Б. Сосинский-Семихат.

Тем не менее в 1920–30-х гг. имя Дуракова получило некоторую известность в русских эмигрантских литературных кругах как своего рода посредника между поэтическими эпохами. Свою генеалогию он видел вполне определенно: «Мои учителя да будут Ломоносов, Державин, Пушкин, Боратынский, Тютчев и Вячеслав Иванов». И когда в 1928 г. в Белграде проходил Первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом и все ходили, по словам И.Н. Голенщикова-Кутузова, «на поклон к Мережковским», не соблазнился один Дураков: «Я к Гиппиус, конечно, не пошел, что мне у нее делать. Она все ненавидит, а я все люблю, она все проклинает, а я все благословляю, наконец, я хочу писать оды, а она, кажется, за свою жизнь не написала ни одной и вряд ли напишет» [Переписка 1989].

Алексей Петрович Дураков.
<Начало 1920-х>

В МОИХ скитаниях по свету в всюду возил с собой фотографию юноши в форме гардемарина, да так и довел ее до Москвы. Лицо морщина на фотографии на редкость красиво. Прямые черты, но без жесткости, глаза грустные, рот едва приметно улыбющийся. Даже на фотографии Алексей Дураков производит впечатление обаятельного человека. Так оно и было в жизни. Особенно привлекательны во всем облике этого высокого и прекрасного сложного человека были мягкость и доброта, сочетавшиеся с непринужденной силой, которая проявлялась в трудные часы жизни. Я любил его слушать — все так же и досадно он умеет преобразовать в живое и слушательной силой неистощимого юмора, никогда не переходящего в сарказм.

Алексей Петрович Дураков родился в Пензенской области в 1898 году. Его отец, обаятельный дворянин, управлял чужим имением. Алексей учился в Симбирском конвальных училище, а затем поступил в Морской корпус.

Во время первой мировой войны он был послан вместе с другими гардемаринцами ко Владивостоку, побывал в портах Японии, Китая и Индии. После революции Алексей оказался в Югославии. В Белграде он окончил филологический факультет университета и стал учителем гимназия в одном из провинциальных городов Сербии. В Югославии в то время была довольно большая масса русских эмигрантов. Пробыв в эмиграции десять с лишним лет, многие стали задавать себе вопрос: «А что же дальше?». Естественно, что ответа на него искал и Алексей Дураков. И если возможность и была, — перебраться еще в другую страну? Но там, чужим языком — немецким или английским — удобней покончить с Советской властью, то находилось там же и среди них были ли Алексей Петрович и его ближайший друг — кто-либо все отчетливо понимающий родной язык, Родине, за которую можно умереть.

УДИВИТЕЛЬНО светлый образ талантливого поэта, милейшего человека и настоящего патриота Родины сохранился в памяти всех, близко знавших в эмиграции Алексея Петровича Дуракова.

Алексей Петрович был одним из тех русских эмигрантов, кто раньше многих осознал величие Октябрьской социалистической революции, ее значение для России и русского народа и всей душой принял ее идеи.

Наши сведения о жизни и творчестве поэта в эмиграции до последнего времени были довольно скудными. Вот что рассказал репатриант Илья Николаевич ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, близко знавший поэта в течение многих лет жизни на чужбине.

Поэт, БОРЕЦ, ПАРТИЗАН

Из-за того что Алексей Петрович размышлял с идеологическими установками белой эмиграции и открыто заявил об этом, имя его редко прозвучало в зарубежную эмигрантскую литературу. Если лирика Алексея Дуракова доходила порой до читателя в сборниках и журналах, появлявшихся в Париже и Белграде, то его патриотические стихи остались незамеченными, ибо они почти говорили о любви поэта к Советской стране. В своих политических стихах поэт прославлял подвиги советских покорителей Арктики (поэма «Аргонавты»). В стихотворении «Юлия и Оля» в противовес эмигрантскому полковнику-рациональщику, который тогда бы отдал владения еще Сибирь до Урала, чтобы они помогли выжить большевиков, поэт рисовал образы двух юных патриотов — детей эмигрантов. Юноша с горящими глазами говорит полковнику «Мы с Олей Отчужду врагу не дадим». В этом стихотворении поэт рисует красочную картину Дальнего Востока. Он видит советских пограничников, охраняющих священную границу Родины: «А где-то Амур авалью течет, а где-то труба над Амуром поет... А за Амуром, еще на многие тысячи километров, раскинулась огромная страна. Гидра, и именно ей принадлежит сердце тех, кто хоть и вырос здесь от нас, но душой всегда с ней».

Тонкий лирик, писавший стихи, исходящие из глубинных тайников сердца. Алексей Петрович читал в Бель-

А теперь остается рассказать все, что мне известно о жизни поэта от его ареста в начале 1941 года до гибели в 1944 году. Гестапо отправило Алексея Петровича работать на фабрику в Нордригге на полуарестантских условиях. Его жена, Любовь Дмитриевна, последовала за ним добровольно. Весной 1944 года, получив на короткий срок отпуск, супруги приехали в Белград. В Германию они больше не вернулись. К сожалению, я не знаю подробностей пребывания Алексея в фашистской Германии, о его жизни там, его творчестве. Но, зная его натуру, могу уверенно сказать: он вряд ли оставался там в тени, а боролся с врагом словом и делом. Сразу после его приезда в Белград член при помощи болгарской подпольной организации «Союз советских патриотов» удалось перебраться чету Дураковых на лес (так называлось тогда подполье среди югославских партизан). Чтобы избежать ареста, я должен был в начале августа 1944 года также отправиться «в лес». В нескольких десятках километров от Белграда, на территории названной автономной области Воеводина, близ реки Савы, партизаны держали под своим контролем довольно значительную территорию. Леса было много, но вдоль дорог, соединяющих партизанские деревни, росли чащи кукурузы. Немцы и хорватские фашисты на сабыли загонять в эти места: в кукурузе, превращающей человеческий рост, их поднимались засады, и пулеметные очереди сметали целые шеренги оккупантов. В борьбе с фашистами участвовало все население от мала до велика. Партизанские от-

савской бригады и слышал, где могут найти товарища Алексея (так звали в отряде Алексея Петровича). Комиссар сказал мне спокойно: «Его вчера убили на переправе». И вида, что я потрясен, добавил: «И моего брата тоже». Я молча вышел из штаба.

На следующий день мне удалось разыскать на лесной опушке одного режисера Савы Любюва Дмитриевича. На ней была партизанская пилотка с красной звездой, за спиной — немецкая трофейная винтовка. Она рассказала мне подробности.

За два дня до этого рано утром немцы стали переправляться через реку на партизанскую сторону. Алексей Петрович был в заставе, охранявшей рубеж. Пока подошли главные силы, небольшая группа партизан сдерживала превосходящие силы фашистов, оказав им местное сопротивление. Когда пулеметчик, брат комиссара, был поражен немецкой пулей, Алексей Петрович, зная его место, продолжал вести огонь по врагу. Нападение было отбито. На берегу Савы осталось несколько десятков трупов фашистов, скошенных огнем партизанского пулемета. Здесь же лежал погибший смертно храбрый отважный пулеметчик, русский поэт Алексей Петрович Дураков.

Всю свою жизнь он прожил как настоящий русский патриот и борец и встретил смерть героем. Он больше всего боялся, что его стихи станут извещать будущую, «покоренную» антиварную пылью. Он сравнивал себя с кузнцом, куяющим новый меч разущего слова.

Статья И.Н. Голенщикова-Кутузова «Поэт, борец, партизан».
Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6

К сожалению, архив А.П. Дуракова утрачен, известны буквально единичные документы поэта; его знаменитая фотография в кителе морского училища, одна из двух вообще сохранившихся, часто атрибутируется другим лицам, а собранный после войны вдовой поэта Л.М. Дураковой-Иванниковой и его другом И.Н. Голенищевым-Кутузовым машинописный сборник стихотворений А.П. Дуракова многие десятилетия оставался неизданным.

Биография поэта и антифашиста также практически не изучена. До сих пор точно неизвестно, где он родился, как жил в эмиграции, как погиб³. Главным источником биографических сведений остается статья И.Н. Голенищева-Кутузова (1904–1969) «Поэт, борец, партизан». Опубликованная в ноябре 1963 г. в малоизвестной в СССР газете «Голос Родины», она содержит и личные воспоминания друга поэта, и некоторые материалы к «сербской» части его биографии [Голенищев-Кутузов 1963б]. Отметим, что в Сербии не забывают А.П. Дуракова, и когда в 1981 г. к 100-летию существования гимназии во Вране, где он преподавал, установили памятную доску в честь учеников и учителей, погибших в 1941–1945 гг., имя А.П. Дуракова было также выбито на ней [Боровняк 2015, с. 311].

В настоящей статье, опираясь на вновь выявленные архивные документы и опубликованные мемуары, мы попробуем восстановить некоторые биографические линии и контексты жизни Алексея Петровича Дуракова в эмиграции в Сербии, связанные в том числе с его антифашистской позицией.

«ВЕСЕЛЫЙ МАЛЬЧИК БЕЛОКУРЫЙ»

Алексей Петрович Дураков принадлежал к дворянскому роду, известному в Пензенской губернии с XVII в. Он родился 15(27) мая 1898 г. в обедневшей дворянской семье Петра Алексеевича Дуракова и жены его Анны Федоровны (урожд. Каменской)⁴.

Пензенские краеведы расходятся во мнениях о месте рождения будущего поэта. Одни считают, что он появился на свет в имении Дураково-Черкасское Керенского уезда на северо-западе Пензенской губ. (ныне селе Луговое Вадинского района); другие называют то же имение, но находившееся в селе Черкасское (ныне Пачелмского района), где жила его богатая тетушка — вдова предводителя дворянства Керенского уезда баронесса Екатерина Алексеевна Штейнгель-Эспахо (урожд. Дуракова). Сам же А.П. Дураков писал, что родился в г. Керенске⁵, известном также как малая родина выдающихся русских ученых-лингвистов — академика Ф.И. Буслаева (1818–1897) и профессора Московского университета М.Н. Петерсона (1885–1962).

³ Так, например, известный эмигрантский генеалогический журнал «Новик» сообщал в 1946 г. что корабельный гардемарин Алексей Дураков расстрелян немцами в 1944 г. в Земуне [Новик 2011, с. 181].

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6792. Картотека Д. Л. 2830 и об.

⁵ Там же. Ф. Р-5942. Оп. 3. Д. 606. Л. 1 об. («Опросный лист» от 10 декабря 1920 г.). Название городка не имеет отношения к семье Керенских, хотя отец премьера Временного правительства Федор Михайлович Керенский родился в той же губернии.

Так или иначе, но богатая литературная история Пензенского края, которая ассоциируется прежде всего с именами М.Ю. Лермонтова и А.И. Куприна, помнит и еще одно имя — известного писателя-белоэмигранта, главного редактора нью-йоркского «Нового журнала» Романа Гуля (1896–1986), чей отец, кадет и видный общественный деятель Пензы, дружил с отцом А.П. Дуракова. В романе «Конь рыжий» Гуть ностальгически вспоминал о родном для него и Алексея Дуракова городке Керенске: «Солнечная тишина, дед, балкон, керенская площадь, это и есть мое детство. Ехать из Керенска до железнодорожной станции Пачелма долго, почтовым трактом пятьдесят семь верст, с двумя перепряжками. Но наконец из ржи все-таки вырисовывается Черкасское с выстроенным наподобие замка пестро-красным домом барона Штейнгеля. Здесь тройка вскачь мчит тарантас по зеленым от травы улицам села, потому что лошади знают, что в Черкасском им перепряжка. Тихо жил Керенск. Вокруг города гнулись поля ржи, овса, проса. А когда ветер тянул с реки Чангара, Керенск наполнялся пряным запахом конопли» [Гуль Конь рыжий]. В другом автобиографическом романе «Я унес Россию» Гуть, который был всего на два года старше Алексея Дуракова, писал, что дружили не только их отцы, но — семьи и с некоторым удивлением отмечал: «Мой друг детства Леша пошел добровольцем к югославским партизанам» [Гуль Я унес Россию].

В юношеские годы А.П. Дураков мог знать и других товарищей по будущей сербской эмиграции — например, учиться в одном классе 1-й пензенской классической гимназии с будущим художником Иваном Шеншиным (1899–1944) или пересекаться с его братом, в будущем профессором-агробиологом Алексеем Шеншиным (1891–1954), или с Ильей Голенищевым-Кутузовым, который также был уроженцем Пензенской губернии. Однако вряд ли молодые люди были знакомы в пензенские годы, так как юный Алексей Дураков учился в кадетском корпусе в Симбирске, который окончил в революционном 1917 г. и поступил в Морское училище в Петрограде.

Уже 12 ноября 1917 г. юноша ушел в плавание на учебном судне, вспомогательном крейсере «Орел», и позднее оказался в белых войсках Восточного фронта — в так называемой морской роте в Харбине, затем во Владивостоке, откуда с Морским училищем был эвакуирован в январе 1920 г. ввиду подхода красных войск. По свидетельству его приятеля, также гардемарина и эмигранта, а затем возвращенца из Франции Л.А. Майдановича, из Владивостока они шли, по существу, неизвестно куда, с общим курсом на Европу [Бек-Софиев]. Побывав в Сингапуре, Индонезии и Индии, в августе 1920 г. суда оказались в Порт-Саиде (Египет), а затем начальник училища капитан 1-го ранга М.А. Китицын повел их в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), в Дубровник.

Позднее А.П. Дураков писал в официальных документах, что приехал в КСХС «в отпуск» морем 12 августа 1920 г. через порт Груж, находившийся в 5 км от Дубровника⁶. По подсчетам историка А.Б. Арсеньева, через адриатические порты Мелине, Груж и Бакар в КСХС прошло около 20 тыс. белых русских эмигрантов [Арсеньев 2011]. Многие гардемарины и офицеры решили остаться в Королев-

⁶ Там же.

бы прокормиться, но и на «глиняный кувшин сухого сербского вина», и на чашечку «черного турецкого крепкого кофе» [Бек-Софиев]. Параллельно Алексей Дураков подрабатывал на стройке, на ткацкой фабрике, в депо и получал небольшие ссуды от югославской Государственной комиссии по устройству русских беженцев⁸.

«Стройный, высокий красавец, блондин, с военной выправкой, с очень тонким удлинненным лицом, с прямыми, аккуратно подстриженными, невьющимися волосами, расчесанными на самый банальный пробор, — так описывал Бек-Софиев своего друга Алексея Дуракова. — Ничего не было пошлого, искусственного, фальшивого. Он был прост, сиял жизнедеятельностью, очень живой и подвижный, но становился несколько экзальтированным, как только дело доходило стихов. Стихи свои и в особенности любимых поэтов он мог читать при любых условиях. Мы очень быстро сошлись, обнаружив во многом сходство взглядов и вкусов» [Бек-Софиев].

Молодых людей объединял и общий учитель — «профессор Е<вгений> В<асильевич> Аничков был не только нашим университетским учителем, скоро у нас сложились с этим чудаковатым, великодушным стариком очень простые, искренние, сердечные и дружеские отношения. Старик жил за городом, в дачной местности Топчидер, снимая там маленький домик с садом. Жил он одиноко, ждал дочку, которая должна была приехать из Америки. Чудесный, по-русски гостеприимный хозяин, он принимал нас очень мило и запросто, как своих близких родных. Зная наши пустоватые студенческие желудки, он нас постоянно подкармливал, и мы, хотя и со стыдом, но все же на это соглашались, так как деваться нам было абсолютно некуда. <...> Евгений Васильевич был хорошо светски воспитан и потому всегда держался естественно и просто. Любил нам рассказывать о Блоке, о Вячеславе Иванове, о его «башне» и множество веселых литературных анекдотов. Мы, конечно, слушали, развеса уши! Аничков был сложным и противоречивым человеком. Но что было для нас бесспорным — это сияние его большого челове-

РОБЕРТНО СЕРБСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ. 9838

Имя Дураков, Число лиц семьи 2

Фамилия и отчество Алексея Петровича

возраст 23

звание, профессия гардемарион

при нем находятся: (Семья В. Я. С. / С. Я. Д. / Д. Я. С.)

отметка об инвалидности

отметки о выдаче ссуд и пособий

январь 1920 г.	сентябрь	май 240 едн. % 70.	январь 1922 г. 200-6088.
февраль 157/151	октябрь	июнь 240-6724	февраль 200-6372
март	ноябрь	июль 240-6943	март 200-6700
апрель	декабрь	август 240-6184	апрель 200-7060
май	январь 1921	сентябрь 240-6434	май 7509.
июнь	февраль	октябрь 240-6499 60-6848	июнь 7893
июль	март	ноябрь 120 едн. % 70. 400-7052	июль 8254. 8286.
август	апрель	декабрь 240 едн. % 70. 400-7356	август 8588.

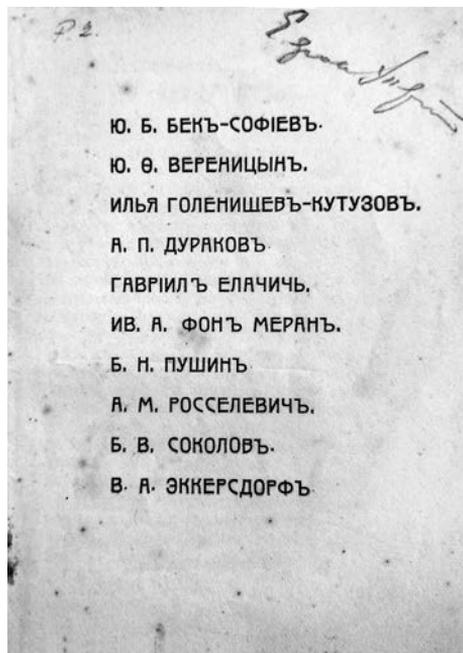
XI СМ. МАР. ЧДЧМ. N 125

Карточка А.П. Дуракова на получение субсидий. 1921. ГА РФ. Ф. Р-6792. Картоотека Д. Л. 2830 и об.

⁸ Там же.

ческого сердца. <...> Вообще, он был большой оригинал. <...> Живя в эмигрантской белградской среде, объявить себя социалистом было с его стороны и смело, и мужественно, потому что за это жестоко травили в русском обществе и в прессе» [Бек-Софиев]. Особенно отличалось суворинское «Новое время», называвшее профессора большевиком и советовавшее ему ехать обратно, в советскую Россию.

Но Аничков и не думал прислушиваться к этим раздраженным советам — на Балканах у него было много поклонников, учеников, коллег. А в Белграде, еще в 1921 г., вокруг него сложился кружок молодых литераторов «Гамаюн», ставший первым русским эмигрантским поэтическим объединением королевской столицы⁹. Инициатором создания и руководителем кружка был И.Н. Голенищев-Кутузов, членами — в основном студенты Белградского университета: Ю.Б. Бек-Софиев, А.П. Дураков, Ю.Ф. Вереницын, И.А. фон Меран, Б.Н. Пушин, А.М. Росселевич, Б.В. Соколов, В.А. Эккерсдорф.

Обложка сборника «Гамаюн — птица вещая» и список участников сборника.
Экз. библиотеки ДРЗ

Сегодня большинство этих имен мало известны даже филологам. Но в 1924 г., когда кружком был издан поэтический сборник «Гамаюн — птица вещая», оформленный молодым, а в недалеком будущем очень известным художником и сценографом Владимиром Жедринским (1899–1974), появление книжечки сразу заметили в

⁹ Свое название кружок получил по стихотворению А.А. Блока «Гамаюн, птица вещая» (1899), в котором молодые люди находили «отзвуки своей изгнаннической судьбы и трагических событий в России».

русской эмигрантской прессе. «Белградское суворинское “Новое время” обрушилось на нас с Ильей <Голенищевым-Кутузовым> за “футуризм и заумь”, хотя футуризмом там и не пахло! — вспоминал Ю. Бек-Софиев. — Обрушилось с ядовитым сарказмом и иронией. <...> тогда мы с Ильей были счастливы, что Суворин наши стихи обругал. Тем более что профессор Аничков к ним отнесся вполне милостиво. Дуракова и Елачича они снисходительно потрепали по плечу. А “наиболее обещающим” был объявлен некий поэт, особенно рьяно ратовавший за “колокольный звон”, “березки” и “воскресение России под двуглавым орлом”» [Бек-Софиев].

Несмотря на успех сборника, кружок довольно быстро распался, и в сентябре 1924 г. Алексей Дураков решил перебираться в Прагу (Чехословакия) для занятий славянской филологией. Сохранилось его заявление в правление Союза русских студентов Белградского университета от 2 сентября 1924 г. с просьбой о помощи в этом перемещении¹⁰. Правление поддержало его просьбу¹¹, а профессор Е.В. Аничков написал рекомендацию: «Свидетельствую, что Алексей Петрович Дураков состоит на 6-м семестре Белградского университета по 16-й группе. Из очередных экзаменов им сдана история сербской словесности. Живо интересуюсь проблемами истории, и сам поэт, естественно, тяготеет к истории литературы, что в Карловом университете будет иметь возможность проработать продуктивнее, чем здесь. Хорошо и близко зная Алексея Петровича, особенно горячо поддерживаю его кандидатуру на стипендию в Карлов университет, потому что много раз и по разным поводам имел возможность убедиться в серьезности и добросовестности его отношения к университетскому преподаванию. И мне хотелось бы подчеркнуть в заключение, что в наши тяжелые времена именно такие несомненно талантливые молодые люди должны быть всячески поддерживаемы в своих стремлениях к образованию как залог нашего будущего возрождения. Проф. Аничков»¹².

Однако переезд в Прагу по неизвестной нам причине не состоялся. Тем не менее в 1925 г. Белград покинули многие кружковцы. С одной стороны, они искали работу и заработок, а с другой, бежали от затхлой, по их мнению, атмосферы русского монархического Белграда, жившего старыми идеалами и представлениями.

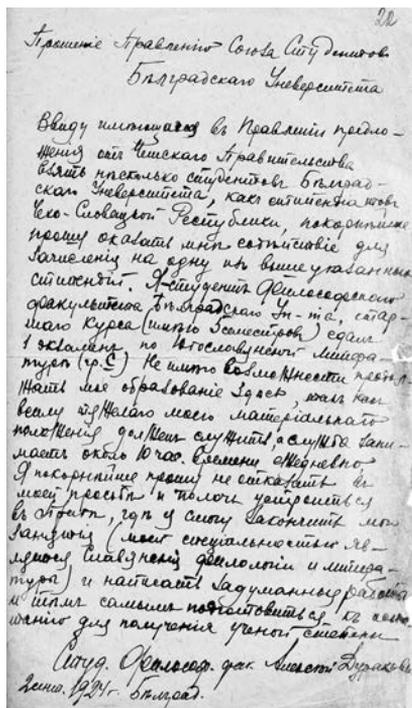
Илья Голенищев-Кутузов женился и уехал служить преподавателем гимназии в Никшич (Черногория), затем был переведен в Дубровник, где оставался до конца 1920-х гг. Юрий Бек-Софиев, называвший Белград «мракобесным центром русской эмиграции», чтобы попасть во Францию, подписал контракт на тяжелые земляные работы в Оверне. Алексей Дураков несколько раз прерывал учебу в Белградском университете и только в 1930 г., при содействии все того же Е.В. Аничкова, завершил образование на филиале университета в Скопье (Македония) и до начала Второй мировой войны жил в городке Вране на самом юге Сербии, где преподавал в местной гимназии¹³.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 162. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Там же. Л. 35–36.

¹³ Д. Боровняк сообщает, что он также работал в эти годы учителем в Куршумлии и Лесковце [Боровняк 2015, с. 308].

Пршение А.П. Дуракова
 правлению Союза русских студентов
 Белградского университета.
 2 сентября 1924.
 ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 162. Л. 22

Вране был не просто старинным поселением на границе Сербии и Болгарии, но и важным логистическим пунктом транспортной магистрали, связывавшей венгерский Будапешт, македонское Скопье и греческие Салоники. Именно сюда поначалу привозили многих русских белых эмигрантов, прибывавших пароходами из Салоник, а затем уже распределяли по другим югославским городам. Вране был и одним из центров русской казачьей эмиграции — здесь до 1926 г. был расквартирован штаб бывшей Кубанской дивизии во главе с генерал-майором В.Э. Зборовским и создана Враньская кубанская станица. Конечно, казаков отправили сюда не случайно — их саперные полки были причислены к штату Министерства строительства и прокладывали стратегическую дорогу Вране — Босилеград, впоследствии названную «Русский путь».

Но для Алексея Дуракова, по-видимому, было важнее другое — совсем рядом, в Скопье, преподавал Евгений Васильевич Аничков, который по-прежнему притягивал к себе молодых людей не только с поэтическими и научными амбициями, но и левыми взглядами. Так, в январе 1935 г. у Аничкова в Скопье Дураков познакомился с другим молодым

Гимназия во Вране. Почтовая открытка

русским эмигрантом — Дмитрием Ошаниным (1907–1978), в недалеком будущем выдающимся психологом, философом и поэтом.

Несмотря на то что он занимался в Сорбонне (1926–1928) и окончил в 1931 г. философский факультет Белградского университета, Ошанин служил простым гимназическим учителем в Скопье и Штипе. В 1938 г. он с отличием защитил в парижской Сорбонне докторскую диссертацию «Сопереживание и три его аспекта», а в 1939 г. нострифицировался и получил докторскую степень Белградского университета. Так в сербско-македонской «глуши» выросло европейски образованное молодое поколение русской эмиграции — но с иной, чем у отцов, повесткой дня и видением мира.

Начиная с 1936 г. Дмитрий Ошанин, как и И.Н. Голенищев-Кутузов, также в 1933 г. защитивший докторскую диссертацию в Сорбонне, неоднократно предпринимал безуспешные попытки получения советского гражданства и ходатайствовал о возвращении на родину. Неудивительно, что в 1941 г. в Белграде оба они вошли в состав подпольной эмигрантской антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП)¹⁴. И.Н. Голенищев-Кутузов вспоминал позднее об этом времени: «В поисках “новых решений” политических вопросов некоторые молодые эмигранты в тридцатых годах восприняли фашистские теории разных мастей и оттенков. Другие стали склоняться влево. Они воспринимали идеи социализма, записывались в рабочие синдикаты, читали советскую литературу без предубеждения... Все чувствовали, что надвигаются грозные события. Следовало заранее решить, на чьей стороне ты будешь, когда разразится война. На политических и литературных собраниях эмигрантов стали выступать молодые люди, заявлявшие, что они будут защищать Россию с оружием в руках» [Голенищев-Кутузов 1963а, с. 6].

Членом ССП стал и Алексей Дураков. По не подтвержденным пока документально сведениям, он даже был членом находившейся с 1920 г. под запретом

Дмитрий Ошанин (крайний справа). 1932.
Архив семьи Ошаниных (Франция)

¹⁴ В 1939–1941 гг. Дмитрий Ошанин вновь преподавал в гимназиях Скопье и Штипе. С 1941 г. в связи с присоединением Македонии к Болгарии был отправлен учителем немецкого языка и психологии сначала в г. Бяла-Слатина, а затем в г. Пловдив (Болгария). В 1945 г. переехал в Софию. Преподавал русский язык в Военной академии и Военном народном училище им. Василя Левского. С 1946 г. преподаватель психологии в Софийском высшем институте физкультуры им. Г. Димитрова, где создал психологическую лабораторию, а затем и первую в Болгарии кафедру психологии и стал ее заведующим. Заместитель директора Института педагогики Болгарской академии наук по научной работе (1952–1955). В 1946 г. в Болгарии получил советский паспорт. В 1955 г. репатриировался с семьей в СССР. Отправлен в Ростовский мясо-молочный совхоз № 2 (станция Злодейская Кагальницкого района), откуда был вызван в Москву. В 1960 г. возглавил лабораторию психологии труда Института психологии Академии педагогических наук РСФСР. В 1974 г. читал лекции в Сорбонне и в СССР не вернулся. Благодарю за фотографии и эту информацию, подготовленную для нашего сайта «Некрополь российского научного зарубежья» (www.russiangugrave.ru), сына психолога В.Д. Ошанина.

Коммунистической партии Югославии. Рассказывают, что левые политические взгляды Дуракова прямо отразились в его поэтическом творчестве: поэма «Аргонавты» так воспевала подвиг советских покорителей Арктики, что ее едва удавалось пристроить в малотиражный журнал, а стихотворение «Коля и Оля», написанное в очень позитивном по отношению к СССР ракурсе, не взялась печатать даже «самая неприязнительная к авторам газетенка» [Лыба 1990]. Более того, по словам того же автора, чердак квартиры Дуракова «превратился в тайное хранилище запрещенных королевской властью книг и других печатных материалов» [Лыба 1990]. Трудно сказать, насколько эти сведения соответствовали исторической правде, но то, что к концу 1930-х гг. Алексей Дураков разделял просоветские настроения части эмигрантской молодежи, вряд ли подлежит сомнению.

После оккупации Югославии Германией в апреле 1941 г. вместе с женой Любовью Михайловной Лещук он сразу включился в антифашистскую борьбу как член Союза советских патриотов. До недавнего времени история этой организации была почти неизвестна, о ней не упоминалось ни в научной, ни в художественной литературе. Публикация А.Ю. Тимофеевым «Меморандума» о деятельности ССП показала, что его первое собрание состоялось уже в июне 1941 г., когда была принята резолюция о немедленном сотрудничестве с коммунистическими партиями Югославии и Болгарии [Москва — Сербия 2017, с. 895].

На этом заседании, согласно «Меморандуму», присутствовали Алексей и Любовь Дураковы, Дмитрий и Елена Ошанины, а также Илья и Ольга Голенищевы-Кутузовы. Последний вступил в ССП по приглашению Ф.Е. Высторопского, у которого, по воспоминаниям Голенищева-Кутузова, на дому хранилась не только одежда для переодевания освобожденных советских военнопленных, которые затем переправлялись в партизанские отряды, но и «карты окрестностей Белграда, Воеводины и Сербии, карты бывшего югославского Генерального штаба (вероятно, из запасов Махина) для определения немецких опорных пунктов и дорог. Было и оружие...» [Голенищев-Кутузов 1963в, с. 6].

Члены Союза русских патриотов распространяли листовки и воззвания, ездили по различным городам Югославии, бывали и в Болгарии. В начале ноября 1941 г. И.Н. Голенищев-Кутузов был арестован и вместе с группой профессоров Белградского университета как заложник был отправлен в концлагерь «Баница» в одноименном пригороде Белграда, где сидел в одном бараке вместе с известным сербским филологом, председателем Сербской академии наук и искусств Александром Беличем (1876–1960). Алексей Дураков также трижды арестовывался и сидел в тюрьмах при всех режимах — у болгарских фашистов, недичевцев, немцев. Его антифашистская деятельность отслеживалась и упоминалась в сообщениях Управления государственной безопасности оккупированной Югославии [Боровняк 2015, с. 308, 311].

Осенью 1943 г. А.П. Дураков был вновь арестован и отправлен на принудительные работы в Германию, на заводы Нюрнберга. Супруга добровольно последовала за ним, и в апреле 1944 г. ей удалось добиться краткосрочного отпуска для лечения мужа, потерявшего чуть ли не двадцать килограммов веса. После возвращения в Белград при содействии все того же И.Н. Голенищева-Кутузова Дуракова

сразу перебросили на партизанскую территорию — в Посавскую партизанскую бригаду в Воеводине, где он недолго служил наводчиком фрушкогорского отряда. 12 августа в 1944 г. в бою на переправе через р. Саву у села Прогар западнее Белграда Алексей Петрович Дураков погиб, прикрывая отступление своего отряда.

Об обстоятельствах его гибели И.Н. Голенищев-Кутузов сообщал: «Однажды я пришел в штаб Посавской партизанской бригады и спросил, где я могу найти товарища Алекса (так звали в отряде Алексея Петровича). Комиссар, сдерживая волнение, сказал мне: “Его вчера убили на переправе”. И, видя мое потрясение, добавил: “И брата моего тоже...” Я не помню, как тогда вышел из штаба. На следующий день мне удалось на лесной опушке, около реки Савы, разыскать Любовь Дмитриевну¹⁵. На ней была партизанская пилотка, за спиной — немецкий автомат. Она рассказала мне подробности. За два дня до этого немцы предприняли попытку переправиться через реку. Алексей Петрович находился в заставе, охраняющей подступы к партизанской базе. Пока подоспела подмога, небольшая группа партизан, в которой находился Алексей Петрович, с трудом сдерживала карателей. Когда пулеметчик, брат комиссара, был убит, за пулемет лег Алексей Петрович. Ни одному гитлеровцу не удалось переправиться через реку. Все подходы к Саве были усеяны трупами карателей. А в неглубоком окопчике, сжимая “Дегтярев”, лежал Алексей Петрович...» [Голенищев-Кутузов 1963б]. Хорошо знавший Дуракова художник комиксов Ю.П. Лобачев, также член ССП, в своих мемуарах посвятил немало места последнему бою поэта, уточнив, что он получил «семнадцать ранений» [Лобачев, 1997, с. 176].

О героической смерти Алексея Дуракова его друзья вспоминали и в октябре 1944 г. в освобожденном Красной армией Белграде на встрече членов ССП в Русском доме: «Председательствовал Лебедев¹⁶, который говорил о погибшем на фронте товарище Дуракове, поэте. После него Кутузов прочитал несколько новых стихотворений, а потом Заболоцкий прочитал короткий доклад о материализме. Ведущую группу составляли Лебедев и Кутузов. Последний особенно выделялся своей надменностью и разгуливал с винтовкой на плече. Он был одет в партизанскую форму» [Тимофеев 2012, с. 270–271].

Еще одно яркое свидетельство об этой встрече оставил поэт Борис Слуцкий (1919–1986), в то время политработник и майор Красной армии, находившийся в Белграде. В своих «Записках о войне», опубликованных только спустя много лет после его кончины, в 2005 г., он поведал про общение с просоветски настроенными русскими белградцами, и в частности с И.Н. Голенищевым-Кутузовым, в главе с характерным названием «Белогвардейцы».

¹⁵ Ошибка памяти: супруга А.П. Дуракова — Любовь Михайловна.

¹⁶ Медик Владимир Александрович Лебедев (1906–1990) был одним из организаторов и руководителей Союза советских патриотов. Служил в Югославской армии, майор медицинской службы (1944–1948). Получил советское гражданство (1946). Арестован и осужден в ходе публичного показательного процесса (начался 2 августа 1951) над группой советских граждан из числа бывших эмигрантов. Отбывал заключение в тюрьме на острове Голи-Оток. Освобожден (1955), вернулся в СССР (1956), жил с семьей в Астрахани. Врач, затем главный врач Астраханского областного туберкулезного диспансера. Скончался в Москве.

«По графскому приглашению¹⁷, — писал Слуцкий, — я бывал на первом легальном собрании ССП. Оно было посвящено участию в октябрьской демонстрации и организации праздничного вечера. Собирались понемногу. Кучка людей — пятьдесят-шестьдесят человек — терялась в коридорах Русского дома. <...> Эти люди не напомнили мне ни один из вариантов интеллигентских сборищ в Советской России. Сдержанность, ощущение старой культуры заставляли отвергнуть и сопоставление со сходками народовольцев. Скорее всего, это были декабристы, декабристы ХХ века. Преобладание дворянского, присутствие офицерского элементов усиливали впечатление. Около восьми часов доктор Лебедев поднял руку, открывая собрание. Все встали без приглашения.

— Прежде всего я хочу представить вам нашего дорогого гостя Бориса Слуцкого, майора гвардии. — Я поклонился, отвечая на аплодисменты. — Хочу рассказать ему о нашей борьбе, о наших мучениках.

На глазах у Лебедева выступили слезы. В зале неутешно зарыдали. В упор на меня смотрела Маша Дуракова, вдова врангелевского офицера¹⁸, поэта, партизана-пулеметчика...» [Слуцкий 2005, с. 135–136].

Описанная Слуцким сцена встречи поэтов из разных идеологических и социальных галактик, наверное, могла бы венчать «крутой» телевизионный сериал, символизируя воссоединение разорванного Гражданской войной народа, однако в жизни все было прозаичнее и будничнее. Справка «О русской белой эмиграции в Югославии», подготовленная посольством СССР в Югославии 27 ноября 1945 г. для Наркомата иностранных дел в момент подготовки политического решения о возможности возвращения эмигрантов на родину, сухо констатировала: «Неплохо себя проявила оставшаяся на территории Югославии русская эмигрантская молодежь. Многие из них активно помогали Красной армии после ее вступления на территорию Югославии. <...> Многие из числа русской эмигрантской молодежи пожертвовали жизнями в борьбе с немецкими захватчиками (Одишелидзе Илья, Дураков Алексей, Новохатный Анатолий, Ефимовский Андрей, Липский Александр, Подстроцкий Борис и др.)»¹⁹

Понадобилось еще полстолетия, чтобы их имена вспомнили на родине... Несмотря на посмертное награждение, место захоронения Алексея Дуракова затерялось и остается неизвестным до сих пор, а советский орден поэта так и не был передан его семье.

Литература

Арсеньев 2011 — *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Вып. 10. Тюмень, 2011. С. 75–140.

¹⁷ То есть по приглашению графа Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова, с которым Б.А. Слуцкий провел вместе немало времени в Белграде. «За всю войну только с ним и пришлось по-московски побродить по улицам, почитать стихи», — признавался он [Слуцкий 2005, с. 133].

¹⁸ См. примеч. 15.

¹⁹ Документ из собрания Архива внешней политики МИД РФ был представлен на документальной выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в мае 2015 г.

- Бек-Софиев — *Бек-Софиев Ю.* Синий дым // CoolLib. URL: https://coollib.net/b/253696-yuriy-borisovich-sofiev-siniy-dyim/read#n_2 (дата обрац. 25.07.2020).
- Боровняк 2015 — *Боровняк Дж.* Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 305–327.
- Ганин 2006 — *Ганин А.В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54–58.
- Голенищев-Кутузов 1963а — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Думы в канун Октября // Голос Родины (Берлин). 1963. № 63 (764). С. 6.
- Голенищев-Кутузов 1963б — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Поэт, борец, партизан // Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6.
- Голенищев-Кутузов 1963в — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Подвиг Федора Высторопского // Голос Родины (Берлин). 1963. № 68 (769). С. 6.
- Голенищев-Кутузов 1965 — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Награды за мужество // Голос Родины (Берлин). 1965. № 94 (943). С. 1
- Грицкат 2017 — Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929–1944) // Москва — Сербия; Белград — Россия: сб. док. и материалов. М.; Белград, 2017. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / авт.-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. С. 197–220.
- Гуль Конь рыжий — *Гуль Р.* Конь рыжий // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=11280&r=1> (дата обрац. 25.07.2020).
- Гуль Я унес Россию — *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 1. Ч. 1 // URL: http://www.dk1868.ru/history/gul1_1.htm (дата обрац. 25.07.2020).
- Ёхина 2015а — *Ёхина Н.А.* «История русского Сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 174–205.
- Ёхина 2015б — *Ёхина Н.А.* «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: к истории Союза советских патриотов в Белграде // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 203–237.
- Ёхина 2017 — *Ёхина Н.А.* «Погибшие с живыми пребывают...»: И.Н. Голенищев-Кутузов об эмигрантах — членах Союза советских патриотов в Югославии, погибших в годы Второй мировой войны // Люди и судьбы русского зарубежья / отв. ред. А.Б. Ефимов, Е.М. Миронова. Вып. 4. М., 2017. С. 191–205.
- Каплер 1984 — *Каплер А.* Избранные произведения: в 2 т. М.: Искусство, 1984. Т. 1.
- Лыба 1990 — *Лыба С.* Это было под Савой // Советская молодежь. 1990. 26 апр. URL:http://archives.kgsu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3045&Itemid=2 Это было под Савой (дата обрац. 25.07.2020).
- Москва — Сербия 2017 — Москва — Сербия; Белград — Россия: сб. док. и матер. М.; Белград, 2017. Т. 4: Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / авт.-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин.
- Новик 2011 — Генеалогическая хроника российской эмиграции (по материалам журнала «Новик»): справочник / сост. О.Н. Наумов, С.А. Разумов. М.: Старая Басманная, 2011.
- Слуцкий 2005 — *Слуцкий Б.* О других и о себе. М.: Вагриус, 2005.
- Сорокина 2017 — И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2017. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2017. С. 114–128.

- Тимофеев 2012 — *Тимофеев А.Ю.* Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17–19.
- Тимофеев 2015 — *Тимофеев А.Ю.* Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 238–271.
- Переписка 1989 — Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова / подгот. текста и коммент. А. Шишкина // *Euroa Orientalis*. 1989. Vol. 8. С. 481–489.
- Штранге 1949 — *Штранге М.М.* Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941–1944 годах // Вопросы истории. 1949. № 8.
- Лобачев 1997 — *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997.
- Тимофејев 2012 — *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота — антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // Токови историје. (Београд). 2012. № 3. С. 257–277.

С.А. Кислицын

ГОЛЛАНДСКАЯ ЭПОПЕЯ ПРОФЕССОРА Г.Г. БАУМАНА

В 2020 г. исполнилось 100 лет со дня рождения видного историка, известного специалиста по истории стран Европы и Азии Германа Германовича Баумана. Он не принадлежал ни к политической элите, ни к контрэлите большевизма, но в силу обстоятельств проявил себя в одном очень важном эпизоде ее функционирования, да и всей страны. Ключевые факты его биографии неразрывно связаны с историей становления первого советского поколения историков, с историей Великой Отечественной войны и участия советских людей в европейском Сопротивлении, с преодолением последствий сталинизма в нашей стране и практическим решением такого вопроса, как судьба бывших советских военнопленных. Данная статья представляет собой дополненный и исправленный вариант нашего ранее опубликованного материала [Кислицын, Кислицына 2015].

Герман Германович Бауман родился в 1920 г. и уже по факту своего рождения принадлежал к первому послереволюционному поколению граждан. Он рос и формировался как личность в сложные, во всех смыслах переломные для страны 1920–30-е гг. Отец был военным фельдшером (умер от сыпного тифа в 1919 г., незадолго до рождения сына Германа), мать — служащей в советских учреждениях.

Герман учился в рядовой школе Воронежа, которая, по его словам, дышала тем же, чем дышала вся страна. В 1937 г. он окончил среднюю школу № 3 города Воронежа с отличием и был принят на этом основании на исторический факультет Московского университета (исторических факультетов было только два — в Москве и Ленинграде). В то время на истфаке МГУ подобрались студенты, которые впоследствии составили мощное поколение историков: М. Гефтер, А. Некрич, А. Немировский, А. Пронштейн и другие будущие известные ученые. Студенческая жизнь складывалась, как обычно, из лекций и семинаров, прохождения практики. Много времени студенты проводили в библиотеке. Нередко приходилось трудно и голодно. Условия в студенческом общежитии на Стромынке были спартанскими, и в студенческую столовую, где были приемлемые цены, они стремились не опаздывать. При этом, как рассказывал Г.Г. Бауман, когда ездил домой в Воронеж, то всегда приходилось везти из Москвы какие-то продукты. Очень непростой была политическая атмосфера в Москве и на факультете. На истфаке часто выступали партийные, государственные деятели, которые спустя какое-то время оказывались «врагами народа». Большинство студентов, по воспоминаниям Г.Г. Баумана, искренне верили в правильность проводимой И.В. Сталиным политики и присталь-

но следили за ходом всех политических судебных процессов. По утрам они спешили покупать свежие газеты, чтобы узнать подробности о новых разоблачениях, которые они приветствовали. Большую роль в формировании таких убеждений у студентов сыграла известная апологетическая книга классика мировой литературы Лиона Фейхтвангера, посетившего Москву в 1937 г. по приглашению И.В. Сталина.

Когда началась война, общим настроением и искренним желанием студенчества стало стремление идти на фронт. Война воспринималась студентами как общее всенародное испытание, которое закончится победой СССР. Историки 4-го курса, только сдавшие летнюю сессию, считали, что уже в сентябре, разбив немцев, они вернутся в свой университет для завершения учебы. Все сложилось совершенно по-иному.

В июле 1941 г. студент истфака МГУ Герман Бауман ушел добровольцем на фронт. Он не имел никакой военной подготовки, но рассчитывал получить ее в боях. Собственно, подразделения народного ополчения состояли из гражданских людей разных возрастов, многие из которых впервые взяли в руки оружие, и то оно досталось не всем. Героизм без военной подготовки приводил к огромным жертвам. Но другого выхода не было: враг был у самой Москвы, и надо было «затыкать дыры» в обороне. Герман Бауман был назначен артиллеристом, хотя пушки он видел только в кино. Но он мужественно выполнял свой долг перед родиной. Спустя годы он получил медаль «За оборону Москвы», которой очень гордился.

Под городом Уваров командир отделения 975-го артиллерийского полка 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения Г.Г. Бауман был тяжело ранен осколком мины (осколок до конца его жизни оставался в легком) и попал в плен. Пребывание в различных лагерях для военнопленных, в том числе в Западной Европе, было для Г.Г. Баумана двойным испытанием, так как он мог в любой момент подвергнуться казни не только как солдат Красной армии, но и как еврей. Однако ему удалось скрыть свою национальность, выдавая себя за грузина. Ни один из солагерников, в том числе из грузин, которые быстро поняли ситуацию, не сдал его нацистам.

За попытку бегства из плена в 1942 г. он отбывал наказание в штрафной роте (каторжное отделение) лагеря в Вязьме. Только болезнь и перевод в санчасть (так спасали людей местные врачи) избавили его от немедленной смерти. В течение 1943 г. он побывал в лагерях в Польше, Германии и наконец очутился в Голландии на работах по строительству так называемого Атлантического вала. Лагерь в Голландии был трудовым. Его заключенные работали рядом с голландцами, которые работали здесь либо добровольно, либо в порядке отбывтия трудовой повинности, и неизбежно начали общаться с ними. Голландская речь очень близка к немецкому языку, и через какое-то время Бауман начал свободно говорить по-голландски. Благодаря голландцам заключенные лагеря были в курсе событий на фронте. Многие из них понимали, что тайного саботажа во время работы недостаточно, что надо вырваться на свободу и там вести настоящую борьбу. Потребовалось время, чтобы через некоторых работавших на строительстве голландцев установить связь с подпольной антифашистской организацией, которая и устроила Герману Бауману побег из лагеря.

На свободе Г.Г. Бауман стал работать по заданиям голландских подпольщиков. Работа осложнялась тем обстоятельством, что в Голландии был распространён коллаборационизм, и риск ареста был весьма велик. Следует помнить, что голландцы вместе с датчанами и норвежцами были отнесены к пресловутой арийской расе в рамках нацистской идеологии и стали партнерами немцев в создании «Великой Германской империи». Определенную часть населения страны это устраивало. В стране работало специальное гражданское управление под началом рейхскомиссара Артура Зейсс-Инкварта. Был создан добровольческий легион СС «Нидерланды» (SS-Freiwilligen-Legion «Niederlande»). Однако были и патриоты, мужественно сражавшиеся с гитлеризмом. Это были прежде всего коммунисты Нидерландов.

Приведем перевод важного источника, имеющегося в нашем распоряжении, — документа, выданного ему в мае 1945 г., после окончания оккупации членом ЦК КП Голландии Анни Аверинк.

«Герман Бауман, рожденный 6/III 1920 г., во время своего пребывания в Голландии в период немецкой оккупации с июня 1944 г. состоял в связи с партизанским движением и по его заданию работал среди немецких и русских солдат. Вследствие своей нелегальной работы он должен был в сентябре 1944 г. уйти в подполье и продолжать работать вместе с нами. Его работа состояла в распространении нелегальной газеты «De Waarheid». В городах Лиммен, Гайло, Кастрикум, Гаарлем и Алкмаар он прочитал для местных организаций КП различные политические лекции. В марте 1945 г. он принимал участие в издании на русском языке нелегальной газеты «Правда». Он был очень хороший активный товарищ, который, несмотря на пребывание в чужой стране, очень хорошо понял политическую линию нашей партии и всеми силами поддерживал нашу работу... После капитуляции немцев он принимал активное участие в работе Коммунистической партии Голландии, особенно в районе Гаарлема. Особенно он зарекомендовал себя при марксистско-ленинском обучении и обсуждении актуальных вопросов с членами и кадрами нашей партии. По заданию компартии он провел различные вечера-дискуссии с социал-демократическими рабочими о Советском Союзе и о других актуальных вопросах относительно единого фронта с коммунистами. В журнале «Учеба и борьба» он опубликовал заслуживающую внимания статью «Западноевропейский блок и его значение» (июль 1945 г.). Кроме того, он принимал участие в практической работе партии, в том числе в работах Всеголландской партийной конференции в июле 1945 г. Пропагандистскую работу он вел в городах Гаарлем, Гальфвег, Сант-Порт, Аймайден. Мы знаем Германа Баумана как очень аккуратного и политически хорошо развитого партийного работника»¹.

¹ Спустя 20 лет автор документа Анни Аверинк стала депутатом верхней палаты Генеральных штатов Нидерландов от компартии этой страны. В интервью журналу «Огонек» она рассказала о сотрудничестве с Г.Г. Бауманом во время подготовки восстания военнопленных на острове Тексел. Корреспондент журнала пишет: «Узнав, что на одной старой мельнице скрывается бежавший из плена русский, она бросилась туда, за семьдесят километров, на велосипеде, привезла, спрятала у надежных людей. Это был Герман Бауман, который сейчас живет на Украине и работает учителем истории в школе. Он был редактором маленькой нелегальной «Правды» на русском языке. Сам писал, печатал, а Анни переправляла газету на остров» [Месхи 1965, с. 29].

С августа 1945 по январь 1946 г. Г.Г. Бауман работал в советских органах репатриации в Голландии, делал переводы документов с голландского на русский язык для советского посольства в Гааге по личному поручению полномочного посла СССР в Голландии В.А. Валькова. Здесь Г.Г. Бауман связал свою жизнь с Л.Ф. Акуловой, которая в 1942 г. была угнана на принудительные работы с оккупированной территории Украины. С февраля 1946 по апрель 1947 г. он работал в оперсекторе МГБ в г. Веймаре, в советской зоне оккупации переводчиком, но позже это не освободило от необоснованных подозрений.

После окончания войны сталинизм не аннулировал приказы военного времени, приравнивавшие всех советских военнопленных к предателям родины. В отношении бывших военнопленных и лиц, вышедших из окружения (более 1 800 000 чел.), были допущены грубейшие нарушения законности, массовый произвол и незаконные ограничения в правах. Но Герману Германовичу повезло. Тот факт, что он некоторое время работал переводчиком в советской администрации в Германии, вероятно, спас его от высылки в Сибирь и других неприятностей.

Вернувшись в СССР (на родину жены, в пос. Добрянка Черниговской области Украинской ССР), Г.Г. Бауман неожиданно для себя попал в ситуацию, когда его — фронтовика, защитника Москвы трагической осенью 1941 г., активного участника антифашистского Сопротивления в Западной Европе — не допускали к преподаванию в школе курса истории, считавшейся в то время политической дисциплиной. Он, выпускник истфака МГУ, не смог добиться, чтобы ему разрешили работать по базовой специальности. Хотя он был подготовленным профессиональным историком, вероятно единственным в этом качестве на весь район, работники местного райкома компартии из соображений перестраховки всячески отстраняли его от общественной работы, в том числе от агитационно-пропагандистской работы среди населения. В 1948 и 1952 гг. он, уже получив диплом МГУ, дважды пытался поступить в аспирантуру в украинские вузы, однако его не допустили к приемным испытаниям, что было, бесспорно, проявлением политики дискриминации.

В поселковой школе Г.Г. Бауман преподавал немецкий и английский языки, руководил хором. Одновременно он занимался литературной работой, в частности он перевел на русский язык с голландского целый ряд романов и повестей, изданных в московских и киевских издательствах. В том числе он перевел и опубликовал роман «Страна солнца» Анны ван Гог-Каульбах, повесть Йелле Схипперса «Грузчики дядюшки Ари», повесть Артура ван Схендела «Жизнь — это праздник танца» и др. Выбор романов и повестей для перевода был далеко не случаен и в какой-то степени свидетельствует о мировоззренческой позиции Германа Германовича.

Сразу после судьбоносного XX съезда КПСС, в 1956 г., Г.Г. Бауман пишет А.И. Микояну письмо о своей судьбе и судьбе всех советских военнопленных. В этом политическом документе был предложен ряд необходимых мер по коренному изменению неблагоприятной ситуации вокруг этой части советского общества. Письмо было отправлено именно А.И. Микояну потому, что секретный антисталинский доклад Н.С. Хрущева не был опубликован, а в напечатанной в

газетах речи А.И. Микояна на съезде содержалась хотя и осторожная, но реальная критика сталинизма.

Г.Г. Бауман писал: «Дорогой товарищ Микоян! Ваше выступление на XX съезде партии своею искренностью и смелостью произвело на меня большое впечатление и вызвало во мне ответное желание обратиться к Вам по одному важному, на мой взгляд, вопросу. Речь идет о судьбе большой группы советских граждан — бывших военнопленных 2-й мировой войны.

Как Вам, наверное, известно, десятки, а может быть, и сотни тысяч советских людей в силу ряда условий (окружение, оккупация) оказались в годы войны в фашистском плену. Пройдя сквозь страшные мучения и страдания, многие из них вернулись после освобождения на Родину с горячим желанием честным трудом загладить свою вину перед Родиной. С тех пор прошло более 10 лет. За это время получили амнистии бывшие полицаи и т. п. предатели, но по отношению к бывшим военнопленным проводится по-прежнему политика дискриминации».

Изложив далее факты своей военной и послевоенной биографии, он особо подчеркнул: «Тов. Микоян, прошу Вас рассматривать данное письмо не как просьбу помочь лично мне, а как постановку важного государственного вопроса, имеющего большое международное значение». Г.Г. Бауман предложил:

- 1) напечатать книги о героической борьбе бывших военнопленных во Франции, Италии, Бельгии, Голландии и других странах;
- 2) сделать фильмы, подобные югославско-норвежской «Кровавой дороге» или французским «Беглецам»;
- 3) реабилитировать бывших военнопленных в печати, снять с них страшное обвинение в измене родине;
- 4) предоставить бывшим военнопленным все права советских граждан.

А.И. Микоян написал резолюцию: «В ЦК КПСС. Считаю нужным обсудить поставленный в этом письме вопрос. А. Микоян 12/IV». Письмо Г.Г. Баумана было разослано членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС. После обсуждения и письма, и предложенных мер в специально созданной комиссии под председательством маршала Г.К. Жукова 19 апреля 1956 г. было принято Постановление Президиума ЦК КПСС «О бывших военнопленных».

Приведем выдержку из него.

СЕКРЕТНО. Экз. № 1. ЦК КПСС

В соответствии с Постановлением Президиума ЦК КПСС от 19 апреля 1956 г. нами изучено положение вернувшихся из плена военнослужащих Советской армии и лиц, не находящихся на службе в армии.

В результате изучения докладываем:

В Великой Отечественной войне советские воины, как и весь наш народ, руководимые Коммунистической партией и Советским правительством, честно и самоотверженно выполнили свой долг. <...>

В отношении военнопленных и лиц, вышедших из окружения и фактически не находившихся в плену, были допущены грубейшие нарушения советской законности, массовый произвол и различные незаконные ограничения

их прав. Эти извращения проявились в огульном политическом недоверии к военнослужащим, выходившим из окружения, совершавшим побег из плена и освобожденным Советской армией. В отношении их применялись меры, унижавшие их личное достоинство и препятствовавшие их дальнейшему использованию в армии. С 1941 года военнослужащие, выходявшие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись через сборно-пересыльные пункты под конвоем войск НКВД в тыловые лагеря НКВД для спецпроверки (филтрации), проводившейся органами НКВД. Условия содержания военнопленных в этих спецлагерях были приказами НКВД установлены такие же, как и для особо опасных государственных преступников: лагеря были изолированы высокими заборами и колючей проволокой, охрану их несли конвойные войска, военнопленным запрещалась переписка, свидания с родственниками и т. п. Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, в результате "филтрации" и незаконных, провокационных методов следствия было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнявших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену. Многие военнопленные незаконно осуждались как изменники Родины за то, что они выполняли в плену обязанности врачей, санитаров, старших барачников, переводчиков, поваров, кладовщиков и различные работы, связанные с бытовым обслуживанием самих военнопленных. Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались весь период войны денежных пособий и всех установленных льгот, независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих...

В целях ликвидации грубейших извращений, допущенных в отношении вернувшихся из плена военнослужащих Советской армии и лиц, не находящихся на службе в армии, считаем необходимым:

1. Принять Постановление ЦК КПСС и Совета министров Союза ССР, в котором осудить, как неправильную и противоречащую интересам Советского государства, практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника... [После плена 2004, с. 67–69].

Далее следовали еще десять пунктов, подробно раскрывавших содержание необходимых мероприятий, причем некоторые из них прямо соответствует предложениям Г.Г. Баумана. Этот документ сыграл огромную роль в реабилитации тысяч советских людей, попавших в плен и подвергавшихся впоследствии дискриминации. Но сам автор письма так и не узнал обо всем этом, так как публикация в полном объеме секретного решения комиссии маршала Г.К. Жукова с упоминанием его фамилии состоялась, когда Г.Г. Баумана, увы, уже не стало.

В отношении к бывшим военнопленным и его личной судьбе уже в конце 1950-х гг. наметились серьезные перемены. Г.Г. Баумана в феврале 1958 г. пригласили в Москву для выступления в Комитете ветеранов войны. В своей речи Бауман рассказал не только о своей судьбе, но о неизвестном тогда восстании грузинского батальона на острове Тексел. В частности, он сказал, что восстание произошло 6 апреля 1945 г., когда немецкое командование отдало приказ батальону готовиться

к отправке на фронт против союзников. Из 700 бойцов батальона в живых осталось лишь половина. Немцы осуществили артиллерийский обстрел острова из Ден-Гелдера. Четверо грузин были повешены, пятьдесят пленных были расстреляны на краю вырытой ими могилы. Население острова поддерживало восставших, спасая раненых, снабжая продовольствием, укрывая от немцев. Имя первого командира восставших Лоладзе стало легендарным на острове. Коммунистическая газета «Де ваархайд» писала 2 июня 1945 г.: «На Текселе возникло боевое содружество нидерландцев и русских, которое будет жить в истории острова»...

Г.Г. Бауман заочно окончил факультет иностранных языков пединститута в Харькове. При этом продолжал профессионально заниматься всеобщей историей. В 1966 г. в одном из центральных научных журналов СССР («Новая и новейшая история», № 4) была напечатана его статья «Февральская забастовка 1941 г. — поворотный пункт движения сопротивления в Нидерландах» с указанием местожительства автора: «...село Добрянка Черниговской области». Это была небольшая сенсация в мире ученых: учитель рядовой сельской школы в украинской глубинке опубликовал статью в ведущем столичном академическом журнале!

Г.Г. Бауман установил связь со своим однокурсником А.П. Пронштейном, который уже являлся одним из ведущих профессоров исторического факультета Ростовского госуниверситета. При его поддержке он получил возможность выйти на конкурс, объявленный на кафедре всеобщей истории. Бауман представил на истфак РГУ и лично декану истфака профессору В.А. Золотову, по его словам, «убедительные аргументы» в виде результатов своей научной работы и в сентябре стал старшим преподавателем этой кафедры. Тот факт, что А.П. Пронштейн оказал поддержку своему однокурснику, человеку со сложной военной судьбой, объясняется не только их личной дружбой. Думается, что сыграли свою роль не только воспоминания студенческих лет, какими бы объединяющими они ни были. Времена огульных несправедливых обвинений только начали уходить в прошлое. На опыте близкого человека, талантливого ученого-историка Н.Н. Покровского, несправедливо осужденного в конце 1950-х гг. по политическому делу Ренделя — Краснопевцева и пережившего отлучение от профессии, А.П. Пронштейн хорошо понимал ситуацию Г.Г. Баумана [Мининков 2014, с. 126–128].

С этого времени Г.Г. Бауман стал членом ростовского научного сообщества историков-всеобщников, в которое в разное время входили профессора Н.А. Акимкина, А.А. Аникеев, А.А. Егоров, Ю.В. Кнышенко, М.А. Люксембург, В.Н. Смирнов, И.М. Узнародов и другие преподаватели.

Первым крупным научным трудом Г.Г. Баумана стала кандидатская диссертация по теме «Рабочее движение в Нидерландах в годы гитлеровской оккупации и его роль в движении Сопротивления». Эта работа органично соединила в себе как результаты научных изысканий, так и личные впечатления участника данного процесса. Защита диссертации стала заметным событием в научном мире Ростова-на-Дону, однако в силу ряда обстоятельств не была опубликована в виде монографии. Несмотря на некоторые элементы идеологического характера, неизбежные в условиях советского времени, эта работа сохраняет научную ценность и по настоящий день.

Надо сказать, что Г.Г. Бауман публично долго не освещал ни свое пребывание в нацистских лагерях, ни личное участие в движении антифашистского Сопротивления в Голландии, и поэтому в городе об этом мало кто знал, за исключением узкого круга преподавателей исторического факультета. Он подробно обсуждал такие вопросы только с другим ветераном и узником концлагерей А.А. Печерским.

Судьба Германа Германовича была несколько иной. О военных и «подпольных» страницах своей биографии он стал писать только в 1960-х гг., участвуя в общем потоке многочисленных воспоминаний реабилитированных военнопленных. Свое пристальное внимание ученого он сосредоточил на научном изучении истории Голландии (Нидерландов) сначала в период войны, а позднее — с конца XIX в. и вплоть до современности. Это стало главным содержанием и смыслом его жизни. Страна Нидерланды стала его судьбой и как человека, и как профессионального историка.

Г.Г. Бауман преподавал всеобщую историю на историческом факультете Ростовского университета, а позднее — Ростовского пединститута. Он автор статей по истории Западной Европы, учебного пособия по истории рабочего движения в Голландии и др. Историк постоянно публиковался в центральных научных журналах: «Вопросы истории», «Рабочий класс и современный мир», «Народы Азии и Африки». В центре его конкретных научных изысканий в это время была история нидерландской социал-демократии, ряд деятелей которой были близки к В.И. Ленину и коммунистическому движению.

Весомым результатом его научной деятельности стала монография «Трибунисты — революционные марксисты Нидерландов», которая была издана в Ростове-на-Дону в 1981 г. и переиздана в Амстердаме на голландском языке в 1988 г. В монографии «В.И. Ленин и нидерландские трибунисты» (Ростов н/Д, 1990) он показал историческое значение рабочего движения Нидерландов, которое по некоторым позициям шло параллельно и даже опередило создание российской социал-демократической партии «нового типа». Хотя в современных условиях история международного коммунистического движения потеряла свою политическую актуальность, с научной точки зрения эта проблема вызывает интерес.

Получив признание в научных кругах страны, Г.Г. Бауман выполняет ряд специальных заказов Института всеобщей истории АН СССР по написанию разделов по истории Голландии и рабочего движения в Большой советской энциклопедии, в Советской исторической энциклопедии, в двухтомной академической монографии по истории Социнтерна, в восьмитомнике по истории международного коммунистического и рабочего движения.

В 1984 г. Г.Г. Бауман защищает в Институте всеобщей истории АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук и в 1987 г. получает звание профессора. Глубокие знания первоисточников, владение основными европейскими языками, оригинальные монографические исследования и статьи, взыскательность и принципиальность — все это привлекало к нему внимание научной общественности. Он являлся официальным экспертом институтов и архивов в Москве по своей проблематике, членом Диссертационного совета

по историческим наукам при Ростовском госуниверситете (ныне Южном федеральном университете).

Надо сказать, что принципиальность и нежелание идти на компромиссы в сфере профессиональной этики приносили ему различные неприятности. Его ирония и, мягко говоря, скептическое отношение к тем коллегам, которые не желали повышать научно-теоретический уровень, не владели иностранными языками, но при этом претендовали на значимую служебную, научную и общественную карьеру, затрудняли ему жизнь.

Г.Г. Бауман вступил в КПСС уже после разоблачения культа Сталина и был последовательным антисталинистом, как теперь принято говорить «шестидесятником». По мере кризиса «развитого социализма» и разложения коммунистической элиты его идеологическая убежденность ослабевала. Постепенно у него развивалось критическое отношение ко всей существовавшей системе политической власти. В мировоззренческом плане он все более тяготел к идеалам европейской социал-демократии, историю и теорию которой он так хорошо знал. Именно поэтому он позитивно оценил горбачевскую перестройку и последовавшие за ней политические демократические реформы.

После ухода в 1992 г. на пенсию Г.Г. Бауман продолжил научную деятельность и вплоть до своей смерти в 2000 г. вел научную переписку с учеными из Голландии и даже из Японии. И конечно, поддерживал связь с комитетом ветеранов 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения.

Сокращения

АН СССР — Академия наук СССР
КП — Коммунистическая партия
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГУ — Московский государственный университет
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ЦК — Центральный комитет

Литература

- Кислицын, Кислицына 2015 — *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* Видный историк, мужественный солдат, участник движения Сопротивления в Нидерландах Г.Г. Бауман // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2015. № 1.
- Месхи 1965 — *Месхи И.* Встречи в Голландии // *Огонек.* 1965. № 6.
- Мининков 2014 — *Мининков Н.А.* Штрихи к портрету. Николай Николаевич Покровский (1930–2013) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2014. № 1.
- После плена 2004 — *После плена* // *Родина: Вестник Архива Президента РФ.* 2004. № 7.

Н.Ю. Масоликова

НЕИЗБЕЖНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ:
СУДЬБА ФРАНЦУЗСКОГО МИКРОБИОЛОГА,
УЧАСТНИКА ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ
ИЛЬИ ВОЛЬМАНА (ÉLIE WOLLMAN; 1917–2008)

In science truth always wins.
*Max Perutz*¹

Во французском движении Сопротивления принимали участие не только российские эмигранты первой волны, но и их дети, рожденные уже в зарубежье. Будучи французами по гражданству, они делали свой личный выбор в условиях военного времени, исходя из самых разных обстоятельств — от проживания в той или иной (менее или более вовлеченной в оккупационный режим) части Франции, еврейских корней и личных возможностей покинуть страну в первые месяцы военного положения до собственного политического мировоззрения, влиявшего на выбор той или иной судьбы для своей родины. Некоторые из «детей эмиграции» сразу стали сопротивленцами, следуя семейным или личным патриотическим настроениям, другие вошли в движение Сопротивления через службу в армии и работу на разведку союзников.

В случае Ильи Евгеньевича Вольмана (Ilie Leo Wollman; 1917–2008), выдающегося французского микробиолога, пионера молекулярной биологии и микробной генетики, парижанина, родившегося в семье известных «пастеризованных» российских ученых-микробиологов Евгения (1883–1943) и Елизаветы (1888–1943) Вольман, решение встать на сторону активно сопротивляющихся нацистскому оккупационному режиму было, скорее всего, неизбежным. Илья был французом, евреем и опосредованно русским одновременно. Эта мозаичная национальная и культурная идентичность была важным мотиватором его решений и действий, спусковым же механизмом стал арест родителей и их скорая гибель в нацистском концентрационном лагере Освенцим.

Илья Вольман родился 4 июля 1917 г. в XIV округе Парижа. Его родители вместе работали в лаборатории выдающегося микробиолога, нобелевского лауреата Ильи Ильича Мечникова (1845–1916) в Институте Пастера. Уроженец Минска доктор медицины Евгений Вольман приехал к Мечникову в 1909 г. и стал одним из его ближайших учеников и сподвижников. Елизавета также имела докторскую степень от Льежского университета и занималась в Институте Пастера физико-химическими исследованиями. Однако Евгений активно привлекал супругу к научной работе именно в своей области, микробиологии. Став женой и соратницей,

¹ Перуц Макс (Perutz; 1914–2002) — австро-британский молекулярный биолог, лауреат Нобелевской премии.

Елизавета в течение 30 лет участвовала во всех экспериментах мужа. Общность научных интересов и жизненных идеалов, личная привязанность Мечникова и Вольманов привели к тому, что супруги назвали сына, родившегося через год после смерти мэтра, именем Илья².

Первоначально Евгения Вольмана интересовали многие проблемы биологии, зоологии, иммунологии, вирусологии. Позднее в орбите его интересов появляются вирусы-бактериофаги. Супруги Вольман одними из первых высказали революционную для вирусологии и молекулярной биологии идею о взаимосвязи фага с наследственностью. Надо сказать, что широкой поддержки в тот момент они не получили, и их пионерские идеи остались ждать своего часа. Как это нередко случается в науке, Вольманы обогнали время, предвосхитив многие важнейшие и очевидные только впоследствии представления о бактериофагах, расшифровке генетического кода, структуре генов. Именно Евгений Вольман выдвинул гипотезу о заразном и передающемся по наследству характере бактериофагов. Проработав в Институте Пастера более 30 лет, супруги вместе и наравне исследовали и сибирскую язву, и иммунитет у холоднокровных животных, и различные свойства вирусов, что требовало порой смелости рисковать в ходе экспериментов и, конечно, доверия к партнеру. В довоенный период Вольманы совместно опубликовали несколько научных работ. Лишь дважды прерывалась работа супругов в лаборатории — в годы Первой мировой войны, когда Евгений служил военным врачом-добровольцем сначала в парижском госпитале, затем на Восточном фронте и в Африке, за что был удостоен Боевого креста (Croix du combattant), а также в 1929–1932 гг. — семья провела эти годы в Чили, где Е. Вольман по поручению Института Пастера осуществлял научное руководство изучением бактериофагов в Институте Санитас в Сантьяго-де-Чили³.

Родители Ильи не успели закончить свой фундаментальный труд по бактериофагам. Последняя совместная публикация Евгения и Елизаветы Вольман датируется 1939 г. [Wollman et Wollman 1939], а последняя работа Евгения — сентябрем 1940 г. В этом году он написал три статьи, которые ярко характеризуют интернациональный характер и интеллектуальный масштаб как парижской научной среды Вольманов, так и самого ученого. Первая из них — о воздействии радиации на бактериофаги — вышла в журнале Французской академии наук в соавторстве с итальянским микробиологом, будущим нобелевским лауреатом Сальвадором Луриа (Luria; 1912–1991) за несколько месяцев до эмиграции последнего из Франции в США, и французским физиком, исследователем вакуума, личным ассистентом Марии Кюри в Радиевом институте, а затем директором по исследованиям Французского национального центра научных исследований (CNRS) Фернандом Холь-

² В семье было трое детей. У Ильи было две сестры — Алис (впоследствии занималась медициной) и Надин (специализировалась в бета-спектрометрии). В 1922 г. супруги получили французское гражданство. Фотографии семьи Вольман см. в фотоархиве Пастеровского института: URL: <https://phototheque.pasteur.fr/en/asset/fullTextSearch/search/wollman/page/1> (дата обращ. 01.07.2020).

³ В 2020 г. этому институту исполняется 100 лет. Путешествие в Чили произвело на маленького Илью Вольмана большое впечатление, он вернется в Латинскую Америку после Второй мировой войны с такими же научно-миссионерскими задачами.

веком (Holweck; 1890–1941), ставшим участником движения Сопротивления, павшим жертвой предательства и замученным гестапо в декабре 1941 г. Две другие статьи были опубликованы в пастеровском «Ежегоднике» и посвящены памяти коллеги Е.М. Вольмана, также «русского пастерианца» Александра Безредки (1870–1940) и исследованию воздействия рентгеновских лучей на бактериофаги (в соавторстве с Антуаном Лакассанем (Lacassagne; 1884–1971), радиологом и пионером гормонотерапии, покончившим жизнь самоубийством в возрасте 87 лет «из-за ошибки в суждениях»).

Ввиду оккупации Франции гитлеровской Германией многие лаборатории и сотрудники Института Пастера были перемещены на юг Франции, но супруги Вольман по просьбе руководства института остались в Париже. Они продолжали работать в своей лаборатории, занимаясь различными прикладными проблемами, например производством противогангренозной сыворотки. Но как евреев оккупанты лишили их права публиковать свои работы. В то же время мало кто ожидал, что немцы начнут буквально охоту на французских евреев, и коллегам не раз приходилось скрывать Вольманов от облав под видом больных в Пастеровском госпитале.

В 1940 г. Илье Вольману исполнилось 23 года. После окончания престижного Лицея Бюффон (Buffon)⁴ он получил высшее медицинское образование в Парижском университете, три года стажировался в больницах, попутно изучая естественные науки в Сорбонне. В 1939 г. Илье Вольман был мобилизован в солдаты 2-го класса и, получив чуть позже статус помощника врача, прослужил на юге Франции до августа 1940 г.

По-видимому, супруги Вольман пытались сделать все, чтобы их сын не оказался в Париже, — и после демобилизации из регулярной французской армии он продолжал оставаться на юге страны и исполнял обязанности врача-интерна в военном госпитале в Тулузе до 1942 г., а в 1943 г. — в Лионе. Более того, Илье защищает в этот период диссертацию «Химическая природа антител». Одновременно он был зачислен в Институт Пастера в качестве стипендиата в лабораторию под руководством друга семьи, известного французского микробиолога российского происхождения, будущего лауреата Нобелевской премии Андре Львова (Lwoff; 1902–1994)⁵. Однако реально работу в Институте Пастера Илье Вольман смог начать уже только после освобождения Франции, в 1946 г.

⁴ Лицей ведет свою историю с XIX в. и известен во Франции своими преподавателями и выпускниками, среди которых немало известных ученых, деятелей искусства, политиков и общественных деятелей Франции. В период фашистской оккупации Франции лицей являлся одним из центров движения Сопротивления. Интересно, что в настоящее время он находится у станции метро «Пастер» и примыкает к бульвару им. Луи Пастера.

⁵ Французский микробиолог и биохимик, потомок российских династий Симонович — Дервиз — Серовы — Львовы, сын психиатра и народовольца С.К. Львова и скульптура М.Я. Львова (урожд. Симонович), двоюродной сестры художника В. Серова. Пастерианец с 19 лет. Был хорошо знаком с идеями и экспериментами супругов Вольман о вирусной природе фагов, развивал эту проблематику после Второй мировой войны, подняв предмет на новую научную высоту и получив, вместе с Франсуа Жакобом и Жаком Моно, Нобелевскую премию в 1965 г. Активный участник французского Сопротивления, сотрудничавший в том числе с английской разведкой.

Родителей Ильи арестовали в 1943 г. с разницей в несколько дней. Сначала, по домашнему адресу, — Елизавету, а через неделю — Евгения, непосредственно в Институте Пастера. Илью спасли друзья — он как раз приехал в институт на встречу с отцом, но был предупрежден об опасности и спрятан в институте.

Арестованных супругов Вольман отправили в «зал ожидания» — так назывался лагерь Дранси (Drancy) на юге Франции, где размещали и сортировали еврейское и другое «неблагонадежное» население перед отправкой в нацистские лагеря смерти. Всего через лагерь Дранси прошло около 75 000 евреев.

О том, что происходило в Дранси и других подобных лагерях, какая участь ожидала их узников, французское население, в том числе многие русские эмигранты, представляло и тем более знало плохо. После кончины И.И. Мечникова семья Вольман продолжала дружить с его вдовой Ольгой Мечниковой, проживавшей в Париже до своей кончины в 1944 г. Илья Евгеньевич отзывался об Ольге как об очень светлом, бесхитростном, где-то наивном до слепоты человеке, сохранявшем молодой дух до последних своих дней, от которого он никогда не слышал какого-либо непочтительного высказывания в чей-либо адрес. Когда Ольга узнала об отправке Елизаветы Вольман в лагерь, то искренне сказала Илье: «Твоя мать выглядела такой уставшей в последнее время, наконец-то в лагере она сможет отдохнуть» [Vikhanski 2016, p. 11].

В Дранси Евгений и Елизавета Вольман встретились; 17 декабря 1943 г. они были депортированы так называемым конвоем № 63 в концентрационный лагерь Освенцим. О дате и месте их гибели доподлинно неизвестно, тела не были найдены. Однако с момента их этапирования в Освенцим больше никто никогда и никаких известий о них не получал. Скорее всего, шансов у еврейской четы не было никаких — на момент депортации им было под шестьдесят лет, и, скорее всего, они были уничтожены сразу по прибытии в лагерь.

Андре Львов писал впоследствии: «Те, кто был знаком с Евгением и Елизаветой Вольманами, представляют себе, что этот конец, который они четко предвидели, был принят ими мужественно. Знавшие Евгения Вольмана сохраняют память о нем как об исключительно порядочном человеке, широко образованном и высококультурном, интересовавшемся не только наукой, но и всеми видами искусства... Мысленно воскрешаю тонкое, нежное и в то же время энергичное лицо Елизаветы Вольман, которая была подругой этого мужчины, сотрудницей ученого и даже в смерти оставалась его спутницей...» [Львов 2002; Lwoff 1958]⁶.

Уже через несколько месяцев под вымышленным именем Илья Вольман оказался в рядах французского Сопротивления. Он вступил в тайную армию Тарна⁷, которая стала частью French Forces of the Interior (FFI)⁸, исполняя обязанности

⁶ В 1958 г. Андре Львов также написал статью, посвященную памяти пятнадцати французских ученых Института Пастера, убитых нацистами в 1940–1945 гг., см.: [Львов 2005].

⁷ Тарн — один из южных департаментов Франции, являлся одним из центров сосредоточения групп Сопротивления. Именно с этим департаментом исследователи связывают активную деятельность еврейских партизанских отрядов.

⁸ Организация движения Сопротивления во Франции, возникшая на поздней, самой последней стадии борьбы, в феврале 1944 г.

врача в звании младшего лейтенанта. Вскоре Вольмана назначили главным врачом в одной из многочисленных групп Сопротивления под названием «Патрис» региона d'Albi. В этот период Илья знакомится и со своей будущей супругой и единомышленником Одиле Гвардиоле (они поженились в 1948 г.).

Так в семье Вольман появились две одинаковые высокие французские награды — Боевой крест, полученный отцом, не-французом и не-солдатом Евгением Вольманом, добровольно врачевавшим на полях сражений Первой мировой войны за Францию, и сыном, Ильей Вольманом, французом и тоже не-солдатом, но участником движения Сопротивления, по зову сердца и в память о погибших родителях добровольно надевшего белый халат и принявшего свой бой за независимость Франции.

Всю последующую жизнь Илья посвятил фактически делу родителей, во многих шагах повторив их путь, — заканчивая их исследования, доказывая их научную правоту, идя дальше в исследованиях фагов, отправляясь в другие страны с миссионерскими научными задачами, поддерживая административно их семейную альма-матер — Институт Пастера. Его первые послевоенные исследования посвящены вирусным и умеренным бактериофагам, колицинам, генетике лизогенных бактерий. Ближе к 1960-м гг. Вольман занимается вопросами «пола» бактерий (процессами спаривания и рекомбинации) и способствует этим зарождению и основанию бактериальной генетики. Сын Евгении и Елизаветы Вольман стал известным микробиологом и возглавлял многие уважаемые во всем мире научные организации⁹.

В книге жизни Ильи Вольмана встречались разные страницы. Так, с Институтом Пастера его связывал долгий путь вплоть до кончины: от статуса стипендиата в 1942 г., ассистента в отделении микробной физиологии, которое возглавил Андре Львов в 1946 г., через личное руководство лабораторией в 1954-м, профессорство с 1964 г. до заместителя директора Пастеровского института с 1966 г. и почетного профессора института и, наконец, к вечному поселению в стенах института его личного и научного архива.

Связь Ильи Вольмана с Институтом Пастера была как будто разделена на два четких этапа — исследовательский и административный. Активным исследователем Илья Евгеньевич оставался вплоть до 1960-х гг., когда, по свидетельству его ближайших коллег, фактически без объяснений ушел из команды и ведущей на тот момент генно-микробной темы исследований [Вис 2018]. В 1965 г. всем трем его

⁹ Перечислим только важнейшие его позиции. Директор по научно-исследовательской работе в Национальном центре научных исследований Франции (CNRS, 1960–1985). Член-основатель Европейской организации молекулярной биологии (EMBO, 1964). Член национальной комиссии по биологии человека при Министерстве национального образования (1966). Генеральный секретарь Международной организации исследований в области клетки (ICRO/IUNESCO; 1969–1973). Руководитель кафедры преподавания Института Пастера (1975). Член-корреспондент Академии наук (1980). Один из создателей Музея прикладных исследований в Марнс-ла-Кокте (1982) и его исторического архива, председателем научного комитета которого он становится (1987). Президент Французского микробиологического общества (1983–1989). Почетный член Королевской академии Бельгии (1985) и иностранный член Национальной академии наук США (1991).

ближайшим научным соратникам (Андре Львов, Франсуа Жакоб¹⁰, Жак Моно¹¹) была присуждена Нобелевская премия в области физиологии и медицины «за открытия, касающиеся генетического контроля, синтеза ферментов и вирусов», основой которой, безусловно, составляли в том числе опыты, выводы, доказательства и публикации И. Вольмана [Burian, Gayon 1999; Burian, Gayon 2017; Norkin 2010]. Открытия и достижения, как известно, не всегда имеют исключительно научную природу, завися от многих внешних (социальных) и внутренних (человеческих) факторов. В исследовательской «остановке» И. Вольмана прямо перед, казалось бы, финишной нобелевской чертой, думается, смешалось несколько факторов: и послевоенное возобновление работы над его/родительской темой без него (в момент его фактического отсутствия в Институте Пастера¹²), и непредвиденная смена научного партнерства, опять фактически «за спиной» (в момент второй поездки Вольмана в США¹³, в 1958–1959 гг., когда многолетнее сотрудничество И. Вольмана с Ф. Жакобом вытеснилось новой и, безусловно, перспективной рабочей связкой Ф. Жакоб — Ж. Моно), и его личностные особенности¹⁴, и назревшие финансово-административные проблемы в Пастеровском институте, потребовавшие выхода на сцену особого лидера [Dantzer, Kelley 2009].

Уход в администрирование и научное руководство с исследовательского поля был также непростым. Ситуация, в которой Илья Вольман по собственной инициативе занял пост заместителя директора института, была отнюдь не радужной — институт переживал тяжелые финансовые времена. Вместе с коллегами он

¹⁰ Жакоб Франсуа (Jacob; 1920–2013) — французский биолог, генетик, нобелевский лауреат. Мечтал стать хирургом, но после тяжелого ранения на фронте в годы Второй мировой войны (воевал в Африке) вынужденно искал иное применение своим талантам. Добившись (после первого отказа) места в лаборатории А. Львова, с нуля начал знакомиться с микробиологией.

¹¹ Моно Жак (Monod; 1910–1976) — французский биохимик, микробиолог, выпускник Сорбонны, нобелевский лауреат. Во время Второй мировой войны возглавлял штаб FFI. Музыкант, писатель, философ, политический активист. Был в переписке с А. Камю. Умер от лейкемии.

¹² В 1948–1950 гг. И. Вольман как стипендиат Фонда Рокфеллера занимался исследованиями в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене, США (см.: https://archives.caltech.edu/repositories/2/accessions/8383.html?from=0&q=wollman&q_exact=&q_excluded=&q_required=&size=10&total=2 (дата обращения: 02.07.2020). Первый француз в команде исследователей (Phage Group) под руководством немецко-американского биофизика, нобелевского лауреата Макса Дельбрюка (1906–1981), Вольман изучал «заокеанский» взгляд на бактериофаги и фактически ознакомил американцев с французскими научными взглядами в этой области. В это время Андре Львов в своих научных изысканиях делает ставку на развитие вольмановских (родительских) идей, «отряхая пыль» с их разработок по лизогении и вирусной природе бактериофагов, а Илья Вольман находит в Caltech библиографическую карточку со ссылкой на один из опытов отца по лизогении с пометкой на ней М. Дельбрюка «чушь». И Львов, и Вольман были, видимо, лично мотивированы в «оправдании» работ старших Вольманов по лизогении.

¹³ Как фулбрайтовский стипендиат и ассоциированный бактериолог в Институте вирусологии Калифорнийского университета в Беркли (США).

¹⁴ Артикуляция собственной позиции в независимости от обстоятельств, смелость в суждениях и поступках, научное тщеславие, видимо, были свойственны ученому. В своей профессиональной карьере он не раз действовал резко. Например, когда М. Дельбрюк решил переориентировать фокус исследовательского внимания его группы на, казалось бы, весьма интересный аспект — исследование функций мозга, единственным специалистом в команде, открыто отказавшимся сменить исследовательскую ориентацию, оказался Илья Вольман, подчеркнув свою приверженность фаговой теме.

инициирует создание комиссии по реформированию Института Пастера, которое будет реализовано в 1966 г. с приходом в директорское кресло Пьера Мерсье. В том же году Илья Вольман назначается заместителем директора и будет служить в этом качестве почти двадцать лет — до 1985 г. Он считал совершенно необходимым делом применить все свои умения, знания и связи для предотвращения банкротства своего родного института. И Пастеровский институт выжил и поднялся на новую высоту [Marchand 2018].

Идеи просветительства и миссионерства передались Илье по наследству. Он вернулся в Латинскую Америку через 30 лет в том же качестве, что и его отец, поднимавший микробиологическую науку в чилийском Институте Санитас. По приглашению Национального института микробиологии Илья Вольман приехал в Аргентину, чтобы организовать подразделение микробной генетики и создать кафедру молекулярной биологии в Буэнос-Айресе. Дважды, в 1961 и 1964 г., он побывал в СССР.

За большие заслуги перед Францией Илья Евгеньевич Вольман стал кавалером ордена Почетного легиона (офицер), ордена «За заслуги» (командор) и ордена Академических пальм (командор).

И.Е. Вольман скончался в Париже в 2008 г. Его дети — доктор Эммануэль Вольман и доктор Фрэнсис-Андре Вольман — продолжатели научных традиций своей выдающейся семьи [Wollman 2018]. В дар Институту Пастера Вольманы передали свой семейный архив. Там же в 2009 г. была торжественно установлена табличка «В память о Евгении и Елизавете Вольман, погибших в результате депортации в декабре 1943 г., и об их сыне Илье Вольмане (1917–2008). Все трое — пастерианцы, пионеры современной биологии».

Литература

- Львов 2002 — *Львов А.* Евгений Вольман // Русское еврейство в зарубежье / сост., ред. и издатель М. Пархомовский. Т. 4(9): Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 2. Иерусалим, 2002. С. 260–263.
- Львов 2005 — *Львов А.* Евгений Вольман // Русское еврейство в зарубежье / сост., ред. и издатель М. Пархомовский. Т. 13: Памяти ушедших: (Катастрофа и Спротивление): К 60-летию победы во Второй мировой войне. Иерусалим, 2005. С. 205–208.
- Buc 2018 — *Buc H.* Elie Wollman and the question of lysogeny // *Histoire de la recherche contemporaine*. 2018. Т. 7. № 2. P. 212–224.
- Burian, Gayon 1999 — *Burian R., Gayon J.* The French School of Genetics: From Physiological and Population Genetics to Regulatory Molecular Genetics // *Annual Review of Genetics*. 1999. Vol. 33. P. 313–349.
- Burian, Gayon 2017 — *Burian R., Gayon J.* Eugène Et Elisabeth Wollman: La question de la lysogénie / Loison L., Morange M. (dir.). *L'invention de la régulation génétique: les Nobel 1965 (Jacob, Lwoff, Monod) et le modèle de l'opéron dans l'histoire de la biologie*. P.: éditions Rue d'Ulm, 2017. P. 31–65.
- Dantzer, Kelley 2009 — *Dantzer R., Kelley K.* Elie Wollman. 1917–2008: A Biographical Memoir. Washington: National Academy of Sciences, USA. 2009.

- Lwoff 1958 — *Lwoff A.* Eugène Wollman: A la mémoire de quinze savants français lauréats de l'Institut assassinés par les Allemands, 1940–1945. P., 1958. P. 133–145.
- Marchand 2018 — *Marchand M.-H.* The Story of the Pasteur Institute and Its Contributions to Global Health. Cambridge Scholars Publishing, 2018.
- Norkin 2010 — *Norkin L.* The Converging Lives of Jacques Monod, Francois Jacob, Andre Lwoff, and Albert Camus in Wartime France *Virology // Molecular Biology and Pathogenesis*. ASM Press, 2010 (<https://norkinvirology.wordpress.com/2017/03/27/the-converging-lives-of-jacques-monod-francois-jacob-andre-lwoff-and-albert-camus-in-wartime-france> (дата обращения, 02.07.2020)).
- Vikhanski 2016 — *Vikhanski L.* Immunity: How Elie Metchnikoff Changed the Course of Modern Medicine. Chicago Review Press, 2016. P. 11.
- Wollman 2018 — *Wollman F.-A.* Elie Wollman, un homme de conviction // *Histoire de la recherche contemporaine*. 2018. T. 7. № 2. P. 202–211.
- Wollman et Wollman 1939 — *Wollman E., Wollman É.* Les «phases» de la fonction lysogène chez les bactéries sensibles // *Comptes rendus de la Société de biologie*. 1939. 131. P. 614–616.

М.М. Горинов-мл.

СУДЬБА УЧАСТНИКА АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ ВО ФРАНЦИИ Н.Н. РОЛЛЕРА

Жизненный путь Николая Николаевича Роллера (1901–1973), одного из участников антифашистской борьбы во Франции, организатора подпольной типографии Союза русских патриотов, очень ярок и интересен. При этом он недостаточно изучен. Его фамилия удостоена фрагментарных упоминаний в литературе справочного характера [Волков 2004, с. 404; Российское зарубежье во Франции 2010, с. 635]. Роллеру посвящена небольшая статья директора Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ В.П. Нечаева «Дорогой поиска», опубликованная в 2013 г. в журнале «Иные берега» [Нечаев 2013]. Она основана на семейных материалах Марии Гильберт, племянницы жены Н.Н. Роллера Ольги Ильиничны Коган-Роллер (1906–1973). Между тем в Российском государственном архиве социально-политической истории, в фонде 553 (Документальные материалы об участии советских граждан в движении Сопротивления в странах Западной Европы в период Второй мировой войны) хранится целое дело, посвященное этому необыкновенному человеку (дело 5, 117 л.). Документы этого дела (автобиографии, воспоминания, справки о трудовой деятельности, характеристики, членские билеты, фотографии) — ценный источник сведений о его судьбе. Эти материалы известны исследователям русского антифашистского Сопротивления во Франции, цитировались ими в их трудах [Лебеденко 2015, с. 185; Горинов 2015, с. 132; Вовк 2018, с. 121–122; Вовк 2019, с. 16], но еще не были объектом специального изучения.

Воспоминания Роллера — рукопись¹ и машинописная копия² — были написаны им в 1965 г. и являются интереснейшим источником. Они охватывают следующие темы: эвакуация из Севастополя в 1920 г., шоферская эмигрантская среда Парижа 1920–30-х гг., обстановка во французских лагерях и тюрьмах и деятельность Союза русских патриотов во Франции. Мемуары бывших русских эмигрантов стали писаться и готовиться к печати именно в 1960-х гг., поскольку в СССР после XX съезда КПСС 14–25 февраля 1956 г. настал период «оттепели». Бывшие эмигранты надеялись, что репрессий не будет, и, будучи в пожилом возрасте, решили оставить потомкам свой жизненный опыт. Николай Роллер написал воспоминания, желая рассказать о том, как получилось, что он стал эмигрантом, как он жил за границей и что заставило его вернуться на родину [Роллер 1965, л. 28].

¹ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 12–26.

² Там же. Л. 27–54. Тексты полностью идентичны.

Наличие машинописной копии свидетельствует о том, что, скорее всего, воспоминания готовились к печати, но опубликованы они так и не были.

Источником настоящей работы также служат находящиеся в архиве Дома русского зарубежья, в фонде 25 («Русские эмигранты — участники французского Сопротивления») воспоминания и письма соратников Роллера (Г.Г. Клименюка, П.П. Пелехина), освещающие его роль в антифашистской борьбе, и собранные историком Г.А. Нечаевым вырезки из газет, раскрывающие его жизненный путь.

Николай Роллер родился 28 декабря 1901 г. (10 января 1902 г.) в Новочеркасске в семье Роллеров — служащего Новочеркасского областного правления, архитектора немецкого происхождения Николая Ивановича Роллера (1861–1922) и Анны Георгиевны, урожденной Осман (1871–1942). В семье было пятеро детей³ [Роллер 1962, л. 6; Роллер 1969, л. 3].

В 1912 г. Николай поступил в новочеркасское Александровское реальное училище, которое окончил весной 1919 г. Летом того же года поступил на механический факультет Новочеркасского политехнического института, но учиться там не стал [Роллер 1962, л. 6; Роллер 1965, л. 27]. Николай с детства мечтал стать моряком. Узнав, что осенью 1919 г. в Севастополе открывается Морской кадетский корпус, подал туда документы и был принят. Прибыв в Севастополь летом 1919 г., был зачислен в 3-ю (младшую) роту гардемаринских классов [Роллер 1962, л. 6; Роллер 1965, л. 28]. В корпусе Роллеру нравились навигация, кораблестроение, астрономия. По его свидетельству, гардемарины в политике не разбирались: большевиков боялись, к белогвардейцам относились без восторга, царские морские офицеры-преподаватели с их гонором и чванливостью также не вызывали симпатий в их среде [Роллер 1965, л. 28–30].

В исторической литературе иногда встречается утверждение, будто Николай Роллер был участником Гражданской войны и воевал в Вооруженных силах Юга России [Волков 2004, с. 404; Российское зарубежье во Франции 2010, с. 635]. На деле его участие в Белом движении ограничилось тем, что летом 1920 г. он был отправлен в Керчь в рамках прохождения морской практики с рядом других сокурсников и определен на броненосец «Ростислав», который должен был охранять Керченский пролив от большевиков [Роллер 1965, л. 30]. Но столкновений с противником не произошло.

В ноябре 1920 г. Роллер был эвакуирован вместе с армией П.Н. Врангеля из Севастополя в Константинополь на крейсере «Алмаз», где работал кочегаром, т.к. команда, настроенная революционно, разбежалась. Затем в составе Севастопольского морского кадетского корпуса был вывезен в Тунис, в город Бизерту [Роллер 1965, л. 32–34].

³ У Николая Роллера было два брата — Георгий (1894–1952) и Федор (1908 — не ранее 1968) — и две сестры — Нина (1896–?) и Валентина (1898–?). Г.Н. Роллер был артиллерийским офицером, штабс-капитаном царской армии, участником 1-го Кубанского (Ледяного) похода Добровольческой армии, в 1920 г. эвакуировался из Крыма во Францию, где состоял разнорабочим. Ф.Н. Роллер в 1925 г. выехал с матерью, уроженкой Риги, в Латвию, затем они переехали в Париж, там Федор работал на заводе «Ситроен». Нина (в замуж. Сергеева) и Валентина (в замуж. Лидле) уехали в Париж в 1923 г. Нина Николаевна работала портнихой, а Валентина Николаевна бухгалтером (РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–11 об.).

Весной 1921 г. Николай Роллер с группой товарищей-гардемаринов решили уйти из корпуса и заявили о желании начать самостоятельную жизнь. Среди них были те, с кем Николай сохранит дружбу на всю жизнь. Это Георгий Владимирович Шибанов (1900–1970) и Дмитрий Григорьевич Смирягин, с которыми он позже будет воевать в Испании, сидеть в тюрьмах и работать в подполье. Начальство расценило этот поступок как «бунт». Молодых людей разжаловали из гардемаринов в матросы, отобрали форму, но в итоге были вынуждены отпустить, т.к. они успели получить от французских властей разрешение на жительство в Тунисе. Роллер стал работать грузчиком в порту и перевозчиком железной руды. Тяжелый физический труд плохо оплачивался. Николай получал шесть франков в день, которых едва хватало на пропитание. Он переехал в город Сфакс, где занимался разгрузкой вагонов, а затем поступил матросом на французский рыболовецкий катер «Гортензия» [Роллер 1962, л. 6; Роллер 1965, л. 35–37]. Сохранилась характеристика, данная Роллеру капитаном катера: «...блестяще знает свой предмет и очень трудолюбив»⁴. Но в октябре 1921 г., когда катер пришел во французский порт Дьеп, компания, к которой он принадлежал, по настоянию профсоюза французских моряков уволила Роллера как иностранца, не имеющего права работать на флоте. Тогда он перебрался в Париж, окончил шоферские курсы и с мая 1922 г. стал шофером такси [Роллер 1962, л. 6–7; Роллер 1965, л. 39–40]. Его начальники (директор парижской Французской компании такси; управляющий Обществом по эксплуатации машин в предместье Парижа Клиши) были «удовлетворены» его работой и отмечали в нем такие качества, как серьезность, трудолюбие, трезвость, честность и сообразительность⁵. Николай Николаевич хотел купить собственный автомобиль и работать на себя, но этим планам не суждено было сбыться.

*Николай Николаевич Роллер.
Париж. 1922. РГАСПИ. Ф. 553.
Оп. 1. Д. 5. Л. 105*

Как следует из воспоминаний Н.Н. Роллера, под влиянием экономического кризиса, разразившегося во Франции в конце 1920-х — начале 1930-х гг., и связанного с ним падения доходов он стал считать, что «правда состоит в борьбе с капитализмом на стороне революционного коммунистического движения» [Роллер 1962, л. 7]. В 1930 г. он вступил в русскую секцию синдиката шоферов Всеобщей конфедерации труда и стал активным членом синдиката [Роллер 1969, л. 3].

С начала Гражданской войны в Испании Николай Николаевич был активным участником помощи республиканцам. Он отвозил к испанской границе закупленные для них автомобили, сани-

⁴ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 64. Роллер работал под руководством капитана «Гортензии» Демченко с 18 апреля по 3 октября 1921 г.

⁵ Там же. Л. 65, 69.

*Русские шоферы Парижа. Н.Н. Роллер — первый слева. 1924.
РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 105 об.*

тарные машины, грузовики с медицинским оборудованием и медикаментами. На границе их передавали испанцам [Роллер 1962, л. 7].

А в феврале 1937 г. Роллер уезжает в Испанию воевать на стороне республиканцев. Это был его первый опыт борьбы против европейского фашизма. В РГАСПИ хранится карта члена Ассоциации бывших добровольцев в республиканской Испании Николая Роллера⁶. Роллер служил в автополку особого назначения, который вошел в состав 5-го корпуса под командованием генерала Хуана Гильото Леона Модесто (1906–1969) (впоследствии 5-я армия). Автополк состоял из двух эскадронов (по 40 автомашин). В одном из этих эскадронов Николай Николаевич был сначала сержантом и командовал отделением, а в ноябре 1937 г. был произведен в лейтенанты Испанской армии и стал командиром 2-го эскадрона. Полк постоянно находился на фронте при штабе 5-й армии и участвовал в боях под Брунете, Гвадалахарой, Теруэлем, Арагоной, занимаясь перевозкой войск, артиллерии, доставкой снарядов, эвакуацией раненых [Роллер 1962, л. 7; Роллер 1965, л. 43–44]. В битве при Брунете 6–25 июля 1937 г. погиб муж сестры Роллера Валентины Федор Лидле, комиссар автотранспорта 15-й интернациональной бригады. В автобиографической повести «Иду к тебе» А.Н. Кочетков (1912–1987), участник Гражданской войны в Испании, воевавший на Арагонском фронте, упо-

⁶ Там же. Л. 89–90. Из этого документа выясняется точная дата его въезда в Испанию — 19 февраля 1937 г. и время демобилизации — 14 октября 1938 г. А также место службы: 1-й транспортный полк 5-го армейского корпуса генерала Х. Модесто.

*Н.Н. Роллер (крайний справа). Испания. 1937–1938.
РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 108*

минал Роллера как одного из «чудесных ребят» (наряду с Георгием Шибановым, Дмитрием Смирягиным и Федором Лидле), предпринимавших яростные контратаки на позиции франкистов [Кочетков 2013, с. 36, 133].

В октябре 1938 г., при демобилизации интернациональных бригад, Николай Николаевич вернулся во Францию и стал работать в русской секции Комитета помощи бывшим испанским добровольцам при Союзе друзей советской родины [Роллер 1969, л. 3]. Он был «парижским активистом» этого Союза⁷, занимавшегося репатриацией и созданием положительного образа СССР за рубежом [Пелехин 1967, л. 2 об.].

В ночь на 1 сентября 1939 г. Роллер был арестован французской полицией. Началась Вторая мировая война. После подписания договора о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г. активисты просоветских объединений рассматривались французскими властями как сторонники страны — союзника Гитлера [Горинов 2015, с. 132]. Роллер был заключен в каторжную тюрьму «Фрэн», затем в тюрьму «Санте». По его воспоминаниям, условия пребывания в тюрьме «Фрэн» были очень суровыми. В ожидании заключения в камеры арестованных помещали в душные железные шкафы, где было запрещено садиться, а на просьбы о воде тюремные надзиратели отвечали ударами. Перед выходом из камер на прогулки на головы заключенных надевался «кагул» — мешок с прорезями для глаз [Роллер 1965, л. 45–46].

В тюрьмах Роллер пробыл 42 дня. За это время он был предан военно-полевому суду с обвинением в шпионаже в пользу Советского Союза. Суд разбирал дело заочно и не нашел «состава преступления». Но МВД Франции перевело его

⁷ До 1937 г. носил название Союз возвращения на родину.

как «особо опасного» иностранца, покушавшегося на безопасность французского государства, в дисциплинарный лагерь Верне [Роллер 1962, л. 8; Роллер 1965, л. 47]. Согласно справке, выданной начальником лагеря, Роллер был интернирован с 12 октября 1939 г., находился в отделении «С», бараке № 33⁸.

Летом 1940 г. произошла капитуляция Франции. Будучи в лагере, Николай Николаевич был принят в члены Французской коммунистической партии [Роллер 1965, л. 47]. Он работал на кухне, заботился о других заключенных, приносил им остатки еды в консервных банках [Кочетков 2013, с. 219].

В марте 1941 г. в лагерь прибыла комиссия по набору рабочих для отправки в Германию. Немцы обещали дать там заключенным относительную свободу при условии не заниматься никакой пропагандой. Роллер был направлен на завод синтетического бензина «Лейна-Верке» вблизи города Галле. Жил в бараке с правом выхода в город. Совместно с другими товарищами он занялся сбором средств, которые стали посылаться во Францию для помощи содержащимся в лагерях и тюрьмах и их семьям [Роллер 1962, л. 8; Роллер 1965, л. 48].

По истечении года работы заключенные могли получить двухнедельный отпуск. В 1942 г. у Николая Николаевича в Париже умерла мать. Его сестра Нина прислала документы об этом с требованием присутствовать во Франции для дела «наследства». Наследства не было. Это была уловка, чтобы Николай смог получить визу и отпуск. В марте 1942 г. Роллеру удалось вернуться во Францию, где он перешел на нелегальное положение. Он нанялся рабочим на строительство укреплений Атлантического вала, там документов не спрашивали. Работающие и здесь отдавали часть денег для заключенных во французских лагерях, с которыми уже была налажена связь [Роллер 1965, л. 48–49].

В августе 1943 г. Роллер переехал в Париж. Он был одним из участников встречи 3 октября 1943 г. на квартире Георгия Шибанова, на которой была основана подпольная антифашистская организация Союз русских патриотов [Роллер 1962, л. 8; Роллер 1965, л. 49]. Ее организаторы и руководители (Д.Г. Смирягин, Г.Г. Клименюк, А.Н. Кочетков, П.П. Пелехин и др.) — друзья Роллера, бывшие бойцы интернациональных бригад, воевавшие в Испании, — принадлежали к патриотическим и просоветски настроенным кругам эмиграции. Основными целями организации являлись: издание листовок и подпольной газеты «Русский патриот», оказание помощи советским военнопленным, организация их побегов из лагерей, формирование из них партизанских отрядов, антифашистская пропаганда

*Н.Н. Роллер. 1941. РГАСПИ.
Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 111*

⁸ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.

среди формирований РОА [Лебедеко 2015, с. 185]⁹. Учитывая технические способности Роллера, работавшего шофером и командовавшего автополком, друзья поручили ему организацию подпольной типографии.

Согласно исследованиям А.Ю. Вовка было две редакции газеты «Русский патриот». Первая существовала с октября 1943 г. и была разгромлена гестапо в середине марта 1944 г. В нее входили редакторы М.М. Бренстедт, А.С. Сизов (1896–1976), машинистка В.Н. Спенглер и др. Николай Роллер заведовал типографией именно в этот период. Вторая редакция была воссоздана Н.С. Качвой (1900–1982) весной 1944 г. и успешно действовала вплоть до 1945 г. [Вовк 2015, с. 154; Вовк 2017, с. 454–456].

Итак, первая редакция находилась в 15-м округе Парижа [Борисов 1947, с. 2]. Типографию же Роллер организовал в парижском предместье Эрбле (в 20 километрах к северо-западу от Парижа), в доме своей сестры и зятя Виктора и Нины Сергеевых [Клименюк 1962а, л. 8].

Это было героическое и смертельно опасное дело. Роллер сумел достать ротатор¹⁰, вместе с Дмитрием Смирягиным перевез его в дом своих родственников и установил в подвале. Ему было запрещено приезжать в Париж и встречаться с кем бы то ни было, кроме связных. Бумагу и краски привозил Д.Г. Смирягин.

Николай Николаевич печатал газету в подвале, но это было нелегко: свет зажигать нельзя, пользовались лампой-коптилкой; дело происходило зимой, краска замерзала и слипалась, а руки мерзли. Возле домика, стоявшего возле железной дороги, постоянно ходили немецкие патрули [Роллер 1962, л. 9; Роллер 1965, л. 50].

Связные приезжали пригородным поездом на соседнюю станцию. Роллер лично встречался с ними в условленном месте (например, под мостом), каждый раз на новом, и обменивался материалами: получал восковки¹¹ следующего номера газеты и отдавал уже отпечатанный тираж. О месте нахождения типографии связным не было известно. Затем они отвозили полученные от Роллера свежие номера в Париж на распределительный пункт [Борисов 1947, с. 2; Клименюк 1962, л. 1; Роллер 1962, л. 9; Роллер 1965, л. 50]. В основном эту рискованную работу делали женщины-связистки.

Особенно активное участие в распространении газеты принимала Александра Петровна Тарасевская (по кличке Тамара), член Французской компартии и Союза друзей советской родины. Когда Тамара получала указание доставить восковки очередного номера газеты, она наворачивала их на руку четырехлетней дочери, а руку забинтовывала. Создавалось впечатление, что у девочки перелом руки. Затем мать брала дочь за другую руку, и они отправлялись за город, на условное место встречи с Роллером. Если в пути их останавливал полицейский и прикасался к «больной» руке девочки, последняя демонстративно вскрикивала «от боли». По-

⁹ Союз русских патриотов входил в состав организации «Main d'oeuvre immigrée» (MOI; «Рабочая сила эмигрантов», созданная Французской компартией) как самостоятельная русская единица Сопротивления.

¹⁰ Ротатор — копировальный аппарат, предназначенный для оперативного размножения текста (книг, газет) малыми и средними тиражами.

¹¹ Восковка — макет-графарет, изготовленный на восковой прозрачной бумаге рукописным или машинописным способом.

лученные у Роллера материалы А.П. Тарасевская прятала себе под одежду, представляясь беременной, и продолжала свой путь в центр Парижа. В вагоне 1-го класса даже немецкие офицеры уступали ей место¹² [Клименюк 1962а, л. 4; Нечаев 1964, с. 5]. В районе вокзала Сен-Лазар ее встречал другой курьер, который отвозил материалы на склад, откуда шло распределение по тройкам Союза русских патриотов¹³ [Клименюк 1962, л. 1].

Несмотря на большие трудности и опасность, работники «Русского патриота» обеспечивали регулярный выпуск газеты. Она выходила на двух или четырех полосах тиражом 300–500 экземпляров. Первый номер «Русского патриота» появился на свет 7 ноября 1943 г. В нем были выражены программные идеи Союза русских патриотов. Всего первая редакция выпустила четыре номера. Газета освещала ход боевых действий на советско-германском фронте, призывала русских эмигрантов помогать соотечественникам, разоблачала лиц, служивших у немцев [Горинов 2015, с. 135, 137]. В типографии «Русского патриота» печатались также листовки, бюллетени Совинформбюро, прокламации и воззвания к российским эмигрантам и советским пленным [Роллер 1969, л. 4; Горинов 2015, с. 37].

В марте 1944 г. гитлеровцам удалось нанести удар по Союзу русских патриотов. Они внедрили в него провокатора. По свидетельству Роллера, им оказался приехавший из города Шербур «власовец», считавшийся «верным» Союзу человеком [Роллер 1965, л. 50]. Была арестована вся редакция «Русского патриота». Роллеру и Смирягину пришлось тут же заметать следы типографии; уничтожили восковки, бумагу, краски, а ротатор разобрали на части. Роллер уехал от сестры, жил у знакомых на чердаке [Нечаев 1964, с. 5; Роллер 1965, л. 51].

Руководитель Союза русских патриотов Н.С. Качва вскоре возобновил издание «Русского патриота» уже с новыми сотрудниками и устройством новой типографии¹⁴. Была усилена конспирация, дисциплина. За печатание и распространение номеров стали отвечать разные группы людей. К 1 мая 1944 г. вышел 5-й номер газеты [Борисов 1947, с. 2; Горинов 2015, с. 136–137; Вовк 2017, с. 455–457].

Что касается Николая Николаевича, то он продолжал оставаться на нелегальном положении. О его аресте нет никаких документальных данных.

Роллер вышел из подполья во время освобождения Парижа 17–28 августа 1944 г. По свидетельству А.Н. Кочеткова, «бессменный техник-первопечатник Роллер» строил баррикады, а также был участником захвата резиденции профашистского Управления по делам русской эмиграции на улице Гальера [Кочетков 2013, с. 326].

¹² После окончания Второй мировой войны А.П. Тарасевская вернулась в СССР вместе с мужем, членом Союза русских патриотов Георгием Герасимовичем Клименюком (1902–1979) и жила в Воронеже, работала в гостинице «Воронеж». Ее дочь (падчерица Г.Г. Клименюка) стала инженером, строила Карагандинскую ГРЭС-2 в Казахстане.

¹³ Г.Г. Клименюк в своих воспоминаниях указывал некоторые конкретные места в Париже, куда тройки Союза привозили газету. Библиотека одной из шоферских организаций, столовую которой посещали власовцы. Храм Трех Святителей на ул. Петель. Завод Круппа, на котором работали советские военнопленные [Клименюк 1962, л. 1].

¹⁴ После ареста М.М. Бренстедта в марте 1944 г. газету «Русский патриот» редактировал Н.В. Борисов.

Членский билет Н.Н. Роллера. 1945.
РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 83–84

После освобождения Парижа Роллер продолжал работать в Союзе русских патриотов. После первого легального заседания Союза 17–18 декабря 1944 г. он был избран в его ЦК, а также стал казначеем парижского комитета Союза [Роллер 1962, л. 9; Хроника 2000, с. 66, 76, 143–144]¹⁵. В марте 1945 г. организация была преобразована в Союз советских патриотов. Николай Николаевич являлся делегатом съездов Союза 12 октября 1945 г. и 25 апреля 1946 г. от парижского комитета Союза¹⁶.

Воспользовавшись указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции», он стал советским гражданином. Работал шофером при посольстве СССР [Роллер 1962, л. 9].

Н.Н. Роллер. 1945. РГАСПИ.
Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 111

А уже в декабре 1946 г. Роллер и его супруга Ольга Ильинична (урожд. Коган) прибыли в Одессу на теплоходе «Россия». Они получили разрешение на жительство в городе Боровск Калужской области, где Николай Николаевич стал работать в леспромхозе начальником автомобильного и гужевого транспорта [Роллер 1962, л. 9; Роллер 1969, л. 4–4 об.]. 9 февраля 1947 г. он принял участие в выборах в Верховный Совет РСФСР¹⁷.

В опубликованном в начале 1947 г. в «Известиях» письме к оставшимся во Франции товарищам — членам Союза советских патриотов — Роллер положительно оценивал свою жизнь в СССР: он получал двойной продуктовый паек и рабочие командировки в Москву. В Боровске ему

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 82.

¹⁶ Там же. Л. 56 об., 88, 91.

¹⁷ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 105. Л. 21. Статьи о русских участниках Сопrotивления во Франции. Газетные вырезки. 1946–1948 гг.

даже предложили ссуду на постройку собственного дома¹⁸. Но он принял решение не оставаться в этом городе.

В конце 1947 г. Роллеры переехали в Москву. Ольга Ильинична состояла переводчицей в Совинформбюро. Николай Николаевич работал в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных: сначала электромонтером, затем главным администратором концертного зала до выхода на пенсию в 1962 г. [Роллер 1962, л. 9]. Далеко не у всех возвращенцев было право жить в Москве. Скорее всего, разрешение на жительство в столице было связано с тем, что Роллер являлся особо проверенным советскими спецслужбами и сочтен надежным. А возможно, он мог оказаться полезен и сотрудничал с ними, оказывая услуги на своей должности. Скончался Н.Н. Роллер 15 февраля 1973 г. [Нечаев 2013, с. 143].

Таким образом, Николай Николаевич Роллер принял деятельное участие в борьбе с европейским фашизмом: сначала в годы Гражданской войны в Испании, а затем в рамках Союза русских патриотов во Франции. В обоих случаях он смог по максимуму использовать свои профессиональные навыки и техническое мастерство. Н.Н. Роллер представляется яркой личностью — активным, смелым человеком, готовым глядеть в лицо опасности, не боящимся идти на риск и брать на себя ответственность. Ему свойственны исключительный гуманизм, готовность в любой ситуации прийти на помощь товарищам (вспомним осуществлявшийся им сбор средств для помощи заключенным в лагерях и тюрьмах). Решавшаяся им задача создания подпольной типографии и распространения первых выпусков газеты «Русский патриот» являлась одной из наиболее трудных задач в условиях немецкой оккупации. В особенности на начальном этапе, когда приходилось все начинать с нуля. И такие личные качества Николая Николаевича, как кропотливость, трудолюбие, терпение, смывленность, позволили успешно эту задачу решить. И хотя созданная Роллером типография просуществовала небольшой срок (не по его вине), его опыт конспиративной работы был, несомненно, оценен, проанализирован и использован руководством Союза русских патриотов в дальнейшей борьбе с фашизмом.

Сокращения

АДРЗ — архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Источники и литература

Борисов 1947 — *Борисов Н.В.* Наше прошлое // Советский патриот. 1947. № 149. С. 2.
Вовк 2015 — *Вовк А.Ю.* Деятельность Союза русских патриотов во Франции: (по материалам архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 г. / ДРЗ имени Александра Солженицына; сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь; ДРЗ им. А. Солженицына, 2015. С. 145–157.

¹⁸ Роллер Н.Н. Письма с Родины // Там же. Л. 21.

- Вовк 2017 — *Вовк А.Ю.* Основание и издание газеты «Русский патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопротивления // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. / ДРЗ; Институт российской истории РАН. М.: ДРЗ им. А. Солженицына. 2017. С. 452–457.
- Вовк 2018 — *Вовк А.Ю.* Русский эмигрант во французской тюрьме и лагере для «нежелательных иностранцев» Верне // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3. С. 119–130.
- Вовк 2019 — *Вовк А.Ю.* Русские бойцы интернациональных бригад и члены эмигрантских организаций в лагерях Франции // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10. Вып. 2 (76). С. 16. URL: <https://history.jes.su/issue.2019.1.2.2-76> (дата обращ. 06.11.2020).
- Волков, 2004 — *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 557 с.
- Горинов 2015 — *Горинов М.М.* Участник движения Сопротивления во Франции Н.С. Качва: (по материалам архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 г. / ДРЗ имени Александра Солженицына; сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь; ДРЗ им. А. Солженицына, 2015. С. 130–144.
- Клименюк 1962 — *Клименюк Г.Г.* За работой: Воспоминания. Воронеж, 1962 // АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–2.
- Клименюк 1962а — *Клименюк Г.Г.* Письма Г.А. Нечаеву о деятельности Г.Г. Клименюка и А.П. Тарасевской в Сопротивлении. Воронеж, 1962 // АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–8.
- Кочетков 2013 — *Кочетков А.Н.* Иду к тебе. 1936–1945. New York, Forest Hills: T&V media, 2013. 413 с.
- Лебедеенко 2015 — *Лебедеенко Р.В.* Участие российской эмиграции в движении Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 г. / ДРЗ имени Александра Солженицына; сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь; ДРЗ им. А. Солженицына, 2015. С. 182–187.
- Нечаев 1964 — *Нечаев Г.А.* Люди с горячим сердцем // Голос Родины. 1964. № 8 (779). С. 5.
- Нечаев 2013 — *Нечаев В.П.* Дорогой поиска // Иные берега. 2013. № 4. С. 137–143.
- Пелехин 1967 — *Пелехин П.П.* Письмо Г.А. Нечаеву об организации «Союза возвращения на родину» и его дальнейшем преобразовании. 8 апреля 1967 // АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2 об.
- Роллер 1962 — *Роллер Н.Н.* Автобиография. М., 1962 // РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–10.
- Роллер 1965 — *Роллер Н.Н.* Воспоминания (машинопись). М., 1965 // РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 27–54.
- Роллер 1969 — *Роллер Н.Н.* Автобиография. М., 1969 // РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–4 об.
- Российское зарубежье во Франции, 2010 — Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. Т. 2: Л–Р / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 683 с.
- Хроника 2000 — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция. Т. 5. 1940–1954 / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000. 670 с.

А.Ю. Вовк

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОВИНЦИИ.
СЛУЧАЙ ЭМИГРАНТА ГЕОРГИЯ ШЕМЕТИЛЛО

История участия российской эмиграции во французском Сопротивлении (*Résistance*) в силу ряда причин изучена недостаточно, в историографии часто мы видим либо один и тот же набор имен и сюжетов, либо слабые работы, основанные на некритическом восприятии источников (в основном мемуарного характера). Тем отраднее отметить, что в последние полтора-два десятилетия по указанной теме проводятся конференции, семинары, публикуются воспоминания участников и исследования. Из этих работ нам известно как о действиях организаций, составленных из эмигрантов, так и о работе смешанных групп и отдельных фигур [Базанов 2015; Вильде 2005; Викторова 2004; Вовк 2015, 2017, 2019; Горинев 2015; Гузевич 2012; Ковалев 2006; Костицын 2017; Кочетков 2013; Кривошеина 2015; Ликвинцева 2018; Флам 2005; Решетников 2019; Роцин 2015; Урицкая 2015; Pavlova 2015]. Правда, в основном эти труды посвящены Сопротивлению в столичном регионе, на севере и востоке Франции, где, во-первых, проживало множество эмигрантов, а во-вторых, существовали лагеря для советских военнопленных и восточных рабочих, с эмигрантами контактировавших.

Но что происходило в «свободной зоне», например в мегаполисах юга — Марселе и Лионе? Несмотря на наличие русских колоний, крупных подпольных организаций, состоящих из эмигрантов полностью, исключая лионский отдел СРП, здесь не сложилось, а об их деятельности нам известны в основном отрывочные сведения [Даманская 2006; Ковалев 2006; Кривошеин 1946, 1972; Массип 2010; Турыгина 2016; Урицкая 2015; Laroche 1965; Courtois 1989; Pavlova 2015]. Как правило, авторы ограничиваются упоминанием имен российских резистантов, иногда перечисляя их действия: порча линий связи, укрывательство и помощь беглецам. Поэтому цельного представления о российском следе в Сопротивлении региона не сложилось. Безусловно, заполнению этой лакуны будет способствовать изучение участия в подполье Г.Ф. Шеметилло. Его воспоминания известны специалистам, на одном из их вариантов основана главка «В южной зоне Франции» в очерке И.А. Кривошеина [Кривошеин 1972, с. 287–289], на основании которого некоторые современные исследователи даже делают вывод о руководстве Шеметилло «сетью русских эмигрантских организаций» [Урицкая 2015, с. 140]. Это, безусловно, ошибка. Внимательное чтение мемуаров Шеметилло и критическое к ним отношение позволят и лучше узнать судьбу нашего соотечественника и составить представление о российских резистантах юга.

Нам известны три варианта мемуаров Г.Ф. Шеметилло: в личном деле в Казанском государственном медицинском университете¹, в фонде Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) в ГА РФ², в фонде, собранном историком и журналистом Геннадием Нечаевым «Русские эмигранты — участники французского Сопротивления» в архиве ДРЗ³. Тексты объединены временем написания (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) и стилем изложения, отличия заключаются в объеме и противоречии ряда сведений (например, о собственном аресте).

Необходимо сказать несколько слов о центральной фигуре нашей работы. Георгий Феофилович Шеметилло (1908–1988) родился в селе Бережанка на Волыни, отошедшей в 1921 г. ко Второй Речи Посполитой. Окончил русскую гимназию в Луцке, продолжил обучение в Варшаве, Праге и с 1932 г. в Париже. Такой поворот для неполноязычного и православного в межвоенной Польше неудивителен, — неполяки подвергались дискриминации, выдавливались из страны [Ёлкин 2014, с. 139–140]. Во Франции Шемет (а он берет именно такой псевдоним) получает известность в богемных кругах русского Парижа, его имя мелькает в хронике: спектакли драматической студии Объединения русских студентов «Фигляр» В.И. Моревой, собрания музыкально-артистического объединения «Ассамблея», «литературные среды» в квартире А. Гингера и А. Присмановой. Наконец, выходит сборник стихов «Осколки». Добавим, что к Шемету тепло относились корифеи И.А. Бунин и Г.В. Адамович.

С началом мировой войны и последующем поражением Франции Шеметилло уезжает в «свободную зону», в Марсель. Георгий работает экспедитором в издательстве, учится на экономическом и филологическом отделениях в университетах Марселя и Лиона соответственно; в 1943 г. женится на Валентине Борисовне Мордухович (1910–1991). К этому периоду относится участие Шемета в движении Сопротивления (коммунистическое крыло — FTP-MOI) в крупных городах юга — Марселе, Монпелье и Лионе.

После войны Шеметилло способствовал репатриации советских граждан; руководил лионским отделением Союза советских патриотов, был избран в Центральное правление этой организации, работал секретарем. С началом холодной войны и противодействия французских властей совпатриотам, Союз был запрещен, газета закрыта, а руководство выслано в СССР. В марте 1948 г. в числе последних оказались и супруги Шеметилло. Георгий Феофилович жил в Казани, преподавал французский язык в школе и медицинском институте (университете), жена Валентина после развода переехала преподавать в Ленинград и в 1974 г. смогла вернуться во Францию. Благодаря ее стараниям выходит второй сборник стихов Шемета «Дорога дальняя». Увы, к этому времени Георгий Феофилович уже умер⁴.

¹ Архив КГМУ. Личное дело Шеметилло Г.Ф. Л. 6, 6 об. (документ любезно предоставлен сотрудницей КГМУ Ивановой Р.Г.).

² ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Воспоминания участников партизанской борьбы во Франции. Л. 129–136.

³ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–42.

⁴ Биографические сведения приводятся по: [Геллер 1990; Мнухин 1995–1997; Мнухин 2008; Шеметилло 1989]; Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Материалы к биографии Г.Ф. Шеметилло. Л. 1–3; Архив КГМУ. Личное дело Шеметилло Г.Ф. Л. 1–27.

После поражения Франции в 1940 г. и подписания капитуляции примерно треть страны не была оккупирована Германией. На ней возникло во главе с маршалом Петеном Французское государство со столицей в г. Виши, часто называемое «свободной», «южной зоной» или попросту — «Виши». В ноябре 1942 г. в нее были введены итальянские и немецкие войска, находившиеся здесь вплоть до освобождения страны в сентябре–декабре 1944 г. Кроме формальной независимости юг отличало обилие беженцев из оккупированных Германией стран, а также антифашистов, евреев⁵, граждан рейха и французов, иностранцев (для последних из числа «подозрительных и нежелательных» еще с довоенного времени здесь были устроены лагеря). С августа 1940 г. Марсель был буквально наводнен беженцами [Azéma, 2004, p. 223], в их числе был и Георгий Шеметилло. Издательство, в котором он работал экспедитором, перебралось в «свободную зону».

Что касается российских эмигрантов, то идейно они были разделены на пораженцев и оборонцев. Одни считали, что необходимо продолжать войну с коммунистами для освобождения России и использовать для этого любые возможности; другие, что страну необходимо защищать независимо от установленного в ней режима. 22 июня 1941 г. по всей стране, в том числе и в Марселе⁶, прокатилась волна арестов русских: «Подавляющее большинство эмигрантов и украинцев было скоро выпущено на свободу, а советские граждане были размещены в лагерях, в которых уже томились, медленно умирая с голоду, интернированные “красные” испанцы»⁷. Это событие и, главное, нападение Германии на СССР привели в эмигрантской среде к росту просоветских настроений, желанию действовать. Так, летом 1941 г. Г.Ф. Шеметилло с помощью коллег-студентов знакомится с болгарским врачом-коммунистом Моновым⁸. Обладая большими связями в среде рабочих-иммигрантов, Монов собрал две группы в Монпелье и Марселе, в последнюю вступил Шемет. Первоначально активность моновцев заключалась в поддержке коммунистов-иностранцев: помощь с документами, устройство на работу. Постепенно деятельность становилась масштабнее — подпольщики стали принимать участие в саботаже, порче железнодорожных стрелок и линий телеграфа. Обязанностью Георгия было составление сводок ТАСС и Би-би-си (его знакомый, бежавший из Австрии еврей-журналист, имел на работе доступ к хорошему радиоприемнику), их перевод. Размноженные сводки разбрасывались ночью по городу, оставлялись самим Шеметом в университете и в студенческой столовой, отправлялись в провансальские города. При этом описание работы сопровождается утверждением, что среди низших служащих издательства «было нетрудно

⁵ Несмотря на действия дискриминационных по отношению к евреям законов («Statut des Juifs» и др.) и функционирование Комиссариата по делам евреев, Марсель рассматривался последними и как убежище (30 тыс. человек в 1941 г., примерно 10% от всех евреев Франции), и как транзитный пункт для бегства из страны [Ryan 1996, p. 10, 34, 35].

⁶ В 1937 г. здесь проживало 1,5 тысячи русских [Турыгина 2016, с. 50].

⁷ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

⁸ Монов Иван (1910, Селяновцы-Раховско, Болгария — 1946?). Врач, проживал в Монпелье. В 1939–1940 гг. доброволец во французской армии, участник Сопротивления. Защитил диссертацию на медицинском факультете университета Монпелье 10 марта 1944 г. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

получать полезные сведения о настроениях в составе правительства, о министерских комбинациях, о намерениях правительства и его связях с немецким командованием, наконец, о некоторых секретных мероприятиях, подготовляемых или проводимых немцами»⁹. На наш взгляд, это явное преувеличение.

Последовательно жизнь в оккупированной и «свободной» зонах становилась тяжелее — массовые немецкие реквизиции энергоресурсов и бомбардировки союзников сочетались с холодными зимами. Например, зимой 1942 г.: «Ни дома, ни жители не были подготовлены к необычной в этих краях зиме — камины плохо обогревали комнаты, не хватало угля, люди дрожали в тонких пальто и легких ботинках. Начались серьезные продовольственные затруднения, у магазинов стояли очереди. Немцы усиленно грабили страну и увозили в Германию все, что можно было увезти»¹⁰. Нехватка продуктов, отмечаемая многими специалистами [Бурлаков 2013а, с. 316–317; Azéma, 2004, р. 224], вела к росту недовольства. Дополнительными факторами, способствующими развитию Сопrotивления, были репрессии и мобилизация на работы в рейх. Так как к марту 1942 г. было завербовано всего 140–150 тыс. французов, то с сентября 1942 г. для обеспечения Германии рабочей силой во Франции была объявлена трудовая повинность. За последующие 2 года в рейх было отправлено 646 421 человек, что вместе с французскими пленными составило 1,3 млн рабочих [Bories-Sawala 2010, р. 37, 43]. Население уезжало в Германию неохотно, поэтому власти начали настоящую охоту за рабочей силой, что спровоцировало бегство молодежи в лес. Ввод войск вермахта в ноябре 1942 г. на территорию Французского государства и силовые акции не способствовали популярности вишистов и немцев. Например, в Германию выдавались беженцы-иностранцы¹¹ [Badia 1994, р. 20–23], а в январе–феврале 1943 г. в районе Старого порта Марселя — «приют гангстеров, проституток, контрабандистов и марсельской бедноты»¹² — прошла облава. Задерживались евреи (позже депортированы в лагерь Компьень), взрывались жилые кварталы, а 20 тыс. человек были выселены в не подготовленный к наплыву людей лагерь Каис [Azéma, 2004, р. 226]. В этих условиях ропот стал сменяться активным противодействием, и, учитывая поражение немцев под Сталинградом, в «свободной зоне» подпольные организации стали увеличиваться.

Развитию движения Сопrotивления на юге Франции способствовали устройство лагерей для восточных рабочих и прибытие осенью 1943 г. восточных батальонов, сформированных из советских граждан¹³. Дело в том, что низкий моральных дух восточных частей во Франции, нестабильная обстановка в батальонах,

⁹ ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 130 об.

¹⁰ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

¹¹ Из депортированных в 1942–1944 гг. из Франции 75 721 еврея 30 000 человек были выданы из «свободной зоны» [Badia 1994, р. 22].

¹² Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 16.

¹³ Так называемые восточные батальоны. Встречается употребление «добровольческие части», «части РОА», «власовцы». На средиземноморском побережье и на линии от Бордо до Лиона находилось 17,5 тыс. солдат из восточных частей, которые в июне 1944 г. составляли десятую часть всех оккупационных сил [Coudry 1995, р. 8].

неверие многих солдат в немецкое превосходство над союзниками и пренебрежительное отношение немцев не способствовали желанию воевать на чужой земле за чужие интересы. В батальонах процветали сдача в плен и дезертирство [Гильязов 2009, с. 75, 292–299; Дробязко 2004, с. 218–219, 221, 224–226; Coudry 1995, p. 8]. В этом значительную роль сыграли российские эмигранты. Так, знающий четыре славянских языка Шеметилло помогал военнопленным в их контактах с резистантами.

Работа с советскими гражданами в основном заключалась в помощи беглецам, которых местные жители укрывали на фермах и квартирах, добывали одежду и переправляли в партизанские отряды. Свое жилье предоставили и супруги Шеметилло, чья марсельская квартира обладала рядом преимуществ: расположение дома рядом с православной церковью, около которой русская речь не была редкостью, малое количество соседей и умение хозяев не задавать вопросы. Обычно беглец сообщал: «Я к вам от Ивана. Он здоров и велел кланяться Вам» — и оставался на несколько дней¹⁴. Единственный, кто прожил у Шемета 10 дней, — бежавший позднее в сторону испанской границы лейтенант Фролов.

Еще один контакт с группой советских граждан был налажен благодаря их случайному знакомству в поезде с Моновым. Тот позвал на встречу Шеметилло, который, рискуя, продемонстрировал польский паспорт и семейные фотографии с Украины, чтобы доказать свое происхождение. Этой группе также стали передаваться радиосводки о положении на фронтах, получая взамен сведения о передвижении немцев и ходе оборонительных работ на средиземноморском побережье¹⁵.

Случалось, что и советские солдаты связывали различные группы Сопротивления. Встреча Шеметилло с советскими солдатами, работавшими в гараже (младший лейтенант москвич Николай Семенов и сержант Костя), позволила познакомиться с местным коммунистом Романом Флери. Тот «вел большую разведывательную и организационную работу... среди военнопленных. Так как он не знал языка, ему был необходим русский переводчик»¹⁶. Конечно, такая работа была опасна, Шемет отмечает большое количество предателей среди восточных войск, поэтому «провалы во время работы в частях РОА были не так уже редкими»¹⁷. В целом для марсельского подполья Шеметилло стал находкой, его работа с военнопленными подтверждается выданными свидетельствами Флери и Монова¹⁸.

Помощь советским солдатам и — шире — депортированным, беглецам и вообще нуждающимся — оказывали и другие российские эмигранты. Например, бывший российский генконсул Марселя и уполномоченный Земгора Л.П. Гомелла

¹⁴ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 9. Укрепление обороны Средиземноморья (Средиземноморский вал; *фр.*: Le mur de la Méditerranée, *нем.*: Südwall) началось после оккупации «свободной зоны», т.е. с ноября 1942 г. Укрепления шли вдоль берега моря на протяжении 864 км от границы с Испанией до границы с Италией. Вал достроен не был.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 133.

¹⁷ Там же. Л. 132 об.

¹⁸ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 1, 2.

выдавал фиктивные справки, на основании которых можно было получить французские документы¹⁹.

Другой эмигрант, о. Валентин Бакст, создал благотворительное общество «Добрый самаритянин». Недалеко от квартиры Шеметилло находился гараж с пристройкой — церковью и дешевая столовая с бесплатными обедами для больных и стариков. Здесь помогали всем нелегалам: евреям, бойцам интербригад и позднее советским военнопленным. Им выдавались получаемые через своих людей в префектуре документы (например, свидетельства о крещении, подтверждавшие «арийское происхождение»). С некоторых богатых евреев Бакст брал деньги на подкуп чиновников и покупку продовольствия, однако Шемет оговаривается: «...мы не раз получали от Бакста документы и карточки для советских военнопленных, и получали без какого-то бы ни было вознаграждения»²⁰. Другими источниками существования «Самаритянина» были помощь муниципалитета, частных благотворителей, но в основном продажа обильных и «безтикеточных» обедов по ценам черного рынка. По словам Шеметилло, прихожане осуждали такую практику, но без нее «Добрый самаритянин» не смог бы оказывать помощь — черный рынок стал для населения главным нелегальным источником продовольственных и промышленных товаров [Бурлаков 2013б, с. 332–343].

Шемет приводит сведения о предназначенной для беглецов даче-лагере Бакста, просуществовавшей до разгрома милицией в 1944 г.²¹ По словам старых русских лионцев, семье жены-француженки о. Валентина принадлежал дом в горах Севенн (75 км севернее Монпелье), где укрывались беглецы. Также лионцы сообщали, что «это достаточно дикая местность, где с 18-го века прятались протестанты. Во время войны там было только 2 постоянных жителя, а о. Валентин и еще один человек приезжали из Марсея. Дорога оканчивалась за 5 км <до деревни>, и <до дома> добирались горной тропой»²².

Интересно, что в годы войны Шеметилло встречал старых знакомых по литературным кругам, — на вилле в Грассе жили известные писатели И.А. Бунин и Л.Ф. Зуров. Им Шеметилло помогал в приобретении письменных принадлежностей и еды [Геллер 1990, с. 224, 227]. Конечно, Бунина и Зурова нельзя назвать подпольщиками, но Сопротивлению и судьбе русских пленных они, безусловно, сочувствовали. Зуров привел работавших в пекарне пленных на виллу к Бунину, который оставил запись: «16.7.<1944>. Воскр. <...> татарин Федя, другой татарин и самарский солдат. Вообще русские пленные у нас часто все лето» [Бунин 2016, с. 453].

В марте 1944 г. Монов был арестован, и поэтому Валентина и Георгий Шеметилло уехали из Марсея в Клермон-Ферран, куда также было переведено издательство Георгия. Однако, получив вскоре вызов в полицию, супруги бежали в Лион, в котором провели несколько месяцев. С Лионом Георгий был связан уче-

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 130 об.

²⁰ Там же. Л. 132.

²¹ Там же. Л. 131, 132.

²² Сообщил В.Д. Голованов (Лион).

бой (с 1942 г. он числился студентом филологического отделения местного университета²³); но не исключено, что «столица Сопrotивления»²⁴ привлекала другим. Плотность населения, размеры города, транспортная инфраструктура и близость Швейцарии способствовали активным действиям подполья [Douzou 2016]. Необходимо сказать, что после серьезных ударов, полученных парижскими ФТР-МОИ в течение 1943 г., организация попала в парадоксальную ситуацию. Ее центр серьезно ослаб, но различные секции иностранцев, наоборот, усиливались. Некоторые из них (немецкая, еврейская) [Courtois 1989, p. 389, 395, 396] переместились в Лион.

В русском зарубежье Лион стоял особняком, — перед войной в нем и пригородах проживало примерно 3–5 тыс. человек, которых можно отнести к русским эмигрантам (многие из них были заняты в текстильной промышленности). По числу событий, проводимых в колонии, этот город занимал после Парижа и Ниццы третье место [Мнухин 2004]. В годы войны положение русских лионцев было сложным — действовали и направленные против иностранцев ограничения, принятые прежними властями Франции, а после ее поражения дискриминационные правила вишистов. Безработица, аресты 22 июня 1941 г., бюрократическая волокита с пропусками привели к оттоку трудоспособных лионцев в Германию [А.В. 1942, с. 3], но и оставшихся затронуло разделение на пораженцев и оборонцев. Из последних нам известно о лионской группе В. Нарсеяна и В. Подгорного, группе младоросов Иванова-Тринадцатого [Кривошеин 1946, с. 39; Массип, с. 441].

Крупной фигурой лионского Сопrotивления был Алексей Шапошников²⁵. Еще в довоенное время он сотрудничал с коллегой-шофером Николаем Качвой, лидером лионского отдела СДСР. Именно Качва по поручению руководства в конце 1943 г. привлек старого товарища Шапошникова к сотрудничеству с СРП, самой крупной эмигрантской подпольной группой. Шапошников распространял антинацистские листовки, занимался пропагандой среди солдат восточных батальонов²⁶, хранил взрывчатку, помогал беглецам одеждой²⁷. Однако при организации одного из побегов он был схвачен, передан гестапо и казнен 20 августа 1944 г. в числе других 120 задержанных недалеко от Сен-Жени-Лаваль. Позднее в Лионе на доме, в котором жил А.А. Шапошников, была установлена мемориальная доска²⁸.

В Сопrotивлении участвовала семья Захарьевых (Захаровых)²⁹, Николай и Марьяна, оборонцы с довоенным стажем. Захарьев, пользуясь служебными ко-

²³ Архив КГМУ. Л. 4, 4 об.

²⁴ Так Лион охарактеризовал генерал де Голль. Выражение используется французскими историками.

²⁵ Шапошников Алексей Алексеевич (1893, Екатеринослав — 1944, Сен-Жени-Лаваль, ок. Лиона), участник Гражданской войны в России, эмигрант. В Лионе с 1925 г., шофер такси, член СДСР. Женат, двое детей. Участник Сопrotивления, расстрелян.

²⁶ В Лионе находился штаб Кадровой добровольческой (восточной) дивизии, а ее части (армяне, туркестанцы, русские, казаки, татары, украинцы) были расквартированы по всему департаменту.

²⁷ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 13, 13 об.

²⁸ Подробнее о памяти о погибших см. сайт мэрии Сен-Жени-Лаваль: www.saintgenislaival.fr/376-commemoration-du-20-aout-1944-au-fort-de-cote-lorette.htm (дата обращ. 01.06.2020).

²⁹ Р.И. Урицкая ошибочно указывает на гибель семьи в Бухенвальде [Урицкая 2015, с. 153]. Захаров Николай (1896, Севастополь — 1947, Клинцы).

мандировками, имел возможность для «самой страстной, безудержной антигитлеровской пропаганды»³⁰, перевозил листовки и оружие. Однако в августе 1943 г. был арестован, заключен в тюрьму Монлюк и отправлен в Бухенвальд. Его жена Марьяна укрывала беглецов (именно в ее квартире жили Шеметилло), вместе с Валентиной Шеметилло помогала спастись узникам тюрьмы Монлюк. Так, через сутки после первого ухода немцев из Лиона в 1944 г. и освобождения заключенных в город вошли новые отступающие части вермахта. Опасаясь репрессий, бывших заключенных прятали в домах, больницах, монастырях. Не обошлось и без комичных эпизодов: «Почтенные настоятели мужских монастырей отказывались впустить в стены монастыря женщин, бывших заключенных Монлюка, и приходилось за несколько минут до комендантского часа бегать по всему Фурвьер³¹ в поисках женского монастыря, который мог принять несчастную женщину. Когда же обнаруживали такой монастырь, то там находили группу бывших заключенных — мужчин, которые вынуждены были искать другого пристанища, т.к. игуменья не пускала их в женский монастырь»³². После освобождения Н. Захарьев вернулся во Францию, а потом вместе с женой уехал в СССР.

О других российских резистантах департамента Роны известно не так много. Муромцев, Михайлов, Соколов помогали военнопленным. Алексей Марченко — член СДСР, вместе с Шапошниковым занимался военнопленными; репатриант. Гавриил Алпатов и его жена укрывали пленных, взрывали линии высоковольтной передачи. Работая на ферме около аэродрома Брон, Алпатов портил провода телеграфа и однажды попал в сложную ситуацию: «Ферма была окружена немецкими солдатами. Вошедший офицер спросил хозяина: “Когда кончится вредительство?” Ферма была богатой, а хозяева слыли сотрудничающими с немцами. Хозяйка ответила: “Нас ненавидят, т.к. мы люди богатые и хорошо живем с вами. Кто-то старается нас спровоцировать, вероятно коммунисты”. Офицер спросил — все ли рабочие французы, на что хозяйка ответила утвердительно, хотя Алпатовы были русскими. Это был не альтруизм, — хозяева спасали и свою шкуру»³³. Этот случай иллюстрирует не только героизм резистантов, но и переплетение сложных отношений подпольщиков и лиц нейтральных или сочувствующих немцам.

Небезынтересны судьбы семьи Сулима³⁴. Отец, член компартии, помогал военнопленным, скрывал их и отправлял в отряд сына, осуществлял связь группы Шапошникова с ФКП³⁵, его жена также участвовала в Соппротивлении [Мнухин 2008]; а сын Эли-Фернан-Андре³⁶ был лейтенантом ФФИ под псевдонимом Ришар

³⁰ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 32.

³¹ Часть города, в которой расположены крупнейшие католические учреждения и находится подворье кардинала.

³² Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 34.

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Шеметилло, а вслед за ним и Кривошеин с Урицкой пишут «Сулема».

³⁵ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.

³⁶ Сулима Павел (1897, Изюм — ?); его жена Т.А. (? — после 1959, Лион), церковный деятель; их сын Elie Fernand André Soulima (1924, Дьелефи — 2007, Сен-Фуа-ле-Лион), карикатурист.

[Permezel 1995, p. 443, 444]. Любопытно, что Сулима-младший «по-русски не говорил, но считал себя советским»³⁷.

Конечно, подпольщики и партизаны несли потери. Кроме Шапошникова были расстреляны Н. Терешко³⁸ и Яценко, погибли родившиеся уже во Франции молодые Константин Иванов и Олег Качва³⁹. Подробности смерти последнего известны — в бою у Пюзиняна 1-й Ронский полк ФФИ понес потери, 23 человека погибло⁴⁰.

В чем именно заключалась подпольная работа Шемета в Лионе, неизвестно. Судя по приводимым им сведениям, он знал многих резистантов, однако такой авторитетный человек, как лидер СРП Николай Качва, отзывался о Шемете нелестно и сомневался в его активных действиях в годы войны⁴¹. Так или иначе, в июне или июле 1944 г.⁴² — Шеметилло точно не помнит — он вернулся в Марсель. Квартира была разгромлена после налета авиации союзников: «Одна из бомб взорвалась во дворе, и дом, а в частности — моя квартира, сильно пострадали — вырвало взрывной волной окна и двери, упали внутренние, некапитальные стены. Никто из живущих в доме не пострадал, но стал он необитаемым»⁴³. Но в этом было преимущество — можно было жить, не опасаясь визита оккупантов. Восстановив контакт с Р. Флери, Шемет «через месяц после отъезда дрался на баррикадах»⁴⁴. 15 августа 1944 г. в ходе операции «Драгун» союзники высадились на побережье и стали наступать на Марсель и Тулон. 21 августа в Марселе началась всеобщая забастовка, переросшая в восстание. После недели боев немецкие части, оставшиеся в городе, капитулировали. Восставшие были малочисленны и плохо вооружены: «...они не могли задержать немецкие отряды. Основная задача состояла в том, чтобы немцы не задерживались в Марселе, не смогли создать из него опорный пункт»⁴⁵, — вспоминал позже Шемет. Он видел успех «Драгуна» в сдаче без боя морально разложенных солдат восточных батальонов⁴⁶, которые якобы составляли «основную опору обороны побережья»⁴⁷. Другие подпольщики, отмечавшие помощь в восстании распропагандированных армянских батальонов, в оценках скромнее [Laroche 1965, p. 249].

На этом участие в Сопротивлении Жоржа Шемета, Георгия Шеметилло завершилось. Уже находясь на родине, своими воспоминаниями он внес вклад в сохра-

³⁷ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 41.

³⁸ Возможно, имеется в виду убийство жителя Сан-Жан-Бонефона (60 км к юго-западу от Лиона) Teresko Nicolas в декабре 1943 г. (ADR 3808 W 803).

³⁹ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 35.

⁴⁰ Качва Олег (Katchva Aleg; 1926, Лион — 1944, Пюзинян, 69 Рона). Племянник Н.С. Качвы. Солдат 1-го Ронского полка ФФИ, погиб 31 августа 1944 г. [La base].

⁴¹ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 134, Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 23.

⁴³ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 24.

⁴⁴ Там же. Л. 33.

⁴⁵ Там же. Л. 25.

⁴⁶ Там же. Л. 24.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 134 об.

нение памяти об антинацистской борьбе. Обобщая опыт своих товарищей и свой собственный, Шемет отметил особенности лионского и марсельского подполья, именуемого им «городское маки». Во-первых, резистанты не вели широкомасштабных боевых действий, они использовали другие способы: нападение на патрули, налеты на посещаемые немцами кафе, порча средств связи и железнодорожных стрелок и даже напоминание о поражениях вермахта надписью на стенах «Сталинград». В городе группы не могли быть многочисленными, они насчитывали 3–5 человек и обычно не знали личного состава «соседей». Успех уличной акции зависел от разных факторов. Например, в Лионе этому способствовала старинная застройка. В центре города 230 улиц связаны «трабулями»: «Надо только войти в дом, подняться на второй этаж, спуститься вниз, повернуть по темному проходу вправо или влево, войти во внутренний дворик, пересечь его, чтобы попасть в запутанный лабиринт другого дома и, выйдя, очутиться на широкой большой улице, до которой не дойти обычным путем за 10–15 минут»⁴⁸. Во-вторых, в Соппротивлении тесно сотрудничали и иностранцы (армяне, испанцы, итальянцы, поляки, евреи, русские), и представители разных партий. В-третьих, большую роль в разложении восточных батальонов сыграли резистанты, среди которых были и русские эмигранты.

Сокращения

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ДРЗ — Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына
КГМУ — Казанский государственный медицинский университет
СДСР — Союз друзей советской родины
СРП — Союз русских патриотов
ФКП — Французская коммунистическая партия
ФФИ (FFI) — французские внутренние силы

ADR — Archives départementales du Rhône
FTP-MOI — Francs-tireurs et partisans — main-d'œuvre immigrée

Литература

- А.В. 1942 — А.В. Русские в «свободной» зоне // Парижский вестник. 1942. 14 июня. № 1. С. 3.
Базанов 2015 — Базанов П.Н. Забытый герой Соппротивления — князь Сергей Сергеевич Оболенский // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 98–129.
Бунин 2016 — Бунин И.А. Устами Буниных. Т. 2: (1920–1953). М.; Берлин, 2016.
Бурлаков 2013а — Бурлаков А.Н. Из повседневной жизни французов во времена немецкой оккупации (1940–1944 гг.) Статья первая: Борьба за выживание // Clío-science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. науч. тр. Вып. 4. М.: МПГУ; Прометей, 2013. С. 315–332.
Бурлаков 2013б — Бурлаков А.Н. Из повседневной жизни французов во времена немецкой оккупации (1940–1944 гг.) Статья вторая: черный рынок и вокруг него // Clío-science:

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 27.

- Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. науч. тр. Вып. 4. М.: МПГУ; Прометей, 2013. С. 332–343.
- Вильде 2005 — *Вильде Б.* Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. М.: Русский путь, 2005.
- Викторова 2004 — Жизнь и житие священника Димитрия Клепинина. 1904–1944 / сост. Т.В. Викторова, Н.А. Струве. М.: Русский путь, 2004.
- Вовк 2015 — *Вовк А.Ю.* Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 145–157.
- Вовк 2017 — *Вовк А.Ю.* Основание и издание газеты «Русский патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопротивления // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт российской истории РАН. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 452–457.
- Вовк 2019 — *Вовк А.Ю.* «В 1943 году я вошел в контакт французской подпольной организации...»: русский эмигрант Владимир Тарасов во французском Сопротивлении // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4(19). С. 214–224.
- Геллер 1990 — История двух писем И.А. Бунина к Г.Т. Шеметилло / публ. Т.А. Геллер // Русская литература. 1990. № 4. С. 223–228.
- Гилязов 2009 — *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». М., 2009.
- Горинов 2015 — *Горинов-мл. М.М.* Участник движения Сопротивления во Франции Н.С. Качва (по материалам Архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 г. / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015. С. 130–144.
- Гузевич 2012 — *Гузевич Д.Ю.* Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы. История и память. Париж; Новосибирск, 2012.
- Даманская 2006 — *Даманская А.* На экране моей памяти; *Таубе-Аничкова С.* Вечера поэтов в годы бедствий / публ. О.Р. Демидовой. СПб.: Мирь, 2006.
- Дробязко 2004 — *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М., 2004.
- Ёлкин 2014 — *Ёлкин А.И.* В поисках лучшей доли: русские студенты-эмигранты в Польше в 20–30-е гг. XX в. // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. Серія: Історія. Вип. 48. 2014. С. 134–144.
- Ковалев 2006 — *Ковалев М.В.* Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. С. 305–318.
- Костицын 2017 — *Костицын В.А.* Мое утраченное счастье...: воспоминания, дневники / сост. В.Л. Генис. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Кочетков 2013 — *Кочетков А.Н.* Здравствуй, Франция! // Иду к тебе. 1936–1945. Forest Hills, 2013.
- Кривошеин 1946 — Отчет о резистантской работе И.А. Кривошеина // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1946. № 1. С. 35–48.
- Кривошеин 1972 — *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага. М., 1972. С. 260–291.
- Кривошеина 2015 — *Кривошеина К.И.* Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней. М.: Эксмо, 2015.

- Ликвинцева 2018 — *Ликвинцева Н.В.* Мать Мария (Скобцова). М., 2018.
- Массип 2010 — *Массип М.* Истина — дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М.: Языки славянской культуры, 2010.
- Мнухин 1995–1997 — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. М.: ЭКСМО; Р: УМСА-Press, 1995–1997. Т. 3.
- Мнухин 2004 — *Мнухин Л.* Русские эмигранты в Лионе: 1920–1945 // Конференция «Первые встречи Института Восток-Запад», Lyon, ENS LSH, 2–4 декабря 2004 г. URL: http://russie-europe.ens-lsh.fr/article.php?id_article=65 (дата обращ. 01.05.2020).
- Мнухин 2008 — Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биогр. слов.: в 3 т./ под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. URL: <http://www.dommuseum.ru/old/?m=dist> (дата обращ. 01.05.2020).
- Флам 2005 — *Флам Л.С.* Вики: Княгиня Вера Оболенская. М.: Русский путь, 2005.
- Решетников 2019 — *Решетников С.В.* Русские эмигранты-сопротивленцы против восточных батальонов вермахта во Франции (1943–1944) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 105–122.
- Роцин 2015 — Роцин Н.Я. Парижский дневник / сост. Л.Г. Голубева. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2015.
- Турыгина 2016 — *Турыгина Н.В.* Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.
- Урицкая 2015 — *Урицкая Р.И.* Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г.: Они любили свою страну... СПб., 2015.
- Шеметилло 1989 — *Шеметилло В.Б.* Послесловие // Шемет Г. Дорога дальняя: Вторая книга стихов. Париж: Издание жены автора, 1989. С. 67–70.
- Azéma 2004 — *Azéma J.-P., Wiewiorka O.* Vichy, 1940–1944. P., 2004.
- Badia 1994 — *Badia G.* 1940–1944, quand Vichy livrait à Hitler les étrangers réfugiés en France // Hommes et Migrations. 1994. № 175, avril. De la guerre à la décolonisation. La mémoire retrouvée. P. 20–23.
- Bories-Sawala 2010 — *Bories-Sawala H.E.* Dans la gueule du loup: Les français requis du travail en Allemagne, Villeneuve d'Ascq, 2010.
- Coudry 1995 — *Coudry G.* Soldats de Vlassov et détachements soviétiques en France (1943–1945) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1995. № 39–40. Lendemain de libération Lendemain de guerre. P. 8–12.
- Courtois 1989 — *Courtois S., Peschanski D., Rayski A.* Le sang de l'étranger: les immigrés de M.O.I. dans la Résistance. P.: Fayard, 1989.
- Douzou 2016 — *Douzou L.* La Résistance à Lyon (1940–1944) // Lyon dans la Seconde Guerre mondiale. Rennes, 2016. URL: <https://books.openedition.org/pur/46931> (дата обращ. 01.05.2020).
- La base — La base Sépultures de guerre. URL: https://www.memoiredeshommes.sga.defense.gouv.fr/fr/arkotheque/client/mdh/sepultures_guerre/detail_fiche.php?ref=2381394 (дата обращ. 01.05.2020).
- Laroche 1965 — *Laroche G.* On les nommait des étrangers. Les immigrés dans la Résistance. P., 1965.
- Pavlova 2015 — *Pavlova A.* Les Russes et les Soviétiques en France durant la Seconde guerre mondiale: entrecollaboration et résistance. Histoire. 2015. dumas-01256694. URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-01256694/document>.
- Permezel 1995 — *Permezel B.* Résistance à Lyon: 1221 noms. Lyon, 1995.
- Ryan 1996 — Ryan Donna F. The Holocaust and the Jews of Marseille: the enforcement of anti-Semitic policies in Vichy France. Urbana: University of Illinois Press, 1996.

К.К. Семенов

АЛЕКСАНДР УГРИМОВ И ДУРДАНСКАЯ ГРУППА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Участие русской эмиграции в движении Сопротивления во Франции с каждым годом становится все более актуальной темой [Российская эмиграция 2015]. Ученые по крупицам восстанавливают борьбу наших соотечественников с фашизмом. Как правило, внимание исследователей сосредотачивается на действиях русских сопротивленцев в Париже, где располагались наиболее известные организации — группа Музея человека¹, благотворительная и культурно-просветительская организация «Православное дело»², Союз русских патриотов³. Документы архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына раскрывают деятельность еще одной русской антифашистской группы, действовавшей в небольшом французском городке Дурдан. В фонде 25 «Русские эмигранты — участники французского Сопротивления (Résistance)» хранятся воспоминания двух руководителей этой группы — Александра Александровича Угримова «О дурданском подполье»⁴ и Василия Федоровича Шашелева «Дурданская группа»⁵.

¹ Группа Музея человека — антифашистская группа парижского Музея человека. Существовала с лета 1940 г. по март 1941 г. С декабря 1940 г. издавала газету «Сопротивление» («Résistance»), название которой дало имя всему антифашистскому движению в Западной Европе. О русских лидерах группы Борисе Вильде и Анатолии Левицком см. ниже.

² «Православное дело» — благотворительная и культурно-просветительская организация, созданная матерью Марией (см. ниже), о. Димитрием Клепининым и П.С. Лопухиным в Париже в 1935 г. С началом немецкой оккупации занималась помощью нуждающимся эмигрантам и французам, помогала евреям, занимала антифашистскую позицию. Разгромлена оккупантами в феврале 1943 г., все руководители организации арестованы.

³ Союз русских патриотов во Франции — подпольная антифашистская организация, созданная в октябре 1943 г. в Париже. Насчитывал 120 членов. Издавал подпольную газету «Русский патриот», выделял своих членов для связи с советскими партизанскими отрядами во Франции. Генеральный секретарь — Н.С. Качва. Весной 1944 г. 15 членов организации были арестованы немцами. В марте 1945 г. СРП объединился с Союзом друзей советской России в Союз советских патриотов, в 1947 г. преобразованный в Союз советских граждан.

⁴ Угримов Александр Александрович (1906–1981) — инженер-агроном, преподаватель и общественный деятель. В 1922 г. вместе с семьей выслан из советской России на «философском пароходе». Активный член движения младороссов с 1929 г. В 1930-х гг. работал научным сотрудником, позже адъюнкт-профессором во Французской государственной мукомольной школе в Париже. В 1937 г. вышел из партии младороссов. В 1940 г. переехал в Дурдан и стал начальником производства на местной мельнице. Во французском Сопротивлении известен как Андре Жиру. После войны проживал в Аннеси. В 1946 г. награжден Военным крестом. Один из организаторов и товарищ председателя Содружества русских добровольцев, партизан и

3 сентября 1939 г., соблюдая свои обязательства перед Польшей, Французская республика объявила войну Германии. Однако, вопреки польским надеждам, войска Франции не устремились на помощь своему союзнику. Началась «странная война» — *Drôle de Guerre*.

Разгромив Польшу и захватив Данию с Норвегией, немцы начали готовиться к вторжению во Францию и страны Бенилюкса. 10 мая 1940 г. немецкие войска начали наступление на Западном фронте. К середине мая немецкая армия, пройдя страны Бенилюкса, вышла на границы Франции. К этому времени в рядах французской армии находилось около 10 тыс. белоэмигрантов и их сыновей, как мобилизованных, так и вступивших в армию добровольцами [Вырубов 1991, с. 3]. 14 июня 1940 г. немецкие войска вошли в Париж. Через два дня премьер-министром Франции был назначен герой Первой мировой войны маршал Анри Филипп Петен, сторонник перемирия с Германией и разрыва с Великобританией. На предложение своих министров эвакуировать правительство в Британию он ответил, что правительство должно остаться во Франции, чтобы «вместе с народом нести его несчастье» [Семиряга 2000, с. 155].

17 июня 1940 г. маршал Петен обратился к Гитлеру с предложением перемирия, в тот же день генерал Шарль де Голль вылетел из Франции в Великобританию. 18 июня 1940 г. он обратился по радио к своим согражданам и призвал к продолжению борьбы. Так родилось движение «Свободная Франция» («*la France libre*»), вооруженные силы движения получили название Французские силы освобождения (*Forces françaises libres*).

Мирное соглашение, содержащее 24 статьи, было подписано 22 июня 1940 г. [Семиряга 2000, с. 191]. Франция была разделена на оккупированную (северную) и неоккупированную (южную) зоны. Оккупированная зона управлялась главой немецкой военной администрации, а неоккупированная — маршалом Петеном. Париж находился в оккупированной зоне, поэтому столицей маршала стал город Виши, по названию которого и стала называться неоккупированная зона — Вишистская Франция.

Едва подписали перемирие, а в обеих зонах начали возникать антифашистские организации, в том числе созданные и из иностранцев, проживавших во Франции. Как и в других странах, формирование антифашистских групп шло по

участников Сопrotивления во Франции (1946), участник 4-го съезда Союза советских патриотов в Париже (1947). В ноябре 1947 г. выслан из Франции в СССР. Проживал в Москве. В 1948 г. арестован и осужден на 10 лет. Срок отбывал в Воркуте, работая на шахте. В 1954 г. освобожден, проживал в Москве, с 1966 г. близкий друг и помощник А.И. Солженицына. Автор воспоминаний «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту» (М., 2004). Указанный текст его воспоминаний хранится в: АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85.

⁵ Шашелев Василий Федорович (1898–1981) — участник Первой мировой и Гражданской войн. Осенью 1920 г. подпоручик 3-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Эвакуирован в составе Русской армии из Крыма, галлиполиец. В 1922–1923 гг. в Болгарии, работал на шахтах. С 1924 г. во Франции. К 1931 г. библиотекарь Общества галлиполийцев в Париже. Позже активный участник младоросского движения. Друг А.А. Угримова, участник дурданской группы и организатор ее парижской ячейки. В 1945 г. награжден медалью Сопrotивления. В 1946 г. принял советское гражданство, в 1951 г. выслан из Франции как советский гражданин. Из-за отсутствия советской визы 4 года прожил с семьей в ГДР. Вернулся в СССР в 1955 г., направлен на работу в Тамбов, где и скончался. Указанный текст его воспоминаний хранится в: АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 88.

партийному признаку. В оккупированной зоне было образовано несколько подпольных организаций — Гражданская и военная организация (Organisation civile et militaire), Освобождение «Север» (Libération Nord), «Те, кто от Освобождения» (Ceux de la Libération) и др. Французская коммунистическая партия создала Национальный фронт и его вооруженное крыло — Французские франтиреры и партизаны (Francs-Tireurs et Partisans Français). В неоккупированной зоне были образованы Освобождение «Юг» (Libération Sud), франтирер (Francs-Tireur) [Jurado 1995, p. 20].

В оккупированной зоне центром сопротивления оккупантам стал Париж. В августе–сентябре 1940 г. в парижском Музее человека при участии русских эмигрантов Бориса Вильде и Анатолия Левицкого была образована антифашистская группа, распространявшая листовки с призывами продолжать борьбу. Подпольщики начали издавать газету «Сопротивление» («Résistance»). Первый номер увидел свет 15 декабря 1940 г., его передовица призывала: «Сопротивляться! Именно этот крик исходит из Ваших сердец повсюду... Это крик всех, кто не смирился, кто хочет выполнять свой долг» [Ковалев 2006, с. 216]. Так газета, издававшаяся бывшими русскими эмигрантами, дала название антифашистскому движению в Европе.

Еще накануне французского поражения в оборонческом⁶ крыле русской диаспоры сложились кружки и группы, осуждавшие нацистов и предвидевшие германо-советскую войну. Не был исключением и инженер А.А. Угримов, заявлявший: «Мы против коммунизма и диктатуры ВКП(б) в России. Но если случится война, то я и мои друзья будем на стороне советской власти бороться против врагов России и будем стараться, где бы мы ни находились, сделать все возможное для победы» [Угримов 2004, с. 524].

Условно эмигрантские антифашистские очаги можно было разделить на группы интеллектуально-религиозного сопротивления и сторонников силовых действий. По воспоминаниям Угримова, один из таких интеллектуальных кружков образовался еще в дни Мюнхенского соглашения⁷. Инициатором его создания был И.И. Фондаминский⁸. Среди участников встреч и обсуждений были будущие сопротивленцы — Б.В. Вильде, В.И. Алексинский, В.Л. Андреев, Б.В. Сосинский и мать Мария⁹. Сторонники вооруженной борьбы объеди-

⁶ Оборонцы — эмигранты, провозглашавшие защиту родины от внешнего врага главным принципом патриотизма, осенью 1935 г. образовали Союз оборонцев, в феврале 1936 г. преобразованный в Русское эмигрантское оборонческое движение, заявившее в своей программе: «Оборонец — тот, кто при всех условиях ставит защиту своей Родины выше политических разногласий с властью». Имелся печатный орган «Голос отечества» и Дом оборонца в Париже. Активисты РЭОД в 1941 г. в лагере Верне объединились с Союзом друзей советской родины.

⁷ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

⁸ Фондаминский Илья Исидорович (1880–1942) — общественно-политический деятель, редактор, издатель. Эсер. В 1919 г. эмигрировал во Францию. Основатель и соредатор журнала «Современные записки». Член Союза русских писателей и журналистов. 22 июня 1941 г. арестован и помещен в лагерь Компьень. В 1942 г. переведен в лагерь Дранси, затем в Освенцим, где и погиб. В 2004 г. канонизирован Константинопольским патриархатом.

⁹ Алексинский Владимир Иванович (1910–1955) — инженер-агроном, журналист. Эмигрировал во Францию в 1923 г. Входил в кружок И.И. Фондаминского. Публиковался в различных журналах. В 1939–

нялись вокруг ветеранов гражданской войны в Испании (1936–1939) и Союза друзей советской родины¹⁰.

Нападение Германии на Советский Союз повлекло за собой активизацию антифашистской деятельности французских коммунистов. Стоит оговориться, что борьба с гитлеровцами в западных странах шла со значительно меньшим ожесточением, чем в СССР и Восточной Европе. В 1941–1942 гг. в Западной Европе практически отсутствовали значительные вооруженные отряды Сопротивления и организованные нападения на крупные немецкие отряды. Не была исключением и Франция. Как верно отмечает Р.Л. Урицкая, «в то время, когда в Англии вокруг генерала де Голля формировались силы Свободной Франции, в самой Франции не было и намека на какую-либо централизованную организацию Сопротивления» [Урицкая 2010, с. 150].

В среде русской эмиграции гитлеровская агрессия против Советского Союза вызвала рост патриотических чувств и дополнительно стимулировала участие в антифашистской борьбе. Правда, и в эмигрантских группах в этот период проходили лишь встречи и совещания¹¹.

Среди русских участников французского Сопротивления заметную роль играли члены партии младороссов¹². Младороссы или бывшие члены их движения

1940 г. служил во Французской армии. В 1942 г. вступил в войска «Свободной Франции», участвовал в боях в Африке, Италии и Франции. С 1946 г. член правления Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления; Андреев Вадим Леонидович (1903–1978) — поэт, прозаик. Сын писателя Леонида Андреева. В эмиграции во Франции. Входил в кружок И.И. Фондаминского, печатался в различных журналах. 15 декабря 1944 г. арестован немцами и заключен в тюрьму Боярдвиль. В 1949–1959 гг. проживал в США, затем — в Швейцарии; Сосинский (Сосинский-Семихат) Владимир (Бронислав) Брониславович (1900–1981) — писатель, журналист. Участник Гражданской войны в России в составе эскадрона 3-го Елисаветградского гусарского полка ВСЮР и Русской армии. Эвакуирован из Крыма весной 1920 г. С 1924 г. проживал во Франции, занимался литературной деятельностью. Организовал собственную типографию, позже был директором Франко-славянской типографии. В 1939–1940 гг. служил в составе 21-го Маршевого иностранного полка, был ранен и взят в плен. Бежал из лагеря. С 1943 г. участник Сопротивления на острове Олерон. Награжден Военным крестом. С 1944 г. член СРП. Получил советский паспорт и в 1947 г. переехал в Нью-Йорк. Работал заведующим стенографическим отделом аппарата ООН. В 1960 г. вернулся в СССР, проживал в Москве. В 1985 г. награжден медалью «За боевые заслуги»; Мать Мария (Скобцова Елизавета Юрьевна, урожд. Пиленко, в 1-м браке Кузьмина-Караваева; 1891–1945) — поэт, публицист, общественно-религиозный деятель. В 1920 г. эвакуирована в Константинополь, затем переехала в Королевство сербов, хорватов и словенцев. С 1924 г. проживала в Париже. Секретарь Религиозно-философской академии, активный член РСХД. В 1932 г. приняла монашеский постриг. В 1935 г. совместно с И.И. Фондаминским, Г.П. Федотовым и Т.Ф. Пьяновым создала в Париже благотворительную организацию «Православное дело». Участвовала в спасении евреев от депортаций. 9 февраля 1943 г. арестована в Париже. Погибла в концлагере Равенсбрюк. В 1985 г. присвоено звание «праведник мира». В 2004 г. канонизирована Константинопольским патриархатом.

¹⁰ Союз друзей советской родины — просоветская политическая организация, образованная в 1924 г. как Союз возвращения на родину (Совнарод). Зарегистрирован французскими властями в 1925 г. Центральное правление в Париже, отделения в 19 провинциях Франции. В 1937 г. преобразован в Союз друзей советской родины. В сентябре 1939 г. большинство членов организации были арестованы французскими властями.

¹¹ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об.

¹² Младороссы — социал-монархическое движение русской эмиграции, образовано на молодежном съезде в 1923 г. в Мюнхене как Союз «Молодая Россия». В 1925 г. переименован в Союз младороссов, в 1934 г. — в Младоросскую партию. В 1942 г. партия распущена.

образовали шесть подпольных групп во Франции: дурданская — А.А. Угримова, лионская — К.К. Иванова-Тринадцатого¹³, парижская — В.Ф. Шашелева, пиренейская — К.С. Элиты-Вильчковского¹⁴ и С.С. Оболенского¹⁵, провансальская — Третьякова, савойская — П. Зиссермана¹⁶ [Базанов 2015, с. 124; Массип 2010, с. 441]. Наиболее значимы были пиренейская и дурданская группы.

Летом 1941 г. инженер Угримов проживал в городке Дурдан, расположенном в 45 км от Парижа. Александр Александрович возглавлял производство на небольшой кооперативной мельнице на окраине Дурдана. Мельница стояла на реке Орж и представляла собой целый комплекс зданий — старое помещение мельницы, переделанное под склад и мастерские, новая пристройка с конторой и квартирой Угримовых и новый производственный корпус, располагавшийся напротив пристройки. Неподалеку от мельницы располагался густой лес. Месторасположение мельницы как нельзя более подходило для конспиративной работы.

За год работы на мельнице Угримов показал себя прекрасным организатором производства, что отметил его руководитель: «...господина Угримова можно поставить в ряд самых лучших технических директоров мельниц, которые когда-либо встречались во Франции» [Угримов 2004, с. 11]. Процветание производства и избыток продукции в дальнейшем позволили Угримову помогать нуждающимся французам.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало у многих эмигрантов всплеск патриотических чувств, теперь война касалась каждого: «22 июня все стало ясным. От антигитлеровских разговоров надо было переходить к действию», — писал участник дурданской группы В.Ф. Шашелев¹⁷. В самом Дурдане многие французы из окружения Угримова выражали ему сочувствие и надежду, что Советский Союз устоит в схватке с Германией. В своих мыслях Угримов срав-

¹³ Иванов-Тринадцатый Константин Константинович (1922–1944) — внук контр-адмирала К.П. Иванова-Тринадцатого. Служил в частях «Свободной Франции», старший сержант, награжден военной медалью и Военным крестом. Погиб от полученных ран.

¹⁴ Элита-Вильчковский Кирилл Сергеевич (1904–1960) — публицист, общественный деятель. Генеральный секретарь Союза младороссов, заместитель председателя. В 1939 г. арестован, после освобождения участник Сопротивления. После войны читал лекции в Католическом университетском центре в Париже.

¹⁵ Оболенский Сергей Сергеевич (1908–1980) — князь, политический деятель, главный идеолог младороссов. В 1933–1934 гг. секретарь в Исследовательском центре аграрной экономики Восточной Европы в Берлине. Член Союза младороссов, с 1928 г. руководил очагом младороссов в южной Германии. В 1935 г. переехал в Париж. Секретарь Политического совета по политической части. В июне 1941 г. в посольстве СССР в Париже пытался записаться добровольцем в РККА. Проживал в Турене и По. В начале 1944 г. присоединился к Сопротивлению. Летом 1944 г. вернулся в Париж. Член СРП, глава его культурно-просветительского отдела, сотрудник газеты «Русский патриот».

¹⁶ Зиссерман Павел (?–1943) — участник Сопротивления. Накануне Второй мировой войны работал в туристическом агентстве в Брюсселе. 22 июня 1941 г. арестован немцами, заключен в лагерь в г. Малинь. Весной 1942 г. освобожден, летом переехал в Париж, затем — в Марсель и Гренобль. В последнем был арестован французской полицией и помещен в лагерь. Бежал в Швейцарию. В 1943 г. вернулся во Францию и присоединился к Сопротивлению. 23 декабря 1943 г. погиб в бою с немцами под Бонвилем, прикрывая отход своего отряда.

¹⁷ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

нивал немецкое вторжение с нашествием французов в 1812 г. и предрекал захватчикам скорый конец: «И вот перед моим, так сказать, двойным взором стали продвигаться в глубь России две армии: пешая Наполеона и моторизованная Гитлера. И очень скоро я убедился, что первая шла скорее, увереннее, чем катилась вторая. И опять Смоленск, но здесь вдруг “блицкриг” и дал первую трещину. Вот тут-то окрепла моя вера в победу и не оставляла меня уже больше никогда, тем более после разгрома гитлеровцев под Москвой» [Угримов 2004, с. 554–555]. Еще один будущий участник дурданской группы уже до начала войны выразил свои сокровенные мысли о защите родины: «Именно оборону отечества от внешних врагов и сохранение его целостности мы и считаем первейшими и важнейшими задачами» [Попандопуло 1938, с. 10].

Немецкая оккупация Франции и переживания за родину заставили А.А. Угримова перейти к активным действиям. Еще в первый год оккупации Александр Александрович выявил среди своих друзей и знакомых антифашистски настроенных эмигрантов. Как правило, они были знакомы Угримову еще по младоросской партии. В 1942 г. на квартире Угримова было образовано организационное ядро русской группы Сопротивления. В его состав вошли А.А. и И.Н. Угримова¹⁸, прибывшие из Парижа В.Ф. Шашелев и В.А. Попандуполо¹⁹. А.А. Угримов сыграл главную роль в организации группы, что подтверждают воспоминания и В.Ф. Шашелева²⁰. На одном из собраний было решено установить контакт с местными организациями Сопротивления для совместной борьбы. Помимо решения этой задачи на плечи А.А. Угримова легла работа по созданию ячейки непосредственно в Дурдане.

Установить связь с французским Сопротивлением в Дурдане оказалось непростой задачей — резистанты соблюдали строгую конспирацию, а личных знакомств с местными коммунистами у Угримова не было. Для установления связи с представителями Сопротивления Александр Александрович пошел на рискованный шаг — нелегально²¹ переправился в неоккупированную зону и отправился в городок Шабри, где проживали его родители, друзья и знакомые французские коммунисты. Однако, вопреки надеждам, установить контакт с резистантами не удалось, и Угримов вернулся в Дурдан.

¹⁸ Угримова Ирина Николаевна (урожд. Муравьева; 1903–1994) — театральная художница. В 1925 г. выехала на учебу за границу, в 1929 г. окончила Берлинскую театральную-декоративную высшую школу. Выехала во Францию, работала в Париже в художественно-прикладных мастерских. В 1930-х гг. член Младоросской партии. С 1932 г. замужем за А.А. Угримовым. В этом браке в 1934 г. родилась дочь Татьяна. Репатрировалась в СССР в 1948 г., арестована и приговорена Особым совещанием к 8 годам ИТЛ. Реабилитирована в 1954 г., проживала в Москве с мужем и дочерью, работала художником по театральным костюмам.

¹⁹ Попандопуло Всеволод Антонович (1901–?) — журналист. Активный член партии младороссов. В 1937 г. покинул партию и создал монархическую группу «Русский временник». Вместе с братом входил в дурданскую группу. В 1947 г. был выслан из Франции в СССР.

²⁰ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

²¹ 4 октября 1940 г. немецкие власти запретили французам переходить из оккупированной в неоккупированную зону.

16 февраля 1943 г. в оккупированной зоне была введена всеобщая трудовая повинность [Finnetore 2013, p. 64]. После чего угон французской молодежи на работу в Германию достиг внушительных масштабов. Помимо французской молодежи немцы использовали в качестве рабочих около 800 тыс. французских военнопленных [Семиряга 2000, с. 650]. Некоторые рабочие отказывались возвращаться в Германию после отпуска и уходили в горы либо переходили на нелегальное положение. Молодежь также активно уходила в леса, пополняя отряды Сопротивления, которые получили название маки²².

С помощью работников мельницы Угримов наладил выпуск фальшивых документов, осуществлял снабжение продовольственными карточками и продуктами прятавшихся от немцев французов, а позже и советских военнопленных. Про это время А.А. Угримов сказал: «Второй этап в развитии массового сопротивления — пассивное действие переходило в активное» [Угримов 2004, с. 556].

Избытки продукции попадали не только к французам, но и к нуждающимся русским эмигрантам. Несколько раз зерно и мука отправлялись в Париж для организации «Православное дело», однажды в Дурдан за продуктами приезжала и мать Мария, дополнительно в оккупированную столицу Франции продовольствие доставлялось через В.Ф. Шашелева и И.А. Кривошеина²³. Помощь французскому населению сыграла важную роль в установлении контактов с движением Сопротивления: рабочие мельницы, имевшие связь с Резистансом, поручились за Угримова, и он вышел на прямой контакт с лидером сопротивленцев в Дурдане Марселем Блюто (Bluteau), работавшим в гараже города. Руководство дурданского Сопротивления подтвердило автономность русской группы и выразило заинтересованность в существовании парижского отделения (Шашелев и Попандуполо), с помощью которого можно было осуществлять быструю связь с оккупированной столицей Франции.

Начало подпольной работы вызвало оживление в дурданской группе и ее парижском отделении. К группе присоединились Г.К. Отфиновский²⁴, С.А. Попандо-

²² Маки (maquis) — от французского слова маквиса, означающего заросли кустарников и низких деревьев на возвышенностях. Самоназвание вооруженных отрядов в горной местности Франции, образованных из скрывающихся от оккупантов французов. Отряды маки преобладали в Бретани и южной Франции.

²³ Кривошеин Игорь Александрович (1899–1987) — инженер-электротехник, общественный деятель. В эмиграции во Франции. Окончил физико-математический факультет Сорбонны (1922), Высшую электротехническую школу с дипломом инженера (1923). С 1928 г. работал инженером в Клиши на заводе «Братья Лемерсье». Был близок к движению младороссов. 22 июня 1941 г. арестован гестапо и заключен в лагерь Компьень, освобожден через два месяца. Вместе с матерью Марией (Скобцовой) стал создателем Комитета помощи русским заключенным лагеря Компьень. 12 июня 1944 г. арестован, приговорен к пожизненному заключению. Содержался в концлагерях Бухенвальд и Дахау. Вернулся во Францию в 1945 г. С осени 1945 г. занимался созданием СРДПУС. Избран председателем Содружества, инициировал сбор материалов об участии русских в борьбе против нацизма. В 1946 г. обратился за советским гражданством. 15 августа 1947 г. под его руководством состоялся съезд Союза советских граждан. 25 ноября 1947 г. арестован французской полицией и выслан в СССР. 20 сентября 1949 г. арестован и приговорен к десяти годам ИТЛ. Работал инженером под Москвой на объекте № 8 (спецтюрьма № 16), затем в Озерлаге в Тайшетге. 30 июня 1954 г. реабилитирован и освобожден. В 1974 г. вернулся в Париж.

²⁴ Отфиновский Георгий (Юрий) Константинович (1905–1983) — инженер-авиаконструктор. В эмиграции проживал во Франции. Член Младоросской партии. После войны консультант фирмы «Феррадо», затем ведущий авиаконструктор фирмы «Кодро».

пуло²⁵, советский военнопленный Б.И. Волынцев²⁶ и близкий знакомый Угримова француз Раймон Кальвель²⁷. Количество русских эмигрантов, входивших в состав группы, возросло до 20 человек [Гладкий 1997, с. 80]. В парижском отделении были образованы три ячейки во главе с В.Ф. Шашелевым, Г.К. Отфиновским и В.А. Попандопуло. В них вошли С.А. Булацель, К.Ю. Варягин, А.И. Васильев, Н.А. Полторацкий, С.А. Снарский и Д.П. Тарасенков²⁸. В интересах Сопротивления с группой А.А. Угримова активно взаимодействовали В.Н. Лосский и Э.Н. Бакунина²⁹.

²⁵ Попандопуло Сергей Антонович (Антониевич) (1898–?) — активный член Союза младороссов, брат В.А. Попандопуло. С 1923 г. в эмиграции во Франции. В 1937 г. покинул партию и присоединился к монархической группе «Русский временник». С 1945 г. член Союза советских патриотов.

²⁶ Волынцев Борис Иванович — советский военнопленный. В 1946 г. награжден Военным крестом. В Обобщенном банке данных «Мемориал» значится Волынцев Борис Степанович 1921 г.р., украинец, попавший в немецкий плен в конце 1941 г. в Смоленской области. До пленения являлся военфельдшером в 29-й армии Западного фронта. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=2843366> (дата обрац. 01.04.2020).

²⁷ Кальвель Рамон (Calvel; 1913–2005) — инженер. Участник кампании 1939–1940 гг., награжден Военным крестом, в 1940–1943 гг. в немецком плену. После освобождения Франции повторно награжден Военным крестом. Видный специалист хлебопекарного дела, автор 400 публикаций по технологии выпечки хлеба.

²⁸ Булацель Сергей Александрович (1905–1970) — активный член Союза младороссов, общественный деятель. В эмиграции с 1919 г. С 1925 г. жил во Франции. Работал в издательстве «Паскаль». Секретарь редакции младоросской газеты «Бодрость», печатался в «Вестнике Союза технических сил». Член Союза русских патриотов, затем член руководящего комитета Союза советских граждан во Франции. Председатель редакционного отдела и редактор «Информационного бюллетеня» (1945) и «Вестника Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления» (1946–1947), исполнял обязанности казначея. В 1947 г. получил советское гражданство. Выслан из Франции в марте 1948 г. В СССР был определен на жительство в Кемерово, работал в городской администрации. В 1949 г. переехал в Казань; Варягин Кирилл Юльевич (1904 — не ранее 1949) — инженер. С 1946 г. секретарь, позже генеральный секретарь СРДПУС, с 1947 г. член правления СУСРП. Осенью 1947 г. выехал в СССР. Работал техником проектно-сметного бюро горжилуправления в г. Саратове. Арестован 15 октября 1949 г., осужден особым совещанием при МГБ СССР 1 июля 1950 г. на 25 лет ИТЛ за участие в фашистско-монархической организации и антисоветскую деятельность. Реабилитирован 10 апреля 1956 г. военным трибуналом Приволжского военного округа; Васильев Андрей Иванович — член Союза младороссов, член-учредитель Союза советских патриотов. После окончания войны репатриировался в СССР; Полторацкий Николай Алексеевич (1906/09–1991) — церковный деятель, преподаватель, переводчик. С 1925 г. в эмиграции во Франции. Один из основателей Трехсвятительского подворья в Париже (1930). Ответственный секретарь Благочинного совета Русской Православной Церкви во Франции (Московского патриархата) в 1942–1946 гг. В 1946 г. принял советское гражданство. В 1948 г. вернулся в СССР и был направлен в Одесскую семинарию, где преподавал сравнительное богословие, совмещая это с работой переводчика в иностранном отделе Московской патриархии; Снарский Станислав (Владислав) Аполлонович — общественный деятель, член Союза младороссов. Член СРП. После окончания войны репатриировался в СССР; Тарасенков Дмитрий Макеевич (Мокиевич, Моисеевич) (1898–1957) — общественный деятель, член Союза младороссов. В эмиграции во Франции с 1924 г. Активист Парижского очага Союза младороссов. Член ССП (1945), ССГ (1947). В сентябре 1947 г. вернулся в СССР.

²⁹ Лосский Владимир Николаевич (1903–1958) — богослов, историк, церковно-общественный деятель, сын философа Н.О. Лосского, с которым покинул советскую Россию в 1922 г. Один из основателей Трехсвятительского подворья в Париже. С 1942 г. научный сотрудник Национального центра научных исследований (Франция); Бакунина Эмилия Николаевна (урожд. Лопатина; 1875–1960) — врач-хирург, общественный деятель. С 1926 г. в эмиграции во Франции. Более 20 лет работала врачом в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. В годы Второй мировой войны оказывала медицинскую помощь участникам Сопротивления. Награждена французским Военным крестом в 1944 г.

В самом Дурдане группа Угримова расширяла свои связи с местным Сопротивлением. В 1943 г. количество авианалетов союзников на Францию резко возросло, увеличилось и количество сбитых союзных самолетов. Нередко сбитые летчики попадали к французским резистантам. Несколько сбитых союзных пилотов были переданы французами группе Угримова. Первый из них, раненый американец Р. Монгенаст³⁰, месяц скрывался на мельнице у Угримова и лечился у Э.Н. Бакуниной.

Ужесточение оккупационного режима привело к размещению в Дурдане небольшого немецкого гарнизона, в состав которого входила рота Восточных войск³¹, укомплектованная русскими и украинскими добровольцами. В один из дней Угримов обнаружил появление бывших советских граждан в Дурдане и вступил с ними в контакт. В ходе общения Александр Александрович убедился в антинемецких настроениях этих военнослужащих, но от прямой вербовки их для антифашистской борьбы отказался из-за опасений быть разоблаченным (ниже мы убедимся, что опасения были вполне обоснованными). На следующий день он вызвал в Дурдан В.Ф. Шашелева и рассказал ему об этой встрече. Товарищи решили действовать и привлечь «бывших» к антинемецкой борьбе. А.А. Угримов вспоминал после войны: «Дня два Шашелев бродил по городу, ища подходящей встречи. Наконец, на главной улице он увидел двоих из этих солдат. Обогнав, остановился, как бы поправляя шнурок на ботинке, а когда те поравнялись — громко и вполне натурально выругался по-русски. Эффект был полный. После двух-трех перекрестных слов они сказали: “Иди за нами”. Зашли в глухую улочку. Повезло Васе: напал он как раз на Жорку Шкарбанова³², который впоследствии доказал, что мы не ошиблись, доверившись ему» [Угримов 2004, с. 562]. С не меньшим воодушевлением о работе с бывшими красноармейцами вспоминал и Шашелев: «Удалось наладить связь с советской молодежью, вывезенной с родины 16–17 лет и <против воли> (зачеркнуто карандашом. — К.С.) вкраплен<ой> (исправлено карандашом. — К.С.) в части дурданского немецкого гарнизона»³³. Шашелев убедил новых знакомых оставаться у немцев и собирать информацию, а в назначенный день присоединиться к Сопротивлению. Договорившись с Шкарбановым, вербовщик передал его на связь Волинцеву и отбыл в Париж.

³⁰ Монгенаст Р. (Mungenast) — сержант американских ВВС, личный номер (жетон) 32592169. Сбит в 1943 г. над Францией. Спасен группой А.А. Угримова.

³¹ Восточные войска (Ostruppen) — вспомогательные военные формирования из перебежчиков и военнопленных, организовывавшиеся на оккупированной территории СССР с конца 1941 г. Кроме того, ряд военнопленных, готовых к сотрудничеству с врагом, включался в немецкие части в качестве «добровольных помощников» — «хиви» (Hilfswillige). Из-за недоверия Гитлера в 1943 г. Восточные войска стали массово перебрасываться на Западный фронт.

³² Шкарбанов Григорий Николаевич (1918 — не позднее 1945) — в 1941 г. красноармеец 942-го отдельного батальона связи. Пленен 28 июля 1941 г. под Минском. С 3 декабря 1941 г. в лагере военнопленных № 308, личный номер (жетон) 15356. Вступил в коллаборационистское формирование и вместе с ним был отправлен на Западный фронт. В августе 1944 г. перешел на сторону Сопротивления. Отказался репатрироваться в СССР. Убит в Париже при попытке грабежа.

³³ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

Парижское отделение группы установило тесную связь с другими русскими группами Сопrotивления в Париже — Союзом русских патриотов и группой Ю.С. Монтуляка³⁴. Налаженное сотрудничество стало залогом для объединения независимых организаций в Союз советских патриотов в 1945 г.

К весне 1944 г. вся Франция ждала высадки союзников. Контакты генерала де Голля с Сопrotивлением стали более интенсивными. Из-за слабости немецкой авиации союзники увеличили количество вылетов во Францию, выброска оружия для сопrotивленцев приняла угрожающий для немцев масштаб. Все это стимулировало рост Сопrotивления во Франции: «Наша настоящая работа началась только весной 1944 года. Мы уже вступали в последний период борьбы за освобождение Франции, когда Сопrotивление стало готовиться к вооруженному восстанию, во многих местах начали формироваться и действовать партизанские отряды, в которых огромную роль сыграли советские люди»³⁵.

1 февраля 1944 г. основные сопrotивленческие организации образовали Внутренние французские силы (*Forces françaises de l'intérieur*), в состав которых вошла и дурданская группа А.А. Угримова. FFI стали основным координирующим органом Сопrotивления, поддерживающим постоянный контакт с военным командованием Великобритании и генералом де Голлем. Имевшийся у А.А. Угримов радиоприемник использовался для принятия сигналов о готовящейся выброске оружия, а сам он принимал участие в большинстве встреч грузов.

О первом приеме оружия Александр Александрович оставил яркие воспоминания: «Ни у кого опыта не было, только инструкция (о радиолокации тогда ничего почти не знали). В лесу ночью заблудились, не сразу вышли, куда надо. Бежали по свежей бороне поля (следы отчетливые). Расставили посты, но мало нас было... а недалеко шоссе, по которому изредка проезжали немецкие машины. В точно назначенное время послышался гул моторов и из-за леса появился силуэт самолета. Зажгли опознавательные огни. Он сделал три круга, потом пошел на снижение. Раздался страшный треск — почти все контейнеры (двенадцать) и ящики загнало на деревья. (Оказывается, по неопытности мы ошиблись в расчетах ветра.) Пришлось все посты снять, лезть на деревья, обрезать шнуры, сдирать парашюты с ветвей. Должен был прибыть фермер из деревни с телегой и лошадьми, но в последнюю минуту испугался и не приехал. Контейнеры прятали в ямах и в кустах. Последний парашют сняли с дуба в поле уже часам к восьми утра! Его хорошо было видно издалека. Одного легкого ящика не досчитались, его загна-

³⁴ Монтуляк Юрий (Жорж) Сергеевич (1898 — после 1948) — химик-технолог. С 1922 г. проживал в Варне, преподавал в Русской гимназии. В 1926 г. переехал во Францию, проживал в Париже, учился на заочном отделении Школы радиоэлектроники. Член Французской коммунистической партии. В конце 1942 г. организовал подпольную русскую группу, вошедшую во французскую организацию «JAD Amical». Генеральный секретарь Объединенного союза русских дипломированных инженеров. Гражданин СССР (1946). Заместитель председателя СРДПУС. Член ССП, ССГ и член правления СУСРП (1947). Выслан в СССР (1947), проживал в Калининe.

³⁵ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85. Л. 36. Здесь А.А. Угримов заметно преувеличивает влияние советских граждан на развитие движения Сопrotивления во Франции. Вместе с тем во Франции существовали целые партизанские отряды, созданные из советских военнопленных, восточных рабочих и бывших коллаборационистов, непосредственно участвовавшие в вооруженной антифашистской борьбе.

ло далеко; дружественный нам лесник нашел его через несколько дней» [Угримов 2004, с. 563–564].

В то же время силы Сопротивления готовили восстание в Париже, для чего город был разделен на сектора Восток, Запад, Север и Юг. Ближайшие к городу департаменты были также разделены на сектора. Дурдан, входивший в департамент Сена и Уаза, стал частью района Сена — Уаза — Юг. Часть оружия, поступившего в Дурдан, направлялась в Париж. С августа 1943 по май 1944 г. союзники восемнадцать раз вызывали дурданских подпольщиков для встречи грузов, но только семь раз антифашисты смогли получить груз, 60 % грузов попали в руки немцам [Угримов 2004, с. 565].

В день высадки союзников в Нормандии, 6 июня 1944 г., Угримов вернулся из Парижа в приподнятом настроении. В гараже ему были переданы для спасения два канадских летчика — унтер-офицеры К.Е. Виллис и К.Г. Шеперд³⁶. Вместе с летчиками Угримов отбыл на мельницу. Накормив и расположив канадцев на ночлег, Александр Александрович по телефону был проинформирован начальником местной французской жандармерии о том, что в районе Дурдана беспокойно и для охраны мельницы к нему направляются жандармы. Канадцы были срочно выведены в парк, где и спрятались в кустах. После прибытия жандармов и легкого ужина они были определены на ночлег, а канадцы вернулись в дом через окно. Один из канадцев простудился и заболел ангиной. Для лечения была вновь приглашена Э.Н. Бакунина. Больной скоро вылечился, и канадцы, пересидев две недели на мельнице, были переданы французам. За помощь в спасении канадских пилотов А.А. Угримов был награжден грамотой главного маршала Королевских ВВС³⁷.

Несмотря на успешное продвижение войск союзников в глубь Франции, немцы не сдавали своих позиций и продолжали активно бороться с Сопротивлением. В конце июля 1944 г. немецкая полиция безопасности разгромила дурданское подполье. Были арестованы его руководители, лишь Блюто удалось уйти. Оккупанты захватили большое количество спрятанного оружия. Угримова спасло от ареста то, что у французских подпольщиков он проходил как Андре Жиру, и немцы искали француза с этим именем. Позже из-за опасности ареста Угримов отправил Блюто в Париж, где тот скрывался у Р. Кальвеля.

В начале августа 1944 г. американские части приближались к Дурдану, а командир дурданского сектора Блюто вернулся из Парижа в сопровождении нескольких соратников. Чуть позже в Дурдан прибыли Кальвель, Шашелев, В.А. Попандопуло и молодые члены парижской секции, планировавшие вернуться в город с наступающими американцами. На сторону Сопротивления перешло около двадцати власовцев³⁸ из местного гарнизона во главе со Шкарбановым.

³⁶ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 19. Виллис К.Е. (Willis C.E.), личный номер J 25541, и Шеперд К.Г. (Shepherd C.G.), личный номер J 23363 — унтер-офицеры Королевских ВВС (RAF).

³⁷ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 18.

³⁸ Там же. Д. 88. Л. 2.

19 августа 1944 г. Соппротивление подняло восстание в Париже, начались уличные бои с немцами. Утром 20 августа к Дурдану начали подходить американские танки. Александр Угримов встречал передовые танки на окраине города, а затем въехал на броне танков в Дурдан. Участники дурданской группы участвовали в стычках с остатками немецкого гарнизона, в одной из них был тяжело ранен в голову Борис Волынцев. За помощь американским войскам А.А. Угримов и двое членов дурданской группы были награждены орденами «За боевые заслуги» [Лебеденко 2011, с. 130].

После полного освобождения города русские и французские участники подпольной борьбы собрались вместе. А.А. Угримов вспоминал: «Отпраздновали освобождение в гараже бурно и весело. Всюду были расставлены столы, все соппротивленцы присутствовали с семьями. Много было выпито вина, пели песни, и громче и лучше всего прозвучало “Не смеют крылья черные над родиной летать”» [Угримов 2004, с. 574].

Такова история дурданской группы. За годы войны в ее рядах состояло около 20 белоэмигрантов в Дурдане и Париже, еще около 20 наших соотечественников из коллаборационистской части примкнули к Соппротивлению накануне освобождения города. При этом общая численность вооруженных соппротивленцев в Дурдане накануне выступления составляла около 40 человек³⁹ (без учета бывших коллаборационистов). Таким образом, на местном уровне вклад русской дурданской группы в Соппротивление был заметным как в численном, так и в организационном плане.

Участвовать в боевых столкновениях группе Угримова довелось лишь в ключительный момент освобождения Дурдана. Вместе с тем несколько лет группа вела опасную подпольную деятельность, в ходе которой участники группы принимали участие в благотворительной продовольственной помощи нуждающимся антифашистам и эмигрантам; в спасении около 40 советских военнопленных [Кривошеин 1972, с. 279], обеспечении беглецов из немецких лагерей и военнопленных документами, антифашистской пропаганде среди советских коллаборационистов, спасении и сокрытии англо-американских летчиков, сбитых над Францией, получении военных грузов с союзных самолетов.

Подводя черту под своим участием в Резистансе, Угримов указывал: «Российскому читателю, несомненно, покажутся несколько странными условия, при которых протекали с 1939 по 1944 год война и оккупация во Франции, настолько это непохоже на то, что имело место в СССР. Для понимания есть только один путь: вдумчивое всестороннее изучение всего богатого и разнообразного материала, который имеется по этому вопросу» [Угримов 2004, с. 575].

После освобождения Франции Александр Александрович Угримов и члены дурданской группы внесли значительный вклад в дело сохранения памяти о русских участниках антифашистского Соппротивления. В октябре 1944 г. по инициативе группы было проведено общее собрание представителей русских участников Соппротивления по созданию «инициативной группы по собиранию архива

³⁹ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

участия русских в Сопротивлении» [Варягин 1946, с. 51–52]. В начале 1945 г. к ней присоединились и другие группы. За несколько месяцев образовался организационный комитет, и 23 октября 1945 г. было образовано Содружество русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции во главе с И.А. Кривошеиным. Одним из товарищей председателя стал А.А. Угримов, а казначеем — С.А. Булацель. Были образованы редакционная (С.А. Булацель) и архивная (А.И. Угримов)⁴⁰ комиссии Содружества.

В декабре 1945 г. трудами редакционной комиссии и ее главы С.А. Булацеля свет увидел первый выпуск «Информационного бюллетеня» Содружества. Открывала номер статья А.А. Угримова «Два слова о возникновении Содружества», в которой он описал создание Содружества: «Мысль о создании объединения участников борьбы против немцев зародилась сразу же после освобождения. Собственно говоря, объединение было необходимостью именно тогда, в первые дни после оккупации, и только относительная малочисленность этого типа людей и их разбросанность по разным фронтам регулярных и нерегулярных армий, а также и отсутствие многих еще не вернувшихся из концлагерей — помешало его осуществить» [Угримов 1945, с. 1]. Помимо участия в издании бюллетеня А.А. Угримов и другие лидеры групп выступали с докладами о своей деятельности на собраниях Содружества.

В июне 1946 г. три члена дурданской группы были награждены Военным крестом — А.А. Угримов, Б.И. Волынцев и врач Э.Н. Бакунина [Урицкая, с. 202].

В июле 1946 г. в Париже был выпущен первый номер «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции». Перед «Вестником...» стояли те же задачи, что и перед «Информационным бюллетенем», — сплотить русских участников Сопротивления и сохранить память об их борьбе. Осенью 1946 г. некоторые члены Содружества, получившие советские паспорта, вернулись в Советский Союз. В феврале 1947 г. вышел второй номер «Вестника...», а 15 февраля 1947 г. СРДПУС и Содружество подпольщиков «Русский патриот»⁴¹ образовали единую организацию — Содружество участников Сопротивления русского происхождения во Франции во главе с И.А. Кривошеиным [Российская эмиграция 2007, с. 507].

Активная просоветская деятельность Содружества и других организаций внушала подозрения французским властям, которые постоянно ужесточали контроль над советскими патриотами в эмиграции. 25 ноября 1947 г. А.И. и А.А. Угримовы и еще 22 эмигранта с советскими паспортами были высланы из Франции [Российская эмиграция 2007, с. 474]. Основаниями для высылки стали тесные контакты с ФКП и подозрения в членстве в новых интербригадах — подпольных

⁴⁰ Угримов Александр Иванович (1874–1974) — агроном, преподаватель, общественный деятель, отец А.А. Угримова. В 1922 г. выслан из советской России на «философском пароходе». В эмиграции в Германии, с 1936 г. проживал во Франции, сотрудничал с младороссами. Гражданин СССР. В ноябре 1947 г. выслан из Франции. В СССР проживал в Ульяновской, затем в Калужской областях, работал на опытных сельскохозяйственных станциях. Позже проживал в Москве.

⁴¹ Речь идет о ветеранской организации Группы русских патриотов Сопротивления, организованной в 1941 г. в Ницце Иваном Германом.

коммунистических формированиях. В марте 1948 г. последовала новая высылка известных резистантов русского происхождения — С.А. Булацель и другие члены Содружества покинули Францию. Высылка серьезно осложнила существование СУСРП и оставила его практически без руководящего звена, несмотря на это, Содружество продолжало свою деятельность до 1952 г.

В Советском Союзе вернувшихся сопротивленцев и совпатриотов ждала иная реальность: А.А. Угримов, А.И. Кривошеин и многие другие были незаслуженно репрессированы. После смерти И.В. Сталина большинство из них были освобождены, а некоторым удалось добиться и реабилитации.

В канун 20-летнего юбилея дурданской группы А.А. Угримов подготовил на французском языке «Записку об участии русских в дурданском Сопротивлении» («Memoire sur la participation des Russes a la Resistance de Dourdan»), которая и легла в основу его воспоминаний «О дурданском подполье» и главы «О дурданском Сопротивлении» его воспоминаний [Угримов 2004].

Сокращения

АДРЗ — архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

ВВС — Военно-воздушные силы

ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)

ВСЮР — Вооруженные силы Юга России

ГДР — Германская Демократическая Республика

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

МГБ — Министерство государственной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РСХД — Русское студенческое христианское движение

РЭОД — Русское эмигрантское оборонческое движение

СВНР — Союз возвращения на родину

СРДПУС — Содружество русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции

СРП — Союз русских патриотов во Франции

ССГ — Союз советских граждан

ССП — Союз советских патриотов

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СУСРП — Содружество участников Сопротивления русского происхождения

США — Соединенные Штаты Америки

ФКП — Французская коммунистическая партия

ЦК — Центральный комитет

FFI — Forces françaises de l'intérieur (Внутренние французские силы)

RAF — Royal Air Force (Королевские Военно-воздушные силы)

Литература

Базанов 2015 — Базанов П.Н. А.Л. Казем-Бек — лидер движения младороссов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4.

- Варягин 1946 — *Варягин К.* Несколько слов о нашем Содружестве // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции (Париж). 1946. Июль. № 1.
- Вырубов 1991 — *Вырубов Н.В.* В память павших воинов. Париж, 1991.
- Гладкий 1997 — *Гладкий С.П.* Русские патриоты в движении Сопротивления европейских стран (1939–1945): (по материалам Франции, Италии, Польши). СПб., 1997.
- Ковалев 2006 — *Ковалев М.* Русская эмиграция во Франции в годы войны // Новый журнал (Нью-Йорк). 2006. № 245.
- Кривошеин 1972 — *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага: Советские люди во Французском движении Сопротивления. М., 1972.
- Лебедеенко 2011 — *Лебедеенко Р.В.* Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны (1939–1945): Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011.
- Массип 2010 — *Массип М.* Истина — дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М., 2010.
- Попандопуло 1938 — *Попандопуло С.* О пораженчестве // Русский временник: Орган революционной монархической мысли (Париж). 1938. № 2.
- Российская эмиграция 2007 — Российская эмиграция во Франции в 1940-е. Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже») / публ. Д. Гузевича, Е. Макаренковой, при участии И. Гузевич // Диаспора: Новые материалы. Т. 8. СПб.; Париж, 2007.
- Российская эмиграция 2015 — Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Междунар. науч. конф. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Русский путь: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2015.
- Семиряга 2000 — *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Угримов 1945 — *Угримов А.А.* Два слова о возникновении нашего содружества // Информационный бюллетень Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления в Западной Европе (Париж). 1945. Декабрь. № 1.
- Угримов 2004 — *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.
- Урицкая 2010 — *Урицкая Р.Л.* Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010.
- Finnemore 2013 — *Finnemore S.A.* Hidden From View: Foreigners in the French Resistance. Master of Philosophy. University of Birmingham, 2013.
- Jurado 1995 — *Jurado C.C.* Resistance Warfare 1940–45. L., 1995.

Н.В. Ликвинцева

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ:
ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ В ОККУПИРОВАННОМ ПАРИЖЕ

28 июня 1940 г., ровно через две недели после того, как немецкие войска вошли в Париж, митрополит Евлогий (Георгиевский) в оккупированном городе проводит совещание с настоятелями парижских приходов. Владыка признается, что у него было искушение уехать, но он его победил: «Нельзя покидать духовенству своих пасомых» [Протокол 1940, л. 2; полностью см. этот документ в Приложении к данной статье]. Главная забота владыки о пастве касается предстоящего голода, угрожающего людям. Чтобы его предотвратить, нужно организовать всеми доступными способами максимально широкую помощь голодающим: «Помощь должна оказываться всем без исключения, не считаясь ни с вероисповедным признаком: православный или католик нуждается, ни с национальным: русский это или француз, а исключительно по признаку нужды» [Там же, л. 10]. Война лишь усугубляет нужду, и церковь должна делать то же, что делала всегда: осуществлять дела милосердия, помогать нуждающимся. Традиции церковной благотворительности играли огромную роль в русском Париже, в котором церковные приходы зачастую становились сразу не только религиозными, но и социальными центрами, вокруг которых выстраивались различные формы самоорганизации выброшенных в эмиграцию людей: от сбора средств на общие нужды до целевой помощи самым незащищенным слоям эмиграции. Интересно, что с началом оккупации митрополит Евлогий настаивает не просто на продолжении такой работы, но на ее еще более системном, чем прежде, характере: он хвалит признанные в эмиграции центры благотворительности, общество «Православное дело» и аньерский приход, не просто за проявленную ими активность, а за то, что им удалось «установить связь с органами городского управления» [Там же, л. 10], с французскими мэриями, что может позволить делать дела милосердия в более широком масштабе и спасти от голода большее количество людей. Так, уже к концу лета 1940 г. столовая, уже довольно давно созданная матерью Марией (Скобцовой) при ее общежитии на улице Лурмель, становится муниципальной, а значит, может кормить при поддержке парижской мэрии еще большее количество людей, чем прежде. Участник «Православного дела» К.В. Мочульский записывает в это время в своем дневнике: «Кантина на Лурмель признана муниципальной. В сарае мать устроила дешевый рынок. На заседании “Православного Дела” разговоры о ценах, запасах, картошке и капусте. “Сейчас не до идеологии. Зимой будет голод. Нужно спасать погибающих”» [Мочульский 1946, с. 75]. Стоит

особенно отметить ту помощь, которую оказывал приходам и благотворителям в их попытке организовать системную борьбу с голодом в оккупированном Париже Эмигрантский комитет В.А. Маклакова: в уже упомянутом протоколе июньского совещания речь идет о помощи, которую этот комитет оказывает матери Марии [Протокол 1940, л. 7]; а И.А. Кривошеин в своем обзоре «Русские участники Сопротивления» замечает, что работу этого комитета на протяжении всего военного времени можно «с радостью противопоставить “комитету” Жеребкова...» [Кривошеин 1947, с. 93].

Именно деятельность по борьбе с голодом, необходимость обеспечить продуктами всех нуждающихся в оккупации, а также тех преследуемых, кого приходилось скрывать от оккупационных властей, и стала связующим звеном между объединением «Православное дело» и дурданской группой французского Сопротивления. Один из активных эмигрантских членов этой группы, Александр Угримов, занимавший должность технического директора на мельнице, вспоминал, как приезжала к нему мать Мария (Скобцова) договариваться «о доставке в больших размерах, чем раньше, продуктов для питания всех тех людей, о которых она заботилась, скрывала от преследования немцев» [Угримов 2005, с. 347]. А. Угримов же свидетельствовал о том, что постоянную связь с дурданской группой «Православное дело» держало и через его близкого друга Николая Веревкина, входившего в группу и жившего при общежитии матери Марии: «Через него я и снабжал, главным образом, мать Марию хлебными карточками, мукой, крупой и прочими продуктами, иной раз и на грузовиках мельницы» [Там же, с. 348].

Важным этапом вращая мирной благотворительной работы «Православного дела» в начавшуюся в оккупированной Франции подпольную деятельность Сопротивления стало создание Комитета помощи заключенным лагеря Компьень, «организации, хотя и не причислявшей себя к настоящему Сопротивлению, но осуществившей весьма ответственную работу в области социальной помощи. Организация зародилась в июле 1941 г. и обосновалась в помещении русской церкви на рю Лурмель; душой дела стала мать Мария Скобцова» [Кривошеин 1947, с. 95]. Инициатором создания Комитета стал известный участник Сопротивления, инженер, мемуарист Игорь Александрович Кривошеин (1899–1987): он был арестован, как и множество русских, 22 июня 1941 г., помещен в пересыльный лагерь Компьень, но вскоре отпущен. Увидев своими глазами реальные нужды заключенных, Игорь Александрович постарался наладить помощь и обратился для этого к своему знакомому Сергею Федоровичу Штерну, который и связал его с «Православным делом». Жена И.А. Кривошеина Нина Алексеевна Кривошеина (урожд. Мещерская) в своих воспоминаниях «Четыре трети нашей жизни» пишет, что продуктовые посылки для заключенных участники Комитета собирали при помощи русских магазинов и еврейских ресторанов; «...некоторые люди помогали просто деньгами; все эти посылки (а их бывало порой 80–90) возила в Компьень Ольга Александровна Игнатьева на машине французского Красного Креста, которую выхлопотала мать Мария. Словом, это была целая организация, которая жила и работала под носом Жеребкова, назначенного в Париж для управления русской колонией» [Кривошеина 1984, с. 135].

Хотя лагерь в Компьене (Фронт-Сталаг № 122), являясь лагерем для интернированных и пересыльных, был гораздо мягче нацистских лагерей смерти, но и в нем продуктовые посылки были огромной помощью узникам. Особенно это относилось к одной категории заключенных, отделенных от всех остальных и лишенных права на посылки, — евреям. Заключенные Компьеня наладили внутреннюю систему, позволявшую подпольно делиться полученными продуктовыми посылками с закрытой зоной, и основой для такой внутренней помощи самым гонимым стали именно посылки, переданные от Комитета помощи заключенным лагеря Компьень. Узник еврейского сектора Георгий Веллер свидетельствует о первых тяжелых месяцах пребывания в лагере в 1941 г.: «Такая помощь для нашего лагеря была жизненно необходимой. Несомненно, именно благодаря этой помощи смертность в нашем лагере за три месяца составила сто человек, а не сто процентов» [Веллер 2005, с. 242]. Он пишет о том, как потрясен он был, когда сорок лет спустя узнал, что те спасительные посылки, благодаря которым выжили сотни его товарищей-евреев, собирал и паковал лурмельский комитет, возглавляемый двумя православными, монахиней Марией (Скобцовой) и священником Димитрием Клепининым, «и как они рисковали, и как отдали за это собственные жизни» [Там же, с. 243].

Хотелось бы особенно отметить важную роль в самом факте создания Комитета помощи заключенным лагеря Компьень и в его дальнейшем функционировании Сергея Федоровича Штерна (1886–1947), потому что его деятельность известна гораздо меньше, чем подвиг участников «Православного дела». С.Ф. Штерн был журналистом, общественным деятелем и активным благотворителем. Он окончил юридический факультет Новороссийского университета в Одессе и работал корреспондентом одесских газет; в 1921 г. эмигрировал, жил в Париже, участвовал в организации Российского комитета помощи голодающим в России, в работе Земгора и Русского народного университета, после войны работал в обществе «Быстрая помощь». Во время оккупации он, помимо деятельности Комитета, сотрудничал с Соппротивлением и активно участвовал в помощи евреям, в частности переправлял еврейских детей в провинцию. Хотя Сергей Федорович и сам был евреем и вынужден был носить желтую звезду, но ему удалось избежать ареста и депортации. Хотя его смерть все же была связана с оккупацией: однажды в его бюро ворвался эсэсовец и избил его, бил по лицу; после войны от этих побоев у него развился рак губы, от которого Сергей Федорович и скончался. Н.А. Кривошеина писала, что «он был благотворителем по призванию, причем без малейшего ханжества или особой позы, которую, увы, часто приходилось мне видеть у многих “благотворителей”» [Кривошеина 1984, с. 135].

Еще одной группой людей, нуждающихся в помощи, стали советские военнопленные или угнанные на принудительные работы советские граждане: с прибытием этой категории людей во Францию в начале 1943 г. И.А. Кривошеин связывает начало «второго периода Соппротивления» [Кривошеин 1947, с. 96]. Многие эмигранты старались помочь пленным соотечественникам продуктами или одеждой, оказать им посильную поддержку и помощь. Священнослужители ставили перед собой еще и задачу духовной помощи таким людям. Особенно активно в организации такой помощи участвовал игумен (с 1953 г. епископ) Мефодий (Куль-

ман; 1902–1974), настоятель прихода храма Христа Спасителя в пригороде Парижа Аньер. Аньерский приход с самого момента своего основания в 1932 г. славился, по воспоминаниям митрополита Евлогия, «широкой благотворительной деятельностью» [Евлогий (Георгиевский), митр. 1994, с. 442], что связано было именно с личностью его настоятеля, «аскетически настроенного монаха, чуткого к человеческой совести, вложившего в приход всю свою душу» [Там же, с. 441]. Владимир Николаевич Кульман был сыном известного профессора-слависта Н.К. Кульмана. По стопам отца он окончил историко-филологический факультет в Праге и стал сотрудником пражского Славянского института, но неожиданно для многих вдруг сменил академическую карьеру на духовную: в 1931 г. окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, а в 1930 г. принял монашеский постриг с именем Мефодий. Вверенному ему аньерскому приходу игумен (с 1938) Мефодий посвятил всю свою жизнь: там была и школа, и библиотека, и трапезная для нуждающихся, и амбулатория, и дом отдыха; после войны приход издавал прекрасный журнал «Вечное». В военное время отец Мефодий не мог не откликнуться на нужды пленных: в конце 1943 г. совместно с псаломщиком прихода П.А. Поповым он совершил поездку в Шербур и его окрестности и на остров в Нормандии Альдерней «для обслуживания духовных нужд пленных русских рабочих». А П.Е. Ковалевский записал в дневнике 2 января 1943 г., что аньерский приход собрал 3000 мешочков с рождественскими подарками для русских пленных именно благодаря призыву отца Мефодия, получившему горячий отклик в русском Париже: «...несли тикетики* для хлеба, сухари, мыло, печенья. Приход превратился на две недели в фабрику мешочков. Все русские получают подарок к Рождеству. И здесь русская эмиграция показала себя на высоте» [Ковалевский 2014, с. 292].

Помощь пленным становилась особенно опасной и особенно тесно связанной с Соппротивлением в ситуации предоставления укрытия бежавшим из плена военнопленным. Так, например, С.М. Зернова вспоминает, как во время войны ее близкая подруга Татьяна Сергеевна Конюс, дочь С.В. Рахманинова, «прятала у себя спасавшегося из немецкого плена Мишу, которого я послала к ней. Мы доставали также одежду, чтобы переодеть других советских мальчиков, бежавших из немецкой армии. Мы брали себе “крестников”, советских раненых в немецких госпиталях, относили им еду. Они радовались, рассказывали свою жизнь. Встречая их, мы прикасались к Русской земле» [За рубежом 1973, с. 281]. Особенно хотелось бы отметить и деятельность самой Софьи Михайловны Зерновой (1899–1972), всю свою жизнь посвятившей разным формам благотворительности и делам милосердия: до войны она возглавляла Бюро по приисканию труда для русских эмигрантов и занималась организацией бесплатных летних каникул для неимущих русских детей. С началом Второй мировой войны, после приказа мэрии Парижа эвакуировать детей из оккупированной зоны, С.М. Зернова взяла на себя ответственность за детские приюты Земгора и Красного Креста, которыми некому было заниматься. Старческий дом кн. Екатерины Мещерской потеснился и освободил для детей один дом в Вильмуасоне. Всю войну С.М. Зернова поддер-

* Тикетики — от *фр.* ticket — талон.

живала связь со своими «подопечными» детьми, навещала их по мере возможности, а после войны взяла на себя руководство этим детским домом, переехавшим в Монжерон. Во время оккупации Софья Михайловна пыталась продолжать работу своего Бюро по приисканию труда, т.к. безработица была по русским эмигрантам еще сильнее, чем прежде, но Бюро было закрыто немецкими властями.

Наибольшему риску подвергались те, кто принял участие в организации помощи самой гонимой при нацистской оккупации группе людей — евреям. Хорошо известны слова матери Марии (Скобцовой), произнесенные, когда вышел приказ евреям носить на одежде желтую звезду: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. <...> Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды» [Мочульский 1946, с. 75]. Важнейшей формой помощи стала выдача евреям свидетельств о крещении, пока это еще могло помочь. Священник Димитрий Клепинин выдавал такие свидетельства всем обращающимся, при этом на самом деле крестил лишь тех, кто действительно этого хотел, остальных помечал в своей картотеке буквой Т — т.к. «“липа” по-французски будет tilleul» [Клепинина 2012, с. 111]. В этой деятельности ему активно помогала мать Мария. В июле 1942 г., во время первого массового ареста евреев в Париже, матери Марии удалось проникнуть на велодром, куда согнали узников, и вынести оттуда в мусорных баках четверых детей [Десанги 2011, с. 157–161]. Центр «Православного дела», дом на улице Лурмель, и курируемый объединением дом отдыха в Нуазиле-Гран становятся звеньями в цепочках Соппротивления по укрытию евреев и переправке их в свободную зону [Гаккель 1992, с. 215]. За такую помощь гонимым трое участников «Православного дела» отдали свои жизни: мать Мария (Скобцова) погибла 31 марта 1945 г. в газовой камере нацистского лагеря Равенсбрюк, до последней минуты даже в условиях лагеря продолжая утешать и поддерживать своих союзниц; ее сын Юрий Скобцов (1921–1944) и отец Димитрий Клепинин (1904–1944) погибли в концлагере Дора. В 1942 г. в Освенциме погиб Илья Исидорович Фондаминский (1880–1942), близкий друг матери Марии, активно помогавший «Православному делу», издатель и благотворитель: будучи евреем, он отказался уехать из Парижа, а после ареста отказался от подготовленного друзьями побега, чтобы разделить участь своего народа; принял крещение в лагере Компьень. Все четверо были в 2004 г. причислены к лику святых Православной Церкви Священным синодом Константинопольского патриархата как мученики. Еще двое арестованных тогда же участников «Православного дела», Ф.Т. Пьянов и Ю.П. Казачкин, тоже прошли через нацистские лагеря, но выжили и вернулись к концу войны в Париж.

Еще до отправки в Германию в том самом пересыльном лагере Компьень, которому помогал лурмельский комитет, отец Димитрий Клепинин служил в самодельной, устроенной в лагерном бараке часовне вместе с еще одним священником, арестованным за помощь евреям, — в письме жене от 2 июня 1943 г. он писал: «К нам приехал о. Андрей Врасский, который оживил нашу жизнь» [Клепинина 2012, с. 150]. Протопресвитер Андрей Врасский (1894–1944) принадлежал к юрисдикции РПЦЗ, он был настоятелем Воскресенской церкви в г. Виши и епархиальным миссионером; в 1942 г. он был уполномоченным митрополита Серафима

(Лукиянова) в неоккупированной зоне Франции. Отец Андрей участвовал в Соппротивлении во Франции, крестил и прятал евреев и именно за это был арестован гестапо 25 января 1943 г. После Компьяня его отправили в концлагерь Бухенвальд, где он и «погиб (оказался замучен) в феврале 1944 г. Позднее отец Андрей Врасский был признан “умершим за Францию”» [Шкаровский 2016].

Активно участвовал в спасении евреев и священник, принадлежавший к юрисдикции Московского патриархата, настоятель Трехсвятительского подворья в Париже архимандрит Афанасий (Нечаев Анатолий Иванович; 1886–1943). Он был духовным отцом Андрея Блума, будущего митрополита Антония Сурожского, который потом вспоминал его всю оставшуюся жизнь как подлинного духовного наставника и как самого свободного из всех встреченных им в жизни людей. Он был из крестьянской семьи, в 1923 г. выехал из советской России в Финляндию и подвизался трудником в Валаамском монастыре; в 1925 г. уехал учиться в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, где в 1926-м принял монашеский постриг; с 1932 г. архимандрит. Служил в Трехсвятительском подворье с момента его образования, сначала как помощник настоятеля, а с 1933 г. как настоятель. Во время оккупации сразу включился в дело помощи евреям: выдавал справки о крещении всем желающим и крестил только тех, кто действительно этого хотел. Чтобы не смущать прихожан и не подвергать их опасности, он снял небольшой особняк на окраине Парижа, где шла активная работа по укрытию евреев, их переправке в свободную зону, организации посильной помощи: «Из особнячка каждый день уходили женщины, которые на вокзалах Парижа передавали адреса условленных мест, где преследуемые могли надежно укрыться» [Геновефа (Лаврова), мон. 2011, с. 217]. Свидетельствующая об этом монахиня Геновефа (Лаврова) пишет, что из тех, кто нашел приют в этом особняке, была и ее семья [Там же, с. 217]. Отца Афанасия арестовали прямо в церкви, во время молебна 31 сентября 1942 г. Его отпустили на свободу, но после допросов в гестапо он прожил совсем недолго и умер в 1943 г. от изнеможения и обострившихся болезней.

Прошли через арест еще двое священников Московского патриархата, помогавшие преследуемым евреям. Протоиерей Димитрий Соболев (1890–1961), помощник настоятеля Трехсвятительского подворья, прошел через концлагерь Дора (1943–1944), но выжил и вернулся в Париж. Протоиерей Михаил Бельский (1884–1963), настоятель франкоязычного прихода Скорбященской церкви в Париже, был арестован в храме, прямо перед началом литургии, 26 августа 1942 г. именно за помощь евреям, приговорен к девятимесячному заключению в форте Роменвиль, откуда вышел в апреле 1943 г. С 1946-го отец Михаил был членом правления Содружества русского Соппротивления во Франции.

Удалось избежать ареста еще одному укрывавшему евреев священнику из юрисдикции митрополита Евлогия — протоиерею Андрею Сергеевскому (1902–1973). Выпускник Свято-Сергиевского православного богословского института, с 1930 г. он был настоятелем церкви Св. Иоанна Воина в пригороде Парижа Медоне; в 1939 г. ушел добровольцем во французскую армию, служил санитаром, после поражения Франции вернулся в оккупированный Париж. Он укрывал всю войну,

большей частью в подвале своего дома в Медоне, еврейскую семью: свою прихожанку и духовную дочь Елену Яковлевну Браславскую, ее маму и двоих детей, по ночам выводил детей «гулять в свой садик» перед домом [Попова 2014, с. 88]. Периодически семью переводили с одной конспиративной квартиры на другую, потом снова укрывали в доме. Отец Андрей выдавал также нуждающимся справки о крещении; одно время скрывал нескольких евреев в своем скиту. После войны отец Андрей перешел в юрисдикцию Московского патриархата и в 1948 г. уехал в СССР, преподавал в Ленинградской и Московской духовных академиях, в последние годы жизни жил в г. Александрове.

Еще одной формой «пассивного», ненасильственного Соппротивления стало так называемое медицинское Соппротивление [Антоний Сурожский, митр. 2002, с. 266]: о своей принадлежности к нему в оккупированном Париже подробно вспоминал митрополит Антоний Сурожский. К началу войны Андрей Борисович Блум (1914–2003), будущий митрополит Антоний, сын русского дипломата и племянник композитора А.Н. Скрябина, окончил биологический и медицинский факультеты Парижского университета и успел тайно принести монашеские обеты; он думал о монашестве в миру, о возможности совместить работу врача с монашеским путем полного посвящения своей жизни служению Богу и ближним. В 1939 г. он уходит на фронт военным хирургом; как отмечает его биограф Аврил Пайман, Андрей был награжден почетной медалью за «самоотверженность в лечении раненых» под вражескими бомбардировками [Рупан 2016, с. 33]. После поражения Франции Андрей возвращается в оккупированный Париж и через своего старшего знакомого, французского врача, вступает в ряды французского медицинского Соппротивления: сеть врачей, к которым посылали раненых соппротивленцев, у кого можно было достать лекарства, кого можно было вызвать к больным, скрывавшимся от нацистского режима. Была также разработана специальная схема медицинских ячеек на случай боев при освобождении Парижа. Одно время, когда Андрей работал на машине скорой помощи, он использовал эту машину и для перевозки людей и грузов, принадлежавших к Соппротивлению. Одной из форм работы была подпольная «хирургия в подвальном помещении госпиталя Отель-Дьё» [Антоний Сурожский, митр. 2002, с. 266]. Часть периода оккупации Андрей Блум проработал в парижской больнице Брока, где сотрудниками была разработана целая система для спасения людей, которых хотели отправить на принудительную работу в Германию: к их рентгеновским снимкам пририсовывали признаки туберкулеза или находили признаки инфекционной болезни, препятствующей отправке людей. Все это требовало изобретательности, врачебного профессионализма и мужества.

Такое ненасильственное соппротивление, выражавшееся в осуществлении дел милосердия в оккупированном Париже представителями русского зарубежья, стало еще одной страницей, вписанной не только в историю Соппротивления во Франции во время Второй мировой войны, но и историю благотворительности и церковной жизни русской эмиграции. Четверо парижских мучеников — преподобномученица Мария, священномученик Димитрий, мученики Георгий и Илия, отдавшие свои жизни «за други своя», прославлены в лике святых; кто-то еще

ждет своего прославления, и каждое доброе дело, и каждый его участник достойны благодарной памяти потомков.

Источники и литература

- Протокол 1940 — <Протокол совещания митрополита Евлогия (Георгиевского) с настоятелями парижских приходов (Париж, 28 июня 1940)>. Маш., 10 л. // Архивный центр Русского дома, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция.
- Антоний Сурожский, митр. 2002 — *Антоний Сурожский, митр.* Без записок // Антоний Сурожский, митр. Труды. М.: Практика, 2002. Т. 1. С. 237–276.
- Веллер 2016 — *Веллер Г.* <Свидетельство> // Вестник РХД. 2016. № 205. С. 240–245.
- Геновефа (Лаврова), мон. 2011 — *Геновефа (Лаврова), монахиня.* Воспоминания об архимандрите Афанасии (Нечаеве) // Афанасий (Нечаев), архим. От Валаама до Парижа. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2011. С. 213–220.
- Гаккель 1992 — *Гаккель С., прот.* Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1992.
- Десанти 2011 — *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией: неверующая о святой / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2011.
- Евлогий (Георгиевский), митр. 1994 — *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994.
- За рубежом 1973 — За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1973). Париж: YMCA-Press, 1973.
- Клепинина 2012 — *Клепинина Е.* «Руки священника ему не принадлежат...»: Жизнь о. Дмитрия Клепинина. М.: Изд-во ББИ, 2012.
- Ковалевский 2014 — Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2014.
- Кривошеин 1947 — *Кривошеин И.А.* Русские участники Сопротивления // Новоселье (Нью-Йорк). 1947. № 35–36. С. 91–101.
- Кривошеина 1984 — *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Р.: YMCA-Press, 1984.
- Мочульский 1946 — *Мочульский К.В.* Монахиня Мария (Скобцова): Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. Вып. 1. С. 64–78.
- Попова 2014 — *Попова Б.Б.* Священник Андрей Сергеенко (1903–1973). Россия — Франция — СССР. М.: Общедоступный правосл. ун-т, основанный прот. Александром Менем, 2014.
- Приход 1957 — Приход храма Христа Спасителя в Аньере. 1932–1957: Юбилейный сборник / сост. П.А. Беклемишев. Аньер: Изд. прихода храма Христа Спасителя, 1957.
- Угримов 2005 — *Угримов А.А.* Воспоминания о матери Марии // Вестник РХД. 2005. № 189. С. 347–349.
- Шкаровский 2016 — *Шкаровский М.* Холокост и Православная Церковь. М.: Вече, 2016. Глава «Русская Православная Церковь Заграницей и холокост». URL: https://bogoslav.ru/article/6024224#_ftnref59 (дата обрац. 10.05.20).
- Pyman 2016 — *Pyman A.* Metropolitan Anthony of Sourozh: A Life. Cambridge: The Lutterworth Press, 2016.

<ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ
МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО)
С НАСТОЯТЕЛЯМИ ПАРИЖСКИХ ПРИХОДОВ
(ПАРИЖ, 28 ИЮНЯ 1940)>¹

ЗАПИСЬ

совещания, состоявшегося 28 июня 1940 года в Париже под председательством Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия² в составе: преосвященнейшего епископа Иоанна, наместника Сергиевского подворья³, и церковного старосты сего храма С.Ф. Ефремова⁴, протоиерея Н. Сахарова, наместника кафедрального Александро-Невского храма⁵, и церковного старосты А.С. Матвеева⁶, членов Епархиального совета протоиерея И. Кгитарева⁷ и архимандрита Никона⁸, настоятеля Аньерского храма Христа Спасителя игумена Мефодия⁹ и церковного старосты графини М.Н. Толстой¹⁰, настоятеля Серафимовской церкви протоиерея И. Лелюхина¹¹ и церковного старосты В.А. Нераслева¹², и<сполняющего> д<олжность> настоятеля Николаевской церкви в Биллянкуре иеромонаха Саввы¹³, церковного старосты Г.А. Гончарова¹⁴ и псаломщика П.В. Спасского¹⁵, настоятеля Покровской церкви священника Д. Клепинина¹⁶ и председательницы объединения «Православное дело» монахини Марии¹⁷, и<сполняющего> д<олжность> настоятеля церкви Св. Воина в Медоне священника В. Кеппа¹⁸ и церковного старосты Св<ято>-Троицкой церкви в Клиши В.Л. Гамрекели¹⁹.

Собирающиеся перед началом поют «Царю Небесный».

Владыка митрополит приветствует собравшихся и выражает свое глубокое удовлетворение, во-первых, тем, что видит вокруг себя все наше духовенство, оставшееся на своем посту и не покинувшее свою паству в эти исключительно трудные дни. Во-вторых, его Высокопреосвященство приветствует и себя с тем, что он остался при своем кафедральном храме, при центре Епархиального управления и разделил с духовенством и паствою, которых в Париже около половины, их общую судьбу. Благодарит владыка Господа, что Он помог ему победить искушение уехать. Нельзя покидать духовенству своих пасомых. «Да не будет бегство ваше зимою или в субботу»²⁰. Хоть нынче и не зима, но картина, нами переживаемая, была полна неописуемых страданий людей, кои под влиянием паники покидали Париж, уходя куда глаза глядят. Духовенство, оставшись на местах, обеспечило непрерывность правильного течения приходской жизни, из которой, прежде всего, нужна сейчас усиленная молитва, а затем пастырское слово. Потребна энергичная пастырская работа о душе и о теле. Уже одно то, что пастырь вместе со своею паствою — облегчает их душу.

С этим чувством радости, внутреннего удовлетворения и благодарности к духовенству за их твердость владыка митрополит переходит к деловой части, повторив свой призыв стоять всем на своем посту, исполнять пастырский долг и помнить, что в таком случает и Господь не оставит нас и поможет нам.

Преосвященнейший епископ Иоанн от лица всех собравшихся благодарит владыку митрополита за его самоотвержение и любовь, давшую ему силу преодолеть искушение покинуть Париж, и желает его Высокопреосвященству многих лет.

Владыка митрополит говорит, что он чувствовал потребность личного общения с духовенством и желал бы знать, что именно сделано на приходах в предотвращение надвигающегося призрака голода.

Общественные русские учреждения, вероятно, уже заботятся о разрешении этого вопроса. Этим занимаются как французские, так и русские общества. Но от имени церкви мы должны сделать максимум усилий, и собирание такой лепты должно производиться по всем приходам. Надлежит совершить об этом общественное моление, сделать пастырский призыв о необходимости делиться даже нашими последними скудными средствами. За каждым богослужением постоянно должна ходить особая тарелка «на бедных», а именно «на голодающих», так как именно спасти от этой страшной возможности мы желаем наших прихожан и попавших в бедствие наших соседей — французов. Такая надпись «на голодающих» будет обращать на себя внимание, и на такую тарелку будут класть больше и чаще, зная, кому она предназначена.

Во всех приходах должны быть специальные небольшие организации для этого дела помощи голодающим, а если где такие организации есть, они должны быть усилены. Не забудьте, что не только поддавшиеся панике беженцы нуждаются в помощи, но и все, кому грозит безработица от вероятного сокращения заводов.

Питание должно быть организовано или бесплатно, или за самую скромную сумму, которая только покрывала бы расходы по изготовлению пищи и по уплате на труд, с этим связанный. Может быть, удастся войти в соглашение с местными дешевыми русскими столовками, которые в часы, свободные от своей обычной клиентуры, могут держать особый котел для таких дешевых обедов.

В некоторых местах, где такое дело начинается, оно встречает сочувствие мэрий. Может быть, богатая Америка даст что-нибудь со своей стороны.

Следует также обдумать вопрос о ночлегах. Пока еще лето, это не составляет особо острой нужды. Но ведь начнется холодная осень. С топливом должно ожидать величайших затруднений. Бедствие будет грозное. Подумаем и о ночлегах.

Помогать нужно и своим русским, и чужим — французам. Если нужно, созовите небольшие совещания, обсудите вопрос в приходских советах, если нужно, соберите общее собрание. Но помните, что непозволительно одно — это оставаться бездеятельными в столь грозное время.

Затем владыка предлагает присутствующим высказаться и поделиться постановкой дела на приходах.

П.В. Спасский, псаломщик Биллянкурского прихода, сообщает, что им удалось получить пожертвование на 500 фр<анков>, на что создан продуктовый фонд из сухих овощей, риса, макарон. Фонд этот уже почти исчерпан. Покупать консервы слишком дорого. Приход остановился на организации дешевых обедов. Два местных русских ресторана, а также О.Е. Головина²¹ заявили о возможности давать за 4 фр<анка> два блюда. Хлеб пока дается к обедам, но если будет сокращение отпуска хлеба, то довольствующиеся должны будут приносить хлеб сами. Мэрия выдает

всем нуждающимся, как французам, так и русским, только по два франка на обед, талоны эти бесплатные. Таким образом, приходской организации надо изыскать еще только два франка, собрать которые будет возможно, как надеется П.В. Спасский.

При Биллянкурском приходе работает Женское содружество, которое имеет картотеку всех нуждающихся, в случае необходимости производит поверку нужд и дважды в неделю раздает пособия и талоны. За каждым богослужением ходит тарелка на бедных.

Владыка митрополит вновь подчеркивает, что для новых нужд должна быть особая тарелка, независимо от тарелки на бедных, а, как он и указывал, тарелка «на голодающих».

Игумен Мефодий, настоятель Аньерского прихода, сообщает, что благотворительные ячейки были налажены еще раньше. Недавно приход получил довольно значительные отпуски от Верховного комиссара о беженцах из Лондона и от Координационного комитета в Париже на покупку продовольствия и обеспечен средствами примерно еще на две недели, т.е. до середины июля.

В церковном здании имеется питательный пункт. За три фр<анка> 50 сан<ти>мов> даются два блюда с хлебом. Однако большинство питается бесплатно. Питающихся сейчас 20 человек, а через неделю ожидается 40. Обеды выдаются по очередям. Сейчас трудно находить продукты. Для семейных выдаются сухие продукты в неделю на 65 человек франков на 600. Приходу удалось получить связь с французскими учреждениями, и он скоро будет получать овощи из городских складов по дешевой цене.

Убежище в Розе-ан-Бри²² почти обеспечено только еще на две недели. Надежда на американский Красный Крест, с которым установлено сношение. Мэрия в Курбеуа помогает русским, и просьб оттуда не поступало. Мэрия в Аньере, в Шату и Рюэле относится недоброжелательно, и некоторые из них не выдали даже пособия семействам призванных.

Монахиня Мария (Покровская церковь — «Православное дело») сообщает, что у них все дело стоит в зависимости от добывания продуктов, что затруднительно. Монахиня Мария и ее сотрудники рано утром ездят на центральный рынок (Халль), покупают там те продукты, которые в данный день имеются на рынке, и затем, нагрузивши мешки, кило по 30, на плечах несут до станции метро, везут продукты по метро, чему нет препятствий, и затем опять тащат их на своих плечах до общежития.

Таким образом привозится каждый раз по 250–300 кило, три раза в неделю.

Работа продовольствия основана на быстром обороте тех незначительных средств, которые нужны для одновременной покупки продуктов на рынке.

Мэрия 15-го округа собрала представителей французских организаций. На этом собрании была и монахиня Мария. Присутствовало около 10 мирян французов, 15 священников и 25 монахинь. Мэрия организовала 10–12 питательных пунктов. В их число вошел и пункт при «Православном деле». Французская мэрия выдает всем нуждающимся, как французам, так и русским, бесплатные бонь²³ по 2 франка. Обед должен стоить именно эту сумму. Нуждающийся приходит в питательный пункт, отдает бон и получает обед. Питательный пункт собирает бонь, сдает их в мэрию и

получает там за них деньги. Так как продуктов на центральном рынке всегда удается закупить довольно много, то монахиня Мария устроила при «Православном деле» небольшой базар, на котором продает продукты уже не по цене центрального рынка, а по розничной, что дает некоторые остатки, идущие на ту же помощь голодающим.

Существующий при «Православном деле» Союз мобилизованных дал на дело помощи 1000 франков, чем обеспечил 500 обедов.

Монахине Марии удалось получить от мэрии аванс на уголь и право получить этот уголь из городского склада. Также получено право на дешевый картофель при условии, что монахиня Мария предоставляет мешки для перевозки этого картофеля.

Весь расход на продукты, на оплату труда по изготовлению пищи, мытье посуды и уборку составляет приблизительно 150 фр<анков> на 150 тарелок мясного супа с хлебом. Примерно — половина, 75 человек — оплачивают (по 2 фр<анка> за обед) этот расход, а 75 человек — вторая половина — получает довольствие бесплатно.

Монахиня Мария через своего помощника Ф.Т. Пянова²⁴ вошла в связь с В.А. Маклаковым²⁵ и имеет уже обещание нового префекта Маршана²⁶ — оказывать ей содействие и в нужных случаях пресекать всякого рода чиновническую медлительность и бездействие, если бы о таких ему было сообщено.

Вытекающе из дела довольствия задачей представляется цель — занять работу при этом деле максимум русских и тем дать им известный заработок.

Конечно, в выдаче довольствия недопустимо делать какое-либо различие между русскими и французами.

Отдельно должно разработать организацию детского питательного пункта, так как для детей надо давать другие продукты, в частности — молоко и рис. Монахиня Мария надеется, кормя французов, войти в цепь французских учреждений и добиться получения продуктов, необходимых для детского питания.

Протоиерей Н. Сахаров (кафедральный Александро-Невский храм) докладывает, что попечение о голодающих и нуждающихся в ночлеге в небольших размерах, в меру финансовой возможности, организовано при церкви очень давно, почти с самого начала эмиграции.

По местным условиям устроить близ церкви столовую для голодающих — невозможно. Прежде всего, наш район не тот, в котором живут бедные люди, нуждающиеся буквально в насущном куске хлеба. Затем, приезжать за обедом в наш район с окраин, где живут нуждающиеся, стоило бы метро туда и обратно — т.е. 2 фр<анка> 60 с<антимов>, т.е. дороже обеда. Поэтому благотворительные организации Ал<ександро>-Невского храма осуществляют помощь голодающим путем выдачи талонов, которые покупает церковь и выдает их на столовые, действующие близ того района, где живет данный нуждающийся.

Владыка митрополит говорит, что он понимает те особые условия, которые затрудняют деятелям нашего храма в достаточной степени проявить непосредственную работу в деле помощи голодающим, и полагает, что попытки к этому тем не менее надо сделать.

Протоиерей И. Лелюхин (Серафимовская церковь) сообщает, что их приход выдает нуждающимся деньги. У сестричества имеется для помощи 1500 фр<анков>.

В.Л. Гамрекели (приход в Клиши) заявляет, что в данное время пока еще не чувствуется острой нужды и признака голода. Однако по приказу владыки митрополита в Троицкой церкви в Клиши делался сбор, прихожане показали свою отзывчивость, давши 1000 фр<анков>. Питательного пункта при приходе нету, нету в нем нужды, так как прихожане все работают и работы не потеряли. Самый церковный дом занимает удобное положение и достаточное пространство, где можно устроить и столовую, и кухню. Можно рассчитывать, что среди прихожан найдутся люди, которые помогут такому делу своим личным трудом.

Если заводы откроются, то, может быть, Бог помилует от голода.

Священник В. Кепп (Медонский приход) сообщил, что у них в настоящее время имеются некоторые запасы и острой нужды не чувствуется.

С.Ф. Ефремов, церковный староста Сергиевского подворья, сообщил, что в приходе на нужду для голодающих собираются деньги и на эти деньги покупаются боны на обеды. Главная трудность — это малое количество прихожан, в связи с чем и сборы на голодающих на могут быть сколько-нибудь значительными.

Владыка митрополит указывает, что надлежит, приняв к сведению данные различных приходов о положении дел помощи голодающим, надо это дело, где оно уже существует — расширить, а где его нет — начать. Помощь должна оказываться в виде денег, обедов, бонов и т.д. Настоятели и органы приходского управления должны внимательно ознакомиться с данными, сообщенными сегодня от приходов, постараться сделать у себя то же самое и через две недели, т.е. не позднее 12 июля, предоставить в Епархиальное управление по каждому приходу сведения, что делается и какие имеются предположения.

Владыка митрополит предлагает в каждом приходе установить связь с органами городского управления, подобно тому, как это сделано в Аньере и при Покровской церкви на рю Лурмель. Помощь должна оказываться всем без исключения, не считаясь ни с вероисповедным признаком: православный или католик нуждается, ни с национальным: русский это или француз, а исключительно по признаку нужды.

Через две недели владыка митрополит имеет в виду созвать вновь всех настоятелей приходов.

В заключение его Высокопреосвященство призывает духовенство к горячей молитве об утишении бури житейского моря. «Совершайте чаще богослужения», — заканчивает владыка.

Собравшиеся поют *Достойно есть и Испола эти деспота*²⁷.

¹ Публикуется впервые. Приносим глубочайшую благодарность Архивному центру Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция) за разрешение на публикацию этого документа.

² Митрополит Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868–1946) — управляющий русскими церквями в Западной Европе, с 1931 г. управляющий временным Экзархатом русских церквей в Западной Европе в юрисдикции Константинопольского патриархата, ректор парижского Свято-Сергиевского православного богословского института.

³ Епископ Иоанн (Леончуков Гавриил Иаковлевич; 1866–1947) — наместник Сергиевского подворья в Париже с 1925 г., епископ Херсонесский, викарий митрополита Евлогия.

⁴ Ефремов Степан (Стефан) Федорович (1878–1942) — лейб-казак Донского войска, художник, участник Гражданской войны; в эмиграции с 1920 г. во Франции, с 1930 г. староста Сергиевского подворья в Париже.

⁵ Протоиерей Николай Сахаров (Николай Николаевич; 1869–1951) — в 1913–1936 гг. помощник настоятеля Александро-Невского собора в Париже, с 1936-го его настоятель и председатель епархиального совета при митрополите Евлогии, с 1943 г. протопресвитер.

⁶ Матвеев Алексей Сергеевич (1871–1952) — юрист, общественный деятель, в 1932–1949 г. староста Александро-Невского собора в Париже.

⁷ Протоиерей Иаков Ктитарев (Иаков Николаевич, 1878–1953) — в 1936–1942 гг. второй священник Александро-Невского собора в Париже, в 1934–1946 гг. член Епархиального совета, в 1942–1944 гг. преподавал гомиетику в Свято-Сергиевском православном богословском институте, с 1945 г. протопресвитер.

⁸ Архимандрит Никон (Греве Алексей Иванович; 1895–1983) — участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1928 г. окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, с 1928 г. иеромонах, с 1936-го архимандрит, в 1935–1946 гг. третий священник Александро-Невского собора в Париже, член Епархиального совета, с 1946-го епископ, с 1947 г. жил в США.

⁹ Архимандрит Мефодий (Кульман Владимир Николаевич; 1902–1974) — с 1931 г. иеромонах, с 1932 г. настоятель храма Христа Спасителя в Аньере (под Парижем), с 1938 г. игумен, с 1940-го архимандрит, с 1953 г. епископ.

¹⁰ Толстая Мария Николаевна (урожд. Мещерская, инокиня Мария; 1866–1948) — графиня, фрейлина императрицы Марии Федоровны; после потери детей и мужа приняла тайный постриг, с 1922 г. в эмиграции во Франции; с 1936 по 1947 г. староста аньерского храма.

¹¹ Протоиерей Иоанн Лелюхин (Иоанн Захарьевич; 1883–1945) — в эмиграции с 1920 г., сначала в Великобритании, в 1923–1926 гг. настоятель Успенской церкви в Лондоне; в 1926–1935 гг. настоятель Рождественского храма во Флоренции, в 1936–1939 гг. настоятель церкви Иверской иконы Божией Матери в Плесси-Робенсон под Парижем, в 1939–1942 гг. настоятель Свято-Серафимовской церкви в Париже.

¹² В документе, видимо, опечатка, и речь идет о Нерослеве Владимире Алексеевиче (1878–1973), церковном деятеле, работавшем в Париже бухгалтером, церковном старосте и почетном попечителе Свято-Серафимовской церкви.

¹³ Иеромонах Савва (Шимкевич Сергей Александрович; 1899–1961) — участник Гражданской войны, в 1927 г. окончил русское отделение юридического факультета Пражского университета, а в 1932 г. парижский Свято-Сергиевский православный богословский институт, с 1935-го священник, с 1937-го иеромонах, служил в Праге, Дрездене, Берлине, в 1938–1942 гг. законоучитель в детском приюте в Веррьере-ле-Бюиссон под Парижем и временно исполняющий должности настоятеля церквей в Булонь-Бийянкуре и в Клиши, разъездной священник Александро-Невского собора, с 1942 г. епархиальный секретарь, с 1946 г. архимандрит, настоятель Знаменской церкви в Париже, с 1955 г. настоятель Рождественского храма во Флоренции.

¹⁴ Гончаров Григорий Андреевич (1884–1973) — капитан, церковный деятель, с 1932 г. староста прихода в Пти-Кламаре, с 1936 г. староста Свято-Николаевской церкви в Булонь-Бийянкуре под Парижем.

¹⁵ Спасский Петр Васильевич (1896–1968) — участник Первой мировой и Гражданской войн, эмигрировал на о. Лемнос, затем в Болгарию и Италию, где учился в Католическом университете в Милане и прошел школу оперного пения, с 1928 г. во Франции, в 1929–1945 гг. псаломщик и регент Свято-Николаевской церкви в Булонь-Бийянкуре, в 1945–1968 гг. псаломщик Александро-Невского собора в Париже, с 1949 г. регент митрополичьего хора.

¹⁶ Священник Димитрий Клепинин (Дмитрий Андреевич; 1904–1944) — в 1929 г. окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт, в 1929–1930 гг. сти-

пендиат в Нью-Йоркской протестантской богословской семинарии, в 1930–1937 гг. псаломщик Введенской церкви в Париже, член РСХД, с 1937 г. священник, в 1937–1938 гг. помощник настоятеля Введенской церкви, в 1938–1939 гг. настоятель Троицкой церкви в Озуар-ля-Ферьер, с 1939 г. настоятель Покровской церкви при общежитии матери Марии на улице Лурмель, участник «Православного дела»; в 1943 г. за помощь евреям арестован гестапо, погиб в нацистском концлагере Дора; в 2004 г. прославлен в лике святых Священным синодом Константинопольского патриархата как священномученик.

¹⁷ Мать Мария (Скобцова Елизавета Юрьевна, урожд. Пиленко, в первом замуж. Кузьмина-Караваева; 1891–1945) — поэт, художник, богослов, в 1932 г. в Париже приняла монашеский постриг, основательница и председатель социально-миссионерского объединения «Православное дело»; за помощь евреям была арестована гестапо в 1943 г., погибла в газовой камере нацистского концлагеря Равенсбрюк, в 2004 г. причислена к лику святых Священным синодом Константинопольского патриархата как мученица.

¹⁸ Кепп Виктор Карлович (1912–1985) — окончил русскую гимназию в Кишиневе и парижский Свято-Сергиевский православный богословский институт, с 1938 г. дьякон, с 1940-го священник, в 1940–1943 гг. помощник настоятеля, а в 1940 г. временно исполняющий должность настоятеля церкви Св. Иоанна Воина в Медоне под Парижем, в 1941–1942 гг. исполняющий должность настоятеля Троицкой церкви в Клиши, в 1943–1947 гг. настоятель церкви Рождества Богородицы в Пти-Кламаре; после смерти митрополита Евлогия выбрал юрисдикцию Московского патриархата, но потом снял с себя сан.

¹⁹ Гамрекели Владимир Лукич (1876–1960) — полковник, церковный деятель, бывший градоначальник Баку, в эмиграции в Париже, работал на фабрике, многолетний староста и псаломщик Свято-Троицкой церкви в Клиши под Парижем, член инициативной группы Союза помощи престарелым инвалидам; в 1950 г. уехал в Аргентину.

²⁰ См.: Мф. 24: 20.

²¹ Головина Ольга Евгеньевна (1873–1956) — медсестра, педагог, церковный деятель, в эмиграции во Франции, в 1925 г. основала в Брюнуа под Парижем приют для девочек; была директором русской школы княгини Ирины Павловны в Кенси-сюр-Сенар, активно участвовала в деятельности сестричества при Александро-Невском соборе, руководила хором девочек, после Второй мировой войны заведовала четверговой школой при Александро-Невском соборе.

²² В Розе-ан-Бри, в полутора часах езды от Парижа, прихожане Аньерского прихода арендовали усадьбу с огородом, в которой устроили общежитие для нуждающихся и дом отдыха для приезжающих прихожан с полумонашеским образом жизни (ежедневные литургии, совместные трапезы, молитва).

²³ От *фр.* bon — талон.

²⁴ Пьянов Федор Тимофеевич (1889–1969) — в эмиграции сначала в Югославии, Германии, с 1927 г. во Франции. Был одним из руководителей и секретарей РСХД, с 1935 г. участник «Православного дела» и один из ближайших помощников матери Марии; в 1943 г. был арестован гестапо за помощь евреям, содержался в Бухенвальде, в 1945 г. вернулся в Париж, перешел в юрисдикцию Московского патриархата.

²⁵ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — был послом Временного правительства во Франции и находился на положении посла до 1924 г., затем возглавил Офис по делам русских беженцев при французском Министерстве иностранных дел, председатель Русского эмигрантского комитета во Франции.

²⁶ Маршан Камиль (Marchand; 1873–1972) — с 1936 г. занимал пост генерального директора муниципальной полиции парижской префектуры, а в 1941 г. префекта полиции Парижа.

²⁷ «Ис полла эти деспота», т.е. «На многая лета, владыко» (*греч.*) — песнопение православного архиерейского богослужения.

**АРХИВНОЕ:
К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО ИСХОДА**

П.Е. Ковалевский

О ПОХИЩЕНИИ ГЕНЕРАЛА А.П. КУТЕПОВА
(ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ
С 27 ЯНВАРЯ ПО 24 ФЕВРАЛЯ 1930 г.)

*Публикация, вступительная статья и комментарии
Н.В. Ликвинцевой*

Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978) — историк, историограф и церковно-общественный деятель, автор книги «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)» [Ковалевский 1971], на которую до сих пор ссылаются все исследователи, занимающиеся историей и культурой русского зарубежья. Но начинает постепенно входить в научный оборот и еще один существенный пласт его творчества: дневники, которые П.Е. Ковалевский вел регулярно, большей частью ежедневно, начиная с 1918 г. и вплоть до глубокой старости. Эти интереснейшие записи стали настоящей летописью, раскрывающей современному читателю историю повседневности и культурную жизнь русского Парижа. На сегодняшний день опубликована лишь малая часть этого объемного наследия: том ранних дневников 1918–1922 гг., подготовленный Н.П. Копаневой [Ковалевский 2001]; сборник отрывков из дневников 1930–40-х гг. по церковно-исторической тематике, составленный Н.Г. Россом [Ковалевский 2014]; и небольшая подборка дневниковых записей за январь–февраль 1924 г., опубликованная нами в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019» [Ковалевский 2019].

Данная публикация тоже представляет собой небольшую подборку дневниковых записей (которые автор делает в этот период ежедневно, без пропусков) с 27 января по 24 февраля 1930 г. П.Е. Ковалевский в это время уже успел окончить в Париже историко-филологический факультет Сорбонны и защитить там в 1926 г. докторскую диссертацию на тему «Лесков, недооцененный бытописатель русской жизни». Петр Евграфович преподавал русский язык, литературу, историю и географию в лицее Мишле и латынь в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, работал в созданном и возглавляемом М.М. Федоровым Комитете по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, давал частные уроки. Больше всего наполняет дни Петра Евграфовича его церковно-общественная работа: с 1921 г. он иподьякон при Александро-Невском соборе на улице Дарю в Париже, заведует там штатом прислуживающих, бывает на службах почти каждый день и активно участвует в приходской и епархиальной жизни; он участник РСХД и Свято-Фоти-

евского братства. Живет Петр Евграфович в пригороде Парижа Медоне вместе со своей семьей: родителями — отцом Евграфом Петровичем Ковалевским (1865–1941), общественным и церковным деятелем, педагогом, разработавшим в свое время проект о всеобщем школьном образовании в Российской империи, и матерью Инной Владимировной Ковалевской, урожд. Стрекаловой (1877–1961), педагогом, — и с двумя младшими братьями — Максимом Евграфовичем Ковалевским (1903–1988), математиком и духовным композитором, и Евграфом Евграфовичем Ковалевским (1905–1970), иконописцем и церковным деятелем, впоследствии епископом Иоанном Сен-Денийским.

Выбор временных рамок для данной публикации дневниковых записей П.Е. Ковалевского не случаен: 26 января 1930 г. в Париже был похищен советскими спецслужбами председатель Русского общевойскового союза (РОВС) генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов (1882–1930). Он вышел воскресным утром из дома и направился привычным маршрутом в сторону Галлиполийской церкви, до которой так и не дошел, и больше генерала никто не видел. В газетах официальное сообщение о пропаже генерала появляется только 28 января. В дневниках П.Е. Ковалевского уже от 27 января мы читаем предположения автора, слушающего тревожные разговоры в русском Париже, о том, что трагедия случилась с кем-то из самых значимых людей эмиграции: либо с митрополитом Евлогием (Георгиевским), либо с А.П. Кутеповым, но митрополита Ковалевский в этот день видел, значит, вероятно, что-то стряслось с Кутеповым. Начиная с 29 января в большинстве эмигрантских и французских газет статьи о похищении генерала, о ходе следствия, о новых фактах и предположениях по делу о похищении становятся одной из главных тем для публикаций на первой полосе. В том, что это похищение и что тут замешаны советские спецслужбы, с самого начала почти никто не сомневается: Кутепов долго время заведовал частью РОВСа, занимавшейся организацией антисоветских акций на территории СССР. Историк военной эмиграции К.К. Семенов отмечает: «Все успехи боевиков советские спецслужбы связывали с именем А.П. Кутепова, кроме того, в военных кругах эмиграции он был признан безусловным лидером. Это стало главными причинами для физического устранения генерала» [Семенов 2011, с. 176].

П.Е. Ковалевский не принадлежал к военным кругам русского зарубежья, но тем рельефнее видно по его дневникам, как потрясло это событие рядовых эмигрантов, как на какой-то период для всех эта тема становится важнейшей и насущной, как вся зарубежная Россия переживает о судьбе генерала, гадает, жив ли он, есть ли еще возможность его спасти, как сочувствует его семье (жене и маленькому сыну), как потрясено не только эмигрантское сообщество, но и сами французы тем фактом, что прямо в Париже посреди бела дня можно бесследно похитить человека. Первые, самые значимые шаги полицейского расследования нашли свое отражение на страницах этих дневников: полученные через несколько

дней после похищения французским журналистом показания основного свидетеля, случайно увидевшего картину похищения из окна. В примечаниях к публикации мы приводим подробные выдержки из тех статей в эмигрантской и французской периодике, из которых можно составить более объемное представление о тех фактах и гипотезах, о которых пишет П.Е. Ковалевский, и лучше понять контекст его записей. Подробности смерти генерала Кутепова не известны до сих пор, хотя большинство историков сегодня убеждены в том, что генерал был убит советскими спецслужбами уже в сам момент похищения, вероятнее всего еще в машине, в которой его пытались вывезти из Парижа, и что скорее всего причиной смерти стала остановка сердца от введенной ему дозы наркотических веществ. Наиболее подробный отчет о всех перипетиях следствия, со ссылками на документы и опубликованные свидетельства очевидцев, можно прочесть в книге историка В.И. Голдина «Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века», в специальной главе, посвященной делу Кутепова [Голдин 2016, с. 69–166].

В данную публикацию вошли дневниковые записи П.Е. Ковалевского ровно за тот период, когда похищение Кутепова становится для него главным событием жизни: автор ведет дневник, как обычно отмечая все важные встречи и происшествия каждого прожитого дня, но каждый день обязательно появляется запись о Кутепове: о ходе следствия, о слышанных предположениях или выдвигаемых кем-то версиях, о реакции французов и политических последствиях этого события для Франции и эмиграции, появляются личные воспоминания о встречах с генералом, мысли о значении его деятельности для эмиграции и России, беспокойство за его судьбу.

Текст публикуется по авторизованной машинописи из архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, из фонда 69 «Семейный фонд Ковалевских», переданного в ДРЗ в 2004 г. в составе архива Общества охранения русских культурных ценностей Национальным архивом Франции и включающего в себя авторизованную машинопись текстов дневников за период 1918–1938 гг. (Архив ДРЗ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 25. Л. 14–47). Все записи предваряются датировкой по старому и по новому стилю, которая воспроизводится как в источнике. Иностранные слова вписаны автором в текст машинописи от руки. Переводы иностранных слов и выражений даются в постраничных сносках и выполнены публикатором. Текст публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации с сохранением особенностей авторской стилистики, сокращенные слова раскрываются в угловых скобках.

Наиболее полное архивное собрание дневников П.Е. Ковалевского хранится в католическом монастыре восточного обряда Воздвижения Креста Господня в Шеветонь (Бельгия), этому монастырю Петр Евграфович Ковалевский передал все права на публикацию своих дневников. Мы

приносим искреннюю благодарность настоятелю и братии Шеветоньского монастыря за любезно предоставленное разрешение на данную публикацию.

Сокращение

Архив ДРЗ — архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Литература

- Голдин 2016 — *Голдин В.И.* Генералов похищали в Париже: Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. М.: РИСИ, 2016.
- Ковалевский 1971 — *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж: Librairie des cinq Continents, 1971.
- Ковалевский 2001 — *Ковалевский П.Е.* Дневники. 1918–1922. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2001.
- Ковалевский 2014 — Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2014.
- Ковалевский 2019 — *Ковалевский П.Е.* Дневники (январь–февраль 1924) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. С. 85–118.
- Семенов 2011 — *Семенов К.К.* Русская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 170–189.

Понедельник, 14</27> января.

На Подворье видел Всеволода Палашковского¹. Он рассказывал много огорчительного о ниццкой жизни... Нашим очень тяжело живется, и они жаждут переезда в Париж, но ничего в виду еще не имеют, а впустую ехать опасно. — Еп<ископ> Вениамин² внес массу смущения, хотя к нему относятся снисходительно. Проповедь под Новый год о «любви к врагам» была очень неудачна. История с собором тоже всех взбудоражила, а главное, поставила Совет и Собрание в оппозицию. — Митрополит³ собирается ехать в Афины на конгресс и пробудет там до середины 1-й недели Великого поста. — «Возрождение» решило привлечь Коковцева, но он, вероятно, не пойдет в председатели Совета на место Львова. Отец воспользовался этой возможностью и просил В.Н. поставить условием своего участия поддержку Митрополита. Думаю, что удастся уломать Лукасова, а то слишком трудно защищать церковные интересы в «Возрождении»⁴. — Упорно говорят о переходе Г. Цебрикова в католичество⁵. Мне это кажется настолько странным, что не верю сведениям. — В Медоне такое хорошее состояние прихода, что началась уплата за землю. — Днем меня спрашивает М.Н.: «Знаете ли Вы?» — «Что?» — говорю. —

Нет ответа, вижу, что многие чем-то взволнованы. Из расспросов выясняется, что случилось что-то, что имеет значение для всей эмиграции, и очень неприятное, но что оно не вполне проверено. То же говорят военные. Но что могло бы это быть? Все видные люди умерли: теперь для эмиграции имеют значение только два: Митрополит и Кутепов. Митрополит был на Епарх<иальном> совете, значит, что-то случилось с Кутеповым. Но от неопределенности еще более тягостно. Вечером только и разговоры об этом. Уныло, тошно, тягуче. Чувствуешь себя опять в сов<етской> России, когда не знаешь, доживешь ли до утра.

Вторник. 15/28 января.

Встаем утром — опасения сбылись: случилось несчастье именно с Кутеповым. Как-то не верится, что такого нужного и единственного человека не сберегли. В воскресенье утром он вышел из дома и больше не вернулся. Предположения самые тяжелые. Все почти уверены, что он убит и захвачен большевиками. Мне лично кажется, что он уехал, так как не хочется верить, что непоправимое произошло. Возрождение печатает приказ ген<ерала> Миллера, который принял командование, и просит всех помочь в розысках⁶. Французские газеты пишут мало⁷, но днем, с 12, начинается общее волнение. Меня захватывает волна пессимизма, хотя стараешься сам себя утешать. В Подворье все удручены, спрашивают о новостях. Вечером в Комитете⁸ — сплошная волна людей, ищущих чего-нибудь определенного: но что же можно дать определенного? Ген<ерал> Кутепов не берег себя, а его не берегли. Слишком часто он ходил на конспиративные собрания и свидания, и при нем не было постоянного спутника. Как всегда, мы думаем обо всем слишком поздно. Только когда Кутепова больше нет между нами, мы поняли, что потеряли, и видим, что ничего не делали, чтобы его сохранить. Русские уверены, что удалось его увезти благодаря предательству одного из офицеров-шоферов. Другие думают, что Кутепова завлекли в засаду и убили. Бедная жена только что перенесла операцию рака в груди и теперь, несмотря на страшную тревогу, не теряет самообладания. В Париже весть произвела ошеломляющее впечатление. Рабочие с Рено ушли с работы, на Mademoiselle⁹ толпами приходят за справками, все предлагают свою помощь, и видно, что вырвали сердцевину. Был утром на Rousselet, улица узкая, с массой закоулков. Возможно, что покушение произошло именно здесь. На rue de Sevres слишком шумно и людно¹⁰. В Национальном комитете уже разговоры о преемнике. Говорят о ген<ерале> Деникине¹¹, но его уже нет: остался лишь бывший человек, а роль вождя уже сыграна. Заменить Кутепова некем, в этом весь трагизм. На Шамперр¹² тоже подавленное настроение. Узнал некоторые подробности. Полиция осведомлена хорошо, но весь вопрос в том, захочет ли она действовать энергично. Sureté Générale^{1*} уверена, что Кутепов уехал по своей воле, и это задерживает сильно расследование. Киапш сам руководит делом¹³, но параллельно с данными о похищении раскрылась целая сеть большевистской агентуры, охватившей многих людей общества, половина из них — титулованные, которые являются косвенными агентами ГПУ. В Париже находится целая серия настоящих

^{1*} Охранная полиция Франции «Сюрте женераль» («Общественная безопасность») (фр.).

агентов, которые под разными предложениями ссужают деньги русским, главным образом за счет будущих благ, и получают от них все сведения. Многие из светских людей проявляли в последнее время невозможную легкомысленность. — Вечером отец привез новые подробности. Выясняются две возможности: или Кутепова посадили в такси на rue de Sevres^{2*}, обманув его провокационной запиской, или он был захвачен на rue Rousselet^{3*}. Вот как объясняют последнюю возможность. Напротив дома постоянно находились большевистские агенты в кафе, которые наняли также гараж около дома Кутепова. За несколько дней до воскресенья генерал рассказывал, что его сняли с двух сторон: из кафе и гаража (?)¹⁴. Само покушение представляется так. Рассчитав точно до $\frac{1}{10}$ секунды, благодаря фотографии, время прохождения Кутепова от гаража до подъезда, агенты выжидали его появления. Когда из кафе увидели, что он вышел, то дали знак в гараж, и в условленный момент оттуда выехал автомобиль, преградивший дорогу Кутепову. Дальнейшее было также предусмотрено. Если бы автомобиль ехал быстро, то генерал обождал бы на тротуаре; если бы он остановился, то естественно было бы обойти его по мостовой, поэтому такси выехал до конца тротуара и начал медленно двигаться к середине улицы. Тогда инстинктивно Кутепов повернул направо, автомобиль немедленно остановился, и генералу пришлось обойти его, зайдя под арку гаража (темной дыры), где его с двух сторон ударили по голове. Такси отъехал два шага назад. Кутепова в бессознательном состоянии положили в автомобиль и увезли. Никаких доказательств, кроме правдоподобностей, впрочем, этот рассказ за собой не имеет. Киапп утверждает, с другой стороны, что, во всяком случае, Кутепова на Grenelle не отвезли¹⁵ и что его там нет сейчас. Выясняются также подробности покушения, которое готовилось латышами в Канн¹⁶. Очень, очень неудачно и даже просто возмутительно, что дело ген<ерала> Кутепова поручено в «Возрождении» Божанову, секр<етарю> Сталина, а в «Посл<едних> новостях» — Беседовскому¹⁷. Их можно было использовать, но надругаться над русскими было ни к чему. Вчера военные, приносившие показания и свидетельства, должны были давать их бывшему комиссару. Мы звонили несколько раз в «Возрождение», но так ничего и не добились. В церкви галлиполийцев молебен, — собралось очень много народа.

Среда, 16/29 января.

С утра настроение серое: ничего нового, кроме слухов. Ген<ерал> Миллер принял на себя возглавление ради сохранения преемственности по настоянию «Возрождения» и РДО. Его приказ был написан в 10 ч. веч<ера>, а утром уже напечатан. Вчера кончился процесс Литвинова. Французы признали виновным сов<етское> правительство, а Кампинчи и Моро Жиафферери не пожалели сильных эпитетов по адресу Москвы¹⁸. Общественное мнение Франции пробуждается. Сегодня все газеты, кроме левых, печатают большие статьи с фотографиями о Кутепове. Liberté заполняет материалом половину первой страницы¹⁹. Говорят, что у Кутепова было так мало денег, что он не мог содержать себе адъютанта, который

^{2*} Улица Севр (фр.).

^{3*} Улице Русселе (фр.).

мог бы с ним ходить. Не позор ли это для русских? Днем встретил Носовича²⁰. Он уверен, что увоз произведен при помощи изменника, и он берется вести расследование с русской стороны. В Комитете весь день спрашивают о новостях. Важно, что Кутепов оставил записную книжку дома, значит, он шел не только в церковь, но на важное свидание. Постепенно выясняется, что он не был захвачен на rue Rousselet, а дошел до rue de Sevres и кого-то ждал на углу бульвара Инвалидов. Французы заинтересованы все, и отношение к русским значительно улучшилось. Газеты расхватываются повсюду и на улицах только и говорят о Кутепове. Sureté Générale все настаивает на побеге или, в крайнем случае, на увезении из Франции. Видно, ей не хочется заниматься этим делом. Киапп, хотя и заинтересован, но тоже не прочь замять все дело. Тардье же из Лондона телеграфно расспрашивает о деле²¹. — Сегодня собрались военные чины на Mademoiselle, чтобы обсудить дело и выработать способы отыскания Кутепова²². Собрание у Коли Федорова, доклад-дневник Лаптевой²³. Очень наивно, но живо и интересно.

Четверг, 17/30 января.

Вполне подтверждается, что Кутепов, действительно, увезен. У меня настроение совсем упало: не хочется бороться и жить. Долго ли продлится эта слабость, не знаю. Весь день беспросветен. Только вечером — неожиданное сообщение о показании свидетеля, уборщика из клиники на St Jean de Dieu^{4*}, присутствовавшего при похищении. Оказывается, оно было произведено при посредстве передетого «полицейского» и двух «агентов» Сюрте²⁴. Сегодня вечером даже полиция уже не верит в побег и в распространяемые левыми газетами клеветы о деньгах и романах. На публичном собрании Фотиевского братства²⁵ большое оживление. Пришло около 50 человек, разговоры только о Кутепове и о последствиях похищения. До начала собрания кружок из гр. Орлова-Давыдова, адм. Типпольта и др., взвешивавших показания служителя²⁶. Я не мог быть на докладе, но говорят, что Евграф и Володя Лосский говорили очень хорошо о французском православии и православии во Франции, а что père Gillet^{5*} всех ошарашил своими скептически-реформаторскими идеями²⁷. Графиня Коновницына²⁸, которую я провожал домой, говорила, что создалось впечатление, будто все сказанное было опрокинуто и стало бесполезным. Провожали В.К. Недельского и В.М. Каменского, едущих в Ковно в православную семинарию, устроенную митр<ополитом> Елевферием²⁹. Собралось человек 30; поднесли икону и горячо приветствовали отъезжающих. К собранию не попал и застал лишь «достойно есть»³⁰. Вечером говорили, что собрано 50 000 между офицерами и рабочими и что начинается сыск и процесс «contre X»^{6*}, что, несомненно, облегчит работу. Все уверены, что Сюрте имеет уже сведения, но даст ли она их — неизвестно. Повторяют также имена, из которых одно — важного генерала, помощника Врангеля.

^{4*} Клиника Сен-Жан-де-Дьё (св. Иоанна Божия) (фр.).

^{5*} Отец Жилле (фр.).

^{6*} Против X (фр.).

Пятница, 31/18 января.

Газеты говорят, что найдены следы, что, несомненно, в похищении участвовали агенты, но вообще никто ничего не знает³¹. Из России — самые горестные сведения: говорят, что взорвали Чудов монастырь, несомненно, разрушили тифлисский собор и Десятинную церковь в Киеве. Пусто становится и страшно кругом. Чувствуешь себя и в Париже не по себе. В Царицыне разнесен Екатерининский музей, а вещи сожжены на площади (?). Тут уж только вандализм! К завтраку у нас старушка Гюльцгоф. Рассказывала много о Харькове. Лапочка (Е.М. Лапчинская) жива и живет с матерью; у них обедает также Клара Петровна (Богачева). Данилевские умерли — и муж, и жена. Жизнь тяжелая, ничего нет. Вспомнили дни входа добровольцев³². Какие это были дни! Прямо больно думать, что все мы упустили, а какое было тогда воодушевление и героísmo. Вечером — рождение Ирины. Собрались все к 7 на Custine^{7*}. Из Ниццы сообщают, что вся история с собором — сплошной вздор. Дело должно было обсуждаться в общественном собрании, и мог произойти скандал, так как все взвинчены, но архиепископ не допустил прений, и все сошло, в Комиссию выбрали оппозиционеров, так что теперь дело будет положено под сукно. — Днем — обыск у Игнатьева, но ничего не нашли, так как надо делать их у агентов, а не у сов<етских> служащих³³. — Умер проф<ессор> Сергей Васильевич Булгаков³⁴. Царство ему Небесное!

Суббота, 19 января / 1 февраля.

Утром получили известие о смерти после операции Mme Бесси³⁵. Последние годы она постоянно болела, и у ней был, несомненно, рак. Летом, когда я был у них, она ободрилась, оживилась и как бы чувствовала себя вновь хорошо. Бедный Baptiste, как он переживет эту утрату. Бесси, все трое, считались у нас уже не служащими, а родными, ведь старики верой и правдой хранили нашу виллу около сорока лет. Царство ей Небесное! — Владыка был вчера у Лидии Давы<довны> Кутеповой³⁶ и утешал ее в ее горе. Были за эти дни о. Порфирий, о. Иаков и о. Георгий. — Теперь несомненны две версии: 1) Кутепов в тот же день увезен в Россию, 2) он еще жив и находится где-нибудь около Парижа. Газеты Liberté, Echo de Paris и Victoire требуют обыска на Гренелль и разрыва с большевиками³⁷. Сегодня возвращается Тардье. Он единственный, который вполне заинтересован в розыске, так как это может послужить ему поводом к разрыву и укрепить его силу. Но решится ли он на этот шаг? В понедельник приезжает Пуанкаре³⁸, который может его поддержать морально. Решающий день будет послезавтра. Сюртэ и полиция вновь начали работать усерднее. Весь день призывы идти на Гренелль, которые удаются с трудом парализовать, так как нападение теперь, кроме вреда, ничего не может дать. Ходят по городу слухи из французских источников о Кутепове, но это так страшно, что я всем говорю, что это не может быть. Так легко можно оклеветать человека. Вечером решили сделать демонстрацию у Триумфальной арки и возложить венки на Могилу Неизвестного Солдата в знак уверенности в французской справедливости и для протеста против увезения Кутепова. — В Лицее проходили

^{7*} <Улица> Кюстин (фр.).

Жуковского, читал им отдельные стихотворения и показывал портреты и рисунки той эпохи. Переводили Ремарка и писали грамматические упражнения³⁹. — На Дарю опоздал из-за множества работы, застал бегающего Гребенщикова и Пантелеймона⁴⁰ и никого из прислуживающих. На Шамперрэ спокойнее и есть большая уверенность в хорошем исходе.

Воскресенье, 2 февраля / 20 января.

Именины матери⁴¹. На Дарю такая давка, что давно не видана. Нас заперли в алтаре. Толпа вырвала вешалку в пономарке и унесла пальто, которые пришлось спешно выуживать и побросать в шкаф. Был молебен о здравии воина Александра и об освобождении его от уз и панихида по государе и всем умученным в смуте. Внизу и наверху — ни одного уголка, даже во дворе много народа. Вел. кн. Ксения Александровна⁴² стояла в толпе в пономарке. Днем — семейный завтрак. Мать превзошла себя и сделала исключительные блюда: куриный суп, курник с цыплятами и белыми грибами и сладкое. Гостей хотя не звали, но пришло человек 30: проф. Анциферов, Е.П. Анциферова, Г.В. Флоровский, генерал В.Н. Тарановский, матушка М.А. Смирнова, А.Ф. Фидлер, Т. Цветковская, о. Лев Жиллэ, В. Лосский, Г. Морозов, И. Ненюкова, А. Угримов, Н. Кедров, В. Палашковский, Теплова К., Теплов Гриша, Бюцов Вл., Н. Полторацкий, Католинская-Кост, Юрий Арсеньев, Нат. Браун, Леонтьева Е.П., Леонтьев М.Е., Малинин, Буренин, Герман, Чернышева, Ел. Андр. <нрзб>ва^{8*}, много молодежи, масса цветов и пирогов. Ксана, Всеволод и Коля Полторацкий остались к ужину⁴³. — К вечеру выяснилось, что дело по розыску генерала Кутепова сильно подвинулось, найдены следы его местонахождения. — Проходил мимо Могилы Неизвестного Солдата, но был единственным «манифестантом».

Понедельник, 3 февраля / 21 января.

Именины Максима. День свадьбы. 29 лет⁴⁴. Вчера работал до 2 часов ночи. Переутомился до отказа, сплю и едва двигаюсь. В Подворье — разговоры о Кутепове. Вчера манифестация не удалась, так как узнали вовремя, что большинство от Триумфальной арки собиралось идти громить Гренелль. Camelots du Roi сделали *chaht*^{9*}, но все кончилось участком, а серьезные манифестанты столкнулись с 2000 войск и жандармерии, охраняющих Гренелль⁴⁵. Население единодушно и требует обыска и изгнания большевиков. Днем стало известно, что коммунисты хотят порвать (?) с Францией из-за поддержки контрреволюционеров и что Довгалецкий⁴⁶ будет сегодня вечером у Тарды и будет сообщать ему об отъезде и вывозе советского имущества (!?). Уверенность, что Кутепов жив, сильнее, но, к сожалению, в полиции почти уверены в невозможности его достать живым. В Комитете все время оживленные разговоры. Один человек выразил порицание Владыке, ссылаясь на Медонское письмо и обращение Толстого-Милославского⁴⁷. Пришлось очень решительно возразить, и, кажется, с пользой для дела, ибо пыл

^{8*} Фамилия приписана от руки на полях.

^{9*} шум-гам, возня (*фр.*).

сейчас же у него пропал. Вечером говорят, что найдены все следы, но что полиция молчит, боясь шумихой испортить все дело.

Вторник, 4 февраля / 22 января.

Рождение матери. На днях получили письмо от Ник<олая> Ник<олаевича> Харина, сообщающее, что у Маруси родился потомок (в Нью-Йорке)⁴⁸. — Утром считают, что поиски Сюртэ не удались. Если и есть следы, то очень неопределенные. Почти все уверены, что Кутепов еще жив, но где находится — неизвестно. Боятся только, что живым достать его будет невозможно. Политическое положение выясняется. Тардые настроен решительно, но осторожно, боится, что и в пятницу не будет обсуждения в Палате. Сулье⁴⁹ спросил его об отношении к большевикам, но тот ответил, что, пока не найдет доказательств участия Гренелль в похищении, сделать он ничего не может. Все же думается, что некоторые депутаты заставят выяснить этот вопрос. Послал сегодня Dumat⁵⁰, который делает запрос, материалы по обыску в харбинском консульстве. Днем очень интересный разговор с муниципальным советником 5-го аррондисмана. Он настроен воинственно, считает, что надо разнести Гренелль, что $\frac{9}{10}$ общественного мнения будет в этом вопросе за правительство и что нельзя терять ни минуты. Очень важный факт произошел вчера. Поль Буайе⁵¹, глава советизирующих французов и самый осведомленный человек в отношении России, собрал своих слушателей и сказал им, что большевики changeront bientôt, ils devront s'en aller^{10*}. Вывод: в еврейских кругах ликвидация Коминтерна уже решена. — Вечером в Шамперрэ. Урок и беседа до ночи.

Среда, 5 февраля / 23 января.

«Эко» помещает изображение иконы, подаренной Жану Деляжу в благодарность за его труды по отысканию Кутепова⁵². Вечером «Либертэ» требует похода на Гренелль и созывает митинг в Сосьете Савант на вторник⁵³. Полиция, видимо, запуталась и не может найти следов. Подтвердились слухи о Цебрикове: он в Риме и перешел в католичество. Невозможно объяснить этого предательства. Ничто не предвещало измены своей Церкви и Пастырю, а главное — без предупреждения Митрополита бросить паству — это просто ужасный грех. Евграф уехал в Страсбург, куда его вызвали на службу. Его провожал Всеволод⁵⁴, который провел поэтому вечер в Медоне. — Теперь, когда прошли первые тяжелые дни, хочется записать несколько личных воспоминаний об Александре Павловиче Кутепове.

Харьков, конец ноября 1919 года. Город накануне сдачи. Большевики в 30 верстах, защищаться уже нельзя, мороз 15 градусов, с фронта везут замерзших добровольцев, а в городе последние отблески пира во время чумы, пьянство, разгул. Иду по Николаевской площади, навстречу автомобиль, в нем — в красной форме с малиновой фуражкой Кутепов. При его приближении все приходит в волнение, беспорядок прячется куда-то, к людям возвращается надежда. На следующий день — разгар эвакуации, вокзал забит, поезда берутся штурмом, добровольцы

^{10*} Скоро изменятся, им придется уйти (фр.).

превратились в большевиков, ни одного честного лица. На платформе показывается Кутепов. Он проходит взад и вперед по беспорядочной толпе, и чувствуется, что в одном этом человеке — сила, противостоящая заливающему все кругом злу.

Париж. Генерал Кутепов вызван, чтобы работать при великом князе. Он силой своей воли превратил галлополийское стадо в дисциплинированный корпус, он восстановил воинский дух и возвратил солдатам и офицерам имя честных людей, вырвав их из состояния беженцев. В первый раз вижу его в посольстве на rue Grenelle, еще принадлежащем России. Лекция проф<ессора> Тесленко⁵⁵ о советском праве, на которую приглашены все видные люди. Лектор остроумно в течение двух часов доказывает неприменимость и изуверство советского законодательства; ген<ерал> Кутепов сидит рядом со мной на диване сзади и дремлет, потом он не выдерживает и поспешно выходит, и мы слышим, как он говорит: «Им надо еще убеждать себя в гибельности большевизма и ужасаться его проявлениям, а мы знаем только одно, мы убеждены, что идем правым путем и что единственное дело, которое теперь перед нами, — это бороться не покладая рук за Россию».

Снова Париж. Иду в Страстную пятницу полтора года назад из церкви домой. Уже 4 часа, надо успеть к вечерней службе. На Friedland^{11*} навстречу идет Кутепов, а рядом с ним шагает сын, которому только 3 года. Я удивляюсь, что ребенок тоже взят на службу. «На выносе слишком большая давка, — говорит генерал: мы идем сейчас к плащанице, когда стало свободней. Надо, чтобы будущий воин привыкал в святые дни быть в церкви».

Вновь на Дарю, за неделю до похищения. Ген<ерал> Кутепов стоит на своем месте и усердно молится. Он сосредоточен и вникает во все слова молитв.

А вот и другой образ. С месяц назад, возвращаясь в 12 часов ночи от одного собрания. На пустынной набережной вижу быстро идущую мне навстречу фигуру: она махает руками, и видно, что что-то сильно внутренне его занимает. Темнота почти полная, но все же достаточно видно, чтобы узнать Кутепова при свете фонарей. Он — радостный, вдохновенный, здоровается со мной как-то особенно весело. «Как можно так поздно идти одному по Парижу?» — мелькает у меня в голове, и на следующий же день я рассказываю его друзьям о своих опасениях.

Вот он, русский витязь, строгий иногда до жестокости, но честный и прямой беспредельно, с железной волей и ясным стремлением к единой цели и в то же время — глубоко верующий и примерный семьянин.

Четверг, 6 февраля / 24 января.

Жизнь начинает заглушать события, особенно в те дни, когда занят до позднего вечера. Днем был у Звегинцовых. У них, как повсюду, — уныло. — В Лицее работа усердная. Проходим Грибоедова. Даже Grehaut⁵⁶ и тот обеспокоен пропажей ген<ерала> Кутепова. После Комитета поздравлял именинниц.

^{11*} <Авеню де> Фридланд (фр.).

Пятница, 7 февраля / 25 января.

Утром — панихида по адм<ирале> Колчаке. Собралось очень мало народа: только официальные представители, почти все адмиралы, ген<ерал> Миллер и высшие военные чины. Был Слава, которому выражал чувство соболезнования. Вдовы не было, она служила панихиду на С<ент>-Женевьев⁵⁷. В деле ген<ерала> Кутепова намечаются новые следы. К сожалению, местные русские люди во главе с полк<овником> Людоговским⁵⁸ поздно взялись за дело. Что можно сделать через неделю после исчезновения? Ездил к разным редакторам газет по делу Кутепова. Всюду принимают очень любезно; видно, что интерес к делу большой. У Отманов полное «desarroi»^{12*}. Сережа совершенно toqué^{13*}, не выходит и считает, что в нем — нечистый дух. Мария Ивановна в отчаянии⁵⁹, не знает, что делать. В Шавиле обсуждали энергичные действия по поводу приближения пятилетия Братства⁶⁰ и связанных с ним церемоний.

Суббота 8 февраля / 26 января.

Принес громадную карту России в Лицей, разложили ее на полу, и изучали географию России. А то в прошлый урок истории, когда я спросил, где Тверь, ответы варьировались — от Урала до Орла. На Дарю пусто (в алтаре), прислуживал один, и читал шестопсалмие, и выходил на Евангелие. Отец привез массу новостей. Днем был завтрак, который устроил Сенютович⁶¹ в честь Митрополита, где с ним хотел познакомиться Гукасов, который до сих пор знал о нем только отвлеченно (он армяно-григорианин). Роскошь была необыкновенная, но цель оказалась недостигнутой, так как перед обедом гр<аф> В.Н. Коковцев⁶² начал рассказывать о русских финансах и кончил свой рассказ в момент разъезда. Сенютович сделал все, чтобы почтить Митрополита, поехал сам за ним на автомобиле и посадил на почетное место. — Ввиду утверждения слухов о том, что Тальберг — главный работник и творец раскола — в сношении с большевиками, Крупенский собрал совещание, на котором должен был обелить его и Лохвицкого. Пришли только Бурцев, Гулевич и Лохвицкий⁶³. Заседание не состоялось, но Крупенский не выдержал и по своей наивности официально заявил, что Тальберг действительно находится в общении с большевиками, но дает им ложные сведения (?!).

Воскресенье, 9 февраля / 27 января.

После литургии — молебен св. Иоанну Златоусту. Михаил в первый раз облачал со мной Владыку на Дарю. Иподьяконствовал Сергей, а Николай выносил омофор. Выясняются ужасные подробности убийства морских офицеров, которых согнали на финляндской границе и расстреляли из пулеметов. В 5 часов был с отцом на собрании протеста в помещении «Oratoire du Louvre»^{14*} — центре французского кальвинизма, где погребен ген<ерал> Колины⁶⁴. Собрание вылилось в грандиозный призыв к крестовому походу против гонителей и собрало

^{12*} Смятение, замешательство (фр.).

^{13*} Помешанный, чокнутый (фр.).

^{14*} Досл.: часовня Лувра (фр.), протестантский храм Оратуар дю Лувр.

2500 человек. Уже до начала нельзя было войти в зал. Все проходы, лестница и ложи были наполнены людьми. Немного после 5 при звуках органа вошли почетные лица. Впереди — Митрополит и Pasteur Boegner⁶⁵, за ними — 8 православных священников, пастыри, депутаты, сенаторы, профессора и представители финансов, промышленности и духовных организаций. Митрополита посадили против кафедры, находящейся в середине зала над деревянным столом с раскрытой на нем книгой. Никаких украшений, даже распятия, как у лютеран. Представителя великого раввина, о. Сергия Булгакова, о. Иоанна Смирнова, о. Н. Сахарова, о. А. Калашникова⁶⁶ посадили тоже по первому ряду. Сзади, на 4-м и 5-м рядах — Ed. Soulier, député de Paris^{15*}, Hottinguer, глава банкирского дома, Эмиль Нобель, Пейрон — ген. Армии спасения⁶⁷ и др. Присутствующие — все более старики, преобладают мужчины. Первым говорит старик Аппиа. Он читает отрывки из Свящ. Писания и молитву. Хор Афонского при участии Запорожца⁶⁸ исполняет концерт: «Господи, услыши молитву мою». Все напряженно слушают. Поднимается на кафедру Бегнер и раскрывает перед всеми страшную картину гонений в России. Заявив, что собрание это — вне всяких партий или партийных интересов, и прибавив, что если Бог сотворит чудо и слепые богоборцы прозреют, то протестанты не будут продолжать вести против них борьбы, начинает с разъяснения того ужасного плана битвы, который разработан коммунистами, стремящимися уничтожить всякую веру и всякую мораль. Сжато, ясно и убедительно он показывает, какими усовершенствованными способами ведется пропаганда, как внедряются в умы людей богоборческие мысли и чувства, какое количество антирелигиозной литературы издается, как преследуется духовенство, как оно лишается всяких прав и пропитания, как ссылается на север. Указав на несколько примеров необычайной стойкости и исповедничества православного духовенства, нарисовал картину ужасов, творящихся в Соловках, он читает выдержки из нового советского законодательства, предписывающие безбожие, и цитирует несколько слов из Сталина и Луначарского⁶⁹ по тому же вопросу. Теперь церкви не только закрываются, они разрушаются, взрываются и оскверняются. Запрещено праздновать воскресенье, которое совсем уничтожено!! Сравните наше спокойное житие и мирно проведенное Рождество в кругу нашей семьи с тем кошмаром, который творится в коммунистической России. Если вы не хотите, чтобы у вас было то же самое, то поднимите ваши голоса, заставьте замолчать безбожную пропаганду и прекратить гонения! Проф<ессор> Henri Monnier⁷⁰, один из самых авторитетных протестантских ученых, выходит вслед за Бегнером на кафедру. Хор исполняет «Со святыми упокой». Вся церковь встает и прослушивает молитву в тишине. Монье говорит, что он пришел сделать вывод из того, на что указали его предшественники: «Вы думаете, что, выслушав сегодня наши речи, вы исполнили свой долг. Нет, с сегодняшнего дня мы должны начать крестовый поход против безбожия, царящего в России, и мы окончим его только тогда, когда вновь будет восстановлена свобода и прекращены гонения. Но как мы можем бороться с безбожием? Всей нашей деятельностью. Мы будем стучать по эту сторону стены, и они

^{15*} Депутат Парижа (фр.).

должны услышать с той стороны. Вот я вижу перед собой представителя крупной промышленности, который несколько дней тому назад сказал, что деньги есть деньги и что можно покупать нефть у большевиков. Я говорю ему, что если он ценит имя протестанта, то должен немедленно прекратить всякое общение с ними, ибо он не должен забывать, что поддерживает гонителей веры. Вот, передо мной другие представители (обращаясь к Армии спасения и к левым группам), которые имеют возможность общаться с рабочей средой. Они должны завтра же идти на фабрики и заводы и разъяснить всем, что коммунисты их обманывают, что, идя за ними, рабочие готовят свою собственную материальную и моральную гибель. Наша традиция — защищать гонимых. Мы добились свободы для католиков на Мадагаскаре, для протестантов — в Аннаме. Мы добьемся свободы веры и в России. У нас есть сила и деньги, и с сегодняшнего дня мы должны все встать как один человек, поднять общественное мнение и правительство против Неронов и Диоклетианов⁷¹».

Пастор Бертран в вдохновенной молитве о мучениках веры поднял настолько настроение присутствовавших, что многие плакали и чувствовалось, что слова, произнесенные сегодня, не прошли для большинства даром. Владыку проводили торжественно, но на крыльце *huissier*^{16*} сказал Михаилу: «*Vous connaissez bien la voiture de Monseigneur, voulez le guider...*»^{17*} Михаил пошел и достал такси, не без труда, так как вся улица была запружена народом и экипажами. Право, совестно, что до сих пор мы все не удосужились устроить постоянное автомобильное дежурство для Митрополита.

Сегодня днем в Венсене произошли прискорбные события. Недовольная скачками публика, превратившаяся под влиянием 4 провокаторов в бессмысленную толпу, бросилась на *relouse*^{18*}, разрушила все сооружения, разбила и сожгла будки пари и подожгла здания. Когда же конная полиция принялась за разгон, она была забросана досками, стульями и камнями. Как легко настроить толпу, даже самую культурную, и как беспокойно теперь настроена масса. Становится жутко, когда слышишь подобные факты. Ведь коммунисты смогут использовать буржуазную толпу в своих целях и легко получают перевес, особенно если полиция не очень верна.

Вечером — праздник св. Саввы, устроенный сербской колонией. Сперва — освящение жита отцом Иаковом и сербским дьяконом, потом — речи Dieŕя, говорил об Омани и его роли в Сербии, *Barthelemy (Doyen de la Faculté de Droit*^{19*}) о Сербии, Спайлаковича и сербских студентов. Министр передал Почетный легион старшине сербской колонии, а после этого был прекрасный концерт и бал, с которого я ушел. Русских — почти никого^{20*}. Маклаков, который только забежал⁷². — В общем — мило и уютно.

^{16*} Привратник (*фр.*).

^{17*} «Вы хорошо знаете автомобиль его Преосвященства, проводите его...» (*фр.*).

^{18*} Газон; дешевые места на ипподроме (*фр.*).

^{19*} Декан юридического факультета (*фр.*).

^{20*} Далее в маш. зачеркнуто: «Кедрин, не вполне трезвый».

Понедельник, 10 февраля / 28 января.

Полиция сообщила, что она окончила свое дело, передала все суду и не думает, что удастся найти Кутепова. В разговоре с генералом Миллером Киапп высказал прискорбную мысль, что, как ни старалась полиция и Сюртэ, но проникнуть в тайники коммунистической партии им не удалось, и она там агентов не имеет. — Весь день урывками пишу статью об Ф.Б. и кое-что о протестантском митинге. В Лондоне была торжественная служба, о. Николай произнес слово, и англичане восчувствовали позор своего молчания. В Париже расклеены громадные, в человеческий рост, прокламации с требованием возвратить Кутепова и изгнать большевиков. Против Нац<ионального> комитета со вчерашнего дня стоит агент^{21*} и наблюдает за входами и выходами. — После службы заезжал к Сабуровым, но застал только бабушку⁷³, которая слаба и сильно сдала за последнее время.

Вторник, 11 февраля / 29 января.

Aumard в «Liberté» написал такую передовицу, что слова, произносимые М.М. Федоровым, по сравнению с нею — ничто: он ставит все точки над I и требует немедленных действий правительства⁷⁴. Днем, как всегда, служба, беседы, разговоры. Вечером молебен по случаю 5-летия Фотиевского братства. Мало присутствующих, но хор хороший. Потом — краткое собрание в кафе. — На митинг «Liberté» собралось такое количество людей, что тысяч 5 осталось наружи. Я приехал в 8 вместе с генералом Тарановским, когда вся улица была полна, а хвост шел до Danton'a (метро). Русских — $\frac{3}{4}$, но есть и французы, которые попали в большинстве в зал. Настроение повышенное. Видел в хвосте всех военных и пожал не менее 300 рук. Jeunesses Patriotes^{22*} подходила несколько раз⁷⁵ en rangs serrés, mais étaient refoulés^{23*} к бульвару С<ен>-Жермэн. Человек 150 из них с криками: à mort Dvougalevsky, à bas les Soviets^{24*}, дошли почти до Греннель, которая охранялась усердно, а оттуда — к Бурбонскому дворцу. В зале давка невозможная. Все единодушны, только один нашел храбрость протестовать, и его с трудом спасли от самосуда. Речи, особенно Dumat, были исключительные и душещипательные, потом показывали фильм с ужасами расстрелов.

Среда, 12 февраля / 30 января.

Трех святителей. Попал в храм и смог простоять с $\frac{1}{4}$ часа. Настроение сразу лучшее и более уравновешенное. Днем на службу заходил Лоллий Иванович Львов и просил спешно составить заметку о протестантском собрании для России и Славянства, поэтому вечером приготовил статью с объяснением положения протестантства⁷⁶.

^{21*} Полицейский (фр.).

^{22*} Юные патриоты (фр.).

^{23*} Сомкнутым строем, но их оттеснили (фр.).

^{24*} Смерть Довгалевскому, долой Советы (фр.).

Четверг, 13 февраля / 31 января.

В Лицее — один, справиться трудно. Дал маленьким упражнение, а со старшими писал диктовку и говорил о Сибири. Рассказывал им о работах Глинки и Переселенческого управления⁷⁷. Л.И. Львов вновь заходил и взял статью. У него радужные мысли насчет будущего. В «Россия и Славянство» теперь будет редакционный комитет, в который войдут Г. Струве, К. Зайцев⁷⁸, Львов и еще два человека, так что дело разовьется и окрепнет. — Вечером — совет, разработка одежды и программа собрания на 6 февраля ст. ст.

Пятница, 1/14 февраля.

Появилась моя статья⁷⁹, но сокращенная сильно и со странными изменениями об «*еугеге*^{25*} большевиков» и с новыми «конечно» перед духовенством. Утром — панихида по Гр. Ник. Трубецкому⁸⁰. Уже 40 дней его смерти. Ходят слухи, что большевики хотят взорвать харьковский собор: но какой? Кафедральный, Благовещенский или Никольский? Страшно становится при мысли о таких святотатствах и невыносимо тоскливо. Вечером — торжественная всенощная. Народа очень много, торжественно и хорошо.

Суббота, 2/15 февраля. Сретение Господне.

Хотя будний день, но прислуживающих очень много: выносили даже отдельно омофор и митру. Служба была очень величественна. Приехал Гавриил Константинович, рад своему возвращению в Париж. В Берлине — кризис, и финансовые дела плохи, здесь же можно устроиться. Провожал его и княгиню⁸¹ до Этуаль, на каждом шагу приходилось останавливаться, так как встречались старые знакомые. Днем — дома, потом — всенощная, Шамперрэ, Сабуровы, Шидловские, у которых засиделся до 12 ночи.

Воскресенье, 2/16 февраля.

Неожиданно Владыка отменил службу на Подворье и был на Дарю, где служил литургию и панихиду по вел. князьям Владимире Александровиче (20 лет), Сергее Александровиче (25 лет убиения) и атамане Каледине. Был в. кн. Андрей Владимирович⁸² и весь Париж. Днем — прием у Коковцевых. Масса угощений, цветов и толпа людей. Заезжал к M-me Naumant^{26*}, рассказывал о празднике св. Саввы и навестил стариков. Mг Naumant^{27*} все еще в Белграде. — Умер Алекс<андр> Фр<анцевич> Мшанецкий⁸³. Царство ему небесное! Последние два года он так страдал, что не мог ничего делать. В пятницу у него было удушье, он подошел к окну, потерял сознание, не мог удержаться и упал со второго этажа, разбившись насмерть. Когда я был у них летом, то видно было, что это — погибший человек, который едва-едва сможет жить. Тогда удалось его немного развеселить и успокоить, но мысль о скорой смерти его не оставляла. —

²⁵ Извергать (*лат.*).

^{26*} Госпоже Оман (*фр.*).

^{27*} Господин Оман (*фр.*).

Вечером у нас был интереснейший человек, б<ывший> градоначальник (старый полицмейстер) Риги, который принес отцу проект будущего устройства полиции в России, очень интересный и содержательный, и задержался за чаем. Он рассказал много замечательного о подготовке революции и о роли Генерального штаба в наборе войск для Петрограда из рабочих и др. В подробностях изложил он дело полиц<ейского> Фурмана, нашумевшее в Одессе, в котором он играл роль своего рода защитника по должности начальника судебной полиции, и рассказал свои предположения относительно Кутепова, который был заманен в конспиративную квартиру, а похищение симулировано. Несмотря на участие немецких денег и помощь расистов (?).

Понедельник, 4/17 февраля.

К сожалению, вопрос о «беседе» с митр<ополитом> Сергием принимает острый характер. Тогда как нелепость этого сообщения несомненна для всех, в Англии под влиянием карловчан началось беспокойство. Daily C<h>ronicle напечатала провокационную статью, в которой говорится, что митр<ополит> Евлогий якобы заявил о своей солидарности с митр<ополитом> Сергием в утверждении, что гонений в России нет⁸⁴. Вчера вечером пришел уже телеграфный запрос из Лондона, на который Митрополит ответил телеграфно переданным разъяснением и опровержением статьи Daily C<h>ronicle. Сверх того, пришлось говорить по телефону с Лондоном и определенно заявить о ложности «беседы».

Днем были похороны Мшанецкого. Похоронили его с честью, были представители комбаттантов, франц<узский> генерал в форме возложил венок. Отпевали о. Николай и о. Иаков Кгитарев⁸⁵, в приходе которого он жил. Жена настолько потрясена горем, что чуть не лишилась рассудка, а дочь вынесли из церкви на руках.

Вечером был у Звегинцовых для разговора с Соф<ией> Ал<ексеевной>⁸⁶. После ужина — беседа о старом русском быте. Ник<олай> Ив<анович>⁸⁷ рассказывал о медвежьих охотах с рогаткой в Мальцовских лесах Орловской и Курской губерний. Я вспоминал поездку в Ютановку при добровольцах и разгром нашего дома большевиками⁸⁸. — Уехал от них только около одиннадцати часов. На западе — страшное зарево: наверное, пожар в Исси.

Пожарище.

Подъезжаю в 11 к Медону и вижу, что вся часть за вокзалом объята пламенем. Навстречу идут встревоженные люди и говорят, что горит rue Arthélon^{28*}. Подхожу к Jeanne d'Arc^{29*}, все окрестные улицы полны автомобилей и народа, пылает площадь в несколько десятин: ангары, склады, дома: беспорядок ужасающий, властей нет, почти никто не тушит. Одна-две пожарных кишки беспомощно гуляют по крышам. Настроение у толпы равнодушное, воды нет, или недостаточное давление, или злоумышленно испорчен кран. Главный ангар, где хранились аэропланы, весь объят огнем, и искры летят на сто метров вверх и кругом. Весь

^{28*} Улица Артелон (фр.).

^{29*} <Улица> Жанны д'Арк (фр.), ныне avenue du Bois (авеню дю Буа).

авиационный завод представляет сплошной костер. Обхожу кругом пожарище, занимающее целый квартал. Наверху, около огородов догорают отдельные дома. У самых стен — толпа, глазающая и пошло и дурацки посмеивающаяся над пожарными, заливающими головешки. Человек 50 стоит на площадке. Вдруг из-под ног вырывается пламя, площадка оказывается полом второго этажа, внизу горит, и люди едва успевают отскочить. Ни полиции, ни солдат, все лезут, куда хотят. Один из погорельцев бежит около стены обрушившегося дома и отчаянно каким-то крюком разбивает пылающие куски балок. Вдруг совсем неожиданно он падает, человек десять бросаются на помощь, в пламя, и выносят его без сознания, несут его в Ambulance^{30*}, стоящую на улице, но там огни потушены и нет ни санитаров, ни докторов. Сто человек в один голос начинают звать доктора, но все бесполезно: никого нет, и раненый беспомощно лежит на полу... Все время прибывают пожарные части, но пользы мало: можно только ограждать соседние постройки. Люди настолько равнодушны и преступно безразличны, что не останавливаются перед насмешками над пожарными, один из которых, выведенный из терпения насмешками, размахнулся по толпе, мешавшей ему тушить, горячей головней. Отец, который пришел одним из первых на пожар, рассказывал, что в 9 часов, когда загорелась фабрика, никого не было. Когда через полчаса набата и тревоги вышел garde champetre^{31*} с рогом, он едва всех разбудил. Только через час пришли люди тушить пожар. Солдат вообще не было. Что делало начальство — неизвестно. 45 минут не могли открыть кранов, а когда открыли, оказалось, что нет давления. Отец видел в нескольких шагах от себя готовый аэроплан и просил помочь его вывезти, но никто не откликнулся, хотя опасности в этом месте не было. Страшно становится при мысли, что народ потворствует гибели казенного имущества и что настолько сильно прошла в гущу народа большевистская пропаганда, что уничтожение военного и авиационного материала никого не беспокоит. Все благоразумные люди говорят о поджоге. Аэропланы должны были быть вывезены через три дня, а через месяц в Медоне будет пожарная команда. Необходимо было до этого уничтожить новые работы. Один из аэропланов «Arc en ciel»^{32*}, над изготовлением которого работали 5 лет, погиб из-за потворства толпы со всеми чертежами. Мы с отцом были на пожарище до 12 ночи, когда весь квартал сгорел дотла и представлял из себя тлевшие костры.

Вторник, 5/18 февраля.

Пожар произошел от печки, которую «позабыли» затушить. Погибло 5 аэропланов и 1 hydrogisseur^{33*}. — В Подворье узнал кое-какие подробности об Англии. Daily Chronicle напечатала статью без комментария, а «беседу» с митрополитом Евлогием напечатала социалистическая Manchester Guardian. Отец ездил сегодня в «Возрождение» по поводу разъяснений Митрополита и со-

^{30*} Машина скорой помощи (фр.).

^{31*} Охранник, сельский полицейский (фр.).

^{32*} «Радуга» (фр.).

^{33*} Гидросамолет (фр.).

общил все подробности редакции⁸⁹. Вечером — Шамперрэ. В С<ен>-Клу — все-нощная под святителя Фотия.

Среда, 6/19 февраля.

Обе газеты поместили разъяснения митр<ополита> Евлогия. Оказывается, Аметистов⁹⁰ послал его по почте, и оно только в 4 часа вечера пришло в редакции. Одна фраза там не очень осторожна, и лучше было бы ее не писать. Теперь интерес отвлечен временно правительственным кризисом, который произошел третьего дня как-то неожиданно и нелепо. По ничтожному поводу. Шерон⁹¹ поставил вопрос о доверии, не получил большинства в 4 голоса. Удивляешься наивности и необычайной легкомысленности французских политических деятелей: для них все это — игра, а не борьба за благо страны. Теперь наверно будут радикалы, которые постараются изменить курс политики в отношении большевиков, и на время дело ген<ерала> Кутепова и разрыва с Москвой будет погребено. Что стоит режим и парламент, если случайным большинством 3–4 голосов в труднейший момент меняется вся политика? Вечером в С<ен>-Клу — собрание Фотиевского братства под председательством митр<ополита> Евлогия. Было свыше 20 человек. Молебен служил о. Николай. За чаем — беседа и доклад Лосского о св. Фотии⁹².

Четверг, 7/20 февраля.

В Лицее читал о декабристах и политике Александра I. Днем — заседание Комитета Дня русской культуры. Из молодых — один я. Впервые было решено в этом году посвятить День культуры «Церкви как носительнице русской культуры». К удивлению, почти все были согласны. Неистово возражал только Одинец и отчасти, очень вяло, Агафонов. Лоллий Ив<анович> Львов предложил приурочить День культуры к юбилею Суворова⁹³, а в конце концов решили передать все дело комиссии.

Пятница, 8/21 февраля.

Почти несомненно можно сказать, что премьером будет Шотан⁹⁴ и что он составит кабинет, так как масонские круги решили во что бы то ни стало помешать разрыву с большевиками. Весь день в Национальном комитете сплошная вереница людей, идущих за билетами. Это — торговцы, военные, студенты, владельцы; все настроены воинственно и не пропускают случая, чтобы поругать будущее правительство. Настроение у всех парижан таково, что возможно повторение июльских демонстраций перед Палатой. Днем был у M-me Garnier^{34*}, у которой застал представителей разных оттенков политических мнений: от бонапартистов до друзей Шотана. Все единодушно утверждают, что кабинет проживет не более месяца, а может быть, и одну неделю. — К семи был у Мих<аила> Мих<айловича> Любимова⁹⁵ к ужину. Он живет совсем у Bullier^{35*}, и оттуда толпой человек в 15 отправились на митинг. —

^{34*} Мадам Гарнье (фр.).

^{35*} <Кафе> Бюлье (фр.).

Митинг.

Вся улица оцеплена жандармами с винтовками, в соседних проходах — отряды полицейских, а на Bd Port-Royal^{36*} — драгуны. Всех пропускают только в главную и маленькую дверь на С<ен>-Мишель. Справа выстраивается очередь имеющих синие и зеленые билеты, а слева и вдали — две очереди для белых. Порядок исключительный. Ждали довольно долго. Наконец в 9.20 открываются двери и начинают впускать. Контроль свирепый. Внутри порядок поддерживается Jeunesse Patriotes, которой свыше 1000 человек. Зала еще пуста, и можно садиться, где хочешь. У меня — очень хорошее нумерованное место в 4-м ряду, прямо против ораторов. По белым билетам пропускают очень долго, более получаса, так как утром было известно, что коммунисты напечатали их несколько сот. Насколько отношение у полиции к привилегированным хорошее, настолько к другим грубое, в залу впахивают чуть-ли не кулаками. Правда, народу очень много: тысяч пять-шесть. Немного после 9 появляется Camille Aymard и приглашает всех быть терпеливыми. Входит Тетенже⁹⁶, которого встречают восторженно. Собираются и другие ораторы. Из русских около меня сидят Ел. Мих. Трубецкая, все время волнуемая за судьбу своих детей, находящаяся сзади, Малинин, Крупенские, Тальберг, Изъединова, немного левее — ген<ерал> Миллер и адм<ирал> Кедров⁹⁷. Настроение нервное и приподнятое. Первым говорит Aymard, он благодарит собравшихся, просит соблюдать порядок и не волноваться и передает слово Dumat, двадцатилетнему депутату города Парижа, избранному весной 28-го года в левом квартале благодаря личному обаянию и энергии. Дюма говорит о положении Франции, о новом министерстве, при упоминании которого молодежь начинает шуметь. Дойдя до дела ген<ерала> Кутепова и необходимости разрыва с большевиками, он должен прервать свою речь, так как сзади раздается крик: «Vive les Soviets!»^{37*} Происходит замешательство, половина зала встает; за нашей спиной крики, шум, выводят коммунистов, в течение 20 минут ничего нельзя услышать. Наконец президиуму удается убедить всех сесть. Но через несколько минут шум поднимается вновь, на этот раз на хорах, откуда вскоре после этого начинают изгонять коммунистов. Двое из них сопротивляются. Их бьют сверху и снизу и выбрасывают наружу. Дюма кончает свою речь призывом к правительству изгнать из Франции воров и убийц. — Потом говорят многочисленные ораторы. Délage, сотрудник Эко де Пари, первый выступивший энергично в защиту Кутепова; в течение получаса он поет панегирик русской эмиграции, описывает жизнь в Русском доме в С<ент>-Женевьев, упоминает генерала Баратова⁹⁸ и призывает французов ближе подойти к русским и больше их оценить. После него выступает comte de Guedon^{38*}, сын адмирала, чиновник Мин<истерства> иностр<анных> дел⁹⁹, много раз ездивший при большевиках по поручению правительства в Россию. В ясной, сжатой, красноречивой форме он рисует картину современной России, как он ее видел, ставит диагноз и точно определяет взаимоотношения ГПУ,

^{36*} Бульвар Пор-Руаяль (фр.).

^{37*} «Да здравствуют Советы!» (фр.).

^{38*} Граф де Гедон (фр.).

ВЦИК'а и советского правительства. Его примеры из быта беспризорных и из мнений большевиков о морали производят сильнейшее впечатление на аудиторию. За ним следует Клод Фаррер¹⁰⁰, ясно и отчетливо дающий характеристику покушению и увезению Кутепова с точки зрения права. Очень знаменательно, что он теперь так сочувственно отзывается о русских, тогда как до сих пор он был непримиримым врагом России. Binet-Valmer¹⁰¹, от роялистов, делает выпад против радикалов, но его речь несерьезна и даже некстати. Очень сильно и решительно выступает Эрлих, бывший депутат Парижа, по происхождению одесский еврей, но ярый националист и враг большевиков¹⁰². Его выступление сплошь прерывается аплодисментами. Он, как и другие, подчеркивает, что русских нельзя считать за иностранцев: «они — братья, живущие у нас». Camille Aymard выступает вне очереди и сообщает, что ввиду желания коммунистов сделать беспорядок и начать стрельбу во время фильма представление отменяется. Заканчивает митинг Тетенже. Он призывает всех к единению, к борьбе. Его слова прерываются криками сзади. Тогда на трибуну выносят два флага: французский и императорский штандарт. Все встают и при общем пении гимна начинают расходиться. Эрлих с трибуны руководит хором, а Jeunesse Patriotes берут под козырек. Вдруг в зале раздается крик: «Je proteste»^{39*}, человека немедленно выпихивают вперед. Aymard его грозно опрашивает, но это оказывается юный патриот, усомнившийся в тексте резолюции. Выходят все спокойно. До gare Monparnasse^{40*} идет сплошная толпа. В Медон едет человек 15–20.

Суббота, 9/22 февраля.

Начало второго церковного раскола. В газетах напечатано послание митрополита Евлогия¹⁰³. Оно явилось для нас всех совершенной неожиданностью и в скрытой форме указывает на разрыв. На чем же мы тогда будем основываться? Боюсь, что оно написано преждевременно и многие фразы не вызваны обстоятельствами. — Днем очень интересное собрание Franco-Russe^{41*}. Русский вопрос теперь, несомненно, на очереди¹⁰⁴, так как пришли все. Была представлена Палата депутатов, Муниципальный совет, армия, правые и бонапартисты. Председательствовал Soulier, а за секретаря был colonel Jean de Kergorre^{42*}. После общей официальной части, на которой обсуждался главным образом вопрос о Кутепове, Soulier сообщил массу сведений, пополненных другими членами, но совершенно конфиденциально. В общих чертах все сведения сводятся к следующему. В Европе наступил перелом в русском вопросе. Правые партии, еврейство и конфессиональные организации — против большевиков, масонство — за. Если бы Тардье не ушел, то дело с ликвидацией большевиков подвинулось бы необычайно быстро. Одновременно с Лондонской Морской конференцией была другая, тайная, для обсуждения совместных мер борьбы и предохранения. Тардье вполне согласен на

^{39*} «Я протестую» (фр.).

^{40*} Вокзала Монпарнас (фр.).

^{41*} Французско-русское <объединение> (фр.).

^{42*} Полковник Жан де Кергор (фр.).

разрыв, но не в связи с Кутеповым; он считает, что надо его произвести по всей Европе. Теперь весь вопрос в свержении радикалов, к чему приняты решительные меры, которые, несомненно, приведут к желаемому результату. Между прочим, интересная подробность: на следующий же день после водворения Эррио¹⁰⁵ было уничтожено при Сюртэ отделение по делам о коммунистах. Некоторые члены Union^{43*} вроде барона Satereau (предс<едателя> бонапартистов), требовали самых решительных мер; другие: Soulier, César Caere (б<ывший> председатель Муниципального совета)¹⁰⁶ и Rey, были более предусмотрительны, но в общем собрание прошло необычайно единодушно. К сожалению, из-за собрания не попал ко все-нощной. Днем пришла телеграмма с Дарю с просьбой устроить на завтра службу преосв. Ириней¹⁰⁷. Трудно, когда в последнюю минуту об этом узнаешь. Ехал в Медон с редактором дальневосточных газет, говорили о разных технических вопросах, а между прочим, и о церковной политике и статьях о митрополите Евлогии, которые необходимо в них поместить.

Воскресенье, 10/23 февраля.

Последствия послания начинают уже чувствоваться. В «Последних новостях», хотя очень тактичная и осторожная, но критическая статья. — На Дарю — архие-рейская служба, а после нее — лития и молебен о всех убитых и французских офицерах, захваченных в Индо-Китае. Настроение явно политическое, а безвкусное поминание III Интернационала просто ужасно. Чувствую, что политика вновь захватывает нашу Церковь. Еп<ископ> Ириней сказал слово по-французски. Были французские представители, семьи убитых и депутат Скапини¹⁰⁸. — Днем у нас обед — блины. Среди гостей — о. Лев¹⁰⁹. Потом — собрание прихода, выборы старосты и членов Совета. Несмотря на мой отказ, я получил 19 из 38 голосов в члены Совета. У нас — Буренин и кое-кто еще к чаю. Весь день приводил в порядок дела, но почти ничего не успел сделать. Устаю страшно. Сегодня не был на свадьбе Наташи Шереметевой¹¹⁰, а, говорят, было очень хорошо.

Понедельник, 11/24 февраля.

Весь день в Париже. Настроение возбужденное. Готовятся к завтрашней битве. Дома ремонт. Раскрыли всю стену в гостиной, так как чинят дымоход. Сидим поэтому почти на улице, а погода холодная и сырая. — Уже десять лет, как мы приехали во Францию, почти треть жизни, незаметно прошли эти дни, не успел о них и вспомнить, а ведь это означает, что мы 10 лет жили врозь с теми, кто там. — Сможем ли мы их понять и с ними работать? Из России сведения плохие. Народ не желает защищать веры. — За границей протест ширится, расшевелилось и еврейство, так как расстреляли несколько раввинов.

¹ Палашковский Всеволод Сергеевич (1904–1979) — окончил в 1925 г. историко-филологический факультет Сорбонны, а в 1932-м Свято-Сергиевский православный богословский институт. Прислуживал в Александро-Невском соборе на ул. Дарю, член Братства св. Алек-

^{43*} Союза (фр.).

сандра Невского, с 1925 г. член Братства св. Фотия. После 1931 г. в юрисдикции Московской патриархии. В 1950–1953 гг. профессор литургики, греческого языка и патристики в основанном Е.П. Ковалевским Французском богословском институте св. Дионисия. С 1955 г. священник, с 1967 г. протоирей, настоятель церкви при старческом доме в Нуази-ле-Гран.

² Епископ Вениамин (Федченков; 1880–1961) — из крестьян, в 1907 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, с 1907-го иеромонах, с 1911-го архимандрит; ректор Тверской (1913) и Таврической (1911, 1917–1918) духовных семинарий, с 1919-го епископ. Эмигрировал в Константинополь с врангелевской армией, принял участие в создании ВЦУ за границей. С 1922 г. в Сербии, в 1923–1924 гг. был руководителем православной миссии в Прикарпатской Руси. В 1925 г. по приглашению митр. Евлогия переехал в Париж и был инспектором Свято-Сергиевского православного богословского института; в 1931 г. стал основателем и первым настоятелем храма Трехсвятительского подворья в Париже, оставшегося в юрисдикции Московской патриархии после перехода митр. Евлогия в Константинопольский патриархат. В 1947 г. еп. Вениамин вернулся в СССР, почил в Псково-Печерском монастыре.

³ Митрополит Евлогий (Георгиевский; 1868–1946) — до революции архиепископ Волынский и Житомирский, участник Всероссийского церковного собора, эмигрировал в 1920 г. в Константинополь, затем в Сербию, назначен патриархом Тихоном и Высшим церковным управлением на Юге России управляющим русскими приходами в Западной Европе, в 1923 г. обосновался в Париже с местопребыванием при Александро-Невском соборе на ул. Дарю.

⁴ Кокковцев Владимир Николаевич, граф (1853–1943) — политический и церковно-общественный деятель. До революции министр финансов (1904, 1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914). В 1918 г. эмигрировал в Париж, председатель Международного коммерческого банка, член приходского совета Александро-Невского собора на ул. Дарю, член епархиального совета при митр. Евлогии.

Львов Николай Николаевич (1865–1940) — юрист, один из создателей партии кадетов, эмигрировал в 1920 г. с врангелевской армией, жил во Франции. С 1928 г. сотрудничал с газетой «Возрождение» и был председателем Главного совета Российского центрального объединения.

Лукасов Абрам Осипович (наст. фам. Лукасянц, 1872–1969) — нефтепромышленник, меценат, издатель; в эмиграции основатель и издатель газеты «Возрождение».

⁵ Священник Георгий Цебриков (1900–1950) — в эмиграции жил в Бельгии, активный член РСХД, с 1925 г. дьякон, с 1929 г. священник, настоятель университетской церкви в Лувене. В 1930 г. перешел в католичество, стал священником восточного обряда, служил в Вене, затем в Париже. В конце 1930-х гг. вернулся в православие, но был извержен из сана указом митр. Евлогия; во время Второй мировой войны принят в клир РЗЦ в существующем сане; в конце войны протоиерей, проживал в Германии.

⁶ Миллер Евгений Карлович (1867–1939) — генерал-лейтенант, участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1930 г. после похищения А.П. Кутепова вступил в должность председателя Русского общевоинского союза. В 1937 г. был похищен в Париже агентами советской разведки, расстрелян в 1939 г. в Москве.

В газете «Возрождение» от 28 января 1930 г. (№ 1701. С. 1) напечатан «Приказ по Русскому общевоинскому союзу»:

«27 января 1930 года.

26 января генерал Кутепов в 10 ½ час. утра вышел из дому и более не возвращался к себе.

Ввиду безвестного отсутствия председателя Русского общевоинского союза генерала от инфантерии Кутепова я, как старший заместитель его, вступил в должность председателя Русского общевоинского союза.

Генерал-лейтенант Миллер».

И далее, в том же номере, на с. 1:

«Редакция обращается с просьбой ко всем друзьям Белой армии помочь властям в деле розыска и расследования. Каждая мелочь, подмеченная случайным наблюдателем, каждое предположение, каждое сведение, каким бы незначительным оно ни казалось лицу, им располагающему, может быть ценным звеном в цепи заключений и выводов. Мы просим всех, кто мог случайно встретить ген. Кутепова в утро его исчезновения, кто, быть может, потом что-либо слышал и знает об этом, немедленно передать в нашу редакцию, где все сообщенное будет проверено и соответственным образом использовано».

⁷ См., например, статью «Русский генерал, был ли он похищен?» в газете «Écho de Paris» от 28 января 1930 г. (№ 18365. С. 1, 3):

«Оживленное беспокойство царит среди русских беженцев в Париже. Один из них, генерал Кутепов, только что внезапно исчез при обстоятельствах, которые остаются загадочными.

Генерал Александр Кутепов отличился еще в царской армии, затем в армии Деникина и армии Врангеля в Крыму. После отступления он нашел приют на Балканах, женился в Болгарии и недавно пополнил в Париже многочисленные ряды русских эмигрантов. Он жил с женой и сыном в скромной квартире на четвертом этаже в доме на улице Русселе в квартале Святого Фомы Аквинского.

Его соотечественники избрали его главой Русского общевоинского союза во Франции. В это объединение входит больше двух третей русских беженцев.

Итак, генерал Кутепов — из числа самых заметных личностей в русской эмиграции, и его друзья обратились в парижскую полицию по поводу его исчезновения.

К настоящему моменту расследование выявило, что генерал покинул свое место жительства на улице Русселе в воскресенье утром, к 11 часам, чтобы пойти на собрание Общевоинского союза. С этого момента его никто не видел ни на собрании Союза, ни дома. С другой стороны, генерал Кутепов всегда носил с собой свои документы, и, допуская возможность, что он мог попасть в аварию и оказаться в больнице, его семья занялась проверкой тотчас же.

В русских кругах в Париже предполагают, что генерал попал в западню, устроенную большевистскими эмиссарами. В настоящее время эта гипотеза кажется самой правдоподобной». (Здесь и далее тексты статей во французской периодике переводятся в переводе Н.В. Ликвинцевой.)

⁸ Имеется в виду Федоровский комитет, т.е. Комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, где П.Е. Ковалевский в это время работал.

⁹ На ул. Мадемуазель (Mademoiselle) находилась церковь Союза галлиполийцев. Именно в нее шел Кутепов в день похищения.

¹⁰ На ул. Русселе Кутепов жил, по улице де Севр проходила часть его пути в сторону церкви Союза галлиполийцев.

Вот, например, отрывок из передовицы «Исчезновение генерала А.П. Кутепова» в газете «Возрождении» от 28 января 1930. (№ 1701. С. 1) с подробным описанием места действия:

«Ген. А.П. Кутепов из своей квартиры — 26, ул. Русселе, 7 arr. — вышел в половине одиннадцатого утра, направляясь в церковь Союза (81, ул. Мадемуазель), где была назначена панихида по ген. Каульбарсе. Однако до собрания галлиполийцев председатель Общевоинского союза не дошел, домой не вернулся, и никто до сего времени не знает, где он находится.

По городу ген. Кутепов обычно передвигался либо в трамваях, либо в автобусах, всегда стараясь быть на людях. Когда же ему приходилось ездить в автомобиле — то он пользовался исключительно машинами, которые для него подавались по наряду особой организации при Союзе галлиполийцев. У подъезда председателя Общевоинского союза к положенному

часу всегда стоял автомобиль с верным человеком. (В это воскресенье, однако, по личному распоряжению ген. Кутепова, отданному накануне, машины у его дома не было.)

Из дома в Союз галлиполийцев ген. Кутепов часто ходил также пешком. Обычно, выходя из дому, он поворачивал по улице Русселе направо и затем шел прямо по людным улицам Севр, Лекурб и Мадемуазель.

Так было и в этот раз. Желая попасть в Союз галлиполийцев к 11 часам, на что генерал при его быстрой ходьбе затрачивал 15–20 минут, он, как сказано выше, вышел из дому ровно в 10 ч. 30 м. и повернул направо по улице Севр.

С этой минуты ген. Кутепова больше никто не видел».

¹¹ Русский национальный комитет был образован в 1921 г. в Париже как центральный орган Русского национального союза, созданного для политической борьбы с большевизмом и поддержки Русской армии генерала П.Н. Врангеля, председателем его был А.В. Карташев.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант, один из основных руководителей Белого движения в Гражданскую войну, командующий Добровольческой армией (1918–1919), главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1919–1920); в апреле 1920 г. подал в отставку, назначив своим преемником генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции с 1920 г., жил в Великобритании, Бельгии, Венгрии, с 1926 г. в Париже, в 1945 г. переехал в США. В эмиграции занимался главным образом литературно-историческим трудом, автор книг «Очерки русской смуты» (5 т., 1921–1926), «Офицеры» (1928), «Старая армия» (1929) и др.

¹² Станция метро «Порт-де-Шамперре» (Porte de Champerret) расположена в 17-м округе Париже. П.Е. Ковалевский давал в этом районе частные уроки.

¹³ Имеется в виду Жан Шиапп (Chiappe; 1878–1940), префект полиции города Парижа.

¹⁴ Ср. статью Н.А. «Исчезновение генерала А.П. Кутепова», раздел «Под наблюдением советских агентов» (Возрождение. 1930. 29 янв. № 1702. С. 1):

«В одном из домов, в нескольких шагах от № 26, в сторону улицы Севр, находится частный гараж. Рядом — торговые помещения, с подвалами, со входами в них прямо с улицы. <...> На углу улиц Русселе и Севр — “бистро”, — и там, у стойки, постоянно отогревались дежурные наблюдатели, многие из которых являлись туда, как установлено ныне, прямо из полпредства.

На улице Севр, как раз напротив улицы Русселе, находится кафе. Это — один из сборных пунктов французских комсомольцев 7-го аррондисмана. Из широких окон кафе вся улица Русселе видна как на ладони, до самого конца, и каждый идущий по ней не может остаться незамеченным. Между прочим, из этого кафе генерала Кутепова фотографировали несколько раз, о чем он сам говорил знакомым.

Гараж, упомянутый выше, соединен с проходным двором, ворота которого выходят на улицу Севр. В конце этого двора высится здание, занятое общежитием союза студентов — граждан СССР. Окна общежития, отделенного от дома № 26 небольшим садом, видны из квартиры генерала. Многих жильцов общежития генерал не раз замечал на улице Русселе; он даже рассказывал пишущему эти строки, что “студенты” часто его “провожают”.

— Они меня охраняют, — с улыбкой говорил Кутепов».

¹⁵ На ул. Гренель в Париже находилось советское посольство.

¹⁶ Слух о латышах, готовивших покушение на Кутепова в Каннах, был озвучен 31 января в газете «Последние новости», см.: Б.п. «Исчезновение генерала А.П. Кутепова: Как был похищен ген. А.П. Кутепов. — Красное такси и серо-зеленый автомобиль. — Кто был полицейский, дежуривший на углу улиц Удино и Русселе. — Подслушанный разговор чекистов» (Последние новости. 1930. 31 янв. № 3236. С. 1):

«Три латыша в поезде

Газета “Либертэ” сообщает: Некий г. Х. возвращался 19 января с Ривьеры в Париж. В одном купе с ним ехали три латыша, беседовавшие между собой на родном языке. Х. долго жил в Прибалтике и понимает по-латышски.

Из обрывков разговора Х. понял, что перед ним чекисты, приехавшие из Москвы с поручением убрать какого-то “белого”. Они пытались сделать это на Ривьере (Кутепов ездил в Канн на освящение памятной доски вел. кн. Николаю Николаевичу), но попытка не удалась. Чекисты направлялись в Париж, собирались покончить с “белым” не позже чем через неделю.

Ген. Кутепов исчез ровно через неделю — 26 января».

См. об этом также: *Jacoby J. Le mystère de la rue Rousselet: Un réseau d'espionnage entourait le général Koutepoff // Liberté. 1930. 31 janvier. № 23919. P. 1.*

¹⁷ Бажанов Борис Георгиевич (1900–1982) — секретарь Политбюро и помощник И.В. Сталина, в 1928 г., во время своей командировки в Среднюю Азию, перешел персидскую границу и сдался иранским властям. В эмиграции жил в Париже, где в 1930 г. опубликовала «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

Беседовский Григорий Зиновьевич (1896–1951) — советский дипломат, в 1927–1929 гг. советник полномочного представителя СССР во Франции. В 1929 г. бежал из посольства, опасаясь ареста, перелез через стену и получил политическое убежище во Франции. Основатель и редактор парижской газеты «Борьба» (1929–1932), сотрудничал с газетами «Возрождение» и «Последние новости».

¹⁸ Речь идет о судебном процессе над Савелием Максимовичем Литвиновым, родным братом народного комиссара по иностранным делам СССР М.М. Литвинова. С.М. Литвинов служил с торгпредстве СССР во Франции и был в 1928 г. арестован в Париже за финансовые махинации с подложными векселями. Обвиняемый оправдывал себя тем, что махинации проводил не он, а советское торгпредство. Процесс рассматривался во французском суде и завершился 28 января 1930 г. оправдательным приговором, перенесшим ответственность за преступление с обвиняемого на действия советской власти, с исполнителей преступления на его организаторов. На суде в защиту обвиняемого выступили адвокаты Винсен де Моро-Жиафферри (Moro-Giafferri) и Сезар Кампинчи (Carpinchi).

¹⁹ См.: *Un nouveau crime des Soviets? Le général Kutepoff, chef des antivolchevks, a disparu mystérieusement. Les milliers russes des Paris craignent qu'il ait été tué par ordre du Guéréou // Liberté. 1930. 29 janvier. № 23917. P. 1* (Новое преступление Советов? Генерал Кутепов, глава антибольшевистских сил, загадочно исчез. Тысячи парижских русских боятся, что он был убит по приказу ГПУ (*фр.*)).

²⁰ Речь, видимо, идет о Носовиче Владимире Павловиче (1864–1936) — сенаторе, юристе, судебном деятеле, криминалисте и общественном деятеле. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, был председателем Тверского окружного суда и обер-прокурором кассационного департамента Сената. Участник Гражданской войны. В эмиграции в Париже, активный член Русского юридического общества и Союза русских адвокатов. Последние два года жизни жил в Белграде.

²¹ Тардьё Андре (Tardieu; 1876–1945) — французский политический и государственный деятель, выпускник Эколь нормаль, три раза занимавший пост премьер-министра (с 3 ноября 1929 по 17 февраля 1930 г., с 2 марта 1930 по 4 декабря 1930 г., с 20 февраля 1932 по 3 июня 1932 г.). В момент похищения генерала Кутепова находился на конференции в Лондоне.

²² См.: *Б.п. Заседание председателей воинских организаций // Возрождение. 1930. 30 янв. № 1703. С. 2.*

²³ Возможно, речь идет о Федорове Николае Федоровиче (1895–1984) — активном участнике РСХД, создавшем вышедшую затем из состава РСХД юношескую «Национальную организацию витязей».

²⁴ Важного свидетеля нашел журналист газеты «Эко де Пари» Жан Деляж (Delage). Санитар, убиравший палаты в клинике Сен-Жан-де-Дье (св. Иоанна Божьего), расположенной по соседству с домом Кутепова, Огюст Стемец, молодой эльзасец, видел в окне

сцену похищения. Вот как передает его показания газета «Эко де Пари»: «В воскресенье утром я вытряхивал коврик в одной из палат на четвертом этаже в окно, выходящее на улицу Русселе. Я увидел напротив тротуара, идущего вдоль нашего дома, частный автомобиль, остановившийся на улице Русселе, в нескольких метрах от угла улицы Удино, и повернувший к этой улице.

Напротив улицы Русселе есть на улице Удино один дом с большой желтой двухстворчатой дверью. Перед этой дверью остановилось красное такси, но стояло не возле тротуара, а прямо посреди улицы.

На углу улицы Удино и улиц Русселе находился на посту молодой полицейский.

В тот момент, когда я вытряхивал ковер, я видел, как с улицы Удино, идущей от бульвара Инвалидов, появился одетый в черное человек, с усам и черной бородой. Он повернул на улицу Русселе и, когда он поравнялся с частным автомобилем, из того вышли два человека и задержали его.

Я присутствовал при захвате. Я видел, как двое схватили человека в черном и как он пытался высвободиться.

Произошла краткая схватка, и двоим нападавшим удалось силой усадить его в машину. Все произошло очень быстро. Полицейский сразу бросил взгляд на улицу Удино, направо и налево, затем на улицу Русселе. Он подошел к автомобилю и сел в него. Тот сразу быстро отъехал и повернул на улицу Удино, к бульвару Инвалидов, за ним поехало красное такси» (*Delage J. Un témoin a vu la scène de l'enlèvement du général Koutepoff // Écho de Paris. 1930. 31 janvier № 18368. P. 1.*)

²⁵ Братство св. Фотия было основано в Париже в 1925 г. по инициативе А.В. Ставровского и Е.К. Ковалевского, в его задачи входило возрождение православия на Западе и возвращение к традициям неразделенной Церкви. П.Е. Ковалевский был членом братства с момента основания до 1931 г., когда братство перешло в юрисдикцию Московской патриархии.

²⁶ Орлов-Давыдов Алексей Анатольевич, граф (1871–1935) — промышленник, благотворитель, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в эмиграции жил в Париже, в последние годы жизни в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа.

Типольт Николай Аполлонович, барон (1864–1948) — генерал-майор флота, коллекционер, геральдист; в эмиграции жил в Париже, в 1934 г. уехал в Парагвай.

²⁷ Евграф Евграфович Ковалевский (домашнее прозвище Графчик; 1905–1970) — младший брат П.Н. Ковалевского, иконописец и религиозный деятель, один из основателей Фотиевского братства. В 1928 г. окончил филологический факультет Сорбонны и Свято-Сергиевский православный богословский институт. С 1937 г. священник, с 1944 г. основатель, ректор и профессор Французского православного института св. Дионисия. С 1964 г. епископ Иоанн Сен-Денийский, с 1976 г. предстоятель основанной им Французской католической православной церкви.

Лосский Владимир Николаевич (1903–1958) — богослов, сын философа Н.О. Лосского. В 1922 г. выслан с родителями из России, жил в Праге, с 1924 г. в Париже, член Братства св. Фотия, в 1944–1953 гг. профессор Французского православного института св. Дионисия.

Иеромонах Лев (Жилле, Gillet; 1893–1980) — богослов и духовный писатель, писавший под псевдонимом Монах Восточной Церкви; французский монах-бенедиктинец, перешедший в 1928 г. в православие. Преподавал французский язык в Свято-Сергиевском православном богословском институте, участвовал в РСХД, был настоятелем первого франкоязычного прихода Св. Женевьевы в Париже, в создании и жизни которого до 1931 г. активно участвовали члены Братства св. Фотия. С 1938 г. жил в Англии.

²⁸ Коновницына Мария Акинфиевна, графиня (урожд. Суковкина; 1856–1941) — в эмиграции во Франции.

²⁹ Недельский Владимир Климентьевич (1869–1943) — кандидат богословия, окончил Киевскую духовную академию, в 1920–1922 гг. преподавал в Виленской духовной семинарии, за противодействие автокефалии Польской православной церкви был выслан из Литвы, переехал во Францию, в 1927–1929 гг. преподавал гомилетику и церковнославянский язык в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, в 1930 г. вернулся в Литву.

Каменский Василий Михайлович (1895–1982) — окончил Псковскую духовную семинарию, в эмиграции во Франции, окончил в 1929 г. Свято-Сергиевский православный богословский институт, в 1930 г. переехал в Литву, в конце Второй мировой войны эмигрировал в Канаду, затем в США, с 1950 г. профессор Свято-Тихоновской семинарии в Пенсильвании.

Митрополит Елевферий (Богоявленский; 1870–1940) — окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия, в 1911–1921 гг. епископ Ковенский, в 1921 г. архиепископ Виленский и Литовский, в 1923 г. выслан из Польши за сопротивление автокефалии Польской православной церкви, поселился в Ковно, с 1928 г. митрополит, епископ Литовской епархии, с 1931 г. управляющий Западноевропейскими приходами в юрисдикции Московской патриархии.

³⁰ Начало богородичной молитвы «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу...», которая обычно читается в конце учебных занятий или образовательных встреч.

³¹ См., например: «Вчерашний день принес важное показание. Генерал А.П. Кутепов, действительно, похищен. Известно точное время и место похищения: 10 ч. 30 м. утра, угол улицы Удино и улицы Русселе» (*Б.п.* Исчезновение генерала А.П. Кутепова // Последние новости. 1930. 31 янв. № 3236. С. 1); «Властям приходится принимать во внимание все догадки, все предположения. Это, особенно в начале, чрезвычайно расширило размах следствия. Только потом, по проверке различных данных, когда были опрошены чуть ли не тысячи лиц, обойдены сотни гаражей, исследовано все, что могло быть сразу исследовано, — были устранены некоторые догадки, и задача сузилась. В сужении ее есть одно из главных достижений за истекшие дни. <...> Совершенно отпала мысль о том, что ген. Кутепова могли из Франции увезти на аэроплане. Версия о похищении при помощи автомобиля имеет своих противников и сторонников...» (*Б.п.* Исчезновение генерала А.П. Кутепова // Возрождение. 1930. 31 янв. № 1704. С. 1).

³² Автор перечисляет знакомых семьи Ковалевских по Харькову. О занятии Харькова Добровольческой армией см. его дневники за июнь 1919 г.: *Ковалевский П.Е.* Дневники. 1918–1922. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 78–80.

³³ Вероятно, речь идет о служащем советского торгового представительства в Париже графе Алексее Алексеевиче Игнатеве (1877–1954), российском дипломате, перешедшем на сторону советской власти, вернувшемся в СССР в 1937 г.

³⁴ Булгаков Сергей Васильевич (1859–1930) — духовный писатель, окончил Московскую духовную академию, был профессором Харьковской духовной семинарии.

³⁵ Мадам Бесси — жена Батиста Бесси, французского садовника на вилле «Батава» в Болье, принадлежавшей семье Ковалевских. Семья сохранила дружеские связи с Бесси и его семьей и после продажи виллы.

³⁶ Кутепова Лидия Давыдовна (урожд. Кютт; 1888–1959) — жена А.П. Кутепова, после похищения мужа осталась с маленьким сыном Павлом; в 1936 г. переехала в Югославию.

³⁷ См., например: «Отныне все заставляет признать, что генерал Кутепов действительно стал жертвой агентов ГПУ и что он попал в западню, тщательно спланированную и приготовленную их стараниями. Это, конечно, предполагает существование прямо в Париже огромной организации, которая находится не просто “вне закона”, но, по сильному выражению г-на Моро Жиафферри, стигматизировавшему Советов, “сверх закона”. <...> Что только не может устроить банда решительных злоумышленников, располагающая не-

ограниченными кредитами и неприкосновенным логовом, каким является посольство на улице Греннель?» (*Jacoby J. Un réseau d'espionnage entourait le général Koutepoff // Liberté. 1930. 31 janvier. № 23919. P. 1*); «Посол Довгалецкий должен понести ответственность за исчезновение генерала Кутепова. Пусть ему немедленно будет предъявлена официальная нота, настоящий ультиматум — освободить русского офицера и выдать виновников похищения или паковать чемоданы. Неприемлемо и дальше терпеть присутствие такого персонажа внутри наших границ. В четверг вечером вокруг него образовалась пустота, когда он появился на Елисейских Полях, где глава государства принимал дипломатический корпус. В Лондоне Георгий V отказался принять его коллегу. Такой же позор ожидает в цивилизованном мире таких же «официальных» делегатов каторжной власти. Интерес и честь страны требуют от г-на Тардые порвать с этой властью. Пусть он даст пример: за таким примером последуют и другие» (*Pironneau A. Le gouvernement doit agir // Écho de Paris. 1930. 31 janvier. № 18368. P. 3*).

³⁸ Пуанкаре Раймон (1860–1934) — президент Франции в 1913–1920 гг., с июня 1929 г. ушел в отставку по состоянию здоровья.

³⁹ П.Е. Ковалевский преподавал русский язык и литературу, историю и географию в лицее Мишле в Париже.

⁴⁰ Гребенщиков Иннокентий Александрович (1892–1974) — учился в Тифлисском кадетском корпусе, в эмиграции во Франции, в 1928–1930 гг. учился в Свято-Сергиевском православном богословском институте, 15 февраля 1930 г. принял монашеский постриг с именем Иаков. Поступил в братию Иоанно-Рильского монастыря в Болгарии, в 1951 г. вернулся во Францию, с 1970 г. игумен, служил в Св.-Николаевской церкви при Русском доме в Монморанси.

⁴¹ Ковалевская Инна Владимировна (урожд. Стрекалова; 1877–1961) — мама П.Е. Ковалевского, педагог. В Париже заведовала русским отделением при лицее Фенелон, преподавала в русской школе в Нанси и в русской гимназии в Булони.

⁴² Вел. кн. Ксения Александровна (1875–1960) — старшая дочь Александра III, сестра Николая II. В эмиграции жила в Англии, под ее покровительством в русском Париже проходили многие благотворительные балы и вечера.

⁴³ Анциферов Алексей Николаевич (1867–1943) — экономист, доктор политической экономии и статистики, профессор, с 1922 г. председатель Русской академической группы в Париже.

Его жена Анциферова Екатерина Петровна (урожд. Собкевич; 1873–1959) — преподаватель музыки.

Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) — с 1932 г. священник, с 1936 г. протоиерей, богослов и историк Церкви, в 1926–1939 гг. профессор Свято-Сергиевского православного богословского института по кафедре патрологии.

Тарановский Виктор Петрович (1864–1937) — генерал-майор, в Первую мировую войну воевавший во Французском экспедиционном корпусе, в эмиграции жил во Франции.

Смирнова Мария Александровна (урожд. Розанова; 1869–1953) — жена прот. Иакова Смирнова, жила с ним в Париже с 1898 г., помогала ему в служении, принимала активное участие в приходской жизни Александро-Невского собора на ул. Дарю, долгие годы была старшей сестрой сестричества при соборе, в 1930-х гг. казначеем.

Фидлер Александра Фердинандовна (?–1939) — член правления Общества взаимопомощи русских женщин.

Морозов Георгий Вадимович (1900–1993) — иконописец.

Угримов Александр Александрович (1906–1981) — инженер-агроном, в эмиграции в Германии, с 1929 г. в Париже, работал в Высшей мукомольной школе. Участник Сопротивления; в 1947 г. выслан в СССР, в 1948 г. арестован, отбывал срок в Воркуте, в 1954 г. освобожден, жил в Москве.

Либо Кедров Николай Николаевич (старший) (1871–1940) — певец, композитор, хормейстер, основатель вокального квартета; либо Кедров Николай Николаевич (младший) (1905–1981) — пианист, певец, хормейстер. Кедровы были в родстве с Ковалевскими: дочь Н.Н. Кедрова (старшего) Ирина стала женой среднего из трех братьев Ковалевских — Максима.

Тепловы Ксана и Гриша — дети Елизаветы Евгеньевны Тепловой (1873–1960); семья Тепловых и Ковалевских подружилась в начале 1920-х гг., когда жили на юге Франции.

Бюцов Владимир Евгеньевич (1887–1959) — поэт, автор романсов, аккомпаниатор.

Полторацкий Николай Алексеевич (1909–1991) — церковно-общественный деятель, член Братства св. Фотия. В 1931 г. окончил Высшую коммерческую школу в Париже. В 1939–1948 гг. секретарь совета благочиния Московского патриархата во Франции; в 1948 г. вернулся в СССР, преподавал в Одесской духовной семинарии.

Кост-Холомогорова Елена А. (в первом браке Католинская; 1895–1974) — в эмиграции была учительницей у дочерей вел. кн. Павла Александровича Ирины и Натальи Палей, преподавала русский язык в лицеях Фенелон и Жюль Ферри и в четверговой школе.

Арсеньев Юрий Сергеевич (1890–1970) — юрист, переводчик, участник РСХД, младоросс.

Браун Наталья Исааковна (1893–?) — жена врача, работала секретарем.

Леонтьева Евгения Петровна, урожд. Ковалевская (1875–1949) — тетя П.Е. Ковалевского, сестра его отца, Е.П. Ковалевского.

Ее муж Леонтьев Михаил Евгеньевич (1881–1942) — генерал-майор Генерального штаба, участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции работал землемером в Югославии, в 1926 г. переехал в Париж, работал сначала электротехником, затем надзирателем в Высшей коммерческой школе. Председатель Союза чинов Северо-Западной армии.

Буренин Иван Федорович (?–1931) — церковный деятель, благотворитель, казначей Братства св. Анастасии Узорешительницы в Ментоне.

Всеволод — Палашковский В.С. (о нем см. выше).

⁴⁴ Максим Евграфович Ковалевский (1903–1988) — брат П.Е. Ковалевского, средний из трех братьев, математик, духовный композитор, регент, член Братства св. Фотия.

Имеется в виду день свадьбы родителей П.Е. Ковалевского, Евграфа Петровича и Инны Владимировны Ковалевских.

⁴⁵ *Camelots du Roi* — «Газетчики короля» или «Королевские молодчики» (*фр.*) — крайне правая молодежная воинствующая организация в рамках французского политического движения «Аксон Франсез» («Французское действие»).

О манифестации 2 февраля см., например, заметку «Манифестация пред полпредством» в рамках передовицы «Исчезновение генерала А.П. Кутепова» в «Возрождении»:

«В субботу под вечер перед зданием полпредства лигой “Аксон Франсез” была устроена манифестация, причем несколько человек за отказ подчиниться приказу разойтись было задержано. По проверке личности они были освобождены.

Для предотвращения подобных инцидентов полиция усилила посты возле полпредства и возле большевицкого консульства на улице Леверье» (Возрождение. 1930. 3 февр. № 1707. С. 1).

⁴⁶ Довгалецкий Валериан Савельевич (1885–1934) — советский дипломат, в 1927–1934 гг. полпред СССР во Франции. Умер в Париже от рака.

⁴⁷ Видимо, имеется в виду Толстой-Милославский Павел Сергеевич, граф (1848–1940) — юрист, камергер императора Николая II, в эмиграции во Франции, сначала в Париже, где принимал активное участие в приходской жизни Александро-Невского собора на ул. Дарю, в конце 1920-х гг. переехал в Ниццу, где много сделал для русской церкви.

⁴⁸ Харин Николай Николаевич (ок. 1855–1930) — потомственный дворянин, в эмиграции управляющий королевским имением Карагеоргиевичей в Тополе (Югославия); двою-

родный брат бабушки П.Е. Ковалевского по отцовской линии. Маруся — его дочь, Харина Мария Николаевна, вышла замуж за американца и уехала в Америку.

⁴⁹ Сулье Эдуард (Soulier; 1870–1938) — французский политик, пастор реформатской церкви, в 1919–1938 гг. депутат Парижа, в 1935 г. муниципальный советник Парижа, возглавлял Христианский союз молодежи.

⁵⁰ Дюма Луи (Dumat; 1901–1975) — французский политический деятель, в 1928–1932 гг. депутат Парижа, работал в сфере коммерции и рекламы.

⁵¹ Буае Поль (Boyer; 1864–1949) — французский славист, профессор, директор парижского Института восточных языков.

⁵² См. заметку Жана Деляжа «Дань признательности» в рамках его статьи «В поисках похитителей генерала Кутепова» в «Эко де Пари»:

«Я получил вчера очень трогательный знак признательности, доставленный в “Эко де Пари” неизвестным. Это икона Богородицы с Младенцем. На обороте на доске написано карандашом:

“Да благословит Господь наших добрых, благородных и храбрых друзей французов за те усилия, какие вы предпринимаете ради спасения нашего уважаемого и любимого главы, нашего генерала Кутепова. Да поможет вам Бог!”

К ней прилагалось письмо с общим словом благодарности г-ну Луи Дюма, г-ну Камиллю Аймару и мне и подписанное: “Одна из тысяч русских женщин, которые думают точно так же”. Этой русской женщине за ее благородные мысли мы от всего сердца говорим: “Спасибо!”» (*Delage J. A la recherche des ravisseurs du général Koutepoff // Écho de Paris. 1930. 5 février. № 18373. P. 1.*)

Деляж Жан (Delage) — французский журналист, в 1927 г. был редактором «Эко де Пари», вел в газете рубрику, посвященную русским эмигрантам; эти очерки он выпустил в 1930 г. отдельной книгой «Россия в изгнании»: *Delage J. La Russie en exil. P.: Delagrave, 1930.* Именно Деляж нашел главного свидетеля, видевшего похищение генерала Кутепова, вел собственное расследование и регулярно печатал в «Эко де Пари» передовицы с подробным рассказом о ходе следствия, на основании которых потом выпустил книгу «Кутепов, военная карьера, изгнание, похищение»: *Delage J. Koutepoff, la carrière militaire, l'exil, l'enlèvement. P.: Delagrave, 1930.*

⁵³ 6 февраля в «Либерте» появилось следующее объявление:

«Голос Парижа должен быть услышан»

Прошло уже 10 дней с момента похищения Александра Кутепова. Его жена живет в непрестанном горе... Ребенок остается без отца... Полиция, правосудие словно парализованы, бессильны.

Во вторник вечером, 11 февраля, в 20.30.

Большой митинг, зал “Сосьете Савант”.

Нужно, чтобы отныне голос Парижа заставил вздрогнуть убийц из ГПУ в их ближайшем логове» (*La voix de Paris doit se faire entendre // Liberté. 1930. 6 février. № 23925. P. 1.*)

⁵⁴ Имеются в виду младший брат П.Е. Ковалевского Евграф и Всеволод Палашковский.

⁵⁵ Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) — юрист, адвокат, общественный деятель. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже, председатель Объединения русских адвокатов во Франции, организатор Русского клуба в Париже, выступал с публичными докладами и лекциями на юридические темы.

⁵⁶ Грео (Grehaut) — видимо, речь идет о ком-то из французских коллег П.Е. Ковалевского по лицу Мишле.

⁵⁷ В эмиграции жили вдова адмирала А.В. Колчака (1874–1920) Колчак София Федоровна (1876–1956), жившая в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа, и его сын, Колчак Ростислав Александрович (1910–1965), окончивший Высшую школу экономических и коммерческих наук в Париже.

⁵⁸ Людоговский Антоний Степанович (1878–1960) — полковник, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, георгиевский кавалер, в эмиграции во Франции, жил в Монтаржи, возглавлял местный отдел РОВСа.

⁵⁹ Отман-де-Виллье Сергей Альбертович, граф (1902–1968) — преподаватель, литератор, церковный деятель. Окончил отделение истории и географии Сорбонны и свято-Сергиевский православный богословский институт; генеральный секретарь Франко-русского союза; переводил литургические тексты на французский язык.

Его мама Отман-де-Виллье Мария Ивановна (урожд. Зилоги; ?–1944) — вдова французского военного врача, общественный деятель.

⁶⁰ Речь идет о Братстве св. Фотия.

⁶¹ Сенютович (Троцкий-Сенютович) Владимир Николаевич (?–1957) — инженер, предприниматель в нефтяной промышленности, общественный и церковный деятель, благотворитель. Эмигрировал в 1918 г. через Финляндию, жил в Париже. Товарищ председателя приходского совета Александро-Невского собора на ул. Дарю, с 1932 г. почетный попечитель собора. После 1947 г. переехал в США.

⁶² Коковцев (Коковцов) Владимир Николаевич, граф (1853–1943) — российский государственный, общественный и церковный деятель. В 1906–1914 гг. министр финансов, в 1911–1914 гг. председатель Совета министров. В эмиграции с 1918 г., жил в Париже, благотворитель, член приходского совета Александро-Невского собора на ул. Дарю.

⁶³ Тальберг Николай Дмитриевич (1886–1969) — правовед, публицист, историк Церкви, общественно-церковный деятель, в эмиграции один из лидеров и управляющий делами Высшего монархического совета, печатался в монархических изданиях, жил в Берлине, с 1967 г. в США, профессор Свято-Троицкой духовной семинарии.

Крупенский Павел Николаевич (1863–1927) — общественно-политический деятель, депутат II, III, IV Государственных дум, в эмиграции жил в Ницце, входил в Высший монархический совет и Объединение русских монархистов.

Лохвицкий Николай Александрович (1868–1933) — генерал-лейтенант, брат Н.А. Тэффи, участник Первой мировой и Гражданской войн, в эмиграции в Париже, председатель Общества монархистов-легитимистов, председатель Совета по военным и морским делам при вел. кн. Кирилле Владимировиче.

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — журналист, историк, редактор, издатель, член президиума Русского национального комитета в Париже, соредактор журнала «Борьба за Россию».

Гулевич Арсений Анатольевич (1866–1947) — генерал-лейтенант Генерального штаба, историк, военный и общественный деятель, георгиевский кавалер; в эмиграции в Париже, член правления Союза освобождения и возрождения России, председатель Союза офицеров — участников мировой войны, член Русской академической группы.

⁶⁴ Гаспар II де Колиньи (1519–1572) — адмирал Франции и один из вождей гугенотов, убитый в Варфоломеевскую ночь.

⁶⁵ Бенье Марк (Voegner; 1881–1970) — французский теолог-кальвинист, пастор реформатской церкви, президент Протестантской федерации Франции. В годы Второй мировой войны спасал евреев, праведник мира.

⁶⁶ Протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944) — богослов, философ, декан и профессор Свято-Сергиевского православного богословского института по кафедре догматического богословия.

Видимо, опечатка в имени и речь идет о протоирее Иакове Смирнове (1854–1936) — с 1931 г. протопресвитер, с 1898 г. настоятель Александро-Невского собора в Париже.

Протоиерей (с 1943 г. протопресвитер) Николай Сахаров (1869–1951) в 1913–1936 гг. служил вторым священником и помощником настоятеля Александро-Невского собора в Париже, а в 1936–1951 гг. настоятелем.

Протоиерей Александр Калашников (1860–1941) — рукоположен уже в эмиграции, во Франции жил с 1923 г., был сначала разъездным священником, с 1924 г. духовным руководителем Братства Святой Троицы, активно участвовал в РСХД; в 1924–1928 гг. настоятель церкви Свв. Константина и Елены в Клараме, в 1928–1930 гг. настоятель церкви Св. Иоанна Воина в Медоне, с 1932 г. служил в Сент-Женевьев-де-Буа.

⁶⁷ Об Э. Сулье см. выше.

Оттингер Жан-Анри Морис, барон (Hottinguer; 1868–1943) — французский банкир.

Нобель Эмиль (Nobel; 1885–1951) — французский промышленник-предприниматель.

Пейрон Альбан (Peugon Albin; 1870–1944) — французский офицер Армии спасения — международной протестантской благотворительной организации, кавалер ордена Почетного легиона.

⁶⁸ Афонский Николай Петрович (1892/1894–1971) — в 1925–1947 гг. регент хора Александро-Невского собора в Париже, с 1950 г. регент хора Покровского собора в Нью-Йорке.

Запорожец Капитон Денисович (наст. фам. Кононов; 1882–1940) — оперный певец, бас, в эмиграции жил во Франции.

⁶⁹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — с 1917 по 1929 г. нарком просвещения РСФСР.

⁷⁰ Монье Анри (1871–1941) — пастор реформатской церкви, профессор теологии на Свободном факультете протестантской теологии в Париже.

⁷¹ Нерон (37–68) и Диоклетиан (244–311) — римские императоры, осуществлявшие гонения на христиан.

⁷² Бартеlemi Жозеф (Barthélemy Joseph; 1874–1945) — французский юрист, профессор юридического факультета Парижского университета, адвокат.

Оман Эмиль (Haumant; 1859–1942) — французский славист, профессор Сорбонны. Выступал оппонентом на защите докторской диссертации П.Е. Ковалевского в 1926 г.

Спайлакович Мирослав Й. (1869–1951) — сербский дипломат и политик, был послом Королевства Сербия в России при дворе Николая II.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — юрист, дипломат, посол России (Временного правительства) во Франции с 1917 по 1924 г., в 1924 г. возглавил офис по делам русских беженцев при французском Министерстве иностранных дел, председатель Русского эмигрантского комитета во Франции.

⁷³ Сабурова Елизавета Владимировна (урожд. графиня Соллогуб; 1847–1932) — дочь писателя В. Соллогуба, жена министра народного просвещения А.А. Сабурова, мать М.А. Сабуровой и А.А. Шидловской, благотворитель, смогла эмигрировать только в 1928 г., жила в Париже.

⁷⁴ Аймар Камиль (Aymard; 1881–1964) — журналист, доктор юридических наук, главный редактор газеты «Либерте».

Федоров Михаил Михайлович (1859–1949) — политик и общественный деятель, благотворитель, создатель и глава Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, товарищ председателя русского национального комитета, соредатор «Борьбы за Россию», непримиримый противник коммунистического режима.

См. передовицу Камиля Аймара «Неспособная?.. или соучастница?»:

«Сильные эмоции захлестывают русские круги в Париже. Потому что бессилие французской полиции и необъяснимая медлительность правосудия необъяснимы. Неужели и они дрожат перед загадочными палачами из ГПУ?»

Можно ли понять в итоге, что г-н Дона-Гиг, главный прокурор, прождал пятнадцать дней, прежде чем официально принять под свой прокурорский надзор похищение генерала Кутепова?

Однако именно так все и произошло.

Можно ли также понять, что полицейский, имя которого так и не названо до сих пор, предупрежденный уже днем в воскресенье 26 января об исчезновении генерала Кутепова, незамедлительно обращается к семье жертвы, чтобы похищение оставалось в тайне в течение нескольких дней, что позволило преступникам бесследно исчезнуть?

Однако именно это имело место.

Долго поиски полиции оставались бесплодными, и тьма, окутавшая эту мрачную драму, возможно, так бы никогда и не рассеялась, если бы храбрый журналист из “Эко де Пари” г-н Жан Деляж не опубликовал свидетельство санитара из Сен-Жан-де-Дье, видевшего похищение из окна.

Еще вчера только мы вернули юридическое следствие к его исходной точке, чтобы помешать тщательно подготовленным ГПУ диверсиям сбить с толку следователей в их работе, хотя некоторые из них, может быть, только и хотят, чтобы их сбили с толку...

Не нужно забывать в итоге, что, когда полиция оказывается перед лицом обычных злоумышленников, у нее есть средства их разоблачить и арестовать, порой с трудом, так как не всегда ей это удается. Но та борьба, которую она ведет сегодня, совсем другая. Перед ней оказалась банда международных злоумышленников, которая за пятнадцать лет организовалась для своих налетов: не будем забывать, что большевистские вожди являются членами этих тайных обществ, которые еще в царское время расхищали банки и устраивали таинственные исчезновения своих противников.

Сегодня эти бандиты располагают всеми средствами признанного правительства. У них есть логово, защищенное дипломатической неприкосновенностью, на пороге которого французские полиция и правосудие останавливаются в бессилии. Они могут выдавать (и мы знаем, что они пользуются этим правом) ложные паспорта и поддельные документы. У них есть неограниченные средства на подкуп сообщников (и до каких рангов нашей Сюрте это, возможно, дошло?), потому что они их пополняют, печатая фальшивые французские, английские и американские деньги в государственной типографии в Ленинграде, как это доказал недавний процесс в Берлине.

Фальшивые документы правительство Москвы выдает не только агентам ГПУ, но и своим так называемым “дипломатам”.

Вы хотите пример тому, важный и актуальный?

Так называемый Сокольников, новый посол Советов в Лондоне, ни в коем разе не зовется Сокольниковым. Это еврей по фамилии Бриллиант, который под своим настоящим именем наделал в России таких дел, что его начальники, прежде чем отправить его в Англию в качестве посла, решили, что лучше будет скрыть его настоящую фамилию.

Как долго нас будут таким образом обманывать и осмеивать палачи из ГПУ, засевшие на улице Гренель?

В Париже растет беспокойство, усиленное бездеятельностью французского правосудия и полиции.

Неспособной или соучастницы?..

Такая дилемма постепенно встает перед каждым из нас.

Время действовать, чтобы каждый человек доброй воли мог отринуть эти недобрые предположения» (*Aymard C.* «Incapable?.. ou complice?» // *Liberté*. 1930. 11 février. № 23930. P. 1).

⁷⁵ «Jeunesses Patriotes» — крайне правая французская националистическая молодежная организация, созданная в 1924 г. в рамках Лиги патриотов и отделившаяся от нее в 1926 г.

⁷⁶ Львов Лоллий Иванович (1888–1967) — журналист, писатель, литературный критик, с 1924 г. жил в Париже, входил в редакционный комитет газеты «Россия и славянство».

См.: *Ковалевский П.* На собрании французских протестантов // *Россия и славянство*. 1930. 14 февр. № 64.

⁷⁷ Глинка Григорий Вячеславович (1862–1934) — возглавлял в 1905–1915 гг. Переселенческое управление Министерства внутренних дел.

⁷⁸ Струве Глеб Петрович (1898–1985) — славист, историк литературы, критик, журналист, автор книги «Русская литература в изгнании» (1956).

Зайцев Кирилл Иосифович (1887–1975) — юрист, экономист, один из редакторов «России и славянства»; в 1934 г. уехал в Харбин, с 1945 г. священник; с 1949 г. иеромонах, насельник Джорданвильского монастыря (США), с 1954 г. архимандрит Константин.

⁷⁹ Ковалевский П. Церковные события в России // Россия и славянство. 1930. 14 февр. № 64.

⁸⁰ Трубецкой Григорий Николаевич, князь (1874–1930) — дипломат, журналист, мемуарист, церковно-общественный деятель, участник Поместного собора 1917–1918 гг. Эмигрировал в 1920 г. в Югославию, с 1923 г. жил во Франции, входил в комитет по сооружению Сергиевского подворья, в совет общества «Икона», был членом Братства Св. Софии.

⁸¹ Гавриил Константинович (1887–1955) — князь императорской крови, с 1939 г. великий князь, полковник лейб-гвардии Гусарского полка, меценат, общественный деятель, участник Первой мировой войны. Эмигрировал в 1918 г. в Финляндию, с 1920 г. жил во Франции, сначала в Ницце, затем в Париже.

Романовская-Стрельнинская Антонина Рафаиловна, светлейшая княгиня (Романова, урожд. Нестеровская; 1890–1950) — первая жена великого князя Гавриила Константиновича, балерина, предпринимательница (открыла в Париже дом моды), благотворитель.

⁸² Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) — третий сын Александра II, младший брат Александра III.

Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) — пятый сын Александра II, погиб от бомбы террориста.

Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — войсковой атаман Дона, генерал от кавалерии, георгиевский кавалер.

Великий князь Андрей Владимирович (Романов; 1879–1956) — сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, военный, историк, общественный деятель, благотворитель. В эмиграции с 1920 г., жил во Франции, под Ниццей. В 1921 г. женился на балерине М.Ф. Кшесинской. Помогал русской школе в Ницце «Александрино».

⁸³ Мшанецкий Александр Францевич (1871–1930) — генерал-майор Генерального штаба, окончил Николаевскую академию Генерального штаба и Археологический институт, был помощником столоначальника Главного артиллерийского управления. Участник Гражданской войны, в эмиграции в Париже.

⁸⁴ Митрополит Сергей (Страгородский; 1867–1944) — с 1925 по 1936 г. заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола (арестованного митрополита Петра), с 1937 г. Местоблюститель Патриаршего Престола, с 1943 г. Патриарх Московский и всея Руси.

См. заметку в «Возрождении» от 18 февраля 1930 г.:

«Лондон, 17 февраля.

Английские газеты в подавляющем большинстве относятся с величайшим недоверием к советскому сообщению о “беседе митрополита Сергия”, в которой доказывалось, что религии в СССР совершенно свободны, что церкви закрываются только по решению рабочих и самих верующих (!) и что если духовенство меньше произносит проповеди, то исключительно по лени. В этой “беседе” содержались также выпады против папы и архиепископа Кентерберийского; говорилось, что они “в одном лагере с английскими землевладельцами и франко-итальянскими богачами”, что их заявления “дурно пахнут” и т.д. <...>» (Б.п. Отношение к «Беседе митрополита Сергия» // Возрождение. 1930. 18 февр. № 1722. С. 1).

⁸⁵ Протоиерей Иаков Ктитарев (1878–1953) — окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, в 1920 г. начальник общего отделения ВЦУ на юге России, эмигрировал

через Константинополь сначала в Чехословакию, потом во Францию. В 1928–1936 гг. настоятель Св.-Николаевской церкви в Булонь-Бийанкуре.

⁸⁶ Звегинцова София Алексеевна (урожд. графиня Игнатъева; 1880–1935) — жена Н.И. Звегинцова, в эмиграции во Франции.

⁸⁷ Звегинцов Николай Иванович (1878–1932) — донской казак, генерал-майор, офицер лейб-гвардии Гусарского полка, участник Первой мировой и Гражданской войн, командовал эвакуацией в Архангельске, работал в норвежском порту, потом переехал во Францию, владел гаражом такси в пригороде Парижа Ванве.

⁸⁸ Ютановка — родовое имение семьи Ковалевских в Белгородской области. Летом 1919 г. из занятого добровольцами Харькова П.Е. Ковалевский ездил в Ютановку, чтобы спасти хотя бы документы и семейные фотографии. См. об этом запись в его дневниках: *Ковалевский П.Е. Дневники. 1918–1922. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 82–95.*

⁸⁹ 19 февраля в «Возрождении» было напечатано «Осведомительное сообщение митрополита Евлогия» о том, что «переданное по телеграфу интервью с митр. Сергием производит общее впечатление сфабрикованной в ГПУ очередной провокации, имеющей целью разложить мировое христианское движение против гонений на веру в советской России» (Возрождение. 1930. 19 февр. № 1723. С. 1).

⁹⁰ Аметистов Тихон Александрович (1884–1941) — епархиальный секретарь при митрополите Евлогии (Георгиевском).

⁹¹ Первый кабинет министров А. Тардье, просуществовавший всего три с половиной месяца, был свергнут незначительным большинством палаты депутатов во время болезни премьер-министра. Анри Шерон (Cheron; 1867–1936) занимал тогда пост министра финансов.

⁹² Речь идет о В.Н. Лосском. Своим св. покровителем Братство св. Фотия выбрало святителя, защитника православия, византийского богослова, патриарха Константинопольского Фотия I (ок. 820–896).

⁹³ Одинец Дмитрий Михайлович (1882–1950) — историк права, профессор, публицист, один из основателей Русского народного университета в Париже, член Русской академической группы; с 1948 г. жил в СССР, в Казани.

Агафонов Валериан Константинович (1863–1955) — геолог, минералог, профессор Сорбонны, член правления Русского народного университета в Париже.

⁹⁴ Шотан Камиль (Chautemps; 1885–1963) — французский политик, юрист, первый раз занимал пост премьер-министра Франции 21 февраля – 2 марта 1930 г.; занимал этот пост еще три раза в 1934 и 1938 гг.

⁹⁵ Вероятно, опечатка в отчестве и речь идет о Любимове Михаиле Николаевиче (1872–1964), старосте храма Преп. Серафим Саровского в Париже (далее в текстах дневников упоминается именно М.Н. Любимов).

⁹⁶ Тетенже Пьер (Taittinger; 1887–1965) — французский политик, депутат Парижа, возглавлявший «Юных патриотов» («Jeunes Patriotes»).

⁹⁷ Трубецкая Елена Михайловна (урожд. Ону; 1870–1955) — первая жена князя Владимира Владимировича Трубецкого (до 1912), мать Киры Владимировны, Ольги Владимировны и Никиты Владимировича Трубецких; в эмиграции жила во Франции.

Малинин Владимир Федорович (1873–1943) — инженер, общественный деятель, в Гражданскую войну состоял в Совете главнокомандующего П.Н. Врангеля, в эмиграции во Франции.

Дондукова-Изъединова Елизавета Николаевна, княгиня (урожд. Шидловская; 1894–1975) — член приходского совета храма Знамени Божией Матери в Париже.

Кедров Михаил Александрович (1878–1945) — вице-адмирал, в Гражданскую войну командующий Черноморским флотом Вооруженных сил Юга России, в эмиграции в Париже, с 1930 г. второй заместитель председателя РОВСа.

⁹⁸ Баратов Николай Николаевич (1865–1932) — генерал от кавалерии, георгиевский кавалер, общественный деятель, с 1930 г. председатель главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов.

⁹⁹ По всей видимости, речь идет о графе Луи де Гедоне (de Gueydon; ок. 1885–?), сыне французского вице-адмирала, графа Поля Альбера де Гедона (1857–1929). Газета «Либерте» в статье о митинге (23 февраля 1930 г.) передает имя оратора как г-н de Guesdon, у Ковалевского de Guedon.

¹⁰⁰ Фаррер Клод (Farrère; 1876–1957) — французский писатель, лауреат Гонкуровской премии.

¹⁰¹ Бине-Вальмер Жан-Огюст-Гюстав (Binet-Valmer; 1875–1940) — франко-швейцарский писатель, поддерживал «Аксьон Франсез».

¹⁰² Эрлих Жан (Erlich, 1884–1965) — французский политик, адвокат, в 1919–1924 гг. депутат Парижа.

¹⁰³ См., например: Архипастырское послание митрополита Евлогия // Возрождение. 1930. 22 февр. № 1726. С. 2. В нем митр. Евлогий утверждает, что появившаяся в печати беседа митр. Сергия (Страгородского) с заявлениями об отсутствии религиозных гонений в СССР, даже если и имела место в действительности, то произнесенные в ней слова были «или искажены советскими редакторами, или же насильственно продиктованы агентами советской власти». Митрополит Евлогий, даже «целя выше всего наше нерасторжимое единство с Матерью Русской Церковью и всемерно оберегая Ее от всего, что могло бы усугубить Ее страдания», все же считает, что подчинение вверенной ему паствы митрополиту Сергию имеет свой предел: хождение его «в истине». В противном случае «мы не можем признать для себя обязательными означенных его суждений, а равно и тех его распоряжений, которые могли бы последовать на основании этих суждений, ибо они не основаны на истине, — тем более что они носят характер более политический, чем церковный».

¹⁰⁴ П.Е. Ковалевский с 1927 г. был членом бюро и помощником генерального секретаря Французско-русского объединения под председательством Э. Сулье и принимал в нем активное участие вплоть до его закрытия в 1939 г.

¹⁰⁵ Эррио Эдуар-Мари (Herriot; 1872–1957) — французский политик, председатель партии радикалов, в 1924–1925, 1926 и в 1932 гг. премьер-министр Франции, в 1926–1928 гг. министр народного образования.

¹⁰⁶ Кэр Сезар (Caïre; 1861–1931) — французский политик, юрист, адвокат, в 1921–1922 гг. председатель Муниципального совета Парижа.

¹⁰⁷ Епископ Сербской Православной Церкви Ириней (в миру Йован Чирич; 1884–1955).

¹⁰⁸ Скапини Жорж (Scapini; 1893–1976) — французский политик, адвокат, с 1928 по 1940 г. депутат Парижа.

¹⁰⁹ Имеется в виду иеромонах Лев (Жилле).

¹¹⁰ Наталья Петровна Балашова (урожд. Шереметьева; 1906–1965) — графиня.

М. Бёмиг

ОЛЕГ ЦИНГЕР: РУССКИЙ ХУДОЖНИК В БЕРЛИНЕ

Памяти Фрица Мирау

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена художнику и писателю Олегу Цингеру (1910–1998), в двенадцатилетнем возрасте приехавшему с родителями в Берлин; с перерывами, вызванными военными событиями, он оставался здесь вплоть до 1948 г. Имя этого художника — не первого ряда, но тем не менее рафинированного интеллигента и пронизательного наблюдателя своей эпохи — редко или совсем не упоминается в довольно обширной литературе о «русском Берлине», несмотря на то что превратности его судьбы и запечатлевшие его жизнь тексты делают Цингера уникальным персонажем в общей панораме русской артистической и интеллектуальной богемы, населявшей немецкую столицу. Он приехал сюда в тот самый момент (между 1922 и 1923 гг.), когда начался массовый исход русских из Берлина, вызванный как ухудшением экономической ситуации в Германии, так и официальным признанием молодой советской республики и последующим движением «Смена веков». Совокупность этих факторов положила конец хаотической перемешанности убежденных эмигрантов, советских граждан и колеблющихся между двумя лагерями и лишила русских возможности оттягивать окончательный выбор в пользу либо эмиграции — отныне постоянной — либо возвращения — столь же бесповоротного — в советскую Россию. Цингер надолго остался в немецкой столице и после прихода к власти Гитлера, этого второго историко-политического рубежа, спровоцировавшего отъезд из Германии следующей группы русских. Таким образом, он стал очевидцем заката Веймарской республики и свидетелем нацизма, войны, прихода союзников и первых послевоенных лет. Не найдя себе места в новой складывающейся социальной структуре, он покинул оккупированный город в 1948 г., но долго еще продолжал сожалеть о «своем» Берлине, ныне исчезнувшем [s. 288, 289, 291, 309–310]¹. Его эмоциональный контакт с Берлином был разорван только в 1960 г., когда, вновь приехав в Берлин, художник не нашел и следов некогда покинутого им города [s. 308, 310, 315–316].

ВОСПОМИНАНИЯ

Длительное пребывание в Берлине сформировало самосознание Цингера: художник считал себя прежде всего «берлинцем» и лишь во вторую очередь русско-

¹ Все сведения и цитаты взяты из воспоминаний [Zinger 1995]; здесь и далее номер цитируемых страниц указан в скобках прямо в тексте.

французским художником²; оно же определило особенности авторской позиции и композиционную структуру его воспоминаний, озаглавленных «Moskau — Berlin — Paris. Das Leben eines Malers» («Москва — Берлин — Париж. Жизнь художника»)³.

По разным причинам воспоминания Цингера занимают особое место в потоке мемуаров эмигрантов. Он дольше всех жил в столице Германии и, в отличие от большинства других русских, страстно любил этот город. У него не было никакого желания оплакивать идеализированную родину — бывшую предреволюционную Россию — и тем самым оправдывать судьбу изгнанника, для которого писание мемуаров — это своего рода расправа с несправедливым настоящим и с действительными или вымышленными врагами.

На фоне мемуарной литературы, вышедшей из-под пера русских писателей, которые провели в Берлине более или менее продолжительное время, таких как Виктор Шкловский, Андрей Белый, Илья Эренбург, Владимир Набоков, Нина Берберова, Роман Гуль и многие другие [Шкловский 1923; Белый 1924; Эренбург 1963; Nabokov 1975, Берберова 1983; Гуль 1984; ср. также: Pozner 1972; Гессен 1974; Гессен 1979; Šklovskij 1979], эта книга выделяется своей уникальностью во всем, начиная с выбора языка, посвящения и композиционной структуры. В чуть более чем трехсотстраничной книге жившего тогда во Франции русского художника, книге, написанной на немецком языке и посвященной его третьей жене, немке Нанни Мюллер-Беллингхаузен, Цингер отводит 120 страниц России, почти 160 — Берлину и даже сорока не посвящает Франции, где он прожил 50 лет, почти вдвое больше того времени, которое он провел в немецкой столице.

Если в воспоминаниях других русских чаще изображается повседневная жизнь и преимущественно многочисленные художественные и культурные начинания русской колонии, так что, по словам Нины Берберовой, «немецкий Берлин был только фоном этих лет» [Берберова 1983, с. 191], то в книге Цингера немецкая столица занимает центральное место, а феномену эмиграции отведена лишь маргинальная роль.

Для только что приехавшего молодого Цингера «Берлин — это, несомненно, самый красивый город на свете» [s. 135], поэтому он убежденно заявляет: «...я не хочу больше никогда возвращаться в Россию» [s. 136], чуть далее определяемую как «ужасная страна» (Schreckensland) [s. 137].

Многочисленные поездки Цингера по Европе только подтверждают абсолютный приоритет Берлина в его жизни: в Париже, где в двадцатых годах выступают Жозефина Бейкер, Мистингетт и Морис Шевалье, Цингер старается остаться равнодушным и утверждает: «Не хотел бы, чтоб был опорочен “мой Берлин”» [s. 170]. Он избегает каких бы то ни было похвал и пишет: «Каждым моим вторым словом было: “это тоже есть у нас в Берлине” или “в Берлине луч-

² Zinger O. Es sind schon vierzig Jahre her. Erinnerungen eines «Berliners» — eines russisch-französischen Malers aus Paris; Garches, 23. November 1984 (машинописный текст на немецком языке). В радиокomпозиции с оригинальной звукозаписью (1994) Цингер был назван «немецким россиянином в Париже».

³ Текст, датированный Цингером «Garches 1978», был найден и отредактирован для печати Фрицем и Зиглиндой Мираву.

ше”» [s. 171]. Он предпочитает Берлин Флоренции, однако одобряет Рим [s. 174, 176]⁴ и Лондон [s. 189].

В результате отношение Цингера к Германии разительно диссонирует с отношением большинства русских: в лучшем случае соотечественники художника выражали терпеливую снисходительность, а в худшем — горделивое презрение к порядку, чистоте и вообще к тому, что они считали мелочным филистерством немцев. Возможно, потому, что Цингер приехал сюда молодым, он продемонстрировал, напротив, очевидную симпатию и даже восторженную любовь к Берлину во всех его проявлениях и стремление участвовать в его жизни. Таким образом, он оставил нам более полное и, без сомнения, более объективное свидетельство об одном из самых трагических периодов истории — и не только немецкой.

Хронологические рамки повествования охватывают почти семидесятилетний промежуток времени (в пределах которого 26 лет проведены в Германии, и при этом почти безвыездно — в Берлине): оно начинается рождением Цингера в 1910 г. в Москве и заканчивается 1978 г. во французском Гарше (где художник и умрет в 1998 г.). В слегка отрешенной и самоироничной манере лишенного иллюзий и трезво смотрящего на мир человека автор повествует о своей семье, своем образовании и своих разнообразных интересах (помимо живописи и графики, которыми он зарабатывал себе на жизнь, Цингер увлекался естественно-научными исследованиями, в частности энтомологией⁵, которая нередко вдохновляла его на сюжеты для рисунков). Он задерживается на подробностях долгой одиссеи, предшествовавшей переселению в Берлин, на чарующих и притягательных развлечениях, предлагаемых немецким городом, с его мюзик-холлами, варьете [s. 135], кабаре и кинотеатрами, «негритянской» эстрадой [s. 160], джазом и балами-маскарадами [s. 184], на многочисленных путешествиях (особенно в Италию), на учебе в Германии и на счастливом времени, проведенном им в Берлине в конце 1920-х гг. [s. 180 и далее]. Многие страницы посвящены кругу общения, как немецкому, так и русскому⁶, портретам родственников, друзей, коллег и работодателей. Через все повествование красной нитью проходят не омраченные чув-

⁴ См.: *Zinger O. Rom* (машинописный текст на нем. языке; вероятно, 1980-е гг.).

⁵ Интерес к энтомологии сближает его с другим, более знаменитым эмигрантом — Владимиром Набоковым, в те же годы (1922–1937) жившим в Берлине и публиковавшимся под псевдонимом Сирин.

⁶ В Берлине Цингер встречался с Леонидом Пастернаком, с которым его отец познакомился еще в России (в Ясной Поляне [s. 157]), дружил с Всеволодом Добужинским, сыном Мстислава [s. 168] и Робертом Лисовским, художником-графиком, в 1927 г. окончившим Берлинскую академию искусств [s. 181, 183], посещал дружеский кружок, в который входили Дина и Андрей Вольф, внук издателя Морица Вольфа, а также брат Дины кинооператор Константин Четвериков [s. 185]. В Риме Цингер общался с Николаем Бенау, который работал в Римском оперном театре (*Teatro Costanzi*), и с Максимом Пешковым, сыном Горького [s. 175–177]. Особые отношения связывали семью Цингера с ученым-генетиком Николаем Тимофеевым-Ресовским, с 1925 г. жившим и работавшим в Берлине, в 1945 г. арестованным и депортированным в Советский Союз [s. 163, 218 и далее, 269, 274], и с Татьяной Шалапиной, дочерью певца [s. 230]. Наконец, первая статья о Цингере, сопровождавшаяся многочисленными иллюстрациями, была написана русским художником Николаем Зарецким для журнала «*Gebrauchsgraphik*» ([s. 190]; см. список литературы в приложении к наст. статье, с. 201: *Saretzki N. Oleg Zingher...*). После войны Цингер контактировал с новым поколением русских за границей — в частности, с работающими на американцев переводчиками, среди которых были Илларион Голенищев-Кутузов [s. 282] и Семен Карлинский, будущий славист и профессор Калифорнийского университета в Беркли [s. 283].

ством обиды описания трудностей, лишений и опасностей, с которыми сталкивалась вырванная с корнем из родной почвы интеллигентная русская семья (отец, Александр Васильевич, был ученым, а мать, Вера Николаевна Павлова, большая почитательница Германии, актрисой МХАТ [s. 54]), в своих скитаниях по южной России и Европе неизменно сопровождаемая гувернанткой и собаками и сумевшая сохранить свои привычки и выстоять перед лицом исторической трагедии.

ЯЗЫК И СТИЛЬ

Написанные с изощренным чувством форм и оттенков немецкого языка в диапазоне от самых изысканных и необычных [s. 114, 188, 204] до диалектных, используемых, как правило, в диминутивах, записки Цингера разделены на 12 глав разного объема с поэтическими или метафорическими названиями, порой заимствованными из пословиц или поговорок: «Кенгуру в маленькой сумке» [s. 13–21]; «Петлицы, штыки и ракушки» [s. 21–83]; «Балет карманных крабов» [s. 83–90]; «Окно в Европу» [s. 131–133]; «“Попытка не пытка”⁷ и “Вечером в Скала”»⁸ [s. 133–154]; «Божьи чаевые» [s. 291–296]; «“Навеки твой друг Эрнст Теодор”» [s. 317–329]⁹. Иногда главы не имеют названия, но сопровождаются эпиграфами. Первый восходит к Паскалю и гласит: «Il est bien plus beau de savoir quelque chose de tout que de savoir tout d'une chose» («Несомненно, лучше слегка разбираться во всем, чем знать все об одном») — и намекает на обширную сферу интересов Цингера [s. 91–131]; во втором приведены стихи немецкого поэта-сатирика Йоахима Рингельнатца «Nach Berlin, nach Berlin / Nach Berlin umzuzieh'n / Aus der dümmsten Stadt der Welt» («В Берлин, в Берлин / Перебраться в Берлин / Из самого дурацкого города в мире» — этот эпиграф предваряет главу, посвященную вожделенному возвращению в Берлин после путешествия в Италию) [s. 154–177]; третий «Non t'arrabbiare / La vit' è breve / Tutto si deve / Dimenticar» («Не сердись, / Жизнь коротка / Позабудь / Обо всем») воспроизводит стихи песенки, услышанной незадолго до конца нового путешествия в Италию в одном из «феллиниевских» кабаре в Риме [s. 177–197]¹⁰; четвертый, утверждающий, что «La vie est une tragédie pour ceux qui sentent, et une comédie pour ceux qui pensent...» («Жизнь — это трагедия для тех, кто чувствует, и комедия для тех, кто размышляет...») [s. 197–291]¹¹, стано-

⁷ Немецкая поговорка «Probieren geht über Studieren».

⁸ «Скала» — знаменитый театр-варьете в Берлине. Две фразы, приведенные Цингером, являются слоганами из пестрой рекламы театра, поражающей воображение будущего художника с момента его приезда в Берлин [s. 133, 135]. Интересно отметить, что и в «Московском дневнике» Вальтера Беньямина 1926–1927 гг. [Benjamin 1980, s. 37] реклама представляется эмблемой современного крупного города.

⁹ Серт Эрнст Теодор (Sehrt; 1911–1983) — немецкий друг, почти брат, с которым Цингер познакомился в Фрибурге, в школе «Noerth». В будущем Серт стал англоведом в Геттингенском университете [s. 146 и далее].

¹⁰ Популярная песенка «Non t'arrabbiare, la vita è breve, ciò non si deve dimenticare» (другой вариант: «Non t'arrabbiare / la vita è breve / perciò si deve / dimenticare») была запрещена во время фашизма.

¹¹ Утверждение «La vie est une tragédie pour celui qui sent, et une comédie pour celui qui pense» приписано Жану де Лабрюйеру, а предложение «The world is a comedy to those that think; a tragedy to those that feel» принадлежит Хорасу Уолполу (письмо от 1 декабря 1769 г.).

вится философическим девизом исполненной драматизма главы, повествующей об экономических трудностях семьи, вызванных как отказом Советского Союза вернуть деньги гражданам, живущим за границей, так и приходом Гитлера к власти в Германии; последний — «Intimacy breeds contempt» — приписан Шекспиру [s. 296–317]¹² и предшествует главе, описывающей ощущение оторванности от родной земли и чувство чужеродности, переживаемые Цингером в Париже.

Текст Цингера делают выразительным и временами очень живописным не только немецкие диалектные формы, сообщаящие ему характерные личные интонации. В книге присутствуют еще и многочисленные русские слова, использованные в ряде просторечных оборотов (обсц. Pisda — [s. 18] и в особенности для номинации специфически русских реалий, написанных в немецкой фонетической транскрипции¹³ (пицца: Bulka, Bitki, Kalatsch, Kascha, Kedrowyje Oreschki, Kulitsch, Kwas, Kissel, Nawaga, Pelmeni, Piroshki, Sakuski, Ucha; одежда: Baschlik, Papacha, Schinel; жилье и предметы употребления: Banja, Datscha, Drowni, Isba, Kupalnja, Sawalinka; семья, социальные группы и ругательства: Babuschka, Barin, Burshui, Njanja, Swolotsch; животные: Vajbak, Uklejka; оружие: Nagan). Кроме того, в тексте встречаются разнообразные пословицы и поговорки, почерпнутые на сей раз уже из немецкого языка [s. 133], немецкие считалочки [s. 133] и стишки [s. 226–227], которые свидетельствуют об основательном знании выученного Цингером языка и о способности художника схватить общую атмосферу эпохи. Особенно тревожно звучит последняя вставная песенка, самая длинная, включающая антисемитские стихи, распеваемые в одной из пивных людьми, которые, как справедливо считает Цингер, днем позже и в трезвом состоянии самым категоричным образом провергли бы обвинение в предубеждении по отношению к евреям [s. 226–227].

Поэтику мемуаров Цингера определяет своего рода лейтмотив, сформированный видеорядом нескольких полотен Ватто — его любимого художника. В берлинском Kaiser-Friedrich-Museum он восхищался двумя небольшими картинами начала XVIII в.: «Французская комедия» и «Итальянская комедия», которые, с его точки зрения, не только воссоздают очарование сцены и душу театра, но и воплощают образы Франции и Италии [s. 271]¹⁴. В Лувре он увидел другое полотно Ватто на аналогичный сюжет: «Пьеро» (1717–1719), известно также под названием «Жиль», которое был готов счесть воплощением «Арлекинов (*sic!*) всех времен» [s. 299–300]. Созерцание картин своего любимого художника навеяло Цингеру воспоминания о театре Таирова, Вахтангова и Мейерхольда — художников, которые тоже черпали вдохновение в эстетике *commedia dell'arte*.

¹² В комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы» (другой перевод — «Виндзорские проказницы») читаем: «I hope, upon familiarity will grow more contempt» («Надеюсь, что по мере сближения будет увеличиваться и взаимное нерасположение») (акт I, сцена 1); на самом деле речь идет о пословице, которая гласит: «Intimacy / Familiarity breeds contempt» («Близость порождает презрение»).

¹³ Любопытно, что в качестве их немецких эквивалентов Цингер иногда использует южнонемецкие диалектальные диминутивы; так, он употребляет слово «Fleischküchle», чтобы пояснить слово «Kotletchen», которое, наоборот, является морфологической калькой русского «котлетка» и не имеет никакого отношения к немецкому Kotelett [s. 48, 166].

¹⁴ Теперь картины находятся в Берлинской картинной галерее.

Произведение Ватто, наиболее константно присутствующее в мыслях Цингера, — это «Паломничество на остров Цитеру» / «Отплытие на Цитеру»; оно существует в двух редакциях, созданных в 1717 и около 1720 г. и выставленных в Лувре и в берлинском «Schloss Charlottenburg». Эта картина в стиле рококо, изображающая группу паломников, составленную из любовных пар, одна из самых знаменитых за весь европейский XVIII в., поскольку является своего рода метафорой (или мистическим сновидением) стремления к лучезарным пределам, теряющимся в туманной дали. Именно об этой картине Цингер вспоминает, сидя в укрытии во время ужасной воздушной атаки и пытаясь думать о чем-нибудь прекрасном; когда же он, счастливый, наконец выходит наружу, он восклицает: «Нет <...> должны все-таки существовать покой и красота» [s. 257]. Художник воспринимает картину Ватто в проекции на собственную скитальческую биографию — доказательством может послужить одноименное картине первое заглавие его воспоминаний, датированных 1978 г. и изданных в 1995 г. под заглавием «Moskau — Berlin — Paris. Das Leben eines Malers»¹⁵. Наконец, из символики картины он извлекает и негативную метафору Парижа, названного им «асфальтовым островом Цитера» [s. 328].

Цингер отличался уникальной способностью схватывать состояния души и находить им соответствующие определения, в чем он, между прочим, предшествовал гораздо более знаменитым писателям. За несколько лет до Милана Кундеры Цингер использовал выражение «легкость бытия», передавая впечатления от пребывания на юге, в Ялте [s. 89]. Беззаботные годы, проведенные в Берлине и отмеченные ощущением «бесконечной свободы», тоже вызывают у художника чувство «легкости» [s. 192].

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСКУССТВЕ И ИСТОРИИ

Два самых интересных аспекта воспоминаний — это мнения Цингера об искусстве и особенно его суждения об истории.

Цингера приобщили к искусству изображения животных, выполненные В.А. Ватагиным в изящном стиле для книг А. Чеглока¹⁶. В художнике и писателе Цингер склонен усматривать основы всей своей будущей жизни [s. 126].

¹⁵ См.: Zinger O. Die Einschiffung nach der Insel Cythère; Garches 1978 (машинописный текст на нем. языке). Картина Ватто вдохновляла и поэта Георгия Иванова: в 1912 г. он издал за свой счет свою первую книгу стихов «Отплытие на о. Цитеру», а в 1937 г. в берлинском издательстве «Петрополис» опубликовал «Отплытие на остров Цитеру» с подзаголовком «Избранные стихи 1916–1936». Заглавие другого текста Цингера, «Der Garten der Lüste», изданного Ф. Миразу в журнале «Sinn und Form» (IV (1991). S. 1128–1131), восходит к триптиху «Сад земных наслаждений» (1480–1490) Иеронима Босха, хранящуюся в музее Прадо.

¹⁶ Ватагин Василий (1883–1969) — график и художник-анималист, педагог, профессор, член-корреспондент а затем академик АХ СССР, лауреат самых высоких государственных наград и премий. Много лет был сотрудником Дарвиновского и Зоологического музеев. Создал множество панно и скульптур для оформления залов и музейных экспозиций, оформил около 450 цветных листов с изображениями из Берлинского зоопарка. А. Чеглок — псевдоним Александра Усова (1871–1942), детского писателя, естествоиспытателя, революционера, путешественника, изобретателя, теософа. В 1908–1914 гг. вместе с Ватагиным совершил кругосветное путешествие. В 1930-х гг. в поселке Гуарек возле Лазаревского вместе с группой единомышленников Усов создал небольшой теософский ашрам и начал строить «Храм Солнца». В число участников этого кружка входили среди других Максимилиан Волошин и Ватагин. В 1936 г. Усов

Интерес к миру животных возник у Цингера с юных лет благодаря частым посещениям московского зоопарка, где Цингер делал свои первые рисунки и однажды у клетки с кавказской козой лично познакомился с Ватагиным; с этим художником его связывало одно из самых длительных и интенсивных дружеских чувств, дошедшее до степени почти болезненной [s. 127–128, 156, 162–165]. В течение 26 лет пребывания в Берлине знаменитый зоопарк тоже будет для Цингера одним из самых устойчивых сюжетов [s. 133–134].

Страсть к живописи и интерес к животным позволяют Цингеру обнаружить глубокую связь между искусством и природой, пронизанными красотой в равной мере: наблюдения такого рода станут источником убеждения художника в том, что природа таит в себе нечто художественное, а искусство сродни миру животных и, возможно, даже миру растений [s. 76].

Второй пласт эстетических впечатлений, сложившийся под влиянием матери, связан с московскими театрами, в частности с мхатовской постановкой «Синей птицы»: эта стилизованная интерпретация пьесы Метерлинка навсегда останется для Цингера символом «истинного искусства», квинтэссенцией театра, синтезирующего все искусства, в особенности живопись и архитектуру [s. 34–35], подобно синтетизму многих форм природы растительной и животной. Авангардистские постановки Мейерхольда, Таирова и Вахтангова с кубистическими костюмами и декорациями станут затем для Цингера высшим проявлением искусства вообще [s. 128–129]. В Берлине, в ученические годы, Цингер, уже убежденный поборник современного искусства, признается, что для него не существует ничего более значительного, чем Ван Гог и Пикассо [s. 159]. Становлению его эстетической концепции, освобождающей искусство от обязанности жизнеподобно воспроизводить реальность, способствовали также посещения Египетского и Этнографического музеев Берлина, предпринятые совместно с Ватагиным, который был у него в гостях в 1926 г. [s. 163–164]. В годы учебы в Берлинской академии искусств его представления о «современном» постепенно расширятся до тех двух основополагающих признаков, которые характеризуют многие направления в искусстве начала XX в.: гротескности и ориентации на поэтику плаката [s. 183]¹⁷.

Воспоминания Цингера в особенности драгоценны своими свидетельствами о длительном периоде европейской истории, отмеченном революциями, массовыми переселениями народов и войнами, сопровождавшимися еще более впечатляющими миграциями. В период одного из ожесточенных идеологических конфликтов Цингер остается наблюдателем внимательным и объективным, его никогда не ослепляют идеологические предрассудки или религиозные догмы. В своих весьма независимых и уравновешенных суждениях он никогда не уподобляется манихеям в склонности непременно делить людей на хороших и плохих: истина и свободомыслие — это его единственная путеводная нить в демонстрации противоречий и разоблачении скрытых аспектов. Положительные и отрица-

был арестован как мистик-анархист и выслан в Мурманскую область. В 1942 г. он ушел из поселения, чтобы умереть на свободе, и не вернулся.

¹⁷ Цингер зарабатывал на жизнь оформлением рекламы (см. иллюстрации в разных номерах журнала «Gebrauchsgraphik» за 1929–1959 гг.).

тельные стороны мемуарист видит в равной мере и в немцах, и в русских, в целом осуждая нацистов, он пытается понять даже их. Строгому испытанию его аналитической мысли подвергаются и французы, и результат испытания не будет однозначно положительным. Для Цингера, нетерпимого к любым идеологическим или религиозным установлениям, туманящим рассудок или мешающим зрению различать красоту и ужас этого мира, типично утверждение, произнесенное во время оживленной дискуссии о немцах, русских и советской России: «...помимо политики существуют люди, наука, желание познать истину и обрести цивилизованную жизнь» [s. 152].

О некоторых эпизодах Первой мировой войны, революции и войны Гражданской Цингер повествует остраненно — возможно, по причине своей крайней молодости в те годы [s. 57, 78]; его повествование становится более реалистичным, когда он начинает описывать зверства красных [s. 80–81, 106–107, 115–117]. Неприязнь к красным — это, пожалуй, единственная однозначная константа мировоззрения Цингера, сближающая его с большинством эмигрантов.

В Германии, где сначала имя Гитлера ничего не говорило ему [s. 196], именно эсэсовцы, выходящие из расположенных напротив его дома казарм и «красиво и впечатляюще» поющие, заставили его вспомнить один страшный вещий сон [s. 202–203]. Тем не менее он не может не отметить, что население, уже не безработное, относилось к Гитлеру поначалу вполне благосклонно, разочарование наступило только со временем. Возвращаясь из «солнечной, по-фашистски ликующей Италии» в «серый национал-социалистский Берлин», Цингер пронизательно зафиксировал разницу между «более живописными» итальянскими фашистами — и возрастающей агрессией штурмовых отрядов СА на фоне прогрессирующей безутешности немцев. Первое потрясение постигло его, как и многих других, вместе с кострами из книг и откровением: «Недовольство интеллектуалов росло, но никто не обращал на них внимания» [s. 206].

Цингер подробно воспроизвел признаки прогрессирующего антисемитизма, который поначалу проявлялся в гротескных эпизодах вроде вопроса: а не был ли евреем Гамлет в исполнении актера Густава Грюндгенса [s. 207]¹⁸, с тем чтобы впоследствии выродиться в отвратительные преследования [s. 225].

Ухудшение ситуации не помешало Цингеру, однако, с человеческой точки зрения положительно относиться к тем людям, с которыми он общался, — коллегам и даже работодателям, несмотря на их явную невежливость или очевидные националистические пристрастия [s. 203–208]. Человеческие качества, и особенно незапятнанная честность некоторых из этих людей, заставляют увидеть в мемуарах Цингера тонкое разграничение «нациста» — т.е. патриота не столько по политической ориентации, сколько по способу существования, и «нациста» — в том

¹⁸ Грюндгенс Густав (Gründgens; 1899–1963) — крупный немецкий актер и режиссер, с 1934 г. до смерти был директором разных государственных театров. Его исполнение роли Гамлета (1936) вызвало резкую критику нацистского лагеря, так как он подчеркнул трагическую судьбу интеллигента, ставшего одиноким в преступном государстве. Некоторым показалось, что такие реплики Гамлета, как «век расшатался» (акт I, сцена 5) и «Дания — тюрьма» (акт II, сцена 2) звучали тенденциозно («Гамлет» цитируется по переводу М. Лозинского).

смысле, который придаст этому термину история, сделавшая его своего рода клише и оскорблением [s. 211].

В результате Цингер утверждает, что фильмы о нацистской эпохе смешат его, поскольку за редкими исключениями они лживы и не отражают дух, атмосферу и суждения тех лет. Он пишет:

Сейчас любят изображать существующих только в фантазиях людей из мира кино: элегантных блондинов, садистов-офицеров СС, обнаженных девушек в офицерских фуражках, шампанское и отважных садистов-Зигфридов в каждом углу. Доходит до того, что некоторые француженки сходят с ума по этим светловолосым садистам. В каком-то смысле это понятно: адски жестокие, адски прекрасные, адски отважные... капелька садизма делает жизнь красивой и интересной. В фильме эти сцены разворачиваются на фоне причудливых декораций. Притоны с загримированными проститутками, кабаре с фантастическими конферансье, намеренный недостаток вкуса, полный такого чрезвычайного таланта. Яркие краски, эротизм и грех в кабаке, в котором мужчины и женщины в баварских костюмах поют гимн Хорста Весселя¹⁹.

За всем этим забывается одна вещь: настоящий ад сер, печален, лишен таланта, аккуратен, упорядочен, бесчеловечен и абсолютно непривлекателен. В этом аду правят не элегантные садисты, а совершенно незротичные функционеры [s. 225–226].

Описание Цингера, столь далекое от стереотипов, полностью совпадает с тезисом Ханны Арендт о «банальности зла».

Как бы для того, чтобы смягчить эту картину, чуть дальше Цингер умеряет свои высказывания, вновь обращая внимание на ценность отдельной личности, не обязательно испорченной нацистским кredo:

У меня нет никакого желания делать мои воспоминания своеобразным трибуналом истории. Я смотрю на людей с совершенно иной точки зрения. Художник Андре Дерен²⁰ был за Гитлера, но он по этой причине не был плохим художником. <...> Если Саша Носков²¹ и Кнут Гамсун были за нацистов, то это не уменьшает их достоинств. Кроме того, люди меняются и, допустив ошибку, начинают думать о вещах по-другому и т.д. Так, много говорится о свободе, но если речь пойдет о мировоззрении, то большая часть людей станет диктаторами [s. 241–242].

Хотя Цингер не был подвержен обаянию демонстративной театральности и обладал иммунитетом против любого идеологического диктата, беспристраст-

¹⁹ Вессель Хорст (Wessel; 1907–1930) — автор политической песни «Знамена вывься!», ставшей официальным гимном Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

²⁰ Дерен Андре (Derain; 1880–1954) — французский художник.

²¹ Носков Александр (1911–1979) — живописец, график, иллюстратор книг, монументалист, сын генерала и писателя А.А. Носкова, с 1933 до 1943 г. жил, учился и работал в Берлине, зарабатывая на жизнь написанием пренемецких статей и книг.

ность позволила ему, с одной стороны, решительно осудить штурмовые отряды, речи Гитлера и вечный «Heil Hitler!» [s. 212], а с другой — описать в тоне смешанного восхищения и любопытства большие празднества 1937 г. по поводу семисотлетия Берлина, в которых, по его свидетельству, участвовали некоторые русские: среди них был и обладатель советского паспорта Саша Носков, и четверо донских казаков в одеждах апокалиптических всадников [s. 216–217]²².

Заметки Цингера становятся все более мрачными начиная с 1939 г., когда на улицах Берлина впервые появились евреи со звездой Давида и поляки с буквой П. Именно в это время Берлин в результате эмиграции многих евреев и американцев стал печальным и утратил свои характерные особенности интернационального города [s. 223–224].

Далее мемуарист повествует о том, как объявление войны России, воспринятое немцами с чувствами, далекими от восторга, повергло население в молчание и «пессимистические мысли» [s. 233–235]. Обязанный явиться, как и все, по его свидетельству, еще многочисленные русские, в полицейский участок и затем задержанный на одиннадцать дней, Цингер впервые почувствовал острую ненависть к Германии и ко всему немецкому. Он называет немцев «германской сволочью» (употребляя русское слово Swolotsch в немецкой транскрипции), «злыми, жестокими и, главное, глупыми», поскольку они поставили пушку Бертю выше Бетховена и Гете [s. 235]. При всей своей честности Цингер, однако, отмечает, что литовцы, интернированные вместе с русскими, радуются предстоящей войне [s. 235] и что немецкий чиновник, который выпускает его на свободу, беспокоится о лягушках, оставленных в опечатанной в отсутствие хозяина квартире [s. 238]. Неподкупный поборник истины, Цингер упоминает также о корректности, с которой во время поездки в поезде немцы отнеслись к его советскому паспорту, и о непременном возврате документа, спрашивая себя, в какой еще другой стране это могло бы произойти [s. 249].

С другой стороны, он вспоминает, что многочисленные русские эмигранты сотрудничали с нацистами под маской антикоммунизма, носили униформу и изрядно задирали носы. Особенно вопиющим был случай С.В. Таборицкого, замешанного в убийстве В.Д. Набокова²³: представитель нацистского режима в русских делах, член расовой комиссии и закоренелый антисемит, он активно занимался чистками [s. 258]. Цингер не упускает случая заметить, что после войны некоторые из этих поклонников нацизма превратились в апологетов Сталина [s. 293–294]. С растущим чувством тоски Цингер описывает, как его любимый Берлин катастрофически меняется из-за воздушных атак, становясь «все более грязным, темным, пыльным и невыносимым» [s. 242]. Несмотря на все это, даже

²² Впоследствии празднества по поводу капитуляции Германии, наоборот, внушат Цингеру страх [s. 269].

²³ Таборицкий Сергей (1895/97–1980) — русский националист-монархист, редактор первых номеров литературно-политического журнала «Луч света», совместно с П.Н. Шабельским-Борком участник покушения на П.Н. Милокова, который остался жив, но погиб В.Д. Набоков. В 1936–1945 гг. вместе с Шабельским-Борком был заместителем руководителя Бюро для русских беженцев в Германии, действовавшего под надзором гестапо, в 1942 г. стал членом нацистской партии.

зрелище опустошения Берлина под пером Цингера предстает исполненным своеобразной красоты. Так, после ужасной зимы непрерывных бомбардировок, глядя на разрушенный город с крыши одного из домов, он неожиданно различает в его очертаниях чудесную картину, сравнимую с изображением ада у Иеронима Босха: «живописные пепелища» среди черных крыш и руин [s. 257]. И далее город, разрушенный бомбами, «впечатляющий, прекрасный, а в то же самое время угнетающий», предстает в виде пейзажа из сюрреалистического фильма, чем-то вроде декорации к «Божественной комедии» Данте [s. 272]²⁴, а любимый зоопарк напоминает очертания лунного пейзажа [s. 276].

В описаниях Цингера картины, леденящие душу своей жестокостью, при всем их натурализме всегда сопровождаются художественными ассоциациями. Вид немецкой батареи, заваленной телами скошенных одним метким выстрелом молодых солдат в новеньких касках, где странным образом не видно крови, но, напротив, кажется, что все прибрано и чисто, напоминает Цингеру панораму из воска и железа, еще более аккуратную и неестественную, чем то, что ему довелось увидеть в Севастополе [s. 267].

Согласно воспоминаниям Цингера послевоенный период тоже таил в себе немало удивительного. Приход русских — это не столько прибытие армии победителей, сколько поток солдат, завладевающих часами и велосипедами и уклоняющихся от соблюдения требований дисциплины [s. 261–262]. Но, несмотря на повседневные сцены, напоминающие Цингеру о картинах Тридцатилетней войны, русские, даже самые простые, демонстрируют большое уважение к науке, жаждут культуры и устраивают театральные спектакли, исполненные подлинной поэзией [s. 264, 269–272].

В связи с постепенным обнаружением масштабов нацистских преступлений, о которых, по мнению Цингера, многие узнали только после капитуляции, крайне интересной представляется эволюция еврейского вопроса. Цингер повествует о враче-еврее, который в устроенном русскими лазарете заботится о немцах и комментирует: «Боже, что совершил этот народ! И как же высока будет цена, которую он теперь должен заплатить! А убийства евреев? Какой грех! Бедные, бедные люди! Необходимо подумать и о них» [s. 270]. Антисемитские настроения укореняются и среди русских, и когда один молодой немецкий еврей хвалится тем, что он — еврей и коммунист, ему отвечают: «Ты — еврей. А почему тебя не уморили в газовой камере? Ты коммунист? Тогда иди к нам, и у тебя пропадет всякая охота, жопа в галстук!» [Там же].

Советская атмосфера, угнетающая Цингера, облегчается с приходом прочих оккупационных войск и образованием секторов, из которых особенно в американском возникает все «новое, изящное, богатое и вызывающее зависть» [s. 273–274]. По мнению Цингера, реакция немцев на появление оккупантов двойственна: им неприятно быть побежденными слишком «дикими» русскими, при этом они расшаркиваются перед англо-американцами [s. 279]. Тот же Цингер, чтобы до-

²⁴ Возможно, Цингер ссылается на итальянский фильм «Ад» 1911 г. (режиссер Джузеппе Де Лигуоро, оператор Эмилио Ронкароло), шедевр, который обрел международный успех. Сценография напоминала гравюры Доре к «Божественной комедии».

быть себе пропитание, вынужден развлекать англичан, карикатурно имитируя Гитлера [s. 280].

Цингер рассказывает, наконец, о быстром возрождении Берлина, выставках, новых газетах и журналах, конференциях, поэтических вечерах, дискуссиях, деятельности галереи «Розен»²⁵ и книжного магазина «Вольф»²⁶, новых знакомствах в культурной атмосфере, которая еще не отравлена жаждой денег, снобизмом, преувеличенным эгоизмом и болезненными амбициями, но, напротив, пронизана теплотой и человечностью, обреченными на исчезновение в связи со стремительным обогащением города [s. 280–282].

ДРУГИЕ СУЖДЕНИЯ

Всегда готовый иронизировать над убеждениями и разоблачать общие места, Цингер развенчивает в своих воспоминаниях многие другие предвзятые мнения и глупости: поверхностные суждения русских эмигрантов во Франции об оставшихся в Берлине и неизбежно обвиняемых в пристрастии к нацизму [s. 212]; поспешное осуждение русскими эмигрантами в Берлине всех, кто работал на немцев [s. 216]. Мемуарист не скупится на иронические замечания и в адрес русских интеллектуалов, которые по непостижимой причине испытывают любовь к «крестьянам, рабочим, рыбакам или же, при отсутствии прочего, к неграмотным» [s. 221].

СУЖДЕНИЯ О ФРАНЦУЗАХ

Столь же необычны суждения Цингера о французах, которые во времена оккупации Берлина вызывали его одобрение, поскольку, вместо того чтобы щедро раздавать консервы и сигареты, они работали в области культуры, устраивали выставки и киносеансы [s. 285]. Тем более неожиданно и горько открытие мемуариста, сделанное в Париже: французы, в сравнении с немцами и особенно с русскими, кажутся ему эмоционально холодными, полными предубеждений, невежественными и поверхностными [s. 296–299].

Цингера глубоко огорчает невозможность объяснить, что не все немцы были плохими и глупыми нацистами и что распознать цели политики Гитлера с самого начала было совсем не просто [s. 296].

В Париже Цингер впервые испытал обостренное чувство одиночества [s. 306, 326] и стал спрашивать себя, стоило ли уезжать из Москвы и Берлина и приезжать во Францию [s. 323]. Однако Париж, именно потому что художнику оказалось трудно свыкнуться с новой обстановкой, воплотил для него и контакт с «миром», с тем миром, где в расчет принимаются не чувства или эмоции, творческие или человеческие качества, а только успех и деньги, которые символизируют высшую власть [s. 325–327]. Поэтому Париж, «асфальтовый остров Цитера» [s. 328], — это

²⁵ Галерея «Gerd Rosen», которую также называли «Galerie Rosen», работала в Берлине с 1945 до 1962 г. как первая послевоенная галерея и выставляла современное и авангардистское искусство.

²⁶ Книжный магазин «Wolffs Bücherei» был основан в 1931 г. в Берлине-Фриденау книгопродавцем Андреасом Вольфом (Wolff), внуком знаменитого русского издателя Морица Вольфа (Товарищество М.О. Вольф) и играл важную роль в возрождении интеллектуальной жизни в послевоенной Германии.

школа свободы, полная не только противоречий, дешевого товара и поэзии, но и неожиданных возможностей.

Перевод с итал. Ольги Лебедевой и Михаэлы Бёмис

Литература

- Белый 1924 — *Белый А.* Одна из обителей царства теней. Л., 1924.
 Берберова 1983 — *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. 2-е изд. Т. 1. Нью-Йорк, 1983.
 Ватагин 1980 — *Ватагин В.* Воспоминания: Записки анималиста. М., 1980.
 Гессен 1974 — *Гессен В.* В борьбе за жизнь: Записки эмигранта. Пб.; Берлин; Париж; Нью-Йорк, 1974.
 Гессен 1979 — *Гессен И.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.
 Гуль 1984 — *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 1. Нью-Йорк, 1984.
 Шкловский 1923 — *Шкловский В.* Зоо, или Письма не о любви. Берлин, 1923.
 Эренбург 1963 — *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. М., 1963. Т. 2. Кн. 3–4.
 Benjamin 1980 — *Benjamin W.* Moskauer Tagebuch. Frankfurt a/M. 1980.
 Nabokov 1975 — *Nabokov V.* Bagazh. Memoirs of a Russian Cosmopolitan. L., 1975.
 Pozner 1972 — *Vladimir Pozner* se souvient de sa mère et de Jean-Richard Bloch, Bertolt Brecht, Charlie Chaplin, Victor Chklovski, Hanns Eisler, Dashiell Hammett, Vsévolod Ivanov, Joris Ivens, Fernand Léger, François Mauriac, J. Robert Oppenheimer, Boris Pasternak, Pablo Picasso, Elsa Triolet. P., 1972.
 Šklovskij 1979 — *Šklovskij V.* Testimone di un'epoca / conversazione con S. Vitale. Roma, 1979.
 Zinger 1995 — *Zinger O.* Moskau — Berlin — Paris: Das Leben eines Malers / hrsg. von F. u. S. Mierau. Leipzig, 1995.

Приложение

ОЛЕГ ЦИНГЕР: ПУБЛИКАЦИИ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ*

ПУБЛИКАЦИИ

Статьи Олега Цингера

- Vsevolod Dobujinsky. Kowno // *Gebrauchsgraphik*. XI (1934). № 3. S. 46–49 (с набросками для рекламы В. Добужинского).
 Leo von Malachowsky // *Gebrauchsgraphik*. XI (1934). № 8. S. 54–57 (с карикатурами Л. Маляховского).
 Колюша [о Николае Тимофееве-Ресовском] // *Химия и жизнь*. 1990. № 12. С. 39–45.

Воспоминания Олега Цингера

- Der Garten der Lüste // *Sinn und Form*. VI (1991). S. 1128–1131 (сопроводительный текст: *Mierau F.* Oleg Zingers Erinnerungen. S. 1132–1133).
 Где в гостях, а где дома. Из воспоминаний // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1991. № 184/185. С. 413–431 (публ. и предисл. Р. Герра [R. Guerra]. С. 412–413).
 Где в гостях, а где дома: Воспоминания. (Рисунки автора). Париж; Москва: Альбатрос, 1994 (предисл. Р. Герра).

* Сведения приводятся в хронологическом порядке.

- Понять и оценить // Герра Р. Они унесли с собой Россию...: Русские эмигранты — писатели и художники во Франции (1920–1970). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2004. С. 231–232 (сопровод. текст Р. Герра. «Где в гостях, а где дома». С. 229–230; о Цингере см. также с. 182, 244–247, 250–253, 256–257).
- Passagen aus Oleg Zingers Erinnerungsbuch «Moskau — Berlin — Paris. Das Leben eines Malers», erschienen im Reclam-Verlag Leipzig; выдержки из книги были опубликованы в шести частях в ежемесячной берлинской газете «Bucher Bote» в августе 2006 — январе 2007 г. в колонке «Ein Blick zurück» (вступ. ст.: *Dewey M. Kriegsende in Buch: Erinnerungen des russischen Malers Oleg Zinger // Bucher Bote. 2006. August. S. 9).*

Рисунки, графика Олега Цингера

- Gebrauchsgraphik. VI (1929). № 11; VII (1930). № 7; XI (1934). № 1; XI (1934). № 3; XI (1934). № 5; XI (1934). № 8; XIV (1937). № 6; XVII (1940). № 3; XXX (1959). № 10.
- Ist das ein Löwe?: Ein Bilderbuch von O. Zinger nach einer Idee von I. Windmüller. Berlin: Kinderbuchverlag, 1950; München: Parabel Verlag, [1958] (англ. изд.: *The Lion That Wasn't. Berlin, [1957]*).
- Er heisst Jakob: Ein Bilderbuch von O. Zinger nach einer Idee von I. Windmüller. Berlin: Kinderbuchverlag, 1951, 1956 (5-е изд.), 1960 (6-е изд.); München: Parabel Verlag, [1954] (англ. изд. *Hello, Jacob! Berlin, [1957]*).
- Lieber Micha!: 13 Briefe aus Paris. Berlin: Kinderbuchverlag, 1951.

Статьи об Олеге Цингере и рецензии на его книгу воспоминаний

- Saretzki N. Oleg Zingher (*sic!*) // *Gebrauchsgraphik*. VI (1929). № 11. S. 8–15 (с ил.).
- [Б.н.] Oleg Zinger // *Gebrauchsgraphik*. XI (1934). № 5. S. 48–53 (с рисунками О. Цингера для рекламы).
- Suhr W. Oleg Zinger // *Gebrauchsgraphik*. XVII (1940). № 3. S. 39–42 (с ил.).
- Alexandre A. Oleg Zinger. Paris // *Gebrauchsgraphik*. XXX (1959). № 10. S. 2–9.
- Гранин Д. Зубр // *Новый мир*. 1987. № 1. С. 66–68 (отдельн. изд.: Л.: Сов. писатель, 1987. С. 86 и след.).
- Айдинян Ст. Олег Цингер. Где в гостях, а где дома. Воспоминания. (Рисунки автора). Париж, «Альбатрос», 1994 // *Новый мир*. 1995. № 11. С. 246–248 [рец. на кн. О. Цингера].
- Голлербах С. Олег Цингер. Где в гостях, а где дома. Изд. «Альбатрос» и Объединение Московская Палитра, Париж — Москва, 1994 // *Новый журнал*. 1996. № 197. С. 356–358 [рец. на кн. О. Цингера].
- Veit B. [рец. на кн.: *Moskau — Berlin — Paris: Das Leben eines Malers*] // SWF [*Südwestfunk*]. 26.6.1996.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА ФРИЦА И ЗИГЛИНДЫ МИРАУ
(БЕРЛИН)

(Akademie der Künste [AdK], Berlin, Fritz- und Sieglinde Mierau-Archiv)²⁷

Воспоминания Олега Цингера

Die Einschiffung nach der Insel Cithère. Garches, 1978 (машинопись, 400 с.; текст почти идентичен [Zinger 1995]).

²⁷ Выражаю глубокую благодарность Зиглинде и недавно скончавшемуся Фрицу Мирау (29 апреля 2018 г.) за многолетнюю переписку, сведения и библиографические указания. Благодарю за помощь в решении вопросов, касающихся редких изданий и архивных материалов Франциску Галек (Архив Академии искусств, Берлин), Анну Хаас (Баварская государственная библиотека, Мюнхен) и Петера Баля (Landesgeschichtliche Vereinigung für die Mark Brandenburg e.V. — Archiv — c/o Zentral- und Landesbibliothek Berlin).

Es sind schon vierzig Jahre her: Erinnerungen eines «Berliners» — eines russisch-französischen Malers aus Paris. Garches, 23. November 1984 (машинопись, 7 с.; текст содержит различия по сравнению с [Zinger 1995]).

Rom. 1980-е (?) (машинопись, 6 с.; оттиск на два абзаца больше, чем часть о Риме в [Zinger 1995]).

Рисунки Олега Цингера

Haus in Rowe (Pommern). Рисунок, 1938–1940 гг. (копия).

Портреты друзей берлинского периода. Рисунки, 1945 г. с рукописными биографиями на обороте: Peter Welt, Charles Perou, Igor Grebentschikow, Wladimir Selinow (копии).

Рисунки для друзей с различными мотивами, приложенные к письмам (копии и оригиналы).

The Shape of Berlin. Рисунки для американского журнала «Berlin. Air-Line», 1945/1946 (копии).

12 рисунков для публикации с надписями на обороте (оригиналы).

Фотографии

Снимки с О. Цингером

Фотографии О. Цингера и Нанни Мюллер-Беллингхаузен (третьей жены).

Фото картин О. Цингера

Репродукции графических работ и афиш О. Цингера, 1929 г. (копии).

Письма к Олегу Цингеру

2 письма В. Вагагина из Москвы, 1.9.1924 и 27.10.1924 (копии).

2 письма Т. Сухотиной-Толстой из Рима, 28.12.1934 и 23.1.1935 (по случаю смерти отца О. Цингера).

Переписка Олега Цингера и Фрица Мирау, 1988–1996 гг.

Статьи об Олеге Цингере

Terza P. [Б. н.] Париж, март 1990 г. (машинопись, 3 с. на русском языке).

Mierau F. Oleg Zinger. [Б. г.]. (машинопись, 4 с.: краткая биография).

Mierau F. Der heimliche Philosoph von Garches. November 1991 (машинопись). В частном издании для друзей: F. u. S. Mierau Da ist nichts! Capriccios. Berlin, 2017 (с рисунком тушью О. Цингера).

Dymarkij V. Oleg Zinger, ein russischer Maler, den Rußland nicht kennt. Paris-Garches, Frühjahr 1994 (машинопись; 5 с.; перевод на немецкий D. Detering).

Радиокomпозиция с участием Олега Цингера

Kreiler K. «In der Natur ist viel Theatralisches». Oleg Zinger, ein deutscher Russe in Paris. Радиокomпозиция с оригинальной звукозаписью, 3–4 декабря 1994 (осталась в архиве автора записи, которому не удалось найти продюсера).

Б.М. Горелик

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ОСИПА РУНИЧА
КАК ПРИМЕР НЕСТАНДАРТНОЙ СТРАТЕГИИ
АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТА

В Южной Африке в XX в. проживало сравнительно мало деятелей русской культуры, но некоторые из них, например художники В.Г. Третчиков и В.А. Иванов, известны в стране. За пределами внимания не только историков в ЮАР, но и специалистов по русскому зарубежью остается вклад в развитие театра на идиш и языке африкаанс, а также в становление южноафриканской оперы Осипа Ильича Рунича, режиссера, актера театра и кино, последнего экранного партнера Веры Холодной.

О жизни и работе Рунича на юге Африки впервые в российской историографии сообщили А.Б. Давидсон и И.И. Филатова. Они не только обнаружили связанные с ним архивные материалы, но и беседовали с бывшими сотрудниками советских диппредставительств, лично знавшими артиста [Давидсон, Филатова 1998]. В Доме русского зарубежья карьеру Рунича в контексте русского кинематографа в Германии изучал Р.М. Янгиров. По сведениям, содержащимся в подготовленной им «Хронике кинематографической жизни русского зарубежья», можно проследить творческий путь этого актера до начала 1930-х гг. [Янгиров 2010].

Более поздний период, когда Рунич полностью посвятил себя театру, не был исследован историками русского зарубежья. Между тем творческая трансформация Рунича в 1930–40-х гг. может рассматриваться как пример нестандартной стратегии адаптации иммигранта в принимающем обществе, позволившей ему сохранить идентичность в инокультурной и иноязычной среде.

Переход Рунича из зарубежного русского кино и театра на еврейскую сцену, а затем в южноафриканскую оперу и театр на языке африкаанс позволил ему не только обеспечить себе творческое долголетие, но и способствовать развитию профессионального театра на языках, которыми он

О.И. Рунич. Портрет работы В.А. Иванова. Йоханнесбург. 1947. Из газеты «Фадерланд»

даже не владел в совершенстве. При этом Рунич использовал свой опыт работы в русскоязычных труппах России и зарубежья.

При подготовке статьи использованы до сих пор не опубликованные материалы из Национального архива Южно-Африканской Республики, русскоязычная эмигрантская пресса Прибалтики, а также рецензии из южноафриканской прессы на английском языке и на африкаанс. Контекстуализация материала проведена на основе исследований по истории южноафриканского театра, опубликованных в ЮАР.

СРЕДИ КОРОЛЕЙ РУССКОГО КИНО

В конце 1917 г. редакция московского «Кине-журнала» назвала Осипа Рунича королем русского экрана наряду с Иваном Мозжухиным, Владимиром Максимовым, Витольдом Полонским и Иваном Худолеевым [П.И. Чардынин 1917]. На место в этой пятерке могли претендовать и другие артисты, но и позднее отечественные авторы рассматривали Рунича среди главных актеров раннего русского кино [Эйзенштейн 1968, с. 33; Зоркая 1976, с. 197–199; Кузнецова 1978, с. 71.]. Рунич не только пережил остальных звезд из этой пятерки, его жизнь в искусстве оказалась самой продолжительной.

Зрители не подозревали, что Рунич — псевдоним этого актера. Его настоящая фамилия была Фрадкин. Благодаря кино Рунич в 1910-х гг. стал самым известным еврейским актером среди широкой публики на всей территории Российской империи. Выросший в ассимилированной семье, он не участвовал в еврейской культурной жизни. Лишь в эмиграции он заинтересовался традициями и культурой своего народа.

Молодые люди с «истерзанной душой» в исполнении русских «кинокоролей» в салонных мелодрамах — это декадентские образы, упрощенные массовой культурой. Именно такие образы были близки отечественному зрителю в первые десятилетия XX в. Рунич, особенно в дуэте с Верой Холодной, органично воплощал их на экране.

Экранные образы, созданные Руничем, стали важной частью русской популярной культуры первых десятилетий XX в. Фильмы с участием Рунича «Позабудь про камин» и «Молчи, грусть!.. Молчи» демонстрировались в СССР до конца эпохи немого кино. Их изымала и кромсала цензура; их называли «совершенно чуждыми советскому зрителю»; но они снова и снова возвращались на экраны. Советская публика смотрела и новые ленты с участием Рунича, сделанные в Германии: «Дубровский», «Дантон», «Тарас Бульба».

Артистическая карьера Рунича началась в одной из лучших провинциальных трупп России, под руководством Н. Синельникова. Уехав в Москву, он заменил И. Мозжухина в Московском драматическом театре, а потом, по приглашению Н. Радина, стал премьером театра Корша. В эмиграции Руничу удалось продолжить работу на сцене: он стал премьером рижского Театра русской драмы, главной труппы русского зарубежья.

ПЕРЕХОД НА ЕВРЕЙСКУЮ СЦЕНУ

В Германии Рунич исполнял ведущие роли в крупнобюджетных фильмах до середины 1920-х гг., когда публика потребовала более деятельных героев. На смену завиткам, теням и полутонам модерна пришли яркий электрический свет, прямые линии и гладкие поверхности конструктивизма и баухауса. И в этом новом ослепительном свете, как тени, с экранов исчезают невротические личности, пасующие перед жестокостью и цинизмом, — подобно Демулену в исполнении Рунича («Дантон»), сомнамбуле Чезаре («Кабинет доктора Калигари») или графу Тольду («Доктор Мабузе, игрок»).

К началу 1930-х гг. экономический кризис привел к радикализации немецкого общества, обострялась борьба между коммунистами и нацистами. Гитлер рвался к власти при поддержке крупного бизнеса.

Для актера-еврея продолжать жить и работать в Германии в это время значило положиться на волю судьбы. Но Рунич не мог вернуться в рижский Театр русской драмы, поскольку латвийская экономика тоже пребывала в кризисе, а националистические настроения усиливались. Средств на содержание русского театра не хватало [Оречкин 1931].

Рунич считал себя русским артистом, представителем русской культуры. Он был крещеным, из обрусевшей семьи, языком идиш не владел [Famous actor visits South Africa 1939]. До того времени играл только на русском языке. Иногда выступал на мероприятиях русских евреев в Берлине и Риге, но, видимо, его участие в еврейской жизни этим ограничивалось [Янгиров 2010, с. 45].

И все же летом 1932 г. было объявлено, что Еврейский меньшинственный театр в Риге ведет переговоры с Руничем о вступлении в труппу. Оказалось, что он уже освоил идиш достаточно, чтобы выступать на еврейской сцене.

Возможно, к этому шагу его подтолкнула победа национал-социалистов на июльских выборах и рост антисемитизма в Германии. Он понял, что еврейские артисты будут вытесняться из культурной жизни страны. Угроза дискриминации по национальному признаку пробудила в нем еврейское самосознание.

Также, вероятно, не обошлось без влияния старшего брата, актера Михаила Чернова. Еще до Первой мировой войны Чернов иногда выступал на еврейской сцене: на идиш он не говорил, произносил все реплики по-русски, но пользовался успехом в своих постановках пьес М. Горького и Л. Андреева в Нью-Йорке [Хроника 1910; Маленькая хроника 1911].

Еврейский театр в Риге работал под эгидой Министерства просвещения. У него было постоянное помещение, налоговые льготы, государственные и муниципальные субсидии [Волкович 2002, с. 122]. К тому же еврейские зрители Риги считались зажиточнее русских: даже в Театре русской драмы больше половины посетителей были евреями [Калиниченко 2005, с. 182].

Рунич был приглашен в Еврейский театр прежде всего как постановщик. Общество гарантов этого театра не было уверено, что он сможет выучить и исполнять роли на идиш, но их опасения оказались напрасными: с первого же сезона

Рунич выступил как премьер и главный режиссер труппы [Как будет организован сезон... 1932].

Рижская публика сомневалась, что он будет работать для еврейской сцены до тех пор, пока его имя не появилось на афишах.

«Что же удивительного, что я, еврей, решил посвятить себя еврейскому театру? — недоумевал Рунич. — На еврейской сцене я вижу большое поле деятельности и много перспектив для артиста» [И. Ш. 1932]. Он привел в пример других русских деятелей культуры, сотрудничавших с еврейскими труппами. Е. Вахтангов и М. Чехов ставили пьесы в театре «Габима». П. Баратов, с которым Рунич служил в киевской труппе у Синельникова, а позднее снимался у Харитонова, стал премьером Еврейского художественного театра в Вене.

В ЕВРЕЙСКИХ ТЕАТРАХ ПРИБАЛТИКИ И БЕССАРАБИИ

Еврейские труппы ожидали, что актеры и режиссеры русского театра помогут им повысить профессионализм и художественный уровень постановок. Они надеялись, что в их репертуаре место фарсов и низкокачественных пьес займут классика и лучшие произведения современных драматургов. Основатели рижского Еврейского театра хотели создать театр европейского уровня, и Рунича привлекала эта задача.

Как еврейский актер он дебютирует в комедии «Банкир и его секретарша». С аншлагом идет спектакль по пьесе К. Берковича «19 лет...», в котором Рунич играет главную роль [И в Еврейском театре... 1932]. А весной 1933 г. он ставит комедию Густава Кадельбурга «Платье делает человека» с танцевальными номерами в исполнении своей жены балерины Нины Парнель [1 марта — бенефис Осипа Рунича 1933].

Зрители довольны новым премьером и режиссером, но у него возникает конфликт с труппой. Рунич руководил художественной частью и возглавлял совет Еврейского театра. Актеры были так недовольны графиком бенефисов, утвержденным Руничем, что они выразили ему недоверие и не переизбрали на пост председателя совета. Режиссер заявил об уходе, и в театре назревал раскол.

Только к началу следующего сезона после долгих переговоров удалось сохранить коллектив. Актеры заявили, что недовольны лишь административной работой Рунича. Он сохранил место в совете театра, продолжил заниматься творческими вопросами, но организационная деятельность была поручена административному директору [О. Рунич уходит... 1933].

В сезоне 1933/34 г. труппа переходит к более серьезному и современному репертуару. Рунич ставит инсценировку романа Л. Фейхтвангера «Еврей Зюсс», пьесу С. Моэма «Священный огонь». Сезон открылся спектаклем по мотивам романа И. Немировской «Давид Гольдер», который незадолго до этого был экранизирован в Голливуде.

«У Осипа Рунича, которого мы привыкли видеть выхоленным, вылощенным бонвиваном, хватило самопожертвования превратиться в стареющего, дряхлеющего Давида Гольдера, — писал рецензент. — Волевой оттенок образа Давида

Гольдера, человека, который всю жизнь делал то, что хотел, отлично удался Руничу. Он скуп на жест, скуповат и на мимику, но впечатление его игра, при всей мягкости, производит глубокое» [Коб. 1933].

Еврейский театр работал плодотворно: за сезон состоялось около 180 выступлений в Риге и других городах для 68 тыс. зрителей [Müller 2004, s. 49]. Это было заслугой и художественного руководителя. Но следующий сезон, по-видимому, стал для Рунича последним в рижском Еврейском театре.

Латвийское правительство все неохотнее разрешало иностранцам жить и работать в стране, поэтому дирекция Еврейского театра попросила Министерство образования позволить актерам, не имеющим гражданства Латвии, остаться в труппе. Такие высококвалифицированные иностранные артисты, как югославский подданный Осип Рунич, писала дирекция, получили признание знатоков еврейского искусства и театральных критиков. Такие профессионалы нужны Еврейскому театру, чтобы передавать опыт латвийским коллегам. К тому же Рунич уже подал документы на натурализацию в Латвии [Ibid, s. 53].

Возможно, Руничу все же не удалось продлить разрешение на работу в этой стране в 1935 г., ведь с осени этого года рижские русские газеты перестали сообщать об участии артиста в постановках Еврейского театра. Остается предположить, что ему пришлось прекратить сотрудничество с этой труппой.

В конце 1935 г. Рунич объявляется в Кишиневе. В местном еврейском театре он ставит фарс Г. Дрегели «Хорошо сшитый фрак» и выступает в этом спектакле. Потом труппа с его участием показывает жителям Кишинева «Давида Гольдера». Многие зрители не знали идиш и пришли, только чтобы посмотреть на «настоящего, живого Рунича», которого помнили по фильмам.

«В короткий срок, после пяти-шести репетиций, Рунич преобразил кишиневский еврейский театр, — отмечал рецензент. — Создал ансамбль, уничтожил шарж и влил в еврейский театр свежую струю подлинного искусства» [В. Б. 1935].

В Латвии после военного переворота не разрешалось играть пьесы авторов из СССР. А в Бессарабии Рунич смог поставить на русском новую советскую драму «Счастливая женщина» М. Тригера на сцене самого вместительного зала в Кишиневе [Театр Советской Молдавии 1987, с. 47].

В 1936 г. власти начинают румынизацию Бессарабии. Спектакли на русском языке запрещаются, и Рунич поехал в Каунас, тогдашнюю столицу Литвы. Его позвала туда актриса Рашель (Розель) Бергер, которая посвятила театру на идиш всю жизнь. В то время у евреев Литвы не было постоянного театра, и Бергер попыталась его создать. Она пригласила в свою каунасскую труппу бывших коллег из Риги: Рунича, актрису Нину Таллини и художника-постановщика Михаила Ио.

Первый сезон Еврейского театра в Литве. И сразу «небывалый успех»: венгерская комедия «Аттестат» Л. Фодора, в будущем голливудского сценариста. Спектакль Рунича играли рекордное количество раз. А в декабре он возрождает на сцене каунасского театра свою рижскую постановку — «Священный огонь» С. Мозма [Б. О. 1936].

Зимой 1937 г., когда Рунич представил зрителям советскую лирическую драму А. Корнейчука «Платон Кречет», Еврейский театр в Литве уже считался сильным

театральным коллективом, способным на высокохудожественные постановки [25-летие сценической деятельности... 1937].

НА ГАСТРОЛИ В АФРИКУ

В 1938 г. Рунич переезжает из Каунаса в Ригу. Возможно, отношение к иностранным артистам в Латвии изменилось к лучшему, потому что он смог вернуться в Театр русской драмы. Теперь Рунич постоянно выступает здесь не только как премьер, но и как постановщик — видимо, благодаря его опыту режиссуры на еврейской сцене.

А весной в рижской прессе появляются сообщения о том, что актер вместе с женой отправляется на гастроли в Южную Африку. Артист объяснял, что еще с зимы вел переговоры с английским импресарио, который устраивает для него вы-

Осипъ Руничъ сегодня уѣзжаетъ въ Южную Африку.

Осипъ Руничъ сегодня покидаетъ Ригу, отправляясь въ продолжительное заграничное путешествие. Артистъ вместе со своей женой, танцовщицей Ниной Шарель, уѣзжаетъ въ Лондонъ, а оттуда на пароходѣ отправляется въ Южную Африку. Конечной цѣлью путешествія Осипа Рунича является Капитовдъ и Йоганнсбургъ, куда Осипъ Руничъ приглашенъ на циклъ гастрольныхъ выступлений. Гастроли Осипа Рунича организованы английскимъ менеджеромъ Пернофомъ. Переговоры о южно-африканскихъ гастроляхъ Осипа Рунича велись въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Послѣ совершения всѣхъ формальностей и окончанія сезонной работы Осипа Рунича въ Русскомъ Театрѣ былъ зафиксированъ день отъѣзда изъ Лондона. Чтобы попасть во-время къ отходу парохода, Осипъ Руничъ уѣзжаетъ сегодня изъ Риги съ дневнымъ поездомъ въ 3 ч. дня.

Осипъ Руничъ съ чувствомъ искренняго сожалѣнія покидаетъ Ригу, съ которой успѣлъ сжиться и въ которой приобрѣлъ много искреннихъ и сердечныхъ друзей и поклонниковъ. Послѣдніе тоже съ немалой грустью провожаютъ въ дальній путь О. И. Рунича.

Осипъ Руничъ полагаетъ, что кругъ его выступлений въ Африкѣ не ограничится только указанными выше городами, но захватить и другіе города, о чемъ уже ведутся переговоры. Связи съ Ригой артистъ не намеренъ прерывать и надѣется вернуться въ Ригу послѣ окончанія своихъ африканскихъ гастрольей.

ОБЩЕЕ ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ КРЕДИТНАГО Т-ВА «ДЕМКАРЬ».

Подъ председательствомъ И. Гершуни состоялось общее годовое собраніе членовъ Кредитнаго т-ва «Демкаръ». Съ отчетомъ отъ имени правленія выступилъ тов. пресѣд. правленія инж. Ю. Ле-

витанъ, указавшій, что въ отчетномъ году число членовъ т-ва произошло 300 чел., ижевой капиталъ достигъ 15.000 лат., а суудъ въ этотъ годъ было выдано на сумму около 250.000 лат. Большое число членовъ т-ва является участниками Освободительной войны, демобилизованными воинами и военными инвалидами. Докладъ отъ имени совѣта сдѣлалъ пресѣд. совѣта д-ръ Ю. Гутнеръ, а отъ имени рев. комисіи — З. Леви.

Послѣ принятія отчетовъ и утвержденія бюджета на 1939 г. было приступлено къ выборамъ. Въ составъ правленія переизбранъ инж. Ю. Левитанъ, а кандидатами — З. Неймаркъ и Л. Идельманъ. Кроме нихъ членами правленія состоятъ: инж. С. Гинзбургъ, С. Шлушгинъ, И. Гершуни и И. Либерманъ. Въ совѣтъ переизбраны: прес. пов. Л. Рубинштейнъ, М. Шейнсъ, и И. Якобсонъ, а кандидатами — В. Купе, Г. Тирольскій и И. Бакенъ. Кроме нихъ въ совѣтъ состоятъ: д-ръ Ю. Гутнеръ, Г. Гордонъ, д-ръ В. Халкельсонъ, прес. Н. Московскій, Г. Махтусъ и Я. Гутнеръ. Въ рев. комисію вошли: М. Галлеръ, З. Леви и Д. Эйдестъ.

РЕПЕРТУАРЬ.

Русскій театр. Сегодня — «Петля на шею». Завтра — «Сынъ».
 Национальная Опера. Сегодня — «Мазепа». Завтра — «Графиня Марцица».
 Национальный театр. Сегодня — «Флорія Тоска». Завтра — «Осеннія розы».
 Дейльсь-театр. Сегодня — «Послѣдняя роль». Завтра — «Дочь мельника».
 Еврейскій театр. Сегодня — спектакли нѣтъ.
 Циркъ Саламонскаго. Сегодня и ежедневно — чемпионатъ борьбы.

Сообщение в газете «Сегодня вечером» (Рига). 1939. 18 апр. № 87

ступления в Кейптауне и Йоханнесбурге, а потом, может быть, и в других городах Южно-Африканского Союза [Осип Рунич сегодня уезжает... 1939].

Казалось бы, кто мог ждать актера из Риги в той далекой стране? Но обозреватель рижской газеты почти не преувеличивал: «Имя О.И. Рунича пользуется широкой известностью повсюду, где имеются русский и еврейский театры» [25-летие сценической деятельности... 1937]. На юге Африки еврейский театр был.

По словам Рунича, он встретил в Риге друзей, которые перебрались в Южную Африку и предложили ему посетить эту страну с гастролями [Roos 1947, bl. 7]. В 1930-х гг. туда приезжали звезды еврейского театра из Европы и Америки, и их принимали с энтузиазмом. К тому же большинство их южноафриканских зрителей родились на территории бывшей Российской империи. За семьдесят лет до этого на кейптаунский причал вышел Самуил Маркс, молодой эмигрант из уездного города Владиславова¹. Прибыл он почти без гроша, но разбогател и стал владельцем крупных ферм, шахт и заводов. Слухи о миллионах Маркса, обширных золотых и алмазных месторождениях, теплом климате и доброжелательности местного населения привлекли на юг Африки десятки тысяч евреев, соотечественников Рунича. Многие из них понимали не только идиш, но и русский язык.

«Связи с Ригой артист не намерен прерывать, — сообщила рижская пресса о Руниче, — и надеется вернуться в Ригу после окончания своих африканских гастролей» [Осип Рунич сегодня уезжает... 1939]. Возможно, отъезд в Африку был для него попыткой «прорвать оцепление», ведь, кроме Прибалтики, Руничу в то время некуда было податься, чтобы обеспечить себе и жене достойную жизнь. Между тем эхо приближающейся войны уже было слышно: Германия аннексировала Австрию и Чехословакию. Может быть, Рунич ухватился за возможность покинуть спешно вооружавшуюся Европу, даже если предложение уехать на край света казалось ему сумасбродным.

Летом Рунич с женой были уже в Южной Африке, и местная пресса рассказывала о нем как об «одном из знаменитейших артистов театра на идиш», выдающимся русском актере и режиссере, звезде грандиозных немецких кинофильмов, экранном партнере Эмиля Яннингса. Эти правдивые сведения о Руниче дополнялись ложными. Его представляли как ученика Станиславского. Утверждали, что Рунич был премьером Московского Художественного театра: хотя он там не служил, название труппы было знакомо южноафриканским зрителям [Famous actor visits South Africa 1939].

ЕВРЕЙСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР В ЙОХАННЕСБУРГЕ

Среди гастролеров — предшественников Рунича в Южной Африке были премьеры иерусалимского театра «Габима» Д. Варди и Х. Иоалит, дававшие концерты в Кейптауне и Капской провинции. В 1937 г. публика аплодировала американской звезде Молли Пикон в крупнейших залах Йоханнесбурга и Кейптауна. Десятки тысяч зрителей в этих городах посетили спектакли Еврейского национального театра из Лондона под руководством Мейера Целькинера. А в 1939 г., когда Рунич

¹ С 1934 г. Кудиркос-Науместис (Латвия). См.: [Mendelsohn 1991, p. 6].

прибыл в Южную Африку, там выступали известные еврейские актеры из США супруги М. Крессин и Х. Джейкобсон [Belling 2008, p. 62–63, 89].

Южноафриканские евреи не только посещали концерты иностранных гастролеров, но и организовывали собственные труппы. 1930-е гг. — время наибольшего подъема любительского театра на идиш в Южной Африке [Belling 2008, p. 89].

Казалось, что в стране есть все условия для создания постоянной еврейской труппы. Здесь уже было немало талантливых актеров-любителей и режиссеров, недавних иммигрантов из Восточной Европы. Кроме того, специально для организации профессионального еврейского коллектива в Южную Африку приглашали именитых театральных деятелей из-за рубежа.

Например, в 1936 г. туда прибыл Янкель Вайслиц, ведущий актер и режиссер «Виленской труппы», еврейского театра модернистского направления, прославившегося по всей Европе и в США. По просьбе местной еврейской организации Вайслиц сформировал в Йоханнесбурге театральный коллектив, который выступал в лучших концертных залах города. Но после нескольких спектаклей труппа распалась. Вряд ли Вайслиц был виноват в том, что ему не удалось создать в Южной Африке постоянный еврейский театр. Ведь в Мельбурне, куда он вскоре переехал, благодаря его организационным способностям начался золотой век театра на идиш [Zable 1998, p. 16].

Безуспешными оказались и остальные попытки объединить южноафриканских любителей в профессиональный коллектив, играющий на идиш. Тем не менее, когда в Йоханнесбург прибыл Рунич, у еврейских деятелей культуры вновь появилась надежда.

В августе 1939 г. в помещении Южноафриканской сионистской федерации состоялось собрание авторитетнейших еврейских деятелей Йоханнесбурга. Присутствовали крупный издатель Л. Фельдберг, общественный деятель Г. Сарон, оперная певица О. Рысс, адвокат С. Купер. Председательствовал знаменитый психолог В. Сакс. На собрании было создано общество по учреждению Еврейского художественного театра, который возглавил Рунич. Предполагалось, что труппа сможет привлечь самых талантливых артистов и использовать опыт лучших еврейских театров мира [Jewish Art Theatre Society formed... 1939].

Новый театр существовал за счет меценатов. Учредители рассматривали его как некоммерческое начинание. Самой известной артисткой Еврейского художественного театра считалась Ольга Рысс, приехавшая в Йоханнесбург на три года раньше Рунича. Выпускница Петербургской консерватории, до эмиграции она служила в Тифлисской государственной опере [Концерт Ольги Рысс 1921]. Возможно, Рунич познакомился с ней еще в Риге, где она выступала в Еврейском народном доме во время турне по Прибалтике.

Для спектаклей Еврейского художественного театра Южноафриканская сионистская федерация предоставила небольшой зал в своей штаб-квартире в центре Йоханнесбурга. На этой сцене до этого не выступали еврейские театральные труппы. Помещение не было приспособлено для профессиональных спектаклей. Видимо, учредители театра сомневались в успехе своего начинания, и решили начать с малого.

Рунич предложил южноафриканской публике пьесы, с которыми имел успех в Прибалтике. Первыми его постановками с Еврейским художественным театром в Йоханнесбурге были драма «Давид Гольдер» и комедия «Атте-стат» [Jewish Art Theatre to begin... 1939]. Хотя пресса отметила многогранность таланта Рунича в роли Гольдера и умело подобранный актерский ансамбль, пьеса показалась йоханнесбургской публике слишком серьезной [Jewish Art Theatre 1939; Belling 2008, p. 84]. Здешнему еврейскому зрителю по душе были комедии, и дебют этого театра показался малообещающим.

Между тем для Рунича уже не было пути назад, в Европу. В сентябре Германия оккупировала Польшу, и началась Вторая мировая война, в которой приняла участие Южная Африка как часть Британской империи. Возвращаться в Ригу было бы безрассудством, и Рунич остается в Йоханнесбурге.

Может быть, затянувшая южноафриканская гастроль спасла ему жизнь. Многие его коллеги, еврейские артисты в Прибалтике, погибли во время немецкой оккупации. Например, Рашель Бергер сначала оказалась в каунасском гетто, а после его ликвидации была депортирована в концлагерь и умерла там вместе с ребенком [Müller 2004, s. 73].

Выступления Еврейского художественного театра продолжались. Йоханнесбургским зрителям представили пьесу «Весна в сентябре», которую Рунич ставил в русском Театре русской драмы. Для жителей южного полушария, где в сентябре всегда весна, название этой комедии не предвещало ничего забавного. На премьере зрителей было мало.

Тем не менее рецензент популярнейшей ежедневной газеты Йоханнесбурга назвал эту постановку одной из лучших комедий в городе и призывал зрителей активнее посещать спектакли этой прекрасно сыгранной труппы, чтобы дать ей возможность выступать в более приспособленном помещении. Игра Рунича, писал рецензент, «была достойным образцом мастерства, превосходящего все ожидания. Она больше соответствовала его превосходной репутации, чем его предыдущие

**אָדִישְׁער
קאָנסעטעאטער
JEWISH ART THEATRE**

**CORONATION HALL,
Cor. Plein and Claim Streets.**

**MONDAY, WEDNESDAY AND
SATURDAY,
14th, 16th and 19th AUGUST,**

OSSIP RUNITSCH
Famous Star of the Russian Stage
and Screen,
with the support of
MADAME OLGA RYSS
and
SADIE MELAMED,
present the Yiddish Epic Drama
“DAVID GOLDER”

**MONDAY, WEDNESDAY AND
THURSDAY,
21st, 23rd and 24th AUGUST,**

MATRICULATION
by Sodor.

Admission: 7s. 6d.; 5s.; 3s. 6d. (in-
cluding tax); gallery, 2s. 6d.
Booking at New Paramount Stores.

NOTE: Next Attraction:—
“SPRING IN SEPTEMBER”
A Comedy by Grishbaum.

*Сообщение о первом
спектакле Еврейского
художественного
театра под руководством
О. Рунича.*

*Из газеты «Зайонист рекорд»
(Йоханнесбург). 1939. 11 авг.*

Гастрольная афиша Еврейского театра (Рига) с портретами Р. Бергер и О. Рунича. 1930-е. Из собрания Университета Висконсин-Милуоки, США

выступления. Он неожиданно продемонстрировал комический талант, и его многолетний опыт позволил ему избежать многих ошибок, которые погубили бы менее внимательного актера» [The Yiddish Art Theatre 1939].

Труппа завершила 1939 г. постановкой пьесы Вульфа Сакса «Еврейская земля». В главной роли снова выступил Рунич. Это была история о противоречиях между старыми и новыми поселенцами в Палестине [First performance of «Jewish Earth» 1939]. Автор пьесы был известен как первый южноафриканский психоаналитик и ученик И. Павлова. В своей монографии «Черный гнев» он рассказал о своем, первом в истории, опыте применения психоанализа

при работе с пациентом-африканцем. Но как драматург Сакс был менее успешен: пьеса «Еврейская земля» провалилась, и театр под руководством Рунича прекратил существование.

ТЕАТР ЕВРЕЙСКОГО ФОРУМА

В 1940-х гг. количество постановок на идиш в Южной Африке сократилось. Новое поколение еврейских зрителей не владело этим языком, ведь их родители-иммигранты с детства говорили с ними на английском. Идиш стал ассоциироваться с низким социальным статусом, и малобюджетные спектакли на этом языке в небольших и непрестижных залах не привлекали еврейских зрителей Йоханнесбурга.

Руничу представилась возможность вернуться на еврейскую сцену лишь в 1942 г., когда редакция йоханнесбургской газеты «Африканер идише цайтунг» организовала Еврейский форум. Одной из целей нового объединения было создание театра, чтобы ставить спектакли на языке идиш. Сделать это было поручено Осипу Руничу. Организовать постоянную труппу не получилось; постановки осуществлялись с большими перерывами.

Еврейский форум снял небольшой зал в Йоханнесбургской городской библиотеке для представления комедии Василия Шкваркина «Чужой ребенок». Это

была одна из первых советских пьес на южноафриканской сцене. За неделю постановку на идиш посмотрели тысячи человек.

«Спектакль поставил г-н Осип Рунич, и пока это его лучшая работа такого рода в Йоханнесбурге, — отмечал рецензент популярной газеты «Рэнд дейли мэйл». — Его исполнение роли инженера-кавказца — достойный образец фарсовой комедии» [L. S. 1942].

Затем пауза в работе труппы Еврейского форума тянулась до ноября 1943 г., когда Рунич поставил «Крейцерову сонату» Я. Гордина. Публика знала творчество этого американского драматурга, ведь его пьесы присутствовали в репертуаре еврейских трупп Южной Африки не одно десятилетие. «Крейцерову сонату» в версии Рунича играли в одном из главных залов города, предоставленном крупнейшим в стране театровладельцем, компанией «African Consolidated Theatres» [Belling 2008, p. 86].

Этот спектакль стал последним для Еврейского форума. Раздираемая конфликтами организация была расформирована. Обозреватель главной в стране еврейской газеты отмечал: хотя Руничу удалось собрать вокруг себя талантливых и преданных актеров и сделать с ними несколько удачных спектаклей на идиш, публика осталась в целом безучастной к его усилиям [E. B. 1947].

Постоянный театр на идиш в Южной Африке так и не появился. Попытки предшественников Рунича были столь же неудачными, а после его ухода с еврейской сцены никто не продолжил его дело [Belling 2008, p. 89]. У еврейского театра в этой стране были свои актеры, режиссеры и даже драматурги, но не было меценатов и собственных специально оборудованных помещений. Главное, у этого театра не было будущего. К концу 1940-х гг. лишь каждый десятый южноафриканский еврей умел говорить на идиш. Община не могла позволить себе поддерживать еврейский театр, ведь спектакли на этом языке становилось некому смотреть.

ОПЕРА И ТЕАТР НА АФРИКААНС

После 11 лет работы для еврейской сцены Рунич получил приглашение заняться новым для себя делом — стать оперным режиссером [Belling 2008, p. 86]. Скорее всего, это произошло по рекомендации О. Рысс, которая не только обучала южноафриканских вокалистов, но и помогала устраивать ежегодный фестиваль оперы в Йоханнесбурге.

Профессиональные труппы в Южной Африке в то время не ставили оперу, но под руководством Дж. Коннелла, музыкального директора муниципалитета, энтузиасты давали жителям Йоханнесбурга возможность посетить на фестивале несколько оперных спектаклей. В начале 1940-х гг. эти постановки еще не были профессиональными. Спектакли проходили в актовом зале ратуши.

«Джон Коннелл, осознав ценность международного актерского опыта Рунича, передал постановку оперы в Йоханнесбурге в его умелые руки, — вспоминал актер Гидеон Роос, — и в течение нескольких лет очень небольшое предприятие превратилось в восьминедельный сезон, причем репертуар состоял из десяти опер» [Roos 1947, bl. 7].

Хотя бюджет фестиваля всегда был небольшим, Национальная оперная труппа Коннелла исполняла оперы полностью, как в профессиональных театрах [South African Music Encyclopedia 1986, p. 301]. Рунич осуществлял художественное руководство постановками с помощью Рысс, которая общалась с творческими работниками без переводчика.

К середине 1940-х гг. труппа переместились из мэрии в более вместительный концертный зал «Alhambra», а также на одну из лучших площадок города, театр «His Majesty's». По окончании фестиваля труппа гастролировала по стране: в год проводилось около 70 выступлений. Репертуар состоял из 25 произведений оперного искусства, среди которых были «Борис Годунов», «Саломея», «Богема», «Травиата», «Фауст», «Тоска» [Correspondence 1945; Alhambra 1945]. Артистам Национальной оперной труппы аккомпанировал Кейптаунский муниципальный оркестр.

Из-за того, что во время войны нельзя было организовать приезд зарубежных гастролеров, южноафриканским труппам приходилось опираться на собственные силы. Рунич и Рысс стремились раскрыть талант местных вокалистов. К концу войны главные роли почти во всех спектаклях Национальной оперной труппы исполняли певцы из Южной Африки.

Постановка Рунича на йоханнесбургском фестивале 1946 г. стала важным событием южноафриканской культуры: впервые в истории была представлена полная версия оперы на языке африкаанс [Stead 1963, p. 22]. Одним из солистов был донской казак В. Иванов, известный в Южной Африке художник и певец. В переполненном зале публика аплодировала «Кармен» в переводе Гидеона Рооса [Potgieter и др. 2010, p. 79].

Рунич давно работал с актерами-африканерами, потомками европейских поселенцев XVII–XVIII вв., над постановками драматических спектаклей на их родном языке, африкаанс. Новое направление творческой деятельности Рунича было перспективным. Африкаанс был государственным языком страны наравне с английским, его престиж быстро возрастал пропорционально росту благосостояния и политического влияния африканеров. В то же время южноафриканский театр развивался очень медленно. Постоянным труппам было негде выступать: большинство помещений, где раньше устраивались спектакли, были переоборудованы в кинотеатры [Hauptfleisch 2007]. Актерам, игравшим на африкаанс, пришлось особенно тяжело, ведь профессиональный театр на этом языке только зарождался.

Рунич считал, что среди африканеров много прирожденных актеров, и помогал развивать их талант. В 1941 г. зрители, собравшиеся в лучшем зале города «Standard Theatre», увидели первые результаты его работы — спектакль по пьесе «Рыжие листья» Г.А. Фагана и скетч Рунича «Маска Сатаны» на африкаанс.

Роос, один из членов этой любительской труппы, вспоминал, что его коллеги сразу попали под обаяние Рунича. Их поразили его трудолюбие и основательность. «Всем нам не терпелось играть, — писал Роос, — но Рунич убедил нас, что сначала надо научиться стоять и двигаться на сцене, и только потом — играть!» [Roos 1947, bl. 7].

Для этих артистов Рунич был не только режиссером, но и наставником. Благодаря ему любители превращались в профессионалов. Их воодушевляло руководство опытного режиссера, представителя русской театральной школы, в прошлом известного актера европейского кино.

Руничу было несложно работать с африканерами, ведь их язык похож на немецкий, которым он владел. Он демонстрировал им, как играть роль, произнося реплики на русском и немецком, чтобы актеры могли уловить нюансы исполнения [Ibid].

С Художественным театром — так они назвали свою труппу — Рунич поставил несколько венгерских комедий из своего прежнего репертуара. Труппа обращалась и к классическому репертуару: например, работали над «Укрощением строптивой» Шекспира. Выступали на разных площадках, в том числе на главной сцене Йоханнесбурга «Standard Theatre» [I. P. 1945].

Главные роли в постановках Рунича исполняла жена Рооса, певица Э. Ментц [Viljoen 1987]. Она же пела на африкаанс партию Кармен в спектакле, который этот режиссер подготовил для оперного фестиваля в Йоханнесбурге. Будучи актерами Художественного театра, Ментц и Роос сыграли главные роли в одном из первых полнометражных художественных фильмов на африкаанс. После войны они участвовали в первой в истории постановке «Гамлета» на африкаанс, причем Роос выступил в роли Клавдия.

О.И. Рунич в Южной Африке. 1943.
Частное собрание (Москва)

ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

С начала Второй мировой войны Южноафриканская сионистская федерация, поддерживавшая Еврейский художественный театр Рунича, взаимодействовала с прокоммунистическим Еврейским рабочим клубом, который также пытался создать постоянный театральный коллектив для выступлений на идиш. Сближение давних противников стало возможным благодаря общей антифашистской платформе. Рунич воспользовался этим, чтобы привлечь в свою труппу опытных актеров из Еврейского рабочего клуба и Общества еврейской культуры, организаций левого толка.

Например, Рунич сотрудничал со Львом Гальвиным, который много лет ставил спектакли для Общества еврейской культуры. Гальвин получил актерское образование на Украине, еще до эмиграции выступал в профессиональных театрах,

а в Южной Африке состоял в еврейской труппе Я. Вайслица. У Рунича этот актер играл в спектакле Еврейского форума по советской пьесе «Чужой ребенок».

Симпатии многих евреев к Советскому Союзу усилились после его вступления в войну. Южноафриканское еврейство, вне зависимости от политических убеждений, сочувствовало борьбе СССР против гитлеровской Германии и ее союзников. Может быть, под влиянием коллег и других южноафриканцев, восхищавшихся Советским Союзом, Осип Рунич стал высказываться в поддержку СССР.

В интервью 1941 г. Рунич приветствовал соцреализм. Безумие авангарда в советском искусстве, говорил он, отвергнуто в пользу здорового мировоззрения, и теперь советский экран и сцена правдиво отражают сегодняшнюю жизнь России [Knox 1941].

Возможно, в годы войны Рунич впервые всерьез задумался о возвращении в Россию и начал прикладывать к этому усилия. Раньше он относился к репатриации без энтузиазма и не спешил принимать предложения работы в СССР [Арест О.И. Рунича 1928]. Но в 1940-х гг. актер превратился в горячего сторонника Советского Союза, причем его симпатия не ограничивалась поддержкой борьбы с нацизмом. Рунич некритически воспринимал советскую пропаганду и идеологические установки, идеализировал условия жизни на родине. Его приверженность советскому репертуару порой вызывала недоумение южноафриканцев [Dison 1942].

Руничу хотелось быть причастным к освободительной борьбе советского народа. Единственный для него способ помочь этой борьбе из Южной Африки — это участвовать в работе благотворительных обществ, которые отправляют средства и необходимые материалы в Советский Союз.

С первых месяцев существования фонда «Медицинская помощь для России», который приобретал лекарства и медицинское оборудование для Красной армии, а также одежду и продовольствие для жителей СССР, Рунич участвовал в сборе пожертвований. Например, возобновил свою рижскую постановку пьесы Корнейчука «Платон Кречет», а также создал спектакль по пьесе Константина Симонова «Русские люди» в английском переводе В. Сакса [Knox 1941; Горелик 2007, с. 41].

Артист сотрудничал и с Южноафриканским обществом культурных связей с СССР. В октябре 1943 г. в лучшем концертном зале города он представил свою постановку пьесы «Жена» К. Тренева, более известного как автор «Любови Яровой». Собранные средства общество передало в Фонд восстановления Сталинграда [Soviet Wife 1943]. Южноафриканская публика впервые увидела советскую пьесу, исполнявшуюся на русском языке [Belling 2008, p. 85].

В КОНЦЕ ПУТИ

Жизнь О.И. Рунича прервалась в 1947 г., когда ему было пятьдесят семь лет. Кончина была внезапной; ходили слухи, что актер покончил с собой [Belling 2008, p. 96; Давидсон, Филатова 1998, с. 34].

В. Труфанова, жена тогдашнего советского торгового атташе в Йоханнесбурге, рассказывала, что Рунич в конце жизни очень хотел вернуться на родину [Там

же]. Не только он, но и десятки других евреев из бывшей Российской империи под впечатлением от побед Красной армии, а также от пропагандистских материалов о «советском образе жизни», свободно распространявшихся в Южной Африке в годы войны, обращались в дипломатические представительства СССР с ходатайством о получении советского гражданства.

Лишь несколько ходатайств было удовлетворено. Заявителям выдали советский паспорт, но не визу на въезд в СССР. Рунич, по свидетельству Труфановой, не получил даже паспорта. А он, видимо, очень рассчитывал на репатриацию. Когда в 1940 г. зарегистрировал брак с Ниной в Йоханнесбурге, то оговорил, что их союз будет регулироваться советским законодательством. Не желал изъясняться по-английски: даже завещание написал на русском языке [Runitch, Joseph Ossip 1947].

Последний король раннего русского кино ушел из жизни, потеряв надежду на воссоединение с русской культурой и русским зрителем. Рунич всегда, даже на еврейской сцене, был представителем русской театральной школы. А в Южной Африке, где проживало лишь несколько десятков русских эмигрантов, он впервые остался без русской публики.

Контакты с советскими дипломатами и работниками торгпредства позволяли Руничу не только общаться на родном языке, но и получать сведения о советском театре. Но после войны благожелательное отношение к СССР в Южной Африке сменилось подозрительностью, страхом перед «красной угрозой». Началась холодная война. Советские дипломатические представительства рассматривались южноафриканскими властями как рассадник вредных идей. Торгпредство СССР в Йоханнесбурге было упразднено. Труфанова говорила, что именно после этого Рунич покончил с собой [Давидсон, Филатова 1998, с. 34].

Он был видным деятелем южноафриканской сцены, и поэтому его похороны посетили много йоханнесбургских артистов. Пел И. Альтер, кантор крупнейшей синагоги города, до войны выступавший в Карнеги-холле. Редактор газеты «Африканер идише цайтунг» рассказал о вкладе Рунича в развитие еврейского театра. Г. Роос говорил о постановках Рунича на африкаанс [Е. В. 1947]. В крупных южноафриканских газетах появились некрологи. Краткое сообщение о смерти Рунича было опубликовано в американском журнале «Биллборд» [The Final Curtain 1947].

Роос считал, что смерть Рунича — «невосполнимая потеря» для его коллег из африканерского Художественного театра:

«Он все время мечтал и говорил о создании серьезной театральной академии, о театре на языке африкаанс для Йоханнесбурга и, — пусть в отдаленном будущем — о процветающем кинематографе на языке африкаанс!» [Roos 1947, bl. 50].

И вскоре это сбылось. В том же году в Южной Африке была учреждена Национальная театральная организация, финансируемая государством. Она занялась профессиональной подготовкой актеров, режиссеров, сценаристов и другого персонала для постоянных театральных трупп Южной Африки [Hauptfleisch 2007].

Через год после смерти Рунича к власти в стране пришла Националистическая партия, которая отстаивала интересы африканеров. В сфере культуры приорите-

том для нового правительства стала поддержка творческих деятелей, создающих произведения на африкаанс, в том числе фильмы и спектакли.

Если бы Рунич не ушел из жизни, а продолжил работать в южноафриканском театре, его знания и талант, вероятно, были бы востребованы профессиональными труппами, игравшими на языке африкаанс. Если бы он продолжил обучать актеров-африканеров и ставить с ними спектакли, его имя не было бы забыто в Южной Африке. Скорее всего, Роос, впоследствии гендиректор Южноафриканской вещательной корпорации, и другие его преданные ученики помогали бы ему в работе.

Правда, Рунич не смог бы продолжать открыто проявлять симпатию к советскому строю. По «Закону о подавлении коммунизма» 1950 г. деятельность, расцениваемая властями как коммунистическая пропаганда, считалась уголовным преступлением. Были расторгнуты дипломатические отношения с Советским Союзом, южноафриканская компартия ушла в подполье, а общества дружбы были упразднены.

Переход из русского кино в еврейский театр обеспечил Руничу одиннадцать лет плодотворной работы на сцене. Благодаря тому, что он стал одним из крупных еврейских театральных деятелей Прибалтики, он был приглашен в Южную Африку и эмигрировал туда до нацистской оккупации Латвии и начала систематической дискриминации, а затем и преследования евреев на этой территории. Рунич возглавил государственный Еврейский театр в Риге, ставил спектакли на идиш в Каунасе и создавал профессиональные еврейские труппы в Южной Африке.

Продолжая демонстрировать способность к профессиональной трансформации, Рунич стал первым профессиональным постановщиком оперы на юге Африки и режиссером первого оперного спектакля на языке африкаанс. Работая с молодыми актерами Южной Африки, он знакомил их с традициями русского драматического театра, что помогло им в творческой деятельности в последующие десятилетия.

У Рунича были необходимые условия для успешной интеграции в южноафриканское общество: востребованные навыки и опыт, признание коллег, профессиональные достижения, благодарные ученики, возможности для общественной деятельности, перспективы плодотворной работы по специальности. Однако, по видимому, он не желал такой интеграции, твердо решив вернуться на родину.

Литература

- 1 марта — бенефис Осипа Рунича 1933 — 1 марта — бенефис Осипа Рунича // Сегодня. 1933. 27 февр.
- 25-летие сценической деятельности... 1937 — 25-летие сценической деятельности О.И. Рунича // Сегодня. 1937. 15 апр.
- Арест О.И. Рунича 1928 — Арест О.И. Рунича — по доносу бывш. контрразведчика // Сегодня. 1928. 19 мая.
- Б. О. 1936 — Б. О. Пятилетие со дня кончины Д. Дольского и победа еврейской драмы над опереткой // Сегодня. 1936. 5 дек.
- В. Б. 1935 — В. Б. Гастроли О. Рунича в Румынии // Сегодня. 1935. 4 дек.

- Волкович 2002 — *Волкович Б.* Из истории еврейской культуры в Латвии (1918–1940). Ч. 1. Даугавпилс: Даугавпилсский университет, 2002. 183 с.
- Горелик 2007 — *Горелик Б.* Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2007. 255 с.
- Давидсон, Филатова 1998 — *Давидсон А., Филатова, И.* Опыт консульских отношений // Азия и Африка сегодня. 1998. № 1. С. 34–37.
- Зоркая 1976 — *Зоркая Н.* На рубеже столетий: у истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М.: Наука, 1976. 300 с.
- И в Еврейском театре... 1932 — И в Еврейском театре — предварительное открытие сезона // Сегодня. 1932. 17 сент.
- И. Ш. 1932 — *И. Ш.* Как дошел он до жизни такой? // Вечернее время. 1932. 28 сент.
- Как будет организован сезон... 1932 — Как будет организован сезон в Еврейском театре // Сегодня. 1932. 15 авг.
- Калиниченко 2005 — *Калиниченко Е.* Положение русскоязычного населения в странах Прибалтики в межвоенный период (1918–1939 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 248 с.
- Коб. 1933 — *Коб.* «Давид Гольдер» в Еврейском театре // Сегодня. 1933. 1 окт.
- Концерт Ольги Рысс 1921 — Концерт Ольги Рысс // Сегодня. 1921. 24 сент.
- Кузнецова 1978 — *Кузнецова В.* Кинофизиогномика. Типажно-пластический образ актера на экране. Л.: Искусство, 1978. 175 с.
- Маленькая хроника 1911 — *Маленькая хроника* // Театр и искусство. 1911. № 4.
- О. Рунич уходит... 1933 — О. Рунич уходит из Еврейского театра? // Сегодня. 1933. 13 февр.
- Оречкин 1931 — *Оречкин Б.* «Откуда пошел и стал есть» Театр русской драмы // Сегодня. 1931. 19 дек.
- Осип Рунич сегодня уезжает... 1939 — Осип Рунич сегодня уезжает в Южную Африку // Сегодня вечером. 1939. 18 апр.
- П.И. Чардынин 1917 — *П.И. Чардынин* // Кине-журнал. 1917. 30 дек. С. 44.
- Сегодня в Еврейском театре... 1932 — Сегодня в Еврейском театре «19 лет...» // Сегодня. 1932. 4 дек.
- Театр Советской Молдавии 1987 — Театр Советской Молдавии: страницы истории. Кишинев: Штеница, 1987. 162 с.
- Хроника 1910 — *Хроника* // Театр и искусство. 1910. № 50.
- Эйзенштейн 1968 — *Эйзенштейн С.* Наш «Октябрь». По ту сторону игровой и неигровой // Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 т. М.: Искусство, 1968. Т. 5. С. 32–35.
- Янгиров 2010 — *Янгиров Р.* Хроника кинематографической жизни русского зарубежья: в 2 т. М.: Книжница: Русский путь, 2010. Т. 1: 1918–1929. 539 с.
- Alhambra 1945 — *Alhambra* // The South African Jewish Chronicle. 1945. 13 April.
- Belling 2008 — *Belling V. P.* Yiddish Theatre in South Africa: A History from the Late Nineteenth Century to 1960. Cape Town: Jewish Publications — South Africa, Isaac and Jessie Kaplan Centre for Jewish Studies and Research, 2008. 194 p.
- Correspondence 1945 — *Correspondence* // Tempo. 1945. № 11. P. 216.
- Dison 1942 — *Dison G.* The Jew and the arts in South Africa // South African Jewish Times. 1942. 11 September.
- E. B. 1947 — *E. B.* Tragic Death of Ossip Runitsch // South African Jewish Times. 1947. 10 April.
- Famous actor visits South Africa 1939 — Famous actor visits South Africa // South African Jewish Times. 1939. 16 June.
- First performance of «Jewish Earth» 1939 — First performance of «Jewish Earth» this Tuesday evening // Zionist Record. 1939. 1 December.

- Hauptfleisch 2007 — *Hauptfleisch T.* The shaping of South African theatre: an overview of major trends // Arndt, S., Berndt, K. (eds). *Words and Worlds: African Writing, Literature, and Society: A Commemorative Publication in Honor of Eckhard Breiting*. Trenton, NJ: Africa World Press, 2007. P. 57–76.
- I. P. 1945 — *I. P.* Die Man met die gryns hare // *Common Sense*. 1945. Vol. 7. October. P. 387.
- Jewish Art Theatre 1939 — *Jewish Art Theatre* // *Sunday Times*. 1939. 20 August.
- Jewish Art Theatre Society formed... 1939 — *Jewish Art Theatre Society formed in Johannesburg* // *Zionist Record (Johannesburg)*. 1939. 4 August.
- Jewish Art Theatre to begin... 1939 — *Jewish Art Theatre to begin on Monday* // *Zionist Record*. 1939. 11 August.
- Knox 1941 — *Knox C.* A Soviet film star at work in South Africa // *Forum*. 1941. 18 October. P. 37.
- L. S. 1942 — *L. S.* Soviet farce at the Standard // *Rand Daily Mail*. 1942. 25 August.
- Mendelsohn 1991 — *Mendelsohn R.* Sammy Marks: The Uncrowned King of the Transvaal. Cape Town: David Philip, 1991. 304 p.
- Müller 2004 — *Müller U.* Das Jüdische Theater in Riga, Skolas iela 6: Abschlussarbeit zur Erlangung der Magistra Artium im Fachbereich Neuere Philologien. Frankfurt a/M, 2004. 166 p.
- Potgieter и др. 2010 — *Potgieter H., Jordaan G., Pretorius J.* Die totstandkoming en bedrywighede van die ASAF-koor in Johannesburg onder leiding van J. B. Z. Keet (1920–1963) // *South African Journal of Cultural History*. 2010. Vol. 24. № 1. P. 58–82.
- Roos 1947 — *Roos G.* Ossip Runitsch // *Brandwag*. 1947. 18 April.
- Runitch, Joseph Ossip 1947 — *Runitch, Joseph Ossip*. 1947 // *National Archives of South Africa*. Depot: TAB. Source: MHG. Reference: 4247/47.
- South African Music Encyclopedia 1986 — *South African Music Encyclopedia*. Vol. 4. Cape Town: Oxford University Press, 1986. 486 p.
- Soviet Wife 1943 — *Soviet Wife* by M. Trenov. Johannesburg: The South African Society for Cultural Relations with the USSR, 1943. 20 p.
- Stead 1963 — *Stead R.* Opera in Suid-Afrika // *Lantern*. 1963. Vol. 13. № 2. December. P. 8–27.
- The Final Curtain 1947 — *The Final Curtain* // *Billboard*. 1947. 3 May. P. 46.
- The Yiddish Art Theatre 1939 — *The Yiddish Art Theatre*. «Spring in September» // *Star*. 1939. 9 October.
- Viljoen 1987 — *Viljoen H.* Esther Mentz // *Scenaria*. 1987. May. P. 10–15.
- Zable 1998 — *Zable A.* Wanderers and Dreamers: Tales of the David Herman Theatre. Melbourne: Hyland, 1998. 109 p.

«...ТАМ, ВЕРОЯТНО, БУДУТ СПОРИТЬ
И УКРАИНЦЫ, И РУССКИЕ»:
Д.И. ЧИЖЕВСКИЙ В РАБОТЕ НАД ИСТОРИЕЙ
УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Письма Д.И. Чижевского к А.Л. Бему 1942–1943 гг.

*Публикация, подготовка текста,
вступительная статья и комментарии А.А. Бабикова*

По удивительному стечению обстоятельств годы Второй мировой войны стали одним из самых плодотворных периодов в жизни русско-украинского и немецкого слависта, историка литературы и философа Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977). Удивительно то, что при своем шатком академическом положении иностранного лектора русского языка и славистики в немецком Галле, усугублявшемся постоянной угрозой доноса и репрессий из-за его смелых высказываний¹ и контактов с неблагонадежными с точки зрения нацистского режима русскими, украинскими, чешскими, немецкими учеными и эмигрантами, Чижевскому в 1937–1945 гг. удалось вести систематическую работу сразу в нескольких направлениях и подготовить ряд выдающихся трудоемких работ, создавших ему имя ученого мирового значения.

Переезду Чижевского в Галле в 1932 г. предшествовали годы учебы в Германии (1921–1924), занятия философией под руководством Г. Риккерта, Э. Гуссерля, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Р. Кронера и других известных ученых; затем последовал пражский период (1924–1932) — время обретения широких научных связей, начала преподавательской работы, формирования собственного подхода к истории философии, религии и литературы, участия в Пражском лингвистическом кружке, Русском философском обществе, сотрудничестве с Немецким обществом славистических исследований. Полученный Чижевским опыт и приобретенный научный багаж подготовили подъем его оригинального творчества, который состоялся вопреки самым неблагоприятным для этого условиям. Принимавший в молодости деятельное участие в политической жизни Украины (Чижевский с 1916 г. принадлежал к меньшевистской фракции РСДРП и в 1918 г. был членом Малой рады украинского правительства), проведший несколько месяцев в тюрь-

¹ Вольфганг Беркефельд, состоявший вместе с Чижевским в философском кружке Юлиуса Штенцеля в Галле, вспоминал: «У Чижевского не было никаких иллюзий относительно ее [войны Германии с СССР] катастрофического исхода для Германии. В моей памяти сохранился один вечер у меня на квартире в Галле, где он моей жене и мне <...> предсказал крах Германии примерно таким, каким он и был впоследствии» [Беркефельд 2007, с. 315]. Как указывает украинская исследовательница творчества Чижевского, он «принимал участие в работе небольшой группы интеллектуалов-антифашистов, через которых имел возможность материально поддерживать узников концентрационных лагерей и оказывать посильную помощь евреям и славянам, вывезенным на принудительные работы в Германию» [Валявко 2005, с. XXII]. Пер. мой. — А.Б.

ме, чудом избежавший расстрела после занятия Киева большевиками, он лучше многих других сознавал опасность, грозящую ученому-либералу при диктаторском режиме. При этом о сотрудничестве с национал-социалистами не могло быть и речи. Возражая против мнения Томаса Манна, что культура в гитлеровской Германии служила исключительно орудием национал-социалистической пропаганды, Чижевский в письме к нему от 27 октября 1945 г. заметил следующее: «Я знаю многих крупных, мелких и совсем незначительных работников культуры, ученых, писателей, музыкантов и даже учителей, которые в течение этих двенадцати лет не сказали и не сделали ничего такого, чего бы они не сказали и не сделали, если бы никакого Гитлера вообще не было» [Чижевский 2007а, с. 173].

Одним из таких ученых был сам Чижевский, чей научный, преподавательский и бытовой обиход оставался неизменным с начала 1930-х гг. Ответом Чижевского на установившиеся в Третьем рейхе порядки стало великолепное презрение и все тот же «какой-то подчеркнутый воинственный академизм», как в 1938 г. охарактеризовал его позицию по отношению к «общественной настроенности» эмигрантской интеллигенции философ и писатель Ф.А. Степун, близкий друг Чижевского [Шруба 2014а, с. 883]. Он же в письме к редактору «Современных записок» И.И. Фондаминскому (от 3 июля 1934 г.) назвал Чижевского «одним из самых интересных и живых научных талантов, которыми располагает эмиграция» [Там же, с. 761].

В статье о переписке Чижевского с С.Л. Франком в 1930-х гг. В. Янцен отметил, что обосновавшийся в Галле еще до прихода нацистов к власти Чижевский не пошел с ними ни на какие компромиссы и «продолжал общаться и переписываться не только с Франком, но и с другими коллегами еврейского происхождения» [Янцен 2006а, с. 311]. Не желая подвергать опасности своих учеников, друзей и корреспондентов, Чижевский не давал политических оценок происходящему в Германии, и только по нескольким его высказываниям в печати и намекам в письмах тех лет можно судить о том, насколько мучительно он — знаток духовной истории Европы с древних времен — переживал забвение нравственных законов и крушение великой гуманистической традиции. Предисловие к русской версии своего большого исследования «Гегель в России», датированное 1 октября 1938 г., Чижевский закончил такими словами: «Книга написана наново в период исторически беспросветный. Если и в такое время книга может найти читателя, который готов бросить хотя бы беглый взгляд на ценности прошлого, то это было бы уже залогом иного будущего» [Чижевский 2007б, с. 19].

В письмах Чижевского 1930–40-х гг. к выдающемуся филологу-слависту, литературному критику и общественному деятелю Альфреду Людвиговичу Бему (1886–1945?), с которым его связывало общее украинское прошлое, учеба в Киевском и Санкт-Петербургском университетах, проведенные в Праге годы, Семинарий по изучению Достоевского, сходство научных интересов и литературоведческих методов (см.: [Васильева 2008, с. 113–135]), рассыпаны на первый взгляд нейтральные замечания об университетской жизни, исследовательской работе и быте; за ними, однако, скрывались страшные реалии режима, о которых он не мог писать открыто. Так, в письме от 17 июня 1942 г. Чижевский вскользь сообщает:

«Я на лето никуда не уезжаю, что, впрочем, перенести сравнительно легко, так как я живу среди садов...» На самом деле Чижевский не мог никуда выехать из Галле, поскольку несколько лет находился под надзором гестапо, запретившим ему покидать город [Чижевский 2007а, с. 172]. В письме от 2 января 1943 г. он между прочим пишет: «Здесь почти ничего не выходит — “Цайтшрифт” лежит в наборе уже полгода, “Кириос”... тоже». И следует понимать, что два этих журнала оставались главными из немногих доступных ему изданий, в которых он в то время еще имел возможность публиковать свои работы по славистике и истории литературы. В том же письме его живое внимание к коллегам в СССР выдает скупое замечание об оккупированном немцами Киеве — родном городе Бема, в котором оба корреспондента учились в Университете св. Владимира: «Из Киева и др<угих> мест и здесь слышно то же, что и у Вас; как будто стремятся “вытравить” за ненадобностью интеллигенцию». Чижевский, разумеется, имел в виду уничтожение нацистами интеллигенции, прежде всего еврейской, среди которой были преподаватели, писатели и ученые, знакомые Чижевского и Бема еще по годам учебы в университете. В другом месте нельзя не заметить горькой иронии, с какой Чижевский пишет о необходимости «реабилитации» по расовому признаку русских писателей и поэтов, чему ученые в Германии вынуждены были посвящать специальные апологии: «Траутманн... собирается заняться собиранием архивного материала о Тургеневе в Баден-Бадене. Такие вещи он делает охотно и с большим старанием. Так, как Вам, может быть, известно, он доказал совершенно “арийское” происхождение матери Герцена (что для нас сейчас не лишено значения), а сейчас занят подобной же работой “реабилитации” Фета, о котором такой слух пущен недавно в обращение Нейманном в его хаотической книге о русской балладе» (письмо от 2 июня 1942 г.).

Эти и другие подобные замечания в публикуемых письмах Чижевского очерчивают внешние обстоятельства его работы, само содержание которой противостояло мрачной действительности.

В немецком «Жизнеописании», составленном в 1945 г., Чижевский охарактеризовал период своей жизни с середины 1930-х гг. следующим образом:

...По прошествии первых восьми месяцев <моего пребывания> в Галле я угодил в «Третий рейх», где в течение 11 лет ожидал своего увольнения (из-за «опороченности еврейскими родственными связями») или ареста гестапо. Поэтому я *вынужден* был публиковать работы в том состоянии, в каком они могли быть опубликованы; и, кажется, за последние недели моя судьба подтвердила мою правоту — утрата части моих неопубликованных работ была бы намного тяжелей, если бы я не издал уже большую их половину в «не совсем завершенном» виде. Кроме того, за эти годы я все же полностью завершил обработку таких больших тем, как: история укр<аинской> философии, Гегель в России, филос<офские> воззрения укр<аинского> мистика Сквороды, словацкого гегельянца Л. Штура, мировоззрение чешского романтика К.Г. Махи, укр<аинская> барочная поэзия, древнерусская литература XI–XIII веков. <...>

Мне хочется назвать здесь свои основные темы. Первой большой моей темой, к обработке которой я приступил после завершения своих философских штудий, была *история философии славянских народов* <...> С первой темой связана и вторая, над которой я также работал в течение этих лет: *сравнительная история славянских литератур*, сначала привлекавшая меня своим филос<офским> содержанием славянских литературных произведений, а потом своими художественными свойствами приведшая меня к разработке стилистических, искусствоведческих и литературных проблем. Каркас истории славянских литератур уже готов <...> Отдельные частичные темы тоже уже совершенно готовы, например: история древнерусской литературы (XI–XIII веков), история украинской литературы (с XVI века до 1860 года), церковнославянская литература на чехословацкой почве (IX–XI веков), история чешской средневековой литературы, чешская барочная литература, отдельные писатели, русские — Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Лесков, Андрей Белый, Маяковский; чехи — Бридел, Коменский (XVII век), Маха (XIX век), К. Чапек (XX век). Барокко в славянских литературах изучалось с использованием рукописных материалов и множества обнаруженных мной неизвестных (чешских) печатных изданий.

Эти две темы образуют сущностное единство, поскольку целостность посвященных им работ дает обзор множеству существенных областей истории славянского духа. С этим же связаны и методологические особенности моей работы: в трудах, относящихся к истории философии, я занимаюсь также поэтами, политиками и богословами, а в трудах по истории литературы особенно основательно освещаю идеологические мотивы (наряду с важными эстетическими, ибо многому научился у русских формалистов и пражской школы структурной лингвистики) [Чижевский 2007а, с. 52–53].

Замечание о сущностном единстве двух главных тем в работах Чижевского следует считать одной из самых характерных черт его подхода и к истории литературы. Изучение истории литературы для него неотделимо от рассмотрения истории духовного развития славянских и западноевропейских народов². Ему недостаточно дать номенклатурное описание автора, жанра, произведения или литературного стиля, Чижевскому важно проникнуть в суть исторического периода, обнаружить источники питавших его идей и почти в шпенглеровском понимании типологии культур определить его ведущее качество³. Этот универсальный взгляд на искусство, науку, религию и общественные отношения проявлялся в любой области его обширных изысканий. Так, в одной из глав своей книги «Гегель в России», озаглавленной тоже по-шпенглеровски «О смысле эпохи», Чижевский

² Как заметила О. Блашків, «попытки определить особенности мировоззрения славянских народов на основе литературных текстов и вписать их (мировоззрения отдельных наций) в контекст западноевропейской литературы дают основания поставить вопрос об отдельной методологии — философском литературоведении Д. Чижевского» [Блашків 2010, с. 50]. Пер. мой. — А.Б.

³ В статье «Культурно-исторические эпохи» (1948) Чижевский применяет выражение «морфология культурных явлений» в том же смысле, в каком оно было введено Шпенглером в «Закате Европы» [Чижевский 1978, с. 16]. В других его работах «нередки размышления о “духе времени”, из которых он выводил тезис о культурном единстве исторической эпохи» [Ясь 2017, с. 189].

в коротком пассаже свободно переходит от литературы к религии, затем к философии и обратно:

Наиболее значительное культурное создание России до 1935 г. — русская литература — выросло из совершенно неосознаваемого взаимодействия русского языка и русской народной поэзии и европейских литературных и языковых влияний. Шишков и его друзья были совершенно правы, когда упрекали «новаторов», карамзинистов, в том, что их язык и литературный стиль — перевод с французского. Источники самых русских произведений Пушкина — сказок — иностранные: «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне» возникли под влиянием французского перевода сказок братьев Гримм, «Сказка о золотом петушке» — переделка одной сказки Вашингтона Ирвинга; «украинские повести» Гоголя — амальгама Тика и Гофмана с украинским фольклором! Не задумываясь над проблемой «смешения» старого русского и нового западного, русские поэты создали к 1835 г. литературу, которая была первой между славянскими и одной из первых между европейскими! Также непосредственно было и восприятие западных мотивов в религиозной сфере: неизвестный поэт, переведший перед 1784 г. «Херувимского странника» Ангела Силезия, просто выпустил слишком заостренные двустишия и «дополнил» перевод более «православными». Новиков издавал одновременно и отцов церкви, и немецких мистиков; к его кружку принадлежали и масоны, и монархи. Еще первые русские шеллингианцы совершенно не ставили себе вопроса, соединима ли «новая философия» с православием. В «сороковые годы» вопрос о чуждом, о заимствованном ставится принципиально. И основой для ответа казалось прежде всего сознание того, *кто мы* такие [Чижевский 2007б, с. 48].

Из опубликованных Чижевским в те годы сочинений наиболее законченное воплощение получили выпуски по истории украинской литературы — «Історія української літератури. Книжка друга» («История украинской литературы. Книга вторая») (Прага, 1942) и «Український літературний барок. Нариси» («Украинская барочная литература. Очерки») в трех частях (Прага, 1941–1944). Написанная тогда же на немецком языке «История русской литературы XI–XIII вв.» не была напечатана из-за закрытия в 1943 г. издательства «Кёзель и Пустет» и увидела свет только пять лет спустя. В письме к Бему от 14 июля 1943 г. Чижевский суммировал положение дел с изданием готовых к этому времени работ по истории литературы:

Занят был в начале этого года писанием укр<аинской> ист<ории> лит<ературы> 19 в., кончил в марте (до 60-х годов 19 в.). Пока еще не печатается: а цензура требует представления 2-го экземпляра! Так что все снова задерживается на неопределенное время... В апреле начал писать историю древней русской литературы (только до 13 в.), которую с полным успехом на днях и закончил; но что с ней будет, уже совершенно неизвестно, — о ней у меня есть договор с издательством, которое теперь в порядке ликвидации религиозных издательств (даже не чисто религиозных, а просто издававших

много религиозной литературы) закрывается. М.б., позже удастся ее издать Фасмеру.

Позднее он сообщал Бему: «И мои перспективы печатания не такие розовые: оба томика ист<ории> лит<ературы> (которые мне кой-чем нравятся — между тем, как я далеко не всеми своими работами доволен) лежат в цензуре, и когда ее пройдут, неизвестно» (письмо от 7 июля 1944 г.)⁴. После окончания войны Чижевский расширял и дополнял корпус своих трудов, посвященных отдельным эпохам русской и украинской литературы и сравнительной истории славянских литератур⁵, однако основная работа по сбору и сопоставлению часто уникального материала была проделана им в Галле.

Одним из достоинств своего метода изложения истории литературы Чижевский считал включение в нее отрывков рассматриваемых произведений, причем отрывки подбирались им таким образом, чтобы из их сопоставления можно было проследить «эволюцию тематики» в разные периоды. В письмах 1942–1943 гг. он приглашает Бема обратить на это внимание: «Моя история укр<аинской> литературы уже выходит <...> Я был бы очень рад, если бы Вы высказали Ваше мнение о ней, в частности о методе, которым она написана: я пытаюсь всюду, поскольку это допускает миниатюрный размер, дать читателю какое-то представление о самом тексте произведений» (письмо от 24 августа 1942 г.). Позднее он уточняет свое замечание о методе изложения истории, выделяя в нем следующие две задачи: 1) познакомить читателя с текстами произведений и 2) дать ему представление об эволюции тематики: «Не знаю, удалось ли мне написать книгу так, чтобы у читателя получилось хотя отчасти впечатление, что он познакомился с самими произведениями и с эволюцией тематики (я намеренно давал цитаты из разных авторов и произведений на ту же тему и т.д.). Так же написаны и другие части, только в третьей изложение уже не по жанрам, а по авторам — иные времена...» (письмо от 2 января 1943 г.).

Хотя встречная корреспонденция Бема к Чижевскому — за исключением одного письма 1930 г. — еще не обнаружена в архивах ученого, из писем последнего следует, что его пражский коллега касался различных вопросов изложения истории русской и украинской литературы и не во всем соглашался с Чижевским. Бем не написал собственной истории литературы, но хорошо владел предметом,

⁴ LA PNP. Fond: Bem Alfred L. 34/43.

⁵ В 1952 г. в США на английском языке вышел «Очерк сравнительной истории славянских литератур»; там же в 1956 г. была издана подробная «Історія української літератури. Від початків до доби реалізму» («История украинской литературы. От возникновения до эпохи реализма»); в 1957 г. на английском языке выходит книга «О романтизме в славянских литературах»; в 1960 г. на английском языке — «История русской литературы с XI в. до окончания эпохи барокко»; в 1966 г. на немецком языке издается в двух томах «Русская литература XIX века» («История русской литературы XIX века. Романтизм» и «История русской литературы XIX века. Реализм»); в 1968 г. на немецком языке выходит в двух томах «Сравнительная история славянских литератур»; в 1974 г. на английском языке выходит «История русской литературы XIX века» (т. 1 — «Период романтизма», т. 2 — «Период реализма»). Из нереализованных проектов следует назвать «Славянскую литературу раннего Средневековья», которую Чижевский намеревался подготовить совместно с Р.О. Якобсоном. В. Янцену удалось разыскать в архиве гарвардской ученицы Чижевского общий план и машинопись подготовленной Чижевским части этой книги [Чижевский 2013, с. 11].

поскольку, помимо ряда статей и книг о русских писателях XIX в. еще в 1923 г. читал «лекции по истории древней русской литературы» (до середины XVII в.) в Русском педагогическом институте имени Яна Коменского в Праге [Бем 1923; Жигалов 2013, с. 138].

Предпосылками создания Чижевским истории русской и украинской литературы послужили его интенсивные занятия в области славянской теологии и мистики, изучение малоизвестных чешских, словацких, польских, украинских и русских источников, обнаружение им новых рукописей и материалов старинной литературы в немецких библиотеках, компаративистские изыскания⁶ (особенно плодотворно — в истории славянского барокко), занятия германославистикой, славянской лингвистикой и фонологией.

Большое значение для полноты его работы имело то обстоятельство, что в 1930–40-х гг. ему удавалось поддерживать связи с учеными-славистами, лингвистами и историками литературы из Чехословакии, Германии, Австрии, Польши. В письмах к Бему он сообщает подробные сведения о жизни и работе самых разных своих друзей, коллег и учеников, с частью из которых он имел возможность встречаться в Галле или состоял в переписке. Среди русских и украинских эмигрантов можно назвать Д.В. Антоновича, О. Бургардта (Юрия Клена), С.И. Гессена, Д.И. Дорошенко, В.В. Зеньковского, А.В. Исаченко, В.В. Леонтовича, Н.О. Лосско-го, В.В. Мияковского, А.П. Оглоблина, В.М. Сечкарева, А.В. Соловьева, Ф.А. Степуна, Д.А. Шаховского; среди чешских ученых — основателя Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса и значительно повлиявшего на Чижевского Я. Мукаржовского, а также Й. Вашицу, З. Калисту, Я.Б. Чапека, Ф. Бартоша⁷; среди немецких — М. Фасмера, А. Раммельмайера, Д. Герхардта, швейцарского богослова Ф. Либя. С другими коллегами он мог обмениваться сведениями опосредованно, через редакторов журналов, издателей, общих знакомых. К примеру, как указал Р. Мних, «через Варшаву и Львов до 1939 года <...> Д. Чижевский осуществлял свои контакты с украинскими научными учреждениями и видными представителями украинской науки того времени — Василием Симовичем (1880–1944), Владимиром Дорошенко (1879–1963), Иваном Огиенко (митрополит Иларион, 1882–1972)» [Мних 2016, с. 337]. Одним из таких украинских адресатов Чижевского был киевский архивист и палеограф Н.В. Геппенер (1901–1971), письма Чижевского к которому дополняют высказывания о принципах и ходе работы над историей литературы в публикуемых письмах к Бему. Особенно ценно в этом отношении подробное письмо от 29 июня 1944 г., в котором Чижевский признается в своей принадлежности к школе русского формализма и чешского структурализма:

⁶ См. обзор компаративистских методов и работ Чижевского в области славянских литератур: [Тетерина 2018].

⁷ В письме к Бему от 27 января 1944 г. Чижевский сообщал: «Я в постоянной переписке (связанной с Коменским) с некоторыми из чешских коллег и даже переслал им в последнее время несколько рукописей статей (богемистских), которые уже набраны, но когда выйдут, неизвестно» (LA PNP. Fond: Bem Alfred L. 34/43).

Я нахожу работы школы Перетца (лучших ее представителей, так как есть и «худшие», в частности в эмиграции) весьма позитивным вкладом в историю украинской литературы. Я совсем не против изучения редакций, источников и влияний, но в «Очерках» <истории украинского литературного барокко>, которые самим своим названием исключают претензию на полноту исследования, да еще в наших условиях — без возможности пользоваться рукописями и старопечатными изданиями (или пользоваться последними в нечеловеческих условиях), — считал необходимым обращать внимание на то, что оставалось — сравнительно — без внимания. Что же касается традиций литературного анализа, которых я придерживаюсь, то больше всего я обязан русским «формалистам», а еще больше чешскому историку литературы Мукаржовскому (работы которого — наиболее интересное в европейской методологии истории литературы последних десятилетий) [Ульяновский 2011, с. 350].

Историко-литературный подход Чижевского близок другой написанной в эмиграции истории литературы, знаменитой «Истории русской литературы с древнейших времен по 1925 год» Д.С. Святополк-Мирского, вышедшей на английском языке в Лондоне в 1926 г. В своей «Истории...» Мирский, в отличие от Чижевского, не ставил перед собой цели познакомить читателя с текстами разбираемых произведений, что было бы, разумеется, затруднительно из-за отсутствия их английских переводов, и потому ограничился включением в нее лишь нескольких стихотворений. Однако оба ученых стремились к всестороннему освещению предмета, обнаружению общеевропейских литературно-идейных связей и находили прозрачными границы между русской и украинской литературами. В определенном смысле Чижевский восполнил пробелы «Истории...» Мирского, отметившего, что в его книге из-за нехватки места и достаточных знаний нет «глав о русском фольклоре <...> Нет тут и украинской литературы, которая хотя во многом и разительно отличается, но тесно связана с литературой Великороссии» [Святополк-Мирский 2014, с. 26]. Изложение Мирским истории литературы посредством чередования различных экскурсов и биографических очерков, «внеличный историко-жанровый и личностный биографическо-портретный подход» [Ефимов 2019, с. 202], было принято и Чижевским, перемежавшим историко-литературные обзоры такого же рода отдельными очерками, посвященными Смотрицкому, Вишенскому, Яворскому и др. У Мирского с Чижевским немало общего и в подходе к периодизации истории литературы. Чижевский отделял себя от «сторонников социально-политического исследования литературных произведений» [Чижевский 1956, с. 11–12], в частности от двух своих украинских современников — С.А. Ефремова, автора «Історії українського письменства» (1911), социологический принцип периодизации которого он критиковал в предисловии к американскому изданию своей «Истории...», и А.К. Дорошкевича, полагавшего, что история литературы «имеет несколько фаз своего развития, объединенных единством художественных средств и господствующей классовой идеологией» [Дорошкевич 1924, с. 1–2; Меленчук 2012, с. 165]. Чижевский исходил из того, что «сами изменения литературных стилей представляют наилучшие и сугубо ли-

тературные критерии для периодизации литературы» [Чижевский 1956, с. 19], что отвечает подходу оппонента Ефремова Н.К. Зерова, предложенному в книге «Нове українське письменство» (1924). Периодизация у Зерова, критикованного не только социологический, но и географический и хронологический подходы [Зеров 1924, с. 12–20], подчиняется «принципу изменения литературных взглядов и предпочтений», причем изменения эти происходят под влиянием значительно большего числа факторов, в том числе под влиянием «эволюции литературных понятий и художественных средств» [Там же, с. 15–16]. Вместе с тем такие изменения литературных взглядов и предпочтений историк литературы, по мнению Зерова, должен рассматривать «в их историко-социальной обстановке» [Там же, с. 5].

Такого же рода подход находим у Мирского, старавшегося в каждой главе своей книги кратко обрисовать историко-социальную обстановку эпохи. Его периодизация, хотя и не вполне последовательная, строится по тому же принципу смены литературных взглядов и предпочтений, ведущих жанров и авторов: «Эпоха классицизма», «Золотой век поэзии», «Эпоха Гоголя» (развитие прозы противопоставляется упадку поэзии), «Эпоха реализма» и т.д. Чижевский, многие годы совершенствуя и детально продумывая свое «представление о динамике развития литературы», приходит к убеждению, что «каждая эпоха имеет свой литературный и языковой характер, свой “вкус”, свой “стиль”» [Чижевский 1956, с. 10], и в издании истории украинской литературы 1956 г. останавливается на стройной схеме, состоящей из следующих частей: «Эпоха монументального стиля», «Эпоха орнаментального стиля», «Ренессанс и реформация», «Барокко», «Классицизм», «Романтика».

Свою задачу как историка литературы Чижевский видел в выявлении генетических связей между явлениями, общих и различных элементов (манера, жанры, источники и т.п.), присущих тем или иным авторам, школам и литературным направлениям, которые только и позволяют рассматривать всю совокупность произведений как относящуюся к тому или иному периоду в истории литературы. Примечательно, что, разбирая «Историю русской философии» своего учителя философии в Киевском университете В.В. Зеньковского, Чижевский отметил, что в ней «недостаточно прослежены генетические связи между отдельными системами идей. Поэтому книга в некоторых частях дает собрание отдельных, иногда блестящих очерков, но не “историю”» [Чижевский 1952, с. 281]⁸.

Другой своей задачей Чижевский считал поиски выпавших звеньев — открытие важных фигур (в том числе периферийных или несостоявшихся писателей) и/или сочинений, которые остались либо слабоизученными, либо вовсе не рассмо-

⁸ Курсив мой. — А.Б. Об этой рецензии Зеньковский 17 ноября 1952 г. писал своему английскому переводчику Дж. Клайну следующее: «Я только что получил номер русского “Нового журнала” <...> в котором проф. Чижевский опубликовал свои заметки о моей “Истории русской философии”. Чижевский весьма высоко оценил мою книгу и предложил несколько очень ценных дополнений и исправлений. Полагаю, Вам непременно стоит обзавестись этим “Новым журналом” (№ XXX) и использовать заметки Чижевского» [АДРЗ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 3]. Пер. с англ. мой. — А.Б. В дальнейшем Зеньковский несколько раз писал Клайну с просьбой учесть в английском переводе «Истории русской философии» уточнения, которые сделал Чижевский.

тренными историками литературы. Так, он находил непозволительно недооцененной историками литературы фигуру средневекового богослова, писателя-полемиста и философа Иоанна Вишенского (которого выделял и Мирский, назвавший его «оригинальным и талантливым писателем <...> смягченным украинским Авакумом» [Святополк-Мирский 2014, с. 73]), чьи произведения по типологическому принципу считал равными «Евгению Онегину»; он необыкновенно высоко ставил Г. Сковороду, «последнего представителя украинского духовного барокко, с другой стороны, — украинского “предромантика”», «типичного представителя украинского духа» [Чижевский 1934, с. 179]. Возражая против исключения Сковороды из истории украинской литературы, он заметил следующее: «Ни один немец не станет исключать из истории немецкой мысли средневековых мыслителей, писавших на латинском языке, и даже Лейбница, писавшего преимущественно по-французски... И язык Сковороды не был *чужим* на тогдашней Украине, точно так же, как не был чужим и его литературный стиль: и язык Сковороды, и его литературный стиль не имеют с языком и литературным стилем современной ему русской литературы *ничего общего*» [Там же, с. 176]⁹. Главный упрек Чижевского плохому историку литературы (о чем он не раз писал А.Л. Бему) — поверхностное знание произведений рассматриваемых авторов. Обращение к источникам «за рамками данного литературного сочинения <...> к нелитературным свидетельствам (переписка, воспоминания) автора или его современников, к суждениям современников о сочинении (критика, пародии и т.п.)» [Чижевский 1956, с. 19] он считал важной, но подчиненной стадией работы: «Старые исследователи часто строили всю характеристику литературных произведений на таких “побочных” источниках и приходили порой к совершенно ошибочным выводам. Бесспорно, следует прежде всего изучать произведение само по себе, идейное содержание должно стать ясным из самого произведения, и только для помощи мы можем обращаться к “непрямым” источникам» [Там же]. «Только разобравшись с формальной стороной и содержанием произведения, раскрыв его идейное содержание, мы можем перейти к тому, чтобы указать произведению и автору определенное место в историческом процессе литературного развития. В этом состоит цель “синтетического” изображения литературного развития» [Там же].

В публикуемых письмах Чижевский много внимания уделяет вопросам лингвистики, метода изложения истории украинской и русской литературы, влиянию церковнославянского языка на современный литературный язык, общеславянским литературным связям. Отзываясь на брошюру Бема «Церковь и русский литературный язык» (Прага, 1943), последнюю работу, изданную при жизни ученого, Чижевский 3 ноября 1943 года писал следующее:

Станным образом, позволяю себе не согласиться с Вами и в самом конце, где Вы говорите о роли последних десятилетий: странным образом, но <церковно>сл<авянские> элементы — по крайней мере некоторые, в частности лексикальные — еще усилили свое значение в последние десятилетия

⁹ Курсив Чижевского.

(см. напр., то широчайшее употребление, какое теперь имеет слово «глава» — «глава треста» и т.д.); здесь стоило бы просмотреть что-нибудь вроде Зоценки или Ильфа и Петрова, чтобы прийти к выводу, что ц<ерковно>сл<авянский> язык в русском неистребим и независимо от всяких «идеологических» веяний живет в нем...

К такого рода замечаниям примыкают мысли Чижевского о единстве русской и украинской литературы в XI–XIII вв. и о взаимосвязи двух литератур в позднее время (к примеру, в сочинениях Гоголя, лексику и украинизмы которого Чижевский также обсуждал в письмах к Бему). В письме от 2 января 1943 г. в ответ на замечания Бема по поводу опубликованных к тому времени частей «Истории украинского барокко» он затрагивает важный вопрос освещения общеславянской духовной истории:

Неясно мне, в чем Вы находите «неблагоприятное» влияние вопроса о разграничении литератур. Ведь в историях русской литературы из упомянутых у меня писателей ни о ком ничего не бывает, кроме Прокоповича (играющего у меня очень скромную роль); Стефан Яворский и Дмитрий Ростовский поданы в таком разрезе, что их принадлежность к обеим литературам вполне ясна, ни одна из драм, ставившихся на севере, не привлечена к изложению и т.д. Первый выпуск <«Истории украинского барокко»> вообще ставит вопрос о периоде 11–13 веков как общем русской и украинской литературам, в третьем будет в постановке вопроса о «границах» (несмотря на их ясность ввиду различия литературных языков) много нового и неожиданного: там, вероятно, будут спорить и украинцы, и русские. Я вообще надеюсь написать синтетическую историю не только русской и украинской литератур, но и славянских литератур вообще! Русская литература мною <...> уже написана по-немецки, по тому же методу, как и эта, но с некоторыми дальнейшими «усовершенствованиями», прежде всего, она «теоретичнее», так что могла бы служить и учебником, затем, в ней есть обзоры изучения отдельных вопросов и, наконец, критические обзоры литературы и мелкий шрифт (для студентов, чтобы книгу можно было применять в качестве учебника).

Введение в научный оборот публикуемых писем Д.И. Чижевского имеет большое значение для восполнения лакун в истории русской и украинской эмиграции в самый сложный ее период — в годы гитлеровского террора и Второй мировой войны. Необыкновенно насыщенные ценными сведениями, они позволяют обозреть социальную и интеллектуальную обстановку, в какой слависты, историки литературы, архивисты и издатели в Германии и за ее пределами вели работу по изучению европейской литературы и культуры, продолжая лучшие академические традиции прошлого.

В пражском архиве А.Л. Бема хранятся письма Д.И. Чижевского, посылавшиеся с мая 1925 по декабрь 1944 г.¹⁰ Письма Чижевского к Бему 1925–1932 гг.

¹⁰ LA PNP. Fond: Bem Alfred L. 34/43.

(33 письма), хранящиеся в том же архиве и относящиеся к пражскому периоду Чижевского, были опубликованы М. Магидовой и В. Янценом [Магидова, Янцен 2007, с. 67–96]¹¹. Еще не опубликованы или известны лишь в отрывках письма Чижевского к Бему 1933–1941 и 1944 гг. (19 писем, их мы готовим к публикации в следующем выпуске «Ежегодника ДРЗ»); обнаружение встречной корреспонденции, находящейся, по-видимому, в неразобранном архиве Чижевского в университете города Галле [Магидова 2007, с. 49], позволит исследователям подготовить том переписки двух выдающихся ученых.

Публикуемые десять писем 1942–1943 гг., кроме двух открыток (№ 1 и № 6), — машинописные, по новой орфографии, с рукописными вставками и исправлениями чернилами (пометки и отчеркивания А.Л. Бема сделаны простым или красным карандашом). Отрывки из них печатались в изданиях: [Надъярных 2005], [Янцен 2008], [Чижевский 2007а], [Блашків 2010]. Письмо № 2, впервые опубликованное и прокомментированное В.В. Янценом [Чижевский 2007а, с. 168–170], заново сверено с оригиналом. Написание дат, сокращений (с точкой или без) не унифицируется, правописание и пунктуация приведены к современным нормам. Сохраняется используемое Чижевским выделение слов одинарным и двойным подчеркиванием. Конъектуры даны в угловых скобках.

Приношу выражение признательности В.В. Янцену, Р.В. Мниху и М.А. Васильевой за библиографические справки, замечания и обсуждение настоящей публикации.

Сокращения

АДРЗ — архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

LA PNP — Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze (Литературный архив Музея национальной письменности в Праге).

Литература

- Антошин, Капсалыкова 2017 — Антошин А.В., Капсалыкова К.Р. «Вам пишет Сюзюмов...»: Письмо М.Я. Сюзюмова русскому историку-эмигранту А.В. Соловьеву (1958) // Античная древность и Средние века. Екатеринбург. 2017. Вып. 45. С. 162–175.
- Аристов 1863 — Аристов Н. Предания о кладах // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии / под ред. В.И. Ламанского. СПб., 1863. С. 709–739.
- Бем 1923 — Лекции по истории древней русской литературы (до середины XVII в.), читанные студентам Русского педагогического института имени Яна Ам. Коменского в Праге в зимнем семестре 1923 г. преподавателем Института А.Л. Бемом. Прага, 1923. 135 с.
- Бем, Мельгунов 2003 — Письма А.Л. Бема и С.П. Мельгунова В.В. Мияковскому / вводн. ст. М. Раева, публ. и примеч. Г. Кураса // Новый журнал. 2003. № 231. С. 124–138.
- Бем, Срезневский 2005 — Альфред Людвигович Бем / Всеволод Измайлович Срезневский. Переписка 1911–1936 / сост., коммент. М. Бубеникова и А.Н. Горяинов. Брно: Славистическое общество Франка Вольмана, 2005. 186 с.

¹¹ Обзор корреспонденции Д.И. Чижевского в этом архиве см.: [Зилинский 2004, с. 413–422].

- Беркефельд 2007 — *Беркефельд В.* Маленький кружок в Галле // Чижевский Д.И. Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 309–315.
- Васильева 2008 — *Васильева М.А.* А.Л. Бем, П.М. Бицилли, Д.И. Чижевский: метод «мелких наблюдений» // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / сост. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.
- Виноградов 1939 — *Виноградов В.* О языке Толстого (50–60-е годы) // Л.Н. Толстой. Кн. 1 / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкинский Дом) / подгот. к печ. В.В. Жданова. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 117–220. (Лит. наследство. Т. 35/36).
- Гоголь 1949 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 5. 511 с.
- Гудзий 1989 — *Гудзий Н.К.* Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII–XVIII вв. Киев: Наукова думка, 1989. 375 с.
- Дюрович 1979 — *Дюрович Л.* Александр Васильевич Исаченко (1910–1978) // *Russian Linguistics*. 1979. Vol. 4. № 2. P. 117–127.
- Ефимов 2019 — *Ефимов М. D.S.M.* / Д.П. Святополк-Мирский. Годы эмиграции, 1920–1932. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2019. 450 с.
- Жигалов 2013 — *Жигалов А.Ю.* Изучение древнерусской литературы в Чехословакии 1920–1930 гг. русскими исследователями-эмигрантами // Вестник Московского университета. 2013. Серия 9, Филология. № 3. С. 132–145.
- Кантор 2013 — *Кантор В.К.* Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции? // Степун Ф.А. Письма. М.: Росспэн, 2013. С. 375–422.
- Кортхаазе 2007 — *Кортхаазе В.* Что происходило с главным сочинением Коменского «*Consultatio catholica*» с 1934 по 1945 год // Чижевский Д.И. Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 316–327.
- Костомаров 1883 — *Костомаров Н.И.* Бытовые очерки из русской истории XVIII века // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1883. Т. 11. С. 5–24.
- Ливак 2008 — *Ливак Л.* А.Л. Бем в письмах и документах / Из переписки А.Л. Бема // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / сост. М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2008. С. 341–399.
- Магидова 2007 — *Магидова М.* К публикации писем Д.И. Чижевского А.Л. Бему // *Rossica*. 2007. № 1. С. 49–66.
- Магидова, Янцен 2007 — *Магидова М., Янцен В.* Д.И. Чижевский: письма А.Л. Бему (1925–1932). А.Л. Бем: письмо Д.И. Чижевскому (1930) // *Rossica*. 2007. № 1. С. 67–96.
- Мельников 2000 — *Мельников Г.П.* Чешский ученый З. Калиста и проблемы барокко: (К 100-летию со дня рождения) // Славянский альманах. 1999. М.: Индрик, 2000. С. 299–312.
- Мних 2016. — *Мних Р.* Польша и поляки в жизни и творчества Дмитрия Чижевского // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. С. 336–350.
- Надъярных 2005 — *Надъярных Н.С.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М.: Наука, 2005. 366 с.
- Поляков 2008 — *Поляков Ф.Б.* Историко-литературные исследования Альфреда Бема в переписке с Артуром Лютером // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / сост. М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2008. С. 160–173.
- Раевская-Хьюз 2001 — Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / сост., примеч. О. Раевской-Хьюз. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2001. 400 с.

- Святополк-Мирский 2014 — *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. 5-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. 876 с.
- Чижевский 1952 — *Чижевский Дм.* Три книги о русской философии // *Новый журнал.* 1952. Кн. 30. С. 279–287.
- Чижевский 1955 — *Чижевский Д.* Три книги о Гоголе // *Новый журнал.* 1955. Кн. 41. С. 277–288.
- Чижевский 2007а — *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. 848 с.
- Чижевский 2007б — *Чижевский Д.И.* Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 411 с.
- Шахматов 1910 — *Мордовский этнографический сборник* / сост. А.А. Шахматов. СПб., 1910. 846 с.
- Шруба 2014а — *Внутриредакционная переписка* / публ., примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. 947 с.
- Шруба 2014б — *Шруба М.* «Я, случайный сотрудник “Современных записок”...»: А.Л. Бем / публ., примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 165–254.
- Янцен 2006а — *Янцен В.В.* Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // *Русский Берлин: 1920–1945* / сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 304–354.
- Янцен 2006б — *Янцен В. Д.И. Чижевский, Е.Д. Шор и Г.Г. Шпет* // *Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания.* М.: Языки славянских культур, 2006. С. 357–382.
- Янцен 2008 — *Янцен В.В.* Неизвестный Чижевский. Обзор неопубликованных трудов. СПб.: РХГА, 2008. 162 с.
- Янцен 2014 — *Янцен В.* «Если уж “чистая” философия слишком обременительна, то, м.б., лучше печатать серьезные историко-литературные статьи»: Д.И. Чижевский // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 4. С. 707–744.
- Янцен 2017а — *Янцен В.* Что связывало Д.И. Чижевского с Кёнигсбергом? // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2016–2017 [13]* / под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 927–965.
- Янцен 2017б — *Янцен В.* О влиянии идей Шеллинга в России: В.М. Сечкарев и Д.И. Чижевский // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2016–2017 [13]* / под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 310–319.
- Блашків 2010 — *Блашків О.* Чеська і словацька культура в житті та науковій спадщині Дмитра Чижевського // *Colloquia litteraria Siedlcensia.* 2010. Т. 6. Siedlce. 432 с.
- Валявко 2005 — *Валявко І.* Інтелектуальна біографія Дмитра Чижевського: спроба наукової ретроспективи // *Чижевський Д. Філософські твори: у 4 т. / під ред. В.С. Лісового.* Київ: Смолоскип, 2005. Т. 1. С. XI–XXX.
- Дорошкевич 1924 — *Дорошкевич Ол.* Підручник історії української літератури. Харків; Київ: Книгоспілка, 1924. 365 с.
- Жовтани 2012 — *Жовтани Р.* Творчість Юрія Клена в еміграції // *Київська старовина.* 2012. № 1. С. 146–151.
- Зеров 1924 — *Зеров М.* Нове українське письменство: Історичний нарис. Київ: Слово, 1924. 136 с.

- Зілинський 2004 — *Зілинський Б.* Листи Дмитра Чижевського з 1925–1945 рр. у празьких архівах: (попередній огляд проблематики) // Dmytro Čuževskij, osobnost a dílo: Sborník z mezinárodní conference k 25. výročí úmrtí. Praha, 2004. С. 413–422.
- Меленчук 2012 — *Меленчук О.* «Історія українського письменства» С. Єфремова та її контекст // Науковий вісник Чернівецького університету. Слов'янська філологія. 2012. Вип. 585–586. Чернівці. С. 162–169.
- Тетеріна 2018 — *Тетеріна О.Б.* «Зустрічі слов'янських літератур на їхніх історико-духовних перехрестях»: Д. Чижевський // ScienceRise. 2018. № 6 (47). С. 49–55.
- Ульяновський 2011 — *Ульяновський В.* Ціле море інтелекту: листи Дмитра Чижевського до Миколи Геппенера 1944 р. // Славістика. Т. 2: Дмитро Чижевський і європейська культура / за ред. Є. Пшеничного, Р. Мниха, В. Янцена. Дрогобич: Коло, 2011. С. 335–376.
- Чижевський 1934 — *Чижевський Д.* Фільософія Г.С. Сковороди. Варшава, 1934. 224 с.
- Чижевський 1942 — *Чижевський Дм.* Історія української літератури. Кн. 2. Прага, 1942. 143 с.
- Чижевський 1956 — *Чижевський Д.* Історія української літератури: Від початків до доби реалізму. Нью-Йорк: Українська вільна академія наук у США, 1956. 511 с.
- Чижевський 2013 — Дмитро Іванович Чижевський і його сучасники: Листи, спогади / упорядники: І. Вялякво, О. Чуднов, В. Янцен. Кіровоград: Імекс-прес, 2013. 528 с.
- Ясь 2017 — *Ясь О.В.* [Вступна стаття] Чижевський Д.І. Культурно-історичні епохи // Український історичний журнал. 2017. № 2. С. 183–191.
- Isačenko 1943 — *Isačenko A.* Co je «Eugen Onegin» // Slovenské pohľady (Bratislava). 1943. № 4. S. 236–250.
- Russian Linguistics 1988 — Russian Linguistics. 1988. Vol. 12. № 2. P. 107–116.
- Studia Linguistica 1978 — Studia Linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a Collegis Amicisque Oblata. Lisse: The Peter de Ridder Press, 1978. P. XI–XXV.

1

Галле – Прага

4/1. 1942

Сердечный привет и наилучшие пожелания к Новому Году и Рождеству Христову от преданного Вам

Дмитрия Чижевского

Открытка без почтового адреса и штемпеля, по-видимому, вложенная в посланную Бему бандероль или переданная с иной оказией.

2

Галле – Прага

16. 5. 42

Дорогой Альфред Людвигович!

Очень рад Вашему письму. Вы не упоминаете в нем, получили ли Вы новый выпуск моей книги об литературе украинского барокко¹. Если не получили, я охотно Вам его вышлю.

Из письма Вашего вижу, что, несмотря на переобременение и на недомогание, Вам все же удалось работать, но что возможности печатания у Вас не лучше, чем у нас. Вижу, что здешние диссертации Вы получили, и заинтересован Вашим отзывом о книге Гергардта, человека очень способного, но со всеми своими работами как-то «перезревающего»: книга его образовалась из диссертации о Гоголе (!!)² и приняла почему-то — вместо изложения собственных мыслей — характер полемики (в особенности с Вами). Зачем это нужно, мне не совсем ясно. Во всяком случае, он сейчас, пожалуй, единственный из немцев (кроме большого Ягодича³), кто владеет аппаратом истории русской литературы. О книге Гербста⁴ писать не стоит: она не закончена (его призвали на военную службу); в законченном виде она давала бы разбор остальных переводов Мея⁵ (с украинского и с польского) и «выводы», которых нет в теперешней работе. После этого вышла еще одна здешняя работа: А. Мичке⁶ о галльском «слависте» 18 в. Г. Мильде⁷. Я постараюсь Вам ее тоже выслать, она пока лежит где-то по дороге между факультетом и библиотекой, хотя в ней главный материал чешский, а не русский. Чехов она, как сужу по письмам и отзывам, очень заинтересовала. И действительно, она богата материалом. Дальнейшие диссертации печататься не могут (было еще 2). Сейчас работает еще один очень прилежный пастор над диссертацией⁸ о богословских темах у Лескова: работа будет, во всяком случае, полезная; о том, насколько она будет удачна, судить пока еще не могу. Есть еще одна докторантка, но о ней также пока судить трудно. Странным образом за время войны напечатано, по данным статистики, всего 6 докторских работ по славистике: из них две из Бреславля, 4 из Галле!

Я сам работаю главным образом над Коменским⁹: первая большая работа по «содержанию» его произведений появится в «Архиве... Коменского»¹⁰, надо думать, еще в этом году. Целый ряд иных чешских статей «замерз»; к сожалению, и введение к чешскому переводу Писем Чаадаева¹¹. В течение последней зимы я написал, кроме этого введения, еще историю укр<аинской> лит<ературы> 16–18 века (выйдет)¹², третью часть укр<аинской> барочной поэзии¹³ (лежит в цензуре), упомянутую статью о Коменском и еще одну меньшую статью о нем же, которая, вероятно, выйдет в «Слове <и> словесности»¹⁴. Кроме того закончил переписку рукописи Коменского: последних 600–700 страниц¹⁵. Теперь предстоит обработка этой рукописи. Всего 4000 страниц! К сожалению, за последние годы набралось уже несколько статей, безнадежно лежащих в редакциях, а главное, две непечатающихся книги (немецкая о Сковороде¹⁶, которая, впрочем, была готова уже в 1934–<193>5 г., и русская о Тютчеве¹⁷). Все это удерживает меня от писания книги о Гоголе, для которой давно собираю материал¹⁸. Поэтому меня особенно интересуют Ваши работы о Гоголе. Ходом обстоятельств, вероятно, буду вынужден ограничиться работой над Коменским. Иного негде печатать.

Ученики пока есть, хотя и немного — и лучшие в войске. Лекции состоятся по большей части при 3–5 слушателях, а то и при 1–2. Только семинар держался до предпоследнего семестра довольно хорошо, но в этом семестре в нем всего 2 человека (Гоголь). Зато процветают рефераты, которые посещаются для нашего времени «рек<о>рдным» количеством слушателей: до 12. Программу на этот семестр посылаю Вам.

Последний из рефератов будет посвящен уже почти вышедшей (печатается список опечаток) книге О. Бургардта о Л. Андрееве¹⁹, очень интересной, насколько могу судить по частям ее, читанным мною в корректуре. Иных новостей мало: вышла книга Траутманна²⁰ о рассказах Тургенева, скучноватая; единственное, что в ней приятно, — любовь к русской литературе. Должны были выходить и рассказы Тургенева в переводе того же Траутманна. Надеюсь, что кое-что выйдет. Он был у меня в прошлую субботу в гостях (до Лейпцига ведь недалеко). Настроен мрачно. Лютер очень постарел²¹. Браун (старый)²² лежит в клинике и медленно умирает — вот уже в течение нескольких месяцев. О Фасмере²³ Вы знаете. Он издал очень интересную большую работу о славянах в Греции (конечно, почти только о местных именах)²⁴. Журнал его выходит²⁵, хотя и реже, чем прежде. Из других стран слышно мало. Недавно получил интересную книжку (130 стр.) Бицилли о Чехове²⁶. Писал мне А.В. Соловьев²⁷ из Белграда и Исаченко²⁸ из Братиславы. С.И. Гессен²⁹ передал через знакомых привет: ему живется еще сравнительно сносно. Я недавно получил из Парижа свою книгу о «Гегеле в России»³⁰, которую, к сожалению, не могу никому выслать, имея всего один экземпляр. Между тем в ней много нового по сравнению с немецким изданием. Хотя очень сокращен конец.

О Киеве мне рассказывал Бургардт. Вероятно, всё вещи и Вам известные, в частности, что все преподаватели ИНО эвакуированы (так же как и все рукописи)³¹. Но смерть Зерова³² и Филипповича (*sic!*)³³, о которой писали укр<аинские> газеты, в Киеве не подтверждают.

Так как я газет не читаю, то о Иванове-Разумнике³⁴ узнал только из Вашего письма. Могу ему выслать денег³⁵. Лучше были бы продукты, но их нет. А деньги, по правде сказать, мало для чего могут пригодиться. Только повторите мне его адрес, пожалуйста: неразборчиво название барака, и Кониц, по-моему, не в Вост<очной>, а в Западной Пруссии. Так ли это (Вестпрейссен)?

О смерти Францева³⁶ мне писал Пата³⁷. О Вашем диспуте ничего не слышал. Магистерский диспут? И что Вы представили в качестве диссертации? Поздравляю!!

С питанием, конечно, слабовато. Был в Праге недавно один коллега, историк музыки, которого я втравил в работу над нотами «Священных од» Трановского³⁸. Для него Прага была просто раем в смысле пропитания: как здесь год тому назад. Но последнее сокращение карточек меня как-то не затронуло: я его даже не заметил. Между тем прошлой осенью сокращение мясного рациона привело к тому, что я месяца два ходил с собачьим или волчьим голодом. Зато тогда еще хорошо работалось. Теперь же часто устаю, а на Пасху думал, что вообще утратил способность работать. Но, в общем, работаю сейчас еще лучше большинства коллег. Один из земляков развил когда-то теорию «херсонского организма», которого никакие болезни не берут. Вероятно, я, происходя из Херс<онской> губернии, унаследовал и «херсонский организм». Самое неприятное был не голод, а холод зимой, продолжавшейся без конца; угля не хватало, и уголь плохой. Намерзся я достаточно, больше, чем в свое время в Киеве и Харькове, где меня как-то Бог миловал.

Надеюсь, что еще будет в ближайшем будущем возможность послать Вам кое-что из своих работ. А о Вас всегда буду очень рад слышать. У Фасмера Вы, вероятно, могли бы что-нибудь напечатать. Он Вас очень помнит. Но только платит он уж очень скупо (вина, правда, не его, а издателя; если бы платили больше, то, верно, и журнала бы уже не было).

Лосский³⁹ писал мне за несколько дней до отъезда. Из Братиславы еще не было известий. Буду рад, если сообщите о знакомых. Из чехов я с несколькими в переписке, хотя и не очень систематической (Трнка⁴⁰, Мукаржовский⁴¹, Матезиус⁴², Гавранек⁴³, Б. Рибач⁴⁴, Вашица⁴⁵, Пата, Калиста⁴⁶ и особенно Гендрих⁴⁷, недавно писал И. (*sic!*) Б. Чапек⁴⁸, прежде переписывался с Ф. Бартошем⁴⁹; как видите, довольно много корреспондентов), из русских были связи только с Лосским и А. Флоровским⁵⁰, из украинцев — только с Антоновичем⁵¹ и Дорошенком⁵².

Сердечные приветы Вам и Вашим

от искренне преданного Вам

Дмитрия Чижевского

Лермонтовского сборника⁵³ здесь нет. Где можно его заказать?

¹ *Чижевський Д.* Український літературний барок: Нариси. Ч. 2. Прага, 1941.

² Дитрих Курт Герхардт (Dietrich; 1911–2011) — немецкий славист и литературовед, с 1932 г. ученик Чижевского в Галле, один из составителей юбилейного сборника к семидесятилетию Чижевского «Orbis scriptus: Dmitrij Tschizewskyj zum 70. Geburtstag» (Мюнхен, 1966). В 1941 г. научный сотрудник Института фонометрии в Брауншвейге, затем на военной службе. С 1946 г. преподаватель славистики в Эрлангене, с 1948 г. профессор славистики

в Мюнстере, с 1959 г. ординарный профессор в Гамбурге. В 1940 г. в Галле вышла его книга на основе защищенной им диссертации «Gogol und Dostojewskij in ihrem künstlerischen Verhältnis» («Гоголь и Достоевский в их художественных отношениях»). О гоголевском семинаре Чижевского в Галле см. написанные Герхардтом «Воспоминания о Д.И. Чижевском» [Чижевский 2007а, с. 291–298].

³ Ягодич Рудольф (Jagoditsch; 1892–1976) — австрийский славист, ученик Н.С. Трубецкого, профессор, затем руководитель Славянского института Венского университета (1939–1963), специалист по истории польской и древнерусской литературы. Состоял с Чижевским в многолетней переписке.

⁴ Как указал В. Янцен, д-р Герберт Хербст (Herbst) был учеником Чижевского в Галле, в 1940 г. защитил диссертацию о переводах Л.А. Мея [Чижевский 2007а, с. 223].

⁵ Мей Лев Александрович (1822–1862) — русский поэт, прозаик, драматург, переводчик А. Мицкевича, Т.Г. Шевченко и др.

⁶ По воспоминаниям Чижевского, Альфред Мичке (Фредо Метск, Mietzschke) — лужицкий серб, один из лучших его учеников в Галле, исследователь рукописей и книг из библиотеки Генриха Мильде, о котором защитил диссертацию в 1941 г. Состоял с Чижевским в многолетней переписке [Чижевский 2007а, с. 223].

⁷ Мильде Генрих (Milde; 1676–1739) — немецкий богослов, педагог, родоначальник немецкой славистики.

⁸ Как указал В. Янцен, здесь имеется в виду ученик Чижевского Карл-Хайнц Анбау (Anbau; 1913–2004), автор диссертации о богословских темах у Н.С. Лескова, пастор в предместье Галле Петерсберге [Чижевский 2007а, с. 126].

⁹ Коменский Ян Амос (Komenský, Jan Amos; 1592–1670) — чешский мыслитель-гуманист, писатель, философ, богослов, общественный деятель, основоположник педагогики.

¹⁰ Специальный журнал «Архив исследования жизни и сочинений Я.А. Коменского», выходящий на словацком и чешском языках в Брно в 1910–1940 гг.

¹¹ Подготовленное Чижевским комментированное чешское издание «Философических писем» П.Я. Чаадаева было задержано немецкой цензурой и увидело свет только в 1947 г. [Чижевский 2007а, с. 789].

¹² *Чижевський Д.* Історія української літератури. Кн. 2: IV. Ренесанс та реформація. V. Барок. Прага, 1942.

¹³ *Чижевський Д.* Український літературний барок: Нариси. Ч. 3. Прага, 1944.

¹⁴ *Čuževskýj Dm.* Několik drobných Komenian // Slovo a slovesnost (Praha). 1942. Ročník 8. № 1. С. 35–36.

¹⁵ В 1934 г. Чижевский обнаружил в галльском фонде А.Г. Франка (Frankeschen Stiftungen zu Halle) считавшуюся утерянной латинскую рукопись главного философского труда Я.А. Коменского «De rerum humanarum emendatione consultatio catholica» («Всеобщий совет об исправлении дел человеческих») (ок. 1645–1670). О своем открытии он тогда же опубликовал несколько сообщений в немецких, чешских и словацких славистических журналах, а также в эмигрантском журнале «Русская школа за рубежом» (Прага). За несколько лет Чижевский разобрал, переписал, перепечатал на машинке и подготовил рукопись к публикации. Опасаясь утраты подготовленного им машинописного текста в военное время, он передал одну копию в Прагу, две других — в Дрезден и в Мюнстер (подр. см.: [Кортхаазе 2007, с. 316–327]). Полное издание этого труда Коменского состоялось в Праге только в 1966 г.

¹⁶ В 1934 г. в Варшаве Чижевский выпустил «Философию Г.С. Сковороды» на украинском языке; издание немецкой редакции этой книги, подготовленной Чижевским для немецко-швейцарского издательства «Gotthelf Verlag», выпустившего в 1930-х гг. книги Ф.А. Степуна и Н.А. Бердяева, не состоялось. Новая редакция немецкой книги о Сковороде вышла в свет только в 1974 г. в Мюнхене под названием: «Skovoroda. Dichter, Denker,

Mystiker» («Сковорода. Поэт, мыслитель, мистик»). Подр. о редакциях этой книги см.: [Янцен 2008, с. 42–46].

¹⁷ Книга Чижевского о Ф.И. Тютчеве не была издана, рукопись ее пропала. Как следует из письма Чижевского к Т.С. Франк от 1 июля 1966 г., она должна была выйти в серии «Русская научная библиотека», выпускавшейся парижским издательством И.И. Фондаминского «Современные записки» в сотрудничестве с издательством «Дом книги»: «В “Русской научной библиотеке” вышла еще моя книга “Тегель в России”, также ставшая крайне редкой <...> Книги “Русской научной библиотеки”, действительно, пропали (они были “на складе” у еврея, который был немцами “ликвидирован”) — остались те экземпляры, что были в руках книготорговцев, в частности в Америке. Пропали и рукописи: Н.С. Трубецкого лекции о древнерусской литературе <...> пропала и моя рукопись небольшой (в 80–100 страниц) книги о Тютчеве» [Янцен 2014, с. 715–716]. Большой труд Чижевского по истории философии «Тегель в России» вышел во второй половине 1939 г., став второй и последней книгой в серии «Русская научная библиотека», а уже в следующем году издательство Фондаминского прекратило существование. В неопубликованном немецком письме к Ф. Либу от 29 сентября 1931 г. Чижевский сообщил, что начал «новую работу: “Тютчев как мыслитель”, книга примерно в 120 страниц. Но далеко работа еще не продвинулась» (благодарю за эту цитату В. Янцена). По частному сообщению В. Янцена, в архиве Чижевского сохранился конволют его опубликованных русских и немецких статей, рецензий и заметок о Тютчеве 1927–1937 гг. (перечень см.: [Чижевский 2007а, с. 774–783]).

¹⁸ Книга о Гоголе, над которой Чижевский работал до конца жизни, осталась незавершенной. С 1937 г. он публиковал посвященные Гоголю рецензии и статьи на немецком, русском, английском языках. Рукопись немецкой версии этой книги в 2009 г. была приобретена М.А. Колеровым у корректора Чижевского А. Лаухуз и подарена библиотеке Дома А.Ф. Лосева (Москва). Об истории ее создания см.: [Янцен 2008, с. 46–63].

¹⁹ Освальд Бургардт (Burghardt), псевд. Юрий Клен (Jurij Klen) (1891–1947) — украинский поэт, прозаик, переводчик, литературовед и литературный критик немецкого происхождения, товарищ Чижевского по Киевскому университету. В 1931 г. выехал в Германию в составе делегации писателей, в СССР не вернулся. До получения места в Пражском университете преподавал в Мюнстере. Чижевский посвятил ему мемуарный очерк «Юрий Клен, ученый и человек» (1949) [Чижевский 2007а, с. 815–822; Чижевский 2013, с. 289–312]. Под книгой о Л. Андрееве Чижевский подразумевает немецкую диссертацию Бургардта «Die Leitmotive bei Leonid Andrejev» («Лейтмотивы у Леонида Андреева»), изданную в Мюнстере с указанием года издания — 1941. О работах и публикациях Бургардта в эмигрантский период см.: [Жовтани Р. Творчість Юрія Клена в еміграції // Київська старовина. 2012. № 1. С. 146–151].

²⁰ Траутман Рейнгольд (Trautmann; 1883–1951) — немецкий славист, балтист, профессор Кенигсбергского и Лейпцигского университетов, переводчик русской литературы, член НСДАП с 1937 г., с 1940 г. и до своей смерти член Саксонской академии наук в Лейпциге. Имеется в виду книга: *Trautmann R. Zu Form und Gehalt der Novellen Turgenjews* [О форме и содержании рассказов Тургенева]. Leipzig: Verlag S. Hirzel, 1942.

²¹ Лютер Артур Федорович (Luther; 1876–1955) — русско-немецкий критик, литературовед, филолог-русист, переводчик на немецкий язык русских классиков и писателей XX в., профессор Московского университета, в 1914 г. переехавший в Германию. Автор изданной по-немецки «Истории русской литературы» (1924) и многих др. работ. С 1927 г. сотрудник Немецкой национальной библиотеки в Лейпциге. О переписке А. Бема с А. Лютером см.: [Поляков 2008, с. 160–173].

²² Браун Федор (Фридрих) Александрович (Braun; 1862–1942) — русско-немецкий филолог-германист, скандинавист, основоположник германской филологии в России. С 1900 г. член секретарь историко-филологического факультета, затем декан Санкт-Петербургского

университета. После революции заведовал отделом немецкой литературы во «Всемирной литературе» А.М. Горького. В эмиграции (с 1920) продолжил сотрудничество с Горьким, редактируя научный отдел журнала «Беседа» (Берлин, 1923–1925). С 1927 г. профессор кафедры истории Восточной Европы Лейпцигского университета.

²³ Фасмер Макс (Максимилиан) Юлиус Фридрих (Vasmer; 1886–1962) — крупнейший русско-немецкий лингвист, лексикограф, этимолог и славист российского происхождения. С 1921 г. в Германии; в годы Второй мировой войны в Берлине. Многие годы Фасмер содействовал академической карьере Чижевского, в частности, по его рекомендации Чижевский получил место лектора в Галле, а после войны — профессию в Марбурге.

²⁴ Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.

²⁵ Имеется в виду основанный М. Фасмером в 1924 г. в Лейпциге журнал по славянской филологии «Zeitschrift für slavische Philologie», выходящий по настоящее время.

²⁶ Бицилли П.М. Творчество Чехова: опыт стилистического анализа. София, 1942.

²⁷ Соловьев Александр Васильевич (1890–1971) — русский историк и филолог, специалист по славянскому и византийскому праву, истории геральдики и русской музыки. В эмиграции с 1920 г., в 1930 г. избран профессором истории славянского права Белградского университета, был секретарем Русской академической группы в Белграде. После установления в Югославии режима Тито в 1947 г. вынужден был покинуть Белград и принять место декана юридического факультета университета Сараево. С 1952 г. преподавал в Женевском университете. Подр. о нем см.: [Антошин, Капсалькова, с. 162–175].

²⁸ Исаченко Александр Васильевич (1910–1978) — чехословацко-австрийский лингвист, славист, германист русского происхождения, ученик и зять Н.С. Трубецкого, основатель журнала «Russian Linguistics» (1974 – по настоящее время). В 1920 г. семья Исаченко, покинув Россию, обосновалась в Австрии. Окончив гимназию в Клагенфурте, Исаченко поступил в Венский университет, после окончания которого в 1933 г. стажировался в Париже и Праге, стал членом Пражского лингвистического кружка. Преподавал в Вене (1935–1938), Любляне (1939–1941), Братиславе (1941–1945) и др. После войны стал заместителем директора Института языка и литературы Чехословацкой академии наук. В 1968 г. из-за событий Пражской весны отказался вернуться в Прагу из Австрии и принял приглашение Калифорнийского университета возглавить кафедру славянской филологии. В 1971 г. вернулся в Австрию, заняв место главы кафедры общего и прикладного языкознания и славистики университета Клагенфурта. Подр. о нем см.: [Дюрович 1979, р. 117–127].

²⁹ Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) — русский философ, теоретик педагогики, публицист, литературовед. С 1921 г. в эмиграции в Берлине; с 1924 г. в Праге — профессор Русского педагогического института, лектор в Немецком университете, редактор журнала «Русская школа за рубежом» (Прага). В 1934 г. переехал в Варшаву, преподавал в Варшавском университете.

³⁰ Чижевский Д.И. Гегель в России. Париж: Дом книги; Современные записки, 1939.

³¹ Институты народного образования — высшие педагогические учебные заведения, возникшие в результате советской реформы системы образования в 1920 г. Здесь имеется в виду созданный в 1926 г. Киевский институт народного образования, с 1933 г. — Киевский государственный университет. В 1941 г. многих преподавателей и часть имущества университета эвакуировали в Кзыл-Орду (Казахстан), где был образован Объединенный украинский государственный университет.

³² Зеров Николай (Микола) Константинович (1890–1937) — украинский поэт, лидер киевской литературной группы «неоклассиков», литературовед, критик и переводчик, профессор Киевского университета. Зеров окончил историко-филологический факультет Киевского университета св. Владимира. Сослан на Соловки в 1935 г., расстрелян в 1937 г.

³³ Филипович Павел (Павло) Петрович (1891–1937) — украинский поэт и писатель, литературовед, профессор Киевского университета. Филипович окончил историко-фило-

логический факультет Киевского университета св. Владимира. Вместе с Н. Зеровым вел в Киевском университете семинар по истории украинской литературы. Арестован вместе с Зеровым, сослан на Соловки в 1935 г., расстрелян в 1937 г.

³⁴ Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Василий Иванович; 1878–1946), историк русской общественной мысли, публицист и литературный критик, в феврале 1942 г. был вывезен вместе с женой из оккупированного Пушкина в Кониц (Западная Пруссия) и полтора года находился в лагере для русских немецкого происхождения (благодаря тому, что жена Иванова-Разумника, урожд. Оттенберг, была отнесена к этой категории).

³⁵ А.Л. Бем писал Иванову-Разумнику 25 мая 1942 г.: «Чтобы покончить с повседневными делами — не удивляйтесь, если на Ваше имя придут какие-нибудь деньги от имени Д.И. Чижевского. Это мой добрый приятель, очень выдвинувшийся историк русской литературы и философ, лектор университета в Галле, который, зная Вас по Вашей литературной деятельности, сам изъявил желание хоть чем-нибудь помочь Вам» [Раевская-Хьюз 2001, с. 174].

³⁶ Францев Владимир Андреевич (1867–1942) — русский славист, историк литературы, с 1903 г. профессор Императорского Варшавского университета, с 1921 г. профессор славянской филологии в Карловом университете, председатель Русской академической группы в Праге.

³⁷ Пата Йозеф (Páta; 1886–1942) — чешский славист, историк литературы, публицист, переводчик и книгоиздатель. С 1933 г. профессор Карлова университета. Расстрелян нацистами в июне 1942 г. за сотрудничество с чешским Сопротивлением.

³⁸ Трановский Юрай (Tranovský; 1592–1637) — словацкий поэт, переводчик и композитор, один из наиболее ярких представителей духовной барочной поэзии в словацкой литературе.

³⁹ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — русский религиозный философ, один из основоположников интуитивизма. В 1922 г. был выслан из Петрограда в Германию в составе большой группы ученых и интеллигенции. В том же году переехал в Прагу — профессор Русского юридического факультета, преподавал в Русском народном университете, университете Брно и др.; в апреле 1942 г. переехал в Словацкую республику, получив место профессора на кафедре философии Братиславского университета.

⁴⁰ Трнка Богумил (Trnka; 1895–1984) — чешский лингвист, историк литературы, один из основателей Пражского лингвистического кружка. С 1930 г. профессор Карлова университета.

⁴¹ Мукаржовский Ян (Mukařovský; 1891–1975) — чешский эстетик, литературовед, лингвист, член Пражского лингвистического кружка, один из основоположников структурализма. С 1934 г. профессор Братиславского университета, с 1938 г. профессор эстетики Карлова университета.

⁴² Матезиус Вилем (Mathesius; 1882–1945) — чешский лингвист, основатель и первый председатель Пражского лингвистического кружка. С 1912 г. профессор английской филологии Карлова университета.

⁴³ Гавранек Богуслав (Havránek; 1893–1978) — чешский лингвист, славист, участник Пражского лингвистического кружка. С 1929 г. профессор Университета Масарика в Брно. Главный редактор журнала «Слово и словесность».

⁴⁴ Рибa Богумил (Ryba; 1900–1980) — чешский филолог-классик, переводчик с латинского, комениолог. С 1934 г. профессор Карлова университета.

⁴⁵ Вашица Йозеф (Vašica; 1884–1968) — чешский католический священник, филолог-славист, историк литературы и переводчик. В 1937–1950 гг. преподавал в Праге на богословском факультете Карлова университета, состоял с Чижевским в многолетней переписке. См. письма Чижевского к Вашице 1933–1965 гг. [Блашків 2010, с. 234–277].

⁴⁶ Калиста Зденек (Kalista; 1900–1982) — чешский историк, исследователь эпохи барокко, источниковед, историк литературы, поэт, прозаик и переводчик. В 1929–1939 гг. доцент Карлова университета, после закрытия которого в период оккупации редактировал различные научные серии; в 1945–1947 гг. вновь преподавал в Карловом университете. В 1951 г. был арестован по политической статье, десять лет провел в тюрьме, реабилитирован в 1966 г. Подр. о нем см.: [Мельников 2000, с. 299–312].

⁴⁷ Хендрих Йозеф (Hendrich; 1888–1950) — чешский педагог, теоретик педагогики, комениолог, с 1928 г. — профессор Братиславского университета, с 1936 г. — Карлова университета.

⁴⁸ Чапек Ян Благослав (Čapek; 1903–1982) — чешский писатель, поэт, историк литературы, комениолог, редактор научных и литературных журналов. В 1941–1942 гг. преподавал в Чешской консерватории, с 1945 г. профессор чешской литературы Карлова университета.

⁴⁹ Бартош Франтишек Михалек (Bartoš; 1889–1972) — чешский историк, архивист и публицист.

⁵⁰ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) — русский историк, славист, живший и преподававший в Одессе. После высылки из СССР в 1922 г. обосновался в Чехословакии, преподавал в Русском юридическом факультете. В 1933–1945 гг. председатель ученого совета Русского заграничного исторического архива. С 1933 г. профессор Карлова университета.

⁵¹ Антонович Дмитрий Владимирович (1877–1945) — украинский общественно-политический деятель, историк искусства, министр Центральной рады. В 1921 г. в Вене стал одним из организаторов Украинского свободного университета, который в том же году продолжил работу в Праге. Многолетний ректор и преподаватель Украинского свободного университета.

⁵² Дорошенко Дмитрий Иванович (1882–1951) — украинский общественно-политический и государственный деятель, член Центральной рады, историк, литературовед и публицист. С 1921 г. профессор Украинского свободного университета, в 1926–1936 гг. — Карлова университета. В 1945–1951 гг. первый президент учрежденной в Аугсбурге Украинской свободной академии наук. Состоял в многолетней переписке с Чижевским.

⁵³ Юбилейный сборник, изданный в Праге комитетом Дня русской культуры в 1941 г., с двумя поэмами М.Ю. Лермонтова и статьей А.Л. Бема «Демон и Калашников. Два начала в поэзии Лермонтова». 4 июня 1941 г. А.Л. Бем писал А.М. Ремизову: «Издали мы здесь юбилейный лермонтовский сборник: купец Калашников и Демон с иллюстрациями Васнецова и Врубеля, издали роскошно, точно чувствуя, что это лебединая песня эмиграции» [Ливак 2008, с. 379].

3

Галле – Прага

2 июня 42

Дорогой Альфред Людвигович!

Спасибо за письмо! Одновременно высылаю Вам вторую часть книги об украинской барочной литературе. Если у Вас нет первой части, могу выслать и ее: я ее Вам высылал в прошлом году, немедленно по выходе, но дошла ли она, не знаю. Жалею, что не вышла моя же небольшая история укр<аинской> лит<ературы> 16–18 веков. В ней, мне кажется, довольно много интересного.

Что касается песни у Достоевского, то здесь была у меня в семинаре прочитана небольшая работа одной моей ученицей (Гоппе, которой статью о Тютчеве Вы, может быть, встречали в фасмеровском журнале) о стиле народной баллады и «Хозяйки» (о «Хозяйке» и я написал работу, которую, конечно, теперь негде пристроить). Если рукопись этой работы имеется у авторши, я постараюсь ее Вам выслать. Книжку Траутманна, конечно, также удастся Вам выслать¹. Она, по-моему, не слишком интересна, но с любовью написана. Вышла она в изд<ательстве> Саксонской академии наук: такие издания обычно раздариваются в неограниченном количестве экземпляров. Книга Бургардта об Андрееве еще не вышла «окончательно» из печати². Он Вам ее тоже, конечно, пришлет. Она чрезвычайно интересна по методу. Вы слышали, вероятно, о статье Б<ургардта> об Андрееве в фасмеровском журнале.

Гергард<t> книгу о Гоголе, конечно, напишет³. Он вообще работник очень хороший, но крайне медлительный, так что многие его работы «перезревают», залеживаясь в его письменном столе. Но сейчас он на военной службе, а потом должен будет еще писать реабилитационную работу (вероятно, о «смешанных языках» — старая тема Шухардта⁴, для которой сейчас накопилось много нового материала).

Из Киева и здесь есть некоторые известия. С пропитанием там очень трудно. Наступил снова период обмена и хождения по деревням. Хорошее орудие обмена — как и раньше — иголки. Их даже можно выслать отсюда родственникам. Да и здесь с продовольствием слабовато. Из Праги было недавно довольно много известий — приезжала сюда одна моя бывшая ученица, сейчас посещающая нем<ецкий> университет в Праге. Рассказывала и о Геземанне⁵, о содержании его лекций, довольно жуткие вещи. Кроме того, сейчас здесь работает один пражский ориенталист, также, конечно, со всеми знакомый.

Академическая работа моя, конечно, теперь довольно узка. Студентов не хватает. Но все же удастся поддерживать здешнюю славистическую работу. Вчера читал один историк музыки доклад у меня в семинаре о музыке од Трановского: очень интересный доклад с музыкальными иллюстрациями. Было как-никак 16 человек. Следующий доклад через две недели о стиле прозы Пушкина по новым работам; особенно интересны статьи в «Русской речи»⁶, которую мы еще получили и, конечно, работы Виноградова. Читает жена одного профессора, с которой, если не ошибаюсь, Вы даже переписывались — или она выслала Вам свои небольшие заметки, напечатанные у Фасмера. Я сам ничем, кроме Коменского, заняться сейчас не могу. Правда, сейчас обрабатываю слав<янский> отдел венгерского института в Берлине, где оказалось несколько редчайших чешских книг (16–17 в<в>.) и даже несколько потерянных и неизвестных вообще книг: «Псалмы» Нетолицкого 1562 г.⁷, известные до сих пор только из индекса запрещенных книг, один букварь 18 века, два сборника чешских стихотворений, изданных графом Шпорком⁸, несколько (около 10) чешских и польских поздравительных стихотворений, изданных в 17–18 вв. в Виттенберге чешскими изгнанниками, и т.п. Есть и рукописи, к которым пока еще не приступал. В новых номерах у Фасмера будет несколько галльских статей. Книгу Мукаржовского (2-й том)⁹ получил от него и прочел с большим интересом. Вашица последнее время пишет мне редко.

Если будете его видеть, кланяйтесь ему, пожалуйста, от меня. С ним у меня дружеские связи установились еще в Ольмюце¹⁰, и я тоже очень его ценю.

Спасибо за адрес Иванова Разумника! Я ему вышлю, что будет возможно. О нем осведомлен уже и Степун¹¹, который, вероятно, может заинтересовать им своих нем<ецких> знакомых. Степун спрашивал в последнем письме о Вашем адресе, кот<орый> я ему и сообщил.

Лермонтовский сборник я постараюсь заказать. Но так как заказы библиотеки всегда требуют длительного срока, то я постараюсь выслать деньги просто Вам и попрошу Вас достать для меня экземпляр.

Буду очень рад, если напишете несколько подробнее о Ваших гоголевских работах. Я охотно сообщу Вам подробности о моей книге, набросанной только в частях. Удастся напечатать в ближайшее время, вероятно, только главу об украинизмах Гоголя: меня особенно интересуют «скрытые» украинизмы позднейшего периода. Напр<имер>, «Яичницын», как собирался себя перекрестить Яичница. «Товарищи отсоветовали, говорят, будет похоже на “собачий сын”»¹². Но московское и петербургское произношение «Яищницын» на «собачий сын» мало похоже. Конечно, Гоголь произносил «Яичницын»¹³. Или ругательство Ноздрева (Чичикову, отказывающемуся играть в шашки) — «печник гадкий». «Печник» как русское ругательство неизвестно. Но это, вероятно, только перевод украинского «пiчкур» (лежебока, лежащий на печи). Таких мест довольно много. Немало и неверных приставок к глаголам, особенно легко пугаемых «иностранцами». Главная тема книги: Гоголь как «чужестранец» — в школе, в России, в Италии, на земле, в кругах, в которых он враждался, и т.д.¹⁴

Вчера получил известие, что в Праге будет читать очень симпатичный и интересный историк искусства из Геттингена (случайно как раз на прошлой неделе побывавший у меня в гостях), А.М. Шнейдер. Может быть, он встретится с Вами, если останется там дольше, чем только в этом семестре (желания большого оставаться в Праге у него нет, а он должен только замещать призванного на военную службу византинолога (*sic!*)).

Здесь последние дни собачий холод — никогда ничего подобного не было. Вообще климат последний год совершенно необычайный.

Кстати: Траутманн заинтересован Вашими заметками (ему лишь отчасти известными) о Тургеневе в Карлсбаде и Мариенбаде¹⁵. Он сам собирается заняться собиранием архивного материала о Тургеневе в Баден-Бадене. Такие вещи он делает охотно и с большим старанием. Так, как Вам, может быть, известно, он доказал совершенно «арийское» происхождение матери Герцена¹⁶ (что для нас сейчас не лишено значения), а сейчас занят подобной же работой «реабилитации» Фета, о котором такой слух пущен недавно в обращение Нейманном в его хаотической книге о русской балладе¹⁷. Если бы Вы ему могли выслать Ваши старые заметки о Тургеневе, было бы для него очень полезно. Его адрес: Prof. R. Trautmann, Leipzig C. I., Grassistraße 13. Книгу его я от него достану, независимо от этого.

Пока кончу этим. Желаю Вам всего наилучшего¹⁸ — также и Вашим. Кланяйтесь общим знакомым, пожалуйста. О Савицких¹⁹ я слышал.

Сердечно Ваш Дмитрий Чижевский

Фасмер Вас всегда охотно будет печатать. У него не слишком много историко-литературного материала. Платит он плохо, но что ж делать? Зато выходит, и не поправляет статей, как это делают некоторые современные редакторы²⁰.

Д.

¹ См. примеч. 20 к письму 2.

² См. примеч. 19 к письму 2.

³ Какую работу Герхардта о Гоголе имеет в виду Чижевский, неясно.

⁴ Шухардт Уго (Гуго) (Schuchardt; 1842–1927) — немецкий лингвист, главный представитель Школы слов и вещей, один из создателей теории языковых скрещиваний и смещений.

⁵ Геземан Герхард (Gesemann; 1888–1948) — немецкий славист, балканист, историк литературы, профессор Немецкого университета в Праге, с 1941 г. директор пражского Славянского института.

⁶ Сборники статей «Русская речь», вышедшие под редакцией Л.В. Щербы в 1923–1928 гг. В первом сборнике «Новой серии» (1927) были напечатаны работы С.П. Обнорского и В.В. Виноградова по истории русского литературного языка в третьем сборнике (1928) внимание Чижевского могли привлечь статьи Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура.

⁷ Пражский королевский типограф Бартоломей Нетолицкий.

⁸ Шпорк Франтишек Антонин (1662–1738) — чешский издатель, покровитель искусств.

⁹ Имеется в виду второй том («О развитии чешской поэзии и прозы») труда Мукаржовского «*Karitoli z české poetiky*» («Главы из чешской поэтики»), опубликованный в 1941 г. в Праге.

¹⁰ Немецкое название чешского города Оломоуц, центра религиозной и духовной жизни Моравии. Й. Вашица в 1921–1937 гг. преподавал на теологическом факультете Оломоуцкого университета.

¹¹ Степун Федор Августович (1884–1965) — русско-немецкий философ, социолог, историк, литературный критик, общественный деятель, писатель. В 1922 г. был выслан из СССР, в 1926–1936 гг. профессор социологии Высшей технической школы Дрездена. Один из редакторов парижских журналов «Современные записки» и «Новый Град». После увольнения без права печатных и устных выступлений жил в Дрездене, с 1946 г. профессор Мюнхенского университета на кафедре истории русской культуры. В 1938–1945 гг. работал над книгой воспоминаний, изданной сначала на немецком языке (1947–1950), затем порусски в двух томах под названием «Бывшее и несбывшееся» (1956). Послевоенные письма Степуна к Д.И. Чижевскому см.: [Кантор 2013, с. 375–422].

¹² Несколько измененная цитата из «Женитьбы» Н.В. Гоголя, ср.: «Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил называться мне Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на собачий сын» [Гоголь 1949, с. 29].

¹³ Яичница по-украински ячня, твердое «ч».

¹⁴ См.: [Янцен 2008, с. 46–63]. Эту тему развивал В. Набоков в своей английской книге о Гоголе (1944).

¹⁵ Имеются в виду заметки и сообщения А.Л. Бема, опубликованные им на чешском, русском и немецком языках, о которых он писал В.И. Срезневскому (15 декабря 1934 г.): «Мне пришлось лечиться в Карловых Варах. От скуки занялся темой “Русские писатели на Богемских водах”. Кое-что удалось найти нового. Но не хватает русских архивов» [Бем, Срезневский 2005, с. 124].

¹⁶ Матерью А.И. Герцена была немка из Штутгарта Генриетта-Вильгельмина-Луиза Гааг (1795–1851).

¹⁷ Нейман Фридрих Вильгельм (Neumann; 1899–1979) — немецкий славист. Имеется в виду его книга «Geschichte der russischen Ballade» (Königsberg; Berlin, 1937).

¹⁸ Такое написание, под влиянием украинского «найкращого», несколько раз встречается в письмах Чижевского к Бему.

¹⁹ По всей видимости, речь о семье Петра Николаевича Савицкого (1895–1968), географа, экономиста, философа, политического и общественного деятеля, одного из теоретиков евразийского философско-политического движения. Уроженец Черниговщины, выпускник Петербургского политехнического института, Савицкий эмигрировал в 1920 г., жил с семьей в Праге, преподавал в Немецком университете (1935–1941). В 1940–1944 гг. — директор Русской гимназии в Праге.

²⁰ Намек на редактора парижских «Современных записок» В.В. Руднева, сократившего опубликованную в этом журнале статью Чижевского «О “Шинели” Гоголя» (1938. № 67. С. 172–195). В письме к А.Л. Бему от 14 марта 1941 г. Чижевский отметил по поводу этой статьи: «В Совр<еменных> зап<исках> ее испортили, выпустив все места о черте и чертах». Подр. о сотрудничестве Чижевского с «Современными записками» см.: [Янцен 2014, с. 709–744].

4

Галле – Прага

17. 7. 42

Дорогой Альфред Людвигович!

Спасибо за письмо и проспект лермонтовского сборника. Большое спасибо также за отписки. Траутманну я отписку о Тургеневе уже послал.

Постараюсь выслать Вам работу моей ученицы (А. Гоппе) о «Хозяйке». Пока ее не встретил. Это был незаконченный, т.е. незавершенный, реферат о мотивах народных баллад в «Х<озьяке>». Материал использован песенный из сборника русских песен Соболевского¹, где баллады по преимуществу в 1-м томе. Особенных никаких выводов не было, но был довольно интересный материал. Моя же работа, м.б. после каникул, и будет отослана Фасмеру для напечатания. Главная мысль ее, что сюжет Х<озьяки> намеренно неясный и в нераз'ясненности (*sic!*) всех неопределенностей и состоит специфический характер сюжета. Именно неизвестность («тайна») и губит Ордынова. В Х<озьяке> много специфических приемов, часто применявшихся Гоффманном. Меня, конечно, очень интересует Ваша работа о Дост<оевском> и фольклоре². О пословице по-немецки ничего хорошего нет. Важны были две старые работы Ф.Ф. Зелинского³ и О. Крузиуса⁴ (*sic!*) о пословице и сказке — использован только греческий материал, но принципиально важный. Впрочем, для работы о Дост<оевском> Вам не важен вопрос о генезисе пословицы. О стрельбе в причастие у меня набралось еще довольно много нового материала, который постараюсь Вам сообщить. О «луковке» есть материал в работах о путешествиях на тот свет (была статья в укр<аинском> «Етнографичном віснику»). Вообще же о вытягивании грешников из ада на волосинке и т<ому> под<обном> есть замечания у Вашицы в его издании «K<ř>es<ř>anské učení veršemi vyložené od Bedřicha Bridela». Frýdek, 1939, S. 525; там указана и книга Jos<eph> Klapper: Exempla aus Handschriften d<es> Mittelalters <.> <Heidelberg>

1911, S. 34, в которой есть, очевидно, дальнейший материал. Что-то припоминается, что использован мотив и у укр<аинских> проповедников, но у кого, сейчас не вспомню. М.б., на каникулах буду пересматривать материал для дальнейших частей «барочной литературы» и натолкнусь снова на соответственные выписки.

Траутманна книга и мне не нравится⁵. Слишком старомодно и без интересных проблем. Зато хороша книга Бургардта⁶. Впрочем, вдохновителя своего он не называет: это проф. Шпербер, выпустивший очень похожую работу о Мейринке⁷.

Реферат — довольно интересный — о пушкинской прозе уже состоялся (а после него еще два реферата о Коменском). Имя авторши фрау проф. Виндиш (Windisch)⁸. Вашей работы о прозе Пушкина у нее нет⁹. Так как мы, вероятно, будем читать зимой «Повести Белкина», то за В<ашу> статью я буду Вам очень признателен.

Фасмер сейчас собирает статьи для нового номера. Почти никто ничего не пишет. Я надеюсь за 2–3 недели кое-что обработать для печати. Хотя сейчас наряду с Коменским у меня под рукой работа (книга) о Иване Вышенском¹⁰, в котором масса никем не замеченных интересных черт. Странным образом, даже Г. Флоровский¹¹, написавший о русском богословии прекрасную книгу, Вышенского просто не прочел, положившись на старую — и никуда не годную — литературу. Только с печатанием такие же трудности, как и у Вас.

О смерти Гуера¹² мне писали, о смерти Ляцкого¹³ узнаю впервые от Вас.

Если Вам нужны справки для словаря собств<енных> имен в «Дневнике писателя»¹⁴, то при случае пришлите мне список, я в отыскании цитат «насобачился» и для Дост<оевского> есть и кое-какие заметки. М.б., удастся что-нибудь найти.

Желаю Вам всего лучшего и хорошего отдыха. Привет всем Вашим. Я на лето никуда не уезжаю¹⁵, что, впрочем, перенести сравнительно легко, так как я живу среди садов и в очень спокойной местности. А работы, которую (*sic!*) нужно как-нибудь поскорее закончить, очень много.

С сердечным приветом

Ваш Дмитрий Чижевский

¹ Великорусские народные песни / изд. проф. А.И. Соболевским: в 7 т. СПб., 1895–1907.

² Неизвестно, о какой работе идет речь. 6 сентября 1942 г. Ф.А. Степун писал Бему: «Сегодня получил письмо Чижевского, в котором он пишет, что Вы продолжаете работать над Достоевским. Если Вам удастся что-нибудь напечатать или если у Вас будет копия машинного манускрипта, пришлите, пожалуйста» [Шруба 2014б, с. 241].

³ Зелинский Фаддей (Тадеуш) Францевич (Zieliński; 1859–1944) — российский и польский филолог-классик, антиковед, историк религий.

⁴ Крузиус Отто (Cruzius; 1857–1918) — немецкий филолог-классик.

⁵ См. примеч. 20 к письму 2.

⁶ См. примеч. 19 к письму 2.

⁷ Sperber H. Motiv und Wort bei Gustav Meyrink // Motiv und Wort: Studien zur Literatur- und Sprachpsychologie. Leipzig: Reiland, 1918. S. 7–52.

⁸ Виндиш Софи (1899–1988) — доцент русского языка в Галле, ученица Чижевского, его близкая знакомая и многолетний корреспондент.

⁹ А.Л. Бем был автором ряда статей о жизни и творчестве Пушкина, составивших книгу «О Пушкине» (Ужгород, 1937).

¹⁰ Вишенский Иоанн (Иван) (между 1545–1550 — после 1620) — афонский инок, писатель-полемист и философ. Украинская форма его имени, которой придерживается Чижевский, — Вишенський (Вышенський). Вишенскому Чижевский посвятил отдельную главу в книге «Історія української літератури. Книжка друга» (Прага, 1942), в которой назвал его «одним из самых значительных украинских писателей всех времен» [Чижевський 1942, с. 22]. Об оставшихся нереализованными планах опубликовать отдельной книгой исследование «Иван Вышенский» (на украинском языке) Чижевский сообщал в письме к украинскому библиографу Льву Быковскому 1 декабря 1943 г. [Чижевский 2007а, с. 171]. По частному сообщению В. Янцена, сохранилась десятистраничная рукопись главы «Иван Вышенский» из русскоязычной неопубликованной книги Чижевского «Украинская литература и культура». Рукопись этой главы завершается следующим образом: «<Вышенский> один из примеров того, как гениальный писатель может перерасти свою современность, ограниченность стиля своего времени, свое собственное ограниченное мировоззрение. Ведь пышностью своего стиля, оригинальностью, соединением “тяжело-украшенного” стиля с легкостью он приближается к лучшим образцам стиля барокко — и даже превосходит их» (благодарю В. Янцена за возможность привести эту цитату).

¹¹ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) — протоиерей, богослов, религиозный мыслитель и историк. В 1922–1926 гг., до отъезда из Праги в Париж, преподавал в Карловом университете. Чижевский имеет в виду его книгу «Пути русского богословия» (Париж, 1937), во второй главе которой («Встреча с Западом»), кроме прочего, рассматривается фигура Вишенского.

¹² Гуер Одржих (Hujer; 1880–1942) — чешский языковед, профессор Карлова университета, один из основателей и редакторов журнала «Slavia».

¹³ Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942) — российский и чехословацкий историк литературы, выходец из Белоруссии, издатель и педагог, с 1922 г. профессор русского языка и литературы в Карловом университете, постоянный автор журнала «Slavia».

¹⁴ В начале 1940-х гг. Бем продолжал работу над словарем личных имен у Достоевского, первая часть которой была опубликована в сборнике статей «О Достоевском» (Словарь личных имен у Достоевского / сост. А.Л. Бемом, С.В. Завадским, Р.В. Плетневым, Д.И. Чижевским; под общ. ред. А.Л. Бема. Ч. 1: Произведения художественные // О Достоевском: Сборник статей II / под ред. А.Л. Бема. Прага, 1933. С. 1–89). Вторая часть этой работы — «Словарь личных имен к Дневнику писателя» — при жизни Бема издана не была. Она увидела свет в сборнике статей и материалов «O Dostojevskem» (Praha, 1972. С. 244–286).

¹⁵ В течение четырех лет начиная со второго года войны гестапо запрещало Чижевскому покидать Галле [Чижевский 2007а, с. 172; 183].

5

Галле – Прага

24. 8. <42>¹

Дорогой Альфред Людвигович!

Простите, что в прошлом письме не упомянул о Вашем письме к Максимилиану Федоровичу Брауну. Я его отослал, но получено ли оно, сказать трудно: он на военной службе, и унив<ерситетская> канцелярия, конечно, письмо перешлет; но сейчас, во время каникул...

Я сейчас занят писанием статей для Фасмера — главным образом на чешские темы — такой уж материал под руками. Правда, еще о библиотеке Феофана Прокоповича². О «Хозяйке», вероятно, написать не успею уже для ближайшего номера.

Материал моей ученицы я достану (сейчас нет возможности установить с ней связь). Там было много конкретного к языку и тематике. Думаю, что и Вам все это бросилось в глаза. Я советовал ей — 5 лет тому назад — написать об этом заметку на 10 страниц для Вашего сборника, но у меня такое представление, что она этого не сделала и что вся работа и теперь еще состоит из цитат. Своих же заметок о стрельбе в причастие и до сих пор не могу найти; несмотря на систему картотеки, по которой расположены мои рукописи, то, чего ищешь, как раз где-то «заваливается».

Литографированные лекции Шляпкина о Вышенском и вообще о юго-западном литературе (кажется, 1908–1909 гг.)³ у меня случайно имеются. Они хороши цитатами. Но освещение Вышенского (как, впрочем, и во всей литературе о нем) слабо. Именно поэтому я и должен о нем писать. Богословски он очень интересен, и источники его совершенно своеобразны: как кажется, главным образом протестантские (протестантизм и Афон — это новая тема, для освещения которой сделано немного, но материал кой-какой уже есть). Как писатель Вышенский принадлежит — по крайней мере в некоторых своих произведениях — к таким вершинам славянских литератур, как «Пан Тадеуш»⁴, «Осман» Гундулича⁵, «Евгений Онегин» и т.п. И, конечно, как Коменский, с которым у него есть большое стилистическое сродство (объясняемое, конечно, эпохой). Но особенно странно, напр., буквальное совпадение некоторых мест с произведениями Гавла Жаланского!⁶ Вообще, эта тема — на долгое время.

Моя история украинской литературы уже выходит: довольно неожиданно, пролежав целый год без движения⁷. Я был бы очень рад, если бы Вы высказали Ваше мнение о ней, в частности о методе, которым она написана: я пытаюсь всюду, поскольку это допускает миниатюрный размер, дать читателю какое-то представление о самом тексте произведений.

О книге Бургардта для Фасмера напишите; он, конечно, будет очень рад. Я писать не могу: Бургардт только что написал рецензию о моей «барочной литературе». Книга методологически очень интересна, хотя он и не упоминает о «изобретателе» этого метода, Шпербере, напечатавшем в сборнике «Motiv und Wort»⁸ в 20-х годах (вместе с Л. Шпицером⁹) статью о лейтмотивах у Мейринка¹⁰.

Мой ученик, пишущий о Лескове¹¹, призван на военную службу: работа, таким образом, в ближайшем будущем готова не будет. Иных интересных диссертаций, как кажется, не предвидится.

Простите за такое количество опечаток. Машина «не тянет».

Сердечный привет и наилучшие пожелания
от Вашего

Дмитрия Чижевского

Недавно был у меня в гостях, проездом, от. Иоанн Шаховской¹². Наговорились с ним и на литературные темы. Он тонкий ценитель и прекрасный знаток русской литературы, особенно поэзии.

Недавно нашел в ориенталистической библиотеке здесь отчеты Петербургского университета за неск<олько> лет (до 1911), читал их с интересом; я ведь в 1911–13 г<г>. там учился (на матем<атическом> факультете). Следов я, правда, в отчетах за 1911 г. еще не оставил, но встретил там многих знакомых, в том числе и Вас¹³.

Дм. Ч.

Польскую статью, конечно, можете прислать. Весь сборник будет мною рецензирован у Фасмера.

¹ Год написан карандашом, вероятно рукой А.Л. Бема.

² Об изданных в Галле книгах в библиотеке Ф. Прокоповича Чижевский написал следующую заметку: *Čyževskýj D. Literarische Leserfrüchte. Mildes Drucke in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. 1943. XVIII. № 2. S. 368–370.*

³ *Шлякин И.А.* История русской литературы: Лекции, чит. в 1908–1909 г. в СПб. ун-те. Ч. 1: Древний период. Ч. 2: Юго-Западная Русь XVI–XVII в. СПб., 1911.

⁴ Эпическая поэма (1834) А. Мицкевича.

⁵ Эпическая поэма «Осман» (ок. 1630-х гг., опубл. в 1826 г.) дубровницкого поэта эпохи барокко, классика южнославянской литературы Ивана Гундулича (1589–1638).

⁶ Гавел Жаланский-Фаэтон (1567–1621) — чешский протестантский священник, богослов и писатель.

⁷ См. примеч. 12 к письму 2.

⁸ См. примеч. 7 к письму 4.

⁹ Имеется в виду австрийский и немецкий филолог и языковед Leo Spitzer (1887–1960). В указанном сборнике помимо работы Шпербера напечатана также статья Шпитцера на другую тему.

¹⁰ На полях рукой Чижевского: «Motiv und Wort». Hans Sperber u<nd> Leo Spitzer. Leipzig. 1918.

¹¹ См. примеч. 8 к письму 2.

¹² Иоанн, архиеп. (в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) — проповедник, богослов, поэт (псевд. Странник), прозаик и публицист, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский. После эмиграции в 1920 г. учился в Париже и в Лувенском университете, в 1926 г. рукоположен во диакона. С 1932 г. настоятель Свято-Владимирского храма в Берлине, в 1942–1943 гг. преподаватель на Православных богословских курсах в Берлине. Прожил в Германии до 1945 г., подвергаясь преследованиям за связи с германским церковным сопротивлением. С 1946 г. в США.

¹³ А.Л. Бем учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1908–1911 гг.

6

Галле – Прага

Herrn Prof. A. Bém
Prag XIX
<Bučkova> 29

23/XII <1942>¹

Дорогой Альфред Людвигович!

Хотя переписка наша как-то оборвалась, но, м.б., ее возобновит моя открытка с сердечными поздравлениями к Новому Году и Рождеству Христову.

Сердечно Ваш

Дм. Чижевский

Открытка, почтовый штемпель: 24.12.1942.

¹ Год написан карандашом, вероятно рукой А.Л. Бема.

7

Галле – Прага

2/1. 1943

Дорогой Альфред Людвигович!

Спасибо за письмо. И у меня не много нового. Работается весьма плохо, хотя и успел кое-какие работы кончить, а иные начать. Главное — по-прежнему Коменский и связанная с ним чешская литература. Но будет в ближайшем будущем печататься III часть укр<аинской> литературы, а также и I — общая русской и украинской лит<ературы> — в моей обработке. Выпуска, писанного Гнатышаком¹, читать Вам не советую: это отчасти просто позор, литературы он не знает, памятников не читал (как не читал их, впрочем, и Ляцки<й> для своей ист<ории> древней русской литературы²), изложение — «помесь болонки со свиной», т.е. национализма с суконным стилем и т.д. Я — довольно, впрочем, скромно, — ограничился от первого выпуска в предисловии ко второму³, но из-за качества первого очень долго колебался, писать ли мне второй и дальнейшие... Но решился, потому что иного печатать ничего нельзя. Не знаю, удалось ли мне написать книгу так, чтобы у читателя получилось хотя отчасти впечатление, что он познакомился с самими произведениями и с эволюцией тематики (я намеренно давал цитаты из разных авторов и произведений на ту же тему и т.д.). Так же написаны и другие части, только в третьей изложение уже не по жанрам, а по авторам — иные времена... О Вышенском я пишу и напишу книгу листов в 20, которая неизвестно когда выйдет. Не ясно мне, в чем Вы находите «неблагоприятное» влияние вопроса о разграничении литератур. Ведь в историях русской литературы из упомянутых у меня писателей ни о ком ничего не бывает, кроме Прокоповича (играющего у меня очень скромную роль); Стефан Яворский и Димитрий Ростовский поданы в таком

разреze, что их принадлежность к об<е>им литературам вполне ясна, ни одна из драм, ставившихся на севере, не привлечена к изложению и т.д. Первый выпуск вообще ставит вопрос о периоде 11–13 вв. как общем русской и укр<аинской> литературам, в третьем будет в постановке вопроса о «границах» (несмотря на их ясность ввиду различия лит<ературных> языков) много нового и неожиданного: там, вероятно, будут спорить и украинцы, и русские. Я вообще надеюсь написать синтетическую историю не только русской и укр<аинской> литератур, но славянских литератур вообще! Русская лит<ература> мною для катол<ического> издательства Кёзель и Пустет уже написана по-немецки, по тому же методу, как и эта, но с некоторыми дальнейшими «усовершенствованиями», прежде всего, она «теоретичнее», так что могла бы служить и учебником, затем, в ней есть обзоры изучения отдельных вопросов и, наконец, критические обзоры литературы и мелкий шрифт (для студентов, чтобы книгу можно было применять в качестве учебника). Но когда она выйдет, теперь тоже совершенно неизвестно⁴.

Здесь почти ничего не выходит — «Цайтшрифт»⁵ лежит в наборе уже полгода, «Кириос» (где у меня есть интересный материал архивный из эпохи Петра I)⁶ тоже. Не помню, писал ли я Вам, что у меня был в гостях очень свежий и способный ученик Фасмера Сечкарев⁷, а завтра жду Раммельмайера⁸. От обоих можно ожидать хороших работ в области истории литературы.

Бургардт уже назначен лектором русского языка в Прагу и приедет, вероятно, через несколько недель. Назначение принесло ему освобождение от военной службы, что и было главной причиной, почему он это — не весьма привлекательное — место принял. Напишите о его книге⁹ для Фасмера. Я не буду о ней писать, а иных кандидатов в рецензенты, по-моему, у Ф<асмера> нету.

О Фете Траутманн, вероятно, работал в течение осенних каникул. Летом, когда он ко мне заезжал, у него был материал только по одной из линий, но и другая была в смысле отсут<т>ствия еврейских элементов, по его мнению, совершенно «безупречна». Но меня больше интересует, нашел ли он в Баден-Бадене новые материалы о Тургенева, чем он особенно хотел заняться.

Свои заметки о стрельбе в причастие я нашел. Они не особенно блестящи, но интересны отчасти теми областями, для которых засвидетельствованы; в печати рассказы, очевидно, очень смягчены из-за цензурных соображений. О стрельбе в икону Божьей Матери сообщает А. Шахматов в «Мордовском этнографическом сборнике» 1910, стр. 73–<7>4¹⁰; в статье Аристова в «Записках Русского Императорского геогр<афического> общества по отделу (*sic!*) этнографии», 1 за 1883 год, стр. 732 слл. сказано, что, чтобы сделаться чудесным стрелком, надо «выстрелить из ружья» — куда, не сказано, из контекста ясно, что дело идет о чем-то кощунственном¹¹; вероятно, это место сокращено цензурой, т.е. вычеркнут конец фразы; родственно этим рассказам и сообщение Костомарова¹² по поводу одного процесса 1765 г., о котором он рассказывает в «Истор<ическом> вестнике» 1883 г., том XI, стр. 481 слл., что, чтобы иметь успех, охотник должен трижды проклясть «Бога, солнце и месяц»...¹³ И здесь, вероятно, подгадила цензура.

Из Киева и др<угих> мест и здесь слышно то же, что и у Вас; как будто стреляются «вытравить» за ненадобностью интеллигенцию. Впрочем, в успехе этих

начинаний здесь все очень сомневаются. Я же привык уже работать «впрок», отсутствие издательских перспектив меня не беспокоит или мало беспокоит. Когда-нибудь выйдет. Для книги о Вышенском я даже и не ищу издателя. Третий выпуск книг<и> об укр<аинской> барочной литературе еще выйдет, по всей вероятности, но о судьбе дальнейших 3–4 даже и не приходится думать. Кое-что можно будет издать у Фасмера.

У меня сейчас есть несколько учеников, но ни один из них не будет, вероятно, серьезно работать. Окончившие — все в войске. Только Гергардт еще имеет, хотя и немного, времени для работы. Писавший о Лескове (о религиозных темах у Лескова) пастор также на военной службе. В читанных им рефератах было немало интересного. Сегодня заявился раненый и получивший длительный отпуск бывший ученик, собирающийся закончить свою диссертацию о кирил<л>о-мефодиевцах. Но от него я ничего удачного не жду. У меня самого сейчас несколько мелких чешских тем и книг 15, главным образом словацких, для рецензий. Получаем иногда хорватские и болгарские книги, хорватские очень слабы, среди болгарских есть блестящие. У чехов выходит сравнительно много интересного. На днях писал мне Мукаржовский о своих законченных и начатых работах.

В понедельник-вторник жду сюда Степуна. Это за долгое время первая моя встреча с земляком. Впрочем, проезжал здесь о. Иоанн Шаховской и побывал у меня, бывает раза два-три в год Бургардт.

Желаю Вам всего наилучшего в новом наступившем году!

Сердечные приветы от Вашего

Дм. Чижевского

¹ Гнатышак Николай Леонтьевич (1902–1940) — западноукраинский литературовед, автор работ по украинской литературе, преподаватель, с 1939 г. жил в Чехословакии. Чижевский имеет в виду его посмертно изданную работу «Історія української літератури. Книжка перша» (Прага, 1941).

² Вероятно, подразумевается монография Е.А. Ляцкого «Слово о полку Игореве: повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах русской земли. Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль» (Прага, 1934). См. критику его работы над «Словом...»: [Гудзий 1989, с. 211].

³ В предисловии ко второй книге «Истории украинской литературы» Чижевский заметил: «Принимая в общих чертах научные интенции автора I выпуска, я в очень многих пунктах расхожусь с ним во взглядах на отдельные конкретные вопросы. <...> Таким образом, я хочу в интересах объективности подчеркнуть, что тот факт, что я пишу II выпуск работы, I выпуск которой принадлежит перу другого автора, еще не дает мне оснований взять на себя ответственность за первый выпуск» [Чижевський 1942, с. 3–4] (Пер. мой. — А.Б.)

⁴ В этом издательстве книга не была опубликована из-за его закрытия в 1943 г. Написанная Чижевским на немецком языке история русской литературы XI–XIII вв. (Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert) вышла в 1948 г. во франкфуртском издательстве Клостерманна.

⁵ См. примеч. 25 к письму 2.

⁶ Немецкоязычный журнал «Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas» («Ежеквартальник по истории церкви и мысли Восточной Европы», Кениг-

сберг; Берлин, 1936–1974), в котором Чижевский опубликовал два десятка работ и рецензий в период 1937–1942 гг. Под материалом из эпохи Петра I Чижевский имеет в виду свою работу «Zwei Ketzler in Moskau» («Два еретика в Москве»), вышедшую в № 6 этого журнала за 1943 г. Она посвящена немецкому мистика, поэту и писателю Квирин(усу) Кульману (1651–1689), распространявшему идеи Якоба Бёме, и последователю Кульмана купцу Конраду (Кондратию) Нордерману. Кульман и Нордерман были казнены в Москве в 1689 г. О сотрудничестве Чижевского с журналом «Kurgios», а также полную библиографию его публикаций в нем см.: [Янцен 2017а, с. 946–953].

⁷ Сечкарев Всеволод Михайлович (1914–1998), выходец с Украины, историк литературы русско-немецкого происхождения, ученик М. Фасмера, профессор славистики Боннского, Гамбургского и Гарвардского университетов. В 1925 г. с матерью-немкой приехал в Берлин, где окончил гимназию и университет. О взаимоотношениях Чижевского и Сечкарева, а также рецензию Чижевского на немецкую книгу Сечкарева «Влияние Шеллинга в русской литературе 20-х и 30-х годов XIX столетия» (1939) см.: [Янцен 2017б, 310–319; 453–473]. См. также сочувственную рецензию Чижевского на книгу Сечкарева «N.V. Gogol. Leben und Schaffen» (1953), в которой он, однако, не сходится с автором по нескольким важным вопросам: [Чижевский 1955, с. 280–284].

⁸ Раммельмайер Альфред (Rammelmeyer; 1909–1995) — родившийся в России немецкий славист и литературовед, ученик М. Фасмера. В 1921 г. эмигрировал в Германию, в 1937–1945 гг. преподавал в университете Кенигсберга.

⁹ По-видимому, Чижевский подразумевает немецкую диссертацию Бургардта «Die Leitmotive bei Leonid Andrejev» («Лейтмотивы у Леонида Андреева»), изданную в Мюнстере в 1941 г. О работах и публикациях Бургардта в эмигрантский период см.: [Жовтани 2012].

¹⁰ Чижевский указывает на фольклорные источники о Стеньке Разине и его легендарном кладе: «Теперь я собираюсь рыть клады, а наши рассказывают о них очень много. <...> В той землянке три чана. В одном медь, в другом серебро, в третьем золото. На среднем чане послан ковер-самолет, на нем лежит икона Божьей Матери, перевернутая ничком. На иконе пистолет; это все положил Стенька Разин и, когда клал это, сказал: “кто хочет быть на моем месте, и взять мои грехи, и блаженствовать с моим добром, то пусть тот возьмет пистолет в правую руку свою, а икону в левую и прострелит икону прямо в сердце. <...>” А если кто-нибудь прострелит икону и возьмет его добро, тот после своей жизни станет на его место» [Шахматов 1910, с. 73–74].

¹¹ Имеются в виду «Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии». Чижевский неверно указал год издания. Статья Н.Я. Аристова была опубликована в первом томе «Записок...», вышедшем в 1867 г. Из нее, однако, не следует, что выстрелить из ружья (в икону?) требуется для того, чтобы «сделаться чудесным стрелком», как пишет Чижевский, а нужно это сделать, согласно приведенному Аристовым преданию, чтобы добыть клад Стеньки Разина, после чего последний только и может уйти в мир иной: «Прежде всего нужно взять икону, потом достать ружье, заряженное *спрык-травой*, а стоит оно в выходе за дверь; из ружья выстрелить и сказать: “Стеньке Разину вечная память!” Тогда умрет Разин, потому что в этом ружье заряжена его смерть. В выходе хранятся ломы и заступы, которыми нужно рыть клад» [Аристов 1867, с. 733].

¹² Костомаров Н.И. (1817–1885) — русско-украинский историк, писатель, публицист, этнограф, основатель Кирилло-Мефодиевского тайного общества, сторонник панславизма.

¹³ Не вполне точно. Н.И. Костомаров пишет о судебном разбирательстве не 1765, а 1768 г.: «Герасим сказал: “коли хочешь, чтобы у тебя всегда ловились белки, надобно не верить в Бога, отречься от солнца и месяца и три раза проклясть Бога, солнце и месяц”» [Костомаров 1883, с. 483].

Дорогой Альфред Людвигович!

Спасибо за письмо и за оттиск. Не ответил Вам до сих пор, так как был занят корректурой (рукописи) дальнейшей части ист<ории> укр<аинской> литературы. Сейчас еще ряд мелких литературных работ (хотя вовсе неизвестно, будет ли что-нибудь из них сейчас печататься).

Из новых книг заслуживает внимания книга о Риме и Византии в борьбе за Украину Эд. Винтера¹: в этой попытке истории укр<аинской> культуры — совершенно невероятные вещи (вплоть до утверждения, что в «жилах Нестора шумела германская кровь»). Впрочем, такой литературы немало. Фасмер готовит новый выпуск журнала.

Степун был у меня в начале года два дня. Читал дальнейшие части своих воспоминаний (первая напечатана в Совр<ременных> записках, в последнем их вышедшем номере²). Это очень интересная попытка дать в форме воспоминаний очерк литературной и духовной истории России в начале 20 века (до войны). Часть, которую он мне читал, посвящена почти целиком литературе и издательствам (Мусaget и Логос, а также и Путь). Об Артуре Лютере слышал за последние дни несколько раз. Один из моих — внезапно возвратившихся с войны — учеников (работает он над литературными произведениями молодого Костомарова) побывал у Лютера и привез от него даже поклон. Недавно он читал в небольшом кругу лекцию о былинах. Вообще, выступать ему еще удастся. Говорят, что он очень постарел. Из Парижа слышно очень мало. О смерти Бальмонта³ узнал только из Вашего письма. Но вообще на письма сейчас никто не отвечает аккуратно. Думаю, что этим объясняется и молчание Лютера. Вся энергия уходит на те необходимые дела, которые прежде делались без всякой затраты энергии: и я вряд ли бы раньше прекратил на 2–3 недели всякую переписку, занимаясь таким, в общем, несложным делом, как корректура рукописи готовой книги.

Книги Нигга⁴ у нас нет, я ее не видел. Заказать книгу сейчас почти что невозможно. Но я все же попробую ее достать. Сейчас довольно трудно и с получением чешских книг. То есть получить-то их всегда можно, но нет совершенно никакой возможности узнать, что выходит. Узнаешь об этом с запозданием, и книги оказываются между тем уже распроданными.

Ваша рецензия на Гергардта⁵ меня заинтересовала (так как она отчасти направлена и против некоторых моих взглядов на Дост<оевского>, то о ней еще придется где-нибудь писать). Мне только жалко, что Вы не подчеркнули особенно положительных сторон работы (которые, судя по Вашей рецензии, все же есть). Между тем такие авторы, как Нейман и даже Штаммлер, находят в современной научной прессе восторженных рецензентов! Мне кажется все же, что Вы не даете почти никаких новых аргументов. Так что все проблемы почти что не сдвигаются с места. О «Хозяйке» я надеюсь еще опубликовать у Фасмера статью, которая будет посвящена отчасти и отношению к «Страшной мести», но также и всем дру-

гим (по большей части в литературе вовсе еще не затронутым) темам, касающимся Х<озьяйки>.

Бургардт, как кажется, в Праге болен — пражский воздух очень уж насыщен туманом и копотью и, вероятно, не будет у него и тех средств борьбы с простудами, которыми еще располагал я.

Надеюсь, что Вам удастся в какой-либо форме опубликовать хотя бы что-нибудь из Ваших работ. Я, вероятно, в ближайшее время еще пришлю Вам кое-что, что должно выйти в ближайшее время («ближайшее время» растягивается теперь на месяцы).

Где сейчас Иванов-Разумник? Степун также им интересовался.

Сердечный привет! Жму руку

Ваш Дмитрий Чижевский

¹ Винтер Эдуард (Winter; 1896–1982) — немецкий историк-славист, католический богослов, член НСДАП с 1939 г., автор книги «Византия и Рим в борьбе за Украину» (Byzanz und Rom im Kampf um die Ukraine, 995–1939. Leipzig, 1942).

² Воспоминания Ф.А. Степуна были напечатаны не в последнем, а в предпоследнем номере «Современных записок»: *Степун Ф.А. Воспоминания. I. Детство. Деревня // Современные записки. 1939. Кн. 69. С. 216–237.*

³ Русский поэт, переводчик, эссеист К.Д. Бальмонт умер 23 декабря 1942 г. в Париже.

⁴ Нигг Вальтер (Nigg; 1903–1988) — швейцарский богослов, историк Церкви, писатель. Имеется в виду его книга «Религиозные мыслители: Кьеркегор, Достоевский, Ницше, Ван Гог» (Берн, 1942).

⁵ Имеется в виду рецензия Бема на книгу Д. Герхардта «Gogol und Dostojewskij in ihrem künstlerischen Verhältnis», опубликованная в «Zeitschrift für slavische Philologie» (1943. XVIII. № 1. S. 225–234).

9

Галле – Прага

14/7. 43

Дорогой Альфред Людвигович!

Очень рад был Вашему письму. Я все собирался Вам написать — вот уже 3–4 месяца, но до писания писем, не «ответных» и не совершенно необходимых, все не доходил. Занят был в начале этого года писанием укр<аинской> ист<ории> лит<ературы> 19 в., кончил в марте (до 60-х годов 19 в.). Пока еще не печатается: а цензура требует представления 2-го экземпляра! Так что все снова задерживается на неопределенное время... В апреле начал писать историю древней русской литературы (только до 13 в.), которую с полным успехом на днях и закончил¹; но что с ней будет, уже совершенно неизвестно, — о ней у меня есть договор с издательством, которое теперь в порядке ликвидации религиозных издательств (даже не чисто религиозных, а просто издававших много религиозной литературы) закрывается. М.б., позже удастся ее издать Фасмеру². От Фасмера вчера получились корректуры, — значит, журнал все же получил бумагу и выйдет в более или менее

отдаленном будущем. Кроме того, на днях отослал Мукаржовскому дополнения к своей статье о «Лабиринте» Коменского³, — кажется, и сборник с этой статьей все же выйдет. Вторую статью о Коменском должен еще написать для «Слова и словесности»... Кроме того есть некоторый материал для рецензий, а осенью, м.б., удастся напечатать что-нибудь у словаков.

Зато в смысле житья в деревне дела у меня хуже, чем у Вас, — выехать вообще никуда мне нельзя. Так что придется второе лето сидеть в Галле. Думаю заняться писанием книги о Гоголе, для которой материал есть, в довольно большом количестве приготовленный. Других существенных тем, кроме Коменского, пока как будто у меня нет. Для следующего номера журнала Фасмера надо бы приготовить давно обещанную статью о «Хозяйке». О Дост<оевском> есть у меня еще собранный материал о Дост<оевском> и Гофманне (*sic!*), но для его обработки нужно больше времени, чем сейчас можно найти.

С питанием я как-то совсем приспособился и сейчас особенного недостатка не ощущаю. Зато очень плохо с куреньем, — но я, впрочем, на куренье не очень настаиваю. Только работать можно лишь полдня, после обеда обычно состояние совершенно непродуктивное, можно в лучшем случае только читать.

Семестр заканчивается через 2 недели. Студентов было немного. Лекции я читал по сравнительной грамматике слав<янских> языков, меня мало интересующей, хотя лекции я и обработал (раньше) по возможности полно и старательно. Но слушателей было всего двое, и притом не весьма способных к теоретическому мышлению, так что бывало иногда чувство, что говоришь впустую. В семинаре читали «Пиковую даму» и, конечно, было достаточно упоминаний о Ваших работах (Пушкин и Достоевский), участников — 4 человека, зато довольно много (до 15) народу бывало в семинаре, где были и отдельные удачные рефераты. Есть отдельные студенты, находящиеся сейчас в отпуску и очень оживляющие работу. Кроме того, с двумя человеками читал еще особенно трудный текст («Шерамура» Лескова⁴). Докторантов сейчас два, но работающий над Лесковым (религиозные темы), к сожалению, не имеет времени, чтобы работать интенсивнее, а второй (пишущий о раннем творчестве Костомарова) меня приводит в отчаяние, — ничего хорошего и <з> его работы не выйдет (надеюсь, что вообще ничего не выйдет), — удивляет меня только, что это уже старый, с десятилетней практикой среднешкольный учитель... Есть в перспективе и еще работы (м.б., о Марлинском⁵, о технике диалогов в Киевской и Галицко-Волынской летописи), но пока все это страшно неопределенно.

Из иных стран слышу мало. Писал мне недавно А.В. Соловьев из Белграда. От Лосского и Исаченка передавали приветы немцы и словаки, приезжавшие из Братиславы. Исаченко издал очень интересную книгу о Фрейзингенских отрывках⁶ и написал парадоксальную статью о «Евг<ении> Онегине» как пародии...⁷ Вероятно, после конца семестра будут еще дальнейшие известия о них. Из Парижа — сведения только из вторых рук. Из Киева также слышал кое-что через Мияковского⁸ и Оглоблина (историка)⁹. Был здесь Виктор Петров¹⁰ с группой журналистов, но его никуда не выпускали, так что увидеться не удалось. Зато недавно побывал здесь мой двоюродный брат из Крыма! Сенсация небывалая. Его также возят по

Европе для демонстрации наших достижений, но почему-то обращаются более осторожно, чем с Петровым. К сожалению, его информации в общем очень печальны...

Интересны Ваши замечания о проблеме философской терминологии. По странному совпадению, в моих «<П>лодах чтения»¹¹, корректуру которых я вчера получил от Фасмера, содержится заметка на эту тему. Мне удалось показать, что, напр., философские слова, которые даже В. Виноградов считает изобретениями (калками) 40-х годов 19 века, в действительности известны отчасти еще ц<ерковно>-слав<янской> литературе, отчасти созданы при переводах с латинского в 17–18 вв.; если мне удастся достать еще один экземпляр корректуры, я вышлю его Вам (так как ждать появления журнала не стоит — он выйдет, верно, не ранее чем через полгода). Работ о философской терминологии нет. Но есть материал, напр. у Буслаева (Влияние христ<ианства> на русский язык)¹², у Будиловича (Ц<ерковно>слав<янские> элементы в русском языке)¹³, у Булича¹⁴. Хороший материал без особого труда можно выбрать из словаря к Амартолу Истрина (третий том его издания Амартола)¹⁵ или из самого текста Амартола. Но материал есть прекрасный и в памятниках: я уже кое-что собрал, так как для ист<ории> литературы, конечно, перечел все тексты... Но думаю, что немало интересного материала найдется в текстах сравнительно поздних, а в частности переводных, которые по какой-то странной традиции не издавались...

Удивляет меня, что получилась теперь у Вас моя книга!¹⁶ Какая? Третья часть «Ист<ории> лит<ературы>» еще не выходила... Третья часть «Поэзии укр<аинского> барока (*sic!*)» разрешена цензурой, но та же цензура потеряла ее рукопись!.. так что пока она печататься не может...

Только что пришла пачка словацких новых научных изданий из Вены... Редкое явление! Из Болгарии сейчас почти ничего не приходит. Кроаты рассылают свои новые издания, но они очень плохи, а иногда приходят книги, изданные еще в <19>37–<193>8 гг. с переклеенными обложками. Чешские книги, поскольку они выходят, еще получаем.

О Бургхардте слышу из Праги мало. Я его предупреждал о всех неприятных сторонах Праги и даже еще приуменьшил, как оказывается, их. Впрочем, ему Прага была необходима, ибо иначе он бы остался вечным военным переводчиком. Но то, что я от него и от одной ученицы, там находящейся, слышу об уровне славистических требований, приводит меня в ужас. Это вообще фабрика невежд!..

Позвольте в заключение еще послать Вам и Вашей жене мои сердечные поздравления к рождению Вашей внучки!

С наилучшими пожеланиями и сердечным приветом
искренно Ваш

Дмитрий Чижевский

Здесь есть, кстати, еще одна Ваша — правда, заочная — знакомая, г-жа проф. Виндиш (которую Степун со свойственным ему «эланом»¹⁷ тотчас же перекрестил в Софью Рудольфовну), которая когда-то слушала Ваши лекции в радио и, кажется, с Вами переписывалась. Она как-то спрашивала о Вас. Из старших моих уче-

ников (которые Вам посылали свои работы) сейчас здесь уже никого нет, и почти все на военной службе...

Для того чтобы дать Вам представление о размерах моего общения с иногородними коллегами, — после Рождества здесь побывали у меня Сечкарев и Раммельмаер из Берлина (Раммельмаер — лектор из Кенигсберга, габилитировался, сейчас на военной службе), на Пасху был Бургхардт, в феврале Степун — три дня, читал новые главы воспоминаний, зимой был очень способный болгарин, пробовавший семестр в Лейпциге и пишущий работы о Тютчеве, в летнем семестре была здесь одна (немецкая) студентка из Братиславы, а потом экскурсия словацких студентов из Лейпцига (12 чел.), после этого — еще один лейпцигский словак — предисторик. Жду в ближайшие дни одного приятеля, лектора из Фрейбурга в Брейсгау. Так что все-таки кое-какие связи с внешним миром.

ДЧ

¹ Ср. в немецком письме Д.И. Чижевского к Л. Мюллеру (от 24 декабря 1943 г.): «В уже почти истекшем теперь году нам здесь все-таки была дарована возможность мирной работы, и сам я воспользовался ею в достаточной степени, и в течение года закончил две книги (историю украинской литературы XIX века, правда только до 1860 года, и историю древнерусской литературы XI–XIII веков), первая из которых будет напечатана» [Чижевский 2007а, с. 171].

² См. примеч. 4 к письму № 7.

³ Čyževskýj D. Literarische Leserfrüchte. Zur Genealogie von Comenius' «Labyrinth» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1943. XVIII. № 2. S. 363–366.

⁴ Рассказ Н.С. Лескова, впервые опубликованный в 1879 г.

⁵ Псевдоним русского писателя-романтика, критика и поэта А.А. Бестужева (1797–1837).

⁶ Древнейшему памятнику словенского языка — Брижинским (Фрейзингенским) отрывкам X или XI в. — Исаченко посвятил следующую работу: *Isačenko A. V. Jazyk a Pôvod Frizinských pamiatok*. Bratislava, 1943. См. библиографии работ А.В. Исаченко: [Studia Linguistica 1978, p. XI–XXV; Russian Linguistics 1988, p. 107–116].

⁷ В статье «Что такое “Евгений Онегин”» А. Исаченко рассмотрел роман Пушкина как пародию на сентиментально-романтическую литературу, литературную игру. См.: [Isačenko 1943, с. 236–250].

⁸ Мияковский Владимир Варламович (1888–1972) — историк, архивист, в 1920–1929 гг. директор Киевского центрального исторического архива. В 1930 г. был арестован и осужден по делу Союза освобождения Украины. В 1941–1943 гг. вновь возглавлял Главный исторический архив Киева. Как и Оглоблин, в 1943 г. через Львов выехал в Прагу, оттуда в Германию, где стал секретарем учрежденной в Аугсбурге Украинской свободной академии наук. Мияковский состоял в переписке с А.Л. Бемом, см.: [Бем, Мельгунов 2003, с. 124–138].

⁹ Оглоблин Александр Петрович (наст. фам. Мезько; 1899–1992) — украинско-американский историк, архивист, деятельный участник украинского национального движения. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета св. Владимира. В годы оккупации сотрудничал с немцами. В 1941 г. начальник городской управы Киева, в 1942 г. директор Музея-архива Киева. В 1943 г. переехал во Львов и затем в Прагу. С 1945 г. профессор Свободного украинского университета в Мюнхене. С 1951 г. в США.

¹⁰ Петров Виктор Платонович (псевд. В. Домонтович, Виктор Бэр и др.; 1894–1969) — этнограф, историк литературы, литературный критик, писатель, один из зачинателей жан-

ра украинского интеллектуального романа. Петров учился на историко-филологическом факультете Киевского университета св. Владимира в те же годы, что и Чижевский, и мог быть его знакомым еще со студенческих лет. В 1942 г. Петров в оккупированном немцами Харькове издавал журнал «Український засів» («Украинский посев») и публиковал свои художественные произведения. Летом 1943 г. вместе с отступающими немецкими войсками покинул город и после недолгого пребывания во Львове приехал в Германию, где занялся преподавательской работой и стал деятельным участником украинского национального движения. С 1944 г. профессор Украинского свободного университета в Мюнхене. С 1950 г. Петров вновь в СССР, сначала в Москве, затем в Киеве.

¹¹ Русский вариант названия рубрики «Literarische Leserfrüchte», под которой Чижевский на протяжении многих лет публиковал в «Zeitschrift für slavische Philologie» короткие статьи или заметки на различные историко-философские и историко-филологические темы. Здесь он мог иметь в виду заметки «Der russische Hegelianismus und die russische Sprache» («Русское гегельянство и русский язык») и «Zur Vorgeschichte des Wortes “nigilizm”» («К предьстории слова “нигилизм”») (Zeitschrift für slavische Philologie. 1943. XVIII. № 2. S. 383–384).

¹² Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М., 1848.

¹³ Будилович Антон Семенович (1846–1908) — русский филолог, историк, публицист славянофильского направления, автор двухтомного труда «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (Варшава, 1892).

¹⁴ Чижевский ошибочно отнес к работам Будиловича книгу С.К. Булича (1859–1921) «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» (СПб., 1893).

¹⁵ Имеется в виду третий том капитального труда академика В.М. Истрина «Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь», изданный в 1930 г. Академией наук СССР.

¹⁶ По всей видимости: *Чижевський Д.* Українські друки в Галле. Краків; Львів: Українське видавництво, 1943.

¹⁷ Воодушевлением, подъемом (от нем. *der Elan*).

10

Галле – Прага

3/11. 43

Дорогой Альфред Людвигович!

Искреннее спасибо за Вашу интересную брошюру¹. Радуюсь, что она могла появиться хотя бы в такой скромной форме... Могу в свою очередь выслать Вам свои заметки из фасмеровского журнала, который, однако, еще не вышел (выйдет на днях). Одна из заметок, как увидите, посвящена отчасти (одна страница 378–<37>9) теме, родственно<й> с Вашей. Думаю, что Вы напрасно не использовали в начале книги обоих — хотя и старых книг — Буслаева. Дума<ю> также, что Вы — идя, впрочем, за весьма почтенною традициею — несколько преувеличиваете <церковно><славянские> элементы в древнерусской литературе. В ней (летописи, напр., и не только поздние, нам известные списки, но, насколько мож-

но судить по лексике, и оригиналы) — русская стихия значительной силы и своеобразия... Странным образом, позволяю себе не согласиться с Вами и в самом конце — где Вы говорите о роли последних десятилетий: странным образом, но ц<ерковно>сл<авянский> элементы — по крайней мере некоторые, в частности лексикальные — еще усилили свое значение в последние десятилетия (см., напр., то широчайшее употребление, какое теперь имеет слово «глава» — «глава треста» и т.д.); здесь стоило бы просмотреть что-нибудь вроде Зоценки или Ильфа и Петрова, чтобы прийти к выводу, что ц<ерковно>сл<авянский> язык в русском неистребим и независимо от всяких «идеологических» веяний живет в нем... Но, в общем, очень согласен с большинством Ваших выводов и, как Вы увидите из моей вышеупомянутой заметки, мог бы дополнить Ваши тезисы в отношении даже к «западническим» течениям, от которых можно было бы ожидать скорее противодействия, чем содействия ц<ерковно>сл<авянской> стихии².

Живу по-прежнему. В этом семестре есть неск<олько> новых студентов, даже иностранцев (словак, болгарка), так что работать можно несколько интенсивнее... Читаю древнерусскую лит<ературу> (есть даже эвакуированная из Киева слушательница) и литературу чешского Средневековья (включая сюда и лит<ературу> ц<ерковно>сл<авянскую> в Чехии)... В семинаре читаем «Капит<анскую> дочку», а на докладах бывает довольно слушателей, так что беседы (последний раз о понятии романтики) бывают довольно оживленными и продуктивными... Сам собираюсь начать книгу о Гоголе. Материала много, но многого нельзя просмотреть наново (сейчас нельзя получить даже такой книги, как Н. Котляревский³, т.к. те библиотеки, где она есть, книг не высылают). Все-таки решаюсь писать («книжные редкости» зато многие имею на руках)... Как пойдет работа, увидим.

В остальном занят Коменским, которого уже $\frac{3}{4}$ или даже больше переправил в безопасное от налетов место⁴.

А как живется Вам? Над чем работаете? Мне писал недавно Вашица, упоминал и Вас... Жду с интересом его новых барочных публикаций... Хочется снова заняться Достоевским. Есть отдельные темы и несколько общих. Перечитывал сейчас — для Гоголя — Виноградова и вижу, что он, при всем интересе многих своих тезисов, сейчас во многом очень устарел (даже и в сравнении со своими собственными позднейшими работами, напр. последней работой о языке Л. Толстого⁵). Но о Достоевском буду писать чисто философски. Только о «Хозяйке» собираюсь все еще писать ист<орико->лит<ературную> работу, которая, думаю, во многом Вашим взглядам на Х<озяйку> противоречит, но во многом их неожиданно и поддерживает... Дальнейших же планов пока нет. Через полгода-год (кончив Гоголя) буду думать о дальнейшем.

Сердечные приветы и найл<у>чшие пожелания
от Вашего

Дмитрия Чижевского

¹ Бем А. Церковь и русский литературный язык: Доклад, сделанный в заседании Русского научно-исследовательского объединения в Праге. Прага: Русская ученая академия, 1944.

² В письме к Ф.А. Степуну от 1 июля 1944 г. Чижевский отозвался о работе Бема следующим образом: «Бема брошюра совсем плоха (главное, незнанием материала). Но ее устремление — доказательство христианской образованности Древней Руси, конечно правильнее доказательства “невегласия” у Шпета» (цит. по: [Янцен 2006б, с. 364]).

³ *Котляревский Н.А.* Николай Васильевич Гоголь, 1829–1842: Очерк из истории русской повести и драмы. СПб., 1908.

⁴ См. примеч. 15 к письму 2.

⁵ См.: [Виноградов 1939, с. 117–220].

«ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПРОШЛО КАК ПОТЕРЯЛ ВАС ИЗ ВИДА...»:
Г.П. МАЛЬЦЕВ В ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКЕ
Б.А. НИКОЛЬСКОГО

*Публикация, вступительная статья,
подготовка текста и комментарии Н.А. Егоровой*

Это имя открыла для России Галина Николаевна Петрова, искусствовед, заслуженный работник культуры, член Союза художников России, заведующая научным отделом Астраханской государственной картинной галереи имени П.М. Догадина¹.

В астраханской галерее находятся две картины, написанные Григорием Павловичем Мальцевым, — «Понизовая вольница» и «Киргизы на молитве». Долгие годы об авторе работ не было почти ничего известно, кроме того, что он учился у Павла Алексеевича Власова².

В начале 1990-х гг. в галерею пришло письмо из Италии от Варвары Григорьевны Мальцевой, дочери художника. Завязалась переписка между Г.Н. Петровой и дочерьми Мальцева — Марфой и Варварой.

В 2006 г. Галина Николаевна выступила с докладом о художнике на ежегодной международной конференции «Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры» в одесском Доме-музее им. Н.К. Рериха и получила от сотрудников музея предложение выпустить книгу, посвященную Г.П. Мальцеву. Так в следующем 2007 г., как совместный проект двух музеев³, появилось издание «Григорий Мальцев — художник из легенды» [Петрова 2007]. В книгу вошли письма

¹ Музей открыт 15 декабря 1918 г. как Картинная галерея и музей Совета профессиональных союзов Астраханского края имени основателя П.М. Догадина. Догадин Павел Михайлович (1876–1919) — выходец из купеческой семьи, инженер-механик, получивший образование в Москве, в 1918 г. передал в дар родному городу свое собрание, включавшее более 100 произведений графики и живописи, коллекцию автографов, библиотеку, мебель и небольшой особняк по Набережной р. Кутум, № 39, где и размещалась галерея первоначально. С 1921 г. галерея располагается в одном из красивейших городских зданий, построенном в начале XX в. и являющимся памятником архитектуры (Усадьба И.Н. Плотникова — особняк с флигелем и внутренним двором) по ул. Свердлова (бывшая Биржевая). Спустя три года после открытия художественного музея имя П.М. Догадина уходит из его названия: 1922–1928 гг. — Астраханская картинная галерея, 1929–1948 гг. — Астраханская государственная картинная галерея, 1949–1957 гг. — Астраханская областная картинная галерея. В 1958 г. галерею было присвоено имя Б.М. Кустодиева, в 2006 г. возвращено имя ее основателя. Современное официальное название музея: Государственное бюджетное учреждение культуры Астраханской области «Астраханская государственная картинная галерея имени П.М. Догадина».

² Власов Павел Алексеевич (1857–1935) — русский живописец, график и педагог. С 1890 г. жил и работал в Астрахани.

³ Астраханской государственной картинной галереи имени П.М. Догадина и одесского Дома-музея им. Н.К. Рериха.

Г.П. Мальцева 1914–1922 гг. профессору Василию Евмениевичу⁴ Савинскому⁵ в Санкт-Петербургскую академию художеств, воспоминания Варвары Григорьевны Мальцевой об отце, переписка Г.Н. Петровой с дочерьми Г.П. Мальцева и ее статья о нем.

В 2009 г. сотрудница Дома-музея им. Н.К. Рериха Ирина Цененко посетила в Италии В.Г. Мальцеву. Она сфотографировала работы художника, хранящиеся в семье его дочери, итальянской семье Винчи, а также иконы в храмах Рокка-Приоры, в оформлении которых принимал участие Г.П. Мальцев. На следующий год увидело свет второе издание книги «Григорий Мальцев — художник из легенды» [Петрова 2010], дополненное цветными репродукциями произведений художника.

2011 г. был провозглашен Годом российской культуры и русского языка в Италии и Годом итальянской культуры и итальянского языка в России. В течение года в обеих странах прошло много мероприятий. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына отметил год перекрестных культур книжно-документальной иллюстративной выставкой «Италия — дом нашей души» [Книжно-документальная иллюстративная выставка «Италия — дом нашей души» 2003–2011], с успехом работавшей весь 2011 и еще 2012 г.

Выставка содержала раздел, посвященный Г.П. Мальцеву, в наполнении которого большую помощь оказал одесский Дом-музей им. Н.К. Рериха и лично его директор Елена Григорьевна Петренко. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына получил в дар книги о Мальцеве, выпущенные музеем [Петрова 2007, Петрова 2010], копии статей о художнике из итальянских газет [Lanci 2011, Vinci 2005, Vinci 2011a, Vinci 2011b].

На основе материалов выставки была подготовлена мультимедиапрезентация «Русский художник в Италии Григорий Павлович Мальцев», которая заняла 2-е место в конкурсе на разработку и создание мультимедийных ресурсов «Италия в русском искусстве», проводившемся Русским музеем (Санкт-Петербург) в 2011 г. Работу отметили «за уникальность материала о забытом художнике русской эмиграции» [Итоги конкурса «Италия в русском искусстве» 2016–2020].

В 2018 г. одесский Дом-музей им. Н.К. Рериха опубликовал письма Г.П. Мальцева к своим родным, написанные им в период учебы в Астрахани, жизни в Санкт-Петербурге и в Италии (1899–1927) [Эпистолярное наследие художника Григория Мальцева 2018]. Письма эти хранятся в архиве двоюродной внучки Григория Мальцева — Анжелы Кудряшовой, проживающей в Нижнем Новгороде, — и в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга. Издание сопровождается фотографиями, видами открытых писем из семейного архива Анжелы Кудряшовой.

Автор-составитель книги — Г.Н. Петрова, которая все эти годы продолжала заниматься исследованием жизни и творчества художника, опубликовала о нем ряд статей в альманахах, сборниках и журналах [Петрова 1996, Петрова 1999, Пе-

⁴ В письмах Г.П. Мальцева отчество Савинского везде написано через мягкий знак — Евменьевич.

⁵ Савинский Василий Евмениевич (1859–1937) — русский живописец, график, профессор и действительный член Императорской Академии художеств. Известен как исторический живописец и портретист. Письма хранятся в отделе рукописей Государственного Русского музея (Ф. 114. Ед. хр. 67. Л. 3–26).

трова 2002, Петрова 2013]. В статье «Возвращение на родину» [Петрова 2013] она, опираясь на письма Мальцева, присланные родным в Россию из Италии, уделила большое внимание двум присущим ему душевным качествам: любви к отцу и любви к отечеству.

Благодаря Галине Николаевне Петровой, Елене Григорьевне Петренко имя Григория Павловича Мальцева вернулось на родину, восполнился пробел в его биографии, стало известно о судьбе художника в Италии. Приведем основные вехи его жизни и творчества.

Григорий Павлович Мальцев — график, живописец, портретист, иконописец, мастер декоративно-прикладного искусства — родился в ноябре 1881 г.⁶ в селе Талашманово Гороховецкого уезда Владимирской губернии (ныне Володарский район Нижегородской области) в семье портного.

В юности он увлекался рисованием, благодаря поддержке благотворителей — семьи богатых судовладельцев Нобелей⁷ — окончил Нижегородское речное училище⁸ и обучался в студии художника Павла Алексеевича Власова в Астрахани.

Осенью 1902 г. приехал в Санкт-Петербург и поступил в студию живописи академика Л.Е. Дмитриева-Кавказского⁹, где учился до 1906 г. В 1908 г. поступил в Санкт-Петербургскую Императорскую академию художеств, где обучался в мастерской Ильи Ефимовича Репина, а затем профессора Василия Евмениевича Савинского. На протяжении всех лет обучения Мальцев неоднократно получал награды за свои работы — картины на исторические темы.

В период учебы в академии Григорию Мальцеву поступил частный заказ от нижегородского купца, издателя и коллекционера Василия Ивановича Бреева (1863 – после 1928) на картины исторического сюжета для Мининской выставки панорамы, посвященной 300-летию Нижегородского ополчения 1611–1612 гг. [Петрова 2010, с. 30]. Выставка устраивалась с целью сбора капитала в фонд построения памятника Козьме Минину и князю Пожарскому в Нижнем Новгороде. По материалам выставки вышел каталог [Выставка панорамы, устроенная

⁶ Дочь Г.П. Мальцева Варвара указывает дату 27 ноября (см.: [Петрова 2007, с. 46]). В других источниках указывается дата 14 (ст. ст. 1) ноября (см.: [Русское присутствие в Италии в первой половине XX века 2019, с. 429; Мальцев Григорий Павлович 2011]).

⁷ Нобель Эммануил Людвигович (Nobel; 1859–1932) — нефтепромышленник и инженер, сын Людвиг Эммануиловича Нобеля и племянник Альфреда Нобеля. Эммануил Нобель получил образование в частной школе Святой Анны в Санкт-Петербурге и в Политехнической школе в Берлине, а позже в Стокгольмском технологическом институте. С 1888 г., после смерти своего отца и до революции в России Эммануил Нобель возглавлял механический завод «Людвиг Нобель», впоследствии известный как «Русский дизель», и другие предприятия товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» в России. В 1889 г. Э. Нобель был принят в российское подданство, но после революции в России, в 1921 г., навсегда уехал в Швецию. Эммануил Нобель являлся спонсором русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. В 1924–1925 гг. он также материально поддержал создание Свято-Сергиевского института в Париже. Эммануил Нобель покинул Россию летом 1918 г. после национализации его предприятий. Уехав из России, Нобель постепенно отошел от семейного бизнеса.

⁸ С 1958 г. — Нижегородское речное училище имени И.П. Кулибина.

⁹ Дмитриев-Кавказский Лев (Арслан) Евграфович (1849–1916) — гравер на меди, рисовальщик, офортист, академик Императорской Академии художеств, присоединивший к своей фамилии для отличия от других художников Дмитриевых прозвище Кавказский, так как он родился на Кавказе.

для сбора капитала в фонд построения памятника Минину и Пожарскому 1911]. Некоторые картины были воспроизведены на почтовых открытках, в том числе и три произведения Мальцева. Всего известно 7 открытых писем, выпущенных В.И. Бреевым, на которых репродуцируются работы художника.

Для выпускного экзамена Г.П. Мальцев написал полотно «Митрополит Алексий исцеляет от слепоты ханшу Тайдуллу в Золотой Орде». За эту работу он был удостоен звания художника и получил право пенсионерской поездки для учебы за границей — в Италию.

В 1914 г. Мальцев прибыл в Рим в качестве пенсионера Академии художеств. В Италию Григорий Павлович приехал с невестой Марией Фроловной Азаровой, которая впоследствии стала его женой и матерью пятерых детей (Варвара, Никита, Марфа, Елена, Павел).

Исторические события повлияли на дальнейшую судьбу художника. Из-за начавшейся Первой мировой войны он не смог отправить в Петроград отчетную картину «Святая Агнесса». После революции 1917 г. Мальцев остался без финансовой поддержки Академии художеств и оказался без средств к существованию. Григорий Павлович мечтал вернуться на родину, но этой мечте не суждено было осуществиться. Ему пришлось зарабатывать на жизнь собственным трудом. Он писал портреты, занимался резьбой по дереву, изготавливал изделия прикладного искусства в русском стиле (коробочки, ларцы, тарелки) и расписывал их. Работал библиотекарем в «Русской читальне», где помогал устраивать выставки-продажи произведений художников-соотечественников.

В Италии Мальцев начал изучать технику средневековой русской темперной живописи и писать иконы. В 1921 г. по заказу Виктории Гессен-Дармштадтской¹⁰ он выполнил резную дверь для часовни в Иерусалиме, где похоронена ее сестра великая княгиня Елизавета Федоровна¹¹. Сверху на двери была изображена Богородица с покровом. Благодаря этой работе и помощи Виктории Гессен-Дармштадтской Мальцев получил несколько заказов при английском королевском дворе. Среди заказчиков Мальцева были адвокаты, врачи, военные, члены королевских семей Италии и Англии.

В 1925 г. он показал свои картины на выставке, посвященной открытию Галереи современного искусства Рима. Представленная там работа «Плот на Волге» была приобретена музеем города Пьяченца.

¹⁰ Виктория Гессен-Дармштадтская (Victoria von Hessen-Darmstadt), при рождении Виктория Альберта Елизавета Матильда Мария Гессен-Дармштадтская (Victoria Alberta Elisabeth Mathilde Marie von Hessen-Darmstadt), с 1917 г. Виктория Маунтбеттен, маркиза Милфорд-Хейвен (Victoria Mountbatten, Marchioness of Milford Haven; 1863–1950) — дочь великого герцога Гессенского Людвиг IV и британской принцессы Алисы, внучка королевы Виктории, в браке — маркиза Милфорд-Хейвен, супруга Людвиг Александра Баттенберга. Сестра российской императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны, бабушка Филиппа, герцога Эдинбургского, супруга королевы Елизаветы II.

¹¹ Елизавета Федоровна, при рождении Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская (Elisabeth Alexandra Luise Alice von Hessen-Darmstadt und bei Rhein; 1864–1918), принцесса Гессен-Дармштадтская; в супружестве (за русским великим князем Сергеем Александровичем) — великая княгиня царствующего дома Романовых. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве.

В Риме Мальцев познакомился с Н.И. Боком¹², секретарем Российской императорской миссии при Святом Престоле, и под его влиянием принял католичество. Художник был членом русского католического прихода Святого Антония Великого. В 1926 г. он выполнил роспись часовни Иезуитского института в Риме. В этом же году Григорий Павлович купил участок земли в окрестностях Рима.

«Мальцев воплощает давнишнюю мечту — покупает небольшой кусок земли совсем недалеко от Рима, на знаменитых холмах в Рокка-Приори. Это сейчас там толпятся виллы и рестораны, а тогда, в конце двадцатых, долина между холмов напоминала художнику астраханскую степь с пасущимися полудикими лошадьми и криками парящих в небе ястребов. Долина была окружена садами и виноградниками, жили в ней по большей части пастухи, а усадьба, что стояла на приобретенной земле, была почти разрушена и всеми забыта. Все здесь волновало воображение художника: и прелесть пейзажа, и прозрачность воздуха, и связь этих мест с античной историей, дух которой как бы витал меж холмов. Какое наслаждение он испытывал, гуляя с этюдником по чуть заметным тропам, с каким азартом писал лица пастухов и крестьян, живописные уголки этого “волшебного и загадочного ландшафта”» [цит. по: Петрова 2007, с. 33].

К Г.П. Мальцеву все чаще и чаще стали обращаться с заказами. Он исполнил алтарные композиции для церкви в городе Фраскати, для греческого монастыря в городе Гроттаферрата, для семинарии на горе Мондрагона. В 1934 г. по заказу маркиза Фумазони-Бионди написал икону Владимирской Божией Матери с Младенцем, которую маркиз подарил храму Святой Марии в Портоново.

Приобретая в Италии известность в качестве иконописца, Мальцев получил крупный заказ от Папской коллегии Руссикум¹³, готовящей католических священников византийского обряда. Им были созданы проекты пяти иконостасов для церкви Святого Антония Великого и часовен коллегии, написано несколько десятков икон, по его рисункам были также изготовлены дарохранительница и распятия. Кисти Мальцева принадлежат портреты русского католического экзарха о. Леонида Федорова¹⁴ и семинариста Руссикума О.В. Тронько¹⁵. По окончании работ в Руссикуме Мальцев был принят на аудиенции папой Пием XI.

Впоследствии римские иезуиты неоднократно поручали Мальцеву заказы для различных храмов, в том числе для восточной часовни Святого Владимира в генеральной курии Общества Иисуса [Хроника 1931, с. 40]. Мальцев создавал резные

¹² Бок Николай Иванович (1880–1962) — российский дипломат, преподаватель университетов в Такаока (Япония) и Нью-Йорке (США), католический священник, иезуит византийского обряда, настоятель русского католического прихода Фатимской Божией Матери в Калифорнии, сотрудник Русского центра имени Владимира Соловьева при Фордамском университете в Нью-Йорке, участник Русского апостолата.

¹³ Папская коллегия Руссикум (Pontificium Collegium Russicum) — католическое учебное заведение в Риме. Учреждена в 1929 г. папой Пием XI.

¹⁴ Федоров Леонид Иванович (04.11.1879 — 07.03.1935) — протопресвитер Католической церкви, экзарх Апостольского экзархата католиков византийского обряда в России. В 2001 г. причислен к лику блаженных Католической церкви.

¹⁵ Тронько Олег Владимирович (1918–1939). Отец Олега был офицером Добровольческой армии. В 1919 г. семья покинула Киев и переехала в Армавир, а затем в Крым, откуда эвакуировалась через Константинополь в Галлиполи. В декабре 1921 г. семья Тронько переехала в Болгарию.

иконостасы и писал иконы для церквей Болгарии, Испании, Мальты, США, Колумбии. Так, в 1939 г. он выполнил иконостас для греческой католической церкви Пресвятой Богородицы Дамаскинской на Мальте.

В 1940 г. Г.П. Мальцев участвовал в выставке русских художников в Риме вместе с П.М. Софроновым¹⁶, В.Д. Фалилеевым¹⁷ и Е.Н. Качура-Фалилеевой¹⁸. Три из пяти экспонированных работ сюжетно были связаны с Волгой: «Плот», «Город на Волге», «Казачи на Волге».

В годы Второй мировой войны Мальцев жил и работал в городе Рокка-Приора, где принимал участие в оформлении храмов. По окончании войны художник создал большой гобелен, на котором изображена Богоматерь и молящийся солдат на фоне битвы. В 1949 г. на Мальте Григорий Павлович восстановил созданный им же (1939) иконостас греческой церкви Пресвятой Богородицы Дамаскинской. Григорий Павлович Мальцев скончался в городе Сполетто 10 марта 1953 г., похоронен в часовне семьи старшего сына.

Приведенные выше биографические данные, а также более подробные сведения о жизненном и творческом пути художника Г.П. Мальцева содержатся в статьях и книгах Г.Н. Петровой [Петрова 1996, Петрова 1999, Петрова 2002, Петрова 2007, Петрова 2010, Петрова 2013], а также в энциклопедии «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века» [Русское присутствие в Италии в первой половине XX века 2019, с. 429–430].

Еще несколько штрихов к биографии Мальцева добавляют документы, хранящиеся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына в архиве экономиста, историка, журналиста, переводчика Бориса Александровича Никольского¹⁹. Часть материалов передала в 2010 г. его дочь Е.Б. Хорнеффер²⁰, другую часть в 2012 г. — Татьяна Георгиевна Варшавская²¹.

В фонде № 164 хранятся письма Б.А. Никольского и к нему (1912–1968); дневники, записные книжки и черновые записки (1913–1945), рукописи (1915–1961)

¹⁶ Софронов Пимен Максимович (1898–1973) — старообрядческий иконописец и реставратор. Дважды (1931, 1934) приглашался в Париж обществом «Икона» для организации школ древнерусской иконописи. В 1939 г. по приглашению секретаря Выставочного комитета при Ватикане и правительства Италии П.М. Софронов приехал в Рим, где в 1941 г. состоялась его первая персональная выставка икон. В годы Второй мировой войны Софронов жил в Италии под надзором полиции, работал по заказу Ватикана.

¹⁷ Фалилеев Вадим Дмитриевич (1879–1950) — русский художник-график и живописец. Окончил Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге, занимался офортом, ксилографией, линогравюрой, искусством силуэта. С 1906 г. участвовал в выставках объединений «Мир искусства» и Союз русских художников. В мае 1924 г. Фалилеев с женой и дочерью эмигрировали в Швецию, в 1926 г. переехали в Берлин, в 1928 г. поселились в Риме. Фалилеев до конца жизни участвовал в художественных выставках, работал в театре.

¹⁸ Качура-Фалилеева Екатерина Николаевна (1886–1948) — художница, жена художника В.Д. Фалилеева. В 1907–1914 гг. обучалась в петербургской Императорской академии художеств. Была членом объединения «Мир искусства». Работала в техниках пастели, монотипии, литографии, офорта. Принимала участие в групповых выставках, совместно с В.Д. Фалилеевым организовала несколько выставок в Стокгольме, Берлине и Риме.

¹⁹ Архив ДРЗ. Ф. 164 (Никольский Борис Александрович). Оп. 1, 2; 292 ед. хр.

²⁰ Хорнеффер Елизавета Борисовна (урожд. Никольская; 1918 — после 2010).

²¹ Варшавская Татьяна Георгиевна (урожд. Дерюгина; 1923–2019) — супруга писателя Владимира Варшавского (1906–1978), почетный даритель Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

Б.А. Никольского; подготовительные материалы к его работам (1920–50-е); материалы к биографии Б.А. Никольского (1908–1960-е); материалы о Б.А. Никольском (1881–1972); документы супруги (Н.И. Никольской²²) (1915–1944), дочери (Е.Б. Хорнеффер) (1971) и брата (А.А. Никольского²³) (1917–1947) Б.А. Никольского, семейные фотографии и некоторые другие материалы.

Большую долю в архиве составляют письма, среди которых оказалось и письмо Г.П. Мальцева к Б.А. Никольскому, и ответ адресата. Кроме того, в дневнике Никольского за 1921 г. содержатся записи о Григории Павловиче периода их знакомства и общения в Италии.

Борис Александрович Никольский родился в 1885 г. в Санкт-Петербурге. В 1908 г. окончил экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Во время Первой мировой войны работал в Красном Кресте, в частности в ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны военно-санитарном поезде. В 1916 г. участвовал в работе Экономической конференции союзников в Париже. Работал в Министерстве земледелия, откуда в 1917-м был направлен в Швецию в качестве атташе российского посольства, выполнял также функции торгового агента. В Гражданскую войну участвовал в оказании помощи «Политическому совещанию» генерала Н.Н. Юденича, в предоставлении кредитов шведских банков для нужд Северо-Западного фронта. После 1919 г. перебрался в Женеву, работал переводчиком в Международном Красном Кресте. В 1921 г. уехал в Италию, затем жил в Германии и в 1924 г. обосновался в Швейцарии. Работал журналистом, в Нансеновском комиссариате по делам русских беженцев.

В 1920-х гг. Борис Александрович Никольский сотрудничал в журнале «Борьба за Россию» (Париж). Он активно участвовал в деятельности Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже, Русского трудового христианского движения (РТХД) в Европе, был генеральным секретарем бюро РТХД. Издал книги: «Наше экономическое представительство за границей» (Гамбург, 1923) и «Русское трудовое христианское движение» (Белград; Женева, 1934). Вторая — под псевдонимом Я. Каширский.

Б.А. Никольский — участник парижского съезда русских православно-националистических деятелей из Франции и других стран (1939). Во время Второй мировой войны он работал в Славянском отделе Международного Красного Креста, позже переводчиком в ООН и ЮНЕСКО. Сотрудничал в швейцарской франкоязычной газете «Tribune de Geneva», занимал должность приват-доцента в Женевском университете, где до 1965 г. читал историю русского языка. В Париже в 1960-х гг. сотрудничал в Обществе охранения русских культурных ценно-

²² Никольская Наталья Ивановна (1888–1954).

²³ Никольский Александр Александрович (1882–1968) — брат Б.А. Никольского, журналист, юрист, служил преимущественно по финансовой части, в том числе в кредитной канцелярии Министерства финансов. В период Гражданской войны — директор иностранного отделения кредитной канцелярии Министерства финансов в правительстве адмирала А.В. Колчака. Занимался вопросами заграничного финансирования, в том числе продаж и депонированием золота (так называемое золото Колчака) в заграничных банках. В эмиграции жил во Франции, затем в Швейцарии. Был хранителем «секретных фондов» (остатков средств, вырученных от «золотых займов» колчаковского правительства) бывших российских дипломатов (см.: [Маклаков 2015, с. 862]).

стей. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. Борис Александрович Никольский скончался в 1969 г. в Женеве [Никольский (Nicolosky) (псевд. Я. Каширский) Борис Александрович 2010–2020].

Нам в точности неизвестно, когда произошло знакомство Мальцева и Никольского. Предположительно, его следует отнести к первой половине 1920-х гг. Письмо Григория Павловича к Борису Александровичу написано в 1949 г., при этом художник сообщает: «Четверть века прошло как потерял Вас из вида...»²⁴, из чего можно сделать вывод, что в последний раз автор и адресат общались приблизительно в 1924 г. В ответном письме от 10 сентября 1950 г. Никольский пишет: «Вспоминали Вас... <...> ... доброе невозвратное и незабываемое пребывание здесь 29 лет назад — и нашу общую с Вашей дружную семью»²⁵, что указывает на 1921 г.

Знакомство произошло в Италии, о чем свидетельствуют и содержание писем, и запись в дневнике Бориса Александровича, сделанная в Риме 21 июня 1921 г. В последней содержится характеристика Мальцева как художника и человека, благодарственные слова в адрес Григория Павловича за возможность многое увидеть в Риме за три дня. Для настоящего выпуска «Ежегодника» отобран фрагмент из не публиковавшегося ранее дневника Б.А. Никольского.

Публикация дополняет биографию Г.П. Мальцева новыми фактами. Его письмо, хранящееся в ДРЗ — неизвестный пока исследователям документ. В научный оборот вводится эпистолярное наследие, раскрывающее связь двух представителей русского зарубежья.

Письма и фрагмент дневника публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сокращенные слова раскрыты в угловых скобках. Сохранено авторское деление документов на абзацы.

Письма и фрагмент дневника публикуются впервые по оригиналам, хранящимся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 164).

Сокращение

Архив ДРЗ — архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Литература

Винчи 2013 — *Винчи Л.* В Рокка-Приора: Григорий Мальцев — художник из легенды!: от речного капитана судовладельцев Нобелей — до выдающегося русского художника // *Лига культуры (Одесса)*. 2013. № 3. С. 180–182; 5 ч/б фотоил.

Выставка панорамы, устроенная для сбора капитала в фонд построения памятника Минину и Пожарскому 1911 — Выставка панорамы, устроенная для сбора капитала в фонд построения памятника Минину и Пожарскому (1911; Нижний Новгород): Каталог Исторической Мининской выставки панорамы, устроенной В.И. Бреевым для сбора капитала в фонд построения памятника Козьме Минину и кн. Пожарскому в Нижнем Новгороде. Казань, 1911. 74 с.

²⁴ Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 1.

²⁵ Там же. Ед. хр. 73. Л. 1 об.

- Даль 1905 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртена. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1905. Т. 2: И–О. [2] с., 2030 стб.
- Итоги конкурса «Италия в русском искусстве» 2016–2020 — Итоги конкурса «Италия в русском искусстве» // Виртуальный русский музей. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/events/2012/02/itogi_konkursa_italiya_v_russkom_iskusstve/ (дата обрац. 16.03.20).
- Книжно-документальная иллюстративная выставка «Италия — дом нашей души» 2003–2011 — Книжно-документальная иллюстративная выставка «Италия — дом нашей души» // Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. URL: <http://www.bfrz.ru/?mod=static&id=651> (дата обрац. 16.03.20).
- Мальцев Григорий Павлович 2011 — Мальцев Григорий Павлович / сост. Г.Н. Петрова // Искусство и архитектура русского зарубежья: Фонд им. Д.С. Лихачева. URL: <http://artrz.ru/1804970067.html> (дата обрац. 16.03.20).
- Маклаков 2015 — *Маклаков В.А.* «Права человека и империи»: В.А. Маклаков — М.А. Алданов: Переписка, 1929–1957 гг. = Human rights, imperial rights: Vassily Maklakov — Mark Aldanov: Correspondence, 1929–1957 / сост., вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкого; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики»; Гуверовский ин-т войны, революции и мира; Стэнфордский ун-т [и др.]. М.: РОССПЭН, 2015. 1142, [1] с., [16] л. ил., портр. (Русские сокровища Гуверовской башни).
- Никольский (Nicolsky) (пс. Я. Каширский) Борис Александрович 2010–2020 — Никольский (Nicolsky) (пс. Я. Каширский) Борис Александрович / автор справки М.Ю. Сорокина // Некрополь российского научного зарубежья. URL: http://www.russiangrave.ru/person?prs_id=263 (дата обрац. 16.03.20).
- Петрова 1996 — *Петрова Г.Н.* Творчество и судьба // Волга: независимая общественно-полит. газ. Астраханской области (Астрахань). 1996. 16 янв. № 8 (22728). С. 3; 17 янв. № 9 (22729). С. 3.
- Петрова 1999 — *Петрова Г.Н.* Художник из легенды // Факел: альм. Астрахань, 1999. № 2/3 (10). С. 95–103.
- Петрова 2002 — *Петрова Г.Н.* Мальцев Г.П. // Астраханская государственная картинная галерея им. Б.М. Кустодиева. М.: Белый город, 2002. С. 44.
- Петрова 2007 — *Петрова Г.Н.* Григорий Мальцев — художник из легенды / Одесский Дом-Музей им. Н.К. Рериха. Одесса: Астропринт, 2007. (Архивы. Исследования; вып. 2).
- Петрова 2010 — *Петрова Г.Н.* Григорий Мальцев — художник из легенды: альбом произведений русского художника Григория Павловича Мальцева / Г.Н. Петрова, Е.Г. Петренко; Одесский Дом-Музей им. Н.К. Рериха. Одесса: Астропринт, 2010. (Архивы. Исследования; вып. 6).
- Петрова 2013 — *Петрова Г.Н.* Возвращение на родину // Лига Культуры (Одесса). 2013. № 3. С. 164–167.
- Русское присутствие в Италии в первой половине XX века 2019 — Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия / [сост. А. д'Амелия, Д. Рицци]. М.: РОССПЭН, 2019.
- Хроника 1931 — Хроника // Китеж (Варшава). 1931. № 1. С. 38–41.
- Эпистолярное наследие художника Григория Мальцева 2018 — Эпистолярное наследие художника Григория Мальцева / Одесский Дом-Музей им. Н.К. Рериха; авт.-сост. Г.Н. Петрова. Одесса: Астропринт, 2018. (Архивы. Исследования; вып. 17).
- Collection online 2019 — Collection online: Vue de la Ville de Genève du Mont grand Salève, de la Porte de Suisse dite de Cornavin prise depuis Montbrillant // The British Museum. URL: https://research.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.as

- px?from=ad&fromDate=1000&images=true&objectId=3285371&page=774&partId=1&technique=17436%7C17353&to=ad&toDate=1914 (дата обрац. 16.03.2020).
- Elena Maltzeff 1990–2020 — Elena Maltzeff // IMDb [The Internet Movie Database = Интернет-база фильмов]. URL: https://www.imdb.com/name/nm1323541/?ref_=tt_cl_t4 (дата обрац. 16.03.2020).
- Lanci 2011 — *Lanci G. Rus* — Abruzzo la prima Associazione culturale russo-italiana // *Gente Piazza*. Lanciano, 2011. № 3. P. 31.
- Vinci 2005 — *Vinci L.* In un baule... i segreti di Maltzeff : Il celebre “pittorusso” visse nel ridente centro castellano per circa trent’anni // *Cronache Cittadine*. Crema, 2005. № 352. 06.11. P. 11.
- Vinci 2007 — *Vinci L.* Da Philadelphia, a Rocca Priora alla ricerca di Maltzeff // *Cronache Cittadine*. Crema, 2007. № 387. 27.05. P. 4.
- Vinci 2011a — *Vinci L.* Gregorio Maltzeff, il «Pittorusso» della «leggenda», a Lanciano // *Cronache Cittadine*. Crema, 2011. № 1070. 06.05. P. 7.
- Vinci 2011b — *Vinci L.* Le opere di Gregorio Maltzeff in bella mostra a Lanciano // *Cronache Cittadine*. Crema, 2011. № 1065. 15.04. P. 5.

1

Г.П. Мальцев – Б.А. Никольскому
Рим, 9 января 1949

Многоуважаемы<й>
Борис Александрович!

Совершенно случайно услышал я Ваше имя от Signorin¹ Ирины Малышевой², Вашей ученицы и подруги моей дочери. Четверть века прошло как потерял Вас из вида, вспоминали Вас и семью Вашу мы с Марусей³ часто. Как выглядите Вы, Наталья Ивановна⁴, [Буся]⁵ Елочка?⁶

Жили мы у Вас в Alassio⁷ с двумя ребятами — Варя и Никита, Никита имел тогда 3–4 года, теперь он им<еет> 31 год, женат, работает в Умбрии, около Spoleto⁸ как доктор, медик, пользуется большим успехом в своей професс<и>. Варя и он окончили в Риме лицей французский Шатобриана⁹, и итальянск<ий> Римский университет¹⁰, Варя по филологич<ескому> факульт<ету>. Хорошо знают нужные теперь языки и зарабатывают. После Никиты родилась Марфа, потом Елена (attrice cinema¹¹), замужем 6 лет и 2^е детей итальянцы. После Елены 12 лет не было детей, и потом снова родился Павел, теперь ему 12 лет, хорошо учится и самы<й> здоровенный из всех. Я имел работу тогда в Ватикане¹², что мне дало возможность учить ребят в хороших школах. Маруся не стареет, я седой и лысый, 67 лет, но пользуюсь хорошим здоровьем, работаю большей частью для церквей, дружусь с католич<ескими> священ<никами>, которые мне очень нравятся.

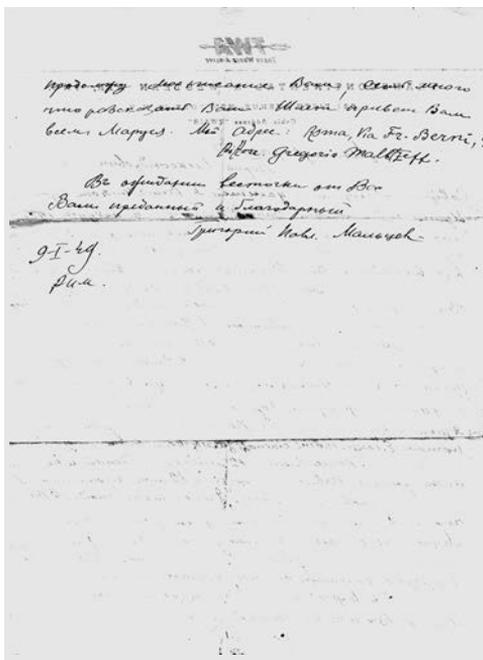
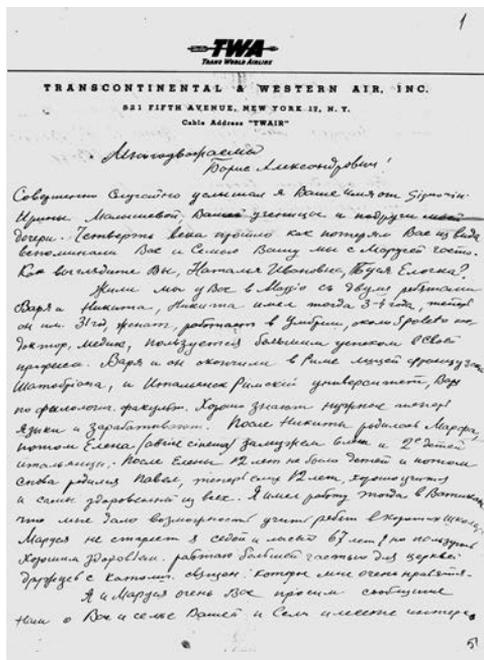
Я и Маруся очень Вас просим: сообщите нам о Вас и семье Вашей, и, если имеете интерес, продолжу мое писание Вам, есть много что рассказать Вам. Шлет привет Вам всем Маруся. Мой адрес: Roma, Via Fr<ancesco> Berni, 9¹³

Pittore¹⁴. Gregorio Maltzeff¹⁵.

В ожидании весточки от Вас
Вам преданный и благодарный

Григорий Павл<лович> Мальцев

9-I-49.
Рим.

Первая и 2-я страницы письма Г.П. Мальцева Б.А. Никольскому. Рим. 9 января 1949.
Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 1-1 об.

Архив ДРЗ. Ф. 164 (Никольский Борис Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 1-1 об. Автограф на бланке авиакомпании США «Trans World Airline» (TWA/Trans World Airline/Transcontinental & Western Air, Inc. / 521 Fifth Avenue, New York 17, N.Y. / Cable Address «TWAIR»).

В архивном деле помимо письма Г.П. Мальцева содержатся:

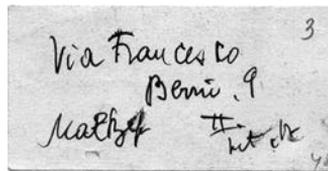
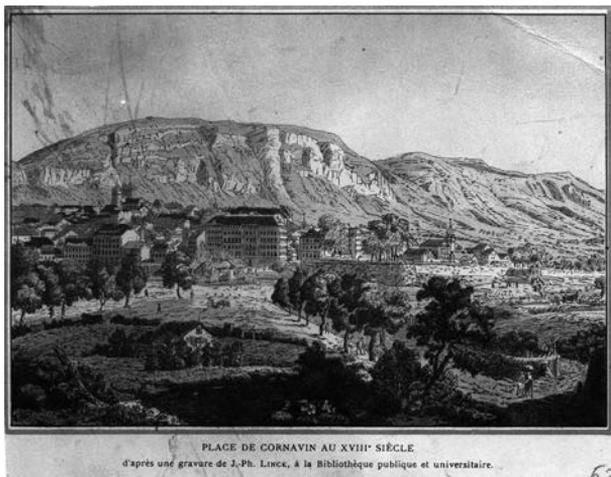
1. Открытка с видом Женевы¹⁶. (Архив ДРЗ. Ф. 164 (Никольский Борис Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 2).
2. Записка с адресом Г.П. Мальцева в Риме¹⁷ (Архив ДРЗ. Ф. 164 (Никольский Борис Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 3).

¹ Барышни (итал.).

² Лицо не установлено.

³ Здесь и далее: Мальцева (урожд. Азарова) Мария Фроловна, супруга Г.П. Мальцева.

⁴ Никольская Наталья Ивановна (1888–1954) — супруга Б.А. Никольского.

Записка с адресом Г.П. Мальцева в Риме. Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 3

Открытка с видом Женевы. Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 2

⁵ В данном месте почерк неразборчив, слово можно прочесть и как «Буся», и как «Туся». Видимо, речь идет об одном из членов семьи Б.А. Никольского. Запятая после этого слова в письме не стоит, возможно, это часть обращения, а второй частью является слово «Елочка» (см. след. примеч.).

⁶ Здесь и далее: Хорнеффер (урожд. Никольская) Елизавета Борисовна (1918 — после 2010) — дочь Б.А. Никольского. Елка — домашнее прозвище Елизаветы Борисовны.

⁷ Алассио — город-курорт в Италии в регионе Лигурия.

⁸ Сполето — город в итальянской провинции Перуджа в 95 км от Рима.

⁹ Имеется в виду Французская международная начальная и средняя школа в Риме (Lycée français Chateaubriand, Liceo Chateaubriand).

¹⁰ Имеется в виду Римский университет Сапиенца (Sapienza — Università di Roma) — один из старейших (основан в начале XIV в.) университетов мира, расположенный в Риме.

¹¹ Актриса кино (итал.). Мальцева Елена Григорьевна (Maltzeff; 1923–2011) — дочь Г.П. Мальцева, актриса, ангажирована киноагентством «Чинес» (Cines), снялась в фильмах: «Люди воздуха» («Gente dell'aria», 1943, реж. Эзодо Прателли), «Небоскребы» («Grattacieli», 1943, реж. Гульельмо Джаннини), «Белый дьявол» («Il diavolo bianco», 1947, реж. Нунцио Маласомма), «Пояс целомудрия» («La cintura di castità», 1950, реж. Камилло Маччочинкве) (см.: [Русское присутствие в Италии в первой половине XX века 2019, с. 430–431; Elena Maltzeff 1990–2020]).

¹² «В автобиографических заметках Мальцев пишет, что в 1930–1931 годах Ватикан поручает ему выполнить “все живописные работы в церкви Св. Антония в Папской семинарии Руссикума”. Далее он уточняет: “Оформлены были часовня Свв. Кирилла и Мефодия, часовня Апостолов Петра и Павла, часовня Св. Терезы, две часовни с иконостасом для Института Востока и один иконостас для Семинарии Руссикума”. К сожалению, Мальцев не очень многословен и ограничивается лишь перечислением созданных произведений. <...> “В 1935 году Ватикан поручает мне выполнить иконостас для храма в летней резиденции Руссикума на острове Эльба. В 1936 — оформление часовни в Розетто (Арбуцци) (Описка Г.П. Мальцева. Правильно — Абрुцци. Полное название города в Италии — Розето-дельи-Абрुцци (Roseto degli Abruzzi) — Н.Е). Для Ватикана мне поручают создать иконостас для новой церкви румынских католиков на холме Джаниколо (Рим), недалеко от Маяка итальянских аргентинцев и расписать часовню”» (цит. по: [Петрова 2010, с. 25]).

¹³ Рим, улица Франческо Берни, 9 (*итал.*). По указанному адресу в настоящее время находится отель.

¹⁴ Здесь и далее: художник (*итал.*).

¹⁵ Григорий Мальцев (*итал.*).

¹⁶ Открытка с репродукцией работы Жана Филиппа Линка (1770–1812) с типографской подписью: «Place de Cornavin au XVIII siecle / d'après une gravure de J.-Ph. Linck, a la Bibliotheque publique et universitaire». Оригинал работы Ж.Ф. Линка хранится в Британском музее (Лондон) и имеет название «Vue de la Ville de Genève du Mont grand Salève, de la Porte de Suisse dite de Cornavin prise depuis Montbrillant». Работа выполнена в технике офорта и акватинта с ручной раскраской (см.: [Collection online 2019]).

¹⁷ Текст записки: Via Francesco / Berni. 9 / Maltzef II / [нрзб] («улица Франческо / Берни 9 / Мальцев»; пер. мой. — *Н.Е.*).

2

Б.А. Никольский – Г.П. Мальцеву

Алассио, 10 сентября 1950

10.9.50

Pensione¹

Villa² [нрзб]

Alassio³

Дорогой Pittore⁴,

с Вашим милым письмом произошла ужасная вещь — оно пропало, и мы не могли восстановить Вашего адреса. Когда Ваша дочка прилетала в Женеву — ей не сказали, где мы живем, затем мы просили нашего друга гр. Игнатьева⁵ в TWA⁶ связать нас при следующем прилете с Вашей дочкой, но она не прилетела!

Ужасно обидно — верьте, сие не вымыслено. Особенно серчала наша милая Маша⁷ — про жену не говорю, та меня избрала.

И вот мы снова в Alassio (до 17/9/50) — неузнаваемо испорченном модниками и модницами. Но villa Salita⁸ уцелела! (не превратившись в небоскреб!).

Если бы почта Вас разыскала — черкните, милый, либо сюда, либо в Женеву (7. rue de l'Évêche). Вспоминали Вас, вашу супругу⁹, Вашу семью. Вспоминаем доброе невозвратное и незабываемое пребывание здесь 29 лет назад — и нашу общую с Вашей дружную семью. Мы здесь с женой, дети, внук (француз — от На-таши) и внучки (швейцарки) от Елочки¹⁰ — в Женеве.

Крепко жму Вашу руку и целую ручку супруге.

Жена шлет сердечный привет.

Искренне Вам преданный Б<орис> Никольский¹¹

Архив ДРЗ. Ф. 164 (Никольский Борис Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 1–1 об. Автограф, чернила.

В архивном деле помимо письма Б.А. Никольского содержится визитная карточка Г.П. Мальцева¹² (Архив ДРЗ. Ф. 164 (Никольский Борис Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2–2 об.).

Panione
Villa Ghib
Alasio

10. 9. 50

Дорогой Питторе,

с Вашей личной почтой произошло
ужасное дело — это произошло и мы
не можем восстановить Вашу адрес.
Когда Ваша дочь приехала в Ро-
му — ей же скажите, где мы сейчас,
Завтра мы хотим начать путь
г-р. Алласио в ТWA Свободное
при существующей проблеме — с Вами
«жизнь», но вы не ушли!

Ужасно обидно — вероятно, вы
не помните. Конечно Серена
маленькая девочка — про время
не говорю, вы меня поздравляете.
И вот мы снова в Италии
(до 17/9/50) — пытаемся че-
резвычайно многократно и много-

узнать. Но Villa Salita уже
нема! (но встретимся в это
сентябрь!)

Там вы когда Вас ра-
звездала — из Криве, Милан,
либо тогда, либо в Женеве
(7. me de e' Wache). Вам
матери Вас, Валу Сиди,
Валу Сиди. Вспомните
откуда вы возвращаете и кедити
ваше пребывание здесь 29
ней назад — и нашу встречу
с Вами — Трурра Сиди.
Ма Несо с вами, дети, там
(Франция — о, Италия) и вы же
(Италия) о' Емилки — с вами.
Криво пишу Валу Криве,
и желаю Криво Сиди.
Вам желает Серена Криво

Искренне
Вам преданный
Г. Никольский

Первая и вторая страницы письма Б.А. Никольского Г.П. Мальцеву.
Алласио. 10 сентября 1950. Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 1-1 об.

¹ Пансион (итал.).

² Вилла (итал.).

³ См. примеч. 7 к письму 1.

⁴ См. примеч. 14 к письму 1.

⁵ Лицо не установлено.

⁶ Trans World Airlines (TWA) — авиакомпания США, основана в 1925 г.

⁷ Лицо не установлено.

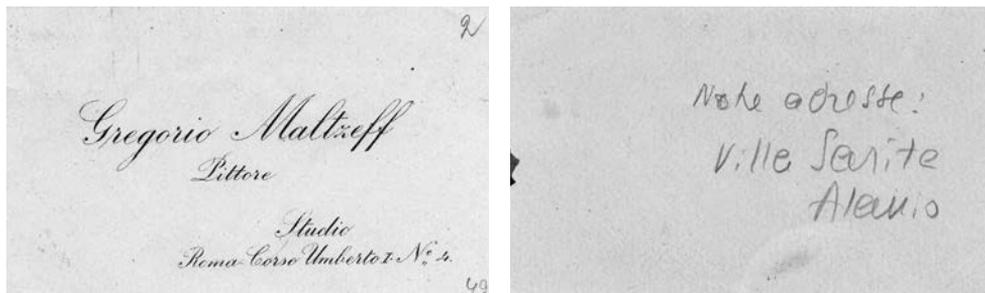
⁸ Вилла Салита (итал.).

⁹ Мальцева (урожд. Азарова) Мария Фроловна — супруга Г.П. Мальцева.

¹⁰ См. примеч. 6 к письму Г.П. Мальцева.

¹¹ Слова «Искренне Вам преданный Б<орис> Никольский» написаны в конце письма слева от основного текста, так как они не поместились на странице.

¹² Текст на лицевой стороне визитки: Gregorio Maltzeff / Pittore / Studio / Roma Corso Umberto I № 4 (Григорий Мальцев / художник / студия / Рим Корсо Умберто I № 4; пер. мой. — Н.Е.); текст на обороте визитки: N[нрзб] adresse: / villa Salita / Alasio ([Новый] адрес: / вилла Салита / Алласио; пер. мой. — Н.Е.). Улица Корсо (via del Corso) в Риме считается главной улицей города. Начинается от площади Венеции и тянется до площади Пополо с рядами церквей и дворцов, протяженность улицы примерно полтора километра. От улицы Корсо по обе стороны отходят ветви дорог, ведущие к известным достопримечательностям Рима. В древние времена улица Корсо называлась Via Lata (широкая улица). Современное название — Корсо — улица получила в XV в. от карнавальных скачек (corso — бега), которые проводил папа Павел II вплоть до 1882 г. В 1915 г. Мальцев снял по указанному адресу

Визитная карточка Г.П. Мальцева.
Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2–2 об.

квартиру со студией (см.: [Петрова 2007, с. 61]). Этот адрес Мальцев сообщает в письмах к профессору Императорской Академии художеств В.Е. Савинскому от 14 октября 1915 г. (см.: [Петрова 2007, с. 24]) и от 22 января 1922 г. (см.: [Петрова 2007, с. 25]). В письме от 14 октября 1915 г. Мальцев пишет: «Моя студия лучшая в Риме в доме principe Borghese (князя Боргезе; пер. мой. — *Н.Е.*) в начале Corso (улицы Корсо; пер. мой. — *Н.Е.*) около piazza del popolo (Народной площади; пер. мой. — *Н.Е.*), огромное окно выходит на pincio (холм Пинчо; пер. мой. — *Н.Е.*) и почти на одном уровне, огромная, еще больше, чем студия, терраса; студия взята по контракту до сентября будущего года на мой риск, если не продлят мне поездку» (см.: [Петрова 2007, с. 24]). С Б.А. Никольским Г.П. Мальцев общался в 1921 г., с тех пор у Никольского и могла остаться визитка с этим адресом.

[Из дневника Б.А. Никольского]

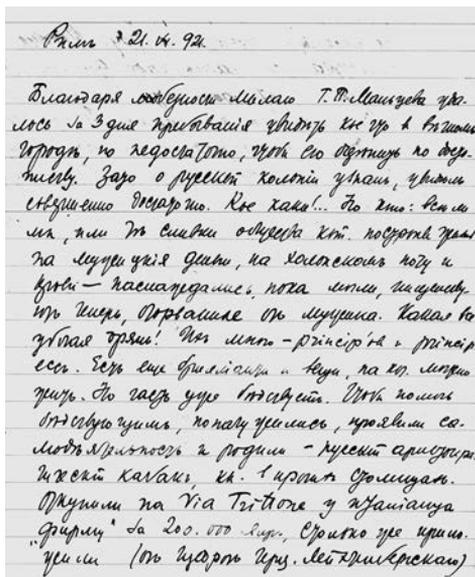
Рим. 21.VI. <1>921.

Благодаря любезности милого Г.П. Мальцева¹ удалось за 3 дня пребывания увидеть кое-что в Вечном городе, но недостаточно, чтобы его оценить по достоинству. Зато о русской колонии узнал, увидел совершенно достаточно. Кое-каки!..² Но кто: все ли мы или те сливки общества, кот<орые>, построив жилье на мужицкие деньги, на холопском поту и крови, — наслаждались, пока могли, нищенствуют теперь, оторванные от мужика. Какая все убогая дрянь! Их много — princip'ов³ и principess⁴. Есть еще бриллианты и вещи, на кот<орые> можно жить. Но часть уже бедствует. Чтобы помочь бедствующим, понатужились, проявили самостоятельность и родили — русский аристократический кабак, ка<к> в прочих столицах. Откупили на Via Tritone⁵ у итальянца «фирму» за 200.000 лир, столько же приложили (от щедрот герц<ога> Лейхтенбергского⁶) и подают (больше друг другу) борщи и волованы⁷. Три толстые мадонны (ничего аристократического по виду), смакуя, делились впечатлениями о волованах, сидя за соседним столиком в моем отеле. Узнал соотечественниц без труда — по обличью, во первых, по разговору, во вторых. Заговорили по-английски, хорошо — но не ка<к> англичанки; почти сейчас же перешли на французский диалект, — но без (франц⁸<узского>) истинно галльского перца. Ясно: —⁹ кто в мире почитает за честь говорить не на своем родном языке

ке — только русские. Какая из самых родовитых аристократий гнушается своего наречия — только русская. А между тем куфаристые¹⁰ физиономии моих соседок (princ'ess¹¹, ка<к> оказалось) являлись надежным залогом того, что они могли бы отмочить весьма сочные «словца», присущие только русскому яз<ыку>. За границей становишься ревниво-русским. И эта глупая болтовня трех русских бабищ, говоривших усиленно на отборном воляпюке¹², — передернула. Самые речи — бабы. Prince¹³ такой-то только что вернулся с монархического съезда в Рейхенхалле¹⁴ — спасал Россию (кто просил!), княгиня Марья Алексеевна, ужасно, рассталась со своей горничной-француженкой и завивается сама и т.д. и т.д. ...

Зло берет не за то, что эти милые букашки существуют (закон природы — тем¹⁵ лучше гнус, кот<орый> теперь нами усиленно питается, не давая спать по ночам!), а то, что они — сливки русского общества. Монархисты Божьею милостью, взявшие на себя исключительное право представительства монархических идей (не ревную, нет!). А где они были и что делали, когда бедный Царь-Мученик¹⁶ переживал февральскую трагедию?¹⁷ Что делали тогда граф Граббе¹⁸ и его лихие конвойцы-офицеры, осыпанные милостями?... Царские лакеи (из настоящих, ливрейных) первые «самоопределились» в соц<иалистов>-революционеров. Их пример нашел слишком много подражаний среди тех, кому были присвоены другие, более нарядные ливреи. Но почему теперь эта публика берет монополию на спасение России — почему неминуемо они вернутся (надолго ли?) к власти, когда осуществится их заветная мечта — реставрация. И опять, как в февральские дни, вместе с их дворцами и вотчинами толпа станет жечь наши «хамские» — по иному: буржуйские жизненные завоевани<я>. Опять какие-то [нрзб], промахнут на полном ходу через золотую середину. Когда же, когда бедная Россия изживет этих большевиков справа, переварив коммунистическую св... Ведь они такие же интернационалисты, как Лейб Троцкий¹⁹. Что им Россия, если в ней нельзя будет холопствовать, издаваясь в отместку над своими холопами. Брр... Противно. Бедные мы, осужденные на то, чтобы видеть одну игру российской мути — знатной [нрзб] и попову. Те же бары презирают «нуворишек». А какая разница между нами и ими — только историческая. Все нажили не правдой, но одни уже выросли²⁰ устали от богатств, а другие по-детски им<и> наслаждаются, как новою игрушкой.

Одно из проявлений самого недоброкачественного снобизма. Слепцов²¹, на половину сотканый из елисеевских нажив, презирает, как никто (где уж нам, еще

Дневник Б.А. Никольского. Запись от 21 июня 1921. Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 80 об.

не нажившим елисеевских богатств) — грядущих Елисеевых. Смешно, когда безвредно. Наши же аристократические тетехи²² вредны, ибо в их немецких сестрах бьется немецкое сердце, у британок и говорить нечего, — а эти — прародительницы III Интернационала! Некрасов²³ (поэт хамский) или выдумал своих «русских женщин» — или они тогда были более русскими, чем после встряски, переживаемой теперь. Сколько ни пришлось видеть наших графинь в Стокгольме — «русских женщин» среди них было одна, две — и обчелся. Гораздо больше было таких, кот<орые> за улыбку иностранного дипломата (даже из второстепенных) мысленно (за невозможностью физически) продали бы Россию в розницу и оптом.

Сам удивляюсь, откуда у меня столько злобной нетерпимости к нашим *aristo*?..²⁴ Своих либерально-европейских воззрений и навыков я не менял, исповедую терпимость и соглашательство всегда, где ими можно создать, а разногласием уничтожить... А в *aristo* готов вцепиться, не будь намордника отечественных условностей. Всему виной Стокгольм и эти 4 года за границей. Чего не видел за это время? Но поразительнее всего фигура нашего «барина», великолепно одетого, все смотрящего сверху вниз... пока у него есть свои или чужие «перехваченные» деньги. И каким глубоким, настоящим хамом становится этот барин, когда «перехватить» уже не откуда, когда павлиньи перья уже никому не внушают иллюзий... Самая вредная порода за границей. Ибо гнусные проделки Ивановых и проч<их> хамов — вещь обычная. А за последнее время по части проделок Ивановых оттерли совершенно титулованные — «краса и гордость» России, только с другого фланга!

По этим сливкам, к сожалению, судят за границей о самом русском о<бщест>ве, о России. Но не в этом главное зло. «Краса и гордость», ка<к> и матросы, лезут спасать Россию. И без них дело, ка<к> бы ни повернулись события, — не обойдется. С ними придется считаться, против их вредной (ибо только себялюбивой) работы придется принимать меры одновременно с подавлением бунтовщических инстинктов разгулявшихся масс. Эти [нрзб] враги порядка, враги будущей России, ибо никакого порядка, кроме прежнего, обеспечивавшего их [нрзб] привилегии, — они не признают и будут бороться с ним, поддерживая кого угодно, до большевиков. (Ведь отказались же аристократы-офицеры защищать Керенского, считая большевиков предпочтительными в октябре 1917!)²⁵

В Риме уж слишком безотрадны впечатления от всего русского. Правда, приходилось слышать большую часть от Мальцева, кот<орый> не имеет оснований быть довольным, но...

Все страны — даже давно уже не великая Испания — имеют в Риме свои академии — рассадники-школы для наиболее талантливых художников. У американцев и французов художники-пансионеры великолепно обставлены, живут на всем готовом. У нас своей академии в Риме нет. При Николае I [нрзб] купили [нрзб] (и за гроши по теперешнему) Palazzo Barberini²⁶ — но кому-то «не додали» пустяка — и дело расстроилось (как в Стокгольме со зданием Миссии!). Последние пансионеры — Мальцев и Карцев²⁷, были посланы в <1>914 г. К 1917 ими были уже выполнены программные работы, Академией приняты и одобренные. Оставалось совершенствоваться, развивая свободное творчество, но в России пришли большевики, — а большевики в Риме (посольство и г.²⁸ местный генеральный кон-

сул) начали с того, что лишили Мальцева и К<арцева> пособия, — хотя эти пособия ничем по существу не отличаются от получаемого до сих пор посольскими молодыми людьми жалованья. В результате паразиты процветают, талантливые художники бедствуют, превратившись в маляров, из-за куса хлеба малюющих что попало. А русское искусство — все-таки процветает. Ка<к> ни плохи его чиновничьи няньки! Кое-каки!²⁹

Хороша история с посольским домом. Стоил очень дорого. Выглядит много хуже целого ряда чудных римских palazzo³⁰. Ибо — строили (кому-то нужно было) или перестраивали, когда можно было бы за меньшую цену купить готовое и лучшее.

Колония. Бедствует³¹. Подающим блюда «грандам» еще завидуют. Есть русская церковь, помещение кот<орой> (в частной квартире) обходится 40.000 л<ир>. Возникает проект постройки хотя бы временной своей церкви на уже купленном месте, на уже возведенном фундаменте, в кот<орый> убухали «хозяйственно» — до полумиллиона лир. Попик предлагает построить временную из досок. Художник-архитектор (Мальцев) возражает, что доски в Италии дороже железа, и говорит, что его приятель итальянец инженер предлагает за 150.000 выстроить железобетонную. Мол, два века простоит. Делает даже проект довольно красивый. Но встает [нрзб] (бывш<ий> офицер [нрзб], ловкач, уславший себя в Италию) и заявляет, что этот инженер — большевик, а потому к его предложению надо отнестись отрицательно. Напрасны указания, что смета очень выгодная, что итальянец гарантирует заработки безработным из колонии, кот<орые> могут найти себе применение. Глупое слово брошено человеком, морально являющимся большевиком самого опасного типа. — Собрание из принципов³² и принципес³³ (Юсупова³⁴, Голицыны³⁵ и tutti quanti³⁶) задумалось, заколебалось, и дело грозит провалом.

400.000 дать на кабаки — это можно с маху. Понять, что из 150.000 на церковью часть вернется (заработки)³⁷, (другая ежегодно расходуется на квартирную плату³⁸ — трудно. Легче подавать пожарские котлеты!..

Кое-каки!..³⁹

К счастью, не они одни носят звание русских. Ведь и Мальцев не «из жидов». Нижегородец, на «о», вылитый Скобелев⁴⁰ и такой же, только бесконечно более одаренный (или счастливый — смог развить дарование) русачок-мужичок. Искра — здоровая. Энергия и любовь к труду — бесконечные. Все над чем-то ко-

К счастью не они одни носят звание русских. Ведь и Мальцев не «из жидов». Нижегородец, на «о», вылитый Скобелев⁴⁰ и такой же, только бесконечно более одаренный (или счастливый — смог развить дарование) русачок-мужичок. Искра — здоровая. Энергия и любовь к труду — бесконечные. Все над чем-то ко-

Дневник Б.А. Никольского. Запись от 21 июня 1921. Архив ДРЗ. Ф. 164. Оп. 1.

Ед. хр. 39. Л. 85 об.

пается. Живет Бог вещь чем и как. Перебивается. Но помочь ему ни у кого из *aristo*⁴¹ и в мыслях нет. Наоборот, не раз еще его эксплуатировали по мелочам бесцеремонно и хамски (просить — просили, а чтобы поблагодарить ласковым словом, — об этом забывали). Еще бы: какому-то Мальцеву, когда князь такой-то подает котлеты нуворишкам!.. Но М<альцев> не унывает. Силы еще есть, вера тоже. И сияет весь каким-то внутренним светом этот милый мухортый⁴² лесовик-работник. И любит же он Россию! И верит, — ка<к> в себя. А сколько у нас таких, как М<альцев>, остается затертыми «красою-сливками», паразитами, признающими жалование только для себя — [нрзб]⁴³. Не откроет ли им дорогу большевистский бунт? Если да — его благословят, воспоют, раскроят через сто лет не хуже «Великой» французской революции⁴⁴, кот<орая> вблизи была, несомненно, такую же мерзкой, как и наша «бескровная, белоснежная»...

Архив ДРЗ. Ф. 164 (Никольский Борис Александрович). Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 80–86 об. Автограф, чернила.

¹ Мальцев Григорий Павлович (1881–1953).

² « “Кое-ка́ки” м. мн., люди действующие кое-как, на авось» (цит. по: [Даль 1905, стб. 326]).

³ Князей (от *итал.* *principe* — князь).

⁴ Княгинь (от *итал.* *principessa* — княгиня).

⁵ Улица Тритона — улица в историческом центре Рима, берущая начало от площади Барберини, в центре которой расположен фонтан работы Джованни Лоренцо Бернини «Тритон». Фонтан создан в 1642 г. Название площади идет от расположенного вблизи нее дворца семьи Барберини, в котором находится Национальная галерея старинного искусства.

⁶ Светлейший князь Романовский Сергей Георгиевич, 8-й герцог Лейхтенбергский (1890–1974) — член российского императорского дома (с титулом «высочество»), участник Белого движения, флигель-адъютант, возглавлял Русское собрание и Гоголевскую библиотеку в Риме.

⁷ Волован — пикантная закуска французского происхождения, небольшого размера выпечка из слоеного теста в форме башенки диаметром от 4 до 20 см с несладкой начинкой (обычно из мясного, рыбного или грибного рагу). Волованом также называют само изделие из слоеного теста без начинки.

⁸ Зачеркнуто у автора.

⁹ Пунктуация у автора.

¹⁰ Возможно, прилагательное от слова «куфария» в значении «кухарка» (см.: [Даль 1905, стб. 587]).

¹¹ См. примеч. 4.

¹² Волапук, или воляпук, — международный искусственный социализованный язык, созданный в 1879 г. немецким католическим священником Иоганном Мартином Шлейером (Schleyer).

¹³ Князь (*итал.*).

¹⁴ Имеется в виду Первый монархический съезд — международный съезд русских монархистов в Германии 16(29).05 — 24.05(06.06).1921 г., имевший своей целью положить начало организованной работе монархистов как в эмиграции, так и в России. Проходил в курортном местечке Рейхенгалль (Бавария).

¹⁵ Возможно прочтение — чем.

¹⁶ Николай II Александрович (1868–1918) — император всероссийский, царь польский и великий князь финляндский (1894–1917). Из императорского дома Романовых.

¹⁷ Имеется в виду Февральская революция 1917 г. в России (в советской историографии — Февральская буржуазно-демократическая революция).

¹⁸ Граббе-Никитин Александр Николаевич (1864–1947) — граф, русский военный деятель, генерал-майор свиты. 2 января 1914 г. был назначен командующим Собственным конвоем его величества Николая II, оставался на этом посту до самого свержения монархии. Во время Февральской революции, опасаясь ареста, уехал на Кавказ. 22 марта 1917 г. уволен со службы по болезни с мундиром и пенсией, затем — в эмиграции: Константинополь, Германия, Монте-Карло, с 1940 г. в США.

¹⁹ Троцкий Лев Давидович (имя при рождении Лейба Давидович Бронштейн, 1879–1940) — российский революционер, советский государственный и политический деятель, идеолог троцкизма — одного из течений марксизма.

²⁰ Зачеркнуто у автора.

²¹ Лицо не установлено.

²² Тетеха (лелеха) — толстая женщина (см.: [Даль 1905, стлб. 636]). Обычно о толстой, неповоротливой и недалекой женщине.

²³ Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) — русский поэт, прозаик и публицист, классик русской литературы.

²⁴ Аристократам (*англ., преимущ. ирон.*).

²⁵ Имеется в виду мятеж (выступление) Керенского — Краснова (26.10(08.11) — 31.10(13.11).1917) — поход казачьих частей 3-го кавалерийского корпуса под командованием смещенного министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского и командира корпуса генерала П.Н. Краснова на Петроград с целью подавления Октябрьского вооруженного восстания большевиков и восстановления власти Временного правительства. Командующий Северным фронтом генерал В.А. Черемисов не поддержал А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова. Никто из высших офицеров не захотел вмешиваться и снимать войска с фронта. Военный министр Временного правительства Б. Савинков напрасно обращался в военные штабы. Офицеры штаба Северного фронта дали ему понять, что командующий фронтом В.А. Черемисов не поддерживает П.Н. Краснова и А.Ф. Керенского.

²⁶ Палаццо Барберини — дворец (палаццо) фамилии Барберини на улице Четырех фонтанов (via delle Quattro Fontane) в восточной части Рима.

²⁷ Карцев Петр Сергеевич ([1865?]-?) — художник. Участвовал в выставках Санкт-Петербургского общества художников, в 1890–1910-х гг. жил и работал в Москве.

²⁸ Возможно, сокращение от «господин».

²⁹ См. примеч. 2.

³⁰ Дворцов (*итал.*).

³¹ Так у автора.

³² См. примеч. 3.

³³ См. примеч. 4.

³⁴ Видимо, имеется в виду княгиня Зинаида Николаевна Юсупова (1861–1939). В 1919 г. семья Юсуповых эмигрировала. Зинаида Николаевна с мужем Феликсом Феликсовичем-старшим поселилась в Риме, занималась благотворительной деятельностью, участвовала в работе Общества Красного Креста.

³⁵ Представители княжеского рода Голицыных. В Риме жили: князь Василий Юрьевич Голицын (1879–1924), князь Сергей Сергеевич Голицын (1895–1965), княгиня Леонила Викторовна Голицына (урожд. Бярятинская, 1862–1947), княгиня Нина Петровна Голицына (урожд. Ковальджи; 1888–1957).

³⁶ Все они (*итал.*).

³⁷ Слово «заработки» в круглых скобках написано над словом «вернется».

³⁸ Закрывающая скобка не проставлена.

³⁹ См. примеч. 2.

⁴⁰ Возможно, имеется в виду Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882), русский военачальник и стратег, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Никольский указывает на внешнее сходство.

⁴¹ См. примеч. 24.

⁴² Слабый, хилый, тощий и малорослый (см.: [Даль 1905, стб. 948]).

⁴³ Около пяти слов, написанных после тире, зачеркнуто. Прочитать их не представляется возможным.

⁴⁴ Великая французская революция (*Révolution française*) — крупнейшая трансформация социальной и политической систем Франции, произошедшая в конце XVIII в., в результате которой был уничтожен «старый порядок» и Франция из монархии стала республикой де-юре свободных и равных граждан. Девиз — «Свобода, равенство, братство».

НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ:
МИХАИЛ КАРПОВИЧ
(1888–1959)

М.М. Горинов-мл.

РУССКИЕ АДРЕСА ТИФЛИСА:
ПО СЛЕДАМ КАРПОВИЧЕЙ – ПРЕСНЯКОВЫХ

Михаил Михайлович Карпович — один из самых известных русских эмигрантов XX в. и один из самых успешных русских историков-эмигрантов в США. В 1927 г. в возрасте 39 лет он получил приглашение Гарвардского университета читать курс русской истории и затем долгие годы преподавал здесь, став профессором и заведующим Славянским департаментом университета. Его гарвардские ученики (М. Малиа, М. Раев, Р. Пайпс, Н. Рязановский, Л. Хеймсон) составили первую плеяду американских историков-русистов, заложивших основы широко-масштабного изучения истории России в США. Карпович являлся главным редактором ведущего послевоенного журнала русской эмиграции — «Нового журнала» и фактическим главой Гуманитарного фонда.

За последние десятилетия проделана большая работа по изучению научного и эпистолярного наследия ученого, его жизни в России и США [см.: Болховитинов 2005; Горинов 2013, 2017; Зейде 2008; Перейра 2012]. Издательство «Русский путь» выпустило курс знаменитых гарвардских «Лекций по интеллектуальной истории России» М.М. Карповича [Карпович 2012], а М.М. Горинов и М.Ю. Сорокина постоянно вводят в научный оборот переписку М.М. Карповича с его другом историком Г.В. Вернадским (1887–1973) [Горинов, Сорокина 2014], а также эпистолярные материалы из личного фонда Михаила Михайловича (ф. 209), хранящегося в архиве Дома русского зарубежья [Горинов, Сорокина 2016].

Между тем тифлисский, юношеский, период биографии М.М. Карповича исследован недостаточно. Восполнить этот пробел была призвана поездка в Грузию в августе 2017 г. В ходе этой поездки была поставлена задача познакомиться с тифлисской «географией» не только самого историка, но и его родных и друзей. Их адреса были предварительно выявлены по письмам матери историка М.Е. Пресняковой из архива ДРЗ и личным делам Карповича и его окружения, отложившимся в российских архивах.

Михаил Карпович был человеком необычного происхождения. Он появился на свет в Тифлисе 21 июля 1888 г. в семье Карповичей — инженера путей сообщения, коллежского секретаря Михаила Викентьевича (католического вероисповедания) (1852–1927) и Марии Евгеньевны (православной)¹.

¹ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 29. О принятии в Московский университет М.М. Карповича.

Михаил Михайлович Карпович (1888–1959). Тифлис. 1906. ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 28

Как следует из автобиографии М.М. Карповича, Михаил Викентьевич, дворянин, был по отцу — польского, а по матери — грузинского происхождения². Бабушка М.М. Карповича происходила из грузинского княжеского семейства Туманишвили, а дедушка был поляком и врачом [Калашников 2005, с. 195–196]. Михаил Викентьевич почти всю свою жизнь прослужил на Закавказской железной дороге. Сначала начальником 12-го и 6-го участков Службы пути, затем помощником начальника Службы пути³. Мать историка — Мария Евгеньевна, урожденная Преснякова — была «чисто» русского происхождения. Брат Марии Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) стал знаменитым историком, специалистом по средневековой истории России [Горинов, Сорокина 2016, с. 408]. «Возможно, что мое смешанное происхождение и космополитическая атмосфера Тифлиса, в котором я вырос, создали для меня пожизненный иммунитет от националистического вируса»⁴, — отмечал М.М. Карпович. Смешение разных кровей отразилось даже на внешности молодого Михаила — на гимназической фотографии 1906 г. у него смуглое лицо, курчавые волосы.

Мария Евгеньевна вышла замуж за Михаила Викентьевича в 18 лет. В Тифлисе у них родилось двое детей: Михаил, будущий историк, и Наталья (1890–1967). Однако семейная жизнь старших Карповичей не сложилась, и когда Михаилу было всего четыре года, а Наталье — два (1892 г.), Мария Евгеньевна уехала в Петербург со своим новым мужем Иваном Платоновичем Ямпольским (1855–1919). Дети остались с отцом, в их воспитании большую помощь М.В. Карповичу оказывала его родная сестра, учительница музыки Нина Викентьевна. Ее муж врач Георгий Григорьевич Калашников и дети — сын Михаил (1886–1969), будущий архитектор, и дочери Елена, Евгения и Татьяна — были не только родственниками, но и большими друзьями Карповичей, с которыми долго жили вместе, одной большой семьей [Горинов, Сорокина 2016, с. 408]. Михаил Калашников так вспоминал о Карповичах: «Семья эта <...> была значительно богаче нашей и имела какой-то неуловимый налет культуры и прогресса. Сам дядя Миша был человеком весьма интересным и духовно и физически, с мягким характером, чрезвычайно чутко относившимся к своим подчиненным. Миша и Наташа были очень красивыми детьми и весьма привлекательными для всех окружающих теток» [Калашников

² Архив ДРЗ. Ф. 209. Автобиография М.М. Карповича. Л. 1.

³ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 31. Формулярный список о службе М.В. Карповича; Ф. 363. Оп. 4. Д. 12620. Л. 4. Личное дело Карпович Н.М.

⁴ Архив ДРЗ. Ф. 209. Автобиография М.М. Карповича. Л. 1.

2005, с. 205]. Карповичи и Калашниковы вместе обедали, играли, музицировали, занимались иностранными языками, ставили любительские спектакли [Калашников 2005, с. 211–216, 225; Терентьева 2007, с. 5, 7].

Из личного дела Михаила Карповича и воспоминаний его родственников было известно, что в Тифлисе он жил с отцом в доме 20 по Андреевской улице, учился во 2-й тифлисской гимназии⁵. Поиском этих знаковых для историка мест и других, связанных с его жизнью объектов, я и занялся в столице Грузии.

Прежде всего, благодаря краеведческой литературе, было выяснено, что Андреевская улица находится в районе Чугурети на левом берегу Куры. В застройке и благоустройстве этого района большую роль сыграли немецкие колонисты. Нынешняя улица Котэ Марджанишвили носила название Кирочной в честь стоявшей на ней лютеранской кирхи. В начале XX в. Чугурети был кварталом «маленьких людей». Если на Головинском проспекте (ныне проспект Руставели), представлявшем собой административный и общественный центр города, строились жилые дома знати и представителей гражданской и военной администрации, Соллаки формировался как район буржуазии, то Чугурети был заселен ремесленниками, служащими, мелкими торговцами, рабочими [Джанберидзе, Мачабели 1981, с. 44; Квирквелия 1984, с. 55, 62–63, 68–69]. Именно здесь жил знаменитый художник-самоучка Нико Пиросмани (1862–1918), а Лев Толстой написал повесть «Детство».

Оказалось, что улица Андреевская (в советское время — улица Серго Орджоникидзе) носит сегодня имя Георгия Чубинашвили (1885–1973), выдающегося ученого, академика, создателя грузинского искусствоведения. Основатель первого музея древнего грузинского искусства и кабинета искусствознания Тбилисского государственного университета, первый ректор Тбилисской академии художеств (1922–1928), директор Института истории грузинского искусства АН Грузинской ССР (1941–1973) — этих заслуг было вполне достаточно для увековечения памяти выдающегося ученого [Баркава, Долидзе 1977, с. 18, 20–22, 38].

На этой тихой и уютной улице предпочитали селиться писатели. Здесь находится дом-музей поэта и просветителя Ильи Чавчавдзе (1837–1907) (дом № 22)⁶, мемориальный дом писателя Шио Арагвиспирели (1867–1926), основателя грузинской психологической новеллы (дом № 13). Разыскивавшийся мной дом № 20, построенный в 1896 г., хорошо сохранился и полностью подходит под описание племянницы М.М. Карповича Т.И. Терентьевой (1916–2012): «...Михаил Викентьевич (Карпович) снял для своей семьи отдельную квартиру в доме Чубиновых. Они заняли весь первый этаж двухэтажного дома. Часть комнат выходила на тихую Андреевскую улицу, а часть на балкон, который опоясывал весь первый этаж и выходил в чудный сад. В саду росли деревья грецкого ореха, инжира, черешни, липы и кусты сирени» [Терентьева 2007, с. 7]. Чубиновы — Чубинашвили — и были хозяевами этого дома!⁷ Они сдавали квартиры внаем. Ученый Георгий

⁵ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 16, 24; [Терентьева 2007, с. 7].

⁶ Он жил в этом доме в 1902–1907 гг. с супругой О.Т. Гурамишвили (1842–1927).

⁷ В конце XIX в. дом принадлежал отцу Георгия Николаевича Николаю Давидовичу Чубинашвили, члену Тифлисского окружного суда.

*Дом 20 по улице Чубинашвили (бывшая Андреевская).
Современная фотография*

*Церковь Александра Невского.
Современная фотография*

Чубинашвили, живший в этом доме после 1917 г., торжественно отмечал здесь день основания Института истории грузинского искусства — 1 апреля. В этот день у него собирался весь цвет грузинской науки и искусства [Привалова 1973, с. 89]. Сегодня дом № 20 по-прежнему принадлежит семейству Чубинашвили, которое разместило на втором этаже уютный и недорогой гостевой дом «Марина Чубини».

А в семидесяти метрах, на пересечении улиц Котэ Марджанишвили и Иванэ Джавахишвили, находится храм Святого Александра Невского, в котором крестили Мишу Карповича. Согласно метрическому свидетельству таинство крещения было совершено 30 сентября 1888 г. священником Павлом Ливенцевым. Восприемниками были дедушка по материнской линии инженер путей сообщения, коллежский советник Евгений Львович Пресняков (1840–1916) и тетя Нина

Викентьевна Калашникова⁸. Церковь, построенная в 1864 г. на пожертвования верующих, состоит в юрисдикции Грузинской православной церкви, но в обиходе часто именуется «русской церковью». Богослужение здесь совершается только на церковнославянском языке. В 1950–1982 гг. настоятелем храма был архимандрит (с 1972 г. митрополит) Зиновий (в миру Захария Иоакимович Мажуга; 1896–1985), который погребен у северной стены храма. К его могиле не иссякает поток паломников. Святитель обладал даром прозрения и активно занимался благотворительностью [Гулиашвили 2014, с. 88–95]. Среди его духовных чад был нынешний патриарх Грузии Илия II, которого он постриг в монашество. Любопытно, что в доме № 69 на Николаевской улице, носящей сегодня имя историка Иванэ Джавахишвили, имеющем общий двор с церковью Александра Невского,

Дом, где проживала семья Флоренских (крайний слева). Современная фотография

жила большая семья Флоренских. Ее глава, инженер Закавказской железной дороги Александр Иванович Флоренский (1850–1908), коллега М.В. Карповича, дослужившийся до помощника начальника Кавказского округа путей сообщения, и его супруга Ольга Павловна (1859–1951) вырастили здесь семь детей. Их старший сын Павел (1882–1937) реализовал свой незаурядный интеллект в философии, математике, богословии, инженерном деле⁹ [Флоренский 1988, с. 74, 76–78].

С 1898 по 1906 г. Михаил Карпович учился во 2-й тифлисской классической гимназии имени великого князя Михаила Николаевича (Романова)¹⁰. Она находится на улице, названной в честь выдающегося психолога Д.Н. Узнадзе (дом 52; первоначально ул. Великокняжеская, в советское время ул. Камо). Пешая прогулка от родительского дома до этого учебного заведения занимала около получаса. Здание построено в 1893–1898 гг. в восточном стиле из кирпича. В гимназии было предусмотрено все, что необходимо для жизни и обучения мальчиков: общежитие, своя пекарня, гимнастический и актовый залы и даже души для учащихся

⁸ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 29.

⁹ У знаменитого философа было два брата и четыре сестры. Александр (1888–1938) стал археологом, Андрей (1899–1961) конструктором вооружения. Юлия (1884–1947) — врачом-психиатром, Елизавета (1886–1967), Ольга (1890–1914) и Раиса (1894–1932) — художницами [Флоренский, Шутова 2005, с. 151–152].

¹⁰ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 24–24 об.

*2-я тифлисская мужская гимназия.
Современная фотография*

[Свириденко 2015, с. 104–105]. В наше время в ее стенах располагается Министерство образования Грузии.

2-я тифлисская гимназия была уникальным учебным заведением. Преподавание велось на высочайшем уровне. Ее директор, действительный статский советник Иосиф Федорович Дрбоглав¹¹, был составителем методики первоначального обучения детей латинскому языку. Он первый в Российской империи пригласил во 2-ю тифлисскую гимназию чешских преподавателей

гимнастики, работавших по системе «сокольской гимнастики», базирующейся на упражнениях на снарядах и пирамидах.

Многие выпускники этого учебного заведения стали впоследствии известными деятелями. Выпуск 1900 г. был особенно блистательным — семь золотых медалей! В одном классе с П.А. Флоренским учились известный врач-психиатр, создатель Научно-исследовательского института психиатрии Грузии М.М. Асатиани (1881–1938), будущие революционеры Л.Б. Розенфельд (Каменев) (1883–1936) и И.Г. Церетели (1881–1959) [Флоренский 1988, с. 75; Шутова 2006, с. 194; Ульрих 2013, с. 29–30]. Особая дружба связала гимназистов П.А. Флоренского, В.Ф. Эрн (1882–1917) и А.В. Ельчанинова (1881–1934), выдающихся деятелей русского религиозного ренессанса: В.Ф. Эрн станет историком философии, А.В. Ельчанинов — священником и церковным историком.

Эти люди были старше М.М. Карповича. В год их выпуска (1900 г.) он только оканчивал второй класс. «О гимназии этой я сохранил самое хорошее воспоминание, — писал Михаил Михайлович в своей автобиографии. — С тех пор, как я себя помню, я интересовался гуманитарными предметами — историей, литературой, новыми и классическими языками. Математика же и естественные науки не толь-

¹¹ И.Ф. Дрбоглав родился в 1846 г. в семье чешского землевладельца. Окончил философский факультет Карлова университета в Праге (1870). Преподаватель древних языков в г. Ческе-Будеевице (1870–1871). В 1871–1878 гг. учитель латинского языка в 5-й петербургской гимназии, в 1878–1879 гг. — в кутаисской мужской гимназии. В 1876 г. принял российское подданство. С 1879 г. инспектор 1-й тифлисской мужской гимназии, преподавал в ней латинский язык. В 1890 г. был назначен директором 2-й тифлисской мужской гимназии (РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 540. Л. 263, 265–270 об. Послужной список Дрбоглава И.Ф.). По свидетельству попечителя Кавказского учебного округа К.П. Яновского (1822–1902), Иосиф Федорович отличался «административными способностями» и «прекрасными нравственными качествами». Блестяще зная древние языки и преподавая их с большим успехом, он служил «образцом» для других преподавателей (Там же. Л. 263–263 об.).

ко мало меня интересовали, но и давались с трудом — особенно математика!»¹² Это подтверждается его аттестатом зрелости 3 июня 1906 г. Так, он обнаружил перед педагогическим советом «отличные» познания в русском языке и словесности, истории, немецком, латинском и греческом языках; «хорошие» — в физике и математической географии и «удовлетворительные» — в математике¹³.

Как вспоминал двоюродный брат М.М. Карповича М.Г. Калашников, в свободное от гимназических занятий время и в отсутствие отца Мишуня вместо отдыха и игр занимался литературой, лингвистикой и историей: «Сразу было видно, что из него выйдет ученый». Карманы Карповича были набиты бумажками, на которых были выписаны значения русских и иностранных слов, мало употреблявшихся в разговоре. И когда среди взрослых возникал спор о значении какого-либо слова, то Мишуня опрокидывал из карманов на стол ворох этих бумажек и моментально давал исчерпывающую справку. В обычных детских шалостях (обследование крыш, чердаков, деревьев) он принимал мало участия [Калашников 2005, с. 213]. Зато, по свидетельству мамы Мишеньки Марии Евгеньевны Пресняковой, гимназисты, увлекавшиеся шарадами, собирались именно у него, поскольку Михаил был на них очень изобретателен¹⁴.

По признанию М.М. Карповича, преимущественный интерес к истории в нем развился очень рано, в значительной степени под влиянием гимназического преподавателя истории Георгия Николаевича Гехтмана (1870–1956) — «отличного педагога». Пример дяди, историка А.Е. Преснякова, роли не играл, так как Михаил встретился с ним и познакомился с его работами уже после того, как выбрал для университетских занятий историко-филологический факультет Московского университета¹⁵. В.Ф. Эрн писал о Георгии Николаевиче: «Его влияние в смысле возбуждения самостоятельности мысли и интереса к серьезному исследованию — на весь класс было огромно»¹⁶ [Эрн 1993, с. 131]. Г.Н. Гехтман создал из старшеклассников гимназии историко-философский кружок, членами которого были П.А. Флоренский, А.В. Ельчанинов, М.М. Асатиани, В.Ф. Эрн. Его участники обсуждали религиозные, философские и этические вопросы. Именно Георгий Николаевич привил своим любимым ученикам особый стиль общения «учитель — ученик», столь свойственный русской педагогике, который можно назвать «кружковством». Одним из принципов его является шефство старших учеников над младшими [Шутова 2006, с. 194–195]. Этот принцип прекрасно воплощал в жизнь Александр Викторович Ельчанинов. Будучи вторым сыном в семье, рано

¹² Архив ДРЗ. Ф. 209. Автобиография М.М. Карповича. Л. 1.

¹³ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 24–24 об.

¹⁴ Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 10. Л. 4. Мария Евгеньевна напомнила об этом сыну в письме к нему от 13 января 1934 г.

¹⁵ Архив ДРЗ. Ф. 209. Автобиография М.М. Карповича. Л. 1.

¹⁶ Уроженец Кутаиси и выпускник Харьковского университета, с 1895 г. Г.Н. Гехтман преподавая в различных учреждениях Тифлиса литературу, историю и географию. Считается основателем экономической и географической наук в Грузии. С 1920-х гг. заведовал кафедрой экономической географии в Тифлисском государственном университете, с 1923 по 1930 г. был директором Государственной публичной библиотеки Грузии, которой завещал свое книжное собрание.

*Александр Викторович Ельчанинов
(1881–1934). Тифлис. 1900. ЦГИА
СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37298. Л. 24а*

потерявшей кормильца¹⁷, он давал частные уроки, а кроме того, занимался с младшими учениками гимназии, в том числе с Михаилом Карповичем. Они сблизились в 1900 г., когда Миша был во втором классе гимназии, а Александр в выпускном. «У нас в гимназии был такой обычай, что ученики старших классов на переменах по очереди присматривали за младшими. Для большинства из старших это была <...> скучноватая обязанность. <...> Разительным исключением был Саша Ельчанинов. Он умел подойти к нам, как никто другой, и относились мы к нему как ни к кому другому» [Карпович 1935, с. 25–26]. Александр приобрел огромный авторитет для целой группы мальчиков и девочек — товарищей по гимназии и их сестер. Образовалось особое детское содружество «ельчаниновцев». «Ему можно было сказать о том, чего никому другому не доверил бы. У него можно было искать разрешения разных сомнений и советов в трудных случаях жизни», — вспоминал Михаил Карпович [Карпович 1935, с. 27]. А.В. Ельчанинов обсуждал с детьми новые книги, беседовал на различные темы и даже ходил в походы [Калашников 2005, с. 216–219]. Для мальчиков он был старшим товарищем, с которым было не только интересно, но и весело. М.М. Карпович помнил, как на гимназическом дворе и городских полянах он играл с ними в футбол [Карпович 1935, с. 28].

Александр Викторович, взращивавший естественные интересы и склонности своих учеников, стал литературным наставником Михаила: «Благодаря ему я еще в гимназические годы мог по-настоящему подойти к русским классикам и <...> приобщиться к тем <...> мирам литературного творчества, которые лежали за пределами школьной программы»¹⁸. По признанию историка, Александр дал ему первоначальное «философское воспитание» и обучил «культуре слова» [Карпович 1935, с. 28–30].

М.М. Карпович знал, что ближайшими друзьями А.В. Ельчанинова были его одноклассники П.А. Флоренский и В.Ф. Эрн, помнил их обоих гимназистами. Но близко они не общались, так как, в отличие от Александра, ни у того ни у другого не было особого стремления сблизиться с детьми. Флоренского Михаил запомнил как «застенчивого, молчаливого и погруженного в себя юношу». А Эрн

¹⁷ Отец Николая (1879–?), Александра (1881–1934) и Бориса (1886–?) Виктор Яковлевич Ельчанинов (1850–1893), подполковник Лорийского резервного пехотного полка, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., скончался в 43 года от гангрены ноги. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37298. Л. 9, 11–11 об; Д. 34881. Л. 8 об.

¹⁸ В частности, А.В. Ельчанинов привлек внимание учеников к творчеству Владимира Соловьева.

казался ему «довольно строгим и внешне торжественным» [Карпович 1935, с. 29].

Общение Карповича с Александром Викторовичем не прервалось и после того, как он окончил гимназию и поступил в 1900 г. на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета¹⁹. Настоящими праздниками для Михаила и других мальчишек были его приезды в Тифлис на рождественские каникулы или летом. Тогда начинались разговоры обо всем пережитом во время разлуки и долгое хождение по улицам города в вечерние часы, с классическим русским провожанием друг друга от дома до дома [Карпович 1935, с. 30]. Карпович любил навещать своих друзей. Самым близким из них был одноклассник по гимназии Леонид Александрович Захаров (1888–1960-е), сын статского советника, художника, учителя рисования и чистописания Тифлисского реального училища Александра Васильевича Захарова. С 1906 г. они будут вместе учиться и на исто-

*Леонид Александрович Захаров
(1888–1960-е). Тифлис. 1906. ЦГАМ.
ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 609.
Л. 15*

рико-филологическом факультете Московского университета. В 1908 г. Л.А. Захаров, потерявший родителей, будет даже усыновлен мамой Карповича Марией Евгеньевной и станет постоянно жить с ней и ее мужем И.П. Ямпольским. А в гимназический период Леонид Александрович жил в квартире отца по адресу: улица Ивана Крылова (сегодня носит имя композитора Джансуга Кахидзе), дом 6²⁰. Этот дом, в котором Карпович был постоянным гостем, прекрасно сохранился. Сегодня его занимают грузинская фольклорная школа и адвокатская контора.

Другим часто посещаемым приятелем Михаила, учившимся в Тифлисском реальном училище, был Владимир Александрович Гурко (1887–1931). Годы спустя он станет известным советским историком-востоковедом, заведующим отделом Востока Кавказского отделения РОСТА, одним из организаторов Всероссийской научной ассоциации востоковедения, профессором Ленинградского университета и заместителем главного редактора журнала «Новый Восток» [Тамашишвили 2008, с. 53, 58, 61, 65, 73]. Владимир жил на территории Михайловской больницы на Михайловском проспекте (ныне улица Давида Строителя, 58) вместе со сво-

¹⁹ А.В. Ельчанинов окончил Санкт-Петербургский университет в 1904 г., в 1911 г. вернулся в Тифлис и преподавал в гимназии В.А. Левандовского, в 1914–1920 гг. был ее директором. В 1921 г. эмигрировал через Константинополь во Францию, поселился в Ницце. В 1926 г. принял священство, служил в Николаевском соборе Ниццы. Был одним из создателей и руководителей Русского студенческого христианского движения. В 1934 г. был назначен в собор Александра Невского на ул. Дарю в Париже [Мнухин и др. 2008, с. 535; Флоренский, Шутова 2005, с. 144, 150].

²⁰ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 609. Л. 1, 6. О принятии в студенты А.В. Захарова.

*Дом 6 по улице Кахидзе (бывшая Крылова).
Современная фотография*

им отцом, дворянином, статским советником, главным врачом этого лечебного заведения, специалистом по тропическим болезням Александром Готфридовичем Гурко²¹. Эта больница, построенная архитектором Альбертом Зальцманом в 1865 г., была первым лечебным заведением Тифлиса²².

Последние гимназические годы стали для Карповича «временем политических увлечений». Источником информации о его революционной деятельности в молодые годы является 117-листное дело «О студенте М.М. Карповиче», хранящееся в фонде Московского охранного отделения Государственного архива РФ²³. Материалы из него начали вводиться в научный оборот [Горинов 2013, с. 222–225]. Из этого дела следует, что Тифлисское охранное отделение на-

блюдало за гимназистом Михаилом еще с 1904 г. Тогда он состоял в переписке с одним из членов партии эсеров²⁴.

По сведениям Тифлисского губернского жандармского управления, в 1905–1906 гг. Карпович являлся одним из главных руководителей тифлисской ученической организации партии социалистов-революционеров²⁵. В конце 1905 г. он был арестован и провел некоторое время в Метехской тюрьме-крепости²⁶. Она была возведена в 1819 г. из камней бывшего царского дворца на живописной Метехской скале. До 1917 г. в ней отбывал также заключение писатель А.М. Горький и многие другие революционеры. В 1959 г. тюрьму снесли. На ее месте осталась

²¹ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 322. Д. 488. Л. 3, 11. О принятии в студенты В.А. Гурко. Отец Владимира Александр Готфридович Гурко (1856–1919), выпускник медицинского факультета Московского университета (1881), с 1886 г. работал младшим ординатором Тифлисского военного госпиталя. В июне 1892 г. был командирован в бакинский лазарет для борьбы с холерной эпидемией, получил орден Св. Станислава III ст. за прекращение этой эпидемии. В январе 1897 г. занимался борьбой с чумой в Закаспийском крае. С марта 1897 г. старший ординатор терапевтического отделения Михайловской больницы в Тифлисе. С 1903 г. главный врач Михайловской больницы (Там же. Л. 4–11 об. Послужной список А.Г. Гурко).

²² Медицинское учреждение в этом историческом здании перестало функционировать в 2012 г. В одном из строений комплекса больницы сейчас располагается музей истории грузинской медицины.

²³ ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541. Подробнее о революционной деятельности Михаила Карповича см. [Горинов 2013].

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541. Л. 104, 115.

²⁵ Там же. Л. 87–87 об.

²⁶ Архив ДРЗ. Ф. 209. Автобиография М.М. Карповича. Л. 1.

только дворцовая церковь Успения XIII в. В 1967 г. перед храмом, над обрывом, возвысился конный бронзовый памятник основателю грузинской столицы царю Вахтангу Горгасали (440–502) [Джанберидзе, Мачабели 1981, с. 35–36; Хуцишвили 1983, с. 46–49; Свириденко 2015, с. 83–85].

В 1907 г. Карпович, по мнению тифлисской охраны, входил в руководство Военного союза тифлисской организации эсеров²⁷. А 15 января 1910 г. Михаил был обыскан и вновь арестован в Тифлисе за принадлежность к партии эсеров, ему воспрещено жительство в пределах Кавказского края сроком на 5 лет²⁸.

Он провел в Метехской тюрьме полтора месяца (январь–февраль 1910 г.). 22 ноября 1910 г. начальнику Московского охранного отделения пришло письмо от Николая Смирнова, бывшего помощника смотрителя этой тюрьмы, объясняющее столь малый срок заключения. Он сообщал, что Карповичу удалось выйти на свободу лишь потому, что он сумел предварительно уничтожить компрометирующую его переписку. Между тем Михаил Михайлович нарушил запрет на возвращение на Кавказ и находится в Тифлисе, по-прежнему принадлежит к «незаконному обществу» и не прерывает связей с находящимися под надзором полиции агитаторами²⁹.

В 1912 г. Михаил Викентьевич добился у кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова (1837–1916) официальной отмены для сына воспрещения въезда

*Михайловская больница.
Современная фотография*

*Церковь Успения
и памятник Вахтангу Горгасали
на месте Метехской тюрьмы.
Современная фотография*

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541. Л. 104, 115.

²⁸ Позднее, в октябре 1910 г., ограничение было сокращено до трех лет. Там же. Л. 48, 48 об., 81, 87, 104 об., 115 об.

²⁹ Там же. Л. 77–78 об.

Дом 16 по улице Чубинашвили. Современная фотография

на Кавказ ввиду слабого здоровья. С этого времени Михаил стал отходить от революционной деятельности [Горинов 2013, с. 224–225].

Еще осенью 1908 г. М.М. Карпович, будучи принят в Московский университет³⁰, не теряя интереса к общественно-политическим делам, сосредоточился на университетских занятиях. Он совмещал учебу со службой в редак-

ции московского журнала «Крестьянское дело» (в 1913 г. получил название «Колос», в 1914 г. — «Новый колос»)³¹. А летом, обычно в конце мая — первой половине июня, Михаил приезжал в Тифлис к своему отцу. В 1909–1914 гг. Михаил Викентьевич жил по-прежнему на Андреевской улице, но по другому адресу: снимал квартиру в доме своего коллеги, помощника начальника Службы материально-технического снабжения Закавказской железной дороги В.В. Грабовского (дом 16) [Калашников 2006, с. 171]³².

Этот дом хорошо сохранился. Здесь будущий историк готовился к экзаменам, занимался русской историей, читал научную, философскую и художественную литературу (Чарльза Диккенса; французского историка Фюстеля де Куланжа), работал для журнала «Колос»³³. Обо всем этом он подробно информировал в письмах своего университетского друга Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973), отношения с которым были очень доверительными³⁴. Именно в Тифлисе Карпович впервые познакомился со сборником статей о русской интеллигенции «Вехи» и глубоко проникся его идеями: «Это книга для меня написанная, почти мной написанная». Она понравилась ему тем, что он «услышал из авторитетных и талантливых уст подтверждение тому, что сам почувствовал» [Горинов, Сорокина 2014, с. 96].

³⁰ Карпович был впервые зачислен на историко-филологический факультет Московского университета в 1906 г., но в следующем году уехал в Париж заниматься в Сорбонне. В июне 1908 г. он вторично стал студентом этого университета.

³¹ Журнал для крестьян и сельской интеллигенции, выходивший два раза в месяц.

³² ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 12620. Л. 8; ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 23 об. (письмо М.М. Карповича Г.В. Вернадскому от 24 декабря 1909 г.); Л. 103 (21 мая 1913 г.); Л. 114 об. (6 июля 1914 г.).

³³ В 1914 г. Михаил Михайлович написал в Тифлисе статью о писателе А.П. Чехове: *Карпович М.М. Памяти Чехова: (К десятилетию со дня его смерти)* // Новый колос. 1914. № 13. С. 308–310.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 36–36 об. (письмо от 26 июня 1910 г.); Л. 32 (5 июля 1910 г.); Л. 29 (27 июня 1911 г.); Л. 39 (5 июня 1912 г.); Л. 13 (30 июля 1913 г.); Л. 114 (6 июля 1914 г.).

Михаил Михайлович любил заниматься в библиотеке Народного дома имени К.Я. Зубалова на пересечении Кирочной (Марджанишвили) и Великокняжеской (Узнадзе) улиц. Здесь он читал книги и журналы, которых не было в домашнем собрании³⁵. Сегодня Народный дом известен как Тбилисский академический театр имени К.А. Марджанишвили.

*Народный дом им. К.Я. Зубалова.
Современная фотография*

Но все-таки в летние месяцы Михаилу было в городе неуютно, поскольку царил невыносимая жара, часто мешавшая сосредоточиться для занятий³⁶. Он старался выбраться на отдых в Боржоми, Бакуриани, любил походы в горы. В письмах Г.В. Вернадскому он характеризовал Тифлис как «шумный, пыльный и суетливый»: «Никак не могу понять, почему в этом городе такая нервная жизнь. Вероятно, в самой природе тифлисской скрываются какие-то таинственные силы, которые действуют на психику возбуждающе и расстраивающе»³⁷.

Большой отрадой были приезжавшие в гости друзья: В.А. Гурко, литератор Анна Дмитриевна Шаховская (1889–1959), дочь князя Д.И. Шаховского (1861–1939), Анатолий Ксавериевич Бергер (1888–1962), будущий историк Античности, с которым Михаил играл в теннис³⁸. Летом 1914 г. Карпович ходил в тифлисский Новый клуб (Летний театр), располагавшийся на Дворцовой улице (Советская; ныне Цотнэ Дадияни) в доме 5. В нем собиралась русская и грузинская интеллигенция, читались доклады³⁹. Здесь его друг Владимир Гурко развлекал тифлисцев своими публичными лекциями [Аносов, Бондаренко 2018, с. 95]. «Он с треском подвизался в Тифлисе в мае и

*Дом 5 по улице Дадияни.
Современная фотография*

³⁵ Там же. Л. 40 (5 июня 1912 г.).

³⁶ Там же. Л. 18 об. (письмо от 3 августа 1909 г.); Л. 29–29 об. (27 июня 1911 г.); Л. 39 (5 июня 1912 г.).

³⁷ Там же. Л. 112 (письмо от 6 июля 1914 г.).

³⁸ Там же. Л. 30 (письмо от 27 июня 1911 г.); Л. 101 об. (27 июня 1913 г.); Л. 13 (30 июля 1913 г.).

³⁹ Сегодня в этом доме находится магазин компьютерной техники.

*Владимир Александрович Гурко (1887–1931).
Москва. 1908. ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418.
Оп. 322. Д. 488. Л. 26*

июне <...>. — писал Михаил Георгию Вернадскому. — Читал лекции — одну о грузинской культуре⁴⁰, где доказывал, что культура эта сплошь восточная и что историческое несчастье Грузии в том, что она, принявши христианство, неестественно оторвалась от Востока, а другую — о белой опасности⁴¹. Восточные народы были в восторге, носили Гурку на руках <...>» [Горинов, Сорокина 2014, с. 139].

В лекции «Культура Грузии и ее отношение к Востоку», прочитанной в Новом клубе 23 мая 1914 г., будущий востоковед выделил три основных элемента религиозного сознания древних грузин (картвельцев) — поклонение небесным светилам, почитание родоначальника племени Картлоса и дуализм⁴² — и установил их связь с явлениями религиозной жизни Востока [Гурко 1916, с. 45, 47, 68]. А в лекции «Белая опасность: Восток и Запад», прочитанной 3 июня того же года, он выразил тревогу за особую духовную культуру Востока, угрозу

гибели которой видел в проникновении в нее чуждых ей западных элементов⁴³.

В Грузии Михаил Михайлович встретил начало Первой мировой войны. В его письме Георгию от 20 июля 1914 г. хорошо передана особая атмосфера, связанная с мобилизацией. «В Тифлисе <...> встречаются заплаканные женские лица, слышатся разговоры о знакомых, которых “взяли в солдаты”. На вокзале расположились бивуаком солдаты, ожидающие отправления <...>. Все это непривычно и волнует каким-то двойственным волнением: то страшно делается, то вдруг чувствуешь какую-то непонятную острую радость от сознания, что начинается что-то огромное, неизбежное, знаменательное» [Горинов, Сорокина 2014, с. 142]. С осени 1914 г. М.М. Карпович работал помощником ученого секретаря Исторического музея в Москве, редактировал журнал «Новый колос», а в 1916 г. был на-

⁴⁰ «Культура Грузии и ее отношение к Востоку».

⁴¹ «Белая опасность: Восток и Запад».

⁴² Философское учение, признающее равными два начала: духовное и материальное.

⁴³ По мнению Гурко, ее уникальность состояла в следующих чертах: пренебрежение к практической жизни, стремление к одиночеству и созерцанию; метафизика, проповедующая о высшем, освобождающем знании; философские элементы в жизни, мышлении и искусстве [Тамашивили 2008, с. 34–35].

правлен на службу в Петроград в Военное министерство, где был секретарем Особого совещания по обороне государства [Горинов 2017, с. 80, 82]. Судьбу Михаила Михайловича после Февральской революции определила случайная встреча в апреле 1917 г. со знакомым по Тифлису Борисом Александровичем Бахметевым (1880–1951). Его отец, инженер-технолог Александр Павлович Бахметев, был другом Михаила Викентьевича Карповича. Крупный предприниматель и весьма состоятельный человек, Александр Павлович не жалел средств на воспитание сына. Борис окончил с золотой медалью 1-ю тифлисскую гимназию (1898), затем Институт инженеров путей сообщения в Петербурге (1903), стал профессором кафедры прикладной механики петербургского Политехнического института, товарищем министра торговли и промышленности Временного правительства (1917) [Будницкий 2000, с. 135–137, 139]. Назначенный на должность российского посла в США, он предложил М.М. Карповичу, которому безгранично доверял, стать его личным секретарем. В мае 1917 г. они отправились в Америку — как оказалось, навсегда [Болховитинов 2005, с. 48].

Однако Михаил Михайлович никогда не терял связей с остававшейся в России / СССР своей большой семьей — отцом, матерью, сестрой и другими родными — и до Второй мировой войны активно материально поддерживал их.

Сестра Михаила Карповича Наталья окончила в 1906 г., одновременно с братом, 2-ю тифлисскую женскую гимназию имени великой княгини Ольги Федоровны (Романовой). Она располагалась напротив 2-й тифлиской мужской гимназии, в доме № 59 по улице Великокняжеской (Узнадзе). В 1907–1908 гг. Наталья Михайловна состояла вольнослушательницей историко-филологического факультета Московского университета, в 1908–1909 гг. — слушательницей историко-философского факультета московских Высших женских курсов В.И. Герье⁴⁴.

В Москве она познакомилась с однокурсником брата Игорем Герасимовичем Терентьевым (1892–1937), будущим известным театральным режиссером, поэтом и художником-авангардистом, учившимся в те годы на юридическом факультете Московского университета, и в 1916 г. вышла за него замуж. Терентьевы уехали в Тифлис, где 11 октября того же года у них родилась дочь Татьяна [Горинов Сорокина 2016, с. 408].

2-я тифлисская женская гимназия.
Современная фотография

⁴⁴ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 12620. Л. 6 об., 7, 8.

В 1917–1921 г. столица образованной в мае 1918 г. независимой Грузинской Демократической Республики превратилась в своеобразный культурный оазис [Никольская 2000, с. 5]. После революционных событий 1917 г. в Грузии очутились многочисленные представители российской науки, культуры и искусства. В Тифлисе стали возникать новые театральные студии, литературные салоны и творческие объединения [Муханов 2018, с. 264, 274]. Игорь Терентьев стал одним из создателей футуристической литературной группы «41 градус» (1918). Он читал лекции в литературно-художественном кафе «Фантастический кабачок», аудитория которого состояла из поэтов и художников различных направлений, интересующихся новыми веяниями в искусстве. Здесь была открыта свобода всем поэтическим исканиям, поэтому заседания, на которых читались стихи и доклады, проходили оживленно и весело. «Фантастический кабачок» располагался в доме 12 Головинского проспекта (ныне — проспект Руставели), в помещении бывшей столярной мастерской⁴⁵ [Никольская 2000, с. 45, 57, 59–60; Муханов 2018, с. 281–284, 286]. На месте этого дома, сгоревшего в 1921 г., в 1934 г. было построено здание Министерства связи.

Терентьевы жили у Михаила Викентьевича Карповича, который с августа 1914 г. вновь снимал квартиру в доме 20 на Андреевской улице⁴⁶. Кроме того, в 1922 г. М.В. Карпович приютил у себя первую жену своего племянника Михаила Калашникова Софию с двумя дочерьми: Лелой и Верой [Калашников 2005, с. 208; Терентьева 2007, с. 19]. Михаил Викентьевич обрел в Тифлисе и свое личное счастье. Летом 1926 г. он женился на Марии Григорьевне Корш, урожденной Измировой, вдове врача П.П. Корша⁴⁷. Она стала жить здесь с дочерью от первого брака Маргаритой⁴⁸.

Михаил Викентьевич скончался 26 декабря 1927 г. от инфаркта и был похоронен в фамильном склепе Карповичей на Старом католическом кладбище Тифлиса, в районе Соллаки⁴⁹. Кладбище примыкало к улице Консульской (ныне Чайковского), но было уничтожено в 1930-х гг. [Калашников 2005, с. 203–204, 220]. Сегодня на его месте высятся жилые дома.

Если перед революциями 1917 г. Терентьевы уехали жить в Тифлис, то мать Карповича Мария Евгеньевна, ее второй муж и приемный сын Леонид Александрович Захаров жили по-прежнему в Петрограде.

15 июня 1917 г. И.П. Ямпольский был назначен помощником управляющего Отделом кустарной промышленности Министерства земледелия Временного правительства, скончался в 1919 г. [Горинов 2017, с. 80, 82]. А в 1926 г. М.Е. Пре-

⁴⁵ В конце XIX в. дом принадлежал князю Ивану Мухранбатони (Багратион-Мухранскому) (1812–1895), создавшему в Грузии первый винный завод по западным образцам. Здесь размещался Тифлисский аристократический клуб, место собраний грузинского дворянства.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 96, 107.

⁴⁷ До своей смерти в 1912 г. Петр Петрович Корш, коллежский советник, работал в Петербурге в Главном военно-медицинском управлении и Клиническом военном госпитале.

⁴⁸ Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 4. Л. 34 (письмо от 14 июня 1926 г.); Л. 42 об. (1 августа 1926 г.).

⁴⁹ В этом склепе упокоились все предки М.М. Карповича по отцовской линии, в том числе его теть Ядвига Викентьевна Карпович (1859–1903), врач по женским и детским болезням.

снякова и Л.А. Захаров тоже оказались в Тифлисе⁵⁰. На переезд их заставил решиться изнурительный тиф Леонида. Для излечения требовался теплый климат. Кроме того, Захарова, служившего канцелярским служащим в учреждениях Гостраха, угнетала невозможность устроиться на преподавательскую работу, а также улучшить свое материальное положение. Он надеялся устроиться секретарем Кавказского историко-археологического института либо в Государственную публичную библиотеку, которой заведовал бывший учитель 2-й тифлисской гимназии Георгий Гехтман, хорошо относившийся к Леониду с гимназических времен⁵¹. Обещал содействие и профессор М.А. Полиевктов⁵².

Преснякова и Захаров устроились у Людмилы Ивановны Дрбоглав, вдовы Иосифа Дрбоглава, директора 2-й тифлисской гимназии⁵³. Она жила на улице Василия Барнова (бывшей Гунибской), в доме № 52 (квартира 1), рядом с горой Мтацминда⁵⁴. Сегодня этот дом занимает китайское посольство. Хозяйка квартиры смогла

Дом 52 по улице Барнова (бывшая Гунибская).
Китайское посольство.
Современная фотография

предоставить только одну недорогую комнату (ее оплата обходилась в 5 рублей в месяц). Ее занял Леонид, но вскоре хозяйка подселила к нему студента-рабфаковца, который оказался крайне невоспитанным соседом. А Преснякова была вынуждена жить на веранде, на которую выходили двери комнат соседей, и ночевать на походной кровати. Чтобы не замерзнуть, зимой пришлось купить дорогую керосиновую печь. А летом мучила тропическая жара. Найти дешевую квартиру и даже комнату в другом доме советского Тифлиса было практически невозможно, поскольку все владельцы квартир требовали оплату за год вперед, что объяснялось здешним обычаем вовсе не платить за помещение. Марии Евгеньевне было

⁵⁰ Леонид Захаров прибыл в Тифлис в апреле 1926 г. В сентябре того же года к нему присоединилась Мария Евгеньевна.

⁵¹ Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 4. Л. 3 (письмо от 29 января 1926 г.); Л. 12–13 (21 марта 1926 г.); Л. 16 (1 апреля 1926 г.); Л. 29 (25 мая 1926 г.).

⁵² Полиевктов Михаил Александрович (1872–1942) — историк, археограф, кавказовед, представитель петербургской исторической школы, друг А.Е. Преснякова. Профессор Тифлисского государственного университета (с 1920), работал на факультете общественных наук Политехнического техникума (1920–1924), в Центральном государственном историческом архиве Грузии (1925–1934). Подготовил к изданию «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615–1640» (Тбилиси, 1937). Сегодня в Тбилиском государственном университете существует созданная Михаилом Александровичем кафедра истории России, а с 1995 г. функционирует лаборатория по изучению истории русско-грузинских отношений имени профессора М.А. Полиевктова [Жужунашвили 2003, с. 386, 391; Сулаберидзе 2006, с. 69–70].

⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 540. Л. 266. Людмила Ивановна Дрбоглав, урожденная Шрамак, дочь Ивана Федоровича Шрамека (1818–1884), писателя, директора 5-й петербургской гимназии с 1872 г., статского советника.

⁵⁴ Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 4. Л. 29 (письмо от 25 мая 1926 г.); Л. 44 (1 августа 1926 г.).

непривычно и то, что на улицах была редко слышна русская речь, хотя во всех лавках и учреждениях русский язык знали⁵⁵.

При этом природа Тифлиса ее восхищала: «Нравится синее небо и яркое солнце при умеренной жаре днем и прохладе ночью, нравится сухой и легкий воздух, нравятся горы, его окаймляющие <...> и лунные ночи»⁵⁶. Она наслаждалась грузинской кухней и радовалась восстановленному здоровью Леонида, но беспокоилась за его неудачи в трудоустройстве. Его знакомые не смогли сдержать своих обещаний и найти то место работы, которое он желал. Надежды на Полиевктова и Гехтмана оказались напрасными. Им не позволили увеличить штаты сотрудников. Не смог выручить даже Николай Викторович Ельчанинов, старший брат гимназического наставника Александра Ельчанинова⁵⁷, заведовавший в Тифлисе русскими школами. Однажды он направил Леонида в лекционное бюро, где ему прямо сказали, что сейчас никто не интересуется истоками русской истории или эпохой Возрождения, а все жаждут современности⁵⁸.

В декабре 1926 г. Л.А. Захаров начал работать в тифлисской Комиссии по выработке программы по борьбе с неграмотностью, состоявшей в ведении Политпросвета. Кроме того, обучал грамоте рабочих кожевенного завода в районе Ортачалы и давал частные уроки⁵⁹. Он собрал нужную сумму денег для улучшения жилищных условий и в мае 1927 г. переехал с Пресняковой в район Чугурети. Они поселились в доме теток Захарова, сестер Елизаветы Константиновны и Ольги Константиновны Рахманиных, расположенном по адресу: улица Клары Цеткин (бывшая Елизаветинская), дом № 57 (в наше время — № 55)⁶⁰. Сегодня улица носит имя терапевта Михаила Цинамдзгвришвили. Дом представляет собой бывший особняк. Они заняли в нем помещение бывшей людской комнаты⁶¹. Жилище было небольшим (32 кв. метра), но светлым и уютным. Комната имела отдельный вход, что позволяло избегать встреч с соседями. Окна выходили во двор с цветочной клумбой, засаженный старыми тенистыми деревьями. Цена за жилье была невысокой (10 рублей в месяц). В феврале 1928 г. Захаров и Пресняко-

⁵⁵ Там же. Папка 4. Л. 54 об.–55 (письмо от 22 сентября 1926 г.); Л. 57–57 об. (17 октября 1926 г.); Л. 60–60 об. (7 ноября 1926 г.); Л. 63 об. (3 декабря 1926 г.); Папка 3. Л. 5 (21 января 1927 г.).

⁵⁶ Там же. Папка 4. Л. 54 (письмо от 22 сентября 1926 г.).

⁵⁷ Ельчанинов Н.В. (1879–?) в 1898 г. окончил 2-ю тифлискую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В марте 1899 г. был отчислен за участие в студенческих беспорядках. В январе 1900 г. был восстановлен в университете, окончил в 1903 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34881. Личное дело Н.В. Ельчанинова).

⁵⁸ Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 4. Л. 57–58 (письмо от 17 октября 1926 г.); Папка 3. Л. 6 (21 января 1927 г.); Л. 8 об. (29 января 1927 г.).

⁵⁹ Там же. Папка 4. Л. 66 (письмо от 15 декабря 1926 г.); Папка 3. Л. 13 (7 марта 1927 г.); Л. 18 об. (3 апреля 1927 г.); Л. 22 (21 апреля 1927 г.). В октябре 1927 г. Леониду Александровичу удалось с помощью педагога И.Д. Метравели устроиться преподавателем русского языка и литературы в двух средних школах Тифлиса (в районах Авлабар и Навтлуг), также состоявших в ведении Политпросвета (Там же. Папка 3. Л. 45 (1 октября 1927 г.); Л. 59 (19 января 1928 г.); Л. 69 (7 марта 1928 г.)).

⁶⁰ Там же. Папка 3. Л. 26 (письмо от 2 июня 1927 г.).

⁶¹ Людская — помещение для слуг при барском доме.

ва сняли смежную с их комнатой кухню, и оплата удвоилась⁶². Сестры Рахманины были людьми милыми, внимательными и тактичными. Мария Евгеньевна испытывала чувство удовлетворения от того, что рассталась с бывшей хозяйкой Людмилой Дрбоглав, которая отличалась отсутствием душевного такта, властолюбием и требовала от своих жильцов такого же повиновения, как когда-то от сторожей 2-й тифлисской гимназии, бывших у нее на побегушках. Рядом с домом, на углу с улицей Кирочной, находились кинотеатр, почта и прекрасная дешевая кондитерская, куда приезжали даже из других районов. Было много столовых, где Леонид и Мария Евгеньевна часто обедали, чтобы не готовить самим⁶³.

Они прожили в этом районе более пяти лет. В марте 1932 г. они были вынуждены вновь сняться с места. Рахманины продали свой дом тифлисскому горисполкому⁶⁴, который устроил в нем показательную молочную кухню для питания грудных детей, а жильцам предстояло выселение⁶⁵. Захаров и Преснякова были переселены в район Сололаки, бывшую цитадель крупной буржуазии. Здесь до 1917 г. жили Сараджевы, основатели винного и коньячного производств; Мирзоевы и Тамашевы, владевшие серными банями; Манташевы, хозяева торговых рядов и нефтепромыслов; Питоевы, построившие театральные здания. И сегодня на улицах Сололаки респектабельные трех- и четырехэтажные доходные дома с роскошными квартирами чередуются с особняками, рассчитанными на одну семью. Леонид Александрович и Мария Евгеньевна получили комнату на втором этаже благоустроенного трехэтажного дома № 19 (квартира № 5) по улице Гановской (сегодня улица Га-

*Дом 55 по улице Цинамдзгвришвили
(бывшая Елизаветинская).
Современная фотография*

*Дом 19 по улице Табидзе
(бывшая Гановская).
Современная фотография*

⁶² Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 3. Л. 26–26 об. (письмо от 2 июня 1927 г.); Л. 27–27 об. (7 июня 1927 г.); Л. 62 (9 февраля 1928 г.).

⁶³ Там же. Л. 30 (письмо от 18 июня 1927 г.); Л. 34 об., 36 (28 июля 1927 г.).

⁶⁴ Исполнительный комитет городского Совета народных депутатов.

⁶⁵ Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 11. Л. 84 об. (письмо от 11 января 1932 г.); Л. 92 (24 февраля 1932 г.); Л. 94 (7 марта 1932 г.).

лактиона Табидзе, или просто Галактиони). Они были довольны новыми условиями. В комнате были высокие потолки, электрическое освещение и деревянные полы, она отличалась безукоризненной чистотой и выходила на галерею, с которой была видна гора Мтацминда⁶⁶. «Мы выиграли от перемены жилища и в смысле удобства, и в гигиеническом отношении, — вспоминала Мария Евгеньевна. — <...> Я стала гораздо лучше выглядеть благодаря возвышенному положению Сололак и горному воздуху <...>»⁶⁷. Единственным недостатком было наличие шумных и голосистых соседей на третьем этаже. Рядом с домом находились Центральный рынок и площадь Свободы, от которой во все концы города ходили трамваи. Леониду стало удобнее добираться до работы⁶⁸.

Тем не менее Захаров и Ямпольская были непосадами, в их жизни немалую роль играла «охота к перемене мест». Одним из факторов, побудивших их покинуть Грузию, стало отсутствие новых впечатлений: «Мы оба за семилетнее сидение в Тифлисе закисли <...>»⁶⁹. Мария Евгеньевна соскучилась по дочери Наталье, жившей в то время с мужем в Москве. Но главным мотивом для отъезда явилось отсутствие для Леонида перспектив для дальнейшего карьерного роста. На его пути встали «коммунизация и грузинофикация». Должности директоров школ могли занимать только коммунисты. Кроме того, было необходимо знание грузинского языка⁷⁰. Захаров не хотел соответствовать этим требованиям.

В сентябре 1935 г. Мария Евгеньевна и Леонид Александрович вернулись в Центральную Россию и поселились в подмосковном городе Пушкино. Захаров устроился преподавателем истории в 38-ю школу Ленинского района Москвы. С сентября 1936 г. они жили в Москве, где Мария Евгеньевна скончалась в апреле 1937 г. [Горинов, Сорокина 2016, с. 409].

Таким образом, тифлисская «география» историка Михаила Карповича оказалась очень обширной. Поездка в Тбилиси в 2017 г. показала, что в грузинской столице сохранилось больше связанных с его жизнью объектов, чем предполагалось в начале исследования: не только родительский дом и гимназия, но и адреса друзей, места проведения досуга. И они в основном сохранили первоначальный вид. Благодаря документам фонда М.М. Карповича из архива ДРЗ удалось найти и дома, где жила мама историка Мария Евгеньевна Преснякова-Ямпольская.

Огромное значение для М.М. Карповича имела его учеба во 2-й тифлисской гимназии, которая пробудила в нем острый и прочный интерес к истории, литературе и иностранным языкам, заложила основы для дальнейшего обучения в Московском университете и предопределила дальнейший жизненный путь. А тифлиссские контакты стали ключевыми для его биографии.

⁶⁶ Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 11. Л. 94 (7 марта 1932 г.); Л. 95–95 об. (8 марта 1932 г.).

⁶⁷ Там же. Л. 100 (17 апреля 1932 г.).

⁶⁸ Там же. Л. 95 об. (8 марта 1932 г.); Л. 100 об. (17 апреля 1932 г.).

⁶⁹ Там же. Папка 10. Л. 12 (письмо от 17 февраля 1934 г.).

⁷⁰ Там же. Папка 3. Л. 40 (письмо от 5 сентября 1927 г.); Л. 116 (12 октября 1928 г.); Л. 126 (26 ноября 1928 г.); Папка 10. Л. 60 (5 октября 1934 г.).

Фотоматериалы, представленные в данной работе, позволяют пройти по следам историка, представить детский и юношеский периоды его жизни, время его взросления, окунуться в атмосферу дореволюционной и советской Грузии. Было бы неплохо увековечить память М.М. Карповича и установить в Тбилиси памятные таблички на домах, связанных с его семьей. Возможно, данная статья могла бы послужить основой для составления нового историко-культурного маршрута «Русские адреса Тифлиса», который будет интересен специалистам по истории Грузии и российского зарубежья.

Выражаю глубокую признательность М.Ю. Сорокиной за идею настоящей публикации. Приношу искреннюю благодарность грузинским коллегам: гиду Хатуне Кикнадзе — за ценную информацию о смене названий тбилисских улиц и экскурсоводу из Тбилиси Тариелу Табашидзе — за предоставленные фотографии, консультации и заинтересованное содействие.

Сокращения

Архив ДРЗ — архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦГАМ. ОХД до 1917 — Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г.
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Литература

- Аносов, Бондаренко 2018 — *Аносов Д.Ф. Бондаренко А.Ф. Мастера российской историографии: Владимир Александрович Гурко-Кряжин (1887–1931) // Исторический архив. 2018. № 1. С. 92–107.*
- Баркава, Долидзе 1977 — *Баркава М.И. Долидзе Э. Георгий Чубинашвили (1885–1973). Тбилиси: Мецниереба, 1977. 107 с.*
- Болховитинов 2005 — *Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 139 с.*
- Будницкий 2000 — *Будницкий О.В. Б.А. Бахметев — посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134–166.*
- Горинов 2013 — *Горинов М.М. Документальные материалы московских архивов как источник сведений по биографии М.М. Карповича // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 221–230.*
- Горинов 2017 — *Горинов М.М. Революционные события 1917 года по письмам М.Е. Пресняковой-Ямпольской М.М. Карповичу: (Из архива Дома русского зарубежья) // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья: Междунар. науч.-просветительская конф. Москва, 26–28 октября 2017 года / сост. М.Ю. Сорокина. М.: Вифсаида: ДРЗ им. А. Солженицына, 2017. С. 79–95.*
- Горинов, Сорокина 2014 — *«Мы живем в совсем особенной атмосфере...»: Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909–1917 г. / предисл., публ. и коммент. М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // Новый журнал. 2014. № 274. С. 92–156.*

- Горинов, Сорокина 2016 — «Мы люди разных миров»: Письма М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу (1923–1936 гг.) / публ., вступ ст. и коммент. М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М., 2016. С. 406–440.
- Гулиашвили 2014 — Архимандрит Антоний (Гулиашвили). «День священника» и другие грузинские рассказы. М.: Сретенский монастырь, 2014. 127 с.
- Гурко 1916 — *Гурко В.А.* Культура Грузии и ее отношение к Востоку. Тифлис: Тип. «Картли», 1916. 86 с.
- Джанберидзе, Мачабели 1981 — *Джанберидзе Н.Ш. Мачабели К.Г.* Тбилиси. Мцхета. М.: Искусство, 1981. 255 с.
- Жужунашвили 2003 — *Жужунашвили Г.Д.* Теплота и любовь, привезенные из Петрограда в Тбилиси: (Памяти профессора М.А. Полиевктова) // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга / авт.-сост. В.В. Парцвания. СПб.: LOGOS, 2003. С. 385–391.
- Зейде 2008 — *Зейде А.* Михаил Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. № 253. С. 123–139.
- Калашников 2005 — *Калашников М.Г.* Минувшее / публ. К. Ясновой // Новый журнал. 2005. № 241. С. 190–232.
- Калашников 2006 — *Калашников М.Г.* Минувшее / публ. К. Ясновой // Новый журнал. 2006. № 242. С. 147–173.
- Карпович 1935 — *Карпович М.М.* Юношеские годы отца Александра: (Воспоминания друга) // Памяти отца Александра Ельчанинова. Париж, 1935. С. 25–31.
- Карпович 2012 — *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века) / пер. с англ. А.И. Кырлежева, Е.Ю. Моховой; вступ. ст. Н.Г.О. Перейры, предисл. С.М. Карповича; примеч. П.А. Трибунского. М.: Русский путь, 2012. 352 с.
- Квириквелия 1984 — *Квириквелия Т.Р.* Архитектура Тбилиси. М.: Стройиздат, 1984. 311 с.
- Мнухин и др. 2008 — Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биограф. слов.: в 3 т. / под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1: А–К. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. 796 с.
- Муханов 2018 — *Муханов В.М.* Грузинская Демократическая Республика: от первых дней независимости до советизации. М.: МГИМО-Университет, 2018. 886 с.
- Никольская 2000 — *Никольская Т.Л.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с.
- Перейра 2012 — *Перейра Н.Г.О.* Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М.: Русский путь, 2012. С. 7–23.
- Привалова 1973 — *Привалова Е.Л.* Слово об учителе // Литературная Грузия. 1973. № 4. С. 89–90.
- Свириденко 2015 — *Свириденко О.Н.* Тбилиси за неделю: Путеводитель. СПб.: Свое издательство, 2015. 174 с.
- Сулаберидзе 2006 — *Сулаберидзе Ю.С.* М.А. Полиевктов и его личный фонд в Центральном государственном историческом архиве Грузии // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв.: сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 69–76.
- Тамазишвили 2008 — *Тамазишвили А.О.* Владимир Александрович Гурко-Кряжин: судьба бойца «востоковедного фронта» // Неизвестные страницы отечественного востоковедения / сост. В.В. Наумкин (отв. ред.). Вып. 3. М.: Вост. лит., 2008. С. 32–136.
- Терентьева 2007 — *Терентьева Т.И.* Долгая, быстрая жизнь. М.: Фолиум, 2007. 82 с.
- Ульрих 2013 — *Ульрих Ю.* Лев Каменев — умеренный большевик: Судьба профессионального революционера / пер. с нем. А.А. Ждановской. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 304 с.

- Флоренский 1988 — *Флоренский П.А.* Автобиография (1927 г.) / публ. М.С. и А.С. Трубачевых и П.В. Флоренского // Наше наследие. 1988. № 1. С. 74–78.
- Флоренский, Шутова 2005 — *Флоренский П.В. Шутова Т.А.* П.А. Флоренский, А.В. Ельчанинов. На пути создания православной педагогики // Новый журнал. 2005. № 241. С. 140–152.
- Хуцишвили 1983 — *Хуцишвили Г.И.* Тбилиси через века и годы. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1983. 199 с.
- Шутова 2006 — *Шутова Т.А.* Флоренский и Ельчанинов: из Афин к Иерусалиму Небесному // Вестник Русского христианского движения (Париж; Нью-Йорк; Москва). 2006. № 190. С. 192–208.
- Эрн 1993 — В.Ф. Эрн: новые документы и материалы / публ. и коммент. В.А. Волкова и М.В. Куликовой // Начала. 1993. № 3. С. 129–137.

«РУССКАЯ ПРАГА ДЛЯ МЕНЯ ТЕПЕРЬ
ДАЛЕКО НЕ БЕЗРАЗЛИЧНА»:
ПИСЬМА М.М. КАРПОВИЧА А.Ф. ИЗЮМОВУ
(1929–1939 гг.)

*Публикация, вступительная статья и комментарии М.М. Гофинова-мл.,
М.Ю. Сорокиной; подготовка текста М.М. Гофинова-мл.*

Переписка Михаила Михайловича Карповича (1888–1959) с Александром Филаретовичем Изюмовым (1885–1950), представляющая собой эпистолярный диалог двух известных историков на протяжении межвоенного десятилетия (1929–1939), хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Написанные по разные стороны Атлантики, в США и Чехословакии, Кембридже и Праге, письма отложились в личном фонде А.Ф. Изюмова, который в составе коллекций Русского заграничного исторического архива (РЗИА) после окончания Второй мировой войны был перевезен из Праги в Советский Союз. Этот источник почти неизвестен широкому кругу исследователей, он цитировался только в монографии В.Ю. Волошиной [Волошина 2010, с. 67–68, 73, 120]. Между тем информационный и содержательный потенциал этого эпистолярного комплекса весьма важен для понимания профессиональных и личных отношений не только между М.М. Карповичем и А.Ф. Изюмовым, но и для воссоздания всего коммуникативного пространства исторического сообщества русского зарубежья межвоенного периода XX в.

Казалось бы, этой проблематике посвящена уже значительная исследовательская литература; отметим, что еще в СССР ее пионерами были известные историки, профессора В.Т. Пашуто (1918–1983) и Л.П. Лаптева (1926–2016), собравшие и опубликовавшие первые значительные обзоры исторического сообщества русской эмиграции [Лаптева 1979; Пашуто 1992]. Их усилия были поддержаны коллегами постперестроечной России; особенно активно изучались и издавались документы по истории русской исторической мысли в Чехословакии, меньше — в Германии, Франции, Югославии, США. Однако современная российская историография затрагивает прежде всего идейные искания русских историков-эмигрантов и фокусирует внимание на их практиках преимущественно внутри одного географического и/или институционального локуса. Многослойные и нередко конфронтационные внутрикорпоративные связи исторического сообщества в изгнании, как правило, пока остаются малоизученными.

Почти ровесники, Михаил Карпович и Александр Изюмов фактически одновременно учились на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета у одних и тех же профессоров, прежде всего у В.О. Ключевского, и могут быть названы представителями московской исторической школы. Однако после окончания университета их пути разошлись. Тем интерес-

нее сравнить траектории их так по-разному сложившихся профессиональных карьер и личных судеб в общем контексте становления и развития русского исторического сообщества в эмиграции.

В предреволюционные годы М.М. Карпович служил помощником ученого секретаря в Историческом музее Москвы и редактировал журнал «Новый колос» [Горинов, Сорокина 2014]. В январе 1916 г. он был мобилизован и направлен на службу в Военное министерство в Петрограде, где состоял секретарем Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Жизнь Карповича радикально изменилась после того, как в мае 1917 г. Б.А. Бахметев (1880–1951), знакомый семьи Карповичей еще по Тифлису, предложил Михаилу Михайловичу поехать с ним в качестве секретаря в США, куда он был назначен послом. Таким образом, Карпович оказался за океаном в составе дипломатической миссии еще до начала Гражданской войны, совершенно не предполагая, что покидает Россию навсегда. В 1927 г. он получил приглашение Гарвардского университета прочесть курс русской истории и затем несколько десятилетий преподавал здесь, став профессором, заведующим Славянским департаментом университета и основателем авторитетной школы американских историков-русистов [Раев 1992; Раев 1995; Болховитинов 2005; Горинов, Сорокина 2016, с. 406–407].

А.Ф. Изюмов¹, родившийся в семье священника, окончил Костромскую духовную семинарию (1901–1907)², а в 1914 г. и историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени³. Подго-

*Михаил Михайлович Карпович.
Москва. 1912. ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 1.
Д. 14972. Л. 1. Публикуется впервые*

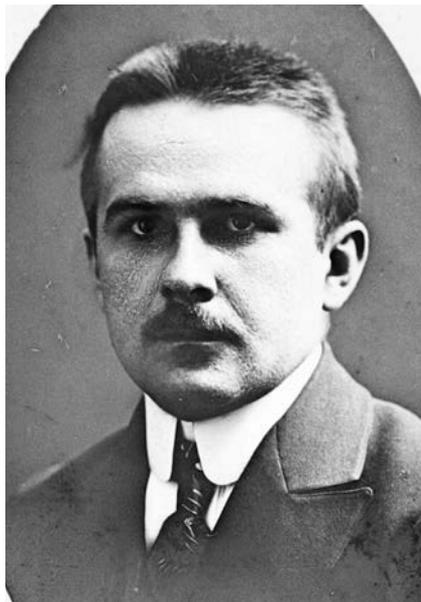

*Александр Филаретович Изюмов.
Москва. 1907. ЦГАМ. ОХД до 1917.
Ф. 418. Оп. 321. Д. 739. Л. 10*

¹ В последние три десятилетия появилось значительное количество публикаций об А.Ф. Изюмове в связи с деятельностью существовавшего в 1923–1945 гг. в Праге Русского заграничного исторического архива, одним из руководителей которого он был, см.: [Пашуто 1992, с. 228–229; Павлова 1996; Хорхордина 2003, с. 345–351; Петрушева 2012; Шумейко 2013; Бухерт 2017]. Тем не менее научная биография Изюмова далеко не изучена, и переписка с М.М. Карповичем способна существенно восполнить этот пробел.

² ЦГАМ. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 321. Д. 739. Л. 2–2 об.

³ Там же. Л. 27.

*Александр Филаретович Изюмов.
Москва. 1913. ЦГАМ. ОХД до 1917.
Ф. 418. Оп. 321. Д. 739. Л. 24*

товку к магистерскому экзамену по русской истории он начал у профессора М.К. Любавского (1860–1936), но также, как и М.М. Карпович, вынужден был прервать обучение в связи с призывом на военную службу в действующую армию, где пробыл до марта 1918 г. В дальнейшем Изюмов работал на историко-архивном поприще — старшим инспектором в Главном управлении архивным делом и участвовал в спасении от разграбления и гибели многих архивов и библиотечных собраний [Шумейко 2013, с. 233]. Одна из таких акций по исполнению профессиональных обязанностей и привела к его первому аресту в 1921 г. Летом этого года историк-архивист был командирован в Кирилло-Белозерский монастырь для возвращения в Москву хранившихся там документов Министерства иностранных дел, ранее эвакуированных из Петрограда. Из-за нескольких поврежденных при перевозке ящиков Изюмов угодил в ЧК, но был освобожден. Тем не менее с архивной службы его уволили в апреле 1922 г., а 16 августа арестовали и постановлением Президиума ГПУ от 25 августа определили к высылке за границу [Высылка вместо расстрела 2005, с. 174], куда А.Ф. Изюмову и пришлось уехать 26 сентября того же года⁴.

Первоначально историк осел в Берлине (Германия), где служил при Русском научном институте, читая здесь курс по русской истории и проводя практические занятия со слушателями⁵. Уже в 1924 г. опытный архивист был приглашен Земгором заведовать отделом документов РЗИА в Праге (Чехословакия), однако ввиду политических разногласий, сопровождавших формирование архива, вернулся в Берлин. Все же в октябре 1925 г. по приглашению председателя Ученого совета РЗИА профессора А.А. Кизеветтера (1866–1933), на курсе которого Изюмов учился в Московском университете, он переехал в Прагу и занял должность заведующего отделом документов РЗИА [Павлова 1996, с. 30–31; Волошина 2010, с. 71–72]. С этого момента вся профессиональная жизнь историка-архивиста в эмиграции была посвящена этому архиву, который обязан ему и своим комплектованием, и разработкой основных нормативных документов [Павлова 1996, с. 30–31].

В январе 1934 г. А.Ф. Изюмов был назначен заместителем управляющего РЗИА, одновременно продолжая заведовать отделом документов и являясь чле-

⁴ Отметим, что еще в июне 1917 г. А.Ф. Изюмов был избран членом ЦК Трудовой народно-социалистической партии.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

ном Совета и Ученой комиссии архива [Ковалев 2012, с. 226; Белошевская 2011, с. 423]. Фактически именно он определял и направлял всю профессиональную, архивную, деятельность РЗИА, который юридически подчинялся МИД Чехословакии. Многие годы А.Ф. Изюмов был членом правления Русского исторического общества в Праге, Вшенорско-Мокропсинского русского клуба, состоял в издательском товариществе «Единство» и в Обществе друзей русского очага. Следствием высокого авторитета в среде русских эмигрантов явилось его избрание в декабре 1931 г. секретарем правления Союза русских писателей и журналистов в ЧСР [Белошевская 2011, с. 423]⁶. Супруга историка — Александра Степановна, учительница, также была видным общественным деятелем русской Праги, членом Общества взаимопомощи русских женщин в Чехословакии и членом правления Общества попечения о русских детях в ЧСР⁷.

В отличие от М.М. Карповича, который весьма трезво оценивал свои шансы вернуться в Россию, где оставалась его мать и многие родственники, А.Ф. Изюмов был склонен, по мнению В.Г. Бухерта, рассматривать свою работу в Праге как длительную служебную командировку и никогда не порывал внутреннюю связь с родиной, где у него остались приемная дочь Елена и внуки [Бухерт 2017, с. 428]. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что он сохранил свой вывезенный из советской России паспорт и советское гражданство и вследствие этого 23 июня 1941 г. был арестован немецкими оккупантами и отправлен в лагерь для интернированных советских граждан в Вильцбурге (под Нюрнбергом). И хотя режим этого лагеря был сравнительно мягким, только за первые три месяца пребывания в нем А.Ф. Изюмов потерял в весе двадцать пять килограммов, а пробыл он там почти четыре года⁸ [Бухерт 2017, с. 428].

Из лагеря А.Ф. Изюмов был освобожден американскими войсками 26 апреля 1945 г. и через два месяца вернулся в Прагу, где узнал, что буквально накануне (13 июня 1945 г.) чехословацкое правительство приняло решение передать РЗИА в дар Академии наук СССР к ее 220-летию юбилею. Это решение Александр Филаретович воспринял как оправдание всей своей 20-летней работы в Праге. В записке о РЗИА, которую он представил делегации АН СССР во главе с начальником Управления государственных архивов НКВД СССР генерал-майором И.И. Никитинским, прибывшей для подготовки архива к перевозке, он подчеркнул: «Я Архиву, живя здесь, в Праге, всецело отдавал свои силы, всегда будучи уверен, что рано или поздно Архив попадет на Родину» [Изюмов 2010, с. 154]. Узнав, что передается не весь РЗИА, а только его документальная часть, Изюмов старался предотвратить разделение архива, но не был услышан. Богатейшие

⁶ Там же. Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 23; Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 45. Л. 58; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 132. Л. 42; Ф. Р-5953. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.

⁷ Там же. Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 3–4; Ф. Р-5857. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

⁸ Ср. с воспоминаниями известного историка, также пражанина, Н.Е. Андреева: «Были советские граждане, такие как профессор Изюмов, служивший в Русском историческом архиве, или В. Булгаков, последний секретарь Льва Толстого, но я не знал, что они советские, это выяснилось, только когда началась война с Советским Союзом. Их даже не арестовали, но вполне комфортабельно интернировали, и они просидели всю войну спокойно...» [Андреев 1996, с. 141].

книжное, журнальное и газетное собрания РЗИА остались в Праге и служат украшением Славянской библиотеки [Павлова 1996, с. 35–36].

В личной беседе с И.И. Никитинским А.Ф. Изюмов сообщил о своем желании вернуться в СССР; оставшийся одиноким после кончины жены в 1940 г., он рассчитывал поселиться в Москве у падчерицы и даже получил обещание советского представителя содействовать в устройстве на работу в один из московских архивов [Бухерт 2017, с. 429–430]. В сентябре 1948 г. А.Ф. Изюмов подал заявление с просьбой разрешить ему вернуться в СССР, а в ожидании ответа продолжал работать в Славянской библиотеке при Национальной библиотеке ЧСР. В том же 1948 г. он привез из Словакии архив писателя и фольклориста И.Ф. Каллиникова (1890–1934), рассчитывая переслать его через советское посольство в Праге в Государственный литературный музей в Москве. Однако заступивший вместо В.Д. Бонч-Бруевича в должность директора музея Б.П. Козьмин отказался приобретать не только этот архив, но и вообще архивы писателей-белоэмигрантов⁹ [Бухерт 2017, с. 429].

Так и не дождавшись разрешения вернуться на родину, 16 мая 1950 г. Александр Филаретович Изюмов скончался и был похоронен на Ольшанском кладбище. Его могила не сохранилась, сейчас ее место занимает новое захоронение¹⁰.

Публикуемые ниже десять писем М.М. Карповича — лишь небольшая часть переписки М.М. Карповича и А.Ф. Изюмова, хранящейся в личном фонде А.Ф. Изюмова в Государственном архиве РФ (Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12). Первое известное нам письмо М.М. Карповича датировано 17 марта 1929 г., последнее — 18 января 1939 г. Всего Карпович написал Изюмову 38 писем общим объемом 92 листа. Переписка историков была регулярной, но не интенсивной. Обычно Карпович писал коллеге 2–3 раза в год. Больше всего писем он отправил в 1931 г. (7 писем) и 1932 г. (11 писем). Меньше всего — в 1939 г. (всего одно письмо), а в 1930 г. он не написал ни одного письма.

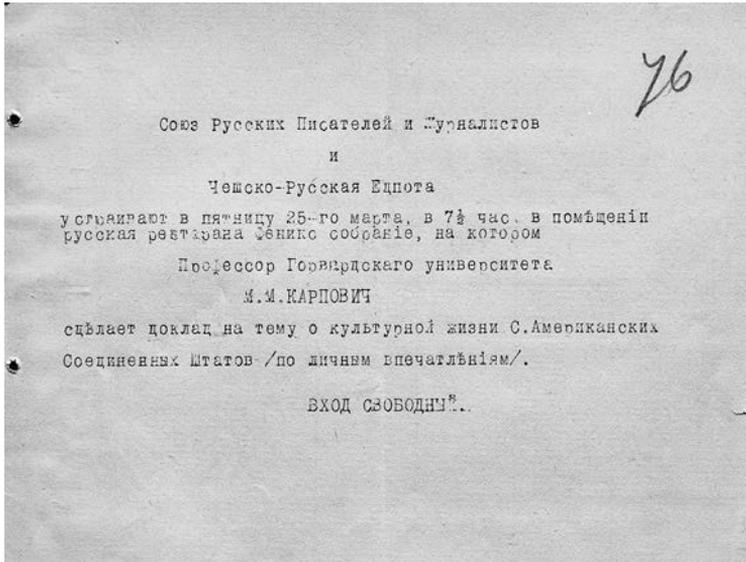
Поводом для возобновления знакомства историков послужила просьба М.М. Карповича, в 1929 г. написавшего в РЗИА о необходимости работы с его материалами [Волошина 2010, с. 73]. Так между Карповичем и Изюмовым завязалась переписка, переросшая в дружбу. Александр Филаретович признавался: «Откровенно скажу Вам, что ни в ком я еще до личной встречи с Вами не находил такого понимания всего, что мы переживаем, какое видел у Вас. Конечно, если глубже анализировать, в наших пониманиях есть большие разногласия, но я, по крайней мере, ни с кем так откровенно не мог высказаться, как с Вами»¹¹.

Начало непосредственного личного общения историков восходит к середине 1931 г., когда Михаил Карпович, получив годовой академический отпуск, приехал с семьей в Европу: они побывали в Великобритании, Германии, Франции, Италии.

⁹ Тем не менее этот архив поступил в конечном итоге на постоянное хранение в Государственный литературный музей И.С. Тургенева в Орле.

¹⁰ Благодарю В. Поморцева (Прага) за эту важную справку.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 103 об.

*Программа собрания Союза русских писателей и журналистов
в Чехословакии, на котором был прочитан доклад Карповича
«О культурной жизни США». 1932.
РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 18. Л. 76.
Собрание состоялось 1 апреля 1932*

Первую половину 1932 г. (с начала января по конец мая) Карповичи провели в Праге (Чехословакия).

Каждое день Михаил Михайлович отправлялся в Русский заграничный исторический архив и Славянскую библиотеку для сбора материала для книги о русской революции 1917 г. Кроме того, в качестве «вольнслушателя» он посещал заседания научных центров, слушал лекции в Русском народном университете и стал членом Русского исторического общества в Праге [Бирман 1999, с. 127]. 26 февраля 1932 г. историк выступал в прениях по докладу публициста Н.А. Цурикова (1886–1957) о задачах политических группировок русского зарубежья в Фонде спасения родины, а 1 апреля поделился личными впечатлениями о культурной жизни в США на совместном собрании Союза русских писателей и журналистов и Чешско-русского объединения в ЧСР [Хроника 2001, с. 110, 119].

Роль Изюмова в пражском периоде жизни Карповича была значительной. Он помог коллеге оперативно получить разрешение для работы в РЗИА и Славянской библиотеке, лично подобрал его семье комфортное жилье (четырёхкомнатную квартиру в двухэтажном доме в районе Либоц близ парка «Гвезда», в 12 минутах езды на трамвае до РЗИА), внес за него предоплату и опекал всю семью в Праге¹². После отъезда Карповичей Изюмов занимался отправкой их вещей в США и выполнял различные поручения Михаила Михайловича, в частности достал для

¹² ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 17, 97–97 об., 98–98 об.

него польский словарь¹³. Тесное общение историков в Праге в 1932 г. еще более сблизило их. И когда в мае–июне 1936 г. М.М. Карпович вновь посетил Прагу для работы в РЗИА, он с супругой жил в квартире Изюмовых¹⁴.

В свою очередь и М.М. Карпович пытался помогать новому другу; так, ноябре 1933 г. он одолжил Изюмову 50 долларов для пересылки в СССР дочери своей супруги от первого брака Елене (1907–?), которая в это время ждала ребенка. Причем Михаил Михайлович сначала предложил льготные условия возврата долга (в течение года), а затем разрешил Изюмову вернуть деньги в любое удобное время¹⁵. «Спасибо, что поддержали меня в трудную минуту», — с благодарностью писал Александр Филаретович другу в начале 1935 г.¹⁶

Значительная часть переписки ученых посвящена их научным интересам: обсуждению и публикации книг и статей, обмену литературой. Как известно, одной из главных задач РЗИА был поиск и приобретение материалов русской эмиграции. И Карпович был среди тех, кто по собственной инициативе способствовал пополнению его собрания. В 1933 г. он отправил в архив свою автобиографию и письма И.И. Сукину за 1919 г. (о работе Русского политического совещания в Париже) и Г.Г. Баху за 1921 г. (о совещании бывших членов Учредительного собрания)¹⁷. Он способствовал тому, чтобы архив получил рукопись мемуаров генерала Н.М. Храброва (1869–1940) о его работе в качестве помощника начальника Главного артиллерийского управления при правительстве А.В. Колчака (1874–1920) и бегстве из Сибири¹⁸. В июле 1932 г. Карпович заинтересовал Изюмова и заведующего отделом книжных и журнальных изданий РЗИА С.П. Постникова (1883–1965) своей находкой в Италии, в городке Кави-ди-Лаванья, библиотеки Е.Е. Колосова (1879–1937), члена Боевой организации партии эсеров и историка русского революционного движения. В 1933 г. С.П. Постников начал вести переписку с женой эсера А.М. Савенкова о приобретении этого книжного собрания¹⁹.

Между тем для Изюмова важнейшей задачей было не только пополнение РЗИА новыми коллекциями, но и популяризация архива. Михаил Карпович также считал перспективным привлечение внимания американских и английских историков к архиву «как к учреждению, совершенно необходимому для всех, работающих в области новейшей русской истории»²⁰. Кроме того, он помогал Изюмову поддерживать сотрудников РЗИА морально и материально. Так, в 1937 г. им удалось добиться в пражском Фонде помощи ссуды в 10 долларов для сотрудника РЗИА, бывшего министра труда 2-го Крымского краевого правительства

¹³ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 100, 102, 103.

¹⁴ Там же. Л. 64 об., 74–74 об., 128, 130.

¹⁵ Там же. Л. 45 об., 47, 48.

¹⁶ Там же. Л. 119.

¹⁷ Там же. Л. 42 об.–43.

¹⁸ Там же. Л. 67. Эти воспоминания хранятся в: ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 529. 84 л.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 21–22, 41.

²⁰ Там же. Л. 36 об.

П.С. Бобровского (1880–1947)²¹. В 1934–1935 гг. Карпович помогал найти финансирование для издания сборника памяти двух председателей общества — А.А. Кизеветтера и Е.Ф. Шмурло (скончавшегося в 1934 г.), а также секретаря общества Б.А. Евреинова (1888–1933)²². «При всяких сборах люди хватаются за карманы и начинают глядеть волками»²³, — жаловался он Изюмову. Однако при содействии Михаила Михайловича в начале 1937 г. Б.А. Бахметев выделил 100 долларов на издание²⁴, и в конце марта 1937 г. сборник был сдан в печать и вышел как третий том «Записок Русского исторического общества»²⁵.

Большое место в переписке Изюмова с Карповичем занимает и такой интересный сюжет, как попытки издания в Праге русского исторического журнала. Об этом эпизоде из истории российской научной эмиграции рассказывает статья М.В. Ковалева [Ковалев 2014], но публикуемые документы существенно дополняют уже известную картину. Так, они свидетельствуют, что А.Ф. Изюмов и М.М. Карпович обсуждали идею создания такого журнала с 1929 г.²⁶ В июне 1932 г. Изюмов просил коллегу: «Если бы Вам удалось достать средства на издание русского исторического журнала, то, по-моему, Вы сделали бы очень большое дело как для русской исторической науки, так и для поддержания остатков русских историков за рубежом, оторванных от родной почвы»²⁷. Со своей стороны, Александр Филаретович прислал краткий конспект журнала, его программу, а также смету расходов на один год. Однако сборы шли очень тяжело. Изюмов настойчиво, ежегодно, напоминал Карповичу об общей мечте. В 1937 г. он писал: «Я думаю, что издание журнала <...> оживило бы работу не только общества»²⁸, но и всех русских историков в эмиграции, т.к. пришлось бы всех втянуть в работу. <...> Если бы удалось реализовать половину той сметы, что мы с Вами составили (1700–2000 долларов), то дело бы начали. <...> Последний раз бью Вам челом постараться об этом деле!»²⁹

Лишь в июле 1938 г. Карпович смог послать в Прагу 405 долларов³⁰. Одним из крупных меценатов вновь стал Б.А. Бахметев. Его Гуманитарный фонд пожертвовал 200 долларов. Свой вклад также внесли бывший пражанин и друг М.М. Карповича историк Г.В. Вернадский (1887–1973) и ученик Карповича, готовивший диссертацию о роли партии эсеров в русских революциях 1917 г., Оливер Радки (Radkey; 1909–2000). Были и анонимные жертвователи — американские руси-

²¹ Там же. Л. 79 об., 138 об.

²² Там же. Л. 36 об.

²³ Там же. Л. 67 об.

²⁴ Там же. Л. 76–76 об.

²⁵ Записки Русского исторического общества в Праге. Т. 3: Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, Б.А. Евреинов. Прага; Нарва, 1937. 347 с.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 94 об.

²⁷ Там же. Л. 99.

²⁸ Имеется в виду Русское историческое общество в Праге.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 138.

³⁰ Там же. Л. 80.

сты Д. Робинсон (Robinson; 1893–1971), С. Харпер (Harper; 1882–1943), Г. Фишер (Fischer; 1890–1975), Ф. Мозли (Mosely; 1905–1972). Как полагал Карпович, они пожелали остаться неназванными, т.к. планировали ездить в советскую Россию для научных занятий и не хотели быть открыто связанными с эмигрантской организацией. Тем не менее он просил коллегу прислать подтверждение в получении денег Гуманитарному фонду и благодарственные письма анонимным жертвователям. Михаил Михайлович подчеркивал особенно активную роль профессора Г. Робинсона в этом проекте. Именно он помог ему получить 200 долларов от Бахметева и собрать остальную сумму у американских профессоров³¹. В то же время Карпович, хорошо знакомый с психологией американских жертвователей, настаивал на скорейшем издании журнала, пусть и в скромном виде: «Важно хоть что-нибудь конкретное показать, и, конечно, надо постараться первые книжки сделать особо интересными и содержательными»³².

В записке членам Русского исторического общества от 21 сентября 1938 г. Изюмов предлагал назвать новое издание «Исторический журнал» либо «Историческое обозрение». «Может быть, следует прибавить слово “русский”. Казалось бы, сам язык указывает на это, но в настоящее время русским языком пользуется <...> всякая сволочь, которая вообще желала бы с лица земли стереть все русское, — рассуждал Александр Филаретович. — Анонимные названия “Клио”, “Атены” <...> как-то долго не держатся» [Ковалев 2014, с. 94–95]. Он выступал за новую орфографию, поскольку считал ее экономней и более распространенной. К тому же журнал, выдержанный в новой орфографии, имел, по его убеждению, шансы попасть в советскую Россию. Тем не менее на общем собрании Русского исторического общества 10 ноября 1938 г. остановились на использовании старой орфографии и были приняты два варианта названия — «Русский исторический журнал» и «Русский историк»³³.

Первый номер журнала предполагалось выпустить в марте 1939 г., второй — летом того же года, о чем Изюмов сообщал Карповичу. Обрадованный сообщением об этом, он собирался прислать для второго номера свою статью — обзор американских работ по русской истории. Карповичу импонировало название «Русский историк». Он прагматично отмечал, что журнал с таким названием еще не выходил, и это облегчит задачу библиотекарей при каталогизации, устранив возможность путаницы при ссылках. В вопросе орфографии Михаил Михайлович придерживался «полнейшего эклектизма» и не придавал значения этому вопросу, считая, что для американцев этот вопрос также будет безразличен³⁴.

Однако ни в 1939 г., ни в последующие годы русский исторический журнал так и не выйдет в свет. Как отмечается в литературе, виной тому ряд причин: нехватка финансовых средств, противоречия в русской ученой среде, а также цензурный

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 80, 80 об., 81, 83 об., 84.

³² Там же. Л. 85 об., 86.

³³ Там же. Л. 139.

³⁴ Там же. Л. 89–89 об.

контроль оккупировавших в 1939 г. Чехословакию нацистов [Пашуто 1992, с. 56; Аксенова 1997, с. 78–79; Ковалев 2014, с. 85–87].

Между тем еще в конце 1938 г. Михаил Карпович предлагал А.Ф. Изюмову перебраться в США и совместно заняться работой по созданию русского эмигрантского архива, получив на это средства из бахметевского Гуманитарного фонда³⁵. Но Александр Филаретович не согласился на это предложение, а позднее пытался через Карповича найти возможность переправить архив за океан вместе с его сотрудниками. Однако интереса к этому предложению со стороны американских университетов проявлено не было [Павлова 1996, с. 34–35].

Все письма публикуются впервые по автографам, хранящимся в личном фонде А.Ф. Изюмова в Государственном архиве Российской Федерации. Их текст передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Проведено деление текста на абзацы и унификация дат написания писем. Стилистические особенности оригинала и авторские подчеркивания сохранены. В угловых скобках восстановлены недостающие по смыслу части слов. Выдержаны современные принципы расстановки кавычек.

Выражаем глубокую признательность руководству ГА РФ в лице Л.И. Петрушевой за разрешение на публикацию писем. Приносим также искреннюю благодарность доценту Северо-восточного университета Оклахомы Д.В. Вовченко.

Сокращения

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РЗИА — Русский заграничный исторический архив
ЦГАМ. ОХД до 1917 — Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г.

Литература

- Аксенова 1997 — Аксенова Е.П. А.В. Флоровский и Русское историческое общество в Праге // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике*. Прага, 1997. № 1. С. 77–82.
- Андреев, 1996 — То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллин, 1996 Т. 1.
- Белошевская 2011 — Воспоминания. Дневники. Беседы: (Русская эмиграция в Чехословакии). Кн. 1 / сост. и общ. ред. Л.Н. Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2011.
- Бирман 1999 — Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал» // *Отечественная история*. 1999. № 5. С. 124–134.
- Болховитинов 2005 — Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005.
- Бухерт 2017 — Бухерт В.Г. «Сколько могу, честно служу родной культуре»: Письма А.Ф. Изюмова к А.Л. Сидорову, 1947–1948 гг. // *Российское научное зарубежье: люди*,

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 87.

- труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории РАН. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. С. 427–440.
- Волошина 2010 — *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010.
- Высылка 2005 — *Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923.* М.: Русский путь, 2005.
- Горинов, Сорокина 2014 — «Мы живем в совсем особенной атмосфере...»: Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909–1917 г. / предисл., публ. и коммент. М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // *Новый журнал.* 2014. № 274. С. 92–156.
- Горинов, Сорокина 2016 — «Мы люди разных миров»: Письма М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу (1923–1936 гг.) / публ., вступ. ст. и коммент. М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына,* 2016 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М., 2016. С. 406–440.
- Изюмов 2010 — *Изюмов А.Ф.* Записка «О Русском историческом архиве в Праге» от 23 июля 1945 г. (с дополнением к ней) // *История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 143–158.
- Ковалев 2012 — *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940). Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012.
- Ковалев 2014 — *Ковалев М.В.* «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России... является... необходимым»: Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937 — начало 1940-х гг.) // *Отечественные архивы.* 2014. № 5. С. 84–99.
- Лаптева 1979 — *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М.: Наука, 1979. С. 99, 187–188, 271–272, 349–351 и др.
- Павлова 1996 — *Павлова Т.Ф.* Изюмов и РЗИА // *Отечественные архивы.* 1996. № 4. С. 28–37.
- Пашуто 1992 — *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992.
- Петрушева 2012 — *Петрушева Л.И.* Русский ученый-историк А.Ф. Изюмов в Чехословакии: (По документам пражской коллекции ГА РФ) // *Нансеновские чтения.* 2012. СПб., 2014. С. 317–339.
- Раев 1992 — Письма М. Карповича Г. Вернадскому / публ., предисл. и коммент. М. Раева // *Новый журнал.* 1992. Кн. 188. С. 259–296.
- Раев 1995 — *Раев М. М.М. Карпович: русский историк в Америке* // *Новый журнал.* Кн. 200. 1995. С. 244–248.
- Хорхордина 2003 — *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003.
- Хроника 2001 — *Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике* / под ред. Л. Белошевой. Т. 2: 1930–1939. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2001.
- Шумейко 2013 — *Шумейко М.Ф.* Белорусские адреса российского историка-архивиста А.Ф. Изюмова. Первая половина XX в. // *Вестник архивиста.* 2013. № 1. С. 232–246.

1

4 Avon Street Cambridge, Mass. USA
17 марта 1929 г.

Дорогой Александр Филаретович,

Конечно, я Вас очень хорошо помню и помнил отчетливо Ваше имя и отчество, так что Вам не надо было мне его напоминать. За последние года сам несколько раз собирался писать Вам, восстановить оборвавшееся знакомство, но так и не собрался. Очень рад, что Вы собрались.

В последний раз мы с Вами виделись, по-моему, по окончании экзаменов на панихиде по Ключевскому (по нашей инициативе устроенной)¹. Помните, еще Борис Васильевич² подарил всем нам по экземпляру только что вышедшего 4-го тома «Курса»?³ Бог мой, как давно это было!

По окончании университета я служил в Историческом музее и начал готовиться к магистрантским экзаменам⁴. Потом, в январе 1916 г., был мобилизован, но на фронт не попал, а служил в Военном министерстве в Петербурге и даже был секретарем Особого совещания по обороне государства (при четырех министрах! — Поливанов⁵, Шуваев⁶, Беляев⁷, Гучков⁸). В мае 1917 г. Б.А. Бахметев⁹, мой земляк (тоже из Тифлиса), предложил мне ехать с ним в Америку, куда он был назначен послом. После мучительных колебаний (очень не хотелось тогда уезжать из России) я согласился с условием, что вернусь в Россию в декабре. Вот и вернулся! Так я неожиданно стал дипломатом. Посольство держалось («рассудку вопреки, наперекор стихиям»¹⁰) до июля 1922 г. За это время два раза был в Париже — в 1919 г., во время мирной конференции, при Русской политической делегации (опять секретарствовал)¹¹, и в 1921 г. в связи с конференцией членов Учредительного собрания¹² (сопровождал Бахметева, ездившего «установить контакт»). С закрытием посольства переехал в Нью-Йорк, где занимался разными делами¹³, а с января 1927 г. по приглашению покойного Кулиджа¹⁴ читаю русскую историю в Harvard University. Женат (на русской, москвичке)¹⁵, двое детей — мальчишка 7 лет¹⁶ и девочка 1 ½ года¹⁷. Американским гражданином не стал и пока не собираюсь¹⁸. Все живу надеждой на возвращение в Россию и сейчас, через 12 лет, не перестал чувствовать себя беженцем. Судьбой своей доволен, но по России тоскую сильно, а о Москве иначе как с острой болью в сердце думать не могу. Пройтись бы разочек по Моховой!

Спасибо Вам за книгу, которую просмотрел с большим интересом. Предполагаются ли еще какие-либо издания, кроме объявленных воспоминаний А.А. Кизеветтера?¹⁹

На Ваш вопрос относительно возможности использования материалов сборника²⁰ в здешней прессе должен дать малоудовлетворительный ответ. Это материал не такого рода, который здесь можно было бы пустить в ход. Здешние газеты, да в значительной мере и журналы, живут главным образом злободневностью или вопросами общего характера. Не представляю себе газеты или общего журнала, для которых можно было бы сделать статью из материалов сборника.

Специальных же исторических журналов здесь очень мало, выходят они редко (четыре раза в год обычно), всегда перегружены материалом, и проникнуть туда нелегко. Все, что я могу попытаться сделать, это — дать заметку о сборнике и об архиве (о котором очень прошу прислать мне фактический материал) в «Journal of Modern History», только что начавший выходить²¹. Специальные журналы гонораров не платят, так что заработать на этом, увы, нельзя. Но «реклама» некоторое значение может иметь.

Иное дело Унгерн-Штернберг²². Это — живописная фигура. Здесь, пожалуй, возможно было бы попытаться устроить статью куда-нибудь — например, в «Asia», журнал, посвященный Азии, включая и Сибирь и вообще русский Дальний Восток. Но только статья должна быть написана не академически, а живо, почти фельетонно. Конечно, за успех ручаться не могу, но тут возможна попытка. Возникает вопрос об английском тексте. Перевод дело трудное. Я совсем переводить не умею, да и времени ни на что не хватает (я очень завален здесь преподавательской работой, т.к. кроме чтения курса делаю еще много других вещей). Как с этим быть?²³

Не стесняйтесь, во всяком случае, обращаться ко мне с поручениями или за справками. Со своей стороны, буду беспокоить Вас, если понадобится. Между прочим, не сохранилось ли у Вас случайно учебного плана историко-филологического факультета и обзора преподавания хотя бы за один год наших времен?²⁴ Мне очень хотелось бы восстановить проделанную мною в университете программу занятий, и вот многое я забыл.

Еще вопрос — не знаете ли Вы: не было ли какого-нибудь соглашения в международном масштабе об установлении соответствия между нашими степенями и заграничными?²⁵ А то получается кричащая несправедливость. Я чувствую, что проделал не меньше, а больше, чем здешние доктора; между тем формально я даже не магистр (здесь степень совершенно презренная)²⁶. А это имеет значение в смысле продвижения по здешней академической лестнице.

Простите, что с места начинаю Вас эксплуатировать, но Вы там в центре русских академических дел.

О ком из общих знакомых имеете сведения? Знаю, что за границей Лоллий Львов, Цуриков, Ольденбург²⁷. Но очень уж их «политика» мне не нравится. Как-то не чувствую с ними общей почвы, хоть сам совсем ушел от политики. Большой для меня радостью был приезд сюда Вернадского²⁸. Только вот в истине евразийства он меня не убедил²⁹.

Всего хорошего. Жму Вам руку.

Ваш М. Карпович.

Когда Вы работали в архивах с Рязановым³⁰, не встречались ли Вы с моим дядей (братом моей матери) А.Е. Пресняковым?³¹ Он, бедный, сейчас очень болен — боюсь, что безнадежно. У него рак³².

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2 об.

¹ В.О. Ключевский (1841–1911) — историк, профессор Московского университета скончался 12 мая.

² Борис Васильевич Ключевский (1869–1944) — сын историка В.О. Ключевского, юрист, переводчик, член московской организации кадетской партии, хранитель архива отца (с 1911). В 1933 г. сослан в Алма-Ату.

³ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 4. М.: Товарищество типографии А.И. Ма-монтова, 1910. В письме от 16 ноября 1929 г. Изюмов напоминает Карповичу, что Б.В. Ключевский подарил им эту книгу на похоронах отца, на кладбище.

⁴ С 1914 г. М.М. Карпович работал помощником ученого секретаря в Историческом музее в Москве и готовился к магистерским экзаменам.

⁵ Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) — генерал от инфантерии, военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства с 13 июня 1915 по 15 марта 1916 г.

⁶ Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937) — генерал от инфантерии, военный министр с 15 марта 1916 по 3 января 1917 г.

⁷ Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918) — генерал от инфантерии, последний военный министр Российской империи (3 января — 1 марта 1917 г.).

⁸ Гучков Александр Иванович (1862–1936) — военный и морской министр в составе Временного правительства (3 марта — 5 мая 1917 г.).

⁹ Бахметев Борис Александрович (1880–1951) — специалист по гидродинамике, профессор Санкт-Петербургского политехнического института (1905–1917), зам. министра торговли и промышленности во Временном правительстве (1917), российский посол в США (1917–1922). Профессор инженерного факультета Колумбийского университета (с 1931), один из создателей в США Российского гуманитарного фонда и Архива русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете.

¹⁰ Слова А.А. Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

¹¹ Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. была созвана державами — победительницами в Первой мировой войне для выработки и подписания мирных договоров с побежденными государствами. Образованное по инициативе Б.А. Бахметева Русское политическое совещание из не признавших советскую власть российских послов пыталось представлять на ней интересы России.

¹² Собрание бывших членов Всероссийского учредительного собрания состоялось в Париже 8–21 января 1921 г.

¹³ М.М. Карпович зарабатывал на жизнь книжной торговлей, переводами и чтением лекций.

¹⁴ Кулидж Арчибальд Кэри (Coolidge; 1866–1928) — славист, профессор и директор библиотеки Гарвардского университета, один из основателей русских исследований в США.

¹⁵ Жена М.М. Карповича — Татьяна Николаевна (урожд. Потапова; 1897–1973), дочь инженера Балашихинской хлопкопрядильной фабрики Николая Потапова. При содействии Карповича уехала в США в 1923 г.

¹⁶ Арсений (1922–?), приемный сын М.М. Карповича, сын его супруги Т.Н. Потаповой.

¹⁷ Наталья Михайловна Карпович (1927–?; в замуж. Анисимова).

¹⁸ М.М. Карпович принял американское гражданство в 1944 г.

¹⁹ В 1929 г. в Праге были изданы воспоминания историка А.А. Кизеветтера (1866–1933) «На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914».

²⁰ В 1929 г. бывшими профессорами и выпускниками Московского университета готовился сборник материалов, посвященных 175-летию его основания. Опубликован в 1930 г. в Париже: «Московский университет. 1755–1930: Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета под ред. В.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера и М.М. Новикова».

²¹ В 1929 г. Карпович такой заметки не написал. Лишь в 1938 г. он подготовил для этого журнала рецензию на составленную С.П. Постниковым «Библиографию русской револю-

ции и гражданской войны (1917–1921). Из каталога библиотеки РЗИА» (Прага, 1938), в которой подчеркнул значение РЗИА в Праге и участившиеся случаи его использования американскими учеными.

²² Унгерн-Штернберг Роман Федорович, фон (1885–1921) — барон, генерал-лейтенант, участник Белого движения на Дальнем Востоке, автор идеи реставрации империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия.

²³ А.Ф. Изюмов планировал сам перевести свою статью, но ввиду недостатка времени так ее и не дописал.

²⁴ В письме от 16 ноября 1929 г. Изюмов сообщил, что учебного плана историко-филологического факультета Московского университета и обзора преподавания там у него нет.

²⁵ А.Ф. Изюмов выяснил, что такого соглашения не существует, но некоторые ученые сдают экзамен на докторскую степень при Карловом университете.

²⁶ С 1927 г. Карпович был лектором по русской истории Гарвардского университета. Затем прошел все ступени академической лестницы: младший преподаватель (assistant professor; 1933), адъюнкт-профессор (1939), полный профессор (1946).

²⁷ Львов Лоллий Иванович (1888–1967) — поэт, прозаик, литературный критик, журналист, делегат Российского зарубежного съезда 4–11 апреля 1926 г. в Париже от ЦК Народно-монархической партии; Цуриков Николай Александрович (1886–1957) — видный антибольшевистский публицист, литературовед, член Русского общевойскового союза; Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) — историк, публицист, секретарь Русского народно-монархического союза и член парижского Союза освобождения и воссоздания родины.

²⁸ Ближайший друг М.М. Карповича, его сокурсник по Московскому университету Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) переехал в США из Праги в 1927 г. благодаря содействию историка Античности академика М.И. Ростовцева. Преподавал русскую историю в Йельском университете.

²⁹ В 1920-х гг. Г.В. Вернадский был сторонником евразийских идей. Карпович, будучи западником, относился к ним критически. В письме другу от 24 июня 1925 г. он писал: «Пафос этого направления меня не заражает, он мне чужд <...> меня не убеждает (в смысле объективной убедительности)» [Раев 1992, с. 294–295].

³⁰ Рязанов Давид Борисович (1870–1938) — историк, библиограф, архивист. В 1918–1920 гг. возглавлял Главное управление архивным делом при Наркомате просвещения РСФСР. Основатель и первый руководитель Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931).

³¹ Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) — историк, член-корреспондент АН СССР, специалист по средневековой истории России.

³² А.Е. Пресняков скончался 30 сентября 1929 г. от рака языка.

2

67 Walker Street Cambridge, Mass.
15 января 1931 г.

Дорогой Александр Филаретович,

Большое Вам спасибо за память и за поздравления. В свою очередь шлю Вам и Вашей жене лучшие пожелания к Новому году. Ваше письмо и обрадовало меня, и устыдило. Давно собирался писать Вам, но, как видите, до сих пор не собрался. Почему, однако, Вы могли подумать, что причиной моего молчания была откоро-

венность Вашего предыдущего большого письма?¹ Я только что его перечел и не нашел в нем решительно ничего такого, что хотя бы отдаленно могло бы вызвать антагонизм с моей стороны. Помимо того, не в моей природе в таких случаях отмалчиваться. Если бы что-нибудь меня смутило или задело, то тогда я уже, наверное, Вам написал бы. Не писал же я только потому, что был занят, и даже не столько занят, сколько затуркан всякой суетой, университетской и домашней. Думаю, что это не общеамериканская черта, как Вы предполагаете, а моя личная. В тех условиях, в каких мы живем, преподавание и домашние заботы (не забудьте, что у меня теперь уже четверо детей!²) поглощают мое внимание и время почти без остатка. Это имеет два печальных последствия: 1) не поддерживаю сношения с друзьями, как хотелось бы; 2) почти не успеваю заниматься для себя. Не будь этого, все было бы хорошо и грешно было бы жаловаться.

Сейчас я делаю попытку вырваться из этого порочного круга. Подал прошение в два учреждения о выдаче мне стипендии на написание книги³. Здесь есть такие полезные и благотельные учреждения, но так как желающих очень много, то и получить стипендию трудно. Против меня — отсутствие степени, печатных трудов и возраст (поощряется преимущественно молодежь, но уже успевшая себя показать). Поэтому я особых надежд на успех не имею. Но если это выйдет, то у меня уже есть согласие университета на годовой отпуск. Тогда я летом со всей семьей двинусь в Европу. Обоснуемся, вероятно, во Франции, но я лично, конечно, съезжу в Прагу. Тогда увидимся⁴. Но все это пока вилами на воде писано. Выяснится либо в этом месяце, либо в начале марта. Когда выяснится, дам Вам знать.

Я не поблагодарил Вас за присылку изданий Архива⁵. Я непременно хочу поместить заметку об Архиве и о его изданиях в специальном американском журнале. К сожалению, и это довольно трудно. Здесь только два таких журнала: «American Historical Review» и «Journal of Modern History». И тот и другой выходят только четыре раза в год, и втиснуть туда даже небольшую заметку нелегко⁶.

О России думаю довольно мрачно. Никак не могу заставить себя поверить в оптимистические прогнозы тех эмигрантских политиков, которые говорят об «одинадцатом часе», о «начале конца» и т.п. В широкой исторической перспективе то, что там сейчас делается, может быть, и есть начало конца, но это начало, увь, может затянуться надолго. Больше же всего меня тревожит вот такая мысль. Я знаю, что в конечном счете судьба России решится исходом «объективных процессов», но все-таки для того, чтобы эти процессы нашли свое выражение, нужен соответствующий людской материал. Между тем большевики теперь с такой дьявольской систематичностью истребляют этот самый людской материал, что я не знаю, что из него будет в наличность к тому моменту, когда надо будет оформлять назревшие «объективные процессы». Остается лишь полумистическая вера, что все как-то само собою образуется, что откуда-то появятся нужные новые силы, но все это наедине с самим собой не звучит очень убедительно. Вы поймете из вышесказанного, что все мои «возвращенческие» (чисто платонические, конечно) настроения довольно давно прошли. Для них нет сейчас никакой почвы. Поэтому просто, стиснув зубы, жду. Дождусь ли — не знаю. Если можете утешить меня более оптимистическими прогнозами, утешьте. Вам там виднее.

Об арестах московских историков⁷ я читал в русской прессе, но т.к. там были перепутаны некоторые инициалы и был включен покойный М.М. Богословский⁸, то я не знал, насколько это сообщение вообще точно. Кто именно арестован?

Из Петербурга мне недавно писала вдова моего покойного дяди А.Е. Преснякова⁹, что предполагавшийся вечер его памяти не мог состояться, потому что «некому было на этом вечере присутствовать, да и некому было читать доклад!» Не знаете ли также: уцелел ли Д.М. Петрушевский, против которого одно время велась атака?¹⁰

Есть у меня к Вам еще один вопрос — из другой области. Куда делся Г.Н. Михайловский (сын Гарина)¹¹, который одно время был связан с Юридическим факультетом в Праге? Я перед ним в долгу — не ответил ему на это письмо, и он на меня, вероятно, в обиде. Хотел бы загладить свою вину, написав ему, но не знаю его теперешнего адреса. Не можете ли Вы для меня его адрес достать?

Кончаю писать, надо идти в библиотеку. Шлю Вам и Вашей жене сердечный привет от себя и своих.

Всего лучшего. Ваш М. Карпович.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–8 об.

¹ Речь идет о подробном письме А.Ф. Изюмова М.М. Карповичу от 16 ноября 1929 г., ответ на которое Карпович написал только 15 января 1931 г.

² В 1929 г. у Карповичей родился сын Сергей, а в 1930 г. — дочь Марина.

³ С начала 1930-х гг. М.М. Карпович работал над книгой о русской революции 1917 г. Ее первая часть должна была быть посвящена народническим концепциям социальной революции в России, вторая — эволюции взглядов В.И. Ленина на задачи и характер русской революции 1917 г. Книга не была завершена.

⁴ Гарвардский университет предоставил М.М. Карповичу годовой оплачиваемый отпуск. С июля 1931 по сентябрь 1932 г. историк с женой и детьми жил в Европе: в Англии, Франции, Чехословакии и Италии. В Праге они находились в январе–мае 1932 г. В этот период Карпович собирал материалы для своей книги в РЗИА, активно общался с Изюмовым.

⁵ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914. Прага: Орбис, 1929; Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики в 1930 г. Прага, 1930.

⁶ Только в 1938 г. Карпович подготовил для «*Journal of Modern History*» рецензию на составленную С.П. Постниковым «Библиографию русской революции и гражданской войны (1917–1921)». Из каталога библиотеки РЗИА» (Прага, 1938), в которой подчеркнул значение Русского заграничного исторического архива в Праге, см.: *The Journal of Modern History*. 1938. Vol. 10, № 4. P. 579–608.

⁷ В ночь с 9 на 10 августа 1930 г. в рамках «Академического дела» («дело» академика С.Ф. Платонова) были арестованы профессора Московского университета академик М.К. Любавский (1860–1936), члены-корреспонденты АН СССР Ю.В. Готье (1873–1943) и Д.Н. Егоров (1878–1931), профессор С.К. Богоявленский (1872–1947). 12 августа задержали члена-корреспондента АН СССР, профессора Московского университета А.И. Яковлева (1878–1951), 18 августа — профессора С.В. Бахрушина (1882–1950). Их обвиняли в создании Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России для «свержения Советской власти и установления конституционно-монархического строя». Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. историки были приговорены к различным срокам заключения и ссылки.

⁸ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) — историк, профессор Московского университета и Московской духовной академии, академик РАН (1921). Скончался 20 апреля 1929 г., до начала репрессий против историков по «Академическому делу», но одно время был дружен с С.Ф. Платоновым и поэтому был «посмертно» зачислен в заговорщики и контрреволюционеры.

⁹ Преснякова Юлия Петровна (урожд. Кимонт; 1870–1947).

¹⁰ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) — историк-медиевист, профессор Московского университета, директор Института истории РАНИОН (1921–1929), академик АН СССР (1929). Его книга «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М., 1928), в которой анализировалась роль общины в Средние века, вызвала жесткую критику историков-марксистов, в частности М.Н. Покровского, обвинившего Петрушевского в «рабском следовании» идеям австрийского историка А. Допша (1868–1953). Допш пытался опровергнуть представление о натуральном характере экономики раннего Средневековья и доказать существование «вотчинного капитализма», проявлением которого была организация вотчинного хозяйства с целью получения прибыли. Петрушевский действительно полагал, что у истоков аграрного развития средневекового общества находилась не общественная, а частная собственность на землю. Дмитрий Моисеевич был фактически отстранен от преподавания и руководства Институтом истории. После закрытия института в 1929 г. сосредоточился на научной деятельности, работал в МГУ.

¹¹ Михайловский (Гарин-Михайловский) Георгий Николаевич (1890–1946) — дипломат, правовед-международник, сын писателя Н.Г. Гарина-Михайловского (1852–1906). С 1921 г. жил в Чехословакии. Приват-доцент Русского юридического факультета в Праге по кафедре международного права (1923–1926). С 1932 г. профессор юридического факультета Университета Я.А. Коменского в Братиславе.

3

67 Walker Street Cambridge, Mass.

6 ноября 1932 г.

Дорогой Александр Филаретович,

Простите великодушно, что так поздно пишу Вам. Объяснение и извинение одно — Америка. С тех пор, что попали сюда, завертелись как белки в колесе. Тяжеловато было, признаться, втягиваться в рутину ежедневной обязательной работы после того, как я от нее успел отвыкнуть. Да и дома хлопот много. Это не Прага, где мы жили как «недорезанные буржуи». «Подсчитав свои денансы», по совету Козьмы Пруткова, увидели, что на прислугу, хотя бы и приходящую, денег нет. Взамен «американизировали» свое хозяйство. Купили в рассрочку замечательный электрический пылесос и электрическую же стиральную машину. Чтобы разгрузить Т.Н.¹, посылаем также трех малышей (включая Маришу!²) в небольшой детский сад, открытый по соседству знакомой американкой. Цена доступная. Они проводят там три часа каждое утро, кроме субботы и воскресенья. И все-таки Т.Н. приходится тяжело. Слава Богу, здоровье ее пока вполне удовлетворительно.

Арсения³ без разговоров приняли в соответствующий класс (без потери года) той же городской школы. По-видимому, он ни в чем не отстает. Вот только по арифметике принес двойку, по-видимому, исключительно из-за ротозейства в

классе. За чистописание же, к нашему удивлению, получил 3 с минусом. Все, его не видевшие год, говорят, что он очень улучшился и выровнялся, но мы, увы, часто этого не замечаем. Кому виднее — не знаю.

В университете у меня на первую половину года (до конца XVIII в.)⁴ записалось около 40 студентов. Так много никогда не было. Ожидаю, что во второй семестр перевалит за 60. В женском колледже⁵ курс тоже, слава Богу, состоялся, при пяти девицах, а то бы вылетело 600 дол<ларов> из кармана. «Тютек»⁶ понадавал мне больше прежнего — 16 парней и 5 девиц (за этих, т.е. за девиц, по элегантному выражению проф<ессора> Блэка⁷, любящего щеголять знанием русского языка, «платят с рыла»). Занят я целый день. Ухожу к 9, раньше 6 редко когда возвращаюсь, и к вечеру обыкновенно бываю уже здорово усталый. При таких условиях за работу свою пока приняться не мог. Комитет удовлетворился моими отчетами и с книгой⁸ меня не торопит. Но мне самому хочется поскорее от нее отделаться. Зимой удастся писать только урывками. Рассчитываю гл<авным> обр<азом> на четыре летних месяца.

Мозли⁹ с женой здесь. Пишет диссертацию, но тоже урывками, т.к. приходится зарабатывать на жизнь. Читает лекции, дает уроки, делает переводы. Кроме того, мне удалось устроить его к себе помощником по курсу. За небольшую плату от университета будет помогать мне исправлять студенческие работы (здесь ведь все экзамены письменные).

А как Вам понравился Сполдинг?¹⁰ Он на вид бука, но по существу удивительно хороший сердечный человек, и к тому же серьезный исследователь. Недавно читал его диссертацию о милитаризации труда в эпоху военного коммунизма, о которой мне придется давать отзыв. Прекрасная работа! Надеюсь, что Вы его в Праге пригрели.

Питирим¹¹ все так же процветает и так же величественен. Носится теперь с какой-то придуманной им теорией развития культуры по двум параллельным линиям — стоической и эпикурейской (?). Готовит большую работу¹², материалы для к<ото>рой по разным областям и собирают для него, между прочим, пражане (Лапшин¹³ по музыке, Окунев¹⁴ по искусству). Между нами говоря, по-моему, это сплошная чепуха и единственно хорошая сторона в этом то, что кое-кто из соотечественников на этом предприятии заработает. «И терпентин¹⁵ может быть полезен» (опять же из Козьмы Пруткова).

Европы нам здесь все-таки очень не хватает. Уже опять мы чувствуем давление «безвоздушного пространства». Не хватает европейской атмосферы и еще больше не хватает русской среды и русских друзей. И для меня наша встреча имела большое значение. Мои университетские годы для меня во многих отношениях счастливейшая и значительнейшая пора моей жизни. Тогда я сложился в «духовных своих основах» и тогда же завязал те отношения, к<ото>рые остались наиболее для меня важными. Вы для меня существенная часть этого моего прошлого, к<ото>рое и сейчас во много раз живее многого настоящего. Ослаблять нашу связь ни в коем случае не хотел бы. Немного нам осталось — давайте уж держаться вместе. А Вы не хандрите!¹⁶ Утешайте себя тем, что могло бы быть много хуже. Ведь как-никак, Вы стоите при живом и для Вас интересном деле. Ведь вот

увлек же Вас архив Драгоманова¹⁷. Старайтесь только отдавать минимум времени и энергии «пражской общественности» и больше заниматься «для души». Как-никак, у Вас нет четырех детей! Временами же пейте пиво за мое здоровье!

О нашей с Вами мечте¹⁸ пока ничего положительного написать не могу. Время уж очень неблагоприятное. Вот, может быть, пройдут выборы¹⁹, жизнь войдет в нормальную колею, чего доброго, и впрямь начнется обещанное экономическое оживление — тогда попробую действовать.

Кампания здешняя выродилась в какую-то перебранку с обеих сторон²⁰. Сначала Хувера²¹ травили, потом он обозлился и стал огрызаться. По-видимому, все-таки выберут Рузвельта²². Уж очень многим хочется какой-нибудь перемены. Вероятно, будет большое увеличение числа социалистических голосов. Кандидат социалистов Томас²³, очень почтенная личность, типа Макдональда²⁴, и, пожалуй, один высказывается по существу. Заметного увеличения коммунистических голосов я не ожидаю²⁵. Вообще, я не замечаю усиления здесь про-большевизма. Напротив, некоторые из наших теоретических поклонников пятилетки теперь смущенно качают головами.

Спасибо Вам за словарь²⁶, к<ото>рый дошел благополучно. Остатки денег держите на всякий случай. Документы уничтожьте.

Две карточки²⁷ посылаю. Книгу²⁸ отправил на днях (очень извиняюсь перед А.С.²⁹ за опоздание).

Мать Т.Н.³⁰ все еще в Лондоне. Мы нашли ее очень бодрой³¹ для ее 75 лет. Но, конечно, приехала она худая, нервная и усталая. Теперь пишет нам, что отдохнула, поправилась и пополнила. Сейчас хлопочет об американской визе (постоянной). В лондонском консульстве меня очень обнадежили. Может быть, к Рождеству уже она будет здесь³².

Кланяйтесь от меня всем в Архиве. О книгах напишу отдельно. Генералу же кланяйтесь и передайте, что Бахметев из-за депрессии пока прекратил покупку картин.

Всего Вам доброго. Сердечный привет от всех нас Вам и Александре Степановне³³.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш М. Карпович.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 33–35 об.

¹ Здесь и далее: Т.Н. — Татьяна Николаевна Потапова (1897–1973) — супруга М.М. Карповича.

² Мариша — Марина Михайловна Карпович (1930–2000; в замуж. Хайдеман), младшая дочь М.М. Карповича.

³ Здесь и далее: Арсений — приемный сын М.М. Карповича.

⁴ Курс истории России до конца XVIII в., прочитанный Карповичем в первом полугодии 1932/33 учебного года.

⁵ М.М. Карпович преподавал также в Рэдклиффском женском колледже, частном заведении, являвшемся частью Гарвардского университета.

⁶ Студентов, обучаемых лиц (от *англ.* to tutor — обучать).

⁷ Блэк Сирил Эдвин (Black; 1915–1989) — историк, профессор Принстонского университета, специалист по международным отношениям, внешней политике и истории Советского Союза.

⁸ Имеется в виду готовившаяся Карповичем с начала 1930-х гг. книга о судьбе «максималистической» концепции русской революции 1917 г.

⁹ Мозли Филипп (Mosely; 1905–1972) — историк, советолог, ученик М.М. Карповича, профессор международных отношений Корнельского (1936–1940) и Колумбийского (1946–1972) университетов. Его жена Татьяна была русской. Под руководством М.М. Карповича написал диссертацию о ближневосточной политике России во 2-й половине 1830-х гг. и защитил ее в 1933 г. (*Mosely P.E. Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838 and 1839. Cambridge, 1934*).

¹⁰ Сполдинг Меррил Тен Брок (Spalding; 1897–1972) — американский историк, специалист по экономической истории советской России и советской внешней политике, приятель Карповича, его коллега по Гарвардскому университету в начале 1930-х гг. В октябре 1932 г. Изюмов по просьбе Карповича содействовал его работе над докторской диссертацией о большевистской политике военного коммунизма в РЗИА.

¹¹ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — социолог и культуролог, приват-доцент Петроградского университета, эсер. В 1917 г. секретарь председателя Временного правительства А.Ф. Керенского. Выслан из советской России в 1922 г., жил в Чехословакии, в октябре 1923 г. переехал в США. С 1924 г. профессор Университета Миннесоты, с 1931 г. — Гарвардского университета, в котором создал факультет социологии. Один из родоначальников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

¹² *Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1: Fluctuation of Forms of Art; Vol. 2: Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, and Law; Vol. 3: Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. N.Y.: American Book Company, 1937–1941.* Здесь Сорокин рассматривал историю человечества как циклическую смену трех типов культур: идеациональной (преобладает «истина веры»), чувственной (преобладает «истина чувств») и идеалистической (руководит «истина разума»).

¹³ Лапшин Иван Иванович (1870–1952) — философ, публицист, педагог. С 1923 г. в Чехословакии, профессор Русского юридического факультета в Праге.

¹⁴ Окунев Николай Львович (1885–1949) — искусствовед, историк искусства и архитектуры. Профессор Карлова университета (с 1925), член Славянского института в Праге (с 1929). Основатель Архива и галереи славянского искусства при Славянском институте.

¹⁵ Терпентин — жидкость из хвойных деревьев, используемая для приготовления масла, бальзама в медицинских целях.

¹⁶ Уныние Изюмова было вызвано несколькими причинами: материальной необеспеченностью, тоской по личному общению с Карповичем, работой Комиссии МИД по обследованию деятельности РЗИА (с сентября 1932) и опасениями сокращений.

¹⁷ В сентябре 1932 г. РЗИА приобрел у Л.М. Драгомановой-Шишмановой (1866–1937) архив ее отца, украинского историка Михаила Петровича Драгоманова (1841–1895). Изюмов занялся обработкой материалов о А.И. Герцене и его окружении, являвшихся составной частью этого архива.

¹⁸ Еще с конца 1929 г. Карпович и Изюмов обсуждали возможность издания в Праге русского исторического журнала.

¹⁹ Имеются в виду президентские выборы 8 ноября 1932 г. в США.

²⁰ Основными соперниками на выборах 1932 г. были действующий президент этой страны республиканец Герберт Гувер (1874–1964) и кандидат от демократической партии США, губернатор штата Нью-Йорк Франклин Делано Рузвельт (1882–1945). В ходе кампании Гувер назвал Рузвельта «хамелеоном в клетке». Рузвельт не остался в долгу и назвал действующего президента «толстым робким каплуном». В последние дни перед выборами

Гувер раскритиковал «глупость... тирады... блестящие обобщения... невежество» и «клевету» Рузвельта. Внушительную победу одержал Франклин Рузвельт. За него проголосовало 22,8 млн избирателей (57,4%), тогда как Гуверу удалось получить 15,8 млн голосов (39,7%).

²¹ Гувер Герберт Кларк (Hoover; 1874–1964) — президент США в 1929–1933 гг. от республиканской партии.

²² Рузвельт Франклин Делано (Roosevelt; 1882–1945) — президент США от демократической партии в 1933–1945 гг.

²³ Томас Норман Маттун (Thomas; 1884–1968) — протестантский священник, член Социалистической партии Америки (с 1918), в 1932 г. выдвигался от нее на пост президента США, получил 884 885 голосов (2,2%).

²⁴ Макдональд Джеймс Рамсей (Macdonald; 1866–1937) — британский политический деятель, один из основателей и лидеров Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании в 1929–1935 гг.

²⁵ Участвовавший в президентских выборах лидер Коммунистической партии США Уильям Зебьюлон Фостер (1881–1961) смог собрать всего 103 307 голосов (0,3%).

²⁶ В конце сентября 1932 г. А.Ф. Изюмов отправил М.М. Карповичу словарь польского языка, купленный у С.Л. Тищенко (1885–?), члена Союза русских педагогов в ЧСР. Михаил Михайлович оплатил покупку и пересылку.

²⁷ Речь идет о фотографиях Карповича и Изюмова, сделанных весной 1932 г. в Праге.

²⁸ Уезжая в мае 1932 г. из Праги, Карповичи случайно забрали у Изюмовых нужный им учебник арифметики: *Малинин А.Ф. Буренин К.П. Арифметика. М., 1897.* Арсений Карпович уверил родителей, что это его книга.

²⁹ Здесь и далее: А.С. — Александра Степановна Изюмова (?–1940) — учительница.

³⁰ Потапова Жанна Михайловна (урожд. Лунн, 1857–?) — теща М.М. Карповича, дочь управляющего Балашихинской хлопкопрядильной фабрики Майкла Лунна (1820–1895).

³¹ Будучи в Лондоне в начале сентября 1932 г., Карповичи встретили Жанну Михайловну, перебравшуюся сюда из Риги в конце августа 1932 г.

³² Жанна Михайловна получила визу на постоянное жительство в США в начале декабря 1932 г. и приехала к Карповичам 23 января 1933 г., осталась у них насовсем.

³³ Жена А.Ф. Изюмова.

4

12 февраля 1933 г.

Давно не писал Вам, дорогой Александр Филаретович, и нахожусь в большом у Вас долгу: за это время получил от Вас два письма и одну открытку (поздравительную, к<ото>рая пришла вовремя).

Очень меня поразило известие о смерти А<лександра> А<лександровича>¹. Еще так недавно видел я его, хоть и больным, но все же полным бодрости и живого интереса ко всему, происходившему вокруг него, и вот уже его и нет. Как-то даже трудно это себе представить. Еще часть дорогого для меня прошлого ушла в небытие. И потому смерть его воспринимаю как личную утрату, хотя мне и не пришлось очень много с ним общаться. Легко представляю себе поэтому, как перенесли ее пражане, а Вы, так долго и так тесно с ним связанный², — в особенности. Очень жаль бедную Екатерину Александровну³. Ведь она в эмиграции потеряла

мать⁴, сестру⁵, отца! Ей и Евгению Филимоновичу⁶ я написал несколько слов и послал по их адресу на Подбабскую.

Спасибо Вам за вырезку с Вашей статьей⁷ — она очень хороша. Теперь буду ждать обещанные экземпляры обращения и подписных листов⁸. Конечно, сделаю все, что смогу. Мысли о памятнике всемерно сочувствую. Думаю только, что Историческому обществу⁹ следует сделать еще одно дело: составить по возможности полную библиографию печатных работ А<лександра> А<лександрови>ча и издать ее в виде брошюры¹⁰. Может быть, издание брошюры мог бы взять на себя Архив? Ведь едва ли это может дорого стоить? А этим было бы сделано очень полезное дело. Не было ли уже об этом каких-либо разговоров?

От Пэрса¹¹ я Вашу статью¹² получил на днях без всякого препроводительного письма, а просто с приложением Вашего письма. Пэрс иногда бывает порядочный невежа. Постараюсь поместить ее в «Journal of modern history». Не знаю только, как скоро удастся это сделать. Ведь ее придется перевести на английский язык. Возможно, что придется ее также сократить. Во всяком случае, «отправлять ее в корзину» не собираюсь. Я считаю, что следует привлечь внимание здешних (и английских) историков к Архиву как к учреждению совершенно необходимому для всех, работающих в области новейшей русской истории.

Сполдинг остался очень доволен своим пребыванием в Праге, своей работой в Архиве и добрым к нему отношением со стороны русских пражан. Он в начале января успешно сдал свой последний докторский экзамен, получил степень¹³ и сейчас же уехал в Стэнфорд, куда его пригласили на полгода для преподавательской работы¹⁴. Боюсь, что он так там и останется, и я потеряю одного из немногих своих американских друзей. Об эпизоде с Ганом¹⁵ он мне рассказывал в довольно юмористических тонах, не скрывая, впрочем, того, что история эта ему была достаточно неприятна.

Мозли понемногу работает над своей диссертацией, хотя его очень отвлекают работы для заработка (чтение всякого рода лекций, переводы, частные уроки и т.д.). Кажется, у него есть шансы получить постоянное место на будущую зиму, только не здесь¹⁶. Он мне, между прочим, помогает в чтении экзаменационных работ по моему курсу. На вторую половину курса (19-й век и дальше)¹⁷ привалило у меня так много студентов, как еще никогда не было. Вероятно, наберется человек 70. Успех лестный, но я с ужасом думаю о том, что будет, когда придется читать письменные работы всей этой оравы. На полугодовом экзамене один студент написал про Пугачева¹⁸, что он очень отличился в Семилетней войне¹⁹ и в войне с турками, потом бежал в Америку и, вернувшись в Россию, объявил себя Петром III²⁰. Боюсь, что в голове бедняги слились в один образ Суворов²¹, Костюшко²² и Пугачев!

Мозлеев видим часто, особенно Татьяну²³, к<ото>рая постоянно к нам заходит. Она при ближайшем знакомстве оказалась совсем милая женщина. Татьяна Ник<олаевна>²⁴ очень с ней подружилась, и мы все к ней привязались, так что жаль будет, если она уедет.

25 января мы с треском справляли коллективную Татьяну — чествовали двух²⁵ (даже трех — была еще одна Татьяна) именинниц и Татьяну университет-

скую²⁶. Пили водку — довольно основательно. Вспоминали и Вас с Александрой Степановной.

Праздники у нас вышли особенные. Жанна Михайловна (мать Т.Н.) получила свою американскую визу в начале декабря и приехала сюда 23-го²⁷. С тех пор мы живем «с бабушкой». Она большой молодец для своих 75 лет. Даже удивляться приходится, откуда у нее берется такая прыть. Ребята все здоровы, мы с Т.Н. тоже себя неплохо чувствуем, так что, в общем, все у нас благополучно. За работу²⁸ свою я так и не принимался. Ведь, кроме лекций (над к<ото>рыми все время работаю), приходится еще готовить 18 тютюв²⁹ обоего пола к экзаменам (только трое не держат экзаменов в этом году). Такой нагрузки у меня еще никогда не было.

Очень интересно все, что Вы пишете о своей работе³⁰. И Печерин³¹, и Кельсиев³², и отношение Герцена с молодой эмиграцией — все это очень интересно и важно. Ради Бога, не бросайте этих работ и закрепите результаты Ваших изысканий в форме статей или написанных докладов³³. И вообще, спасибо Вам за пражские новости, хотя бы и неутешительные³⁴. Русская Прага для меня теперь далеко не безразлична. Когда-то еще удастся туда попасть?

Планы наши на лето не определились. У меня есть свой план: отправить всю семью пораньше на дачу (не очень далеко отсюда)³⁵, присоединив к ним Татьяну Мозли для компании, а самому остаться здесь и четыре месяца писать не покладая рук. Татьяна Николаевна немного сопротивляется, но я чувствую, что для меня это единственная возможность написать книгу. Мозли уже, по-видимому, останется здесь для своей работы и весьма сочувствует моей схеме. Так что получился заговор мужей против жен. Женам мы обещаем приезжать возможно чаще на субботу и воскресенье, а в их отсутствие вести себя здесь примерно. Очень надеюсь, что этот план осуществится.

Недавно получил письмо от И.А. Стратонова³⁶ из Берлина о возможности издания здесь его книги на английском языке³⁷. Пока ему еще не ответил. Боюсь, что возможности не очень велики. Состою в переписке и с Николаевским³⁸ по поводу возможности американского издания его книги³⁹. Думаю, что это дело гораздо более верное. Ну, надо кончать писать — поздно, а завтра тяжелый рабочий день.

Все мы шлем сердечный привет Вам и Александре Степановне. Татьяна Николаевна все-таки не теряет надежды как-нибудь написать А.С.

Всем знакомым привет! Крепко жму Вам руку. Ваш М. Карпович.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 36–38 об.

¹ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) — историк, публицист, член ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906), профессор Московского университета (1909–1911; 1917–1920). В августе 1922 г. выслан за границу, в 1923 г. прибыл в Прагу (ЧСР). Профессор Русского народного, Русского педагогического и Карлова университетов, Русского юридического факультета. Один из организаторов, товарищ председателя (1930–1932), председатель (1932–1933) Русского исторического общества в Праге. Председатель Совета РЗИА (с 1928). Скончался 9 января 1933 г.

² В свои студенческие годы в Московском университете А.Ф. Изюмов был учеником А.А. Кизеветтера: слушал его лекции по русской истории, занимался у него в семинарах.

В 1918 г. они сидели в одной камере Бутырской тюрьмы, потом вместе работали в московском книжном магазине «Задруга». В 1922 г., оказавшись в Берлине, оба историка читали лекции в Русском научном институте и приняли участие в издании историко-литературных сборников «На чужой стороне», их семьи жили в одном пансионе. В 1925 г. А.А. Кизеветтер добился приглашения своего ученика в Прагу и его назначения зав. отделом документов РЗИА. Отношения между историками, работавшими вместе в РЗИА и Русском историческом обществе, стали еще более дружескими и доверительными.

³ Кизеветтер Екатерина Александровна (в замуж. Максимович; 1895–1990) — дочь А.А. Кизеветтера, юрист, педагог, преподаватель Русской реформированной реальной гимназии в Праге.

⁴ Кизеветтер Екатерина Яковлевна (урожд. Фрауенфельдер; в 1-м браке Кудрявцева; 1864–1924) — жена А.А. Кизеветтера, педагог, член Партии народной свободы.

⁵ Кудрявцева Наталья Александровна (1886–1931) — дочь Е.Я. Кизеветтер от 1-го брака с А.А. Кудрявцевым (1863–1893), приемная дочь А.А. Кизеветтера, педагог.

⁶ Максимович Евгений Филимонович (1896–1965) — муж Е.А. Кизеветтер (1895–1990), историк, член правления и казначей Русского исторического общества в Праге, сотрудник отдела документов РЗИА (1923–1946), затем Славянской библиотеки в Праге и Чехословацкого агентства печати.

⁷ Имеется в виду статья: *Изюмов А.Ф.* А.А. Кизеветтер в Московском университете: (Воспоминания ученика) // Последние новости. 1933. 3 марта. № 4363. С. 3. В феврале 1933 г. Изюмов направил Карповичу черновой вариант этой статьи.

⁸ После смерти А.А. Кизеветтера члены Русского исторического общества приняли предложение А.Ф. Изюмова увековечить его память установкой памятника на его могиле на Ольшанском кладбище. Они составили обращение Исторического общества с призывом к сбору средств на сооружение памятника. Жертвователи должны были отметить себя в специальных подписных листах. Изюмов направил Карповичу обращение и подписные листы 12 февраля 1933 г.

⁹ Русское историческое общество в Праге.

¹⁰ Обширная библиография трудов А.А. Кизеветтера (1003 наименования) была составлена его зятем Е.Ф. Максимовичем. В виде отдельной брошюры она издана не была. Она вышла в свет в составе изданного в 1937 г. сборника памяти председателей Русского исторического общества Е.Ф. Шмурло (1853–1934) и А.А. Кизеветтера и секретаря общества Б.А. Евреинова (1888–1933): *Максимович Е.Ф.* Материалы для библиографии печатных работ А.А. Кизеветтера // Записки Русского исторического общества в Праге. Т. 3: Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, Б.А. Евреинов. Прага; Нарва, 1937. С. 225–284.

¹¹ Пэрс Бернард (Pares; 1867–1949) — британский историк, журналист. С 1919 г. профессор и директор Школы славянских и восточноевропейских исследований при Королевском колледже Лондонского университета, с 1922 г. редактор научного журнала «Slavonic Review».

¹² В августе 1932 г. Б. Пэрс обещал А.Ф. Изюмову опубликовать в журнале «Slavonic Review» (в № 1 за 1933 г.) его статью о РЗИА, но в декабре того же года передумал. Тогда Изюмов попросил Пэрса переслать ее М.М. Карповичу, желавшему поместить ее в «Journal of Modern History». Впрочем, и Карпович своего обещания не сдержал.

¹³ В январе 1933 г. Сполдинг защитил в Гарвардском университете докторскую диссертацию о милитаризации труда в эпоху военного коммунизма.

¹⁴ В начале 1933 г. Сполдинг был приглашен на преподавательскую работу в Стэнфордский университет. Затем занимался исследовательскими проектами в Гуверовской библиотеке войны, революции и мира (с 1941 г. — Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете).

¹⁵ 18 ноября 1932 г. в газете «Возрождение» было опубликовано интервью М.Т. Сполдинга берлинскому корреспонденту этой газеты А.Я. Гутману (псевд. Ган; 1889–1950). Оно

появилось без ведома и согласия американского историка. Корреспондент ошибочно назвал Сполдинга «уполномоченным» руководимой Г. Гувером Американской организации помощи (АРА) и «профессором» Гарвардского университета. Гутман приписал Сполдингу личное знакомство с президентом Ф.Д. Рузвельтом, осведомленность о его предполагаемых действиях в области внешней политики, а также ряд заявлений, которые историк не делал. Так, Сполдинг никогда публично не высказывался о голоде 1921–1922 гг. в советской России, не говорил, что американские экспортеры отрицательно относятся к признанию Соединенными Штатами СССР, не утверждал, что руководители демократической партии США более враждебны советско-американскому сближению, чем республиканские лидеры. Его указание на американскую «традицию непризнания» советской России Гутман сильно преувеличил. В итоге Сполдинг направил в газету «Последние новости» письмо, протестующее против подобного образа действий берлинского корреспондента «Возрождения» (см.: Последние новости. 1932. 13 декабря. № 4283. С. 2).

¹⁶ В начале 1934 г. Ф. Мозли был принят преподавателем истории в один из небольших колледжей недалеко от Нью-Йорка.

¹⁷ Курс истории России XIX–XX вв., прочитанный Карповичем во втором полугодии 1932/33 учебного года.

¹⁸ Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) — донской казак, предводитель крестьянского восстания 1773–1775 гг.

¹⁹ Семилетняя война — война 1756–1763 гг. между Пруссией и Англией с одной стороны и коалицией Франции, Австрии, Польши, Швеции, России и Испании с другой.

²⁰ Петр III Федорович (1728–1762) — российский император в 1762 г.

²¹ Суворов Александр Васильевич (1730–1800) — русский полководец, участник русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., подавления польского восстания 1794 г., итальянского и швейцарского походов 1799 г.

²² Костюшко Тадеуш (Kościuszko; 1746–1817) — участник Войны за независимость США (1775–1783), руководитель польского восстания 1794 г. после второго раздела Речи Посполитой.

²³ Супруга историка Ф. Мозли.

²⁴ Жена М.М. Карповича.

²⁵ Татьяну Потапову и Татьяну Мозли.

²⁶ Московский университетский праздник «Татьянин день». Отмечался в день основания Московского университета (12/25 января 1755 г.).

²⁷ Жанна Михайловна Потапова приехала в США 23 января 1933 г.

²⁸ Имеется в виду работа над книгой о судьбе «максималистической» концепции русской революции 1917 г.

²⁹ См. примеч. 6 к письму 3.

³⁰ В конце 1932 г. А.Ф. Изюмов, обрабатывая поступивший в РЗИА архив М.П. Драгоманова, обнаружил в нем переписку поэта В.С. Печерина с А.И. Герценом (1812–1870) и Н.П. Огаревым (1813–1877), а также «Исповедь» и письма к Герцену революционера В.И. Кельсиева. Этот материал давал новую информацию для понимания Герцена и его взаимоотношений с русской эмиграцией.

³¹ Печерин Владимир Сергеевич (1807–1885) — поэт, профессор греческой словесности Московского университета, религиозный мыслитель, католический монах, один из первых русских диссидентов и невозвращенцев.

³² Кельсиев Василий Иванович (1835–1872) — революционер, журналист, переводчик, этнограф, сподвижник А.И. Герцена, сотрудник Вольной русской типографии, историк раскола. Писатель, основатель русской социалистической колонии в Тульче (Турция). В 1867 г. вернулся в Россию, отошел от политической деятельности, получил прощение.

³³ В начале 1933 г. Изюмов написал доклады о Печерине и Кельсиеве по документам РЗИА и планировал зачитать их в Русском историческом обществе. Ввиду нехватки времени в феврале 1933 г. сделал доклад только о Печерине, в котором осветил его личность и «духовное возвращение на родину». Кроме того, он опубликовал переписку Печерина с Герценом и Огаревым на немецком языке в 1933 г. в немецком журнале «Ежегодник славянской культуры и истории». А в 1935 г. выпустил статью о Печерине с приложением его писем к Герцену и Огареву за 1862–1863 гг. в русском эмигрантском религиозном журнале «Путь» (*Jzjumov A. Der briefwechsel V.S. Pečerin's mit A.I. Herzen und N.P. Ogarev // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Breslau. 1933. Bd. 9. № 4. P. 493–517; Изюмов А.Ф. Духовное возвращение В.С. Печерина на родину: (по его неопубликованным письмам к А.И. Герцену и Н.П. Огареву) // Путь (Париж). 1935. № 47. С. 28–50*). Летом 1933 г. Изюмов собирался написать статью об этнографической деятельности Кельсиева для Славянского института в Праге, но ввиду служебной нагрузки в РЗИА и хлопот по Историческому обществу даже не приступил к этой работе.

³⁴ Имеются в виду сообщения А.Ф. Изюмова о смерти А.А. Кизеветтера 9 января 1933 г. и о бедственном материальном положении сотрудников РЗИА П.С. Бобровского (1880–1947) и Н.П. Цветкова (1891–1952).

³⁵ Лето 1933 г. семья Карповича провела на даче вблизи города Нью-Хейвен штата Коннектикут.

³⁶ Стратонов Иринарх Аркадьевич (1881–1942) — историк, специалист по истории Русской церкви.

³⁷ Книга И.А. Стратонова «Русская церковная смута 1921–1931» о взаимоотношениях Русской православной церкви за границей с московской церковной властью была впервые издана в Берлине в 1932 г. В США она переиздана не была.

³⁸ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — меньшевик, историк, публицист, архивист. С 1922 г. жил в Германии, представитель Русского заграничного исторического архива в Берлине. В 1933 г., после прихода к власти нацистов, переехал в Париж, в 1940 г. — в США. Собрал архив по истории революционного движения, в 1963 г. продал его Гуверовскому институту войны, революции и мира.

³⁹ Речь идет о книге Б.И. Николаевского «История одного предателя» о революционере-провокаторе Е.Ф. Азефе, впервые вышедшей в свет в 1932 г. в Берлине.

5

Кембридж, 9 июня 1933 г.

Наконец-то собрался написать Вам, дорогой Александр Филаретович! Кажется, никогда еще не был я таким плохим корреспондентом, как в этом году. В свое оправдание могу сказать словами наших «шестидесятников», что меня «среда заела». Заботы и хлопоты по университету и по семье поглощали меня всего без остатка. Теперь вздохнул свободнее. Университетские занятия более или менее кончились (остался лишь экзамен по курсу с чтением работ и выставлением отметок), семья со 2 июня на даче. Я с ними на это лето «развожусь». До конца июля, вероятно, буду здесь, наезжая к своим лишь изредка. Август и сентябрь думаю провести на ферме у Бахметева, милях в 60–70 от того места, где поселил своих. Тогда буду ездить к ним раз в неделю, на субботу и воскресенье. Решил, что иначе мне своей пресловутой книги¹ не написать. В течение всей зимы я к ней так и не

приступил — невозможно было. Теперь примусь вовсю. В первой стадии мне все еще будет нужна библиотека, почему и остаюсь здесь. На конец лета останется уже «чистое писание», и тогда приятнее будет жить у Бахметева, к~~ото~~рый обещает мне полную тишину и изоляцию, нежели в душном городе.

Мои живут в штате Connecticut (произносится «Коннектикут» — это индейское название), недалеко от New Haven, где Вернадские². Вернадские опять купили автомобиль, так что, вероятно, будут приезжать к нашим часто. С др~~угой~~ стороны, довольно близкая соседка — А.Л. Толстая³, севшая там на землю. Сняли мы довольно большой фермерский дом, стоящий совершенно уединенно среди полей и лесов. Ближайшие соседи в 10 минутах ходьбы, но дома их от нашей дачи не видно. В другой стране и в другой части Америки я бы побоялся оставить Т.Н. с бабушкой и детьми в такой пустыне. Но здесь все-таки мирно, кругом живут такие почтенные и дружелюбно настроенные люди, что я за них совсем не тревожусь. В одной миле от дачи есть пруд, в к~~ото~~ром можно купаться, а в 10 милях — море с хорошим пляжем. Туда они рассчитывают ездить раза два в неделю с оказией (Вернадские или кто-нибудь из соседей).

Татьяна Мозли присоединится к нашим в конце этого месяца, и тогда Т.Н. будет, конечно, гораздо легче. Сейчас я живу у Мозли и, вероятно, останусь с ним и в июле, после отъезда Татьяны. Свою квартиру мы бросили, т.к. она стала нам тесна. Осенью будем искать помещение побольше.

Все у нас, слава Богу, здоровы. Бабушка держится молодцом, Т.Н. в общем чувствует себя хорошо, ребята растут, и надеюсь, что на даче окрепнут и поправятся. Арсения мы не так давно отдавали на неделю в клинику для всесторонних обследований. Измерили его во всех направлениях и во всех смыслах и никаких органических недостатков не нашли. Нашли только некоторые «функциональные непорядки» и определили их как очень слабую степень болезни, к~~ото~~рая в старину называлась «пляской св~~ятого~~ Витта», а теперь имеет более научное название⁴ (припомнить его не могу). Говорят, что это легко поправимо. Учился он в школе неплохо, но не так хорошо, как мог бы по своим способностям. Только за поведение все ему ставили плохую отметку — и все потому, что без усталости болтал не только между уроками, но и во время уроков. Директор школы уже сказал мне, что он уже махнул на это рукой — «все равно он никогда не перестанет говорить». Но все они относятся там к этому весьма добродушно, и в общем считают, что Арсений сильно улучшился и выровнялся после Европы.

Меньшие⁵ в своем киндergartenе⁶ постепенно учились английскому. Наташа уже совсем хорошо говорит, Сергей многое понимает и кое-что говорит; даже Мариша кое-что понимает и кое-что пытается говорить, а главное — нет. У нее обнаружилась очень большая музыкальность и замечательное чувство ритма. Ничего, ребята хорошие, хотя и беспокойные!

Перед самым концом учебного сезона университет порадовал меня повышением — на следующие три года назначили меня assistant professor⁷. Должен сказать, что в данный момент я этого не ожидал. Во-первых, я еще не кончил своей книги. Во-вторых, времена сейчас такие, что всюду всех и все сокращают, а мое повышение автоматически влечет за собою некоторое увеличение жалованья. Даже как-то нелов-

ко за свое благополучие на фоне почти всеобщего неблагополучия! Теперь придется особенно постараться над книгой, чтобы оправдать оказанное мне авансом доверие.

Мозли тоже не может жаловаться на судьбу. Представил свою диссертацию (очень толковая работа о восточной политике России в конце 30-х гг. XIX в., с совершенно новым — и весьма убедительным — освещением Ункиар-Скелессийского договора⁸: эта часть работы, вероятно, будет напечатана университетом⁹). Затем сдал последний экзамен, так что сейчас уже доктор. На будущую зиму получил место лектора по истории в одном из небольших колледжей недалеко от Нью-Йорка. Сполдинг стал доктором еще в январе (его работа тоже очень хороша¹⁰), и с тех пор находится в Станфорде, при Hoover War Library, куда его пригласили на исследовательскую работу. Он помогает им в подготовке экономических томов затеянной им серии документов по истории советского режима.

На днях послал Максимовичу¹¹ 18 дол<ларов> — 16 по подписному листу и 2 за открытки (40 штук по 5 центов за штуку). Хочу объяснить Вам, почему я мог так мало сделать в этом направлении. Здесь мне почти не к кому было обратиться. В Нью-Йорке же действовали Гольдштейн¹² и Лисицын¹³. Кроме того, Гольдштейн как член Академического союза¹⁴ обратился и туда. Я должен был ограничиться поэтому немногими личными друзьями. Вернадский, конечно, не отказался дать сколько мог. На листе блещет своим отсутствием одно имя. Доверительно: я к этой персоне обращался и получил отказ под предлогом, что «не время сейчас заниматься памятниками». Три неиспользованных листа (мне некому было их послать) вместе с использованным тоже вернул Максимовичу.

Вашу статью об Архиве я от Перса получил без всяких комментариев. Я с нею пока еще ничего не сделал, но не думаю ее бросать в корзину. Попытаюсь ее устроить в несколько сокращенном и приспособленном для американцев виде в «Journal of Modern history». Для этого мне нужно некоторое время. О статье относительно Хилкова¹⁵ не знаю, что Вам сказать. В «Рассвете» у меня знакомых нет. И не знаю, стоит ли Вам с ним (или с каким-либо другим местным органом) пугаться. Платить они не платят, а честь появления на их страницах — небольшая.

Ваша статья об А.А. в «Посл<едних> нов<остях>»¹⁶ была очень хороша. Все-таки хотелось бы, чтобы сборничек с библиографией¹⁷ вышел. Весьма хотел бы быть в положении, к<ото>рое позволило бы мне оказать обществу денежную поддержку, но пока все еще не вижу никаких возможностей.

Очень рад, что удалось устроить здесь для Саханева¹⁸ большой заказ на диапозитивы для волшебного фонаря по истории русского искусства¹⁹. Все-таки он немного на этом заработает. Здесь (т.е. в Америке) сейчас образовался Комитет по сбору средств для помощи немецким ученым-изгнанникам. Думаю написать туда с указанием на русских ученых, давно уже находящихся в том же положении. Не знаю, что из этого выйдет.

За перевод книги Николаевского об Азефе²⁰ и сношения с издательством взялся один мой хороший знакомый, очень энергичный молодой русский, только что кончивший наш университет по литературному отделению, некий Перцов²¹. Написал об этом Б.И. <Николаевскому> в Париж, по новому адресу «Соц<иалистического> вестника»²², и жду его ответа.

Насчет колосовской библиотеки²³ я никакого другого адреса, кроме савенковского, указать не могу. Я только от него об этом слышал, и хранится эта библиотека в доме родителей его жены-итальянки. По-моему, с ним и надо списываться — или, может быть, с его женой, по-итальянски (это Осоргин²⁴ может). Адрес ее — Signora Maria Savenkoff, Pensione Frugone, Cavi di Lavagna. Адрес самого Савенкова тот же. Зовут его, кажется, Алексей Михайлович.

Недавно, разбираясь перед укладкой в своих бумагах, нашел копии политических писем, к^{ото}рые я посылал из Парижа в 1919 и 1921 гг.²⁵ Мне пришло в голову, что, м^{ожет} б^{ыть}, они представят некоторый интерес «для потомства». Посылаю их поэтому Вам в отдельном пакете. Если найдете их неинтересными, уничтожьте. В противном случае передайте на хранение в Архив. Предавать их гласности я сейчас не хотел бы. Многие из тогдашних моих настроений мне сейчас совершенно чужды, и ко многим из упоминаемых там лиц я отношусь совершенно иначе.

М^{ежду} пр^{очим}, мне, кажется, постепенно удалось склонить Бахметева к передаче его архива²⁶ в Ваш Архив. Принципиально он уже согласен (но это пока — неофициально). Летом, живя у него на ферме, постараюсь его окончательно обработать. Вероятно, мне когда-нибудь придется поехать в Нью-Йорк, чтобы привести этот архив в порядок и отобрать ту (сравнительно небольшую) «интимную» его часть, к^{ото}рую Б.А. <Бахметев> пока не хочет передавать в архив. Я уже имею от него полномочие переслать в архив все бумаги по моему усмотрению в случае его смерти. Но надеюсь, что до этого печального события ждать не придется.

На днях буду писать в Архив С.П. Постникову²⁷ с предложением кое-какой «россики» к обмену. Тогда уже пошлю и свою автобиографию²⁸, о к^{ото}рой он меня просил. Как видите, я Архив все-таки не забываю.

Решению Бахметева, кажется, помогла и его беседа с С.В. Завадским²⁹, к^{ото}рый ему очень понравился и к^{ото}рый говорил с ним об Архиве. Бедного Завадского здесь облаяли в «Новом русском слове» за его выступление в качестве эксперта на стороне американского банка против русских истцов. Насколько могу судить, облаяли несправедливо. Довольно удачная защита Завадского была напечатана Каринским³⁰ в «Русской газете». Если будет время, посмотрите то и другое. Довольно любопытно.

Мансветов с горя затеял в Нью-Йорке издание левоэсеровского (черновского) журнала «Новые пути»³¹. Затея, на мой взгляд, сугубо бесполезная. Между прочим, имею сведения, что в Станфорде его деятельностью не очень довольны, и как долго он останется их представителем — неизвестно.

Об общем положении в мире, в России, в Германии, в Америке — не знаю, что сказать. Давно перестал все это понимать и во всем этом разбираться. Того, что случилось в Германии, все-таки рационально до конца не объяснить. Почему 48% сдались на милость 52% в 24 часа, без малейшей попытки к сопротивлению?³² Как же после этого удивляться 15-летнему господству коммунистической диктатуры в России? Вот вам и «Германия все же не Россия»! Разброд в социалистич^{еских} и либеральных кругах производит отвратительное впечатление. Казалось бы, так ясно, что вопрос идет сейчас только о выборе между диктатурой (безразлично,

коммунистической) или фашистской) и правовым демократическим государством. Так нет же, блуждают в трех соснах и не знают, как из них выбраться.

Здесь было месяца два восторгов и надежд на Рузвельта³³, но как будто этот период кончается. Последние «полусоциалистические» предложения пр<авитель>ства (насчет контроля промышленности) вызывают очень сильную оппозицию³⁴, и чем все это кончится — не знаю. Здорово помогает пиво — как психологический фактор (боюсь, что на меня за это рассердится Александра Степановна, но я рассуждаю в плоскости чисто политической!). Пиву здешнему далеко до пражского, но все-таки пить его можно, и не без удовольствия. Помимо того, мы на всех парах движемся к полной отмене «прогибиции»³⁵. Уже 10 штатов высказались за соответствующее изменение конституции. Когда выскажется еще 26, «прогибиции» придет конец³⁶, и можно будет пить все, что угодно.

Надо, однако, кончать это растянувшееся послание. Если напишете о себе, об А.С., о Праге — буду очень Вам благодарен. Мой летний адрес (для писем):

M. Karpovich, c/o Mr Toumanoff
57 Gorham St<reet> Cambridge, Mass.

Шлю привет Вам и А.С. Крепко жму Вашу руку, Ваш М. Карпович.
Мозлеи Вам кланяются.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 39–44 об.

¹ См. примеч. 3 к письму 2.

² Историк Г.В. Вернадский и его супруга Нина Владимировна (урожд. Ильинская; 1884–1971), певица. В г. Нью-Хейвен штата Коннектикут находится Йельский университет, в котором Г.В. Вернадский преподавал в 1927–1973 гг. русскую историю.

³ Толстая Александра Львовна (1884–1979) — графиня, младшая дочь и секретарь Л.Н. Толстого, писательница, благотворительница, основатель и президент (1939–1976) Толстовского фонда, оказывавшего содействие русским эмигрантам. В эмиграции в США с 1931 г., в 1933–1939 гг. занималась сельским хозяйством в штате Коннектикут.

⁴ Пляска святого Вита (или хорая) — синдром в медицине, заболевание нервной системы. Выражается в отрывистых, беспорядочных движениях человека. Синдром назван в честь христианского святого Вита. Существовало поверье, что человек может получить хорошее здоровье, танцуя перед статуей святого Вита в день его памяти.

⁵ Младшие дети Карповича: Сергей и Марина.

⁶ Kindergarten — детский сад (нем.).

⁷ Assistant professor — младший преподаватель.

⁸ Ункяр-Искелесийский договор — договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией, подписанный 26 июня 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси близ Константинополя.

⁹ Mosely P.E. Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838 and 1839. Cambridge, 1934.

¹⁰ В январе 1933 г. М.Т.Б. Сполдинг защитил докторскую диссертацию о милитаризации труда в эпоху военного коммунизма. Она была опубликована Гарвардским университетом: Spalding M.T.B. Chapters in the History of Compulsory Labor in Russia, 1918–1921. Front Cover. Harvard University, 1933.

¹¹ То есть казначею Русского исторического общества в Праге, историку Евгению Филимоновичу Максимовичу (1896–1965).

¹² Гольдштейн Иосиф Маркович (1868–1939) — экономист, статистик, филантроп. В 1917–1919 гг. профессор кафедры политической экономики и статистики юридического факультета Московского университета, в 1919 г. эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. Основатель Фонда помощи московским ученым, писателям и артистам. Один из учредителей РАГ в США.

¹³ Лисицын Оливер Яковлевич (1912–1994) — юрист, специалист по воздушному праву и дипломатии, педагог. Окончил Колумбийский университет в г. Нью-Йорк, доктор права (1942). В 1941–1943 гг. служил в Вашингтоне в Управлении стратегических служб. После 1945 г. преподавал в Колумбийском университете; зав. кафедрой международного права и дипломатии им. Гамильтона Фиша. Один из редакторов журнала «American Journal of International Law».

¹⁴ Имеется в виду Русская академическая группа в США (Русский академический союз), созданная в 1923 г.

¹⁵ Весной 1933 г. Изюмов обратил внимание на поступившие в РЗИА письма толстовца князя Дмитрия Хилкова к своей супруге о поиске им земель для духовоборов на Кипре и в Канаде. 7 апреля 1933 г. он спрашивал Карповича о возможности публикации статей-фельетонов о Д.А. Хилкове по материалам этих писем в чикагской газете «Рассвет». Кроме того, просил похлопотать об этом в редакции «Рассвета». В 1941 г. Изюмов планировал выпустить статью «В поисках земель для духовоборов (на основе писем Д.А. Хилкова)» в первом номере русского исторического журнала, но этот журнал так и не увидел свет.

¹⁶ См.: *Изюмов А.Ф.* А.А. Кизеветтер в Московском университете: (Воспоминания ученика) // Последние новости. 1933. 3 марта. № 4363. С. 3.

¹⁷ Полная библиография печатных трудов А.А. Кизеветтера в виде отдельного сборника, готовившаяся Русским историческим обществом в Праге.

¹⁸ Саханев Всеволод Васильевич (1885–1940) — историк искусства, этнограф, педагог. Преподаватель Русского юридического факультета и Русского народного университета в Праге, член Совета и Ученой комиссии РЗИА, Русской академической группы.

¹⁹ Желая поддержать В.В. Саханева, Карпович устроил ему заказ на фотоизображения для своего коллеги по Гарвардскому университету, слависта, профессора Сэмюэля Кросса (Cross; 1891–1946) — для его лекций по искусству.

²⁰ Работа Б.И. Николаевского о революционере-provokatore Е.Ф. Азефе была переиздана на английском языке в Лондоне: *Nikolaevsky B.I. Aseff: the Russian Judas... / transl. by George Reavey. L.: Hurst & Blackett, 1934.*

²¹ Перцов Петр Александрович (1908–1967) — выпускник Гарвардского университета, переводчик. Преподавал русский язык в Корнельском университете.

²² «Социалистический вестник» — эмигрантский журнал русских меньшевиков. Издавался Заграничной делегацией РСДРП (меньшевики) в 1921–1965 гг. В 1933–1940 гг. выходил в Париже. Б.И. Николаевский сотрудничал с этим журналом, входил в его редакцию.

²³ Будучи в июле 1932 г. на отдыхе в итальянском городе Кави-ди-Лаванья, Карпович остановился в пансионе «Фругон». Хозяин этого пансиона — бывший эсер Алексей Михайлович Савенков (1875–?) — рассказал ему о существовании библиотеки Е.Е. Колосова (1879–1937), члена Боевой организации партии эсеров, историка русского революционного движения, специалиста по наследию публициста Н.К. Михайловского (1842–1904). В 1909–1914 гг. Колосов жил в Италии, у родителей жены Савенкова, которые и являлись владельцами библиотеки. Специалисты РЗИА А.Ф. Изюмов и С.П. Постников заинтересовались этой библиотекой и пожелали ее приобрести.

²⁴ Осоргин Михаил Андреевич (1878–1942) — эсер, писатель, журналист. В 1906–1916 гг. жил в Италии, близ Генуи, на вилле «Мария» и в городе Кави-ди-Лаванья.

²⁵ В феврале–июне 1919 г. М.М. Карпович написал из Парижа семь писем-отчетов И.И. Сукину (1890–1958), управляющему МИД в правительстве А.В. Колчака, и С.А. Угету

(1884–1963), финансовому агенту российского посольства в Вашингтоне. В них он подробно рассказал о работе Русского политического совещания во время Парижской мирной конференции. 2 февраля 1921 г. написал советнику российского посольства в Вашингтоне Г.Г. Баху (1881 — после 1961) письмо о парижском совещании бывших членов Всероссийского учредительного собрания. Сегодня эти материалы, хранящиеся в Государственном архиве РФ, в фонде «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов», доступны исследователям: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 930–931.

²⁶ В течение долгого времени Б.А. Бахметев собирал документы разнообразного характера, в том числе дипломатические, о русской эмиграции. Они составили основу Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

²⁷ Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965) — эсер, издатель, публицист, журналист, библиограф. Один из основателей РЗИА, член его Ученой комиссии и заведующий отделом книжных и журнальных изданий.

²⁸ М.М. Карпович отправил в РЗИА вместе со своими письмами из Парижа за 1919 и 1921 гг. и автобиографию, написанную 29 мая 1933 г. Теперь она находится в Государственном архиве РФ, в фонде «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» (Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 22).

²⁹ Завадский Сергей Владиславович (1871–1935) — правовед, историк литературы, переводчик, публицист, педагог. Профессор кафедры гражданского права и процесса Русского юридического факультета в Праге, лектор Русского народного университета (в 1929–1930 проректор), Русского института сельскохозяйственной кооперации. Председатель Русской академической группы (1929–1932), Совета РЗИА (с 1933). В апреле–мае 1933 г. находился в Нью-Йорке (США) как эксперт в большом гражданском процессе. В письме упомянуто дело Барановского товарищества (акционерного общества Барановских трубочных и гильзовых заводов) против банка «Гаранти Трест Компани», слушавшееся в мае 1933 г. в Высшем суде Нью-Йорка. Еще в 1916 г. Товарищество перевело «Гаранти Трест Компани» 1 миллион 740 тысяч долларов. В 1929 г. правление Товарищества предъявило из Брюсселя иск о возврате своих вкладов из этого банка. «Гаранти Трест Компани» отказал в выплате, считая истцов не имеющими законных полномочий. Несколько русских юристов, в том числе С.В. Завадский, выступали на этом процессе в качестве экспертов и толкователей русских законов. Они считали, что по русским законам истцы не могли бы требовать этих денег. По их убеждению, руководство правления Товарищества, находясь за границей, утратило свои полномочия; заседание правления вне указанного в уставе Товарищества места пребывания правления (Петроград) незаконно; то обстоятельство, что правление невозможно было созвать в России, значения иметь не может. Дело окончилось сенсационной победой русских беженцев над американским банком. Их иск был удовлетворен. См.: Дело Барановского товарищества против Гаранти Трест Ко (Из зала суда) // Новое русское слово. 1933. 25 мая. № 7424. С. 2; *Лисицын Я.И.* Борьба против права и правды // Там же. 27 мая. № 7426. С. 5.

³⁰ Каринский Николай Сергеевич (1873–1948) — правовед, статистик, журналист. Губернатор Черноморской губернии и управляющий МВД при Южнорусском правительстве А.И. Деникина, председатель Константинопольского совета присяжных поверенных (1921–1923). В 1923 г. переселился в Нью-Йорк (США), один из учредителей Союза русской присяжной адвокатуры в США, редактор «Русской газеты» (орган Центрального правления русских национальных организаций), председатель Зарубежного союза русских судебных деятелей в США.

³¹ Мансветов Федор Северьянович (1886–1967) — эсер, председатель Народного собрания Дальневосточной республики (1920). В эмиграции жил в Праге в 1922 г. Один из организаторов Объединения российских земских и городских деятелей (секретарь в 1922), член правления и коммерческий директор (с 1924) издательства «Пламя», редактор исто-

рико-библиографического журнала «Славянская книга», член Совета РЗИА. С 1930 г. жил в США. Работал в Гуверовской библиотеке войны, революции и мира Стэнфордского университета, с 1933 г. ее агент в Нью-Йорке. После 1945 г. жил в Вашингтоне, преподавал русский язык в Пентагоне. Выпуск журнала «Новые пути» не был осуществлен.

³² Карпович размышляет о политических событиях в Германии в марте 1933 г. На парламентских выборах 5 марта 1933 г. 52% голосов избирателей получила коалиция Национал-социалистической немецкой рабочей партии А. Гитлера и Немецкой национальной народной партии. Остальные политические силы (социал-демократы, коммунисты, партия Центра, либералы и католики) набрали в совокупности 48%. 24 марта 1933 г. большинство депутатов рейхстага (в отсутствие арестованных коммунистов) проголосовали за закон о предоставлении рейхсканцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий. Только социал-демократы выступили против. Закон окончательно закрепил в Германии диктатуру нацистов.

³³ Избранный 8 ноября 1932 г. президент США Франклин Делано Рузвельт объявил обширную программу экономических и социальных реформ по выходу из экономического кризиса («Новый курс»).

³⁴ Речь идет о подготовке Национального акта о восстановлении промышленности (НИРА), вступившего в силу 16 июня 1933 г. Согласно закону было создано правительственное агентство, Управление восстановления промышленности, задачей которого стала борьба с недобросовестной конкуренцией и нездоровыми отношениями между бизнесом и работниками. При посредничестве этого агентства предприниматели каждой отрасли хозяйства заключали между собой «кодексы честной конкуренции». Положения НИРА, в особенности статьи о регулировании условий труда, вызывали недовольство консервативных кругов бизнеса, мечтавших о возврате к временам неограниченного предпринимательского производства.

³⁵ Имеется в виду отмена «сухого закона». Prohibition (*англ.*) — запрещение продажи спиртных напитков, «сухой закон». 16 января 1920 г. в США начала действовать 18-я поправка к Конституции (принята конгрессом 17 декабря 1919 г.), запрещавшая производство, продажу и перевозку спиртных напитков.

³⁶ 5 декабря 1933 г. вступила в силу 21-я поправка к Конституции США, которая отменяла 18-ю («сухой закон»). Одной из причин легализации спиртного стал экономический кризис, в период которого государство остро нуждалось в налоговых поступлениях.

6

7 Trowbridge Place Cambridge, Mass. USA

6 ноября 1933 г.

Дорогой Александр Филаретович,

Как видите, посылаю Вам деньги с большим опозданием¹. Но поверьте, что это вышло не по моей вине. Просто не мог сделать этого раньше. Ввиду падения курса доллара получилась также несколько меньшая сумма, чем мне хотелось бы. Больше 50 дол<ларов> я достать не мог, а по нынешнему курсу это только — 1077.55 kr.² (вместо прежних 1500 с лишним!). По мне, конечно, должны платить в кронах. Если доллар будет продолжать падать (что вероятно), я ничего на этом не потеряю, а напротив, выиграю; для Вас же это разницы не составит. Предполагать обратный случай, т.е., чтобы крона стала падать быстрее доллара (в каком случае Вы были бы в выигрыше, а я в проигрыше), сейчас как будто нет оснований.

Долг свой возвращайте мне в какой Вам будет удобно срок. Никаких расчетов ни в своем регулярном бюджете, ни в связи с возможными экстренными расходами, я с Вашими платежами не связываю. Поэтому подвести меня Вы никак не можете. Пожалуйста, будьте на этот счет совершенно спокойны.

У нас все благополучно, но последний месяц был достаточно суматошный. Мы до сих пор еще не устроились в своем новом доме (теперь у нас отдельный трехэтажный дом, и даже с садом!). Состав наш еще увеличился, т.к. мы приютили двух молодых соотечественников. Бориса Васильевича Нагашева³, очень талантливого (и беспутного) техника и изобретателя, и Маргариту Ивановну Зарудную (племянницу Александра Сергеевича), математика, к<ото>рая учится здесь в Политехникуме⁴. Нагашев у нас заведует отоплением и освещением и обслуживает нас своим автомобилем (его единственное имущество), а Муля Зарудная помогает Т.Н. с детьми и немного по хозяйству. За стол садится у нас вместе с малышами 9 чел<овек>, а без малышей 6, так что я чувствую себя совсем патриархом.

Все, начиная с бабушки и кончая Маришей, слава Богу, здоровы. Арсений ходит в свою школу и, как обычно, ленится. Наташа ходит в детский сад, а маленькие «воспитываются» дома.

За книгу свою с возвращения сюда я так и не брался. Но думаю, что скоро опять возьмусь. Занятия в университете идут благополучно. Чувствую я себя хорошо.

Что тут в Америке происходит — разобрать трудно. До сих пор еще неясно, идем ли мы к благополучному переустройству капитализма на началах планового хозяйства или к худшему кризису, за к<ото>рым последует либо реакция, либо революция. Бахметев уверяет, что все кончится возвращением к старой американской системе экономического индивидуализма, и тогда все будет хорошо. Но я смеюсь над ним, что его фабрикантское бытие определяет его сознание. Одно, по-видимому, ясно: скоро начнем здесь пить без ограничений⁵ — то ли с горя, то ли с радости.

Еще ясно, что завтра сюда приезжает тов<арищ> Литвинов⁶, и его будут встречать в цилиндрах и визитках, и вообще со всеми «сферами»⁷. До чего они договорятся — не знаю, но признание, по-видимому, будет⁸. Иначе не стоило бы весь огород городить. Я к этому отношусь очень спокойно, чем вызываю негодование многих волнующихся соотечественников. По совести говоря, не вижу, почему от американского признания русскому мужику будет лучше или хуже.

Саханевская история лежит на моей душе тяжелым камнем⁹. Должен сказать, что теперь я уже негодую на Кросса. Он дважды обещал мне послать деньги Саханеву следующего первого числа и дважды меня надул. Хочу верить, что он пошлет деньги в близком будущем. Будь у меня свободные деньги, я бы сам их послал Саханеву, а потом тягался бы с Кроссом, но сейчас никак этого сделать не могу.

Очень был поражен на днях слухом (пока еще для меня неподтвержденным) о смерти Лосского¹⁰. Я видел его здесь совсем недавно, и он был полон бодрости и энергии. Такова жизнь человеческая! Когда будет время и охота — напишите побольше: о себе, об А.С., об общих друзьях, об Архиве, об Историческом обществе.

Пока же шлю Вам и А.С. сердечный привет от себя и своих. Крепко жму Вашу руку. Ваш М. Карпович.

П.С. Обратите внимание на наш новый адрес. Повторяю название улицы: Trowbridge Place.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 48–49 об.

¹ В июле 1933 г. А.Ф. Изюмов просил М.М. Карповича отправить ему 1000 крон (50 долларов) для оказания материальной помощи голодавшей матери, оставшейся в СССР, и для поддержки дочери жены от первого брака Елены, которая родила ребенка в конце 1933 г.

² Очевидно, Карпович имеет в виду чехословацкие кроны (kocuny).

³ Нагашев Борис Васильевич (1904–1936) — изобретатель. Участник Белого движения, работал в лаборатории Черноморского флота. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию. Разработал методику сохранения древних икон от внешних воздействий. В 1927 г. уехал в США, окончил Массачусетский технологический институт в Кембридже. Работал в компании «Дженерал Электрик».

⁴ Зарудная Маргарита Ивановна (в замуж. Фриман; 1908–2008) — математик, инженер, близкий друг семьи Карповичей. Племянница Александра Сергеевича Зарудного (1863–1934), министра юстиции Временного правительства (1917). Автор переведенных на русский язык мемуаров «Мчались годы за годами» (М., 2002). Окончила Массачусетский технологический институт по специальности «электротехника» (1932–1934). Много лет была сотрудником компании «Дженерал Электрик». Затем до выхода на пенсию преподавала прикладную математику в Массачусетском технологическом институте.

⁵ Карпович имеет в виду подготовку к отмене «сухого закона» в США, которая произойдет 5 декабря 1933 г.

⁶ Литвинов Максим Максимович (1876–1951) — народный комиссар по иностранным делам СССР (1930–1939).

⁷ Возможно, имеется в виду «слово - ер - с» — принятое в дореволюционной России добавление к словам букв «с» и «ъ» (в дореформенном названии соответственно «слово» и «ер») как выражение почтения.

⁸ 7 ноября 1933 г. состоялся визит М.М. Литвинова в Вашингтон, в результате которого 16 ноября были установлены дипломатические отношения между США и СССР.

⁹ Имеется в виду оплата фотографий для лекций профессора Гарвардского университета С. Кросса, сделанных В.В. Саханевым. В августе 1934 г. он обратился к адвокату, и деньги были посланы в октябре 1934 г.

¹⁰ Лосский Константин Владимирович (1864–1933) — украинский правовед, историк, дипломат. Профессор римского права и проректор Украинского свободного университета в Праге. Скончался 14 октября 1933 г.

7

7 Trowbridge Place Cambridge, Mass. USA
16 января 1935 г.

Дорогой Александр Филаретович!

Я думал, что за года нашей переписки Вы уже привыкли к периодическим моим «провалам в небытие», но вижу, что это не так, т.к. Вы все еще ищете каких-то особых причин для моего молчания. Увы, их не было, и ничего в свое оправда-

ние сказать не могу. Во всяком случае, полученное мною сегодня письмо Ваше от 2-I до того меня устыдило, что, как видите, сажусь писать сейчас же.

«В общем и целом», как с легкой руки Ильича¹ любят говорить большевики, у меня все благополучно и без особых перемен. В университете читаю все тот же общий курс при более или менее том же числе слушателей и продолжаю «тьюторствовать»². В этом году удалось выделить больше времени для своих занятий, но книга³ все-таки движается чрезвычайно медленно. Временами почти прихожу в отчаяние. Есть, очевидно, какие-то органические дефекты во мне самом, которые мешают моей исследовательской и писательской работе. Конечно, и условия семейной жизни играют свою роль. Большинство моих американских коллег люди обеспеченные, с прислугой, с налаженным бытом. Домашняя суета их не касается, и они с утра до вечера могут сидеть в библиотеке, а вечером отдыхать. Мне же приходится и дом убирать, и посуду мыть, и детей подымать утром и укладывать вечером, и все это отнимает не только время, но и физическую и даже (как это ни странно) умственную энергию. Не подумайте, что я жалуясь на свою судьбу. Несмотря ни на что, я все-таки не променял бы свой жребий на более благополучное, но скучноватое существование многих из моих коллег. Пишу об этих трудностях, только чтобы объяснить свою медлительность с книгой. Но, конечно, внутренние психологические причины, вероятно, еще важнее. Очень мне трудно и раскачаться, и втянуться в работу. В настоящем ученом, может быть, должно быть нечто от монаха. Во мне же, как Вы знаете, решительно ничего монашеского нет!

Как бы то ни было, кончать книгу надо. В будущем академическом году кончается мое трехлетнее назначение, и до обсуждения вопроса о новом назначении книга должна быть кончена и по возможности напечатана. Не то чтобы мне угрожало увольнение. Думаю, что я им здесь слишком нужен как преподаватель, чтобы они могли со мной расстаться. Но для продвижения по ступеням нашей иерархической лестницы нужны доказательства учености. На этом особенно настаивает наш новый президент. Да меня и самого мучает совесть. Неловко как-то, получив командировку, ничего не предьявить. Наконец, надо очищать дорогу для других работ. Я уже взялся писать русские главы для книги по экономической истории Европы с 1750 г., к⁴оторую готовит к печати наш экономический историк Usher⁴. А потом хочется заняться Витте⁵ и нужно что-то делать для биографии Родичева, к⁶оторую мы с Вернадским взялись писать по просьбе его дочери⁶. Помимо всего прочего, мне хочется попасть опять в Европу. В будущем году, по новым нашим правилам, я имею право на полугодовой отпуск с сохранением содержания, если я собираюсь использовать отпуск для целей исследовательской работы. Для поездки в Европы мне моего содержания не хватит. Значит, надо еще где-то просить о дополнительном ассигновании. Будь моя книга готова, мне было бы гораздо легче просить и об отпуске, и об ассигновании. Если же я пропущу эту возможность, то придется ждать еще 4 года до возможности получения отпуска, что мне совсем не улыбается⁷. Конечно, если я с яростью накинусь на книгу, я могу ее в несколько месяцев кончить. Вот и пожелайте мне, чтобы я проникся этой яростью.

Книги я в свое время получил — и от Архива, и от Вас⁸. Большое Вам за них спасибо и простите, что не уведомил о получении. Не знаю, когда именно и как

смогу произвести обмен. Об этом буду подробно писать Постникову⁹. Вторая посылка, о к<ото>рой мне писал Архив в письме от 12-ХП, пока еще не дошла. На счет денег, очевидно, вышло какое-то недоразумение. Здесь очень переполошились и послали дубликат на тот случай, если бы оказалось, что по оригиналу не было уплочено. Но из банка (парижского) пришел ответ, что по оригиналу было с указанием даты. Теперь я не понимаю, что же вышло? Почему же Постников считал, что он этих денег от библиотеки не получил? Об этом тоже буду ему писать.

Деньги Лунцу¹⁰, пожалуйста, пошлите с записочкой, что посылаете их по моей просьбе в счет моего ему долга. Адрес его: mr Gregoire Lounz, 14, rue Jules Claretie, Paris (16-e). Зовут его Григорий Максимович. Мне напишите, пожалуйста, сколько это выйдет во французских франках, чтобы мне знать, сколько я ему еще должен. Заранее большое Вам спасибо.

Очень мне интересно все, что Вы пишете про пражскую жизнь¹¹. Еще и еще раз скажу: удивляюсь жизнеспособности русской эмиграции! Этих «недорезанных буржуев», по-видимому, ничем не возьмешь — ни мытьем, ни катаньем. В самых, казалось бы, невозможных условиях все-таки собираются, читают доклады, спорят, работают, даже печатаются. Поздравляю с успешным сезоном в Историческом о<бщест>ве. Вижу, что и отдельные члены о<бщест>ва не спят. Получил оттиски статей и от Максимовича, и от Шахматова¹² (и та и другая довольно интересны — особенно первая¹³; впрочем, я слышал его доклад на эту тему, еще когда был в Праге¹⁴).

Боюсь, что и сейчас ничего Вам не могу обещать в связи с проектом журнала¹⁵. «Процветание», давно обещанное, здесь все еще не наступило. Боюсь, что даже для сборника¹⁶ мне очень трудно будет здесь собрать деньги — не к кому, в сущности, с этим делом обращаться. Саханев, вероятно, и на меня в обиде¹⁷. Я ему на его последнее письмо не ответил. Постараюсь написать в близком будущем. Характер у него, по-видимому, не из легких!

Очень меня удивило, что Савицкий¹⁸ узрел во мне полуевразийца! Мне казалось, что в письме своем я достаточно ясно отмежевался от общей его философии русской истории, признавая правильность многих его частичных положений. Я действительно считаю, что он человек выдающихся способностей и больших знаний, и думаю, что, если бы он вместо пророческих вещаний сосредоточился на научной работе, он мог бы дать много ценного. На это я и старался ему деликатно намекнуть в своем письме. Но он, по-видимому, намек не понял. На письмо он мне пока не ответил. Мне же интересно было бы знать, как он отнесся к моим возражениям (по-моему, достаточно обоснованным) против его теории зависимости Земского собора от татарского курултая. Вся его теория была построена на априорном противопоставлении Земского собора западным представительным учреждениям, из чего он априорным же путем выводил заключение, что особенности (мнимые) Земского собора могли быть почерпнуты только из татарского источника. Я же ему старался показать, что то, что он считает характерными особенностями Земского собора, характерно и для западных представительных учреждений в их ранней фазе. С этим, по-моему, падает и все его построение! Но, вероятно, люди его типа не переубеждаются.

Спасибо Вам за сведения о Радки¹⁹. Признаться, я все это время несколько побаивался, не причиняет ли он слишком много хлопот Александре Степановне. Рад был узнать, что все обстоит благополучно. По существу он очень славный юноша, но еще, как говорится где-то у Жуковского, «неопытный в науке жизни кролик»²⁰ (чего Вы ему, конечно, не говорите). Я ему тоже собираюсь писать — ответить на его последнее письмо, где он подробно сообщал мне о своих занятиях. Согласен с Вами, что в излишние детали ему вдаваться не следует. Это почему-то очень распространенная тенденция среди американской университетской молодежи, и часто они из-за деревьев не видят леса. Надеюсь, что с Радки этого не случится. Несколько опасаясь другого. На него, по-видимому, произвел сильное впечатление Чернов²¹, и боюсь, как бы влияние это в соединении с естественной склонностью самого Радки к радикализму не превратилось бы в своего рода кривое зеркало, в котором все события 1917 года начнут отражаться если не извращенно, то, во всяком случае, односторонне. Я ему буду писать об этом и усиленно советовать помнить о хорошем старом правиле: «audiatur et altera pars»²². Думаю, что ему совершенно необходимо будет на обратном пути побыть в Париже и основательно потолковать с правыми эсерами, там проживающими. Между прочим, удивили Вы меня сообщением о «студенчестве» Ал<ександра> Ф<едоровича>²³. Насколько этот слух достоверен? Что же: он теперь живет в Лондоне?

Возвращаясь к Радки, должен сказать, что его «радикализм» для меня все-таки некоторая психологическая загадка. Вы его теперь достаточно знаете и знаете, что по темпераменту и по привычкам он в «радикалы» не годится. Напротив, главное возражение, которое я против него имею, заключается в том, что он слишком «цирлих-манирлих»²⁴, слишком упорядочен и педантичен для своих лет. Боюсь, что если бы в Америке действительно произошла революция, то он не выдержал бы и однодневного испытания, когда привычный уклад жизни стал бы рушиться вокруг него со всех сторон. И вот очень многие из здешних «радикалов» именно таковы. Психологически и житейски типичные буржуи и консерваторы, а в теории — почему-то радикалы. У многих, впрочем, радикализм этот с годами проходит.

Ну что Вы скажете про события в России?²⁵ Должен сказать, что я не могу в этом как следует разобраться, потому что не знаю (да и едва ли кто знает), что правда и что неправда в советских сообщениях. Действительно ли там было сильное и отчасти организованное движение против правящей клики, исходившее из кругов партийной оппозиции, или же власть воспользовалась убийством Кирова²⁶ для того, чтобы похватать всяких нежелательных или подозрительных людей, смешать их в одну кучу и прицепить к ним соответствующую политическую этикетку? Если последнее, то 1) почему это им было нужно именно в данный момент и 2) почему им было нужно было афишировать участие в этом заговоре «партийной оппозиции»? Как-никак, скандал получается первостепенный. Ведь Зиновьев и Каменев в прошлом «первосвятители», ближайшие и самые ранние последовали и ученики Ленина. И вдруг оказываются причастны к террористическому заговору против Сталина! Ранние большевики всегда хвалились, что они умнее якобинцев и друг друга не режут. Но ведь теперь сильно похоже на Дантона и Робеспьера и действительно пахнет термидором²⁷. Что обо всем этом говорят у Вас в Праге умные люди?²⁸

Чернавина²⁹ приехала сюда на днях и 12-го уже выступала с лекцией в Нью-Йорке³⁰. Судя по «Нов<ому> русск<ому> слову», лекция прошла при большом стечении народа и с успехом³¹. Здесь она будет читать доклад в середине февраля³². Очень жду ее приезда. Хочется с ней познакомиться и, если удастся, поговорить.

На Рождество (американское) уезжал я на несколько дней в Вашингтон, на съезд Американской исторической ассоциации. Съезд был многолюдный и шумный, но по существу мало удачный, т.к. ни одного интересного доклада я не слышал. Приятно было повидать разных людей. Видел Мозли, у к<ото>рого, кажется, все благополучно. Много времени провел с М.И. Ростовцевым³³, к<ото>рый на этот раз был со мною необычайно мил и дружелюбен (что с ним не всегда бывает). <Г.В.> Вернадский не приехал. Видел только что вернувшегося из России чикагского Харпера³⁴, к<ото>рый ничего интересного рассказать не мог или не хотел. Он теперь очень осторожен, т.к. собирается регулярно ездить в Москву и заходить в советское посольство. Удивляемся политической карьере Татьяны Львовны³⁵. Как-то она мало была похожа на политического деятеля. А что же Мика?³⁶ Переехала в Лондон или нет?

Кажется, ничего еще не написал о семье. Татьяна Николаевна, к сожалению, все-таки очень устает без всякой помощи в доме. Это и есть причина, почему мне приходится так много времени уделять домашним делам. Не могу я все это оставить на плечах Т.Н. Временами она впадает в уныние и хандрит, но в общем держится бодро. Посылаю ее теперь дня на три к Мозли, чтобы она от всех нас отдохнула. У нас сейчас идут экзамены, и лекций у меня в феврале не будет. Ребята все здоровы. Арсений стал огромный. По-моему, скоро перерастет нас с Т.Н. Он не только вырос, но и потолстел — слишком даже потолстел, так что теперь мы стараемся убедить его есть меньше, что нам, однако, плохо удается ввиду его всепоглощающего аппетита. Он как будто понемногу выравнивается, но все-таки очень еще труден. В новой школе особых успехов не обнаруживает, потому что ленится и по рассеянности. Но, тем не менее, они его считают исключительно способным и все ищут способов к нему подойти и разбудить его интерес к занятиям. В связи с этой индивидуальной системой он сейчас по разным предметам занимается в разных группах, так что даже не знаем, в каком он классе. По последним сведениям, обнаружен у Арсения особый интерес к естественным наукам, и, кажется, учителя решили к нему на этой почве подъезжать. Дай Бог им удачи!

Наташа и Сергей тоже ходят в школу (в разные школы), но об их учебных успехах судить, м<ожет> б<ыть>, еще преждевременно. Впрочем, о Наташиных способностях отзывы тоже самые восторженные. Действительно, для своего возраста (летом ей будет 8) она очень востра. Этой зимой несколько раз прочла, по-видимому с большим удовольствием, «Детство и отрочество»³⁷, от начала до конца! Начали ее тоже учить музыке, и учительница ее ею не нахвалится. Говорит, что она скоро нагонит Арсения. Сергей никакой особой гениальности не проявляет, но очень хороший «мущина», а Мариша обещает быть весьма бойкой девицей. Бабушка наша этой зимой все что-то кряхтит и жалуется, что плохо себя чувствует. Правда, ей уже 77 лет — возраст почтенный.

В имение³⁸ мы с октября не ездили. Сначала собирались было туда на Рождество, но потом раздумали из-за моей поездки в Вашингтон и из-за холодов. Боюсь, что теперь туда до апреля (когда у меня есть недельный перерыв в занятиях) уже не попадем. С удовольствием предвкушаем второе лето у себя в имении!

Ну вот, кажется, все Вам отписал. Все шлем сердечный привет Вам и Александре Степановне. Кланяйтесь от меня Радки и скажите ему, что на днях я ему напишу.

Крепко жму Вашу руку. Сердечно Ваш. М. Карпович.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 58–63 об.

¹ То есть Владимира Ильича Ленина (1870–1924).

² Учительствовать (от *англ.* to tutor — обучать). Карпович по-прежнему преподавал общий курс русской истории с древности до конца XVIII в. и в XIX–XX вв.

³ Готовившаяся Карповичем с 1931 г. книга о судьбе русской революции 1917 г.

⁴ В 1937 г. Карпович в соавторстве со специалистом по статистике и экономическому анализу Виттом Боуденом и экономистом Эбботом Ашером издал фундаментальный труд «Экономическая история Европы с 1750 г.». Это был сводный компендиум экономической, социальной и частично социально-политической истории Европы. Карповичу принадлежали в нем четыре раздела по истории России (с середины XVIII по XX в. включительно). См.: *Bowden W., Karpovich M., Usher A. An Economic History of Europe since 1750. N.Y., 1937.*

⁵ Еще в январе 1929 г. Карпович писал Г.В. Вернадскому о своем намерении написать монографию о государственном деятеле С.Ю. Витте (1849–1915) и затем преобразовать ее в докторскую диссертацию. Эту идею предложил ему английский русист Б. Пэрс. В итоге Карпович так и не напишет такой работы.

⁶ В 1934 г. М.М. Карпович и Г.В. Вернадский собирались совместно подготовить биографию одного из лидеров кадетов Ф.И. Родичева (1854–1933) по просьбе его младшей дочери Александры Федоровны (1883–1971). Вернадский получил много семейных материалов, а в ноябре 1935 г. Изюмов прислал ему несколько писем Родичева. Но книга так и не была завершена.

⁷ В 1936 г. Карповичу удалось осуществить двухмесячную поездку в Европу вместе с женой. Начало мая они провели в Париже, а 10 мая прибыли в Прагу, где прожили шесть недель. 23 июня отплыли на корабле «Бремен» из Бремена в Нью-Йорк.

⁸ Информация о полученных Карповичем изданиях из РЗИА отсутствует. Известно, что в сентябре 1934 г. Изюмов послал Михаилу Михайловичу по его просьбе следующие книги: *Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Т. 2: Русь и Литва. Прага, 1933; *Мякотин В.А.* Прикрепление крестьянства левобережной Украины в XVII–XVIII вв. // *Годишник на Софийския университет / Историко-филологическият факултет.* Кн. 38. София, 1932; Русское историческое общество в Праге за 9 лет существования. 1925–1934. Прага: Орбис, 1934; *Pfitzner J.* Bakuninstudien. Prag: Verlag der Deutschen Gesellschaft der Wissenschaften und Künste für die Tschechoslowakische Republik, 1932.

⁹ См. примеч. 27 к письму 5.

¹⁰ Лунц Григорий Максимович (1887–1975) — адвокат, журналист, библиофил, помощник князя Г.Е. Львова (1861–1925) в период его руководства Русским политическим совещанием в Париже (1919–1920), затем книготорговец. Жил в Париже.

¹¹ В письмах Изюмов рассказал Карповичу об общественной жизни русской Праги, особенно подробно — о деятельности Русского исторического общества, которое до 1 декабря 1933 г. провело 120 научных заседаний, на которых было сделано 170 научных сообщений.

¹² Шахматов Мстислав Вячеславович (1888–1943) — профессор Русского юридического факультета в Праге (с 1927), один из основателей и член Русского исторического общества. Карпович имеет в виду монографическую статью М.В. Шахматова «Исполнительная власть в Московской Руси» (Прага, 1935), сданную в печать в 1934 г. Эта публикация составляла часть его докторской диссертации, которую он в то время готовил к защите.

¹³ См.: Максимович Е.Ф. Церковно-земский собор 1549 г. // Записки Русского научного института. Белград, 1933. Вып. 9. С. 5–14.

¹⁴ Е.Ф. Максимович сделал доклад на тему «Церковно-земский собор 1549 г. (К вопросу о первом Земском соборе)» в Русском историческом обществе в Праге 14 апреля 1932 г.

¹⁵ Речь идет об издании в Праге русского исторического журнала.

¹⁶ Имеется в виду сборник памяти Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтера и Б.А. Евреинова, об издании которого хлопотали члены Русского исторического общества.

¹⁷ В.В. Саханев был обижен на Изюмова за то, что он воспротивился его предложению назвать Русское историческое общество именем Е.Ф. Шмурло.

¹⁸ Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) — экономист, географ, культуролог, общественный деятель, один из основателей и главных деятелей евразийства. Приват-доцент Русского юридического факультета в Праге (с 1921), член Ученой комиссии РЗИА (1926–1945).

¹⁹ Радки Оливер (Radkey; 1909–2000) — американский историк. Автор исследований по истории партии эсеров и крестьянского сопротивления большевизму. Ученик М.М. Карповича в Гарвардском университете. С августа 1934 по июль 1935 г. жил в Праге, собирал в РЗИА материалы для докторской диссертации о роли партии эсеров в революции 1917 г. Остановился у Изюмовых по просьбе Карповича.

²⁰ Выражение из сказки В.А. Жуковского «Кот в сапогах».

²¹ Труды Чернова Виктора Михайловича (1873–1952) — одного из основателей и главных теоретиков партии социалистов-революционеров.

²² Следует выслушать и другую сторону (*лат.*).

²³ 2 января 1935 г. Изюмов сообщил Карповичу, что бывший министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский (1881–1970) записался на юридический факультет Лондонского университета.

²⁴ Цирлих-манирлих (*нем.* *zierlich manierlich*) — крайне жеманный, лишенный простоты и естественности.

²⁵ 16 декабря 1934 г. в Москве были арестованы бывшие соратники В.И. Ленина, члены Политбюро ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев по «делу Московского центра контрреволюционной зиновьевской организации». 6 января 1935 г. они, а также ряд близких к ним людей были приговорены к заключению на сроки от 5 до 10 лет.

²⁶ Киров Сергей Миронович (1886–1934) — руководитель Ленинградского обкома ВКП(б) (1927–1934), член Политбюро ЦК РКП(б). Убит 1 декабря 1934 г., что послужило поводом для начала массовых репрессий в СССР (Большого террора).

²⁷ Имеется в виду государственный (термидорианский) переворот, произошедший 27 июля 1894 г. (9 термидора по французскому республиканскому календарю) и положивший конец якобинской диктатуре во Франции. Позже название месяца «термидор» стало символическим для обозначения всякого контрреволюционного переворота. Дантон Жорж Жак (Danton; 1759–1794) — один из крупнейших деятелей Великой Французской революции, глава Якобинского клуба, член и фактический руководитель Комитета общественного спасения (1893). Казнен 5 апреля 1894 г.; Робеспьер Максимилиан Франсуа Мари Исидор (Robespierre; 1858–1894) — один из ключевых деятелей Великой французской революции, член Якобинского клуба, член и фактический глава Комитета общественного спасения (1893–1894). Казнен 28 июля 1894 г.

²⁸ В письме от 24 февраля 1935 г. Изюмов писал Карповичу, что, по его мнению, в России происходит «маленький термидор», т.е. внутривнутрипартийный переворот.

²⁹ Чернавина Татьяна Васильевна (урожд. Сапожникова; 1890–1971) — искусствовед. Хранитель Петергофского и Ораниенбаумского дворцов-музеев, старший научный сотрудник Эрмитажа. Жена зоолога-ихтиолога В.В. Чернавина (1887–1949), арестованного в 1930 г. за «вредительство». В августе 1932 г. они осуществили успешный побег в Финляндию из лагеря Кемь на Белом море вместе с сыном Андреем (1918–2007). В 1934 г. переехали в Великобританию. Работала переводчиком в Министерстве информации. В 1934 г. в Париже была напечатана ее книга «Жена вредителя» о деятельности ГПУ и порядках в лагерях ГУЛАГа, переведенная на основные европейские языки.

³⁰ 12 января 1933 г. Т.В. Чернавина прочитала в Нью-Йорке в концертном зале «Таун-холл» на английском языке лекцию «Бегство от Советов», в которой рассказала о своем и мужа аресте, их жизни в лагере Кемь на Белом море и бегстве из ссылки через финляндскую границу.

³¹ Доклад Т.В. Чернавиной в «Таун-холле» и реакция на него американской и русской публики отражены в нескольких номерах газеты «Новое русское слово»: 1935. 12 января. № 8020. С. 1–3; 14 января. № 8022. С. 1; 15 января. № 8023. С. 2.

³² Карпович ожидал прибытия Чернавиной в феврале 1933 г. в Кембридж. Но она не приехала. 26 февраля 1933 г. она прочитала доклад «Воспитание советской молодежи и будущее России» в Русском клубе Нью-Йорка, а в начале апреля того же года возвратилась в Европу (см.: Новое русское слово. 1935. 26 февраля. № 8064. С. 3).

³³ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — археолог, российский и американский историк Античности, профессор Йельского университета (с 1925). В 1935 г. президент Американской исторической ассоциации.

³⁴ Харпер Сэмюэль Нортроп (Harper; 1882–1943) — специалист по истории и общественной жизни России, профессор Чикагского университета, неофициальный советник ряда американских послов в Москве.

³⁵ Вероятно, Татьяна Львовна Сухотина-Толстая, графиня (1864–1950) — старшая дочь писателя Л.Н. Толстого, писательница, живописец. В сентябре 1933 г. переехала из Чехословакии в Германию и поступила секретаршей к П.Р. Бермондту-Авалову (1877–1974), организатору Российского национал-социалистического движения.

³⁶ Мика (в замуж. Максимова) — гувернантка. Занималась с детьми Карповичей в период их пребывания в Праге в 1932 г. В 1935 г. работала няней в частном доме в Лондоне.

³⁷ То есть повести автобиографической трилогии Льва Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность».

³⁸ В июне 1934 г. Карпович приобрел загородный дом (дачу) в Вест-Вардборо в штате Вермонт.

8

7 Trowbridge Place Cambridge, Mass. USA
17 февраля 1937 г.

Дорогой Александр Филаретович!

Кажется, никогда еще мое молчание не носило столь упорного и злого характера. Не думайте только, что Вы один сделались его жертвой. На днях получил телеграмму от матери¹ из Москвы с запросом, все ли у нас благополучно, и только тогда, к стыду своему, сообразил, что я не писал ей три месяца! Должен признаться, что со мною этой зимой творилось что-то неладное. Никогда рань-

ше я не уставал так быстро, и никогда на меня не находили такие приступы апатии, как этой зимой. Не знаю, в чем дело. Вернее всего, усталость, постепенно накапливавшаяся, и к<ото>рой я раньше не замечал. Заметил я ее впервые летом, по возвращении из-за границы, когда я еле-еле, и почти с отвращением, дотянул свой курс в летнем нашем семестре. После того я очень хорошо отдохнул месяц в Вермонте² и совсем было воспрял духом. Как вдруг на нас свалилась катастрофа с Нагашевым³. Разбился он почти на наших глазах, в 10 милях от нашей усадьбы, когда ехал к нам, чтобы помочь нам перебраться назад в Кембридж. Вместо того пришлось мне опознавать его тело и заботиться о перевозке его в Бостон для похорон. Такая внезапная и ужасная смерть человека, более года жившего под одной с нами крышей, не могла всех нас не потрясти. Под этим знаком и началась для меня учебный год. А тут еще навалили на меня разную дополнительную работу и скопились всякие невыполненные обязательства. Был период, когда я пришел в полное отчаяние, когда мне казалось, что я никогда из всех своих трудностей не вылезу, — состояние, вообще мне несвойственное. Теперь, слава Богу, все это в прошлом. И физически я себя чувствую гораздо лучше, и психически вышел из тупика. Тоже могу сказать и про Т.Н., которая в первую половину зимы совсем было у меня приуныла, а теперь как будто повеселела. Здоровье ее, к сожалению, все еще далеко не удовлетворительно, но, кажется, она серьезно им занялась. Ребята в порядке. Малыши очень быстро развиваются, хорошо учатся и не теряют своей «русскости». Арсений понемногу выравнивается, хотя, в общем, все еще лентяйничает и учится в новой своей школе (городской) далеко не блестяще. Продолжает числиться в социалистах, но, кажется, социалистический его пыл несколько ослабел (уж очень мало голосов на выборах собрал его кандидат в президенты!⁴). Параллельно берет уроки танцев и проделывает первые опыты «светской жизни».

Это полугодие будет у меня еще более занятым, чем первое. Но при теперешнем своем состоянии я работы больше не боюсь. Кроме двух своих обычных курсов в Гарварде и Радклиффе⁵ и занятий с «тютюками»⁶ читаю еще вечерний курс для вольнослушателей (два вечера в неделю), эпизодические лекции в нескольких других курсах, к<ото>рые у нас даются «артельно», т.е. с участием нескольких профессоров, и буду читать несколько публичных лекций. Выполнил свой долг и по отношению к Пушкину. Написал статью о Пушкине как историке для сборника, издаваемого нашим университетом (выйдет на днях⁷, пришлю оттиск). Выступал два раза по-английски и буду еще выступать по-русски. Одно из английских выступлений было совместно с Вернадским в Коннектикутской академии наук. Речь эта тоже будет напечатана⁸. Сейчас спешно пишу четыре главы по экономической истории России с Петра Вел<икого> до наших дней для книги по экономичес<кой> истории Европы в Новое время, к<ото>рую готовит к печати один мой американский коллега⁹. Все еще вожусь с редактированием перевода «Очерков» Милокова. К сожалению, два издательства уже отказались заняться изданием этого почтенного труда¹⁰. Будем пробовать еще. При всех этих занятиях своей книгой, увы, заниматься не мог. Придется опять ждать лета, чтобы, надеюсь, на этот раз ее уже кончить.

Бориса Александровича <Бахметева>, представьте себе, со своего приезда так и не видал! Писал ему несколько раз, предлагая приехать в Нью-Йорк, но он все откладывает наше свидание. Между тем писать ему о нашем проекте¹¹ не хотел. Это было бы бесполезно. Надо лично поговорить. С деньгами для сборника он почему-то задержался, но на днях сообщил мне, что 100 дол<ларов> были посланы Корсакову¹² 14 января, о чем я уже написал Лосскому¹³. Я несколько смущен тем, что, по-видимому, не хватает еще 50 дол<ларов>, о чем Лосский писал <Г.В.> Вернадскому. Вернадский ничего не может сделать, а Ростовцев в отпуску и сейчас в Индии. Мне тоже было бы очень трудно поднять этот вопрос перед Б.А. <Бахметевым>. Помню, как тогда говорили, что 100 долларов дадут возможность расширить сборник. Но зачем надо было его расширять на 150 дол<ларов>? Главное, досадно, что тогда же не сказали, что нужно 150 дол<ларов>. Б.А. это было бы, думаю, безразлично. Я мог бы у него просить о 150 дол<ларах> вместо 100.

Что именно делается в Историч<еском> о<бщест>ве? Почему Лосский заменил Фатеева?¹⁴ В чем сейчас сущность кризиса?¹⁵ А как положение в Архиве? М<ежду> пр<очим>, чувствую, что надо что-то написать Славику о его книге¹⁶. Я переписывался с Фишером¹⁷, но ничего из этого не вышло. Пытаться же устроить его книгу у частного издателя очень трудно, особенно когда у меня на руках моя собственная книга и «Милюков».

Пишу официально в Архив насчет обмена. Прошу выслать мне ряд книг по списку и предлагаю несколько книг в обмен. Мне их здесь все труднее становится доставать. Убедите С.П. <Постникова>, чтобы он по-прежнему обозначил стоимость того, что мне посылают, в долларах, иначе мне очень трудно представить себе, сколько я должен Архиву в обмен. Книга за книгу и брошюра за брошюру, как предлагал С.П., для меня было бы невыгодно, т.к. брошюр здесь вообще почти нет, а книги все большие и дорогие. Доставать мне их приходится всякими правдами и неправдами, и я не хочу влезать в неоплатный долг Архиву.

Радки все еще возится со своей диссертацией. Он должен ее подать к 1 апреля, если хочет получить степень этой весной. Между тем ему осталось написать еще несколько глав. Я его убеждаю сократить объем диссертации и остановиться на большевистском перевороте (первоначально он хотел довести изложение до Учредит<ельного> собр<ания>). И так у него будет достаточно материала. Если же потом явится возможность издать книгу, то он всегда может. Он должен сдать его не позднее начала июня. Значит, на подготовку у него будет всего два месяца. Между тем я очень сомневаюсь в обширности его познаний по русской истории, даже новейшего времени, за пределами партии с<оциалистов>-р<еволюционеров>! Пожалуй, для него лучше было бы отложить экзамен до осени, но тогда ему придется потерять год, чему мне не хотелось бы его подвергать. Придется, вероятно, как-нибудь его пропустить на экзамен. Что он будет делать потом, не знаю. Будем искать для него место в каком-нибудь университете, но найти место будет нелегко¹⁸. Он очень был выбит из колеи смертью его дяди, который был его единственный друг из числа родственников и, кроме того, вел его денежные дела. Зато он не наврал своей женой, так что с этой стороны все благополучно. Радикализм его

заметно потускнел. Как многие здешние «радикалы», он был очень впечатлен расстрелом 16-ти¹⁹ и последним процессом²⁰. Тут у нас сейчас «сталинцы» и «троцкисты» (из американцев) дерутся так, что любо смотреть. Испытываю редкое в нашем положении удовольствие быть *tertius gaudens*²¹.

Матвея Кузьмича²² очень жалко. Хороший был человек, хотя в свое время мы его и не ценили, и хороший ученый. Ну, прощайте, пока. Не думайте, что я Вас забываю, когда не пишу. Много раз думал о том, как хорошо было бы посидеть и поговорить с Вами. Здесь мы, в сущности, очень одиноки. Сердечный привет от нас обоим Вам и Александре Степановне. Всем друзьям кланяйтесь. Е.Д.²³ постараюсь скоро написать.

Крепко жму Вашу руку. Ваш М.К.

Спасибо Вам и А.С. большое за поздравление мне (по ошибке, т.к. я именинник в сентябре) и Т.Н.²⁴

П.С. Об аппарате²⁵ не беспокойтесь, пусть полежит у Вас. Буду ждать оттиска Вашей статьи о Толстом²⁶. Напишите, когда решите натурализоваться, — может быть, это подвигнет меня на такой же поступок здесь. Мозли получил повышение — теперь *assistant professor* в *Cornell university*²⁷ (один из больших и лучших университетов). Он был у нас на Рождество.

О Бобровском хлопочу²⁸, напишу ему на днях. Что слышно о С.И. Гессене?²⁹ Удастся ли ему удержаться в Польше³⁰ при теперешнем их антисемитизме?

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 75–77 об.

¹ Мария Евгеньевна, урожд. Преснякова (1867–1937), в 1-м браке Карпович, во 2-м Ямпольская.

² В загородном доме (усадебке) в Вест-Вардзборо штата Вермонт.

³ Б.В. Нагашев погиб 3 октября 1936 г. в автокатастрофе.

⁴ На президентских выборах в США, состоявшихся 3 ноября 1936 г., кандидат от Социалистической партии Америки Норман Томас, которому симпатизировал Арсений, получил всего 187 910 голосов (0,4 % избирателей).

⁵ Рэдклиффский женский колледж.

⁶ См. примеч. 6 к письму 3.

⁷ *Karpovich M.M. Pushkin as a Historian // Centennial Essays for Pushkin / ed. by S.H. Cross and E.J. Simmons. Cambridge, 1937.*

⁸ М.М. Карпович выступил в Коннектикутской академии искусств и наук (г. Нью-Хейвен, шт. Коннектикут) с докладом на тему: «Пушкин — поэт», который был опубликован: *Karpovich M.M. Pushkin as Poet // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. New Haven, 1937. P. 298–321.*

⁹ См. примеч. 4 к письму 7.

¹⁰ С 1935 г. Карпович занимался подготовкой к публикации на английском языке «Очерков по истории русской культуры» П.Н. Милюкова. В американское издание, вышедшее в свет только в 1942 г. в издательстве Пенсильванского университета, вошел сокращенный текст второго тома «Юбилейного издания» этой работы. Для перевода были отобраны части, относящиеся к религии, литературе и искусству: *Miliukov P. Outlines of Russian Culture. Parts 1–3 / ed. by M. Karpovich; transl. by V. Ughet and E. Davis. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1942.*

¹¹ Речь идет о проекте создания русского исторического журнала.

¹² Корсаков Иван Павлович (1890–1940) — журналист, педагог, общественный деятель. С 1920 г. жил в Нарве (Эстония). Член Комитета русских эмигрантов в Эстонии. Участвовал в подготовке публикации сборника памяти А.А. Кизеветтера, Е.Ф. Шмурло и Б.А. Евреинова.

¹³ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ, логик. Профессор Санкт-Петербургского университета (с 1916), в 1922 г. выслан из советской России, жил в Праге. Профессор Русского юридического факультета (1923–1928) и других эмигрантских учебных заведений.

¹⁴ Фатеев Аркадий Николаевич (1871–1952) — историк права, педагог. С 1922 г. жил в ЧСР. Профессор Русского юридического факультета (1923–1928), председатель Русского исторического общества (1934–1937), Совета РЗИА (с 1935).

¹⁵ Речь идет о председателском кризисе в Русском историческом обществе в Праге. По сведениям Карповича, вместо А.Н. Фатеева, не желавшего больше исполнять председательские обязанности, руководителем общества стал Н.О. Лосский. Эта информация была ошибочна. В письмах от 29 марта и 12 мая 1937 г. Изюмов рассказал Карповичу, что в марте 1937 г. председателем Русского исторического общества выбрали литературоведа Е.А. Ляцкого (1868–1942), но он отказался после первого же собрания правления из-за конфликта с В.В. Саханевым. Затем предложили этот пост слависту А.В. Флоровскому (1884–1968). Он согласился, но при условии выхода Саханева из правления. Последний же этому воспротивился. В итоге 14 апреля 1937 г. председателем общества был избран А.В. Флоровский, товарищами председателя — Е.А. Ляцкий и А.Ф. Изюмов. Саханев все-таки подал заявление о выходе из общества, но Изюмов уговорил его остаться, не желая сокращения членов общества.

¹⁶ Славик Ян (Slavík; 1885–1978) — чешский историк, архивист, профессор Карлова университета. С 1925 г. член Совета РЗИА, уполномоченный МИД, с 1934 по 1939 г. директор РЗИА. В феврале 1936 г. собирался переиздать в США свою книгу о Ленине (*Slavík J. Lenin. Praha: Melantrich, 1934*) и надеялся на содействие Карповича.

¹⁷ Карпович просил профессора Стэнфордского университета Гарольда Фишера устроить публикацию книги Я. Славика в издательстве этого университета, однако это не удалось.

¹⁸ С 1938 г. Радки преподавал в Техасском университете в г. Остин.

¹⁹ 25 августа 1936 г. были расстреляны 16 членов «Антивоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», осужденных в ходе Первого Московского процесса 19–24 августа 1936 г. (в том числе Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев). Им инкриминировалось убийство С.М. Кирова и заговор с целью убийства И.В. Сталина.

²⁰ Имеется в виду Второй Московский процесс над группой бывших руководителей ВКП(б), в прошлом активных участников антисталинской оппозиции (процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра»), проходивший 23–30 января 1937 г. Основными обвиняемыми были Г.Л. Пятаков (1890–1937), К.Б. Радек (1885–1939), Л.П. Серебряков (1888–1937), Г.Я. Сокольников (1888–1939). Им инкриминировалась диверсионно-вредительская деятельность, экономический саботаж, шпионаж в пользу иностранных государств, подготовка террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Тринадцать человек были приговорены к смертной казни, а четверо — к длительным срокам заключения.

²¹ *Tertius gaudens* — третий радующийся (*лат.*), т.е. человек, выигрывающий от распри двух сторон.

²² 22 ноября 1936 г. скончался историк, профессор и ректор (1911–1917) Московского университета Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936), академик АН СССР. В 1930 г. арестован по «Академическому делу» и сослан в Уфу, где и умер вскоре после окончания срока ссылки.

²³ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) — публицист, издатель, общественный деятель, жена экономиста С.Н. Прокоповича (1871–1955). В 1924–1939 гг. жила в Праге. Член Совета РЗИА. Корреспондентка Карповича.

²⁴ 10 ноября 1936 г. Изюмовы поздравили с наступающим днем ангела М.М. Карповича, а 17 января 1937 г. — его супругу Татьяну.

²⁵ Будучи летом 1936 г. у Изюмовых, Карпович забыл у них свой фотоаппарат.

²⁶ В начале 1937 г. вышла в свет статья Изюмова о взаимоотношениях А.И. Герцена и Л.Н. Толстого. Она была опубликована в польском журнале «Курьер Поранны» (№ 1–3). Историк планировал также поместить ее в парижском журнале «Современные записки», см.: *Изюмов А.Ф. Толстой и Герцен (Лондонское свидание в 1861 г.) // Современные записки. 1937. № 63. С. 360–368.*

²⁷ Историк Филипп Мозли состоял профессором международных отношений Корнельского университета в г. Итака (шт. Нью-Йорк) в 1936–1940 гг.

²⁸ Карпович хлопотал в пражском Фонде помощи о материальной поддержке бывшего министра труда Крымского краевого правительства, сотрудника книжно-журнального отдела РЗИА П.С. Бобровского (1880–1947) для лечения дочери Ольги (1924–?).

²⁹ Гессен Сергей Осипович (Иосифович) (1887–1950) — философ, педагог, литературовед, публицист. С 1923 г. жил в Чехословакии. Профессор Русского педагогического института Я.А. Коменского (1924–1928), товарищ председателя (1925–1926) Союза русских писателей и журналистов в ЧСР. Один из инициаторов издания и соредатор журнала «Русская школа за рубежом» (1923–1929).

³⁰ С 1935 г. С.И. Гессен, переехавший в Польшу, состоял профессором кафедры философии и воспитания педагогического факультета Свободного польского университета в Варшаве. В том же году он стал гражданином Польши, сотрудничал с Варшавским университетом, Институтом специальной педагогики. В 1945–1949 гг. заведовал кафедрой педагогики Университета в Лодзи, затем преподавал русский язык на отделении русской словесности.

9

7 Trowbridge Place Cambridge, Mass. USA

5 октября 1938 г.

Дорогой Александр Филаретович,

Все эти недели я не считано думал о Вас и других пражских друзьях, но у меня не хватало духу писать кому-либо из Вас. Что я чувствую и переживаю, об этом мне нет надобности распространяться. Вероятно, мы в этом случае до конца единокордны и единомысленны. Случилось огромное несчастье общеевропейского, а значит, и мирового масштаба¹, и я не могу отделаться от мысли, что никакой фатальной необходимости в этом несчастье не было и что оно могло бы быть избегнуто или, во всяком случае, в огромной мере смягчено, если бы со стороны Англии и Франции было проявлено больше государственной мудрости, больше дальновидности и больше твердости. Продолжаю верить в жизненные силы и историческое будущее Чехословакии, проявившей себя с такой замечательной стороны в течение этого ужасного кризиса, но не могу не понимать всех колоссальных трудностей, стоящих сейчас на ее пути. И помимо всего прочего, тревожусь о судьбе русских учреждений и индивидуальной судьбе русских людей

в Праге. В общем положении это маленькая деталь, но для меня за этой деталью стоит судьба живых и мне близких людей. Помогай вам всем Бог!

Не буду посылать книг, приготовленных по обмену, пока не получу от Вас сообщения, что это своевременно. Пока же, вполне понимая несвоевременность подобного обращения, очень прошу Вас сделать усилие и прислать возможно скорее те официальные письма о получении денег для русского исторического журнала², насчет которых мы с Вами условились. На этом очень настаивает Робинсон³, к^{ото}рого, по-видимому, волнует мысль об ответственности перед теми, с кого он получил деньги. В своем письме он просит меня простить его, что он поднимает этот вопрос в «такой момент трагического поражения и разгрома», но я не могу не согласиться со справедливостью высказанных им деловых соображений.

Наше лето было слегка испорчено разными мелкими неудачами. Т.Н. упала так неудачно, что у нее треснули два ребра. Это ей мешало наслаждаться жизнью около месяца. У меня почему-то образовался какой-то злостный нарыв на голове, порядочно меня помучивший. Потом я умудрился наступить на гвоздь и около недели не мог ходить. Лето было очень дождливое, а кончилось наводнением, на несколько дней отрезавшим нас от остального мира, так что мы только с трудом смогли вернуться в Кембридж. Сейчас у нас все благополучно. Все мы шлем сердечный привет Вам и Александре Степановне. Откликнитесь хоть немногими строками. Так тревожно не иметь от Вас известий в эти дни.

Обнимаю Вас. Сердечно Ваш М. Карпович.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 83–84.

¹ Имеется в виду Мюнхенское соглашение 1938 г. между Германией, Великобританией, Францией и Италией, предусматривавшее, что Чехословакия в течение 10 дней уступит Германии Судетскую область.

² Имеются в виду благодарственные письма Русского исторического общества американским историкам — жертвователям средств на издание в Праге русского исторического журнала. Среди тех, кто поддерживал этот проект, были Филипп Мозли, Сэмюэль Харпер, Гарольд Фишер, Оливер Радки, а также Борис Бахметев и Георгий Вернадский.

³ Робинсон Джеройд (Robinson; 1893–1971) — профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, основатель Русского института Колумбийского университета и его руководитель в 1946–1951 гг. В конце 1930-х гг. собирал средства на издание русского исторического журнала. В 1941–1945 гг. руководил отделом СССР в Управлении стратегической разведки США.

Дорогой Александр Филаретович,
простите, что так долго не писал Вам. Главная причина была та, что я все ждал выяснения положения — и у вас, и у нас (в смысле здешних возможностей). Вижу

теперь, что это была большая наивность с моей стороны, так как ничего, в сущности, не выяснилось. Теперь уже не хочу откладывать письмо дальше.

Прежде всего, о журнале¹. Вы с А.В.² очень обрадовали меня сообщением о том, что предполагается выпуск первой книжки в марте и второй в начале лета. Будет очень замечательно, если удастся это осуществить. Постараюсь прислать свою статью — обзор американских работ по русской истории — так, чтобы она попала во 2-ю книжку. Об этом буду писать А.В. Насчет названия у меня как-то нет определенного мнения. Оба хороши. Одно только, что «Русский исторический журнал» уже был в прошлом, а «Русского историка», кажется, еще не бывало. Это облегчит задачу библиотекарей при каталогизировании и устранил возможность путаницы при ссылках. Это единственное соображение в пользу «Русского историка». Насчет орфографии должен признаться в полнейшем «эклектизме». Я никогда не придавал принципиального значения этому вопросу, а на практике даже не замечал теперь, по какой орфографии напечатана книга, к<ото>рую я читал. Для американцев, думаю, это безразлично.

Съезд в Чикаго³ вышел очень удачным. В первый раз была настоящая славянская сессия, с заседанием каждый день (всего три заседания) и с организованным обсуждением одного круга проблем (церковь и государство в России и Польше). Доклады были вполне «на высоте» (Вернадского о Никоне⁴, Щербовича⁵ — поляк русского происхождения — о положении диссидентов в Польше перед разделами⁶, американца Curtiss'a⁷, ученого Робинсона о церкви и государстве в России перед революцией). Присутствовало всякий раз свыше 30 человек, а в прениях, вполне содержательных, принимало участие человек по 10. Мы так окрылились успехом, что решили создать постоянную, хоть и неформальную, «организацию» славистов. Добиваться того, чтобы славянские сессии устраивались на каждом готовом съезде исторической ассоциации. Обследовать вопрос об издании здесь журнала (на англ<ийском> языке) по славяноведению. Для всего этого тут же был выбран комитет из 5 человек. В него вошли: Робинсон (председатель), Кернер⁸, Мозли, Вернадский и я. Как видите, состав вам хорошо знакомый и дружественный.

Обсуждался предварительно вопрос и о Вашем учреждении⁹. Говорили Кернер, Мозли и немного я (по тактическим соображениям я решил несколько стусеваться, предоставив инициативу «прирожденным» американцам). Никаких определенных решений не приняли, да и не могли принять. Это дело тоже придется разрабатывать нашему комитету. Со стороны американцев проявлена была вполне понятная осторожность. Основная трудность, что нет уверенности, что учреждение сохранится с прежним характером и с прежним компетентным составом. Пока это неясно, нельзя в упор ставить вопроса о помощи. Поднимался вопрос и о создании такого же учреждения здесь (а именно на восточном побережье, т.к. Станфорд, в сущности, почти так же далек, как Прага). Но и об этом очень предположительно, т.к. трудности очевидны. При малой вероятности перевозки европейских коллекций сюда придется все начинать сначала и, вероятно, сначала в более скромном размере. Персональной судьбы всего теперешнего состава это решить не может, но для двух-трех человек возможности могут открыться. Вот все, что пока могу Вам сообщить. Сознаю очень хорошо, как это мало по своей неопределенности. Но одно могу сказать: се-

рзные, ответственные и благорасположенные люди этим вопросом вплотную заинтересованы, и его не оставят. Знаю, что уже ведутся предварительные разговоры с разными «фондациями». Все это пока идет келейно и доверительно, и я думаю, так и лучше. Поэтому со своей стороны я пытаюсь сдерживать общественные порывы Мансветова, боясь, как бы он преждевременной шумихой чему-либо не помешал.

О Комитете его¹⁰ могу сказать очень мало. Он образовался еще во время кризиса и тогда имел определенные политич<еские> задачи. После перемен в Вашей стране изменилось и название, и цель комитета. Теперь упор на благотворительную помощь и помощь культурным учреждениям. Они связаны формально с соответствующим американским учреждением, но настоящих и солидных связей у них, по-моему, нет. Вообще, м<ожет> б<ыть>, я ошибаюсь, но мне кажется, что возможности их очень ограничены. Во всяком случае, в отношении Вашего учреждения опираться надо по линии нашего исторического комитета и его связей. А М<ансветова> — та беда, что ему не доверяют ни в Праге, ни в здешней русской колонии. Там, правда, есть и вполне почтенные люди в организации. Я вошел, когда мне предложили, потому что не было оснований отказываться, но активно работать в нью-йоркской организации, конечно, не могу. Я очень рассчитываю на информацию со стороны Софьи Владимировны¹¹, с к<ото>рой постараюсь увидеться сейчас же по ее приезде. Пока она, по-моему, еще не приехала. Очевидно, задержалась в Париже. Нина Владимировна с девочкой¹² приехали 13 января. Мы их еще не видели. Увидим в конце месяца, когда будем в Нью-Йорке, а по дороге — в New Haven.

В Чикаго встретился с Филиппом <Мозли>. Он меня первый приветствовал, и все эти три дня мы с ним виделись, как если бы ничего не случилось. Правда, мы все время были на людях. Ни я, ни он не искали возможности остаться с глазу на глаз. Не знаю, что это было с его стороны: искреннее желание восстановить прежние отношения или решение продемонстрировать «научную солидарность» вопреки личной размолвке. Во всяком случае, и на том спасибо. С Буньяном¹³ тоже встретились внешне вполне дружески¹⁴.

Фишера¹⁵ не было, и о Вашем проекте «агентуры»¹⁶ я с ним поговорить не мог. Мне этот проект кажется не очень осуществимым, но при случае попробую поднять вопрос в своей переписке с Фишером.

Сборника¹⁷ я до сих пор не получил, но уже его видел. По-моему, он вполне удачен. Одно только, что А.А. <Кизеветтер> представлен менее внушительно, чем Шмурло или даже Евреинов (говоря о посмертных произведениях). Но, очевидно, в его портфеле не оказалось ничего более основательного. Надеюсь, что сборники придут вместе с «Русской школой»¹⁸ и другими книгами. Я на днях вышлю книги, давно обещанные в обмен. Не высылал все из-за той же нерешительности, связанной с невыясненностью положения. Послал Вам номер *Journal of modern history* с моей рецензией на библиографию¹⁹. Получили ли?

Радки до сих пор не прислал диссертации²⁰. Экзамен теперь придется отложить на весну, что, м<ожет> б<ыть>, и к лучшему. Степень он получит в июне. В начале месяца у них родилась дочь. Знаю это от его друга, к<ото>рому написал другой друг из Техаса. Сам Радки мне пока не писал. По словам друга, Радки был очень разочарован, потому что твердо ожидал сына. В первые дни будто бы даже

не хотел смотреть на дочь, но потом смягчился и, по последним сведениям, даже раз сказал ей: «Гу-гу». Чудак он все-таки! Надеюсь, что разочарование его скоро пройдет и что в будущем дождетя он и сына.

У нас все благополучно, все по-старому. Т.Н. чувствует себя хорошо, дети здоровы, Арсений, кажется, процветает в Вермонте, хотя и не удивляет мир научными успехами. Бабушка понемногу кряхтит. Татьяна Георгиевна¹ все еще у нас. Служит в ресторане, устает, но, кажется, не унывает. Плохо, что Терентьев² никак не может выбраться из Итона, т.е. не может найти себе места в другом городе, и потому они не могут окончательно соединиться.

Ну, прощайте пока. Мы все шлем сердечный привет Вам и А.С. и со своей стороны желаем Вам благополучия в Новом году.

Крепко жму руку. Ваш М. Карпович.

ГА РФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 89–92 об.

¹ Речь идет о предполагаемом выпуске русского исторического журнала в Праге.

² Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) — историк, преподаватель Русского юридического факультета и философского факультета Карлова университета, председатель Ученой комиссии РЗИА (с 1933), Русского исторического общества в Праге (1937–1940).

³ 53-е собрание Американской исторической ассоциации, состоявшееся в Чикаго 28–30 декабря 1938 г. Оно проходило в отеле «Stevens». Свои доклады представили 167 человек.

⁴ Доклад Г.В. Вернадского «Церковь и государство в России во времена Никона» был посвящен восстановлению церковно-государственного баланса при московском патриархе Никоне (1605–1681).

⁵ Щербович-Вечор Ольгерд (Sherbowitz-Wetzor; 1896–1969) — историк-медиевист. Преподаватель Джорджтаунского университета в Вашингтоне. Автор книги (совместно с К.Л. Тумановым) «The Order of Malta and the Russian Empire» (Rome, 1969). Сотрудничал с профессором Сэмюэлем Кроссом, после смерти которого подготовил его незавершенный труд по уточненному и расширенному изданию перевода «Повести временных лет».

⁶ Щербович выступил с докладом «Церковь и государство в Польше накануне разделов», рассматривавшим разделы Польши в конце XVIII в. между Россией, Австрией и Пруссией как последний акт борьбы между конкурирующими политическим, экономическим и культурным русским и польским экспансионизмом.

⁷ Кертисс Джон Шелтон (Curtiss; 1899–1983) — американский историк, специалист по истории России. Хранитель президентской библиотеки Ф.Д. Рузвельта в Гайд-парке (1939–1941). В своем докладе «Церковь и государство в России в последние годы империи» анализировал политику Петра I, Екатерины II и Александра I, приведшую к полному подчинению Русской церкви государству.

⁸ Кернер Роберт (Kerner; 1887–1956) — историк, профессор кафедры истории и славянской филологии Калифорнийского университета в Беркли (шт. Калифорния). Директор Института славяноведения этого университета (1948–1954).

⁹ В конце 1938 г. ввиду предстоящего уменьшения государственного финансирования РЗИА пришлось сократить количество сотрудников и отказаться от платных приобретений документов. Руководство РЗИА надеялось добиться получения средств на их покупку в американских благотворительных и культурных фондах. 20 октября 1938 г. Изюмов обратился к Карповичу с просьбой о содействии. Максимальной суммой называлось 12 тыс. долларов в год, минимальной — 5 тыс. Карпович обещал поднять этот вопрос на

съезде Американской исторической ассоциации в Чикаго, который состоялся в декабре того же года. Кроме того, директор РЗИА Ян Славик написал письмо с просьбой о материальной помощи профессору Р. Кернеру, а Изюмов — профессору Д. Робинсону. Карпович одобрял этот способ действий руководства РЗИА.

¹⁰ Имеется в виду образовавшийся в США еще в начале 1930-х гг. Комитет помощи Чехословакии, где Ф.С. Мансветов был вице-президентом русской секции. В ноябре 1938 г. он обратился в РЗИА и предложил материальную помощь. Ввиду негативного мнения о Мансветове в русской колонии Праги Изюмов отказался от его предложения.

¹¹ Панина Софья Владимировна, графиня (1871–1956) — член ЦК Партии народной свободы, товарищ министра государственного призрения, затем товарищ министра просвещения Временного правительства (1917), общественный деятель, меценат. С 1924 г. жила в Праге, директор «Русского очага». С 1939 г. жила в США. Одна из основательниц (совместно с А.Л. Толстой) Толстовского фонда, занимавшегося помощью беженцам — жертвам Второй мировой войны.

¹² Вернадская-Толь Нина Владимировна (1898–1986) — сестра Г.В. Вернадского, психиатр, переехавшая в январе 1939 г. с дочерью Татьяной (1929–1999) из Праги в Нью-Хейвен (США).

¹³ Баниан Джеймс (Bunyan; 1898–1977) — историк, советолог, сотрудник Университета Джонса Хопкинса в г. Балтимор (шт. Мэриленд). В 1937–1938 гг. занимался исследованиями в РЗИА по рекомендации Карповича.

¹⁴ В конце 1938 г. между Карповичем и Д. Банианом произошло некоторое охлаждение отношений из-за полемики вокруг книги Г.В. Вернадского «Political and Diplomatic History of Russia» (Boston, 1936). Баниан написал рецензию, в которой раскритиковал эту книгу, см.: *Bunyan J. Review G. Vernadsky Political and Diplomatic History of Russia (1936) // The American Historical Review. Vol. 42. 1937. № 4. Jul. P. 708–709.* Карпович выступил в защиту друга, см.: *Michael Karpovich review of G. Vernadsky Political and Diplomatic History of Russia (1936) // Yale Review. Vol. 26. 1936. № 1. Sept. P. 183–184.*

¹⁵ Фишер Гарольд Генри (Fischer; 1890–1975) — историк, специалист по истории России, профессор Стэнфордского университета в 1924–1955 гг. Директор Гуверовской библиотеки войны, революции и мира (1929–1940).

¹⁶ В переписке Изюмова и Карповича за 1937–1938 гг. информации об этом проекте нет.

¹⁷ Имеется в виду изданный в 1937 г. сборник памяти председателей Русского исторического общества Е.Ф. Шмурло и А.А. Кизеветтера и секретаря общества Б.А. Евреинова, включавший в себя библиографию их трудов: *Записки Русского исторического общества в Праге. Т. 3: Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, Б.А. Евреинов. Прага; Нарва, 1937.*

¹⁸ То есть с пражским журналом «Русская школа за рубежом».

¹⁹ Речь идет о рецензии Карповича на составленную С.П. Постниковым «Библиографию русской революции и гражданской войны (1917–1921)». Из каталога библиотеки РЗИА» (Прага, 1938), опубликованную в «*Journal of Modern History*» (1938. Vol. 10, № 4 (Dec.). P. 579–608).

²⁰ Радки защитил свою докторскую диссертацию в 1939 г. Она издана только 19 лет спустя: *Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October, 1917. N. Y.: Columbia University Press, 1958.*

²¹ Терентьева Татьяна Георгиевна (1908–1986) — помощник главного редактора «Издательства имени Чехова» (1952–1956), супруга В.Г. Терентьева.

²² Терентьев Владимир Герасимович (1894–1968) — тренер по лаун-теннису, брат И.Г. Терентьева (1892–1937), мужа сестры М.М. Карповича Натальи.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ МИХАИЛА КАРПОВИЧА¹

Заслуги М.М. Карповича (1888–1959) в деле подготовки целого ряда американских специалистов по России, занявших основные университетские кафедры и надолго определивших парадигму развития русистологии в послевоенных США, общепризнаны [см.: Багдасарян, Юдаева 2009; Бирман 1999; Болховитинов 2005; Гавлин 1997; Дойков 2004; Захаров 2016; Захаров 2019; Зейде 2008; Крейд 2003; Перейра 2012; Петров 2001; Раев 1995; Рибер 2000; Суботић 2014; Юдаева 2007; Daly 2017; Emmons 1995; Engerman 2004; Engerman 2009; Field 1987; Filipowicz 2007; Filipowicz 2009; Malia 1998; Malia 2005a; Pereira 2009; Snekvik 1995; Zeide 2007]. Особая роль при этом отводится семинару Карповича по русской истории и его лекциям по интеллектуальной истории России. О влиянии Карповича и его лекций на интеллектуальное развитие отдельных американских русистов вспоминали его ученики и писали последующие историографы, правда не касаясь деталей. Повествование о лекциях М.М. Карповича по интеллектуальной истории России в подавляющем большинстве ученых трудов содержит одинаковый набор фактов. Из достигнутого консенсуса ученых выбивается необоснованное заявление Ю.В. Дойкова об утрате текста лекций [Дойков 2004, с. 362] и малоопытное отрицание А. Зейде факта работы Карповича над текстом лекций для публикации [см.: Zeide 2013, p. 405]. Задача настоящей статьи — установить условия и обстоятельства чтения Карповичем курса лекций по интеллектуальной истории России, их место в учебном процессе Гарвардского университета, показать усилия Карповича по подготовке издания лекций в 1950-х гг.

* * *

Двадцативосьмилетний Михаил Карпович оказался в 1917 г. в США, имея в своем послужном списке участие в революционном движении, диплом 1-й степени от историко-филологического факультета Московского университета, а также некоторый опыт редакторской и журналистской деятельности, проведения научных исследований, службы в государственных организациях [Горинов 2014, с. 222, 226–227]. Подобно своему другу историку Г.В. Вернадскому (1887–1973), Карпович мечтал о научной карьере и с этой целью после получения высшего образования обратился к экстраординарному профессору Императорского Санкт-

¹ Материалы для статьи были собраны благодаря стипендии Рокфеллеровского архивного центра (Rockefeller Archive Center Grant-in-Aid). Отдельные слова благодарности — Г. Иноземцеву, А. Куперу, куратору Бахметевского архива Т. Чеботаревой, сотрудникам Рокфеллеровского архивного центра Н. Адгент (N. Adgent) и М. Бекерман (M. Beckerman).

Петербургского университета И.А. Шляпкину для согласования программы подготовки к магистрантским экзаменам по русской словесности². События Первой мировой войны вкупе с личными обстоятельствами поохладили пыл Карповича, в результате чего в письме к Вернадскому от 12 июля 1915 г. прорываются сомнения в нужности научной карьеры:

Много думаю я в последнее время также и о дальнейших своих занятиях. Не стану скрывать от тебя, что планы магистрирования замутились в моей душе. Очень тяжело заниматься тем, что непосредственно мне не нужно, а мои экскурсии (очень, правда, робкие и беглые) в область филологии, кажется, убедили меня в том, что она мне не нужна. Война ли здесь виновата или что другое, но только сейчас я решительно не чувствую себя в силах преодолеть филологию. Никакого окончательно решения я не принял и сейчас принимать не буду, но уже мысли о возможности занятий историей литературы вне университета, сомнения в том, чтобы для историка новой литературы хоть что-нибудь могла дать университетская традиция, сомнения в ценности преподавания для научной работы в этой области — все эти мысли и чувства уже владеют мною временами [«Мы живем в особенной атмосфере» 2014, с. 153].

Служба в посольстве России в Вашингтоне в беспокойные 1917–1922 гг. вряд ли способствовала научным занятиям Карповича. К единичным фактам надо отнести лекцию по приглашению группы русских студентов зимой 1917/18 учебного года в помещении Бостонской публичной библиотеки. После закрытия посольства Карпович принимал участие в деловых предприятиях бывшего начальника, Б.А. Бахметьева, занимался переводами, читал публичные лекции [Hughes, Malmstad 1986, p. 133–134]. Как признавался Карпович в письме Н.В. Валентинову от 14 июля 1956 г., «в 1921–22 г. я и не думал (по глупости своей) об академической карьере в Америке, занимался тогда и в последующие 5 лет всякой чепухой»³. Бахметьев пытался протезировать бывшему подчиненному, и в письме к лично знакомому ему профессору Гарвардского университета, признанному специалисту по истории России А.К. Кулиджу (Coolidge; 1866–1928) от 9 января 1925 г. безуспешно рекомендовал Карповича к занятию должности в высшем учебном заведении⁴. В конце концов Карпович попал в Гарвард при весьма необычных обстоятельствах.

В начале 1926/27 учебного года профессор Гарвардского университета, специалист по истории Польши Р.Х. Лорд (Lord; 1885–1954) неожиданно прекратил преподавательскую деятельность и поступил в католическую семинарию св. Джона (Брайтон, штат Массачусетс). Лорд был любимым учеником Кулиджа,

² М.М. Карпович — И.А. Шляпкину, 5 октября 1914 г. // РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 2376. Л. 16; «Мы живем в особенной атмосфере» 2014, с. 147.

³ М.М. Карпович — Н.В. Валентинову, 16 июля 1956 г. // НИА. N.V. Valentinov papers. Box 3, folder 4: Karpovich Mikhail, 1948–1956.

⁴ В. Bakhmeteff — А.С. Coolidge, January 9, 1925 // HUA. Papers of A.C. Coolidge (HUG 1299). Box 7, folder «Chapter III, History Department, 1911–1927».

последний видел в нем своего преемника, и не только в преподавании курсов, посвященных России. Согласно университетскому каталогу на 1926/27 учебный год Лорд участвовал в преподавании общего курса «Европейская история от падения Римской империи до настоящего времени», поочередно читал спецкурсы «Европейская история с Людовика XIV до Французской революции», «История современной Германии», «История Франции в XVII и XVIII вв.», «Темы в современной европейской истории: 1814–1870», «История России», «Углубленный курс истории России», а также вел исследовательский курс «История континентальной Европы и Азии в XVIII и XIX вв.» [Provisional Announcement... for the Academic Year 1926–27 1926, p. 92, 96–99].

Известие об уходе Лорда сподвигло профессора истории Р.Б. Мерримана (Merriman; 1876–1945) по собственной инициативе написать французскому историку-слависту, профессору Сорбонны Л. Айзенману (Eisenmann; 1869–1937) и поинтересоваться, может ли он порекомендовать кого из русских ученых для занятия освободившегося поста. Специалист по истории Чехословакии Айзенман через Институт славяноведения (Institut d'études slaves) и пражское отделение Французского института (Institut Français) запросил проживавшего в Праге Вернадского, готов ли он выставить свою кандидатуру на должность лектора по истории России в неназванном американском университете, на что Георгий Владимирович ответил согласием. О вакансии в Гарварде, вероятно от Айзенмана, узнал историк и политический деятель П.Н. Милюков (1859–1943). Милюков и Айзенман были хорошо знакомы: оба состояли в правлении Франко-русского института [Ефременко 2011, с. 52], вместе координировали подготовку трехтомной истории России на французском языке, вышедшей в 1932–1933 гг. Как результат, Милюков напрямую написал Мерриману, порекомендовав знакомого ему юриста П.П. Гронского (1883–1937) на пост лектора.

13 декабря 1926 г., находясь в Праге, Айзенман оповестил Вернадского, что его шансы на занятие должности хуже, чем у другого кандидата, Гронского. На следующий день Вернадский написал Карповичу, что Гронский — юрист, мало понимающий в истории. Вернадский надеялся, что Карпович сможет донести эту информацию до лиц, принимавших решение о занятии должности, что Михаил Михайлович и сделал в письме к лично знакомому ему россиеведу, профессору Чикагского университета С.Н. Харперу (Harper; 1882–1943), близкому другу Кулиджа⁵.

Для Гарвардского университета указание Айзенманом кандидатур, из которых следовало бы сделать выбор, было неприемлемым, тем более что о научных и иных качествах кандидатов никто ничего не знал. Задевало лично Кулиджа и вмешательство Мерримана в его вотчину.

В дни проведения собрания Американской исторической ассоциации в Рочестере, штат Коннектикут (28–30 декабря 1926 г.), Кулидж встретился с Харпе-

⁵ Г.В. Вернадский — М.М. Карповичу, 7 ноября 1926 г.; 14 декабря 1926 г. // ВА. М. Karpovich papers. Series I. Box 3, folder «Vernadsky, George. 1925–1933»; М.М. Карпович — Г.В. Вернадскому, 22 ноября 1926 г. // Ibid. G. Vernadsky papers. Box 3, folder «Karpovich, Mikhail Mikhailovich. 1925–1926»; М. Karpovich — S.N. Harper, December 30, 1926 // SCRC. UCL. S.N. Harper papers. Box 12, folder 27; Byrnes 1982, p. 108.

ром и профессором Йельского университета М.И. Ростовцевым (1870–1952), с которыми обсудил временную замену Лорда, т.к. Кулидж надеялся, что с нового 1927/28 учебного года тот вернется к своим преподавательским обязанностям. Ростовцев порекомендовал Кулиджу Карповича, Харпер рекомендацию поддержал. Отметим, что в ноябре 1926 г. Кулидж состоял в переписке с Карповичем, с которым был уже шапочно знаком, относительно несостоявшейся покупки библиотекой Гарвардского университета писем Александра II. Не откладывая дела в долгий ящик, Кулидж 3 января 1927 г. написал Карповичу, что в Гарварде в весеннем семестре (февраль–май 1927 г.) должен быть закончен курс русской истории. Кулидж прямо указал, что это временная работа, без каких-либо обязательств со стороны университета, который был готов заплатить за курс 1000 долларов. Взволнованный Карпович для обсуждения деталей был готов приехать в Бостон, но Кулидж по делам собирался в Нью-Йорк, где 6 января и состоялась встреча. Как сообщал Карпович в письме Вернадскому от 9 января 1927 г., Кулидж даже не стал обсуждать вопрос о европейских кандидатах, сосредоточившись на беседе с Карповичем, который произвел на профессора самое благоприятное впечатление. Седьмого января Кулидж от лица исторического департамента официально пригласил Карповича закончить чтение лекций по истории России. В обязанности Карповича входило чтение трех лекций курса «История России» (History 15) в неделю (вторник, четверг, суббота) и руководство аспирантами, буде таковые обратятся к нему с вопросами⁶.

В России Карпович не успел поработать преподавателем ни в средних, ни в высших учебных заведениях [Горинов 2014, с. 227; «Мы живем в особенной атмосфере» 2014, с. 137]. Лекции Карповича в американских учебных заведениях в начале 1920-х гг. носили временный характер и были небольшими по объему. В Гарварде благодаря педагогическому таланту и отменному знанию английского языка Карпович за короткое время сумел произвести положительное впечатление на членов департамента истории. Надежды Кулиджа на то, что Лорд одумается, быстро развеялись: 6 февраля 1927 г. последний подал прошение об отставке, которая была принята университетом, официально увольнявшим Лорда с 1 сентября текущего года⁷. В конце марта 1927 г. Карповичу предложили прочесть еще один курс русской истории в 1927/28 учебном году, а также быть репетитором по истории, что было официально утверждено на заседании Гарвардской корпорации 23 мая 1927 г. Вакантной кафедры, оставшейся после увольнения Лорда, Карпович не сумел занять: ее получил американский историк внешней политики

⁶ A.C. Coolidge — S.N. Harper, January 10, 1927; M. Karpovich — S.N. Harper, January 13, 1927 // SCRC. UCL. S.N. Harper papers. Box 12, folder 29; M.M. Karpovich — A.C. Coolidge, November 16, 1926; January 4, 1927 (telegram); January 4, 1927 (letter); January 7, 1927 (telegram); A.C. Coolidge — M.M. Karpovich, November 17, 1926; January 3, 1927; January 7, 1927; S.N. Harper — A.C. Coolidge, January 6, 1927; M. Rostovtzeff — A.C. Coolidge, January 24, 1927; A.C. Coolidge — M. Rostovtzeff, January 25, 1927 // HUA. Papers of A.C. Coolidge (HUG 1299). Box 7, folder «Chapter III, History Department, 1911–1927»; M.M. Карпович — Г.В. Вернадскому, 9 января 1927 г.; 22 января 1927 г. // BA. G. Vernadsky papers. Box 3, folder «Karpovich, Mikhail Mikhailovich. Jan. — Sept. 1927»; J.F.J. 1927, p. 429; Provisional Announcement... for the Academic Year 1926–27 1926, p. 96.

⁷ R.H. Lord — R.J. Kerner, February 6, 1927 // BLUC. R.J. Kerner papers (C-B 1057). Carton 6, folder «Lord, Robert H.»; Resignations 1927, p. 121.

У.Л. Лангер (Langer; 1896–1977), приглашенный на должность доцента. Таланты Карповича были оценены по достоинству, и с 1 сентября 1928 г. его официально зачислили в штат университета лектором по истории⁸.

Дальнейшая преподавательская карьера Карповича в Гарвардском университете складывалась следующим образом: 1933 г. — доцент (assistant professor), 1939 г. — адъюнкт-профессор (associate professor), 1946 г. — профессор. С 1949 г. Карпович параллельно стал преподавать на департаменте славянских языков и литератур. В 1950 г. он был возведен в почетное звание доктора литературы колледжем Миддлбери. В 1954 г. Карпович занял именную профессорскую кафедру славянских языков и литератур им. К.Х. Райзингера (С.Н. Reisinger Professorship of Slavic Languages and Literatures). В 1949–1954 гг. Карпович возглавлял департамент славянских языков и литератур. С 1 июля 1957 г. Карпович вышел в отставку⁹.

Учебные обязанности Карповича, включавшие на первых порах лишь лекции по русской истории, с середины 1930-х гг. изменились: он был привлечен к чтению курса «Европейская история от падения Римской империи до настоящего времени» (History 1). С 1943/44 учебного года курс был поделен на две части: от падения Римской империи до XVI в. включительно (History 1a), и с XVII в. до настоящего времени (History 1b). Карпович поочередно читал то первую, то вторую часть курса.

После окончания Второй мировой войны изучение России-СССР превратилось из маргинальной в перспективную и актуальную сферу знания, что самым кардинальным образом сказалось на учебной нагрузке Карповича. Если в 1945/46 учебном году он читал лишь курс русской истории с 1801 г., то в 1946/47 году нагрузка выросла экспоненциально: два курса лекций по истории России — до конца XVIII в. и с 1801 г. — и семинар по истории России [Harvard University Catalogue 1945, p. 192; Final Announcement ... for the Academic Year 1946–47 1946, p. 96, 97].

Причины роста числа и развития россиеведческих предметов обуславливались внешними причинами: противостояние США и Советского Союза привело к небывалому расширению университетских программ по изучению предполагаемого противника. Отметим качественное и количественное изменение состава студентов и аспирантов в американских университетах (в т.ч. и в Гарварде) благодаря правительственным беспроцентным ссудам, выданным демобилизованным

⁸ M. Karpovich — S.N. Harper, March 29, 1927 // SCRC. UCL. S.N. Harper papers. Box 12, folder 32; A.C. Coolidge — R.J. Kerner, June 3, 1927 // HUA. Papers of A.C. Coolidge (HUG 1299). Box 7, folder «Chapter III, History Department, 1911–1927»; М.М. Карпович — Г.В. Вернадскому, 17 февраля 1927 г.; 18 июля 1927 г. // ВА. G. Vernadsky papers. Box 3, folder «Karpovich, Mikhail Mikhailovich. Jan. — Sept. 1927»; Appointments 1927a, p. 218; Appointments 1927b, p. 244; Appointments 1928, p. 168; Provisional Announcement... for the Academic Year 1927–28 1927, p. 102 (преподаватель не указан); Provisional Announcement... for the Academic Year 1928–29 1928, p. 106, 109; Many Appointments at Harvard are Announced 1928.

⁹ Appointments without Limit of Time. From July 1, 1954; Harvard University. Release: Morning Papers of Tuesday, December 28, 1954 // HUA. Harvard Biographical Files (Quinquennial File, HUG 300). Box 543: Kangisser — Katzenbach, folder «Karpovich, Michael»; Levin, Wolff, Lunt 1960, p. 192; Bentinck-Smith, Stouffer 1991, p. 445–447. Отметим необъяснимые ошибки в сведениях об этапах академической карьеры М.М. Карповича в работах А. Зейде [ср.: Zeide 2007, p. 241; Зейде 2008, с. 123–124].

солдатам и офицерам, многие из которых пришли в высшие учебные заведения уже со знанием русского языка и имели опыт общения с советскими гражданами по роду службы в годы Второй мировой войны.

С 1947/48 учебного года Карпович добавил в программу курс лекций «Интеллектуальная история современной России» [Final Announcement ... for the Academic Year 1947–48 1947, p. 135]. Как сообщал Карпович в письме В.А. Маклакову от 2 ноября 1947 г., к курсу «не было времени подготовиться вперед, и потому теперь приходится готовиться от лекции к лекции, а их три в неделю!»¹⁰. Но прежде чем говорить о главном предмете нашего исследования, необходимо сделать несколько пояснений.

Появление зачатков того, что позже назовут интеллектуальной историей, относят к середине XVI в. Традиционную формулировку основных постулатов истории идей и людей дал в своих работах немецкий историк Я. Буркхардт в середине XIX в. Революционный прорыв в интеллектуальной истории произошел в 1930-х гг. и был связан, прежде всего, с творчеством двух американских ученых — А.О. Лавджоя (Lovejoy; 1873–1962) и П. Миллера (Miller; 1905–1963). Лавджой в книге «Великая цепь бытия: история идеи» (1936) разработал метод изучения «элементарных идей» (unit-ideas), наиболее постоянных идей-единиц, число которых конечно. Лавджой предлагал изучать историю идеи, ее возникновение, бытование, передачу и воспроизведение в различных комбинациях. Это направление штудий, фактически исключавшее из предмета историю интеллектуалов и их концепций и сосредоточившееся на «биографии» отдельной идеи, получило название «история идей». Книга Миллера «Новоанглийское мышление: семнадцатый век» (1939) задала новый стандарт исследований, посвященных идеологии. Миллер показал преемственность и изменение религиозных идей, взаимовлияние идей и социальной реальности. Историк рассматривал идеи не изолированно, не как абстрактные суждения, а в рамках порождающей их культуры, политического, культурного, социального контекстов, с учетом биографий мыслителей, создававших и использовавших эти идеи. Это направление получило название «интеллектуальная история» [подробнее см.: Higham 1951; Skotheim 1966; Moran 1999; Kelley 2002; Raphael 2003 и др.].

Благодаря труду П. Миллера интеллектуальная история стала в США с 1940-х гг. весьма популярной. Гарвардскому университету принадлежала особая роль в продвижении нового направления: именно здесь в серии лекций 1933 г. Лавджой изложил основы своей концепции. Миллер с 1931 г. и до своей кончины преподавал в Гарварде американскую литературу. На решение Карповича предложить своим слушателям лекции по интеллектуальной истории не могли не повлиять сходные курсы, читаемые на историческом департаменте его коллегами, историками Ч. Тейлором (Taylor; 1899–?) (интеллектуальная история Средневековья) и К. Бринтоном (Brinton; 1898–1968) (интеллектуальная история Европы). Универ-

¹⁰ М.М. Карпович — В.А. Маклакову, 2 ноября 1947 г. // НИА. V.A. Maklakov papers. Box 8, folder 12: M. Karpovich, 1947–1953.

ситетские лекции Бринтона по интеллектуальной истории легли в основу его широко известной книги «Идеи и люди: история западной мысли» (1950).

В слабой изученности интеллектуальной истории России Карпович видел одну из проблем исторической науки в целом. В статье 1943 г., посвященной В.О. Ключевскому и современным направлениям русской историографии, Карпович настаивал на интеграции «идей» (интеллектуальной истории и шире — истории культуры) с общей историей России, на обновлении схемы русского исторического процесса, сформулированной великим ученым. В выступлении 1947 г., посвященном проблемам, с которыми сталкивались историки, желавшие написать общую историю России (как дореволюционные, так и советские), Карпович отмечал неудовлетворительное изучение ряда русских интеллектуальных течений, преимущественно идеалистических [Karповich 1943a, p. 38–39; Karповich 2007, p. 287].

Так уж ли была катастрофична ситуация с изучением интеллектуальной истории России, как ее характеризовал Карпович? Прежде всего, отметим, что концепция «интеллектуальная история» в дореволюционной и в советской историографии отсутствовала. Основным термином была «история русской общественной мысли», по своим характеристикам близкая к тому, что на Западе именовали «интеллектуальной историей». Да и сам Карпович считал термины идентичными. В письме В.А. Маклакову от 2 ноября 1947 г. Карпович отмечал: «В университете — у меня новый курс (Intellectual History of Modern Russia — по-нашему: История русских общественных идей (18–19 вв.))»¹¹. Само содержание лекций Карповича позволило В.А. Китаеву обоснованно отнести его именно к историкам русской общественной мысли [Китаев 2014, с. 121], с чем мы согласны.

У Карповича были маститые предшественники до 1917 г.: истории русской общественной мысли были посвящены обобщающие многотомные сочинения Г.В. Плеханова и Р.В. Иванова-Разумника, третья часть «Очерков по истории русской культуры» П.Н. Милюкова. К этому стоит добавить труды об отдельных мыслителях и течениях русской общественной мысли, а также истории отдельных отраслей — философии, литературной критики и т.д. В эмиграции обобщающий труд был написан Н.А. Бердяевым — «Русская идея: (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века)» (1946).

Не осталась в стороне от изучения русской общественной мысли зарубежная историография. В 1913 г. на немецком языке вышел двухтомник Т.Г. Масарика (Masaryk; 1850–1937) «Россия и Европа», посвященный духовному развитию России с древности до конца XIX в. В 1939 г. была опубликована книга Дж. Мейнарда (Maunard; 1865–1943) «Россия в движении», в которой в сжатой форме были представлены большинство течений русской мысли. В книге «Пионеры русской социальной мысли» (1951) Р. Хэера (Hare; 1907–1966) была дана картина преимущественно социалистических течений мысли. Зарубежным читателям на нескольких языках был доступен труд Н.А. Бердяева «Происхождение русского коммунизма» (1937), являвшийся первоначальным вариантом будущей «Русской идеи».

¹¹ Ibid.

Как сам Карпович оценивал своих предшественников? Он отмечал ограниченность трудов Масарика и Бердяева тем, что они не охватывали в должной мере XVIII в., не рассматривали те вопросы, которые Карпович ставил в центр изучения и изложения. С Бердяевым, настаивавшим на существовании особой «русской идеи», Карпович находился в идеологическом противостоянии, отрицая таковую¹². Карпович отмечал, что в переиздании книги Мейнарда 1941 г. половина ее объема была посвящена интеллектуальной истории России. Мейнард, по словам Карповича, в доступной сжатой форме давал западному читателю ясное представление о течениях русской мысли. Эта часть книги, по мнению рецензента, составляла ценный вклад в литературу о России [Karpovich 1943b, p. 99–100]. В сокращенном издании книги Мейнарда 1948 г. Карпович также выделял раздел об интеллектуальных течениях в дореволюционной России, считая указанный обзор одним из лучших обзоров по заявленной проблеме на любом языке [Karpovich 1948, p. 141]. Книгу другого специалиста по России, Р. Хэера, Карпович признавал ценной, хотя и не свободной от ошибок [Karpovich 1952, p. 257–259].

Во многих работах современных исследователей курс Карповича по интеллектуальной истории России объявляется первым среди таковых в американских университетах [см., например: Малиа 2010, с. 33]. Это утверждение верно лишь отчасти. Обзор университетских лекций фиксирует в 1936 г. в Католическом университете Америки (Вашингтон, округ Колумбия) курс «Интеллектуальный фон русской истории» (Intellectual Background of Russian History), читавшийся лектором, поляком по национальности О.П. Щербовичем-Вечорой (Sherbowitz-Wetzor; 1896–1969) [University Courses 1936, p. 16 s.p.; об О.П. Щербовиче-Вечоре см.: Notes and Comments 1970, p. 668]. Пионерами в деле чтения курсов по интеллектуальной истории России были немецкие профессора (например, лекции К. Штелина (Stählin; 1865–1939) на тему «Русская интеллектуальная история в XIX веке» в Берлинском университете, Л.К. Гётца (Goetz; 1868–1931) в Боннском университете — «Русское историческое и интеллектуальное развитие» в начале 1920-х гг.) [R.W.S.W. 1922, p. 495].

У нас мало данных о том, как формировался интерес Карповича к интеллектуальной истории России. В юношеских письмах Карповича можно встретить упоминания о чтении им произведений русских мыслителей и трудов о них [«Мы живем в особенной атмосфере» 2014, с. 96–97, 107, 113]. Позже указанные мыслители станут героями его лекций. Сформировавшись как историк в рамках русской историографии начала XX в., Карпович никогда не замыкался исключительно в рамках исторической науки: он живо интересовался историей литературы, философии, религии, общественной мысли и — шире — русской культуры, писал и выступал с популярными лекциями на эти темы. Первое выявленное свидетельство о занятии Карповича историей общественной мысли датируется 1934 годом: в перечне выполняемых в Гарварде исследований у него указан проект «Происхождение большевистской теории» (Origins of Bolshevik theory) [List of Research

¹² Карпович 2012а, с. 34; M. Karpovich — E.F. D'Arms, April 15, 1957 // RAC. Rockefeller Foundation records, projects, SG 1.2 (FA387a). Series 200: United States. Subseries 200.R: United States — Humanities and Arts. Box 343, folder 3132 «Harvard University — Russian Studies — Karpovich, Michael, 1957–1959».

Projects 1934, p. 23], исполнение которого, без сомнения, требовало от ученого обращения и к более ранним течениям социалистического толка. Представляется, что в рамках упомянутых занятий ценной была редакторская работа Карповича над переводом второй части «Очерков по истории русской культуры» П.Н. Милюкова на английский язык, вышедшей в 1942 г. в США в трех выпусках. Карпович не только отредактировал перевод, но и подготовил дополнения к тексту, доведя изложение материала до начала 1940-х гг., составив библиографические списки для дальнейшего чтения заинтересованными читателями. С начала 1940-х гг. стали появляться фундированные статьи Карповича, посвященные отдельным русским мыслителям — П.Н. Ткачеву, В.С. Соловьеву [Karpovich 1944; Karpovich 1946].

Важными с точки зрения оформления замысла и содержания будущего курса по интеллектуальной истории России стали лекции Карповича в Институте Лоуэлла (Lowell Institute), просветительской организации, созданной в Бостоне в 1839 г. и прославившейся своими публичными чтениями. Средства института позволяли приглашать в число лекторов видных ученых, которые по окончании чтений традиционно готовили лекции к печати и издавали их, как правило при помощи все того же института.

В марте 1942 г. два почитателя института, А.Л. Лоуэлл (Lowell; 1856–1943) и Р. Лоуэлл (Lowell; 1890–1978), начали составлять программу чтений на новый лекционный 1942/43 год. В письме от 1 апреля 1942 г. А.Л. Лоуэлл предложил Карповичу прочесть от 6 до 8 лекций по русской истории (условия: две лекции в неделю, оплата за каждую лекцию — 100 долларов). Уже 3 апреля Карпович выразил согласие прочесть курс из 8 лекций, предложив в качестве темы «Культура и политика в современной России» (Culture and Politics in Modern Russia). В лекциях Карпович собирался дать обзор отношений между литературой и искусством, с одной стороны, и социальным и политическим развитием — с другой, с середины XIX в. до революции включительно. Была согласована дата начала лекций — 9 марта 1943 г., Карпович должен был читать по вторникам и пятницам. Перед началом курса записавшимся на него слушателям был разослан список литературы, составленный Карповичем¹³.

Курс из 8 лекций состоялся 8, 12, 16, 19, 23, 26, 30 марта и 2 апреля. Карповичем были прочитаны следующие лекции: 1. «Культура и политика; Культура и революция»; 2. «Великие русские писатели и революция: Пушкин, Гоголь, Тургенев»; 3. «Великие русские писатели и революция: Достоевский, Толстой»; 4. «Гражданское искусство vs. искусство ради искусства»; 5. «Период символизма: декаданс или ренессанс?»; 6. «Чехов, Горький и интеллигенция»; 7. «Революция: в поисках пролетарской культуры»; 8. «Революция: последняя фаза — культурный

¹³ A.L. Lowell — M. Karpovich, April 1, 1942; M. Karpovich — A.L. Lowell, April 3, 1942; W.H. Lawrence — M. Karpovich, May 23, 1942; May 27, 1942; E.G. Metcalf — M. Karpovich, February 27, 1943; M. Karpovich — E.G. Metcalf, March 5, 1943 // BA. M. Karpovich papers. Series II. Box 31, folder «Lowell lectures “Culture & Politics in Modern Russia”»; M. Karpovich — W.H. Lawrence, May 25, 1942 // MHS. Lowell Institute records, 1921–1966. Carton 8, folder «Karpovich (7), 1942–43».

термидор?»¹⁴. В лекциях поднимались и обсуждались многие из тем, что позже составят содержание курса интеллектуальной истории России¹⁵.

Предмет лекций Карповича был весьма актуален в тогдашней Америке, и в октябре 1942 г., еще до начала чтений, к Карповичу обратился директор издательства Гарвардского университета, историк Д. Мелоун (Malone; 1892–1986), предлагая рассмотреть лекции в Институте Лоуэлла на предмет их публикации. Карпович с радостью принял предложение, оговорив, что если лекции будут сочтены издательством достойными публикации, то ему потребуется некоторое время на их редактирование и составление библиографии. Спустя год, в марте 1944 г., к Карповичу обратился уже новый директор издательства Р.Л. Скейф (Scaife; 1875–1951), интересуясь, не отказался ли историк от намерения представить лекции, читанные в Институте Лоуэлла. На призыв Скейфа Карпович отреагировал незамедлительно, пообещав прислать черновик через несколько недель. В случае одобрения черновика Карпович оговаривал месяц для переоформления лекций в книгу¹⁶. У нас нет данных, что какие-либо черновики были отправлены Карповичем в издательство Гарвардского университета.

Обратимся к собственно курсу лекций по интеллектуальной истории. Содержащиеся в университетских каталогах данные сведены нами в таблицу. В общей сложности Карпович прочел курс пять раз. Объем материала позволял прочесть лекции в течение одного семестра, составляя так называемый половинный курс (half-course). Точное количество лекций известно нам только для 1954/55 учебного года (см. ниже). От желающих посещать лекции Карпович требовал знакомства с русской историей и существенных языковых навыков. Словом, курс был рассчитан на подготовленных слушателей. Очевидно, сложность изучаемого материала стала причиной того, что лекции, первоначально планировавшиеся как совместные занятия для студентов и аспирантов, со временем стали исключительно аспирантскими.

Наибольшее количество данных удалось собрать о курсе лекций, прочитанном в 1954/55 учебном году. Курс состоял из 25 лекций, большинство из которых прошло по вторникам и четвергам, некоторые были прочитаны по субботам. Судя по расшифровке, лекции состоялись в феврале (3, 8, 10, 15, 17, 24, 26), марте (1, 8, 10, 15, 17, 22, 24, 29, 31), апреле (12, 14, 21, 23, 26, 28, 30), и мае (3). Расшифровка не позволяет ответить на вопрос о дате девятой лекции. Имеющаяся помета (5–21) не может быть никак объяснена, т.к. восьмая лекция была 1 марта, а 10-я —

¹⁴ Public Lectures in the City of Boston under The Lowell Institute. Program for 1942–1943 / [Scrapbook] «Season of 1921–22 to»; Course Ticket «Culture and Politics in Modern Russia» [1943] / [Scrapbook from February 1903 to March 1950] // MHS. Lowell Institute records, 1921–1966. Carton 13; Professor Michael Karpovich. Lowell Institute Information Blank [July 1942] // Ibid. Carton 8, folder «Karpovich (7), 1942–43».

¹⁵ *Karpovich M.* Culture and Politics in Modern Russia [1943] // BA. M. Karpovich papers. Series II. Box 31, folder «Lowell lectures “Culture & Politics in Modern Russia”».

¹⁶ D. Malone — M. Karpovich, October 14, 1942; March 29, 1943; April 2, 1943; April 28, 1943; M. Karpovich — D. Malone, October 26, 1942; March 31, 1943; R.L. Scaife — M. Karpovich, March 25, 1944; M. Karpovich — R.L. Scaife, March 29, 1944 // BA. M. Karpovich papers. Series II. Box 5, folder «Publisher correspondence».

КУРС М.М. КАРПОВИЧА
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
(Intellectual History of Modern Russia)¹⁷

Учебный год	Семестр	Маркировка курса	Дни занятий	Слушатели	Требования к слушателям
1947/48	Осенний	History 56b	Вторник, четверг, суббота	Студенты, аспиранты	Обязательное посещение курса по истории России с 1801 г. (History 55b) или эквивалента, знание русского, французского или немецкого языка
1949/50	Осенний	History 156b	Не указаны	Студенты, аспиранты	Не указаны
1950/51	Осенний	History 256b	Не указаны	Аспиранты	Не указаны
1953/54	Осенний	History 256b	Не указаны	Аспиранты	Не указаны
1954/55	Весенний	History 256b	Вторник, четверг, возможны занятия по субботам	Аспиранты	Умение читать по-русски, по-французски или по-немецки

8 марта. Девятая лекция могла пройти либо 3 (четверг), либо 5 (суббота) марта. В лекциях Карпович начинал изложение материала с XVIII в., сосредоточившись преимущественно на идейных течениях XIX — начала XX в.¹⁸

М.М. Карпович сделал упор на четырех вопросах, которые в его представлении были центральными в дискуссиях русских интеллектуалов Нового времени:

Первая проблема — Россия и Запад, или, как определяют ее сами русские мыслители, Россия и Европа. Интеллигенция и народ — вторая проблема, то есть проблема соотношения между элитой и массами. Искусство и общество (или культура и политика) — третья проблема. Наконец, четвертую проблему выражает вопрос: реформа или революция? [Карпович 2012а, с. 32].

В последующем изложении лектор постарался нарисовать перед слушателями сбалансированную картину борьбы идейных течений вокруг указанных вопросов. Разбору сильных и слабых сторон лекций Карповича посвящена уже упоминавшаяся статья В.А. Китаева [Китаев 2014], к которой отсылаю заинтересованных читателей.

До нас дошел перечень рекомендованных Карповичем слушателям курсов книг для прочтения. Список включал в себя работы на английском, немецком, французском и итальянском языках. Каждый слушатель обязан был прочесть не

¹⁷ Таблица составлена по: Final Announcement... for the Academic Year 1947–48 1947, p. 135; Final Announcement... for the Academic Year 1948–49 1948, p. 150; Harvard University Catalogue 1949, p. 278; Harvard University Catalogue 1950, p. 289; Harvard University Catalogue 1951, p. 332; Harvard University Catalogue 1952, p. 335; Harvard University Catalogue 1953, p. 337; Harvard University Catalogue 1954, p. 338.

¹⁸ В.А. М. Karpovich papers. Series II. Box 35, 36.

менее двух книг из перечня¹⁹. Курс предполагал подготовку слушателями докладов по теме лекций. Удалось обнаружить список тем докладов для курса 1955 г.: «Радищев как аболиционист», «Радищев как либерал», «Николай Тургенев как представитель поколения декабристов», «Философия истории Чаадаева», «Взгляды Чаадаева на Россию», «Хомяков как религиозный мыслитель», «Гоголь как мыслитель», «Эволюция политических и социальных взглядов Герцена», «Герцен и революция 1848 года», «Политические и социальные взгляды Бакунина», «Чернышевский как представитель нового поколения», «Философия истории Лаврова», «Основа панславизма Данилевского», «Философия истории Данилевского», «Тургенев и радикальные течения его времени», «Тургенев как западник и либерал», «Достоевский как религиозный мыслитель», «Политические и социальные взгляды Достоевского», «Соловьев как религиозный мыслитель», «Философия истории Соловьева», «Толстой как религиозный мыслитель», «Философия истории Толстого», «Развитие Лениным плана революции», «Взгляды Ленина на империализм и государство». Карпович также допускал любые темы, посвященные общим идеям В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова или Д.И. Писарева или их взглядам на отношения между искусством и обществом. Каждая тема сопровождалась указанием книг, потребных для подготовки докладов²⁰.

Несмотря на то значение, которое студенты (а в будущем — лидеры американского россиеведения) придавали лекциям Карповича по интеллектуальной истории России, мы не имеем ни одного мемуарного свидетельства о том, как проходили собственно занятия. Со слов знакомых и родственников Карповича известно, что историк никогда не готовил полный текст своих лекций перед занятиями, а давал материал в свободной, импровизированной манере. Вместе с тем Карпович «всегда имел перед глазами карточки, на которые был занесен обстоятельный конспект лекции или доклада» [Тимашев 1960, с. 193; Карпович 2012б, с. 24]. Нисколько не ставя под сомнение свидетельства очевидцев, не могу не обратить внимание на почти дословные совпадения отдельных отрывков из лекций Карповича и его статей, опубликованных в «Новом журнале» в 1950-х гг. [ср.: Карпович 1950, с. 302–303; Карпович 1951а, с. 268; Карпович 1951б, с. 252–253, 261, 261–262; Карпович 1951в, с. 279; Карпович 1951г, с. 304–310; Карпович 1952, с. 274; Карпович 1955, с. 243–244]. Возможно, помимо хорошей памяти Карповича, стоит предполагать письменную фиксацию ученым наиболее удачных пассажей?

Курс по интеллектуальной истории России, прочитанный Карповичем в 1955 г., стал последним в его карьере. В 1955/56 учебном году курс не читался [Harvard University Catalogue 1955, p. 152]. В следующем учебном году лекции по интеллектуальной истории России в Гарварде были прочитаны приглашенным преподавателем, адъюнкт-профессором Висконсинского университета, специалистом по истории Балкан М.Б. Петровичем (Petrovich; 1922–1989). Информация о курсе и требования к слушателям в каталоге были аналогичны таковым у Кар-

¹⁹ History 256b. General Reading List [1955] // BA. M. Karpovich papers. Series II. Box 3, folder «Personal correspondence — 1955».

²⁰ History 256b [1955] // Ibid.

повича [Harvard University Catalogue 1956, p. 218]. Но приглашенный лектор для крупнейшего университета Америки был паллиативом. Выходом стало принятие на постоянную службу блестящего молодого историка России, автора книги о Н.К. Михайловском и народничестве, Дж.Х. Биллингтона (Billington; 1929–2018), в будущем — библиотекаря Библиотеки Конгресса США. Объявленный Биллингтоном курс предназначался студентам и аспирантам, предполагался к чтению в весеннем полугодии 1957/58 учебного года, по продолжительности — половинный курс, днями занятий были обозначены вторники, четверги и субботы. Каталог не содержал требований к желавшим записаться на лекции, зато четко фиксировал установки нового преподавателя: курс хронологически был расширен, охватывая идейную борьбу от раскола XVII в. до 1956 г., ставя целью показать развитие русской политической, религиозной и литературной мысли, со специальным вниманием к уникальным традициям и историческому значению интеллигенции XIX в. [Harvard University Catalogue 1957, p. 220]. Разницу в подходе Биллингтона к содержанию лекций зафиксировал ученик Карповича Дж. Фишер. В письме И. Берлину от 8 февраля 1958 г. Фишер сообщал о чтении Биллингтоном курса интеллектуальной истории в ультрабердяевском стиле, при том что дух Карповича еще витал над Гарвардской площадью²¹. Как мы помним, установки Бердяева о наличии особой «русской идеи» были категорически неприемлемы для Карповича.

М.М. Карпович не был единственным лектором, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. знакомившим аспирантов Гарвардского университета с историей русской общественной мысли. Вторым был философ, историк идей и переводчик, преподаватель Нью-колледжа Оксфордского университета Исая Берлин (Berlin; 1909–1997). В годы Второй мировой войны Берлин находился в США, в 1940–1942 гг. работая в британской службе информации, а в 1942–1945 гг. — в британском посольстве в Вашингтоне. Берлин мог похвастаться свежими впечатлениями от советской действительности: 1945–1946 гг. он провел в СССР в качестве 2-го секретаря британского посольства.

Предложение Берлину прочесть курс лекций по истории интеллектуальных течений в России и СССР в Гарвардском университете в 1947/48 учебном году поступило в начале марта 1947 г. от профессора истории, председателя Комитета по международным и региональным исследованиям (Committee on International and Regional Studies) Д. Маккея (McKay; 1902–1959). Знакомство Берлина и Маккея относится к 1941–1942 гг., когда Маккей служил в американском правительственном агентстве, Бюро координатора информации (Office of the Coordinator of Information), в создании которого активное участие приняли британские специалисты по пропаганде и разведке. В условиях активного развертывания в США руссиеведческих курсов Маккей настойчиво звал старого знакомого прочесть два курса лекций (по интеллектуальным течениям и по истории социализма в Европе и России) в Гарварде с профессорским жалованьем (10 тыс. долларов за

²¹ G. Fischer — I. Berlin, February 8, 1958 // UO. Papers of Sir Isaiah Berlin (MS. Berlin). № 252: Elath — Fischer, 1945–95. L. 260.

учебный год). Берлина заинтересовало предложение, однако он был вовлечен в формирование россиеведческих программ в собственном университете, и перспектива покинуть Оксфорд на год могла вызвать кривотолки среди его коллег. Берлин предложил перенести проезд на 1948/49 учебный год. Маккею хотелось залучить британскую знаменитость как можно скорее, в результате чего он предложил компромисс: чтение курса «Главные течения в русской интеллектуальной истории XIX и XX вв.» (*Main Currents in the Intellectual History of Russia in the 19th and 20th Centuries*) и проведение семинара по общим темам по России назначить на сентябрь–декабрь 1948 г., оплатив жалованье в половинном размере. Однако проезд на один семестр не заинтересовал самого Берлина²².

К приглашению Маккея присоединился директор Русского исследовательского центра Гарвардского университета антрополог К. Клакхон (*Kluckhohn*; 1905–1960). Берлин познакомился с Клакхоном еще в конце 1920-х гг. в Оксфорде, куда Клакхон приехал в качестве обладателя стипендии Родса в колледж Корпус Кристи, *alma mater* первого, для изучения классических языков. Клакхон надеялся на то, что Берлин обогатит центр идеями и поможет лучше организовать междисциплинарные исследования советской системы. В письме Клакхону от 17 декабря 1947 г. Берлин предложил себя в качестве лектора на весну–лето 1949 г., желая совместить преподавание с работой над книгой «Исследования русской мысли XIX века». Из предложенных Берлином тем гарвардцы выбрали «Развитие революционных идей в России» (*The Development of Revolutionary Ideas in Russia*), в надежде, что лектор уделит внимание как периоду до революции, так и советскому времени с указанием на влияние западных идей. В конце апреля 1948 г. Берлин был официально утвержден приглашенным лектором по региональным исследованиям и научным сотрудником Русского исследовательского центра с 1 января по 30 июня 1949 г. с жалованьем в 5000 долларов. Лекции были организованы для хорошо подготовленных аспирантов, многие из которых знали русский язык, по два раза в неделю, с февраля до начала июня 1949 г., параллельно Берлин инструктировал аспирантов по темам их исследований. Январь и июнь Берлин по условиям договоренностей должен был полностью посвятить работе в Русском исследовательском центре²³.

Организация второго приезда И. Берлина в Гарвард прошла по накатанной: он был приглашен Русским исследовательским центром прочесть курс лекций для аспирантов на тему «Развитие социальных и политических идей в России, 1825–1925» (*The Development of Social and Political Ideas in Russia, 1825–1925*) в осеннем

²² D. McKay — I. Berlin, March 1, 1947; March 28, 1947; April 11, 1947; May 8, 1947; I. Berlin — D. McKay, March 14, 1947 // *UO. Papers of Sir Isaiiah Berlin* (MS. Berlin). № 115: Jan. — Sept. 1947. L. 89–90, 114–116, 132–133, 150, 183; I. Berlin — C.K.M. Kluckhohn, December 17, 1947 // *Ibid.* № 116: Oct. 1947 — Mar. 1948. L. 121.

²³ C.K.M. Kluckhohn — I. Berlin, November 20, 1947; I. Berlin — C.K.M. Kluckhohn, December 17, 1947; D. McKay — I. Berlin, January 7, 1948; January 15, 1948; February 10, 1948; I. Berlin — D. McKay, December 17, 1947 // *UO. Papers of Sir Isaiiah Berlin* (MS. Berlin). № 116: Oct. 1947 — Mar. 1948. L. 80–81, 121–122, 155–156, 163, 201; D. McKay — I. Berlin, April 6, 1948; April 27, 1948; September 1, 1948; December 6, 1948 // *Ibid.* № 117: Apr. — Dec 1948. L. 5, 20, 178, 255. А. Зейде ошибочно утверждает, что И. Берлин в Гарвард был приглашен М. Карповичем [Zeide 2007, p. 272].

семестре 1951/52 учебного года. В рамках программы философского департамента Берлин провел семинар, посвященный истории идей²⁴.

У нас нет данных о времени и обстоятельствах знакомства Карповича и Берлина. Скорее всего, это произошло уже в Гарварде в 1949 г., где между учеными установились дружеские отношения, однако не переросшие в переписку. В письме от 6 апреля 1948 г. Д. Маккей сообщал Берлину о прочтенном Карповичем курсе по интеллектуальной истории России с конца XVIII в. до В.И. Ленина, оговариваясь, что это не повод избегать каких-либо тем в собственных лекциях²⁵. Отметим, что в приезды Берлина в Гарвард Карпович не объявлял свой курс интеллектуальной истории. Было ли это связано с нежеланием создавать конкуренцию и дробить небольшую группу будущих россиеведов между двумя лекторами или совпадения случайны — ответить ввиду отсутствия надежных данных невозможно.

Карпович был среди посещавших лекции Берлина в 1949 г.²⁶ Также среди слушателей последнего были и ученики Карповича — М. Малиа (Malia; 1924–2004), Р. Пайпс (Pipes; 1923–2018), Н. Рязановский (Riasanovsky; 1923–2011), Дж. Фишер (Fischer; 1923–2005), М. Раев (Raef; 1923–2008), Л. Хеймсон (Haimson; 1927–2010), Х. Роггер (Rogger; 1923–2002), высоко оценившие лекции, отметившие глубину познаний преподавателя и признававшие сильное интеллектуальное влияние на них Берлина. Правда, со временем у некоторых наступило разочарование в Берлине и его идеях [Пайпс 2005, с. 113; Riasanovsky 1998, p. 69, 71; Malia 2005b, p. 34, 35; Emmons 1995, p. 1144; Snekvik 1995, p. 58, 59, 60, 72–73, 78; Engerman 2009, p. 157; Daly 2017, p. 794]. Д. Энгерман обоснованно считает, что лекции Берлина существенно продвинули изучение интеллектуальной истории в США, и особенно в Гарварде [Engerman 2009, p. 157; см. также: Mason 2012]. Но сводить рост популярности исследований по русской интеллектуальной истории в Гарварде исключительно к деятельности Берлина было бы ненужным преувеличением. Карпович, без сомнения, был менее масштабным мыслителем и менее ярким лектором, чем Берлин, однако преподавание на постоянной основе в университете, прочтение бóльшего числа курсов как по интеллектуальной истории, так и по истории России, проведение семинаров, работа с аспирантами, руководство диссертациями, в конце концов, знакомство с реалиями дореволюционной России, чем Берлин не мог похвастаться, позволяли Карповичу влиять как на выбор направления изучения, так и на темы, и даже на взгляды своих слушателей.

Курс лекций по интеллектуальной истории России, прочтенный в 1955 г., отличался от ранее читанных Карповичем тем, что был записан на магнитофонную пленку. Впервые идею записать на магнитофон курс Карповича предложил филолог-медиевист Д.А. Джапаридзе (1921–1970), осенью 1953 г. бывший в Гарварде и впечатленный качеством его лекций. По мнению Джапаридзе, магнитофонная запись могла помочь сохранить лекции в случае, если Карпович не напишет книгу,

²⁴ D. McKay — I. Berlin, December 15, 1950 // UO. Papers of Sir Isaiah Berlin (MS. Berlin). № 124: Aug. — Dec. 1950. L. 255; D. McKay — I. Berlin, January 19, 1951 // Ibid. № 126: Jan. — Apr. 1951. L. 75.

²⁵ D. McKay — I. Berlin, April 6, 1948 // Ibid. № 117: Apr. — Dec 1948. L. 5.

²⁶ I. Berlin — P. Brooks, August 19, 1949 // Ibid. № 119: May — Aug. 1949. L. 271.

или послужить конспектом, если Карпович все же возьмется подготовить труд к печати²⁷. Кто выступил инициатором записи лекций на магнитофон в 1955 г. — Карпович или его студенты — доподлинно неизвестно. Вероятно, в этом вопросе сошлись интересы престарелого преподавателя, в преддверии отставки копившего материал для последующей обработки и публикации, и технически подготовленных студентов²⁸.

С.М. Карпович вспоминает, что лекции отца по интеллектуальной истории России должны были транслироваться местной радиостанцией. Не исключено, что подобная мысль возникла под влиянием известий из Лондона, где в Университетском колледже Лондонского университета И. Берлин в 1954 г. прочел курс нортклиффских лекций. Заимствовав у мемуариста П.В. Анненкова название («Замечательное десятилетие»), Берлин посвятил курс русским деятелям 1830–40-х гг. и прочел четыре лекции: «Рождение русской интеллигенции», «Немецкий романтизм в Петербурге и Москве», «Белинский: моралист и пророк», «Герцен и великие инквизиторы». Лекции Берлина в записи в том же году транслировались по третьей программе Би-би-си²⁹. В случае Карповича до трансляции дело не дошло: по утверждению С.М. Карповича, пленки с записями лекций отца были утрачены на радиостанции во время пожара [Карпович 2012б, с. 25].

Когда была расшифрована магнитофонная запись и был отпечатан на пишущей машинке текст лекций, достоверно неизвестно. Нет сведений и о тех людях, что вели указанную техническую работу. С.М. Карпович обоснованно указывает, что расшифровку вел человек, малознакомый с русскими реалиями, что сказалось на появлении пропусков в расшифровке и фантастических фамилий [Карпович 2012б, с. 25]. М.М. Карпович утверждал, что к апрелю 1957 г. расшифровка лекций была в его распоряжении³⁰. Письмо Дж. Фишера И. Берлину от 14 ноября 1956 г.³¹ позволяет предположить, что уже к этому времени расшифровка имела в наличии: в присланной Ф.Э. Мозли (Mosely; 1905–1972) статье для юбилейного

²⁷ Interviews: A.B. Lord. March 29, 1957 // RAC. Rockefeller Foundation records, projects, SG 1.2 (FA387a). Series 200: United States. Subseries 200.R: United States — Humanities and Arts. Box 343, folder 3132 «Harvard University — Russian Studies — Karpovich, Michael, 1957–1959». О Д.А. Джапаридзе см.: Гуль 1970; Townsend 1970.

²⁸ В посмертных воспоминаниях о Карповиче (1959) Г.В. Вернадский ошибочно указал, что лекции по интеллектуальной истории были застенографированы слушателями в 1956 г., после чего эти данные неоднократно воспроизводились в работах отечественных историков, вызвав критику со стороны ученика Карповича Р. Пайпса [Вернадский 1959, с. 10; Бирман 1999, с. 133, примеч. 58; Болховитинов 2005, с. 93; Pipes 2006, р. 386]. Теми же авторами в качестве публикации части курса лекций по интеллектуальной истории России ошибочно указывается брошюра [Karpovich 1958b].

²⁹ Лекции И. Берлина и скрипты радиопередач см.: UO. Papers of Sir Isaiah Berlin (MS. Berlin). № 437–439.

³⁰ M. Karpovich — E.F. D'Arms, April 15, 1957 // RAC. Rockefeller Foundation records, projects, SG 1.2 (FA387a). Series 200: United States. Subseries 200.R: United States — Humanities and Arts. Box 343, folder 3132 «Harvard University — Russian Studies — Karpovich, Michael, 1957–1959».

³¹ G. Fischer — I. Berlin, November 14, 1956 // UO. Papers of Sir Isaiah Berlin (MS. Berlin). № 252: Elath — Fischer, 1945–95. L. 256 r.

сборника Карповичу сообщалось об окончании расшифровки лекций, которые Карпович собирался подготовить к публикации [Mosely 1957, p. 8].

Интересно, что и второй лектор, И. Берлин, по окончании курса в Гарварде собирался по материалам лекций написать книгу о группе радикальных русских мыслителей в 1825–1881 гг. В письме главному редактору издательства «Хоутон Миффлин» (Houghton Mifflin Publishing Company) П. Бруксу (Brooks; 1909–1998) от 19 августа 1949 г. Берлин сообщал, что в книгу из 8–9 глав с предположительным названием «Исследования русской радикальной мысли» (вариант: «Исследования русских радикальных мыслителей») он собирался включить детальные очерки о В.Г. Белинском, А.И. Герцене, М.А. Бакунине, П.Л. Лаврове, М.В. Буташевиче-Петрашевском, Ф.М. Достоевском, И.С. Тургеневе, Н.Г. Чернышевском и др. Во введении Берлин предполагал разобрать русскую радикальную традицию в XVIII–XIX вв., а в заключении — указать на влияние упомянутой традиции на ход событий в России. Берлин собирался приготовить книгу к 1952 г., предлагая запросить у ряда американских ученых мнения относительно ценности труда, в т.ч. М.М. Карповича, признавая, таким образом, авторитет последнего в вопросах интеллектуальной истории России³². Задуманная Берлиным книга появилась лишь в 1978 г. под названием «Русские мыслители».

Планы Карповича по подготовке лекций по интеллектуальной истории к печати не были секретом для администрации департамента славянских языков и литератур. 29 марта 1957 г. глава департамента славист А.Б. Лорд (Lord; 1912–1991) по собственной инициативе позвонил по телефону заместителю руководителя гуманитарных программ Фонда Рокфеллера Э.Ф. д'Армсу (D'Arms; 1904–1991). Лорд сообщил, что Карпович в 1957 г. выходит в отставку, что даст ему возможность закончить книгу по русской интеллектуальной истории. На вопрос Лорда о возможной помощи фонда Карповичу в деле подготовки книги д'Армс ответил утвердительно, попросив предоставить более детальную информацию. В письме д'Армсу от 1 апреля 1957 г. Лорд рассказал о планах Карповича подготовить за два года две книги. Первой должна была стать упомянутая интеллектуальная история, второй — однотомная история России. Желанием членов департамента, а также декана факультета искусств и наук М. Банди (Bundy; 1919–1996) видеть завершенными труды Карповича, которые из-за его беззаветной преданности преподаванию и административным обязанностям не могли быть окончены ранее, Лорд объяснял обращение в фонд за финансовой поддержкой. Для получения квалифицированного совета по запросу Гарварда д'Армс обратился к историку, директору по исследованиям Совета по международным отношениям (Council of Foreign Relations) Ф. Мозли. Последний в ходе ланча 4 апреля 1957 г. однозначно высказался за поддержку исследований Карповича, заявив, что «его лекции по культурной истории России — лучшее, что было сделано за последние 75 лет». (Заметим, что в юбилейной статье Мозли также признавал выдающиеся достоинства курса по интеллектуальной истории России, считая его наиболее оригинальным вкладом Карповича в американское россиеведение [Mosely 1957, p. 8].

³² I. Berlin — P. Brooks, August 19, 1949 // Ibid. № 119: May — Aug. 1949. L. 270–271 r.

Выдающиеся качества Карповича как историка русской мысли были отмечены и в подписанном Мозли некрологе [Mosely, Malia, Chamberlin, Mohrenschildt 1960, p. 59].) От однотомной истории России Мозли не ждал, что эта работа будет окончена, а в случае завершения — сомневался в ее выдающихся качествах. Дополнительные данные в пользу предоставления Карповичу гранта Мозли сообщил в письме д'Армсу 15 апреля 1957 г.: на встрече 5 апреля Мозли и Карпович обсудили лекции, для подготовки к печати которых уже была собрана часть материалов и предварительно обдумана структура работы. Мозли считал, что за два года Карпович сможет завершить первую и большую часть второй работы. Мозли предложил давать Карповичу ежегодно по 5000 долларов в течение двух лет, отдельно оплачивая разные технические работы³³.

Лорд настоятельно рекомендовал Карповичу представить д'Армсу детальное описание своих исследовательских планов, что и было сделано в письме от 15 апреля 1957 г. Первым проектом ученый назвал книгу по интеллектуальной истории России с хронологическим охватом XVIII в. — 1917 г. Формулируя основной предмет своей книги, Карпович практически дословно воспроизвел в сокращенном виде пассаж из вступительной лекции [см.: Карпович 2012а, с. 29–32]. Развитие русской мысли после 1917 г., по мнению Карповича, резко контрастировало с дореволюционным периодом и должно было стать предметом отдельного исследования.

Хотя Карпович заявлял, что у него есть машинописный текст расшифровки гарвардских лекций, однако для публикации он собирался их тщательно переработать, для чего провести дополнительные исследования в американских библиотеках (Гарвард, Нью-Йорк и Вашингтон). Как оптимистично писал Карпович, грант, позволявший ему сосредоточиться исключительно на интеллектуальной работе, был залогом успешного завершения первой книги в течение года, максимум — полутора. По уверению Карповича, директор издательства Гарвардского университета выразил заинтересованность в будущей книге.

Второй заявленный проект представлял собой однотомную историю России с древности до настоящего времени. На издание подобного труда Карпович уже имел контракт от издательства «Харкорт, Брейс энд Компани» (Harcourt, Brace and Company)³⁴. Карпович писал, что ни одна из существующих однотомных историй

³³ Interviews: A.B. Lord, March 29, 1957; A.B. Lord — E.F. D'Arms, April 1, 1957; E.F. D'Arms — A.B. Lord, April 3, 1957; Excerpt from EFD's diary of talk with Philip E. Mosely, April 4, 1957; P.E. Mosely — E.F. D'Arms, April 15, 1957; E.F. D'Arms — P.E. Mosely, April 18, 1957 // RAC. Rockefeller Foundation records, projects, SG 1.2 (FA387a). Series 200: United States. Subseries 200.R: United States — Humanities and Arts. Box 343, folder 3132 «Harvard University — Russian Studies — Karpovich, Michael, 1957–1959».

³⁴ В 1943 г. издательство «Харкорт, Брейс энд Компани» предложило М.М. Карповичу подготовить однотомную историю России на базе его университетских лекций. Тогда же был заключен договор на издание книги, рукопись которой должна была поступить в издательство к 1 сентября 1945 г., с тем чтобы труд вышел весной 1946 г. К положенному сроку Карпович представить рукопись не смог. В результате издательство терпеливо ожидало окончания работ, последние обнаруженные письма относятся к 1958 г. (J.M. Reid — M.M. Karpovich, September 30, 1943; M.M. Karpovich — J.M. Reid, October 12, 1943, March 25, 1945; Agreement between Michael Karpovich and Harcourt, Brace and Company Inc. relative to An Outline of Russian History. Date October 18, 1943 // BA. M. Karpovich papers. Series II. Box 5, folder «Publisher correspondence»; W.A. Pullin — M.M. Karpovich, January 24, 1958 // Ibid. Box 3, folder «Personal correspondence — 1958»).

России не удовлетворяла его полностью: часть с точки зрения распределения материала, часть с точки зрения интерпретации. Своим одноклассником, материал для которого уже был собран, а план составлен, Карпович собирался добавить новое и ценное знание к литературе предмета.

Несколько глав книги уже были написаны вчерне, однако Карпович признавал необходимость проведения ряда исследований, правда в меньшем объеме, чем для первой книги. Оптимистично настроенный Карпович завершал свое письмо утверждением, что при наличии гранта он сможет за два года подготовить обе книги.

Уже 18 апреля д'Армс сообщил Лорду, что фонд готов предоставить Карповичу грант в размере 12 000 долларов на два года, из которых ежегодно 5000 должны были составлять его жалование, а 1000 — идти на разные расходы (поездки, покупка книг, работа секретаря и т.д.). Для подачи формальной заявки на грант для Карповича д'Армс просил сделать запрос в фонд от президента Гарвардского университета Н.М. Пуси (Pusey; 1907–2001), что и было сделано 29 апреля 1957 г.³⁵

На заседании 23 мая 1957 г. исполнительный комитет Фонда Рокфеллера одобрил грант Гарвардскому университету для Карповича в сумме 12 000 долларов на два года, начиная с 1 июля 1957 г. Перечисление средств гранта было запланировано дважды в год. По завершении финансового года фонд просил предоставить отчет о движении средств, а по окончании гранта — вернуть нерастраченные деньги, буде таковые окажутся, в фонд. Информация о гранте Фонда Рокфеллера Карповичу была неоднократно опубликована в периодической печати, а также помещена в отчете благотворительной организации³⁶.

Нам не удалось обнаружить никаких детальных данных о том, как шла работа Карповича над приготовлением текста лекций к печати в первый год гранта (1 июля 1957 г. — 30 июня 1958 г.). В нашем распоряжении имеется лишь сводный отчет, в котором Карпович подвел итоги своей деятельности за весь год. В области дополнительных разысканий Карпович сделал упор на ознакомлении с направлениями западной мысли и изучении преувеличенной разницы между мыслью России и Запада, а также на подробном исследовании эстетических взглядов русских художников и композиторов середины XIX в. В течение первого года Карпович завершил исследовательскую стадию, полностью сосредоточившись на финальном переписывании текста лекций. Темп работ позволял ему оптимистично заявлять о готовности предоставить рукопись в издательство Гарвардского университета к 1 января 1959 г., после чего он намеревался обратиться к однокласснику. За пер-

³⁵ M. Karpovich — E.F. D'Arms, April 15, 1957; E.F. D'Arms — M. Karpovich, April 18, 1957; E.F. D'Arms — A.B. Lord, April 18, 1957; N.M. Pusey — E.F. D'Arms, April 29, 1957 // RAC. Rockefeller Foundation records, projects, SG 1.2 (FA387a). Series 200: United States. Subseries 200.R: United States — Humanities and Arts. Box 343, folder 3132 «Harvard University — Russian Studies — Karpovich, Michael, 1957–1959».

³⁶ F.M. Rhind — N.M. Pusey, May 23, 1957; [Excerpt from the minutes of the Executive Committee of the Rockefeller Foundation, May 23, 1957]; M. Bundy — R.S. Steel, June 18, 1957; N.M. Pusey — F.M. Rhind, June 19, 1957 // Ibid; The Rockefeller Foundation 1958, p. 238, 323; Historical News 1957, p. 271. Примечательно, что практически сразу после получения известия о выделенном гранте бывший ученик Карповича М. Раев в письмах от 15 и 26 июня 1957 г. к сотоварищу Р. Пайпсу скептически оценил возможность учителя завершить подготовку лекций к печати [Pillars of the Profession 2019, p. 217–218, 223].

вый год Карпович сумел израсходовать только 242,43 доллара из выделенных ему 1000 долларов на технические расходы, в т.ч. на покупку книг 9,72, на перепечатку рукописи 66, на поездки 166,71³⁷. В качестве опубликованных работ при финансовой поддержке гранта Карпович указал на ряд рецензий на книги, посвященные интеллектуальной истории России [Карпович 1957б; Karpovich 1958a]. По неизвестной причине Карпович не стал указывать свою статью «Традиции русской общественной мысли» [Карпович, 1957а], в которой он подверг критике искажения истории дореволюционных идейных течений в советской исторической науке.

Вопреки утверждению Карповича о полной сосредоточенности на подготовке двух книг при условии получения гранта, уже летом 1958 г. он оказался в двусмысленной ситуации: его пригласили провести оплачиваемый семинар в женском Радклиффском колледже, составлявшем часть Гарвардского университета, однако он не был уверен, не противоречат ли подобные занятия политике фонда. Для главы большого семейства разрешение фонда на руководство семинаром и, соответственно, на дополнительный заработок пришлось весьма кстати.

Оставшиеся нерастраченными средства были учтены при первом платеже по гранту. Средства на технические расходы на второй год Карповичу были выделены полностью (1000 долларов). Предварительный бюджет на второй год выглядел так (в долларах): зарплата 5000, перепечатка 500, поездки 300, покупка книг 100, разные траты 100. Финальный денежный отчет фиксировал на 30 июня 1959 г. остаток от технических расходов в сумме 777,71 доллара, которые были возвращены в фонд³⁸. Содержательный отчет Карповича за второй год гранта, увы, не обнаружен.

Спустя четыре месяца после окончания гранта, 7 ноября 1959 г., М.М. Карпович скончался. Смерть не позволила ему провести семинар «История идей в России, 1789–1917», запланированный на зимний семестр 1959/60 учебного года в Йельском университете, куда его пригласили как признанного специалиста по интеллектуальной истории России³⁹.

На этом, казалось бы, рассказ о курсе по интеллектуальной истории России и неудачной попытке М.М. Карповича подготовить к печати и издать его в 1950-х гг. можно было бы и завершить. Однако эпопея труда на этом не закончилась. Еще не пришло время писать о попытках коллег и учеников Карповича подготовить и издать его лекции, ибо основная часть архивных фондов участников тех событий пока не обработана и, соответственно, недоступна [Daly 2017, p. 786–787]. Но

³⁷ M. Karpovich — M. Bundy, June 19, 1958 // RAC. Rockefeller Foundation records, projects, SG 1.2 (FA387a). Series 200: United States. Subseries 200.R: United States — Humanities and Arts. Box 343, folder 3132 «Harvard University — Russian Studies — Karpovich, Michael, 1957–1959».

³⁸ M. Bundy — J. Marshall, June 27, 1958; M. Bundy — R.S. Steel, June 27, 1958; J. Marshall — M. Bundy, July 1, 1958; J.H. Greenfieldt — M. Bundy, July 10, July 17, August 6, 1958; M. Bundy — J.H. Greenfieldt, July 23, 1958; J.H. Greenfieldt — E. Kraetzer, Jr., December 16, 1958; [C.W. Janke] — R.S. Steel, October 13, 1959; J.H. Greevers — C.W. Janke, October 19, 1959 // Ibid.

³⁹ G.W. Pierson — M.M. Karpovich, March 2, 1959; Draft of Proposal for Graduate Course in Russian History [1959] // BA. M. Karpovich papers. Series II. Box 3, folder «Personal correspondence — 1959».

уже возможно перебросить мостик к событиям полувековой давности и наметить контуры будущей исследовательской работы.

Сразу после смерти Карповича Г.В. Вернадский в письме дочери, Н.М. Карпович, от 11 ноября 1959 г. поднял вопрос о творческом наследии покойного:

...после Миши осталась почти законченная книга о Russian Intellectual History — стенографическая запись его лекций. Миша прошлую зиму работал над этой рукописью, чтоб привести ее в порядок для печати, сделать библиографические ссылки и т.д., но не успел закончить. Нужно непременно закончить эту работу и издать эту книгу. Кажется, уже было устроено, что Harvard Press издаст, но теперь вопрос об editing — закончить подготовку для печати. Я не знаю, м.б., Harvard Press имеет в виду кого-нибудь, но если нет и если ты хочешь, я готов был бы взять editing на себя, мне обещает помочь Фируз Каземзаде⁴⁰.

Ученик Карповича Ф. Каземзаде (Kazemzadeh; 1924–2017) с 1956 г. преподавал в Йельском университете, откуда в том же году ушел в отставку Вернадский, продолжая проживать в Нью-Хейвене. Воспоминания Каземзаде о Карповиче написаны с любовью и почтением [Каземзаде 1959]. Наличие в одном месте двух историков России, горевших желанием почтить память усопшего, делало возможность подготовки лекций достаточно реальной. Вернадский настаивал на обращении душеприказчика Карповича в издательство Гарвардского университета за подробностями договоренности. Историк писал, что «остались Мишины записи лекций. Надо их также рассмотреть»⁴¹. Н.М. Карпович выслала Вернадскому расшифровку лекций для ознакомления.

Согласно рассказу С.М. Карповича, сообщенном мне Г.М. Иноземцевым, после смерти М.М. Карповича свои услуги по подготовке лекций к печати предложил его ученик и заместитель по Гарвардскому университету Р. Пайпс. Однако семья Карповича отвергла сие предложение. Ознакомившись с лекциями, Вернадский в письме Н.М. Карпович настаивал на том, чтобы «замечательный курс — яркий и проникновенный и вместе с тем какой-то интимный и “уютный”» был непременно издан. Но историк, вероятно, усомнился в своих способностях по подготовке лекций к печати и в телефонном разговоре с Н.М. Карпович обсудил возможных кандидатов для данного предприятия. Наиболее подходящим кандидатом был признан ученик Карповича М. Малиа, трудившийся в Калифорнийском университете в Беркли. Выбор Малиа в качестве редактора одобрил Ф. Мозли. В письме Н.М. Карпович от 4 декабря 1959 г. Вернадский утверждал, что, «в сущности, по-моему, лекции Миши не требуют коренной переработки или дополнений. Главное, надо разговорную запись переделать на более литературную, но, по-моему, надо сохранить форму лекций. Затем, конечно, проверить все имена и

⁴⁰ Г.В. Вернадский — Н.М. Карпович, 11 ноября 1959 // ВА. М. Karpovich papers. Series I. Box 3, folder «Vernadsky, George. 1959–1960».

⁴¹ Ibid.

в некоторых местах заполнить пробелы в стенограмме. В общем, конечно, editing потребует много труда и времени»⁴².

В 1960 г. Малиа получил, судя по всему, расшифровку лекций, которая появилась в ходе переноса информации с магнитофонной пленки на бумагу, с восстановленными чтениями ряда фамилий, исправлениями отдельных слов, пометами самого Карповича и еще двух лиц (Г.В. Вернадский? Ф. Каземзаде?) и перепечатанный вариант, сходный по форме с расшифровкой, с несколько отличной группировкой материала, с изменениями заголовков частей с «лекций» на «главы», с небольшой правкой. Этот текст и должен быть признан текстом книги, готовившейся Карповичем в рамках гранта Фонда Рокфеллера. Вместе с лекциями поступили различные подготовительные материалы. Первым делом Малиа опубликовал в виде статей с незначительной стилистической правкой и исправленной библиографией два текста Карповича [Karpovich 1960; Karpovich 1963], посвященные Н.Г. Чернышевскому и П.Л. Лаврову соответственно. По утверждению Малиа [Karpovich 1960, p. 569; Karpovich 1963, p. 21], обе статьи были главами труда Карповича по истории русской социальной и политической мысли с XVIII в. до революции 1917 г. Нам представляется, что Малиа был введен в заблуждение наличием законченных текстов среди подготовительных материалов Карповича, и, как результат, ввел в заблуждение последующих исследователей. Ни по содержанию, ни по формату, ни по тщательности проработки, ни по оформлению указанные тексты не могут быть сопоставимы с лекциями Карповича. Скорее всего, Малиа опубликовал законченные Карповичем статьи, по каким-то причинам не отданные последним в печать.

В публикации 1963 г. Малиа громогласно заявил, что в его ближайших планах — подготовка лекций Карповича к печати [Karpovich 1963, p. 23]. На каком-то этапе Малиа в указанной работе помогал другой ученик Карповича, Н. Рязановский, также преподававший в Калифорнийском университете в Беркли [Snekvik 1995, p. 71].

В бытность в Гарварде Малиа записывал лекции Карповича и при литературной обработке текста собирался использовать эти заметки. Однако весьма скоро Малиа осознал, что подготовка лекций отнимает слишком много времени, мешая его собственным научным планам. Добавились и внешние факторы, затормозившие подготовку лекций к печати. Прежде всего, работа над лекциями совпала с написанием Малиа книги о дореволюционной русской интеллигенции. Получив стипендию Гутгенхайма для работы над книгой, Малиа провел почти год (1962–1963) в СССР и по возвращении оттуда был обвинен советской печатью в порочащих ученого действиях (вместо научной работы Малиа занимался фиксацией настроений творческой интеллигенции и выявлением мест расположения исправительно-трудовых лагерей). Как результат — последовало охлаждение Малиа к «русской тематике», изменение исследовательских интересов, многолетний перерыв с поездками в СССР, закончившийся только в 1988 г. С 1964 г. Малиа

⁴² Г.В. Вернадский — Н.М. Карпович, 4 декабря 1959 // ВА. М. Karpovich papers. Series I. Box 3, folder «Vernadsky, George. 1959–1960».

оказался вовлечен в «Движение за свободу слова» (Free Speech Movement), на несколько лет ставшее основным возмутителем спокойствия в кампусе университета в Беркли. В довершение в 1969 г. из Калифорнийского университета ушел К.Э. Шорске (Schorske; 1915–2015), и Малиа достался его курс интеллектуальной истории Европы XVIII–XIX вв. [Ростов 1963, с. 35; Soviet Target 1964; Malia, 2005b, p. 36, 93–94, 114–115, 129–131, 134, 154, 163–164].

Возможно, некое влияние на прекращение Малиа работы над лекциями Карповича оказал вышедший в 1959–1961 гг. труд Д.И. Чижевского на немецком языке об интеллектуальных движениях в России от эпохи Средневековья и до начала XX в., позже последовало англоязычное издание [Tschizewskij 1959–1961; Tschizewskij 1978. См. также антологию по интеллектуальной истории России XVII–XX вв., подготовленную учеником Карповича М. Раевым: Russian Intellectual History 1966].

Участвовавший вместе с Малиа в подготовке лекций к печати Н. Рязановский озвучил наиболее радикальную версию прекращения проекта. Малиа, высоко ценивший и Карповича, и его лекции по интеллектуальной истории, в ходе работы над текстами пришел к выводу, что в случае публикации они не создадут нового направления в науке, т.к. не содержали новых ярких идей. Разочарованный Малиа принял нелегкое решение и забросил проект [Snekvik 1995, p. 71–72].

Как бы то ни было, в 1968 г. Малиа прислал две отредактированные им лекции С.М. Карповичу безо всякого объяснения, после чего перестал отвечать на призывы родственников покойного историка вернуть материалы. Лишь в 2004 г. в Бахметевский архив из Гарримановского института поступили расшифровка курса, перепечатанный вариант лекций, текст пяти лекций, отредактированных Малиа, некоторое количество подготовительных материалов. В институт эти материалы поступили от М. Малиа⁴³. Круговорот лекций свершился, и они, образовав два новых ящика (35 и 36), вернулись в состав фонда М.М. Карповича⁴⁴.

Подведем итоги. Полученное образование вкупе с интересом к умственной жизни русского общества, ее связям с западными течениями позволили М.М. Карповичу подготовить курс лекций, объединив богатую традицию изучения отечественными и иностранными учеными истории общественной мысли, прошлого отдельных научных дисциплин, с набиравшим популярность в США направлением «интеллектуальная история». Современники отмечали у Карповича всегдашний интерес к духовной жизни народа, «истории идей», и курс интеллектуальной истории был предметом его особых забот [см., например: Зеньковский 1958, с. 55; Zenkovsky 1958, p. 295–296; Epstein 1959, s. 515; Historical News 1960, p. 490–491; Зеньковский 1987, с. 403; Дзевановский 2002, с. 103 и др.]. Курс русской интеллектуальной истории занял уникальное место в американском послевоенном высшем образовании, повлияв на формирование взглядов многих представителей стремительно развивавшихся россиеведения и советологии, в чем-то предопределив направление изучения и даже взгляды на те или иные явления прошлого.

⁴³ Т. Чеботарева — П. Трибунскому, e-mail, 10 января 2012 г. // Личный архив автора.

⁴⁴ ВА. М. Karpovich papers. Series II. Box 35, 36.

Ученики Карповича высказали несколько объяснений, почему учитель склонял своих слушателей к исследованиям по интеллектуальной истории: возможность заниматься историей России без необходимости обращения к недоступным советским архивам, признание центральной роли общественного движения в развитии русской жизни второй половины XIX — начала XX в., верность тезиса о России как о европейской стране доказывалась интеллектуальной историей социалистических и либеральных течений [Malia 1998, p. 422; Malia 2005a, p. 134; Пайпс 2005, с. 135; Раев 2001, с. 17–18; Snekvik 1995, p. 54 (интервью Л. Хеймсона), 59 (интервью Р. Пайпса), 79 (интервью Х. Роггера). См. также: Engerman 2009, p. 157; Daly 2017, p. 794]. Проигрывая И. Берлину в ораторском искусстве и широте обобщений, Карпович тем не менее создал своим курсом стойкую традицию преподавания и изучения интеллектуальной истории в Гарварде. В рамках послевоенного американского россиеведения, испытывавшего дефицит видных специалистов, добротных ученых и учебных текстов, курс Карповича по широте охвата материала, по глубине анализа был уникален, и в случае его издания он мог бы стать серьезным достижением учебного процесса в США. Осознание ценности курса университетской администрацией, учеными-коллегами, представителями Фонда Рокфеллера стали причинами выделения Карповичу денег для подготовки лекций к публикации, увы, не состоявшейся по целому ряду причин.

Сокращения

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук

BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (New York, USA)

BLUC — The Bancroft Library. University of California (Berkeley, USA)

HIA — Hoover Institution Archives (Stanford, USA)

HUA — Harvard University Archives (Cambridge, USA)

MHS — Massachusetts Historical Society (Boston, USA)

RAC — Rockefeller Archive Center (Sleepy Hollow, USA)

SCRC. UCL — Special Collections Research Center. University of Chicago Library (Chicago, USA)

UO — University of Oxford (Oxford, UK)

Литература

Багдасарян, Юдаева 2009 — Багдасарян В.Э., Юдаева Н.В. М.М. Карпович // Общественная мысль русского зарубежья: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009. С. 325–327.

Бирман 1999 — Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый журнал» // Отечественная история. 1999. № 5. С. 124–134.

Болховитинов 2005 — Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

- Вернадский 1959 — *Вернадский Г.В.* М.М. Карпович. Памяти друга // Новый журнал. 1959. № 58. С. 9–11.
- Гавлин 1997 — *Гавлин М.* М.М. Карпович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энциклопедический биографический словарь / под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. С. 281–282.
- Горинов 2014 — *Горинов-мл. М.М.* Документальные материалы московских архивов как источник сведений по биографии М.М. Карповича // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М., 2014. С. 221–230.
- Гуль 1970 — *Гуль Р.Б.* Давид Александрович Джапаридзе // Новый журнал. 1970. № 98. С. 263–264.
- Дзевановский 2002 — *Дзевановский М.К.* Профессор Михаил Карпович (1888–1959) // Славяноведение. 2002. № 1. С. 102–104.
- Дойков 2004 — *Дойков Ю.В.* Самые знаменитые историки России. М., 2004.
- Ефременко 2011 — *Ефременко В.В.* Научная и культурная жизнь российской эмиграции «первой волны» во Франции: монография. Новосибирск, 2011.
- Захаров 2016 — *Захаров О.И.* Российские постреволюционные историки-эмигранты в США: проблемы научной и бытовой адаптации: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016.
- Захаров 2019 — *Захаров О.И.* Открывая Америку: монография. М., 2019.
- Зейде 2008 — *Зейде А.* Михаил Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. № 253. С. 123–139.
- Зеньковский 1958 — *Зеньковский С.* Путь историка: К 70-летию М.М. Карповича // Опыты. 1958. № 9. С. 52–60.
- Зеньковский 1987 — *Зеньковский С.А.* Вдумчивый историк: (к столетию со дня рождения Михаила Михайловича Карповича) // Новый журнал. 1987. № 168–169. С. 399–408.
- Каземзаде 1959 — *Каземзаде Ф.* М.М. Карпович. Памяти учителя // Новый журнал. 1959. № 58. С. 12–14.
- Карпович 1950 — *Карпович М.М.* Две книги по истории русской культуры // Новый журнал. 1950. № 23. С. 302–304. Рец. на кн.: Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Париж, 1948. Т. 2: 1824–1837; Рязановский В.А. Обзор русской культуры: исторический очерк. Нью-Йорк, 1947–1948. Ч. 1–2.
- Карпович 1951а — *Карпович М.М.* Г.П. Федотов // Новый журнал. 1951. № 27. С. 266–272.
- Карпович 1951б — *Карпович М.М.* Империализм или агрессия // Новый журнал. 1951. № 25. С. 243–263.
- Карпович 1951в — *Карпович М.М.* Комментарии // Новый журнал. 1951. № 26. С. 279–293.
- Карпович 1951г — *Карпович М.М.* Комментарии // Новый журнал. 1951. № 27. С. 304–311.
- Карпович 1952 — *Карпович М.М.* Комментарии // Новый журнал. 1952. № 31. С. 264–279.
- Карпович 1955 — *Карпович М.М.* Комментарии // Новый журнал. 1955. № 43. С. 234–247.
- Карпович 1957а — *Карпович М.М.* Традиции русской общественной мысли // Судьбы России: сб. ст. / изд. Объединения российских народников. Нью-Йорк, 1957. Вып. 1. С. 5–25.
- Карпович 1957б — *Карпович М.М.* [Рец. на]: Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Russland. Frankfurt am Main, 1957 (Frankfurter wissenschaftliche Abhandlungen. Kulturwissenschaftliche Reihe; bd. 10); Fischer G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, MA, 1958 (Russian Research Center Studies; 30); Raeff M. Michael Speransky, Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague, 1957 // Новый журнал. 1957. № 51. С. 275–280.
- Карпович 2012а — *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века) / пер. с англ. А.И. Кырлежева, Е.Ю. Моховой; вступ. ст. Н.Г.О. Перейры; предисл. С.М. Карповича; примеч. П.А. Трибунского. М., 2012.

- Карпович 2012б — *Карпович С.М.* Заметки к истории публикации // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века) / пер. с англ. А.И. Кырлежева, Е.Ю. Моховой; вступ. ст. Н.Г.О. Перейры; предисл. С.М. Карповича; примеч. П.А. Трибунского. М., 2012. С. 24–26.
- Китаев 2014 — *Китаев В.А.* М.М. Карпович — историк русской общественной мысли // Клио. 2014. № 9. С. 121–127.
- Крейд 2003 — *Крейд В.* Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 173–178.
- Малиа 2010 — *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / пер. с англ. А. Павлова, Д. Узланера; вступ. ст. и общ. ред. А. Павлова. М., 2010. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
- «Мы живем в особенной атмосфере» 2014 — «Мы живем в особенной атмосфере»: Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909–1917 / предисл., публ. и коммент. М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // Новый журнал. 2014. № 274. С. 92–156.
- Пайпс 2005 — *Пайпс Р.* Я жил: мемуары непримкнувшего / пер. В. Бровкина. М., 2005.
- Перейра 2012 — *Перейра Н.Г.О.* Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века) / пер. с англ. А.И. Кырлежева, Е.Ю. Моховой; вступ. ст. Н.Г.О. Перейры; предисл. С.М. Карповича; примеч. П.А. Трибунского. М., 2012. С. 7–23.
- Петров 2001 — *Петров Е.В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX в.: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001.
- Раев 1995 — *Раев М.* М.М. Карпович — русский историк в Америке // Новый журнал. 1995. № 200. С. 244–247.
- Раев 2001 — *Раев М.* М.М. Карпович и его «Комментарии» в «Новом журнале» // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 2001. № 4. С. 8–18.
- Рибер 2000 — *Рибер А.* Изучение истории России в США // Исторические записки / отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2000. Т. 3 (121). С. 65–105.
- Ростов 1963 — *Ростов Н.* Битая карта // Молодой коммунист. 1963. № 11. С. 31–35.
- Суботић 2014 — *Суботић М.* Руска интелектуална историја: Карповичево наслеђе // Култура полиса (Београд). 2014. № 23. С. 139–157.
- Тимашев 1960 — *Тимашев Н.С.* М.М. Карпович // Новый журнал. 1960. № 59. С. 192–195.
- Юдаева 2007 — *Юдаева Н.В.* Михаил Михайлович Карпович — русский историк в Америке // Вестник Московского государственного областного университета. 2007. № 2. С. 52–58. (История и политические науки).
- Appointments 1927a — Appointments // Harvard University Gazette. 1927. May 28. № 36. P. 218–219.
- Appointments 1927b — Appointments // Harvard University Gazette. 1927. June 25. № 40. P. 244–248.
- Appointments 1928 — Appointments // Harvard University Gazette. 1928. April 14. № 30. P. 168–169.
- Bentinck-Smith, Stouffer 1991 — *Bentinck-Smith W., Stouffer E.* Harvard University History of Named Chairs: Sketches of Donors and Donations: University Professorships and Those of the Faculty of Arts and Sciences, 1721–1991. Cambridge, MA, 1991.
- Byrnes 1982 — *Byrnes R.F.* Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Cary Coolidge, 1866–1928. Notre Dame, IN; L., 1982.
- Daly 2017 — *Daly J.* The Pleiade: Five Scholars Who Founded Russian Historical Studies in the United States // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2017. Vol. 18, № 4. P. 785–826.

- Emmons 1995 — *Emmons T.* Russia Then and Now in the Pages of the American Historical Review and Elsewhere: A Few Centennial Notes // *The American Historical Review.* 1995. Vol. 100, № 4. P. 1136–1149.
- Engerman 2004 — *Engerman D.C.* The Ironies of the Iron Curtain: The Cold War and the Rise of Russian Studies in the United States // *Cahiers du Monde Russe.* 2004. Vol. 45, № 3/4. P. 465–496.
- Engerman 2006 — *Engerman D.* [Review on]: Dawidoff N. *The Fly Swatter: How My Grandfather Made His Way in the World.* N.Y., 2002; Graham L.R. *Moscow Stories.* Bloomington, IN, 2006; Pipes R. *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger.* New Haven, CT, 2003; Ulam A.B. *Understanding the Cold War: A Historian's Personal Reflections.* 2nd ed. New Brunswick, NJ, 2002 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2006. Vol. 7, № 3. P. 689–702.
- Engerman 2009 — *Engerman D.C.* *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts.* Oxford, 2009.
- Epstein 1959 — *Epstein F.T.* Michael Karpovich // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas.* 1959. Bd. 7, № 3/4. S. 515–516.
- Field 1987 — [*Field D.*]. From the Editor. More Controversy // *The Russian Review.* 1987. Vol. 46, № 4. P. 375–378.
- Filipowicz 2007 — *Filipowicz M.* *Emigranci i Jankesi: o amerykańskich historykach Rosji.* Lublin, 2007.
- Filipowicz 2009 — *Filipowicz M.* The Unique Phenomenon of Michael Karpovich // *East and West: History and Contemporary State of Eastern Studies: Conference, Center for East European Studies, University of Warsaw, October 26–28, 2008 / ed. by J. Malicki and L. Zasztowt.* Warsaw, 2009. P. 103–111. (*Bibliotheca Europea Orientalis; XXXIV*).
- Final Announcement ... for the Academic Year 1946–47 1946 — Final Announcement of the Courses of Instruction Offered by the Faculty of Arts and Sciences for the Academic Year 1946–47. Cambridge, MA, 1946 (Official Register of Harvard University. 1946. September 3. Vol. XLIII, № 21).
- Final Announcement ... for the Academic Year 1947–48 1947 — Final Announcement of the Courses of Instruction Offered by the Faculty of Arts and Sciences for the Academic Year 1947–48. Cambridge, MA, 1947 (Official Register of Harvard University. 1947. September 9. Vol. XLIV, № 25).
- Final Announcement ... for the Academic Year 1948–49 1948 — Final Announcement of the Courses of Instruction Offered by the Faculty of Arts and Sciences for the Academic Year 1948–49. Cambridge, MA, 1948 (Official Register of Harvard University. 1948. September 15. Vol. XLV, № 24).
- Harvard University Catalogue 1945 — *Harvard University Catalogue.* November, 1945. Cambridge, MA, [1945].
- Harvard University Catalogue 1949 — *Harvard University Catalogue.* June, 1949. Cambridge, MA, [1949].
- Harvard University Catalogue 1950 — *Harvard University Catalogue.* June, 1950. Cambridge, MA, [1950].
- Harvard University Catalogue 1951 — *Harvard University Catalogue.* June, 1951. Cambridge, MA, [1951].
- Harvard University Catalogue 1952 — *Harvard University Catalogue.* June, 1952. Cambridge, MA, [1952].
- Harvard University Catalogue 1953 — *Harvard University Catalogue.* June, 1953. Cambridge, MA, [1953].
- Harvard University Catalogue 1954 — *Harvard University Catalogue.* November, 1954. Cambridge, MA, [1954].

- Harvard University Catalogue 1955 — Harvard University Catalogue. November, 1955. Cambridge, MA, [1955].
- Harvard University Catalogue 1956 — Harvard University Catalogue. December, 1956. Cambridge, MA, [1956].
- Harvard University Catalogue 1957 — Harvard University Catalogue. November, 1957. Cambridge, MA, [1957].
- Higham 1951 — *Higham J.* The Rise of American Intellectual History // *The American Historical Review*. 1951. Vol. 56, № 3. P. 453–471.
- Historical News 1957 — *Historical News* // *The American Historical Review*. 1957. Vol. 63, № 1. P. 263–281.
- Historical News 1960 — *Historical News* // *The American Historical Review*. 1960. Vol. 65, № 2. P. 476–494.
- Hughes, Malmstad 1986 — *Hughes R., Malmstad J.* Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six Letters (1923–1932) // *Oxford Slavonic Papers*. New Series. 1986. Vol. XIX. P. 132–157.
- J.F.J. 1927 — *J.F.J. [Jameson J.F.]*. The Meeting of the American Historical Association at Rochester // *The American Historical Review*. 1927. Vol. 32, № 3. P. 429–454.
- Karpovich 1943a — *Karpovich M.* Klyuchevski and Recent Trends in Russian Historiography // *The Slavonic and East European Review*. American Series. 1943. Vol. 2, № 1. P. 31–39.
- Karpovich 1943b — *Karpovich M.* [Review on]: Maynard J. *Russia in Flux: Before October*. L., 1941 // *The Russian Review*. 1943. Vol. 2, № 2. P. 99–101.
- Karpovich 1944 — *Karpovich M.* A Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev // *The Review of Politics*. 1944. Vol. VI, № 3. P. 336–350.
- Karpovich 1946 — *Karpovich M.* Vladimir Soloviev on Nationalism // *The Review of Politics*. 1946. Vol. 8, № 2. P. 183–191.
- Karpovich 1948 — *Karpovich M.* [Review on]: Maynard J. *Russia in Flux* / ed. and abridged by S.H. Guest; with a foreword by Sir B. Pares. N.Y., 1948 // *The American Historical Review*. 1948. Vol. 54, № 1. P. 140–141.
- Karpovich 1952 — *Karpovich M.* [Review on]: Hare R. *Pioneers of Russian Social Thought: Studies of Non-Marxian Formation in Nineteenth-Century Russia and of Its Partial Revival in the Soviet Union*. L., 1951 // *The Slavonic and East European Review*. 1952. Vol. 31, № 76. P. 257–259.
- Karpovich 1958a — *Karpovich M.* [Review on]: *Rewriting Russian History: Soviet Interpretations of Russia's Past* / ed. by C.E. Black. N.Y., 1956 (*Studies of the Research Program on the U.S.S.R.*; № 16; *Praeger Publications in Russian History and World Communism*; № 36) // *The American Historical Review*. 1958. Vol. 63, № 2. P. 419–420.
- Karpovich 1958b — *Karpovich M.* *A Lecture on Russian History* / russian text accented, annotated and glossed by H.G. Lunt. 's-Gravenhage, 1958.
- Karpovich 1960 — *Karpovich M.* N.G. Chernyshevski between Socialism and Liberalism [/ introductory note by M.E. Malia] // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1960. Vol. 1, № 4. P. 569–583.
- Karpovich 1963 — *Karpovich M.* P.L. Lavrov and Russian Socialism / introductory note by M.E. Malia // *California Slavic Studies* / ed. by N.V. Riasanovsky and G. Struve. Berkeley, CA, 1963. Vol. II. P. 21–38.
- Karpovich 2007 — *Karpovich M.* *Problems of Russian History and Historiography*: 1. American Policy Towards Russia; 2. Problems of Russian Historiography; 3. The Heritage From Tsarist Russia // *Ab Imperio*. 2007. № 1. P. 277–307.
- Kelley 2002 — *Kelley D.R.* *The Descent of Ideas: The History of Intellectual History*. Aldershot, Burlington, VT, 2002.
- Levin, Wolff, Lunt 1960 — *Levin H., Wolff R.L., Lunt H.G.* Michael Karpovich // *Harvard University Gazette*. 1960. April 30. № 32. P. 192–193.

- List of Research Projects 1934 — List of Research Projects in History, Exclusive of Doctoral Dissertations, Now in Progress in the United States and the Dominion of Canada // The American Historical Review. 1934. Vol. 39, № 3. P. 3–47.
- Malia 1998 — *Malia M.* Clio in Tauris. American Historiography on Russia // *Imagined Histories: American Historians Interpret the Past* / ed. by A. Molho and G.S. Wood. Princeton, NJ, 1998. P. 415–433.
- Malia 2005a — *Malia M.* The Historiographical Legacy of Terence Emmons // *Russian History/ Histoire Russe*. 2005. Vol. 32, № 1–4. P. 133–137.
- Malia 2005b — *Malia M.E.* Historian of Russian and European Intellectual History: An Interview Conducted by David Engerman in 2003 / Regional Oral History Office. The Bancroft Library, University of California, Berkeley, California. Berkeley, 2005 (University of California History Department Oral History Series). URL: <http://digitalassets.lib.berkeley.edu/roho/ucb/text/MaliaBook.pdf> (дата обращения, 01.04.2019).
- Many Appointments at Harvard are Announced 1928 — Many Appointments at Harvard are Announced // *The Daily Boston Globe*. 1928. April 16. № 107. P. 6.
- Mason 2012 — *Mason A.* Isaiah Berlin's Russian Thinkers and the Argument for Inclusion // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13, № 1. P. 185–200.
- Moran 1999 — *Moran S.F.* Intellectual History / History of Ideas // *Encyclopedia of Historians and Historical Writing* / ed. by K. Boyd. L.; Chicago, 1999. Vol. 1: A–L. P. 589–591.
- Mosely 1957 — *Mosely P.E.* Professor Michael Karpovich // *Russian Thought and Politics* / ed. by H. McLean, M.E. Malia, and G. Fischer. 's-Gravenhage, 1957. P. 1–13. (*Harvard Slavic Studies*; vol. IV).
- Mosely, Malia, Chamberlin, Mohrenschildt 1960 — *Mosely P.E., Malia M.E., Chamberlin W.H., Mohrenschildt D., von.* Michael Karpovich, 1888–1959 // *The Russian Review*. 1960. Vol. 19, № 1. P. 56–76.
- Notes and Comments 1970 — Notes and Comments // *The Catholic Historical Review*. 1970. Vol. LV. P. 656–668.
- Pereira 2009 — *Pereira N.G.O.* The Thought and Teachings of Michael Karpovich // *Russian History / Histoire Russe*. 2009. Vol. 36, № 2. P. 254–277.
- Pillars of the Profession 2019 — *Pillars of the Profession: The Correspondence of Richard Pipes and Marc Raeff* / ed. by J. Daly. Leiden; Boston, 2019. (*Eurasian Studies Library*; vol. 12).
- Pipes 2006 — *Pipes R.* [Review on]: Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005; Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, № 2. P. 383–387.
- Provisional Announcement... for the Academic Year 1926–27 1926 — Provisional Announcement of the Courses of Instruction Offered by the Faculty of Arts and Sciences for the Academic Year 1926–27. Cambridge, MA, 1926 (Official Register of Harvard University. 1926. February 26. Vol. XXIII, № 5).
- Provisional Announcement... for the Academic Year 1927–28 1927 — Provisional Announcement of the Courses of Instruction Offered by the Faculty of Arts and Sciences for the Academic Year 1927–28. Cambridge, MA, 1927 (Official Register of Harvard University. 1927. February 26. Vol. XXIV, № 6).
- Provisional Announcement... for the Academic Year 1928–29 1928 — Provisional Announcement of the Courses of Instruction Offered by the Faculty of Arts and Sciences for the Academic Year 1928–29. Cambridge, MA, 1928 (Official Register of Harvard University. 1928. February 29. Vol. XXV, № 6).
- Raphael 2003 — *Raphael L.* *Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme: Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart*. München, 2003 (Beck'sche Reihe; № 1543).

- Resignations 1927 — Resignations // Harvard University Gazette. 1927. February 19. № 22. P. 120–121.
- Riasanovsky 1998 — *Riasanovsky N.V.* Professor of Russian and European Intellectual History, University of California, Berkeley, 1957–1997: Interviews Conducted by A. Lage in 1996 / with an introduction by R.E. Zelnik; Regional Oral History Office. The Bancroft Library. University of California, Berkeley, California. Berkeley, 1998 (University of California History Department Oral History Series). URL: <https://archive.org/details/profrussianeurope00riasrich> (дата обрац, 01.04.2019).
- Russian Intellectual History 1966 — Russian Intellectual History: An Anthology / ed. by M. Raeff; with an introduction by I. Berlin. N.Y.; Chicago; San Francisco; Atlanta, 1966 (The Harbrace Series in Russian Area Studies / ed. by A. Dallin).
- R.W.S.W. 1922 — *R.W.S.W. [Seton-Watson R.W.]*. Slavonic Studies in Germany // The Slavonic Review. 1922. Vol. 1, № 2. P. 494–496.
- Skotheim 1966 — *Skotheim R.A.* American Intellectual Histories and Historians. Princeton, NJ, 1966.
- Snekvik 1995 — *Snekvik A.* Historiographic Trends in Russian History After World War II in America: Karpovich, Berlin and the Harvard Group, 1995 // HIA. A. Snekvik processed volume. Box 1.
- Soviet Target 1964 — Soviet Target: U.S. Scholars // The New York Times. 1964. January 26. № 38718. P. E9.
- Tschizewskij 1959–1961 — *Tschizewskij D.* Russische Geistesgeschichte. Hamburg, 1959. Bd. 1: Das heilige Russland: 10.–17. Jahrhundert (Rowohlts Deutsche Enzyklopädie; bd. 84); 1961. Bd. 2: Russland zwischen Ost und West: 18.–20. Jahrhundert (Rowohlts Deutsche Enzyklopädie; bd. 122).
- Tschizewskij 1978 — *Tschizewskij D.* Russian Intellectual History / transl. by J.C. Osborne; ed. by M.P. Rice. Ann Arbor, MI, 1978.
- The Rockefeller Foundation 1958 — The Rockefeller Foundation. Annual Report, 1957. [N.Y., 1958].
- Townsend 1970 — *Townsend C.* David Djaparidze, 1921–1970 // Slavic Review. 1970. Vol. 29, № 2. P. 369.
- University Courses 1936 — University Courses given in the United States of America on Slavic and Other Eastern European History, Languages and Literatures / ed. by A.I. Andrews // The Slavonic and East European Review. 1936. Vol. 15, № 43. P. 1–24 s.p.
- Zeide 2007 — *Zeide A.* Creating «A Space of Freedom»: Mikhail Mikhailovich Karpovich and Russian Historiography in America // Ab Imperio. 2007. № 1. P. 241–276.
- Zeide 2013 — *Zeide A.* Intellectual History without a Context // Ab Imperio. 2013. № 3. P. 405–424.
- Zenkovsky 1958 — *Zenkovsky S.A.* A Russian Historian at Harvard // The Russian Review. 1958. Vol. 17, № 4. P. 292–300.

ТЕАТРАЛЬНОЕ:
ЖОРЖ ПИТОЕВ
И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

С.Н. Дубровина

ЖОРЖ ПИТОЕВ В КРИТИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Жорж Питоев (17.09.1884, Тифлис — 17.09.1939, Женева) — уникальная фигура в истории французской и русской культуры. Родившийся в богатой русско-армянской семье Георгий Иванович Питоев — Жорж Питоев во Франции до конца жизни оставался иностранцем, русским, выходцем из Российской империи.

Место Жоржа Питоева в истории европейского театра трудно переоценить: он был одним из режиссеров знаменитого французского театрального содружества 1920–30-х гг. «Картель четырех», вместе с новаторами французской сцены Гастоном Бати, Шарлем Дюлленом, Луи Жуве всю жизнь боролся с буржуазным театром в стремлении к обновлению театрального репертуара, в поисках новых театральных приемов. Благодаря Ж. Питоеву, кроме его любимых авторов — трех великих классиков, У. Шекспира, Х. Ибсена, А.П. Чехова, — французская публика открыла театр Л. Пиранделло, пьесы Б. Шоу, О. Уайльда, А. Стриндберга, пьесы современных французских драматургов — Ж. Кокто, А. Жида, Ж. Ануя, Ж. Сюпервьеля, П. Клоделя. И конечно, русскую драматургию, прежде всего театр А.П. Чехова, но и пьесы Л.Н. Андреева, А.А. Блока, Л.Н. Толстого, М. Горького. Компания Питоевых существовала во Франции всего восемнадцать лет — в 1939 г. безвременная смерть, причиной которой стало большое сердце режиссера, прекратила существование его театрального детища, — и за это время режиссер поставил более двухсот (!) спектаклей.

И всю его зрелую творческую жизнь начиная с 1915 г. рядом с ним была его вдохновительница и исполнительница главных ролей в большинстве его спектаклей — его супруга актриса Людмила Питоева (урожд. Сманова; 25.12.1895 — 15.09.1951), так же как и ее муж родившаяся в Тифлисе. Она была одной из самых известных французских актрис 1920–1930-х гг., более всего прославившись в ролях Офелии, Нины Заречной, святой Иоанны в одноименной пьесе Б. Шоу. У Людмилы Питоевой были удивительные актерские данные, сразу покоровшие французскую публику: проникновенный, завораживающий голос, точность, выразительность жеста, умение танцевать почти как профессиональная танцовщица, простота и естественность игры, отсутствие уловок, привычных для французской театральной среды того времени, свойственных «священным чудовищам».

Жоржа и Людмилу Питоевых во Франции помнят и любят, помнят и о том, что творчество Жоржа Питоева вырастает из русской театральной традиции

начала века: так, в самой полной монографии о творчестве режиссера швейцарской исследовательницы Жаклин Жомарон значительное внимание уделено раннему периоду становления его творчества в России, в Петербурге [Jomaron 1979, p. 14–39].

Однако в целом французские биографы отводят связям Ж. Питоева с Россией почти исключительно начальный период его жизни, детство и становление как режиссера. Но поддерживал ли режиссер в Швейцарии и во Франции отношения с эмигрантской диаспорой? Каким было его взаимодействие с деятелями культуры русской эмиграции? Как откликнулась эмиграция на его творчество? Об этом можно найти лишь отрывочные сведения.

Отношения Жоржа и Людмилы Питоевых и русской эмиграции никогда не становились предметом специального изучения. Такой подход имеет свои причины: французским биографам эта тема была не слишком известна, да и, вероятно, не очень интересна. Театральные критики советской эпохи также не могли в силу понятных причин поднимать этот вопрос. Конечно, привычное утверждение о том, что о Питоевых мало знают в России, не вполне справедливо, ведь с творчеством Жоржа Питоева отечественное театроведение было знакомо еще в советское время благодаря трудам петербургской школы ученых — Е.Л. Финкельштейн [Финкельштейн 1954] и Л.И. Гительмана [Гительман 1978], а в 2000-х гг. на русском языке были опубликованы программные тексты самого режиссера в книге «Театр Жоржа Питоева» [ТЖП 2005] и биографические статьи, в т.ч. довольно обстоятельные, как, например, статья дальней родственницы Питоева Т.К. Шах-Азизовой «Предназначенные театру. Питоевы: театральные гены рода» [Шах-Азизова 2008], подробно рассказывающей о предках Жоржа Питоева, об интереснейшей истории его русско-армянского рода — рода промышленников и меценатов, стремившихся и преуспевших многое сделать на поприще искусства, театра.

При этом и французские, и русские биографы режиссера склонны рассматривать его театральную деятельность исключительно в контексте французского театра эпохи между двумя войнами.

Что же осталось за кадром? — большая часть жизни самих Питоевых, тесно связанных, как становится понятно при изучении архивных источников и русской периодики, с эмигрантским обществом, а с другой стороны, очень интересное явление в культуре русской эмиграции — эмигранты считали Питоева своим, русским режиссером, и его постановки, несмотря на то что его театр играл по-французски, рассматривались в эмигрантской прессе вплоть до его ухода в 1939 г. в контексте традиций русского театра.

До сих пор абсолютно не изучена рецепция творчества Жоржа Питоева в театральной критике русского зарубежья, ведь о премьерах питоевского театра регулярно публиковались статьи в ведущих СМИ русского Парижа. Белым пятном остаются взаимоотношения Питоева с писателями русского зарубежья: долгие творческие отношения связывали режиссера с Ильей Сургучевым — его «Осенние скрипки» он поставил еще в Женеве в 1916 г., а на постановки Ж. Питоева И. Сургучев откликнулся несколькими проникновенными статьями в «Возрожде-

нии»; с А.М. Ремизовым Питоев был знаком еще по Петербургу первой половины 1910-х гг., в течение многих лет, начиная с эмиграции А.М. Ремизова, состоял с ним в переписке и, судя по этим письмам, семья Питоевых поддерживала с писателем в Париже личный контакт¹; Б.К. Зайцев посвятил спектаклям Питоева по пьесам А.П. Чехова несколько глубоких статей.

В парижской русской периодике статьи о театре Жоржа Питоева публиковали такие известные театральные критики, как Е.А. Зноско-Боровский, кн. С.М. Волконский, барон Н.В. Дризен, заметки о его премьерах регулярно публиковал в «Возрождении» Н.Н. Чебышев. Эмигрантская пресса откликалась на все более или менее значимые премьеры в театре Питоева, но особенно интересны для нее были, конечно, постановки пьес из русского репертуара, в том числе пьес А.П. Чехова — этим спектаклям на страницах русской парижской прессы обычно бывали посвящены значительные по объему статьи. Спектакли Ж. Питоева сравнивали с виденными когда-то постановками тех же пьес в дореволюционной России. Самую большую прессу получили спектакли по пьесам А.П. Чехова — «Три сестры» (1929) и один из последних и самых знаменитых спектаклей Ж. Питоева — «Чайка» (1939).

Интереснейшими документами, хранящимися в Национальной библиотеке Франции, являются письма к Жоржу и Людмиле Питоевым русских корреспондентов, а также переписка на русском языке их и членов их семьи. Насколько нам известно, эти письма до настоящего времени не введены в научный оборот — а ведь речь идет в том числе о корреспонденции писателей первого ряда — И.А. Бунина, И.Д. Сургучева, А.М. Ремизова и других известных представителей эмиграции, как Т.Л. Сухотина-Толстая, а также о письмах корреспондентов из советской России — К.С. Станиславского, А.Б. Мариенгофа, В.М. Ходасевич, В.М. Киршона и др.

Жорж Питоев не был эмигрантом послереволюционной волны. После детских лет в Тифлисе в семье нефтепромышленников Питоевых, широко покровительствовавших театру, он получал инженерное образование в начале 1900-х гг. в Москве и Петербурге. С детства увлекаясь театром, почти каждый вечер бегал на спектакли, впитывая новейшие эксперименты в области театрального искусства, прежде всего — нарождающуюся традицию МХТ. В 1905 г., после первой русской революции, Питоев продолжил обучение на юридическом факультете Сорбонны, участвуя в Русском артистическом кружке, организованном в Париже его отцом.

На одном из спектаклей кружка начинающего актера увидела В.Ф. Комиссаржевская и убедила его полностью посвятить себя сцене. Питоев вернулся в Петербург, играл в театре великой актрисы, а после ее внезапной трагической кончины в феврале 1910 г. — в Передвижном театре П.П. Гайдебурова и сестры Комиссаржевской Н.Ф. Скарской. Наконец, в 1913 г. Ж. Питоев вместе с А.П. Зоновым создал свой первый театр — «Наш театр».

¹ В настоящее время к публикации в «Вестнике РХД» (Париж; Москва) готовится статья С.Н. Дубровиной «Жорж Питоев и Алексей Ремизов», а также переписка режиссера и писателя.

После смерти матери Питоев вместе с отцом в начале 1914 г. покидает Петербург и переезжает в Париж, где его ждали две судьбоносные встречи: с Людмилой Яковлевной Смановой, в скором времени ставшей его женой и главной актрисой его театра, и со знаменитым тогда уже французским новатором театрального искусства Жаком Копо, в лице которого он нашел, по его словам, «родственную душу и духовного отца» [ТЖП 2005, с. 52]. Жак Копо был известен своей любовью к русской литературе (ставил сценическую версию «Братьев Карамазовых» Достоевского, «Женитьбу» Гоголя, «Дядю Ваню» Чехова и др.) и к русскому театру, к методам К.С. Станиславского и Вс. Мейерхольда и не раз предоставлял сцену своего знаменитого театра «Вье коломбье» русским артистам. К тому же Копо гордился тем, что одним из первых заметил гениальный талант Людмилы Питоевой.

Сразу после свадьбы Жоржа Питоева с Людмилой, которая состоялась в русском соборе Александра Невского в Париже, на ул. Дарю 14 июля 1915 г., супруги уехали в Швейцарию. Они прожили здесь до 1922 г., и хотя скептически настроенные друзья говорили, что эксперименты Питоева не могут быть успешны в стране Кальвина, ему все же удалось найти здесь свою публику, своих поклонников. Первое время в Лозанне Жорж ставил пьесы по-русски, в пользу русских военнопленных, потом перешел на французский язык. Его первым спектаклем стала постановка «Дяди Вани» осенью 1915 г. на русском языке, где он сам сыграл роль Астрова, — а позже, уже в 1921 г., он повторит эту постановку в Париже на французском языке. Перевод пьесы на французский язык был сделан Жоржем и Людмилой совместно со швейцарским драматургом Ф. Шаванном.

В 1916–1917 гг. Питоев ставит спектакли в Женеве, а в 1918 г. организует Компанию Питоева в пригороде Женевы Пленпале, просуществовавшую до 1922 г. За эти семь лет в Швейцарии Питоев поставил «семьдесят четыре пьесы сорока шести авторов пятнадцати национальностей» [Гительман 1978, с. 100]. Одним из самых успешных спектаклей этого периода стала постановка «Гамлета», большая мечта режиссера еще с юношеских лет. В этот период его труппа совершает три турне в Париж (1919, 1920 и 1921), и уже тогда в культурной столице Европы Питоев не остался незамеченным.

Труппа Питоевых состояла как из профессионалов, так и любителей разных национальностей — у него были русские актеры, швейцарцы, немцы, одна француженка и одна голландка! Отношение женеvской публики к такой многонациональной труппе с юмором описывает младшая дочь Питоева Аня: «Завсегдатаи Зала Пленпале не придирались к деталям: в конце концов, что значил швейцарский акцент по сравнению с акцентом русским или итальянским? Однако им иногда случалось вздрогнуть: “Когда особенно острый и неуклюжий акцент раздавался на сцене, — рассказывает Ленорман, — можно было быть уверенным, что Жорж из экономии притащил в пьесу свою тещу”» [Aniouta Pitoëff 1955, p. 85]. Так, Анне Андреевне Смановой досталась роль «полубезумной старухи семидесяти лет»² в «Грозе».

² Очевидно, роль Барыни с двумя лакеями.

На попечении Жоржа в это время оказалась большая семья — его отец Иван Егорович и сестра Евгения, Людмила с детьми и мать Людмилы Анна Андреевна, так что экономить приходилось на всем вплоть до еды. Женевские друзья режиссера рассказывали, как Жорж, пошатываясь от усталости и голода после репетиции, поднимался вверх из Пленпале к своему дому, зажав в руке кулечек любимых Людмилой конфет, купленных на последние деньги.

В 1919–1920 гг., еще будучи в Женеве, Питоевы приезжали на гастроли в Париж, давали спектакли в Театр дэз Ар (Théâtre des Arts), а в 1921 г. после первых успехов Питоев был снова приглашен на гастроли в Театр Монсэ (Théâtre Moncey) и театр «Вье коломбье» (Théâtre du Vieux-Colombier). Спектакли молодого режиссера не прошли у парижской публики бесследно — результатом во многом и стало приглашение Питоева в 1922 г. Жаком Эберто, директором Театра Елисейских Полей (Théâtre des Champs-Élysées), перебраться окончательно в Париж.

В начале 1920-х гг. в Париже французская публика воспринимает Питоева как русского актера и режиссера. Это неудивительно — русский театр в Париже в это время был популярен и представлял собой пеструю картину: артисты «Пражской группы МХТ», актеры, гастролировавшие «самостоятельно», такие как знаменитая Е.Н. Рощина-Инсарова, актеры, игравшие только в русских пьесах на русском языке, и артисты, успешно пробовавшие себя на французской сцене и в кино (Г. Хмара), Н. Евреинов, состоявшийся и как теоретик театра, и как драматург, и М. Чехов, создавший свою актерскую школу [Литаврина 2003].

Яркий портрет Питоева этой поры, свидетельствующий о русском контексте, в котором его воспринимали французы, создал драматург Роже Мартен дю Гар (из дневниковой записи от 22 ноября 1921 г.): «Вчера у Дюамеля встретил русского актера Питоева. Похож на персонажа Достоевского. Худое, нервическое тело, одновременно болезненное и переполненное силой словно пружина. Руки необычайно выразительны. Огромная голова, большой выпуклый лоб, переходящий в объемный череп и нависающий над длинным, тонким лицом, полным выступов, со впалыми щеками, сильно развитой челюстью, горькой улыбкой, немного жесточкой, открывающей собачьи зубы; в глубине глазниц, обычно полуприкрытых, сверкающий, лихорадочный взгляд, нежный, когда вдруг он устремляет его вдаль» [Martin du Gard 1987, p. 272].

Неудивительно, что критика делает акцент на русских пьесах в репертуаре Питоева, да и сам режиссер, судя по количеству пьес русских драматургов, склонен показывать во Франции прежде всего именно этот несколько экзотический для местной публики репертуар. Русская берлинская газета «Театр и жизнь» (1922. № 9) пишет: «Русский актер Г. Питоев со своей труппой выступает в Париже в театре “Комедия”. Из русских пьес в свой настоящий приезд в Париж он поставил: пьесу Л.Н. Андреева “Тот, кто получает пощечины”, “На дне” М. Горького и “Дядю Ваню” А. Чехова. Из русских сценических деятелей в его труппе — Людмила Питоева, играющая Консуэllu в андреевской пьесе и Соню в “Дяде Ване”» [Театр и жизнь 1922]. Этот репертуар был составлен молодым режиссером, без сомнения, с оглядкой на экспериментальные постановки русского театра начала века — так,

все перечисленные произведения с большим или меньшим успехом входили в основную репертуар МХТ.

Однако, в отличие от многих других театральных деятелей русской эмиграции, Жорж Питоев давно уже играл по-французски и для франкоязычной аудитории, имел очень широкий европейский репертуар и многонациональную труппу — и это позволило режиссеру, хотя и с огромными трудностями, завоевать французскую сцену.

В 1922–1923 гг., в первые парижские годы, Ж. Питоев ставил много русских пьес: «Тот, кто получает пощечины» Л.Н. Андреева, «Балаганчик» А.А. Блока, «От ней все качества» и «Власть тьмы» Л.Н. Толстого, «На дне» М. Горького, «Чайку» и «Дядю Ваню» А.П. Чехова. Критики говорили, что в Париже появился новый театр с иностранным репертуаром — как они небезосновательно надеялись, он обогатит французский театральный мир новыми именами драматургов, новыми пьесами. Судя по количеству заметок в парижской прессе, в эти первые два сезона Питоев действительно ворвался в театральный мир Франции с необычным, иногда и в штыки принимаемым репертуаром, не всегда понятными сюжетами и манерой актерской игры — но совершенно точно его новый театр не остался незамеченным!

Весьма показательны рецензии на вечер в театре Комедии Елисейских Полей 22 ноября 1923 г., состоявший из трех спектаклей: «От ней все качества» Л.Н. Толстого, «Бедняка» Ш. Вильдрака и «Балаганчика» А.А. Блока. И если «идеологический реализм» Толстого и «простой, волнующий натурализм» Вильдрака [Le nouveau spectacle 1923] в интересной постановке Питоева были понятны французской публике, то «Балаганчик» даже у самых благожелательных критиков вызвал по меньшей мере недоуменные отклики. Пьесу обвиняли в герметичности, символистской невнятности и даже... в «литературном большевизме»! Авангардизм пьесы и постановки, конечно, напоминал парижанам сюрреалистические опыты — и для молодого театра, стремящегося завоевать широкую аудиторию, такое сопоставление было вряд ли на пользу.

Наверное, выбор пьес для этого вечера и эклектичность их сочетания были не слишком удачным решением. Питоев только нащупывал свой путь на французской сцене. К своим безусловным большим удачам — пьесам Пиранделло, «Святой Жанне» Б. Шоу, «Дикой утке» Х. Ибсена, шекспировскому «Гамлету» и чеховской «Чайке» он придет позже.

Однако даже самые суровые критики благожелательно отмечали фантазию Питоева-режиссера, его удачные находки при создании декораций. Понравилась парижанам и игра Питоевых, особенно в пьесе Л.Н. Толстого. Сразу была отмечена «удивительная простота игры» Людмилы Питоевой, ее естественность, отсутствие всяких уловок, ужимок, приемов, столь характерных для актеров буржуазного театра. Эта характеристика будет повторяться и все дальнейшие годы.

Первые постановки театра Питоева в Париже не остались незамеченными и русской эмиграцией. Интересный отклик на постановку «Саломеи» О. Уайльда 1922 г. находим в письме Г.П. Струве брату А.П. Струве: «В пятницу вечером я

был в театре Питоева (Екатерина Андреевна)³ идет туда на пьесу Ленормана, которую мне очень хвалили) на «Саломею» Уайльда; остался не вполне удовлетворен. Питоев на этот раз поразил меня своим невероятным акцентом и чрезмерной поспешностью, хотя местами Ирод удавался ему очень; его жена была очень хороша в последней сцене — монолог, обращенный к голове Иоканаана, — но у нее в общем весьма неудачная для Саломеи внешность. В целом впечатление неровное и большое душевное утомление. Напрасно еще они после Саломеи дают маленькую вещицу современного ирландского драматурга лорда Dunsany⁴, не лишенную интереса, но составляющую подлинный «anticlimat», как говорят англичане, по отношению к Саломее»⁵.

Жорж Питоев не сразу обрел свой репертуар, в конце 1910-х — начале 1920-х гг. в Женеве и Париже он играл много спектаклей, которые видел еще в России, к ним относится и «Саломея» О. Уайльда — последняя полностью подготовленная, но так и не осуществленная из-за запретов цензуры постановка В.Ф. Комиссаржевской. В работе над этим спектаклем в России Питоев как член труппы Комиссаржевской наверняка принимал участие. Эти спектакли, как и многие другие спектакли Питоева из репертуара МХТ, скоро уйдут из его театра, а на их место придут зрелые творения мастера, получившие заслуженное признание, в том числе и по пьесам, которые он впервые открыл для французской сцены: «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло, «Святая Жанна» Б. Шоу, «Дикая утка» Х. Ибсена. Из русского репертуара до самого конца в театре Питоева останутся пьесы А.П. Чехова, благодаря режиссеру ставшие классикой французской сцены.

РЕЦЕНЗИИ НА СПЕКТАКЛИ Ж. ПИТОЕВА В РУССКОЙ ПРЕССЕ ПАРИЖА

Премьерные постановки театра Питоева на протяжении 1920–30-х гг. рекламировались и рецензировались на страницах русской эмигрантской прессы — в газете «Последние новости», в «Иллюстрированной России», в газете «Возрождение». Это могли быть как небольшие объявления о дате и месте показа спектакля (в «Последних новостях»), так и заметки и интервью с режиссером, и даже довольно объемные эссе.

Двойственная ситуация, в которой оказался режиссер в Париже в начале 1920-х гг., — для французов он был эмигрантом, русским режиссером, а для эмиграции — русским театральным режиссером, создавшим французский театр, ориентированный на французскую публику, — отразилась и на отношении к нему в прессе. Ревность часто сквозит в высказываниях эмигрантских критиков, когда они подчеркивают, как любят французы драматическое дарование Людмилы

³ Екатерина Андреевна Катуар, в будущем супруга А.П. Струве.

⁴ Лорд Дансени (1878–1957) — ирландский писатель и поэт.

⁵ Архив семьи Струве. Автор статьи благодарит Даниила и Меланью Струве за возможность цитирования этого документа.

(Н. Чебышев), когда они сравнивают постановки Ж. Питоева — с постановками тех же пьес, которые они видели еще в дореволюционной России (Б. Зайцев). И даже успех Питоева иногда воспринимался с некоторой долей досады — ведь это был успех *французского*, а не русского театра.

Однако Жорж Питоев еще в Женеве сделал окончательный выбор, на каком языке играть: для него главным было его искусство, его театр, который должен был жить, развиваться, прирастать своей публикой — что, конечно, в условиях эмиграции в Швейцарии и затем во Франции в долгосрочной перспективе было возможно только для театра, играющего на французском языке. К тому же Питоеву повезло — у него была Людмила, прекрасно владевшая французским языком, в отличие от него самого и от многих актеров его первой женевской труппы.

Критики из среды эмиграции, особенно когда речь шла о русских пьесах, были самыми суровыми судьями Питоева — ведь постановки, виденные ими в Москве и в Петербурге, навсегда врезались им в память и, как все давно ушедшее, издали представлялись в самом выгодном свете. При этом, как в статье Н. Чебышева о питоевских «Трех сестрах» [Чебышев 1929а], вспоминались яркие детали тех давних спектаклей.

Основной пафос критиков и связанные с ним выводы — необходимость без искажений воссоздать ушедшую Россию, главная цель спектакля для критиков из эмиграции часто оказывается именно такой: «Когда, — пишет критик в статье к десятилетию смерти режиссера, — среди других своих постановок <...> он ставил “Трех сестер”, или “Чайку”, Питоев, естественно, *воскрешал настоящую атмосферу России* (курсив мой. — С.Д.), воспоминание о которой он увез с собой и бережно хранил в изгнании» [А.Ш. 1949]. Взгляд на сцену с таких позиций оказывается слишком предвзятым, ведь русского зрителя зачастую интересует не художественная ценность спектакля, а то, насколько смог повторить Питоев бывшее когда-то в России, насколько может восстановить на сцене далекую эпоху.

Однако со временем, особенно в рецензиях на последние спектакли Ж. Питоева, на его «Чайку» (1939), и в статьях, посвященных памяти режиссера и его жены, роль Ж. Питоева, его истинное место во французской и русской культуре эпохи между двумя войнами все более проясняется, и благодарное и даже апологетическое слово художнику сцены звучит из уст известных писателей — Б. Зайцева, И. Сургучева, А. Ремизова.

Интереснейшими документами являются для нас интервью, тем более если речь идет, как в случае Жоржа Питоева, о режиссере-практике, не писавшем специальных теоретических трудов о театре. Нам удалось обнаружить всего два интервью Питоева русской прессе, но они очень ценны именно своим особым ракурсом, связанным с эмиграцией, и раскрывают вопросы, которые не звучали в интервью Питоева французским журналистам.

Статья С. Познера, опубликованная в «Последних новостях» от 4 января 1930 г., называется «У Питоевых». В разговоре с журналистом участвуют оба супруга, Жорж и Людмила Питоевы. Журналист не может не отметить, что Питоевы «в совершенстве» владеют русским языком: «Один только раз Питоева остано-

лась в своей трепетной речи. — Это... Как это по-русски? — Волнующе, — говорю я. — Какое дивное слово! Какой замечательный язык — русский! Неужели я начинаю забывать его?»

Главная боль и забота, которой делится режиссер со своим интервьюером, — поиски новых пьес из русского репертуара:

«Вы мне скажите, — перебивает Жорж Питоев, — где русские драматурги? Я бы так хотел поставить русскую пьесу. Неужели за эти двенадцать лет в России не написано ни одной хорошей вещи?»

— Какой у большевиков может быть драматический театр, если он должен быть пролетарским, — вставляет Питоева. — Одно слово — отрицание искусства. Искусство свободно, само творит свои каноны, не в праве служить целям политики или класса» [Познер 1930].

Питоевы почти никогда в прессе не говорили о политике, и этот комментарий Людмилы Питоевой — единственный известный нам случай, когда она прямо высказывается по поводу большевистской России, но, конечно, и здесь только в связи со своим искусством, с театром.

За рассказом журналиста словно слышится взволнованная речь Питоева. Его слова свидетельствуют о том, что режиссер не ждал новых пьес из России, но активно искал их сам, просил друзей и знакомых присылать ему тексты. С подобными просьбами о новых русских текстах Питоев обращался и к эмигрантскому сообществу. Так, в фонде Жоржа Питоева в Национальной библиотеке Франции сохранилось письмо А.А. Санина⁶, актера и режиссера оперного театра, от 1 февраля 1930 г., в котором он пишет: «Возвращаюсь к беседе, которую я имел с Вами и с милой Людмилой Яковлевной в Вашей уборной. Вы ищете пьесу, интересную (подчеркивание автора письма. — С.Д.) пьесу. Совершенно случайно я знаю, что у Н.Н. Евреинова есть пьеса “Radio-baiser”» (BNF, Fonds Georges Pitoëff, Correspondance en langue russe, Lettres d’Alexandre Akimovitch Sanine à Georges Pitoëff, Col 17 (460)). Санин предлагает в случае интереса режиссера устроить ему встречу с Евреиновым. Единственное письмо-пневматичка И.А. Бунина в адрес Ж. Питоева, датируемое 1923 г., также касается предложения о постановке пьесы: «Пользуясь Вашим любезным разрешением, послал Вам пьесу моего злосчастного друга кн. В.В. Бярятинского⁷. Знаю, как Вы заняты — и все-таки прошу Вашего внимания к ней — пожалуйста, помогите, буду благодарен Вам крайне» (BNF, Fonds Georges Pitoëff, Correspondance en langue russe, Pneumatique d’Ivan Bounine à Georges Pitoëff, Col-17 (444)).

Остановимся подробнее на трех рецензентах, писавших о спектаклях Ж. Питоева, все они — известные театральные критики русского Парижа: кн. С.М. Волконский, Е.А. Зноско-Боровский и Н.Н. Чебышев.

⁶ Александр Акимович Санин (1869–1956) был женат на Лике Мизиновой, близкой подруге А.П. Чехова и прототипе Нины Заречной в «Чайке». С 1922 г. вместе с супругой жил в эмиграции во Франции. Умер и похоронен в Риме.

⁷ Князь Владимир Владимирович Бярятинский (1874–1941) после революции жил в эмиграции в Берлине и в Париже. О какой пьесе идет речь, установить не удалось.

Знаменитый театральный деятель, режиссер и критик князь С.М. Волконский (1860–1936) жил в эмиграции в Париже с 1926 по 1936 г. Он активно печатался в русской парижской прессе, в журналах «Звено», «Перезвоны», «Числа» и был одним из самых видных театральных критиков русского зарубежья, входя в том числе и во французскую ассоциацию Зарубежной критики во Франции (*La Critique étrangère en France*). Не будем напоминать, что еще в дореволюционной России С.М. Волконский был весьма известен в театральных кругах и занимал одно время пост директора Императорских театров.

С.М. Волконский был знаком с Георгием Питоевым еще в 1910-х гг. в Петербурге, когда Питоев благодаря ему постигает ритмический метод Жака Далькроза. Волконский присутствовал на открытии «Нашего театра» в Петербурге, созданного Г.И. Питоевым вместе с А.П. Зоновым 13 февраля 1913 г., об этом упоминает А.А. Блок: «Вчера были мы на открытии зоновского театра. Так плохо, что говорить не стоит <...> Были там с Терещенкой, Волконским, Ремизовым и Филоффовым» [Блок 1963, с. 410].

Нам известны как минимум восемь статей С.М. Волконского в «Последних новостях», опубликованных в период с 1927 по 1935 г. и посвященных спектаклям в театре Ж. Питоева по пьесам Х. Ибсена, Б. Шоу, Л. Пиранделло, А.-Р. Ленормана, А. Жиды и А.П. Чехова [Волконский 1927; 1928a; 1928b; 1928c; 1929a; 1929b; 1932; 1935].

Князь Волконский обладал определенным, давно сложившимся вкусом по отношению к драматическим произведениям — так, он не любил театр Б. Шоу и Х. Ибсена и начинает свою заметку о «Бранде» Х. Ибсена, поставленном Питоевым к юбилею драматурга, с объяснения своей позиции: «Прежде всего это не театр <...> ибо действующие лица (можно ли назвать их действующими?) все время не за себя говорят, а за автора. Они все время не жизнь живут, а в лицах иллюстрируют мысль, авторский “голос”» [Волконский 1928b]. Однако из современного репертуара он с интересом смотрит на произведения А.-Р. Ленормана и Л. Пиранделло.

По отношению к театру Питоева Волконский чаще всего был весьма суровым критиком. Пожалуй, его главным критерием в оценке спектакля был голос актера и актерская читка — этот момент он отмечал всегда, во всех рецензиях, подробно описывая голос каждого актера. Князь С.М. Волконский не терпел погрешностей во французском языке — и подробно, в деталях, комментировал ошибки переводчиков на французский, особенно если речь шла о переводах русских пьес, а также отмечал погрешности иностранных актеров — русских прежде всего — в интонировании французских слов и фраз (игра М. Германовой в «Трех сестрах») [Волконский 1929a].

Поэтому Жорж Питоев, самым слабым местом которого как актера было как раз произношение, почти никогда не мог получить у этого критика позитивной оценки своей игры, и даже там, где спектакль в целом нравился Волконскому, огрехи Питоева он всегда подчеркивал: «Пьеса отлично поставлена. Питоев умеет зрительно подчеркнуть всякую особенность умственную. В последней картине прекрасные неожиданные светотени. Маленькая Людмила трогательно наивна и мила, как всегда. Питоев, впервые, кажется, в роли старика добродушно суров,

как подобает “морскому волку”. Он в течение всех трех актов возится со своими мачтами, веревками, морскими инструментами, все время что-то мастерит, и в этом проявляет много находчивости и не меньше сосредоточенности. Как всегда умен и как всегда говорит расплывчато (с растянутыми гласными и туманными согласными)» (о «Доме разбитых сердец» Б. Шоу) [Волконский 1928а].

Что касается новаторства Питоева — и в выборе текстов современных драматургов, и в режиссерской интерпретации, то тут Волконского не упрекнешь в ретроградстве — хотя и замечая, что тексты и подходы эти для него непривычные, но удачи автора пьесы и режиссера он, справедливости ради, все же отмечал, а некоторые режиссерские находки Питоева особенно выделял, например в случае с «Микстурой» по пьесе Ленормана: «Пьеса поставлена Питоевым (он сам не играл). Поставлена в его характерной манере, в занавесках и только лишь с кусочками декораций. Эти кусочки едва намеченного рисунка раскрашены каждый в особой цветовой гамме, и благодаря соответственному каждой картине освещению картины эти, в складках тяжелой занавеси, похожи на “окна в жизнь”. Все это, вместе с особым письмом автора, с этою рваностью, в которой проходят перед нами, не само действие в своем развитии, а лишь кусочки действия, обрывки, вырванные из жизненной ткани, — все это вместе есть некий *иной* театр, нежели тот, к которому мы привыкли. Но вместе с тем, думается, такую пьесу иначе поставить было бы невозможно. Вся эта *нетрадиционность* отлично сочеталась и с особенностью г-жи Питоевой, с ее говором, столь личным, на других не похожим» [Волконский 1927].

Николай Николаевич Чебышев после эмигрантского пути через Константинополь, Софию и Берлин жил в Париже с 1926 г., входил в правление Союза русских литераторов и журналистов и публиковался в газете «Возрождение» и в «Иллюстрированной России» как под собственным именем, так и под псевдонимами Ч., Энче [Шруба 2018, 418]. Его перу принадлежит значительная часть заметок о спектаклях Ж. Питоева в период с 1926 по 1934 г. (нам известно четырнадцать статей: [Чебышев 1928; 1929а; 1929b; 1929c; 1929d; 1930; 1931а; 1931b; 1932; 1933а; 1933b; 1933c; 1933d; 1934]). Н.Н. Чебышев не был профессиональным театральным критиком — его профессией была судебная деятельность, поэтому его статьи и заметки о спектаклях Ж. Питоева в значительной степени носят описательный характер. В них слишком много места занимает пересказ сюжета пьесы, в то время как об особенностях режиссерской работы говорится лишь фрагментарно, так же как об особенностях актерской игры.

Но в некоторых случаях, как, например, в «Преступниках» Брукнера, когда не обратить внимание на эффектное сценическое решение невозможно (декорации этого спектакля представляли собой многоквартирный дом, данный в разрезе, — довольно оригинальное решение для той эпохи), Чебышев все же подчеркивает новаторство режиссера и с уважением говорит о его экспериментах [Чебышев 1929d].

В рецензии Н.Н. Чебышева на спектакль Ж. Питоева «Хозяйка гостиницы» по пьесе Гольдони, опубликованной в журнале «Иллюстрированная Россия» за 16 октября 1931 г., критик сравнивает постановку со спектаклем 1914 г. в МХТ с О. Гзовской в роли Мирандолины и К. Станиславским в роли кавалера ди Рипафратта. Однако

Чебышев, видимо, не знал о том, что Питовев сам играл в этой пьесе в самом начале своей актерской карьеры в Санкт-Петербурге вместе с В.Ф. Комиссаржевской.

Критик хвалит декорации («здание гостиницы розовое, зеленые ставни», действие параллельно разворачивается в двух комнатах гостиницы). Людмила Питовева играла Мирандолину не «барыней», как в мхатовском спектакле, а скорее «хитрой поселянкой», но манера игры актрисы для этой роли, как показалось автору рецензии, не слишком подошла: «Г-жа Людмила Питовева, как мне кажется, была слишком задушевна, хрупка, проникновенна, кротка, слишком... Людмила Питовева в этой роли; как-то не верилось ее искусству, кокетству, хитрости и лукавству» [Чебышев 1931b].

Тот же автор под псевдонимом Энче дал рецензию в «Возрождении» на спектакль «Кукольный дом» (Л. Питовева — в роли Норы Хелмер, Ж. Питовев — доктор Ранк, Г. Даган — Торвальд Хелмер) в декабре 1930 г. И здесь игру Л. Питовой критик принимает с оговорками, несмотря на удачу актрисы в моментах «прозрения» Норы: «Людмила Питовева была как всегда трогательна, но именно как всегда!.. Она любимица парижан, которые ее хотят видеть именно такой, а не другой. Публика имеет свои почти болезненные пристрастия иногда во вред артистам» [Чебышев 1930]. Похоже, то, что Людмила Питовева была любимицей парижской публики, было для русского критика скорее минусом. К тому же, по его мнению, роль мужа главной героини Торвальда Хелмера, «ключа к Норе», актеру Г. Дагану не удалась — и поведение Норы, скрывавшей от мужа финансовые тайны, осталось невнятно обоснованным.

Н. Чебышев также написал две рецензии на спектакли Питовева для «Иллюстрированной России»: «Тачка с яблоками» Б. Шоу и «Преступники» Брукнера, но в этих рецензиях почти ни слова нет о манере игры, режиссерской работе и т.д. — речь идет скорее о самой пьесе, о сюжете и героях [Чебышев 1931a; Чебышев 1929d].

В отличие от Н.Н. Чебышева, Е.А. Зноско-Боровский (1884–1954) был драматургом и театральным критиком (еще и шахматистом, но все же окончил филологический факультет Петроградского университета). Скорее всего, их знакомство с Питовевым состоялось еще в Петербурге на рубеже 1900-х — 1910-х гг., когда Е.А. Зноско-Боровский сотрудничал в журнале «Аполлон» и печатал театральные рецензии.

Интересно, что первая статья Е.А. Зноско-Боровского о театре Питовева в Париже — это заметка о триумфальной постановке «Шести персонажей в поисках автора» Пиранделло, опубликованная в «Последних новостях» от 24 мая 1923 г. [Зноско-Боровский 1923]. В это время Е.А. Зноско-Боровский готовит к печати книгу «Русский театр начала XX века», которая выйдет двумя годами позже в Праге [Зноско-Боровский 1925b]⁸. При написании этой книги, замечательного труда по истории русского театра, кратко и ясно излагающего самые важные явления в русском театре начала века, лишенный за границей многих источников, автор, как он пишет в предисловии, обращался за консультацией к людям, близко

⁸ Работы Зноско-Боровского, посвященные игре в шахматы, были переведены на французский язык и издавались неоднократно, но эта книга о русском театре, увы, не достигла французского читателя.

знавшим его героев. Главные имена, которым посвящена его книга, — К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, В.Ф. Комиссаржевская, Вс. Мейерхольд, Ф.Ф. Комиссаржевский, Н.Н. Евреинов, А.Я. Таиров. Нет никаких сомнений, что Жорж Питоев, работавший в театре В.Ф. Комиссаржевской в ее последние годы и прекрасно знакомый с революционной эпохой в русском театре, также был одним из консультантов Зноско-Боровского. Так, вполне вероятно, что это именно он поделился описанием символистских, абстрактных декораций спектакля «Гедда Габлер» у В.Ф. Комиссаржевской, в котором он принимал участие [Зноско-Боровский 1925b, р. 275] — в этой пьесе, кстати, состоялся и его собственный дебют на женеvской сцене в роли Левборга в 1915 г.

В 1925 г. Зноско-Боровский опубликует еще одну статью о спектакле Ж. Питоева по пьесе Л. Пиранделло, на этот раз о «Генрихе IV». Здесь критик отмечает мощь актерского дарования Питоева, играющего главную роль в пьесе, по сути представляющей из себя длинный монолог главного героя: «Эта роль по плечу огромному трагическому дарованию, могущему сравниться с “Гамлетом”, с которым охотно сравнивают пьесу Пиранделло. Надо удивляться, как Г.И. Питоев, при своих невыигрышных сценических данных, находит в себе силы вынести до конца на своих плечах и эту роль, и всю пьесу» [Зноско-Боровский 1925a].

Сравнивая пьесу Пиранделло с «Балаганчиком» А.А. Блока, Е.А. Зноско-Боровский отмечает искусство режиссера в создании на сцене вневременной атмосферы, между сном и явью. Постановки по пьесам итальянского драматурга, внезапно благодаря Питоеву получившего во Франции ошеломительный успех, недаром интересуют критика — над пиранделловскими темами реального и вымышленного, подлинности и фикции, творения и его творца он глубоко размышляет и в своей книге в связи с «Балаганчиком» А.А. Блока, опытами Вс. Мейерхольда и, в целом, символистским направлением в русской драматургии и театре начала XX в.

УЧАСТИЕ ПИТОВЕВЫХ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Без сомнения, Питоевы, игравшие по-французски, ориентированные в силу обстоятельств на французскую аудиторию, наконец, чрезвычайно занятые и своим театром, и семейными делами, тем не менее оставались до конца 1930-х гг. включенными в жизнь русской эмиграции в Париже. Из русской прессы мы узнаем об участии Ж. и Л. Питоевых в событиях, значимых для русской эмиграции: 1 ноября 1931 г. прошел юмористический вечер Дон-Аминадо в Большом зале Гаво (другие участники вечера — М. Алданов, А. Алехин, И. Мозжухин, А. Ремизов, М. Чехов, А. Черный, Ф. Шаляпин) [Дон-Аминадо 1931], а в январе 1930 г. Людмила Питоева «с чтением Клоделя и Кокто» приняла участие в большом традиционном новогоднем бале печати, на котором присутствовало более 1600 посетителей [Бал печати 1930]. В программе вечера в Литературном салоне, посвященного Ивану Бунину, 10 июня 1931 г., также участвовала Л. Питоева вместе с М. Чеховым, С. Лифарем, О. Спесивцевой.

События в нацистской Германии в 1933 г., очевидно, побудили Питоевых принять участие в постановке пьесы Е. Чирикова «Евреи» в театре «Вье коломбье» — сбор средств от спектакля пошел в пользу Еврейского национального фонда. Перед началом генеральной репетиции выступил Жозеф Кессель с рассказом о биографии писателя. Однако пьеса не была понята французской публикой, неспособной разобраться, как писал Н.Н. Чебышев, «в тонкостях русского еврейского вопроса», и в качестве пропаганды антисемитизма была выбрана неудачно [Чебышев 1933с].

После смерти Ж. Питоева связи Людмилы Питоевой с эмигрантским сообществом не прерывались: так, 2 февраля 1950 г. в ее адрес пришло письмо из редакции «Русской мысли» с просьбой от Союза русских писателей и журналистов в Париже и Союза русских инвалидов-апатридов во Франции выступить, как это было годом ранее на вечере в Русской гимназии, с чтением по-русски и по-французски на «большом художественно-артистическом вечере», устраиваемом С.М. Лифарем (BNF, Correspondance en langue russe, Lettre de la rédaction du journal «La Pensée russe» à Ludmilla Pitoëff, Col 17 (468), P. 1).

Питоевы не просто поддерживали контакты с эмигрантским кругом. Еще начиная с Женевы, когда их театр по праву можно было назвать «театром объединенных наций», у Питоева служили и актеры — эмигранты из России. Под псевдонимом Д. Евсеев в начале 1920-х гг. в театре Питоева выступал Давид Евсеевич Каган, уехавший в Париж в 1912 г. и учившийся, как и Питоев несколькими годами раньше, на юридическом факультете Сорбонны. Во время Первой мировой войны он жил в Женеве, где познакомился с режиссером [Незабытые могилы 2001, с. 119]. Д.Е. Каган был одним из тех актеров-непрофессионалов, которые на первых порах в Швейцарии и во Франции играли в труппе Питоева. В основном он играл в русских пьесах (Треплева в «Чайке», Войницкого в «Дяде Ване», графа Манчини в пьесе Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1923), в «Балаганчике» Блока (1923)), но не только. Так, в парижский период он исполнил роль Андрокла в спектакле по пьесе Б. Шоу «Андрокл и лев», Карстена Йервена в спектакле по пьесе К. Гамсуна «У врат царства» (1924), барона Белькреди в «Генрихе IV» Пиранделло (1925). В 1927 г. Д.Е. Каган стал адвокатом в Париже, и его актерская карьера завершилась.

Недолгое время в начале 1920-х гг. в театре Питоева в Париже играла актриса и художница А.А. Гриневская⁹. Как пишет в своих воспоминаниях дочь Алексеева и Гриневской Светлана Алексеева-Роквелл, на выбор актерской профессии Гриневской повлияла Людмила Питоева, услышавшая однажды в музыкальном салоне, как девушка читает стихи, и убедившая ее покинуть дом тети, где она жила приживалкой, и начать самостоятельную жизнь актрисы [Алексеева-Роквелл 2013, с. 19]. Во время турне труппы по европейским странам в 1923 г. она познакоми-

⁹ Удалось обнаружить сведения о следующих ролях А. Гриневской: роль мадам Паче в спектакле «Шесть персонажей в поисках автора» (1923) (Алексеев играл в этой постановке роль Актера), роль придворной дамы (Dame de la Cour) в «Святой Иоанне» по пьесе Б. Шоу (1925), роль Виктуар в спектакле по пьесе Клода Ане «Мадемуазель Бурра» (1923), роль Селин Кантепи (Céline Canterpie) в «Дне признаний» Ж. Дюамеля (1923), роль мадемуазель Ховинд в спектакле «У врат царства» по Гамсуну (1924).

милаась с художником А.А. Алексеевым¹⁰ — впоследствии знаменитым художником-мультипликатором — и вышла за него замуж. В то время Алексеев работал в театре Питоева декоратором, и молодые супруги, у которых родилась дочь, сменяли друг друга дома и на работе: «Когда мама уезжала в театр, — рассказывает Светлана Алексеева, — со мной оставался отец, а когда возвращалась, наступала его очередь расписывать декорации». Однако все-таки вскоре после рождения дочери Гриневская ушла со сцены¹¹.

Модный дом Пьера Питоева, брата Жоржа, участвовал в создании костюмов к спектаклям, например, в афише спектакля «Микстура» по пьесе А.-Р. Ленормана указано, что костюмы Людмилы Питоевой выполнены Пьером Питоевым.

Играли у Питоева и звезда МХТ М.Н. Германова, а также известная петербургская актриса Е.Н. Рощина-Инсарова — в одном из первых парижских спектаклей Питоева — «Власть тьмы» (1921).

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ПРЕССЫ НА ПОСТАНОВКИ ПИТОЕВЫМ ПЬЕС А.П. ЧЕХОВА

Самый большой отклик в русской прессе получили постановки Ж. Питоева по пьесам А.П. Чехова. Этот сюжет достоин отдельного исследования, но уже сейчас остановимся на нескольких рецензиях, посвященных «Чайке» 1939 г., и подводящих итог деятельности Питоева во Франции.

27 января 1939 г. в газете «Возрождение» была опубликована одна из последних прижизненных рецензий на спектакль Питоева в русской прессе: статья «Чайка у Питоевых», подписанная инициалами «И.С.». Эту статью написал писатель и драматург Илья Сургучев, оставивший и другие воспоминания об этом спектакле, столь же восторженные.

Илья Сургучев был знаком с Питоевыми еще по Женеве — в 1916 г. режиссер поставил «Осенние скрипки» с Людмилой Питоевой в роли Верочки. В конце 1930-х гг. он опубликовал в русской парижской прессе несколько эссе о театре Питоева и о знаменитой мхатовской актрисе М.Н. Германовой, игравшей в питоевских постановках «Трех сестер»¹². Судя по этим заметкам, И. Сургучев был пламенным поклонником искусства Питоева, высоко ценил его мастерство и как актера, и как режиссера. Но самой важной заслугой Питоева писатель считал ту «борьбу за настоящее искусство» [Сургучев 1937], за новый театр, которую режиссер с начала 1920-х гг. вел во Франции. Трудную борьбу, с переменным успехом, с огромными материальными

¹⁰ Впрочем, Светлана Алексеева-Роквелл пишет о том, что Гриневская сама познакомилась с Алексеевым, а потом представила его Питоевым, см.: [Алексеева-Роквелл 2013, с. 19].

¹¹ См.: Гриневская Александра Александровна // Искусство и архитектура русского зарубежья. URL: art.rz.ru/search/Гриневская%20Александра%20Александровна%20/index.html (дата обрац. 09.12.2020); Алексеев Александр Алексеевич // Там же. URL: art.rz.ru/search/Алексеев%20Александр%20Алексеевич%20/index.html (дата обрац. 09.12.2020).

¹² См. ниже публикацию статей И.Д. Сургучева. Первые публикации статей И.С. Сургучева: [Сургучев 1937; 1939а; 1939б; 1939с; 1940].

сложностями — но все же борьбу, закончившуюся победой режиссера, — и Сургучев на страницах эмигрантской прессы один из немногих, кто это подчеркивает: Питоеву во Франции, где «каждый гвоздь, самый маленький, должен быть забит французской рукой и французским молотком» [Сургучев 1939a], удалось занять достойное место в самой сложной для иностранца области, в области искусства, театра.

«Поэтому, — пишет он, — когда в театре Матюрен — в театре из французских французском — на генеральной репетиции чеховской “Чайки”, второго акта, французская публика — из французской французская — из театральной публики самая театральная, жесточайшая публика генеральных репетиций устроила восторженную овацию двум русским актерам Питоевым (да, да: Питоевым с двумя “фф” на конце), мы испытали чувство настоящей национальной гордости. “Аксиос, аксиос, аксиос”, — невольно шептали русские губы» [Там же].

В этой заметке — поистине хвалебной песне Питоеву-режиссеру, И. Сургучев острым взглядом писателя не упускает и детали, важные как для воссоздания питоевского метода, так и для понимания особенностей его актерской игры: «Но как Питоев играет второй и третий акт (Ж. Питоев играл роль Тригорина. — С.Д.) — это университет: всем русским актерам нужно ходить и учиться. Простота, великолепная сдержанность, давно не слыханная искренность, поразительная игра интонации, самых незамысловатых, самых, казалось бы, не хитрых, а вот, поди, сделай... Как режиссер Питоев — певец света: так осветить сцену, как это он делает в последнем акте, может только волшебник и музыкант» [Там же].

Особая манера игры Людмилы Питоевой также отмечалась писателем в самом благожелательном смысле: «Зато первый акт, треплевское представление, — пишет он о «Чайке», — дано у госпожи Питоевой в ее замечательной и неподражаемой, только ей свойственной и в Париже единственной манере. Это имело огромный успех и сразу определило судьбу вечера» [Там же].

И. Сургучев вполне понимает корни питоевского искусства, богатую традицию, сформировавшую режиссера еще в России: к экспериментам Андре Антуана «Питоев добавил опыт Московского Художественного театра, опыт исканий Мейерхольда, в труппе которого он работал, и даже, пожалуй, Таирова» [Сургучев 1939c]¹³. Однако эта традиция не стала для режиссера всего лишь обращением к безвозвратно ушедшему прошлому, но живым источником постоянного обновления собственного искусства, которое, как выражает надежду писатель, принесет свои плоды и России: «Только теперь, на фоне даже в советских условиях провалившихся Мейерхольдов и Таириных, видно, какая сила, может быть, придет из эмиграции в Россию в лице Г.И. Питоева» [Сургучев 1939a].

Проникновенным словом отозвался о питоевской «Чайке» и другой знаменитый писатель русской эмиграции, Б.К. Зайцев [Зайцев 2018b]. За сорок лет до этого он присутствовал на триумфальной премьере «Чайки» в Художественном театре, и тем ценнее для нас его отзыв о спектакле Ж. Питоева, его тонкое описание — публики, декораций, актерской игры, ритма чеховской прозы, звучащей на французском языке, и, наконец, самого восприятия чеховского шедевра — двумя

¹³ Хотя Питоев не работал у Мейерхольда, тем не менее был хорошо знаком с его творчеством.

такими разными и такими плодотворными для искусства эпохами, как эпоха fin de siècle и эпоха 1930-х гг., на излете довоенного времени.

И вот перед нами «русская» «Чайка» 1898 года, «французская» 1939 года — и, как итог этого долгого пути, пройденного во многом благодаря Питоеву, — новый Чехов, по-новому воспринимаемый, равно понятный и русскому, и французскому зрителю: «Когда-то говорили о Чехове, что он “безыдейный”, без руля и без ветрил, чуть ли не холодный. Время показывает, что это неверно. Он один из самых добрых в литературе нашей. В «Чайке» он милосерден ко всем своим подданным — и тем более милостив, чем более они несчастны. Это чувствует русский зритель, это ощущает и французский» [Зайцев 2018b, с. 334]. Здесь у Зайцева — и предчувствие близкой катастрофы Второй мировой войны: «Мир так нуждается в милосердии! И так нуждается в духовной поддержке!», и новое понимание чеховского милосердия к людям: «Теперь у мира больше ран. И сами мы, и ближние наши, хотя бы другой национальности, — все мы острее и *моральнее* воспринимаем эту пьесу» [Там же].

Как и Сургучева, Бориса Зайцева охватывает чувство гордости: «Всюду программка с портретом Чехова (Браз) — облик его сразу вносит мягкую, приятную ноту: ну, вот Россия настоящая, та, что без крика и бахвальства что-то действительно дает — мирная наша слава» [Зайцев 2018b, с. 332].

Можно без преувеличения сказать, что «Чайка» Жоржа Питоева 1939 г. стала итогом двадцатилетнего спора русской эмиграции — а параллельно и французской культуры — о Чехове, окончательным признанием А.П. Чехова классиком русской литературы. Неоспоримая вершина питоевской «Чайки», признанной и французской публикой, и критикой, и русской эмиграцией, в том числе в лице писателей И.С. Сургучева, Б.К. Зайцева, не оставила места сомнениям о месте Чехова в мировой культуре.

Жорж Питоев ушел из жизни 17 сентября 1939 г., в то время, когда мир был занят войной, так долго со страхом ожидаемой и наконец развязанной Гитлером. Поэтому о его смерти в русской прессе за 1939 г. мы найдем лишь небольшие статьи [Смерть Питоева 1939]. О Питоеве снова вспомнили десять лет спустя, в 1949 г., а затем в 1951 г., увы, уже после смерти его жены Людмилы [А.Ш. 1949, А.Ш. 1951].

28 сентября 1951 г. в «Русской мысли» вышло несколько материалов памяти Питоевых, среди них — стихотворение Николая Станюковича «На смерть Людмилы Питоевой» [Станюкович 1951]. Позволим себе полностью привести это стихотворение, проникновенное свидетельство, в котором — и трагедия изгнания, и недоумение, непонимание французов, наблюдающих странный православный обряд отпевания, и сродство русской актрисы — не слишком ли смело? — всем русским святым! Но именно Людмила Питоева, воплотившая на сцене для французской публики национальную героиню Франции, святую Жанну д'Арк, так что сами французы признали: Жанна была именно такой, — это сравнение, без сомнения, заслужила!

За много лет две-три случайных встречи
С актрисой, покинувшей наш стан, —

И вдруг собора траурные свечи
И хора погребального орган...

Куда бы нас судьба ни отклонила,
Какой бы мы ни полюбили край —
Усопшая «боярыня Людмила»,
Родившись русской — русской умирай.

Дрожит хоругвь от дьяконова баса,
Наполнен купол славой теноров,
Туманит ладан блеск иконостаса,
Проникновенен иерея зов...

Французская толпа — в недоуменье —
Медлительный сопутствует обряд
И чувствует — земные рвутся звенья:
С Людмилою святые говорят —

Те, — просиявшие в сосновых срубках
Затерянных лесных монастырей,
Чьи взоры нежны и чьи руки грубы,
Как лапы Серафимовых зверей,

Те, кто, построив храмину России,
Дар Божья Духа в душу ей вложил, —
Нам чужестранные раскрыл стихии
И сердце — для страданья — обнажил.

В толпе, пришедшей в храм Святого Александра Невского на ул. Дарю проводить Людмилу Питоеву, кроме официальных лиц, деятелей театра и кино было «очень много молодежи, очень много русских» [На рю Дарю 1951]. Никто не расходился, несмотря на то что обряд длился больше полутора часов... Родившись русской, Людмила Питоева умерла русской, отпетая в главном православном храме Парижа, оплаканная своими соотечественниками.

Сокращение

BNF — Bibliothèque nationale de France

Литература

- Алексеева-Роквелл 2013 — *Алексеева-Роквелл С.А.* Зарисовки. Истории моей юности. Ярославль, 2013.
Бал печати 1930 — Бал печати // Возрождение (Париж). 1930. 17 янв. № 1690.
Блок 1963 — *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л. 1963. Т. 8. Письма.
Волконский 1927 — *Волконский С.М.* Микстура: Пьеса Ленормана в постановке Питоева // Последние новости (Париж). 1927. 11 нояб. № 2424.

- Волконский — *Волконский С.М.* Театр и кино: «Дом разбитых сердец» // Последние новости (Париж). 1928. 22 янв. № 2496.
- Волконский 1928b — *Волконский С.М.* Ибсен у Питоева // Последние новости (Париж). 1928. 21 марта. № 2555.
- Волконский 1928c — *Волконский С.М.* В театре Питоева // Последние новости (Париж). 1928. 27 апр. № 2592.
- Волконский 1929a — *Волконский С.М.* «Три сестры» у Питоева // Последние новости (Париж). 1929. 27 янв. № 2867.
- Волконский 1929b — *Волконский С.М.* Преступники // Последние новости (Париж). 1929. 29 дек. № 3203.
- Волконский 1932 — *Волконский С.М.* Театральные заметки // Последние новости (Париж). 1932. 23 февр. № 3989 [о пьесе «Эдип» А. Жюльена в театре Питоева].
- Волконский 1935 — *Волконский С.М.* Театральные заметки // Последние новости (Париж). 1935. 24 янв. № 5054 [о спектакле «Сегодня репетируем» по пьесе Л. Пиранделло].
- Гительман 1978 — *Гительман Л.* Чехов у Питоевых и Барро // Русская классика на французской сцене. Л.: Искусство, 1978. С. 95–133.
- Дон-Аминадо 1931 — Ежегодный юмористический вечер Дон-Аминадо // Последние новости. 1931. 3 нояб.
- Зайцев 2018a — *Зайцев Б.* Жизнь Тургенева. М.: Русский путь, 2018.
- Зайцев 2018b — *Зайцев Б.К.* Чайка // Зайцев Б.К. Отблески вечного. Незвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью. СПб., 2018. С. 330–335.
- Зноско-Боровский 1923 — *Зноско-Боровский Е.А.* Шесть действующих лиц в поисках автора // Последние новости (Париж). 1923. 24 мая. № 946.
- Зноско-Боровский 1925a — *Зноско-Боровский Е.А.* Две новые пьесы Пиранделло // Последние новости (Париж). 1925. 13 марта. № 1498.
- Зноско-Боровский 1925b — *Зноско-Боровский Е.А.* Русский театр начала XX века. Прага: Пламя, 1925.
- Литаврина 2003 — *Литаврина М.Г.* Русский театральный Париж. СПб.: Алетейя, 2003.
- Мельников 2010 — *Мельников Н.Г.* Чеховиана русского зарубежья // Русское зарубежье о Чехове. Критика. Литературоведение. Воспоминания. Антология. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
- На рю Дарю 1951 — На рю Дарю // Русская мысль. 1951. 21 сент. № 382.
- Познер 1930 — *Познер С.* У Питоевых // Последние новости. 1930. 4 янв.
- Смерть Питоева 1939 — Смерть Жоржа Питоева // Возрождение (Париж). 1939. 22 сент. № 4202.
- Сургучев 1937 — *Сургучев И.С.* Театр Матюрена. У Питоевых // Возрождение (Париж). 1937. 13 марта. № 4069. С. 6.
- Сургучев 1939a — *Сургучев И.С.* «Чайка» у Питоевых // Возрождение (Париж). 1939. 27 янв. № 4168. С. 9.
- Сургучев 1939b — *Сургучев И.С.* М.И. Германова в «Чайке» // Возрождение (Париж). 1939. 28 апр. № 4181. С. 12.
- Сургучев 1939c — *Сургучев И.С.* Из записной книжки о Питоеве // Наше дело. 1939. Сентябрь. С. 4.
- Сургучев 1940 — *Сургучев И.С.* О Германовой // Возрождение (Париж). 1940. 19 апр. № 4232. С. 6.
- Театр и жизнь 1922 — Театр и жизнь. (Берлин). 1922. № 9. С. 14.
- Незабытые могилы 2001 — Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. Л; М., 2001. Т. 3.
- Станюкович 1951 — *Станюкович Н.* На смерть Людмилы Питоевой // Русская мысль. 1951. 28 сент. С. 5.

- ТЖП 2005 — Театр Жоржа Питоева. Статьи. Выступления. Интервью. Письма / сост. Н. Жире, пер. с фр. Н. Попова, И. Попов. М.: Кстати, 2005.
- Финкельштейн 1974 — *Финкельштейн Е.Л.* Картель четырех: Французская театральная режиссура между двумя войнами. Шарль Дюллен, Луи Жуве, Гастон Бати, Жорж Питоев. Л.: Искусство, 1974.
- Чебышев 1928 — *Чебышев Н.* «Преступники» в Театре «des arts» Питоевых // Иллюстрированная Россия. 1928. 7 янв. № 2 (139) [«Преступники» Брукнера].
- Чебышев 1929a — *Чебышев Н.Н.* Три сестры у Питоева: Театр «Де-з-ар» // Возрождение (Париж). 1929. 31 янв. № 1339.
- Чебышев 1929b — *Чебышев Н.Н.* Суд над Жанной д'Арк: К постановке процесса у Питоевых // Возрождение (Париж). 1929. 3 июня. № 1462.
- Чебышев 1929c — *Чебышев Н.Н.* «Обезьяна волосатая»: В театре Питоевых // Возрождение (Париж). 1929. 28 сент. № 1579.
- Чебышев 1929d — *Чебышев Н.Н.* «Преступники»: Немецкая пьеса у Питоевых // Возрождение (Париж). 1929. 9 дек. № 1651.
- Чебышев 1930 — *Энче* [Н.Н. Чебышев]. «Кукольный дом»: Людмила Питоева — «Нора» Ибсена // Возрождение (Париж). 1930. 13 дек. № 2020.
- Чебышев 1931a — *Н.Ч.* [Н.Н. Чебышев]. По театрам Парижа // Иллюстрированная Россия. 1931. 2 мая. № 19 (312) [О спектакле «Тачка с яблоками» Б. Шоу].
- Чебышев 1931b — *Чебышев Н.Н.* Хозяйка гостиницы у Питоевых // Возрождение (Париж). 1931. 16 окт. № 2327.
- Чебышев 1932 — *Чебышев Н.Н.* «Мелкий факт»: летняя премьера у Питоевых // Возрождение (Париж). 1932. 23 июля. № 2608 [о постановке пьесы голландского писателя Гобиуса «Мелкий факт»].
- Чебышев 1933a — *Чебышев Н.Н.* У Питоевых // Возрождение (Париж). 1933. 5 февр. № 2805 [«Графиня Юлия» Стриндберга; «Время — сон» Ленормана].
- Чебышев 1933b — *Энче* [Н.Н. Чебышев]. Белые перчатки: У Питоевых // Возрождение (Париж). 1933. 5 мая. № 2894.
- Чебышев 1933c — *Ч.* [Н.Н. Чебышев]. «Евреи» у Питоевых // Возрождение (Париж). 1933. 10 июня.
- Чебышев 1933d — *Энче* [Н.Н. Чебышев]. Либелай: у Питоевых // Возрождение (Париж). 1933. 2 окт. № 3044 [рец. на пьесу Артура Шницлера].
- Чебышев 1934 — *Чебышев Н.Н.* Дикая утка: Драма Ибсена у Питоевых. Возрождение (Париж). 1934. 11 мая. № 3264.
- А.Ш. 1949 — *А.Ш.* Памяти Жоржа Питоева // Русская мысль (Париж). 1949. 6 мая. № 134.
- А.Ш. 1951 — *А.Ш.* Памяти Питоевых: Театр де Матюрен // Русская мысль (Париж). 1951. 28 сент. № 384.
- Шах-Азизова 2008 — *Шах-Азизова Т.К.* Предназначенные театру. Питоевы: театральные гены рода // Художественная культура русского зарубежья. 1917–1939: Сб. ст. М.: Индрик, 2008. С. 291–302.
- Шруба 2018 — *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: НЛО, 2018.
- Jomaron 1979 — *Jomaron J.* Georges Pitoëff, metteur en scène. P.: L'Âge d'Homme, 1979.
- Martin du Gard 1987 — *Martin du Gard R.* Journal. II 1919–1936. Edition établie, présentée et annotée par Claude Sicard. P.: Gallimard, 1987.
- Le nouveau spectacle 1923 — Le nouveau spectacle de la Comédie des Champs-Élysées// Comoedia. Samedi 24 novembre 1923.
- Aniouta Pitoëff 1955 — *Pitoëff A.* Ludmilla, ma mère. Vie de Ludmilla et de Georges Pitoëff. P., 1955.

СТАТЬИ И.Д. СУРГУЧЕВА О ТЕАТРЕ Ж. ПИТОЕВА

*Публикация, подготовка текста, комментарии
С.Н. Дубровиной, А.А. Фокина*

Публикуемые ниже статьи И.Д. Сургучева о Ж. Питоеве и М.Н. Германовой написаны в конце 1930-х гг., во время расцвета питоевского театра, а последняя статья в 1940 г., сразу после ухода режиссера и актрисы. И.Д. Сургучев не только описывает интересные подробности, характеризующие работу Ж. Питоева как актера и режиссера, но и дает обобщающие суждения о заслугах режиссера, тем самым подводя итог его деятельности во Франции.

ТЕАТР МАТЮРЕН. У ПИТОЕВЫХ

Русский актер Г.И. Питоев, сын известного режиссера Тифлисской оперы И.Г. Питоева¹, с женою, тоже русской актрисой, Л.И. Питоевой, в начале девятидесятых годов выехал из России за границу — искать счастья².

Начало деятельности Питоева относится к Женеве³, где он ставил русские спектакли, открыв их «Осенними скрипками»⁴, в которых госпожа Питоева играла роль Верочки, заставив себя признать первой Верочкой в ряду самых известных исполнительниц этой роли. В это же время у Питоевых началось овладение французским языком⁵, и в 1919 г. они появляются на парижском горизонте и ставят свой первый спектакль в театре «Дез Ар», что на Батиньольском бульваре. И с этого времени без перерыва работают в Париже, насаждая здесь тенденции подлинного театра, как они привыкли понимать его в России. С этого же времени Питоев ведет неустанную и очень трудную борьбу за настоящее искусство, против традиционного очень почитаемого и так привившегося к французской психологии бульварного театра и его главного козыря: «менаж а тру»⁶. Как видно из цифр, борьба эта ведется вот уже 18 лет, и в этом году Питоев получил орден Почетного легиона: очевидно где-то и как-то русское семя пало на благоприятную почву. За эти 18 лет Питоев поставил и сыграл 83 пьесы, из коих 9 русских: «Власть тьмы», «Тот, кто получает пощечины», «Дядя Ваня», «На дне», «От ней все качества», «Живой труп», «Три сестры», «Евреи», «Чудесный сплав».

Кто знает, как трудно иностранцу прошибить французскую театральную толщину, тот почувствует всю огромность питоевского усилия. Сейчас в театре «Матюрен» Питоев ставит пьесу Рабиндраната Тагора⁷ «Амаль и королевское письмо» и пьесу молодого драматурга Ануй⁸ «Пассажир без багажа».

Кто хоть сколько-нибудь знает французский язык и кто желает действительно «насладиться подлинной высокой поэзией», пусть тот послушает «Амая...» (в великолепном переводе Андре Жида) и посмотрит в нем Л. Питоеву. Это подлинные высоты театрального творчества, когда каждое слово актрисы доходит до сердца зрителя, когда зритель в благоговейном молчании бестрепетно сидит и ловит каждый вздох ее и только после занавеса, спустя несколько минут, отдает себе отчет в том очаровании, которым была охвачена его душа. И замечательная вещь, и замечательное исполнение, и замечательная постановка.

Очень хороша, свежа и глубока пьеса Ануй, автора «Эрмин»⁹. Недостаток места не позволяет передать здесь ее содержание. Но кто хочет видеть русского актера, перелившегося во французскую стихию, тот пусть посмотрит Г.И. Питоева в роли Гастона. Это вообще одна из его лучших и самых тонких ролей. Простота темперамента, отсутствие всякой ходульности постоянно характеризует этого актера и среди французского «амбьянса» делает его гастролером. И как он изобретателен и прост в роли постановщика! Два-три штриха — и сцена живет интересной и содержательной жизнью. Остальное актерство, занятое в пьесе, введено в русло подлинных человеческих, не ходульных переживаний, и спектакль в целом приобретает то значение, за которое, действительно, должно дать Почетный легион.

И.С.

Возрождение. 1937. 13 марта. № 4069. С. 6

¹ Питоев Иван Егорович — директор казенного Тифлисского оперного театра (1894–1903), отец Г.И. Питоева.

² Ж. Питоев познакомился с Людмилой Смановой уже в эмиграции, в Париже в 1914 г., хотя семьи Питоевых и Смановых были знакомы еще в Тифлисе. Питоев жил во Франции с 1905 по 1908 г., затем вернулся в Петербург до конца 1913 г., а в начале 1914 г. снова уехал с семьей во Францию. В свою очередь Л. Сманова с матерью много путешествовала по Европе начиная с 1905 г., а в 1914 г. обосновалась в Париже.

³ Режиссерскую деятельность Ж. Питоев начал в Петербурге в 1913 г., создав «Наш театр».

⁴ «Осенние скрипки» — пьеса И.Д. Сургучева. Впервые поставлена В.И. Немировичем-Данченко в Московском Художественном театре в 1915 г.

⁵ Скорее всего, имеется в виду постепенный переход театра Питоева от спектаклей на русском языке к игре на французском языке.

⁶ «Ménage à trois» (*фр.*) — «любовный треугольник».

⁷ Тагор Рабиндранат (1861–1941) — индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1913).

⁸ Ж. Питоев открыл для французской сцены театр Жана Ануй (Aouilh), поставив его пьесу «Пассажиры без багажа» на сцене театра «Матюрен» в 1937 г. Эта постановка стала первым большим успехом драматурга, спектакль прошел 190 раз.

⁹ «L'Hermine» («Горноста́й»), 1931.

«ЧАЙКА» У ПИТОЕВЫХ

Известно, что во Франции каждый гвоздь, самый маленький, должен быть забит французской рукой и французским молотком.

Но если так трудно обстоит дело с гвоздями, то нужно вообразить, как обстоит дело в области особенно «чувствительной» — в области искусств, и особенно в области театра, где национальные гордость и самолюбие подчеркнута остры. Проникнуть в эту область так же легко, как верблюду в игольное ушко. Пьеса покойного Юшкевича¹ была принята у Жуве, была доведена до генеральной репетиции и все-таки не пошла: от этого огорчения писатель раньше времени сошел в могилу, но факт остается фактом.

В союзе французских драматических писателей есть правило, по которому приспособитель для французской сцены иностранной пьесы обязан получать не менее пяти процентов из двенадцати авторских: «Дабы бороться с иностранным засилием на французской сцене», — так гласит текст закона. Конечно, будет много легче, если иностранец укроется по закону мимикрии: Труайя, Бов, Вольф, Армон² — все это бравые французы, но если их имена перевести на язык русский, то они будут звучать так: Тарасов, Бобовников, Познанский, Петрокино... И это только малая часть.

Поэтому, когда в театре Матюрен — в театре из французских французском — на генеральной репетиции чеховской «Чайки», второго акта, французская публика — из французской французская — из театральной публики самая театральная, жесточайшая публика генеральных репетиций устроила восторженную овацию двум русским актерам Питоевым (да, да: Питоевым с двумя «фф» на конце), мы испытали чувство настоящей национальной гордости. «Аксиос, аксиос, аксиос»³, — невольно шептали русские губы.

Войти в сонм первоклассного французского актерства, сделаться одним из вождей передовых театральных достижений, заслужить всеобщее признание, утвердить свой шатер на сквозняке всех ветров мира, без денег, без связей, с одной только верой в себя и с безграничной любовью к театру, это надо пройти большой путь. Это достойно земного русского благодарного поклона. Заставить французского актера почти на сто процентов перевоплотиться в русского, да еще чеховского человека, это надо иметь режиссерскую силу В.И. Немировича-Данченко⁴: величайшей комплимент, который можно сделать в театральном искусстве.

Как ни странно, меньше всего поддавалась режиссерскому влиянию госпожа Жениа⁵, актриса нашего Михайловского театра: она сыграла не чеховскую Аркадину, а добрую французскую актрису из Пале-Руайаль. Зато весь до конца растворился в Чехове господин Дрэн: бери его живого и ставь на сцену Московского Художественного театра, такой это Дорн. Очень силен в Сорине был господин Салу. Горяч и нервен господин Пьерр-Гэй (Треплев). Отлично играла семья Шамраевых (господа Флури, Рейхен, Мансон). Трогателен со своими 23 рублями жалованья был господин Мишель-Франсуа.

Но как Питоев играет второй и третий акт — это университет: всем русским актерам нужно ходить и учиться. Простота, великолепная сдержанность, давно

не слыханная искренность, поразительная игра интонации, самых незамысловатых, самых, казалось бы, не хитрых, а вот, поди, сделай... Как режиссер Питоев — певец света: так осветить сцену, как это он делает в последнем акте, может только волшебник и музыкант. Только теперь, на фоне даже в советских условиях провалившихся Мейерхольдов⁶ и Таировых⁷, видно, какая сила, может быть, придет из эмиграции в Россию в лице Г.И. Питоева.

Центр пьесы, ее главная «отправная» точка заключается в роли Нины Заречной. С этой ролью не справилась даже Комиссаржевская⁸, которая ее играла, но в репертуаре не сохранила. Изюминка роли в знаменитом «не то», на французский язык не переводимом. Это не «*c'est pas ça*»⁹. И когда госпожа Питоева дошла до этого места, хотелось крикнуть: «Актриса, переходи на русский язык». «Не то» пело в госпоже Питоевой, но французский язык оказался жестким для передачи мучительно не находимого оттенка, который звучит в этом «не то» и в котором, пожалуй, заключается самое святое святых — ключ чеховского творчества. Зато первый акт, треплевское представление, дано у госпожи Питоевой в ее замечательной и неподражаемой, только ей свойственной и в Париже единственной манере. Это имело огромный успех и сразу определило судьбу вечера.

Спектакль имел огромный успех, и всем русским театрам его необходимо посмотреть.

И.С.

Возрождение. 1939. 27 янв. № 4168. С. 9

¹ Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927) — русский писатель, драматург. Представитель так называемой русско-еврейской литературы. Имеется в виду его пьеса «*Miserere*».

² Труайя Анри (Troyat; 1911–2007) — французский писатель, наст. имя и фам. Лев Тарасов; Бов Эмманюэль (Bove; 1898–1945) — французский писатель, наст. имя и фам. Эммануэль Бобовников; Армон Поль (Harmon; 1873–1943) — французский сценарист и сочинитель мюзиклов, из семьи одесских купцов греческого происхождения, наст. имя и фам. Дмитрий Петрокино. Вольф — вероятно, речь идет о французском драматурге и либреттисте Пьере Вольфе (Wolff; 1865–1944).

³ Аксиос (*греч.* достоин) — возгласение при рукоположении во диакона, иерея, епископа.

⁴ Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) — русский театральный режиссер, педагог, драматург, писатель, театральный критик. Вместе с Константином Станиславским является основателем Московского Художественного театра.

⁵ Французская актриса Марсель Жениа (Géniat; 1881–1959) начинала свою актерскую деятельность в Петербурге у Саша Гитри.

⁶ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) — русский театральный режиссер, актер и педагог, теоретик и практик театрального гротеска, создатель актерской системы, получившей название «биомеханика».

⁷ Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) — советский и российский театральный актер и режиссер.

⁸ Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) — русская актриса начала XX в., старшая сестра русской и советской актрисы театра и кино Н.Ф. Скарской (1868–1958).

⁹ *C'est pas ça* — не то, не так (*фр.*).

М.И. GERMANOVA В «ЧАЙКЕ»

Чеховская «Чайка», возобновленная в театре Питоевых, имела большой успех и прошла много раз. Слава Богу: французы начинают сдвигаться со своих театральных трех китов: мужа, жены и друга дома, короля, дамы и валета. В этом отношении театр Питоева играет роль крепостного тарана: он без устали долбит камень, и настанут, быть может, времена, когда история французского театра «помянет его добрым словом». В «Чайке» роль Аркадиной играла известная и заслуженная актриса Жения, актриса, долго жившая в России и игравшая в нашем Михайловском театре. Можно было предполагать, что она что-то знала о России, о русской женщине, о русской актрисе. Увы, ее Аркадина была не Аркадиной и даже не намеком на Аркадину: что-то суетливое, смешное, что-то от гувернантки из «Вишневого сада». И это прежде всех, конечно, понял Питоев. По истечении известного срока он заменил Жения М.Н. Германовой, и спектакль сразу попал в другой музыкальный ключ. Получился интересный психологический опыт. Можно пойти на любое пари, что, играй Германова эту роль по-русски, было бы одно, теперь, когда она ведет ее по-французски, получается другое, и это другое вытекает не только из артистического дарования артистки, но и из каких-то, несомненно, непреложных требований, которые налагает чужой язык, чужое мышление, чужой синтаксис и те подводные течения, которым артист обязан инстинктивно следовать. Так М.Н. Германова не играла бы Аркадину на русской сцене, и иначе она не может играть ее на сцене французской. В чем же дело? Вот тут-то и нужен бы был какой-нибудь филолог-психолог, чтобы найти разрешение этой интересной загадки. Рисунок — русский, краски как будто не русские. И это ни в малейшей мере не зависит от воли артистки, которая попала во власть чужой стихии и уже никакими усилиями воли не может преодолеть ее и из нее высвободиться. Бывает так, что у певца «переставляют» голос, из тенора делают баритон и из баритона — тенор. Вчера вы его слышали в партии Фауста, сегодня он поет Валентина. Возможно, вы его не узнаете, но опыт остается жгуче интересным.

Сами Питоевы уже давно окунулись в чуждую им стихию и подлинным актерским содержанием налились уже на французской сцене, крестились, так сказать, во французской воде, но М.Н. Германова — еще, так сказать, тепленькая, русскость сквозит из каждой ее поры, перерождение только еще начинается, и рассмотреть этот процесс — задача и ответственная, и интересная.

«Чайка» на сцене «Матюрэн» — самое интересное, что было показано на французской серьезной сцене.

С.

Возрождение. 1939. 28 апр. № 4181. С. 12

Из записной книжки

О ПИТОЕВЕ

Покойный Г.И. Питоев — единственный, кажется, пример в истории, когда иностранный актер делается не только актером французским, ибо это здесь выдаюно, и по этой части, как ни странно, везло румынам: один из знаменитейших актеров «Комеди франсез» Макс был румыном. Очень известная в Париже Эльвира Попеско — тоже румынка. Питоев добился того, что стал одним из крупнейших режиссеров Франции, мало того, он стал директором одного из самых культурных театров Парижа, направлял молодую французскую драматургию по определенному руслу — модернистскому, и во главе этого течения шел рядом с такими именами, как Гастон Бати¹, Шарль Дюллен², Луи Жуве³. И еще одна крупнейшая его заслуга: он первый в Европе открыл такого большого драматурга, как Пиранделло⁴.

Секрет Питоева был, в сущности, прост. Перед его появлением в Париже театр французский только что был осенен опытами Антуана⁵, и к этим опытам Питоев добавил опыт Московского Художественного театра, опыт исканий Мейерхольда, в труппе которого он работал⁶, и даже, пожалуй, Таирова. Для Франции это было крупным вкладом, и на Питоева смотрели как на человека — артистически — исключительно богатого.

— Но чего это мне стоило! — говаривал, всегда грустно, Георгий Иванович. И не догадывался, что это ему стоило прежде всего жизни.

Это был странный актер: в нем совершенно, например, не было «богемы». Вся его жизнь протекала между театром и семьей. Вырастил детей, совсем не состарившись, детей было много, и в Париже шутили: «Скоро Питоев организует полную труппу из своих сыновей и дочерей». Дочери выходили замуж, и Питоев обязательно венчал их в соборе на улице Дарю: он не желал «отбиваться» от России и детям, вероятно, завещал это, хотя дети едва ли говорят по-русски.

Я как-то спросил его:

— Георгий Иванович, а вы не забываете по-русски?

— С ума сошли? — ответил он, улыбнувшись своей очаровательной полуулыбкой.

И незадолго перед смертью прислал мне в Антиб письмо, написанное на чистейшем русском языке.

Перед отъездом на юг я зашел к нему в театр попрощаться. Он сидел у себя в кабинете, разбирал какие-то бумаги, а я ахнул: передо мной был, что называется, конченный человек. В чем дело? Что случилось? Не прошло, быть может, и месяца, как он совершенно изумительно играл Тригорина в чеховской «Чайке». Теперь в театре шла «Дама с камелиями», и он уже не играл, не мог играть, был не у дел.

— Сердце пошаливает, запретили?

— Да, конечно, чепуха, а это у вас что такое? Кавказская палка?

Со мной действительно была палка с серебряным набалдашником. Серебро с кавказской эмалью и с выведенными буквами «Кавказ». Купленная когда-то в Кисловодске.

— Слушайте, но дайте же хоть в руках подержать.

Я протянул палку. Питоев жадно схватил ее рукой.

— Помилуйте, но ведь это же Кавказ, Кавказ!!!

Заговорило артистическое воображение, глаза загорелись особенным огнем, человек ожил, будто из старого кавказского серебра начала перекачиваться в него родная сила.

— Кавказ, Кавказ! — говорил тихо Питоев, как зачарованный и, словно шепча внутри себя что-то сокровенное, — «и под⁷ вершинами Кавказа изгнанник рая пролетал».

...И все это во французском театре, над сценой, с которой доносится разговор Маргариты Готье.

— Георгий Иванович, я дарю вам эту палку.

— А нет, нет. Я знаю, как это дорого. Спасибо, что дали подержать. Прямо сила какая-то. Воспоминания, детство, Тифлис. Спасибо. На днях мы переезжаем на новую квартиру, я сообщу вам адрес.

И действительно, аккуратно сообщил!..

И через две-три недели умер в Швейцарии.

Когда-нибудь историки театра напишут о нем целые книги: французам это будет интересно, а нам — горделиво-радостно.

И. Сургучев

Наше дело. 1939. Сентябрь. С. 4

¹ Бати Гастон (Baty; 1885–1952) — французский драматург и режиссер, теоретик театра, один из основателей в 1927 г. театра «Картель».

² Дюллен Шарль (Dullin; 1885–1949) — французский актер и театральный режиссер.

³ Жуве Луи (Jouvet; 1887–1951) — французский режиссер, актер театра и кино.

⁴ Пиранделло Луиджи (Pirandello; 1867–1936) — итальянский писатель и драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1934 г. «за творческую смелость и изобретательность в возрождении драматургического и сценического искусства».

⁵ Антуан Андре (André Antoine; 1858–1943) — французский режиссер театра и кино, теоретик театра. Крупнейший представитель «театрального натурализма», создатель и руководитель «Свободного театра» и «Театра Антуана», воспитатель плеяды талантливых актеров.

⁶ Питоев не работал в труппе Мейерхольда, хотя с его опытами был, несомненно, хорошо знаком. С 1908 по 1913 г. Ж. Питоев работал в Театре В.Ф. Комиссаржевской (уже после того, как Мейерхольд ушел из этого театра), а после смерти Комиссаржевской в Театре П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской.

⁷ Неточная цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон». Ср.: «И над вершинами Кавказа / Изгнанник рая пролетал...»

О ГЕРМАНОВОЙ

Гроб, надгробные рыдания и толпа людей, собравшихся вокруг со свечами в руках и думающих: «Вот нас здесь двести человек, и кто-то уже в очереди за ней. Кто же первый? Не я ли, Господи? А если так, то отведи еще на мгновение страшную руку Твою. Что тебе стоит? Тысяча лет пред очами Твоими яко день вчерашний...»

Германова была цветком, вырванным из родной почвы. Пока корень как-то дышал, жила и она: половинной жизнью. Было цветение, но не полнокровное. Был аромат, но отдаленный. Из мира театральных волшебств Германова ушла в монастырь эмиграции, как все иноки, наложила на себя схиму отречения. Писатели, не имеющие возможности напечатать книгу, художники на чужом и враждебном рынке, актеры, не имеющие публики, купцы без гонораров, певцы без оркестра, офицеры без солдат, — таковы все мы, рыбы на песке, таковой была и Германова. Ей еще посчастливилось больше, чем многим из нас. Так, в эмиграции выяснилось, что она — огромная трагическая актриса: большая редкость в наши времена.

Я как сейчас вижу: ее и Питоева. Играют «Чайку». И кто бы мог подумать, что перед нами был лебединый дуэт, последние лебединые песни? Два русских больших актера пели его перед чужими людьми. Кто понял? Кто почувствовал? У кого затрепетала душа? Никто: ни чужие, ни свои.

А предчувствия были. В антракте я пошел к ней за кулисы. Поговорили, потолковали о том, как трудно играть на чужом языке, да еще на таком капризном. На прощанье, на последнее, на самое последнее, она вдруг улыбнулась и сказала:

— Я знала, что вы зайдете. И вот...

Подает какой-то сверточек.

— Это все, чем вы меня баловали.

Время от времени я, если попадалось, посылал ей вырезки из советских газет о Художественном театре, о старых товарищах, о Москве...

Пустяки, выбросить бы в корзинку, — нет, честно возвратила... Может быть, уже отдаленно предчувствовала, что следующая встреча — только там, где уже несть ни болезни, ни печали...

Каким блаженством могут наслаждаться люди, пребывающие в раю? Трудно знать. Но я предполагаю, что одним из величайших наслаждений является созерцание всей Богом сотворенной планетной системы, в которой наше Солнце — только песчинка. Может быть, в этом ритме, в этой огромности, в этом зрелище что-то напомним ей земной театр¹.

Возрождение. 1940. 19 апр. № 4232. С. 6

¹ Ж. Питоев говорил, что рай представляет себе как место, где можно бесконечно ставить все новые и новые пьесы.

ПЕРЕПИСКА Г.И. ПИТОЕВА И И.Д. СУРГУЧЕВА

*Публикация, подготовка текста, комментарии
С.Н. Дубровиной, А.А. Фокина*

Сохранившиеся несколько писем переписки И.Д. Сургучева и Г.И. (Жоржа) Питоева охватывают, однако, период с 1924 по 1939 г., т.е. почти все годы жизни Г.И. Питоева во Франции, — последнее письмо И.Д. Сургучева написано всего за два месяца до смерти режиссера. Эти письма свидетельствуют о непрекращающемся творческом диалоге между корреспондентами, несмотря на то что после «Осенних скрипок» И.Д. Сургучева, поставленных в 1916 г. в Швейцарии на русском языке, другие проекты постановок пьес И.Д. Сургучева Питоевым на французской сцене так и не будут реализованы.

Письмо Г.И. Питоева печатается по автографу (Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers: Box 2. Correspondence), впервые. Письма И.Д. Сургучева печатаются по автографу (Bibliothèque nationale française, Fonds Georges Pitoëff, Correspondance en langue russe, Lettres d'Ilia Sourgoutchev à Georges Pitoëff, Col-17 (458)), впервые.

Литература

- Дело 1928 — Дело Распутина в Парижском суде // Возрождение (Париж). 1928. 15 июня. № 1109. С. 1.
- Иск 1928 — Иск дочери Распутина // Последние новости. 1928. 15 июня. № 2641. С. 1.
- Интервью 1928 — Интервью М. Распутиной // Сегодня. 1928. 15 авг. № 219. С. 4.
- Сургучев 1930 — *Сургучев И.Д.* Торговый дом // Мир и искусство (Париж). 1930. № 1. С. 12–14; № 2. С. 18–19; № 3. С. 17–18; № 4. С. 18–19; № 5. С. 18–19; № 6. С. 18–19; № 7. С. 19–20; № 8. С. 16–17
- Сургучев 1956 — Мусоргский и Анна: Отрывок из пьесы И. Сургучева // Возрождение (Париж). 1956. № 51. С. 14–17.
- Фокин 2015а — Фокин А.А. «Драматическая легенда» И.Д. Сургучева «Ангельское крыло» // Фокин А.А., Малахова Н.М., Малыгина И.Ю. Творчество И.Д. Сургучева в антропологическом и функциональном аспектах: учеб. пособие. Ставрополь: Товарищ, 2015. С. 198–210.
- Фокин 2015б — Фокин А.А. «Распутин» как историческая драма // Фокин А.А., Малахова Н.М., Малыгина И.Ю. Творчество И.Д. Сургучева в антропологическом и функциональном аспектах: учеб. пособие. Ставрополь: Товарищ, 2015. С. 138–150.

1. Г.И. Питоев — И.Д. Сургучеву
19 августа 1924 г. Ла-Круа-Вальмер

Monsieur Sourgoutsceff,
Muguet Hôtel,
11 rue Chevert¹,
Paris VII.

Kensington Hôtel²,
La-Croix (Var).

Многоуважаемый Илья Дмитриевич,
простите, что задержал ответ, мы ведь уже 3 недели как странствуем, теперь на месяц остановились у моря.

Ваш новый 4-й акт³ — люблю, хорошо, сильно.

Оставил его в Париже, можете взять его, когда хотите. Я предупредил свою belle-mère⁴, которая в Париже, что Вы за ним пришлете. Вернемся мы в Париж в двадцатых числах сентября.

Привет от жены и меня.

Питоев

¹ Адрес, по которому Сургучев некоторое время проживал в Париже.

² Отель, в котором Г.И. Питоев остановился в городке Ла-Круа-Вальмер.

³ Название пьесы не установлено. Речь может идти о новой редакции «Осенних скрипок» И.Д. Сургучева, с которых началась актерская карьера супругов Питоевых, а также об одной из новых его пьес, которые он намеревался поставить во Франции, — «Письма с иностранными марками», «Реки вавилонские», «Рука Бетховена».

⁴ Belle-mère (фр.) — здесь теща, речь идет о матери Людмилы Питоевой Анне Андреевне Смановой.

2. И.Д. Сургучев — Г.И. Питоеву
4 декабря 1928 г. Париж

11 rue Chevert,
Paris VII.
4 / XII, 1928.

Многоуважаемый Георгий Иванович,

Вам, вероятно, известно, что в январе в Париже будет слушаться громкий процесс¹ по иску дочери Распутина² к кн. Юсупову³.

Мною давно уже написана пьеса «Распутин»⁴ (правда, в 12 картинах!) с ролью Распутина, про которую говорят, что она хорошо сделана для сцены.

Пьеса эта на Рождество идет в Нью-Йорке⁵.
Б<ыть> м<ожет>, это Вас интересует? Если да, пришлю.

Ваш И. Сургучев

¹ Книга кн. Ф. Юсупова «Конец Распутина» и иск М. Распутиной к убийцам отца имели большой резонанс в русской эмигрантской прессе. Как сообщалось в репортаже «Дело Распутина в парижском суде», «Мария Соловьева-Распутина, дочь Григория Распутина, просит удовлетворить ее иск в 25 000 000 франков к кн. Ф.Ф. Юсупову, гр. Сумарокову-Эльстон и к вел. кн. Дмитрию Павловичу...» [Дело 1928, с. 1]. Детали «Иска дочери Распутина» раскрывала газета «Последние новости»: «Всем известно, кто убил Распутина, но нужно было признание самого Юсупова. Теперь — признание имеется. Юсупов несколько месяцев тому назад выпустил на русском и на ряде иностранных языков свою книгу “Убийство Распутина”. В ней он открыто говорит, что убийство — дело его рук и Дмитрия Павловича. <...> Мы не возбуждаем уголовного преследования, а только требуем возмещения убытков. Возможно, конечно, что в таком процессе будет затронута и политическая сторона дела...» [Иск 1928, с. 1]. В одном из интервью М. Распутина сказала: «Я хочу доказать, что, вопреки распространяемым про моего отца легендам, я могу с гордостью носить его имя...» [Интервью 1928, с. 4].

Само судебное разбирательство изначально было назначено на октябрь, затем неоднократно переносилось. Решение суда не вызвало общественного резонанса. Иск М. Распутиной был отклонен. Французский суд постановил, что не обладает юрисдикцией над политическим убийством, имевшим место в России.

² Распутина Мария (урожд. Матрена Григорьевна Распутина; 27.03.1898 — 27.09.1977) — дочь русского мистика, крестьянина Григория Распутина и Прасковьи Дубровиной.

³ Юсупов Феликс Феликсович, князь (23.03.1887 — 27.09.1967) — последний из князей Юсуповых, известен как участник убийства Григория Распутина и автор двух книг воспоминаний — «Конец Распутина» (1927) и «Мемуары» (1953).

⁴ О публикации пьесы И.Д. Сургучева «Распутин» сведений не обнаружено. Рукопись и машинописный вариант пьесы хранятся: Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers. Box 3. Arranged Manuscripts. Подробнее об истории создания пьесы «Распутин» см.: [Фокин 2015b, с. 138–150].

⁵ Рецензий о постановке пьесы «Распутин» в театрах Нью-Йорка не обнаружено. Однако в письме И.Д. Сургучеву, датированном концом июня 1928 г., американский режиссер, актер и продюсер русского происхождения Г.В. Ратов сообщал: «Теперь насчет “Распутина”. Он уже переводится — и не позже 20 августа идет в репетиции. <...> “Распутина” необходимо поставить не позже 15 сентября, ибо другой здешний антрепренер имеет американского “Распутина”, а первый поставивший выиграл. Ставить пьесу буду я, а играть Распутина будет первокласснейший актер Muni Wisenfriend. Это идеальный выбор. С ним у меня будет в понедельник подписан контракт. Аванс на “Распутина” вышлю вовремя, как и было условлено. <...> Предчувствую, что “Распутин” — будет большая сенсация!» (Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers: Box 2. Correspondence).

3. И.Д. Сургучев – Г.И. Питоеву
25 января 1934 г. Париж

1, Av. de Corvera,
App. 47, Paris (12).
25 / I, 1934.

Многоуважаемый Георгий Иванович,
Прочли ли Вы «Торговый дом»¹ и если да, — то, может быть, черкнете, как
обещали, несколько слов?
Ваш И. Сургучев

¹ Имеется в виду сокращенный, в трех действиях, вариант первой, еще дореволюционной, пьесы И.Д. Сургучева «Торговый дом», опубликованный в журнале «Мир и искусство» в январе–феврале 1930 г., см.: [Сургучев 1930].

4. И.Д. Сургучев – Г.И. Питоеву
29 июля 1939 г. Антиб

Hôtel Garale,
Route de grasse,
Antibes.
29 / VII, 1939.
А.М.

Глубокоуважаемый Георгий Иванович,
прочли ли Вы «Мусоргского»?¹
Был бы очень Вам обязан, если бы Вы, как обещали, черкнули несколько слов
по вышеозначенному адресу².
С глубочайшим уважением,
И. Сургучев

¹ Имеется в виду драма в десяти картинах И.Д. Сургучева «Ангельское крыло», написанная по мотивам неопубликованного на тот момент романа И.С. Лукаша «Бедная любовь Мусоргского».

О публикации полного текста драмы «Ангельское крыло» и ее постановочной судьбы сведений не обнаружено. Фрагмент под заголовком «Мусоргский и Анна: Отрывок из пьесы И. Сургучева» см.: [Сургучев 1956]. Машинописный вариант пьесы хранится: Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University; BAR: Surguchev's Papers. Box 3. Arranged Manuscripts. Подробнее об истории создания пьесы «Ангельское крыло» см.: [Фокин 2015a].

² Лето 1939 г. И.Д. Сургучев провел в курортном городке Антиб на Лазурном Берегу Франции.

ПИСЬМО М.Н. GERMANОВОЙ Г.И. ПИТОВЕВУ

*Публикация, предисловие, подготовка текста и комментарии
С.Н. Дубровиной*

Во время гастролей К.С. Станиславского в Париже в 1922 г. Питоев в письме директору Театра Елисейских Полей Жаку Эберто признавался: «Мы все — сыновья Станиславского, часто блудные и мятежные сыновья, но всегда горячо его любящие. Мы все дети русского гиганта — Станиславского» [Гительман 1978, с. 104]. Его отношение к системе Станиславского не было неизменным, а в какой-то момент даже стало вполне критическим¹, однако театральная школа основателя МХТ повлияла на режиссера не только теми спектаклями, которые он видел в России в 1900-х — начале 1910-х гг. Питоев был знаком и со многими актерами — учениками Станиславского. Так, еще в «Нашем театре» в Петербурге в 1913 г. играла актриса МХТ С.В. Халютина.

А позднее, в 1920–30-х гг., в Париже, знаменитая мхатовская актриса М.Н. Германова, после революции игравшая в «Пражской группе МХТ», примет участие в нескольких постановках Питоева: «Гамлет», «Три сестры», «Мадемуазель Бурра», «Чайка», «Враг народа».

М.Н. Германова решила переехать в Париж из Праги после распада «Пражской группы МХТ» в 1927 г., во многом ее решению способствовала очень успешная постановка «Медеи» в Париже в Театре комедии Елисейских Полей несколькими годами ранее, где у нее была главная роль (пьеса игралась по-русски). Особенности игры мхатовской актрисы не всегда были близки западному зрителю. Свой неуспех у англичан Германова поясняла так: «Они (англичане. — С.Д.) любят читать Достоевского, но остерегаются чувствовать его, и изображение всяких его надрывов на сцене шокирует их. Так же шокировала их и моя игра. Я слишком русская и слишком по-русски играла <...> В русском театре традиция играть “нутром”, разрываться... Вероятно, Ермолова, наша самая большая драматическая актриса, очень шокировала бы их в некоторых сценах, тогда как мы все неистовствовали от восторга перед ее чувствами и драматической мощью ее темперамента» [Германова 2012, с. 236–237].

Этот русский темперамент удивлял и французских критиков Жоржа Питоева, однако именно в ролях, требовавших максимального эмоционального напряжения, они чаще всего склонны были видеть его актерский успех: Никита из «Власти

¹ См., например, отзыв Ж. Питоева о спектакле К.С. Станиславского «Вишневый сад» в статье «Сценическое искусство бесконечно, как сама жизнь...» (1925) [ТЖП 2005, с. 115–116].

тмы» Л.Н. Толстого, шекспировский Гамлет, Генрих IV из одноименной пьесы Л. Пиранделло, доктор Стокман из «Врага народа» Х. Ибсена.

По сравнению с англичанами, французы приняли Германову гораздо лучше, но путь ее на французской сцене был тоже непростым. Переехав в Париж, она принялась усиленно изучать французский язык и дикцию, а в 1928 г. Жорж Питовев пригласил ее на роль Ольги в «Трех сестрах». Свою работу над ролью актриса эмоционально описывает в воспоминаниях: «Ох, как я боялась! Ох, как трудно было! Работа над языком захватила меня: так интересно преодолеть что-то совсем чужое, найти в нем свое. Ольга — старая, игранная мною роль, и вся моя работа была направлена на то, чтобы передать мое в ней, ее русское зерно по-французски. Милый Георгий Иванович (Питовев. — С.Д.) очень меня ободрял и помогал, но мне так неловко было за мой акцент, и хотя французские актеры были необыкновенно ласковы со мной, я стеснялась репетировать и долго не могла привыкнуть к чужой манере работать, к их взаимоотношениям — актеров между собою и режиссеру» [Германова 2012, с. 240]. М.Н. Германова поясняет, что отношения актеров во Франции более официальные, чем она привыкла в МХТ, у них не принято высказывать режиссеру свое мнение, обсуждать игру другого артиста...

Конечно, после успеха парижских постановок, сыгранных по-русски, актриса очень боялась провала в спектакле на французском языке. Но «верные мои великодушные парижане, — как она пишет, — совсем мне голову вскружили похвалами» [Там же]. Труппа Питоева играла затем «Трех сестер» в Брюсселе, Женеве, Цюрихе, а затем в городах Италии — в Турине, Милане, Флоренции, в Риме. Германова вспоминает забавный эпизод, свидетельствующий, что итальянцы тогда не поняли питоевского Чехова, и одновременно дает трогательную характеристику своей партнерше Людмиле Питоевой, игравшей Ирину: «Когда во втором акте Людмила Питоева говорила с отчаяньем: “Я все, все забываю, я не помню, как по-итальянски окно или вот потолок...”, то из зала раздалось несколько веселых голосов: “Финестра, финестра...” А когда мы с Людмилой начали плакать вместе, а плакали мы по-настоящему — с ней иначе и невозможно, так она искренна и заразительна, то в зале пронесся сдержанный смех... Чеховское нытье, настроение, слезы их нисколько не тронули — просто показались забавными» [Германова 2012, с. 241].

Германова еще сыграла в театре Питоева несколько раз королеву в «Гамлете», но эта роль, судя по ее собственным отзывам, не очень ей удалась, прежде всего из-за сложности звучания шекспировского текста в переводе на французский язык.

Наконец, в 1939 г. М.Н. Германова сыграла в питоевской «Чайке» Аркадину. Интересно, что первоначально эту роль Питовев предназначил французской актрисе Марсель Жениа, начинавшей свою карьеру еще в Петербурге в Михайловском театре с Люсьеном Гитри. Однако чуть позже режиссер решил заменить М. Жениа на М.Н. Германову (см. об этом в статье И.С. Сургучева «М.И. Германова в “Чайке”»). Об этом спектакле оставил пронзительное свидетельство Илья Сургучев: «Я как сейчас вижу: ее и Питоева. Играют “Чайку”. И кто бы мог подумать, что перед нами был лебединый дуэт, последние лебединые песни? Два русских больших актера пели его перед чужими людьми. Кто понял? Кто почув-

ствовал? У кого затрепетала душа? Никто: ни чужие, ни свои» [Сургучев 1940, опубл.: Германова 2012]. Конечно, и Жорж Питоев, которого наконец признали французским режиссером, как и М.Н. Германова, оставались для него, русского эмигранта — своими. Мария Николаевна Германова умерла 9 апреля 1940 г. А несколькими месяцами раньше не стало Жоржа Питоева.

Публикуемое письмо М.Н. Германовой Г.И. Питоеву хранится в фонде Жоржа Питоева в Национальной библиотеке Франции, публикуется по автографу, впервые: BNF, Fonds Georges Pitoëff, Correspondance en langue russe, Lettre de l'actrice Maria Germanova à Georges Pitoëff.

Сокращение

BNF — Bibliothèque nationale française

Литература

- Германова 2012 — *Германова М.* Мой ларец с драгоценностями: Воспоминания, дневники. М.: Русский путь, 2012.
- Гительман 1978 — *Гительман Л.* Чехов у Питоевых и Барро // Русская классика на французской сцене. Л.: Искусство, 1978. С. 95–133.
- Сургучев 1940 — *Сургучев И.С.* О Германовой // Возрождение (Париж). 1940. 19 апр. № 4232. С. 6.
- ТЖП 2005 — Театр Жоржа Питоева. Статьи. Выступления. Интервью. Письма / сост. Н. Жире, пер. с фр. Н. Попова, И. Попов. М.: Кстати, 2005.

М.Н. Германова — Г.И. Питоеву

6 июня 1939 г.

5 rue Denfert-Buchereau
Boulogne s/Seine

Дорогой Георгий Иванович,

Не смогла проститься с Вами как следует, поэтому пишу Вам сейчас. Главное, мне хочется поблагодарить Вас за то, что дали мне работу и возможность поиграть¹. Без театра я как рыба без воды — увядаю и здоровьем и духом.

Бог Вам воздаст за этот хлеб насущный, который вы мне дали моей душе.

Еще хочется мне выразить Вам, как я понимаю Вас и сочувствую Вам в том, что Вы принуждены приостановить спектакли и исполнение роли в самый блестящий момент успеха и достижения². Но, Бог даст, осенью вы вновь заиграете с новыми силами. Эта роль необыкновенно как вошла в Вас. Я думаю, у актеров это бывает два-три раза во всей их карьере. В создании этого образа столько Вашего личного!

Поклонитесь от меня, пожалуйста, Людмиле Яковлевне³. Числа 15-го я поеду полечиться недели на 3 и не смогу опять повидать ее в «Даме с камелиями».

Я помню, в Италии как это было очаровательно⁴. Если бы я Вам понадобилась, дайте мне знать за несколько дней, чтобы успеть приехать. Я так всегда счастлива работать с Вами, и Вы так внимательны и добры со мною. Я это глубоко чувствую.

С дружеской любовью

Мария Германова

¹ Речь идет о роли Аркадиной в спектакле по пьесе А.П. Чехова «Чайка» (1939).

² Из-за болезни сердца Ж. Питовев не мог продолжать играть одну из своих самых блестящих ролей — роль доктора Стокмана в спектакле по пьесе Х. Ибсена «Враг народа».

³ Питоева Людмила Яковлевна (урожд. Сманова) — супруга Ж. Питоева и актриса его театра.

⁴ М.Н. Германова принимала участие в гастроях Театра Жоржа Питоева в Италии. Вероятно, речь идет о гастроях 1929 г. В «Даме с камелиями» Л. Питоева играла главную роль — Маргариты Готье.

**ФИЛОСОФСКОЕ:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ЕГО “НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ”.
145 ЛЕТ ФИЛОСОФУ, 95 ЛЕТ КНИГЕ»

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 5 декабря 2019

Подготовка текста, предисловие, послесловие Н.И. Герасимова

Своеобразный отечественный публикационный бум 1990-х гг. создал к концу к 2010-х гг. иллюзорное представление о том, что большинство ключевых текстов эмигрировавших литераторов, ученых и философов теперь доступны читателям, а значит, уже можно подвести итог: одни русские интеллектуалы по своей природе были успешными, а другие — нет. Успех, таким образом, часто понимался как совокупность положительных и отрицательных отзывов — т.е. об авторе говорят, его замечают, о нем спорят. За мнимой очевидностью идеи успеха всегда таится ложное понимание исторических событий с точки зрения социального детерминизма, когда философ или литератор успешен лишь потому, что его читают. Переводы и переиздания сочинений того или иного мыслителя становятся количественным индикатором успеха и своего рода персональной культурной доминации.

Каждое научное мероприятие, посвященное Н.А. Бердяеву, в очередной раз поднимает проблему успеха: почему русскому эмигранту удалось стать всемирно известным философом и что, возможно, помешало ему превратиться в классика философии уровня М. Хайдеггера, О. Шпенглера, Ж.-П. Сартра и других современников [Бадовский 2015, Михайлов 2017]. С одной стороны, ему посчастливилось встать у истоков персонализма и экзистенциализма, с другой — его имя не так известно в мире, как имена тех, на кого он повлиял прямо (Э. Мунье, Ж. Маритен) или косвенно (А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.). Виною ли тому, что Н.А. Бердяев, желая быть услышанным в мире, в то же время был одной из ключевых фигур русской диаспоры первой половины XX в.? Если это так, то почему, например, И.А. Бунин, не разрывая связи с культурой русского зарубежья, стал классиком мировой литературы? Проблема успеха таит в себе еще более важный вопрос: если философ или литератор был успешен, то что собой представляет его влияние на других? Было ли это влияние массовым или направленным на определенные социальные группы? Посредством чего это влияние происходило? Только ли дело в сочинениях?

Друг Н.А. Бердяева Л.И. Шестов писал: «Бердяев является несомненно первым из русских мыслителей, умевших заставить себя слушать не только у себя на родине, но и в Европе» [Шестов 1938]. Один из первых отечественных исследователей

творчества русского философа В.А. Кувакин¹ замечает, что «Бердяев принадлежит к разряду выдающихся мыслителей российской и мировой философии» [Кувакин 2006, с. 429]. Заслуги Н.А. Бердяева признают не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Ч.Ф. Копплстон в своей книге «Философия в России (от Герцена до Ленина и Бердяева)» писал, что «Бердяев, несомненно, наиболее широко переводимый и читаемый из русских философов в изгнании» [Копплстон 1998, с. 160]. Известный британский историк философии прав — Н.А. Бердяев относится к числу тех эмигрантов, кто получил всемирное признание. Вместе с тем, как и почему это произошло — до конца неизвестно. Тезис «Это понятно. Его философия антропоцентрична, он ищет смысл жизни; он подходит к философским проблемам через их значение и отношение к человеческому существованию» [Там же] для современного научного сообщества является не более чем общим местом. Любая попытка «говорить» от лица массового читателя первой половины XX в., даже используя метод эмпатии В. Дильтея — не более чем мысленный эксперимент. Предположение Д.Б. Ричардсона, что в XX в. в силу объективных политических причин философия истории была востребована как никогда, а наблюдаемый в работах Н.А. Бердяева синтез историософии и философии жизни (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше) был новаторским решением в изобретении экзистенциального прочтения исторических событий [Richardson 1968, p. 90–137], является типичным примером решения вопроса о бердяевском успехе посредством обращения к эволюции философского знания в ее сопряжении с политической историей как целым. Такой подход, безусловно, нужен, однако и он не в силах решить проблему. Историко-филологическое исследование Т.В. Марченко, проясняющее «нобелевский» сюжет в интеллектуальной биографии русского философа, стоит считать одним из важных прорывов в изучении Н.А. Бердяева как самостоятельного духовного феномена своего времени [Марченко 2017, с. 442–473]. На примере «нобелевского дела» мыслителя мы видим, что экспертное мнение часто страдает оценочными суждениями, в основе которых преобладает вкусовщина — то, что нравится одному, совершенно не нравится другому. Вместе с тем мы видим силу идеи, когда она завладевает человеком. Шведский философ А. Нюман в течение нескольких лет боролся за то, чтобы творчество Н.А. Бердяева получило высокую оценку со стороны Нобелевского комитета. Знал ли об этом сам Н.А. Бердяев? Нет. Русский философ, если верить его собственным воспоминаниям, владел информацией на уровне слухов.

Выход в свет книги «Новое средневековье. Рассуждения о судьбе России и Европы» (1924) ознаменовал новый этап в творческой эволюции Н.А. Бердяева. Только при жизни автора это небольшое сочинение в жанре философского эссе было переведено на 14 языков. В 1920–30-х гг. оно ценилось не менее, чем «Закат Европы» (1918) О. Шпенглера. Книга, полная одновременно и эсхатологии, и надежды на будущее, не только прославила своего автора в западноевропейском мире, но и во многом позволила состояться судьбоносному знакомству — Н.А. Бердяева с П. Андерсоном, секретарем англо-американской протестантской

¹ Автор первой научной монографии в СССР, посвященной философии Н.А. Бердяева: [Кувакин 1976].

организации YMCA. Именно YMCA в дальнейшем спонсировала большую часть творческих проектов русского философа, предоставив ему руководить издательством «YMCA-Press» и издавать русскоязычный философский журнал «Путь». В философском смысле «Новое средневековье» нельзя назвать самым удачным произведением мыслителя, но именно оно определило его дальнейшую жизнь в эмиграции.

Поразительно, но русскоязычных научных биографий Н.А. Бердяева не так много по сравнению с количеством историко-философских, историко-культурных и философско-правовых исследований его творчества. Жизнь русского философа как целое рассматривается в отечественных монографиях А.В. Вадимова [Вадимов 1993], О.Д. Волкогоновой [Волкогонова 2010] и Н.И. Герасимова [Герасимов 2019]. В период 1993–2019 гг. было выпущено всего три биографии². Вместе с тем только за 2019 г. системой elibrary.ru зафиксировано 100 научных публикаций³, в которых так или иначе осмысляется не жизнь, а идеи русского мыслителя⁴. Для академического сообщества не секрет, что история жизни русского философа-эмигранта полна трагических, авантурных и загадочных сюжетов, требующих пристального внимания со стороны современных ученых. Почему же исследователи склонны в большей степени изучать концепции Н.А. Бердяева, а не историю его жизни? Частичный ответ дает сам русский философ в «Самопознании» (1949), книге, написанной в нетривиальном жанре экзистенциальной автобиографии. Н.А. Бердяев стремился создать философию, предметом которой была бы сама жизнь человека, а не смысл бытия (М. Хайдеггер) или смысл истории (О. Шпенглер). В своем стремлении он дошел до крайних пределов сближения философии и публицистики, в основе которой, как нетрудно догадаться, лежал непосредственный экзистенциальный опыт переживания всех исторических событий, начиная с Первой мировой войны, продолжая русской революцией, заканчивая становлением русской интеллектуальной диаспоры в Европе в 1920–30-х гг. Многие эмигрантские сочинения философа часто выполнены в жанре развернутого эссе, потому что так легче всего осмысливать отвлеченные интеллектуальные сюжеты через личные экзистенциальные акты переживания (чувство абсурда, ощущение «обреченности на свободу» и т.д.). При внимательном чтении текстов Н.А. Бердяева, особенно в период его эмиграции, у исследователя невольно может сложиться впечатление, что речь идет, к примеру, не только о тех или иных метафизических и историософских идеях, но и о том, как интимно эти идеи переживает сам автор. Философские статьи мыслителя часто полны разного рода отступлений,

² Вышедшую в 2001 г. книгу О.Д. Волкогоновой «Н.А. Бердяев: Интеллектуальная биография» стоит понимать как текст, который после ряда несущественных дополнений был выпущен в 2010 г. отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», см.: [Волкогонова 2010]. Научные комментарии к публикациям писем Н.А. Бердяева (например, [Барас 1981]) хоть и представляют несомненную ценность, все же не являются результатом исследования жизни Н.А. Бердяева как целостного феномена.

³ К числу наиболее выдающихся научных публикаций по теме в 2019 г. относятся работы [Антонов 2019; Апинтилиесей 2019].

⁴ URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обрац. 11.06.2020).

в которых осмысливаются его личные отношения с людьми и миром⁵. Таким образом, есть основания предполагать, что у многих историков философии вполне может быть представление о философских текстах Н.А. Бердяева как о «зеркале» его собственной жизни. В таком случае ценность интеллектуальной биографии мыслителя может показаться заметно меньше по сравнению с биографиями его коллег-современников, которые стремились разделять в своем творчестве философию и собственные личные размышления о счастье, одиночестве и любви (Э. Гуссерль, Б. Рассел и др.). Изучение биографии и философии Н.А. Бердяева — задача сложная. В помощь исследователю идет все: и эпистолярное наследие мыслителя, и обширная научная историография, и даже художественная литература [Макушинский 2020].

Н.А. Бердяев — сложный для философского осмысления феномен. Нельзя с точностью сказать, что стало причиной успеха сочинений русского философа. Очевидно только одно — Н.А. Бердяев относится к такому типу мыслителей, изучение творчества которого требует особой исследовательской оптики. Возможно, при рассмотрении этой проблемы уместно говорить о схожем со структурным «микро-анализом» М. Фуко исследовательском подходе, когда концептуальные и биографические сюжеты сквозь призму вполне небольшой предметной области проясняют целый спектр интересующих нас вопросов. Не стоит забывать и об онтологической герменевтике М. Хайдеггера, предлагающей осмысливать то или иное явление через соотнесение целого и части. Применительно к творчеству Н.А. Бердяева — корпус сочинений мыслителя, культурная эпоха, в которую этот корпус создавался, а также отдельно взятое произведение. Несмотря на то что в 2019 г. было проведено не одно научное мероприятие, посвященное жизни и творчеству русского философа⁶, инициативная группа литературно-философских собраний «Отражения» тоже решила продолжить эту линию встреч и организовать круглый стол, в рамках которого обсуждалось конкретное сочинение Н.А. Бердяева в контексте других его философских работ. По ряду причин, о которых можно узнать из стенограммы заседания, было выбрано «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924). Приведенный ниже текст лишний раз доказывает, что дискуссионность вопросов, которые поднимает в своих работах Н.А. Бердяев, — обратная сторона его философского таланта.

⁵ «Меня часто плохо понимают и моему мирозерцанию дают самые противоположные характеристики. В этом виноват, вероятно, и я сам. Я объясняю непонимание тем, что я мыслю антиномиями, противоречиями, парадоксами, трагическими конфликтами. Делаю я это вследствие моего абсолютного убеждения в том, что лишь антиномически-парадоксальное мышление соответствует структуре мира и даже глубине бытия. Поэтому невозможно мыслить о мире ни исключительно пессимистически, ни исключительно оптимистически. Должен прибавить во избежание недоразумений, что я не богослов, я философ и язык мой иной, чем язык богословский» ([Бердяев 1935, с. 31]).

⁶ Круглый стол «Николай Бердяев: Sub specie aeternitatis. (К 145-летию выдающегося русского философа XX в.). Минск (Республика Беларусь). Институт философии НАН Беларуси. 23 апреля 2019 г.; Выставка «Николай Бердяев: 145 лет со дня рождения». Москва. Российская национальная библиотека. 15 марта — 14 апреля 2019 г.; Круглый стол «Сын свободы. Вечер памяти Николая Бердяева. К 145-летию со дня рождения». Москва. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 28 марта 2019 г.

Литература

- Аляев, Резвых, 2017 — *Аляев Г.Е., Резвых Т.Н.* «Одно и то же зло кроется в стремлениях противоположных партий». Два неизвестных доклада Семена Франка о России и революции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 1. С. 148–160.
- Антонов 2019 — *Антонов К.М.* Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н.А. Бердяева // Философия религии: аналитические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 57–78.
- Апинтилиесей 2019 — *Апинтилиесей К.К.* «Личность» и «Общение»: от Бердяева к Мунье // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 132–141.
- Бадовский Д.В. 2015 — *Бадовский Д.В.* К читателю. Третий форум «Бердяевские чтения 2015» в Калининграде // Полис: Политические исследования. 2015. № 3. С. 7–11.
- Барас 1981 — *Барас Д.* Письма молодого Бердяева // Память: Исторический сборник. Вып. 4. Париж: YMCA, 1981. С. 211–248.
- Бердяев 1935 — *Бердяев Н.А.* О христианском пессимизме и оптимизме // Путь. 1935. № 46.
- Бердяев 1994 — *Бердяев Н.А.* Новое средневековье // Николай Бердяев: Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 544.
- Бицилли 1917 — *Бицилли П.М.* Основы социализма. Одесса, 1917. 45 с.
- Богданов 1903 — *Богданов А.А.* Новое средневековье // Образование. 1903. № 3. С. 1–28.
- Богданов 1906 — *Богданов А.А.* Из психологии общества. 2-е изд. СПб.: Паллада, 1906.
- Вадимов 1993 — *Вадимов А.В.* Жизнь Бердяева: Россия. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 с.
- Волгогонова 2010 — *Волгогонова О.Д.* Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010. 388 с.
- Герасимов 2019 — *Герасимов Н.И.* Николай Бердяев, 1874–1948. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2019. 96 с.
- Иванов 1971 — *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 7 т. Брюссель, 1971. Т. 2. 807 с.
- Исход к Востоку 1921 — Исход к Востоку. Предчувствия и свершения / ред. П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский. София, 1921. 125 с.
- Коплстон 1998 — *Коплстон Ф.Ч.* Философия в России (от Герцена до Ленина и Бердяева) / пер. Е.Н. Бутузкиной // История философии. 1998. № 2. С. 160.
- Краснов 1922 — *Краснов П.Н.* За чертополохом: Фантастический роман. Берлин: О. Дьякова, 1922.
- Кувакин 1976 — *Кувакин В.А.* Критика экзистенциализма Бердяева. М.: Изд-во Моск. унта, 1976.
- Кувакин 2006 — *Кувакин В.А.* Мыслители России: Избранные лекции по истории русской философии. М.: Рос. гуманист. об-во, 2006. 480 с.
- Макушинский 2020 — *Макушинский А.А.* Предместья мысли. Философическая прогулка. М.: Эксмо, 2020. 212 с.
- Марченко 2017 — *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 673 с.
- Мать Мария 2019 — *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.)*. Россия и эмиграция: Жития святых; Религиозно-философские очерки; Ранняя публицистика; Письма и записные книжки / сост. Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой, Н.А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н.В. Ликвинцевой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2019. 808 с.
- Михайлов 2017 — *Михайлов Р.В.* Миссия России в Азии: «Бердяевские чтения» во Владивостоке // Полис: Политические исследования. 2017. № 3. С. 179–191.
- Стендаль 1978 — *Стендаль А.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 9. М.: Правда. 1978. 154 с.
- Трубецкой 1929 — *Трубецкой Н.С.* У дверей. Реакция? Революция? // Евразийский сборник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 18–29.

- Шенталинский 1990 — *Шенталинский В.* Удел величия // Огонек. 1990. № 45.
- Шестов 1938 — *Шестов Л.И.* Николай Бердяев (гнозис и экзистенциальная философия) // Современные записки. 1938. № 67. С. 196–230.
- Эко 1994 — *Эко У.* Средние века уже начались / пер. с итал. Е. Балаховской // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 257–268.
- Clement 1991 — *Clement O.* Berdiaev — Un philosophe russe en France. P.: Desclée de Brouwer, 1991. 241 p.
- Reisman 1961 — *Reisman G.* The Revolt Against Affluence: Galbraith's Neo-Feudalism. N. Y.: The Objectivist Inc., 1961. P. 1–7.
- Richardson 1968 — *Richardson D.B.* Berdyaev's Philosophy of History: An Existentialist Theory of Social Creativity and Eschatology. Hauge: Martinus Nijhoff Publishers, 1968. 192 p.
- Vacca 1971 — *Vacca R.* Il medioevo prossimo venturo. Milan: Arnoldo Mondadori Editore, 1971. 204 p.
- Weil S. Attente de Dieu. P.: Fayard. 2005. 256 p.

Участники круглого стола:

Герасимов Николай Игоревич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Марченко Татьяна Вячеславовна — доктор филологических наук, заведующий отделом культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Ермишин Олег Тимофеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Гачева Анастасия Георгиевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького, главный библиотекарь Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова

Ликвинцева Наталья Владимировна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Ермишина Ксения Борисовна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Макарова Анна Федоровна — научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Гришатова Юлия Федоровна — аспирант кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Васильева Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Барашков Виктор Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Дамте Давид Соломонович, кандидат философских наук, научный редактор издательства «Дело» РАНХиГС

Н.И. Герасимов

Сегодняшний вечер посвящен Николаю Александровичу Бердяеву, которому в этом году исполнилось 145 лет. 145 лет философу исполнилось, конечно, не в декабре, а в марте, но мы решили сфокусироваться не только на самой личности Николая Александровича, но и на его отдельной книге. Эта книга небольшая. Речь идет о «Новом средневековье». Немного о причинах выбора книги для обсуждения: во-первых, эта книга стала отправной точкой в эволюции взглядов Нико-

лая Александровича как философа мирового значения, во вторых — мы мыслили чисто технически и прагматически, ведь книга небольшая, многие ее если и не читали, то точно слышали о ней, а если не слышали, то наверняка где-то встречали цитаты. Коллеги поддержали мою идею — и мы вот так своеобразно решили отметить день рождения Николая Александровича Бердяева. В конце декабря, да, но это символично, потому что сегодня речь пойдет о сумеречном — поэтому провозжать 2019 г. лучше всего с книгой про «новое средневековье».

Т.В. Марченко

Или начинать новый год!

Н.И. Герасимов

Да! Или начинать новый год! Пожалуй, уйду от общих слов к своей небольшой презентации. Я сейчас буду говорить в меньшей степени о Николае Александровиче Бердяеве, потому что о нем сегодня еще обязательно пойдет речь. Мною подготовлен небольшой доклад «Новое средневековье: очень короткая история идеи». Понятно, что в рамках 5–10 минут рассказать о самой идее «Нового средневековья» невозможно, но, тем не менее, в общих чертах наметить общий концептуальный контур все же нужно. Ключевое слово в названии моего доклада — «очень». Когда мы планировали сегодняшний вечер, то решили, что концепт «Нового средневековья» представим все-таки как нечто имеющее отношение к современности, а не как философскую эфемериду, которая странным образом возникла в начале XX в., а потом так же странно испарилась. Нет, мы хотели актуализировать это понятие, показать на его примере, что многое из культурного наследия русской эмиграции отражается в нашей современной жизни, во всем, что мы видим вокруг: в литературе, философии, публицистике и даже массовой культуре. После этой необходимой прелюдии перехожу к обсуждаемому сочинению.

В беспокойное время рубежа XIX–XX вв. многие русские философы увлекались марксизмом. Н.А. Бердяев, разумеется, не был исключением. Он только-только начал карьеру публициста и мыслителя с социал-демократическими взглядами и тут же, вполне логично, стал жертвой политических репрессий. Николай Александрович участвовал в большой студенческой демонстрации в Киеве в 1897 г. Даже если вы легальный марксист¹, как Н.А. Бердяев, вы обязательно рано или поздно попадете под прицел жандармского управления. Так произошло и с нашим героем — за совокупный вклад в популяризацию марксизма на территории Российской империи юный мыслитель был приговорен к ссылке в Вологду. В Вологде он встречается с А.А. Богдановым и А.В. Луначарским. Сосланные в небольшой город революционеры и интеллигенты, симпатизирующие социализму, не скучали — они упражнялись в искусстве философского диспута. Ненавидящий уже тогда пози-

¹ Легальный марксизм — общественно-политическое течение русского марксизма 1880–1905 гг., представители которого публиковались в разрешенной правительством печати. Приветствуя реформизм, но отвергая революцию, легальные марксисты предлагали использовать социально-экономическую концепцию К. Маркса для изучения существующих в России общественных проблем. К числу влиятельных представителей этого течения относились С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве.

тивизм Н.А. Бердяев выступил против А.А. Богданова и А.В. Луначарского, которые к позитивизму относились терпимо (но не без доли критики). К сожалению, в те годы Николай Александрович еще не обладал тем развитым этико-эстетическим чувством, которое будет его спасать всю дальнейшую жизнь. Его попытки защитить антипозитивистскую позицию разбивались банально о незнание фактического материала. Позднее Н.А. Бердяев там же, в ссылке, уходит в сторону от марксизма и находит себя заново в литературно-философских дискуссиях (где уже начинали обсуждаться проблемы идеализма). В 1903 г. в журнале «Образование» А.А. Богданов публикует свою статью «Новое средневековье», критический очерк в адрес философии Н.А. Бердяева [Богданов 1903]. В 1906 г. этот текст был расширен и помещен в книгу «Из психологии общества» [Богданов 1906]. О чем была эта брошюра? А.А. Богданов рассуждает, что вот были два марксиста — Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков; почему-то они решили пойти по пути религиозного идеализма; что это за новое средневековье? По А.А. Богданову, религиозный идеализм — это нечто несовременное, аксиологически противоположное прогрессу. Интерес к идеализму в эпоху стремительного развития науки и марксистской философии для человека XX в. аномален. Средневековье, «новое» оно или «старое», есть синоним тьмы человеческого незнания. Интерес Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова к идеалистической философской традиции А.А. Богданову просто непонятен.

Пару слов стоит сказать о том, как понимают Средневековье П.А. Флоренский и С.Л. Франк. П.А. Флоренский выступает с критикой религиозного номинализма (на стороне реализма), подражая средневековым трактатам, в которых осмысливалась проблема универсалий². Себя он называет человеком средневекового типа. Действительно, П.А. Флоренский разделяет людей на тех, кто по своей натуре принадлежит к Средневековью, и на тех, кому ближе Ренессанс. Человек средневекового типа восхищается иерархией и красотой замкнутых сообществ. Средневековой культуре свойственны синтетичность, коллективность, в то время как культура Ренессанса превозносит идеалы индивидуализма и аналитического знания [см.: Шенталинский 1990, с. 26]. В сочинениях С.Л. Франка нет подобных рассуждений, зато есть концепция конца новой истории, после которой начнется новая эпоха, аксиологически противоположная новоевропейской культуре. Разумеется, Николай Александрович не был первопроходцем, но именно его «маленькая скромная брошюрка», вышедшая в 1924 г., стала отправной точкой в стремительном развитии концепции «нового средневековья». В том же году П. Андерсон, представитель YMCA, предлагает Н.А. Бердяеву сотрудничество, а позднее и материальную поддержку. Английские и американские протестанты видят в русском философе человека, который поможет им наладить диалог с эмигрировавшими из России литераторами, мыслителями и богословами.

Очевидно, что «Новое средневековье» не является антиутопией (или утопией) в литературном смысле слова. Вместе с тем лежащие в ее основе идеи вполне

² Проблема универсалий — центральная проблема теологических дискуссий западноевропейской схоластики IX–XIV вв. Реалисты утверждали, что объективно существуют сущности, которые обобщают и наделяют реальностью окружающие нас вещи, в то время как номиналисты признавали самостоятельную реальность единичных вещей, понимая под универсалиями лишь понятия и термины, а не сущности.

могли вдохновлять писателей-фантастов. Первое (1932) издание книги О. Хаксли «О дивный новый мир» любопытно тем, что в эпиграфе мы читаем знакомые строки из «Нового средневековья»: «Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления <...> Утопии осуществимы. <...> Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее “совершенному” и более свободному обществу» [Аляев, Резвых, 2017, с.150]. Несмотря на то что Николай Александрович сам вряд ли бы когда-нибудь решился написать нечто подобное художественным прозрениям О. Хаксли, Р. Брэдбери или Дж. Оруэлла, смею предположить, что свой вклад в жанр антиутопии, хоть и косвенно, он все же сделал. Несколько десятилетий образ Средневековья как инструмент анализа современности не используется в интеллектуальной культуре.

Однако в 1971 г. ситуация меняется. Выходит в свет работа Р. Вакка «Ближайшее средневекового будущего» [Вакка 1971], в котором итальянский мыслитель говорит о «кризисе больших систем», свойственных Новому времени, что именно этот кризис приведет нас к отказу от больших проектов (мировая революция, научно-технический прогресс и т.д.) в пользу небольших социокультурных структур. Монашеская, изолированная от внешнего мира община станет моделью будущих интеллектуальных сообществ, где будет происходить «консервация знания». Что имеется в виду? Р. Вакка считает, что основное свойство будущего мира — перманентные катаклизмы. В таких условиях никакой светский университет не сможет сохранить накопленные человечеством знания. Лишь сеть небольших сообществ, ставящих перед собой цель, в первую очередь, защиты знания, а не его преумножения. Только они смогут выжить в качестве интеллектуальных центров. В 1994 г. У. Эко пишет большое эссе «Средние века уже начались» [Эко 1994] как ответ на работу Р. Вакка. В ней он критикует пессимизм итальянского мыслителя, полагая, что:

— наша современность уже движется к средневековью. Из наблюдаемых культурных процессов вовсе не выводится эпоха катаклизмов.

— средние века настанут, только когда мы сами сконструируем формирующую их социально-политическую реальность.

Близкая к идее «нового средневековья» концепция неофеодализма, представленная работами социологов Дж. Гэлбрэйта³, И. Валлерстайна⁴ и К. Ширинга⁵,

³ Гэлбрэйт Джон Кеннет (Galbraith; 1908–2006) — канадский экономист и социолог. Представитель посткейнсианской традиции в экономической науке. Исследователь эволюции экономических институтов и технологий. Автор таких научных трудов, как «Американский капитализм» (1952), «Новое индустриальное государство» (1967). Концепция неофеодализма Дж. Гэлбрэйта не раз подвергалась критике со стороны американских социологов (см.: [Reisman 1961]).

⁴ Валерстайн Иммануил Мариус (Wallerstein; 1930–2019) — американский социолог, 13-й президент Международной социологической ассоциации (1994–1998). Представитель постколониальной теории. Коллега и друг таких левых интеллектуалов, как Н. Хомский и Ш. Бурдьё. Интерпретировал современный капитализм как новый виток в развитии феодализма. Автор работы «Современная мировая система» (1974).

предлагает описывать современность, используя тот терминологический аппарат, который мы обычно используем при разговоре о социально-экономической структуре средневекового общества. Если попытаться сформулировать основные идеи такой нетривиальной социологической теории и попытаться уместить их в несколько тезисов, то получится следующее:

— «изнанка» современного мира таит в себе социальные механизмы, устроенные по модели средневековых институтов;

— с каждым годом мы видим, как обесценивается идея гражданства. Все больше и больше охрана общественного порядка воспринимается как услуга, а не как гражданская ответственность.

— корпоративная этика больших фирм эволюционирует в сторону этики вассальной зависимости. Дочерние компании подчиняются «центру», как графы и бароны королю.

— политическая элита играет все большую роль в политической жизни. Демократические институты, созданные в Новое время, уже не могут остановить этот процесс.

Эстетику «Нового средневековья» можно наблюдать и в романах В.Г. Сорокина («День опричника», «Теллурия»). Литератор описывает мир, в котором будущая Россия отказалась от демократических ценностей в пользу монархии. В этом странном сюрреалистическом мире силовые структуры трансформировались в отряды опричников, а субъекты федерации — в вассальные княжества. Японский литератор И. Хэдзима в своей фантастической манге⁶ «Атака титанов» описывает борьбу людей, выживших после загадочной глобальной катастрофы, с титанами, антропоморфными существами, наделенными огромной силой и ростом, но не обладающими сознанием. Метафорическим образом И. Хэдзима показывает борьбу средневековья с ренессансом. Американский фантаст Дж. Мартин в знаменитом бестселлере «Песнь льда и пламени» также обращается к средневековой эстетике. В его художественной вселенной мы видим противостояние цивилизованных людей, построивших большую стену, с «одичалыми», т.е. варварами. Сам Дж. Мартин неоднократно признавался в том, что его вдохновила история строительства вала Адриана, защищавшего территорию Римской империи в Британии от народов Шотландии.

На этом я бы хотел закончить свой доклад, немного отойти в сторону от «Нового средневековья» и наконец-то обратиться к личности Николая Александровича Бердяева. С удовольствием передаю слово Татьяне Вячеславовне Марченко,

⁵ Ширинг Клиффорд (Shearing) — современный австралийский социолог, преподаватель школы социологии и криминалистики в университете города Гриффит (Griffith), Австралия. Специалист в области экологической политики и урбанистики. Автор таких работ, как «Новая структура полицейской деятельности: описание, концептуализация и программа исследований» (2001) и «Новое экологическое управление» (2012).

⁶ Манга (яп. 漫画, マンガ, manga) — жанр японских комиксов, активно стал развиваться после Второй мировой войны, часто позиционируется в современной культуре как вариант серьезной графической новеллы (автор текста и художник выступают в одном лице).

доктору филологических наук, заведующей отделом культуры российского зарубежья, куратору литературно-философских собраний «Отражения».

Т.В. Марченко

Спасибо большое! Мы действительно начали нетрадиционно, но Николай Игоревич очень удачно передал мне слово. Обычно мы начинаем наши собрания с того, что я с радостью демонстрирую новую книгу, которая вышла из недр нашего отдела, автором или публикатором которой является наш сотрудник. Удивительная традиция: что ни неделя, то собрание, а что ни собрание — то новая книга, а сотрудников-то всего семь человек. Работа — огромная: собрать материал, структурировать, откомментировать, проанализировать, — идет словно буквально «в недрах», когда интеллектуальными центрами становятся наши домашние компьютеры. Многих книг или серийных изданий мы ждем годами, на книгу уходит порой десятилетие, и отрадны такие урожайные годы, когда труды наконец воплощаются в книги. Вот мы дождалась выхода второго тома собрания сочинений матери Марии [Мать Мария 2019]. Специально открываю его на странице, где изображены мать Мария, Николай Бердяев и о. Стефан Цанков. Наталья Владимировна Ликвинцева, составитель и автор комментариев, сама расскажет о письме, которое связывает ее героиню и героя сегодняшнего нашего вечера.

Я сейчас слушала Николая Игоревича и как литературовед, и как историк литературы русского зарубежья. Я никогда не думала ТАК о «Новом средневековье», но если о нем нужно подумать ТАК, то я тоже скажу пару слов до того, как внесу свою лепту по плану. Слушая про все это, подумала: «Как же! “Чертополох” генерала Краснова! [Краснов 1922]⁷. Наверное, это тогда же — в 1920-х гг.?». Проверила! Написано в 1921 г. До книги Бердяева. Там не лезут за вал Адриана, а отгораживаются непроходимой стеной чертополоха в своем мире, как сейчас говорят исследователи, ретро-традиционализма. Краснов оперирует не историческими понятиями, а фольклорными: «Это граница старой царской Московии. Куда ушла она теперь? И не сторожевые башни, не крепости и городки с ратными людьми охраняют ее, но густые заросли чертополоха, змеи и ядовитые мухи. В сказочное царство, духами охраняемое, в царство, где на стороже стоит чешуйчатый Змей-Горыныч, идти нужно с мечом-кладенцом, чтобы рубить ему головы» [Краснов 1922, С.54]. Устрашающий чертополох отгораживает национальный русский рай, где, разумеется, главное — не кокошники и сарафаны, а особое мироустройство: «В России <...> по Богу живут, по любви. И есть у нас Царь». Впрочем, лубок

⁷ Жанр этого сочинения весьма своеобразен, его можно определить как лубочную утопию. Иногда встречающееся определение «антиутопия» к книге Краснова никак не подходит, ибо он изображает идеал — Россию, отрезанную от остального мира и существующую как традиционалистская, патриархальная православно-монархическая община. Эту «Россию для русских» можно условно назвать идеализированным средневековьем, возвращением к временам феодализма, но без драматических черт этой формации. Судьба России в красновском романе изменилась после природных катаклизмов — засухи и голода — и страшной эпидемии. С карты мира Россия исчезла: «На карте, на месте бывшей Российской империи, теперь изображается черное пятно, и на нем красными буквами написано: “Чума”, — пишет Краснов. — Вот что говорит нам история. Громадное великое племя погибло бесследно». В мире считают, что Россия «вымерла и стала кишеть болезнетворными микробами».

Краснова слишком далеко уведет нас от метафизики Бердяева, и все же одновременность художественных и философских поисков русских эмигрантов в одном историко-культурном поле симптоматична.

Сейчас читаю «Рим, Неаполь и Флоренция» Стендаля. Поражаясь великим достижениям Италии в литературе, живописи, музыке, питающим всю европейскую культуру, французский писатель утверждает: «Этот божественный пламень зажжен был некогда свободой и героическими нравами средневековых республик» [Стендаль 1978, с. 7]. Очевидна не просто позитивная оценка творческого потенциала нации, раскрытого в средневековье, но восторженное преклонение перед средневековьем: это не темные, мрачные века, это аккумуляция творческих и интеллектуальных сил, это рассвет, вызревание нового, небывалого дня, сгусток необыкновенной энергии, время титанов с пламенными душами. Вдруг у Стендаля увидела удивительную, неожиданную для себя фразу о том, что, пожалуй, самое интересное, что было в человеческой истории, — это Средневековье. Не Возрождение, не Просвещение, а именно Средние века. Написано два столетия назад, но кем и в какое время? После Великой французской революции, после Наполеоновских войн, к которым писатель имел непосредственное отношение — с армией Наполеона он побывал и в Москве. То есть и он из тех, кто пережил «моменты роковые», взрыв в поступательном развитии истории, события страшные, трагические, изумительные. Стендаль — человек с очень перспективными взглядами, он видит очень далеко и назад, и вперед, и видит, кстати, нераздельность средневекового насилия и средневековых идеалов.

Верная своему предмету — литературе, я вам сейчас представлю одного поэта, голос которого мы с вами будем слушать. Это голос «оттуда», из русского Парижа. Как мы сейчас собрались с вами в доме на Таганке, так некогда в Кламаре, в доме Николая Бердяева, тоже собирались люди, дискутировали, общались, после войны ряды эмиграции так поредели, что живые встречи были необходимы как воздух, особенно со «старшими», их осталось совсем мало, они уходили: Бунин, Ремизов, Бердяев. Был такой поэт в русском зарубежье — Игорь Чиннов⁸. В некоторой части своих воспоминаний он говорит, что его причисляют к «поздней парижской ноте», и оспаривает это: «Какая же я поздняя парижская нота? Я вообще парижская нота». Я бы сказала, что он связан с акмеизмом, из которого и вышла парижская нота. Игорь Владимирович Чиннов родился в 1909 г. Из объятый революцией Санкт-Петербурга его родители перебрались в Ригу, откуда и были родом. Там будущий поэт благополучно окончил гимназию, затем — университет и стал юристом. Я опущу очень сложный период, когда Латвия входит в состав Советского Союза. Затем война (во время нацистской оккупации И.В. Чиннов оказался в концлагере). После освобождения ему удалось переехать в Париж, где он познакомился с теми самыми поэтами «парижской ноты» — уже очень немолодыми. Но и он уже не юноша, и потому легко вливается в их — не столько объединение, сколько поэтическое товарищество. Когда он уезжал из Старого Света в

⁸ Чиннов Игорь Владимирович (1909–1996) — русский поэт-эмигрант. Публиковался в журнале «Числа» (1933). Во время Второй мировой войны воевал в составе американской армии на территории Франции. Работал юристом.

Америку, почти никого из поэтов русского Монпарнаса уже не было в живых. А в 1991 г. Чиннов посетил Россию. Тут же попадает в профессиональные дружеские объятия директора Института мировой литературы им. Горького Феликса Фео-досьевича Кузнецова, дочь которого, Ольга Феликсовна, отправилась к И.В. Чиннову за океан, где он передал через нее в дар ИМЛИ свой архив (он хранится в Кабинете Игоря Чиннова), а потом помогла ему провести лето на подмосковной даче. Ее осенила блестящая, драгоценная мысль — записать на магнитофон то, что Чиннов может вспомнить и рассказать. О.Ф. Кузнецова не столько интервьюировала, сколько направляла поток памяти Игоря Владимировича в то или иное русло. Человек другой эпохи и одновременно наш современник, он захаживал запросто к Бердяеву (впрочем, его ввел Г.В. Адамович) и жил на даче под — тогда еще — Загорском. Абсолютно трезвая голова! Потрясающий русский язык! Ольга Феликсовна Кузнецова специально для нашего заседания оцифровала запись, существовавшую до последнего времени только на аудиокассетах, и любезно предоставила нам для прослушивания. Игорь Чиннов говорит о Николае Бердяеве, с которым он встречался в 1946 г., — мы услышим его рассказ о русском философе, необычайно живом в этом живом рассказе⁹. Хочу вместо вводных слов прочитайте стихотворение Игоря Владимировича, не лучшее, быть может, но более всего подходящее для сегодняшнего вечера¹⁰:

В металлический мир кибернетики
Мы входить не должны, не должны.
У весенней волны Адриатики
Мы возьмем голубые билетки
На концерт облаков и луны.

Я не очень люблю Аристотеля,
Больше верю в Творца Вседержителя,
Но боюсь (это грех или бред?),
Что в минуту решат вычислители
Все о Боге, о зле и добре.

Обо всех чудесах мироздания,
О неясном загробном свидании
И о том, почему и зачем
Мы в задумчиво-смутном волнении
На высокие звезды глядим.

А сейчас мы послушаем самого Игоря Владимировича. Я знакома с Ольгой Феликсовной, она — с Игорем Чинновым, а он — с Николаем Бердяевым. Два рукопожатия отделяют нас от героя нашего сегодняшнего собрания.

⁹ Мы выражаем глубокую признательность О.Ф. Кузнецовой за возможность процитировать устные воспоминания И.В. Чиннова, пока не опубликованные, в этом материале.

¹⁰ Стихотворение «Георгию Раевскому».

Из рассказа И.В. Чиннова:

«Над его домом развивался красный флаг. Каждое воскресенье в доме разные “коммунисты” говорили о том, что Сталин — душечка...»

«Николай Александрович был “коммунистом”, потому что большевики когда-то проповедовали социальную справедливость. Капитализм никогда такую справедливость не проповедовал».

«Мы, конечно, говорили о Боге и о свободе. Это был конек Николая Александровича. Свобода — не право, а обязанность человека. Человек как сын Божий (якобы созданный по образу и подобию Божьему) обязан о себе заявить...»

«Конечно, манеры... Он был аристократом. Со стороны матери — благородный род, который был в тесной связи с французскими королями. Едва ли не с Каролингами. Очень самовлюбленный человек! И потом он написал книгу о себе. Не помню, как она называется»¹¹.

«“Философия неравенства” — это была его лучшая книга».

«Его было лучше читать. У него был такой казус — <во время разговора> мог вылезти язык. Тогда он доставал снежный платок. Постепенно удалял платком свой язык. Говорил он гладко. И это была манера аристократа. Был, конечно, сноб! Как Г. Адамович, как Л.Н. Толстой! Он был очень уважаем! Особенно в англосаксонских странах. При нем всегда была Лидия Юдифовна. Из евреек. Очень элегантная женщина!»

«Принимал ли он участие в половой разнузданности? Этого я не знаю».

«Всегда черный пиджак, черный берет. Он очень рано начал лысеть. Серые, седые волосы спадали космами. Очень интересная наружность. Всегда одухотворенное лицо. Черный галстук бабочкой, как у художника. Белая рубашка. Вид у него был очень эффектный».

«Он был высоким! Многие русские философы имели вид непрезентабельный. И он один только щеголял эффектно!»

Т.В. Марченко

Хотела поблагодарить Наталью Владимировну, что напомнила: после смерти Лидии Юдифовны ее сестра продолжала жить у них в доме, помогать Николаю Александровичу, ухаживать за ним. Игорь Владимирович немного запутался. Конечно, имеется в виду Евгения Юдифовна¹². В целом — это то, что мы называем «голосом оттуда». Теперь Игорь Владимирович тоже присоединился своим голосом к нашему вечеру про Н.А. Бердяева. Николай Игоревич, вам слово!

Н.И. Герасимов

Огромная благодарность и вам, Татьяна Вячеславовна, и Ольге Феликсовне Кузнецовой за предоставленную возможность услышать такой чудесный рассказ, узнать такие нетривиальные факты о нашем сегодняшнем герое! Очень важно,

¹¹ Речь идет о книге Н.А. Бердяева «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949).

¹² Рапп Евгения Юдифовна (урожд. Трушева; 1875–1960) — сестра Лидии Юдифовны Рапп (Трушевой), жены Н.А. Бердяева.

когда люди делятся материалами. Очень часто люди этого не делают! Говорят, что материалов нет и не будет. А тут есть! Можно!

Т.В. Марченко

И нужно!

Н.И. Герасимов

Да! И нужно! И это прекрасно! Как мы дальше построим нашу работу? Небольшая техническая ремарка: говорите, пожалуйста в микрофон. Ведется запись, и если будет какой-нибудь интересный комментарий, не хотелось бы его потерять. Сейчас хочу представить Анну Федоровну Макарову, научного сотрудника философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

А.Ф. Макарова

Спасибо! Я бы хотела поговорить об одной из ключевых категорий, которой пользуется Николай Александрович в своем «Новом средневековье» — об иерархии. Эта категория активно используется русским философом и в его более раннем произведении — «Философия неравенства». Надо сказать, что вообще многое, что есть в «Новом средневековье», было уже использовано в его более ранних работах по философии истории. Категории иерархии и анархии, космоса и хаоса в общественной жизни многократно рассматривались Бердяевым в послереволюционной публицистике, а в «Новом средневековье» философ повторил некоторые выводы — например тезис об иерархической природе власти: «Власть никогда не принадлежала и не может принадлежать большинству. Это противоречит природе власти. Власть имеет иерархическую природу и иерархическое строение» [Бердяев 1994, с. 434–435].

Кроме того, по мнению Н.А. Бердяева, в обществе неизбежно появление иерархии качеств, элит, неравенства — он однозначно отрицает продуктивность уравнилительной политики, низвергающей всякое неравенство и разрушающей аристократический принцип (и не столько аристократический, сколько меритократический). «Философия неравенства» написана в 1918 г. в советской России, но опубликована была в Берлине лишь в 1923 г., за год до «Нового средневековья».

Подчеркивая, что в XX в. уже невозможно проводить антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, Н.А. Бердяев не отказывает в иерархизме даже коммунистическому строю — впрочем, объявляет этот иерархизм «сатанократическим», в противовес которому должна выступить подлинная, онтологически обоснованная иерархия, которую называет «подлинной органической соборностью».

Одна из ключевых категорий всей философии Бердяева — личность — также является, согласно «Новому средневековью» и другим текстам этого периода, встроенной в органическую иерархию, и любая попытка ее атомизации ошибочна, разрушительна.

«Новое средневековье, как и старое, иерархично по своему строению», — пишет Бердяев, обосновывая неудачу Нового времени тягой к атомизму и антииерархизму [Там же, с. 431]. Сегодня услышала от вас, Татьяна Вячеславовна, слово-

сочетание «средневековая вольница». Средневековая вольница как понятие мне показалось интересным. Дело в том, что для Н.А. Бердяева вольница — это, скорее всего, некоторая форма атомизации, ведущая к хаосу. Средневековье как мир подлинной иерархии, наверное, вряд ли будет сочетаться с вольницей, но обязательно будет сочетаться с какой-то иной формой свободы. Кстати, армия, которую так не любил философ, по его мнению, тоже пронизана духом иерархизма, но уже особого — мистического иерархизма (этот термин заслуживает отдельного рассмотрения, отдельного разговора). Николай Бердяев, конечно же, жаждет не милитаризма, а аристократизма, свойственного средневековому сознанию. Власть должна быть в руках лучших. По мнению Николая Бердяева, аристократия существует всегда — либо в форме лжеаристократии (анархии и большевизма), либо в форме подлинного аристократизма. Мир «Нового средневековья» Н.А. Бердяева, на мой взгляд, не наступил — потому что не наступил мир подлинного иерархизма. Можно приводить много примеров, иллюстрирующих, что наш мир никак не связан со средневековьем, но позволю себе привести по крайней мере один факт. Движение суфражисток и феминисток в 1920-х гг. не прекратилось. Образ ночи в «Новом средневековье» связан с усилением женского начала в культуре. Можно было бы подумать, что вот — это и есть признак приближающейся ночи, но для Николая Бердяева женское начало вовсе не связано с демократизацией общества. Уравнение в правах женщин и мужчин — явление Нового времени. Не думаю, что Николай Бердяев действительно жаждал социальной справедливости, как говорил Игорь Чиннов. Скорее речь идет о минимальных гарантиях государства в области социальной политики. Самой идеи социальной справедливости Николай Бердяев, возможно, боялся, считая, что попытка ее воплощения приведет к очередной лжеаристократии. На этом я закончу. Передаю микрофон дальше!

Н.И. Герасимов

Юлия Федоровна Гришатова, аспирантка кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ю.Ф. Гришатова

Говоря о «Новом средневековье» Н.А. Бердяева, стоит сказать и о его трактовке Ренессанса. Проблема творчества в работах философа всегда была неотделима от проблемы религии. Секуляризация, таким образом, является тем, что отворачивает человека от творчества. Ведь именно в средневековом сознании присутствует та самая религиозность, благодаря которой возможен творческий акт. Тем не менее от самого понятия Ренессанса он не отказывается. Более того, он ждет появления нового христианского Ренессанса. Разделяет ли Бердяев Средние века и Возрождение? По-моему, нет. Два этих исторических и историософических понятия образуют целостность, которая противостоит новоевропейской культуре. Пожалуй, «Новое средневековье» — это как раз переходный этап к чему-то новому. Кстати, сам Николай Бердяев об этом и говорит, полагая, что за этой эпохой ночи следует какое-то новое христианское возрождение, углубление творческой интуиции человека в религиозном, мистическом. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Спасибо вам! Наверняка у многих уже возникли вопросы, но, как мне кажется, технически было бы лучше послушать выступления, а уже затем перейти к дискуссии! Наталья Владимировна! Я ведь вижу! У вас что-то подготовлено! Давайте я сперва вас представлю! Наталья Владимировна Ликвинцева, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья.

Н.В. Ликвинцева

Сегодня уже говорилось о вышедшем втором томе собрания сочинений матери Марии (Скобцовой). В связи с «Новым средневековьем» имеет смысл поговорить о Н.А. Бердяеве как о церковном человеке. В этом томе есть письмо Е.Ю. Скобцовой, будущей матери Марии, к Н.А. Бердяеву, написанное в 1929 г., еще до ее пострига, автограф которого хранится РГАЛИ (бердяевский фонд). Есть второе письмо, уже 1939 г., которое войдет в 4-й том, — в нем речь идет о заседании «Православного дела», на которое мать Мария приглашает Николая Александровича. Мне бы хотелось сказать несколько слов о Николае Бердяеве именно как об участнике «Православного дела», потому что у нас есть какое-то парадоксальное восприятие Николая Александровича как христианина: мы привыкли думать о нем как о церковном человеке, который очень гордился тем, что никогда не входил ни в какие сообщества. Вместе с тем именно через труды Николая Бердяева Запад во многом открыл для себя русское православие. Классический пример: Оливье Клеман¹³ признавался, что стал православным под влиянием книг Николая Бердяева. Позднее он даже написал о нем целую монографию, которая, к сожалению, так и не переведена у нас до сих пор на русский язык [Clement 1991]¹⁴.

При всей внутренней свободе Бердяева, которая не вписывалась ни в какие рамки, понимаемые как ограничения, экклезиологические идеи, изложенные в «Новом средневековье», описывают вполне социальный характер Церкви. Бердяев считал, что будущее — за небольшими неформальными объединениями, которые по-новому ставят вопрос о церковных границах. И одну такую неформальную организацию для себя Николай Бердяев все-таки нашел. Книга написана в 1924 г. В 1923 г. Бердяев уже присутствовал на первом, учредительном Пшеровском съезде Русского христианского студенческого движения. По воспоминаниям современников, именно речь Николая Бердяева тогда создала нечто цементирующее для РСХД. РСХД в свою очередь сыграло важнейшую роль в церковном движении русской эмиграции. Позднее, во второй половине 1930-х гг., Бердяев становится одним из самых активных участников «Православного дела», объединения, созданного матерью Марией (Скобцовой). Бердяев, кстати, и предложил название для этого социально-миссионерского проекта. В итоге получилась та самая небольшая неформальная организация — с одной стороны, чисто церковная, с другой — совершенно свободная. В нее вошли выдающиеся деятели и мыслители русской

¹³ Клеман Оливье (Clement; 1921–2009) — французский православный богослов, историк, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже.

¹⁴ В 211-м номере «Вестника РХД» появился перевод на русский небольшой главы из этой книги о Николае Бердяеве и Леоне Блуа.

эмиграции: историк Г.П. Федотов, философ Н.А. Бердяев, литературовед К.В. Мочульский, монахиня в миру, поэт и мыслитель мать Мария (Скобцова), богослов, прот. С. Булгаков. Их деятельность была в чем-то беспрецедентной. Представьте себе академиков и профессоров, которые бы сейчас стали заниматься «бомжами»: дают кров бездомным, организуют общепит и столовые для безработных и т.д. Участники «Православного дела» сразу акцентировали внимание русской диаспоры на том, что культурная деятельность немислима без социальной. В «Новом средневековье» мы находим идею, что нужна новая общественность и новая религиозная культура. «Оцерковление» жизни — это то, что станет главным девизом РСХД. В рамках «Православного дела» происходило слияние социальной и культурной деятельности с религиозной. Другой, не менее важный момент — во всех манифестах матери Марии мы читаем, что «Православное дело» не является благотворительной организацией. Почему? Потому что для матери Марии благотворительность смыкается с тоталитаризмом — не видеть в человеке, которому ты помогаешь, живую личность (личность, как мы знаем, — центральное понятие философии Николая Бердяева). Что она имеет в виду? Вот ты помогаешь человеку, совершаешь некоторое благодеяние, «нумеруешь» его, затем переходишь к другому. Следующим логическим шагом в таком случае станет уже концентрационный лагерь. Нельзя подать кусок хлеба человеку, пока ты не увидишь в нем живую личность, образ Божий. Вот эта необычная организация становится тем самым христианским обществом, о котором мечтал Бердяев, той религиозной общностью, в которой он может быть православным, церковным христианином и в то же время оставаться совершенно свободным и творческим человеком, независимым мыслителем. Французская писательница и выдающийся философ XX в. Симона Вейль писала, что в наше время мир нуждается в новой святости, которая была бы гениальна, — нужны новые гениальные люди, новые гениальные святые. Сопряжение святости и гениального творчества — то, чего ждал Бердяев, работая над «Новым средневековьем». «Мир нуждается в святых, которые были бы гениальны, как город, в котором властвует чума, нуждается во врачах» [Weil 2005, p. 81]. Жажда такой творческой святости находит свое выражение и в истории русской эмиграции. Четверо участников «Православного дела», которых мы сейчас знаем как парижских мучеников¹⁵, были канонизированы. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Я представлю нашего следующего участника. Ксения Борисовна Ермишина, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья.

К.Б. Ермишина

Я занимаюсь евразийством много лет. Каждый выступающий сегодня будет говорить о Бердяеве и его книге исходя из своих научных интересов. Как специалист

¹⁵ Священник Димитрий Клепинин, монахиня Мария (Скобцова), ее сын Георгий (Юрий) Скобцов и Илья Фондаминский были канонизированы Константинопольской Православной Церковью в 2004 г. как мученики. Канонизация состоялась в Париже, в Александро-Невском соборе на улице Дарю.

по евразийству я вижу, что идеи движения, безусловно, пересекаются с концепцией Бердяева. Хочу отметить, что в своей книге Николай Александрович говорит о том, что невозможно вернуться назад в Средневековье, но можно создать Новое средневековье. Когда он работал над этим текстом, он вдохновлялся философией евразийцев. В частности, он ссылается на статью Н.С. Трубецкого «У дверей. Реакция? Революция?» [Трубецкой 1923]. Как и евразийцы, он стремился передать смысл катастрофы, которую переживал мир после Первой мировой войны. Позднее Бердяев разойдется с евразийцами — в том числе и по причине антикатолической риторики последних (дело не только в философии. Мы помним, что его супруга была католичкой). В книге «Новое средневековье» мы читаем: «Культура перестает быть европейской» [Бердяев 1994, с. 425]. Эта же идея была ранее озвучена в евразийском сборнике «Исход к Востоку» [Исход к Востоку 1921]¹⁶. Далее сказано: «Европа принуждена будет отказаться от того, чтобы быть монополистом культуры. Россия, стоящая в центре Востока и Запада, хотя страшным и катастрофическим путем, получает все более осязаемое мировое значение, становится в центре мирового внимания» [Бердяев 1994, с. 425]. Если задать любому специалисту по русской эмиграции вопрос: «Кто это написал? Евразийцы или Бердяев?» — то ответить ему будет непросто. Новое средневековье — это эпоха катастрофическая, эпоха разрушения проекта Просвещения, эпоха перемен. О разрушении проекта Просвещения и грядущей новой эпохе позднее много говорили постмодернисты. Мне кажется, что речь идет об одном и том же. Сегодня прозвучал тезис о том, что Новое средневековье не было построено. Я бы отметила, что его контуры все же были намечены. Семьдесят лет нечто, отдаленно похожее на Новое средневековье, все-таки существовало, например, в нашей стране. Советская модель модернового типа — это сложное соединение в гротескной форме старых (эпоха Просвещения с ее культом науки) и новых идей (новая социальная справедливость, марксизм в одежде ленинизма). Эпоха веры, о которой говорили Н.А. Бердяев и П.П. Сувчинский¹⁷, реализовалась, но была вывернута наизнанку. Вспомним псевдокульт Мавзолея, цитирование сочинений классиков марксизма-ленинизма как сакральных текстов и т.д. Псевдорелигиозность, безусловно, восторжествовала в СССР. Николай Бердяев предвидел, что мир вступит в эпоху Нового средневековья. В этом мире будет многое взято от эллинизма (сложное соединение элементов разных культур, торжество классического стиля в СССР). Но Бердяев, на мой взгляд, неточно указал границы реализации и распространения этого проекта. Новое средневековье было построено в СССР, а не в Европе и не во всем мире. Сейчас мы знаем, что человечество шло по пути построения двухполярного мира, условного противостояния Нового советского средневековья и модернизма, в недрах которого зрел постмодернизм Запада. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. это увидели и евразийцы. Для Н.С. Трубецкого такой поворот стал поводом для разочарования в евразийстве, которое он мыслил как новое слово, шанс для России уйти от попыток подражания европейским проектам как несостоятельным, не отвечающим требованиям времени и новым вызовам. П.Н. Савицкий,

¹⁶ «Исход к Востоку» — один из ключевых и главных сборников текстов евразийцев.

¹⁷ См. статью П.П. Сувчинского «Эпоха веры» в: [Исход к Востоку 1921, с. 14–27].

напротив, вдохновился советским проектом как воплощением, пусть искаженным, неполным, евразийства. Его не устраивала только псевдорелигиозность и советское варварство, которое заключалось в разрушении памятников архитектуры, в отказе от всей русской истории — одним словом, советский утопизм. Бердяев не увидел в СССР Нового средневековья, разве что в самых мрачных его проявлениях, хотя его позиция, как известно, изменилась после Второй мировой войны. Но важно подчеркнуть, что для Бердяева Новое средневековье было положительным опытом, попыткой покаяния, возвращения к истокам жизни, к смирению человека. Новое средневековье — попытка «перезапустить» историю, соединить технику, науку и религиозность. На мой взгляд, философ не совсем точно назвал свою книгу. Было бы правильнее назвать ее «Новым эллинизмом», понимая эллинизм как эпоху смешения стилей, форм, культур. Понятно, что от «сочного» названия он не смог бы отказаться, но если внимательно вчитаться в текст, то речь в нем идет скорее об эпохе, в большей степени имеющей сходство с эллинизмом, а не со Средневековьем. Важнейшим маркером Средневековья была нераздельность человека и мира природы, сама религиозность была включена в переживание мистерии природы. Эллинизм же стал попыткой выделить человека из лона природы. Потом эту попытку повторила эпоха Возрождения. Просвещение противопоставило природу и человека как врагов. В XX в. шел процесс становления цивилизации человека как над-природного существа. А новое смешение, новый псевдоэллинизм в виде постмодернизма утвердился в конце XX в. В этом смысле книга Умберто Эко, о которой упомянул Николай Герасимов, не столько пророческая (как у Бердяева), сколько описательная. Мы действительно живем во времена нового «Кентавра». Что будет дальше? Мы пока не знаем. Очевидно, что «Новое средневековье» — книга, которая актуальна сейчас как никогда. Ее актуальность заключается в силе пророческого прозрения, в дерзновении увидеть контуры грядущего. Сегодня мы опять стоим на пороге кризиса, на этот раз — проекта постмодернизма. Поэтому снова будут актуальны и значимы попытки увидеть контуры грядущего. В некотором роде мы ждем повторения книги Бердяева с учетом современных реалий. Спасибо за внимание!

Н.И. Герасимов

Олег Тимофеевич, у вас, вижу, назрели вопросы!

О.Т. Ермишин

Да.

Н.И. Герасимов

Давайте я вас представлю сперва! Олег Тимофеевич Ермишин, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья.

О.Т. Ермишин

Я бы хотел сделать такое существенное дополнение к тому, что уже было сказано. Мы сразу сегодня перешли к проблемам: иерархия, социальное неравенство, историософия и т.д. Я бы хотел вернуться к тексту. Уже в предисловии Николай

Бердяев пишет, что работа состоит из одной положительной части и двух критических. Соответственно, первая часть, положительная, так и называется — «Новое средневековье». Далее следуют «Размышление о русской революции» и «Демократия, социализм и теократия». Кстати, мы забыли еще, что у нашего ведущего в этом году вышла книга, которая так и называется: «Николай Бердяев». Я ее читал еще в первом, черновом варианте. По ней я составил ряд некоторых замечаний, и одно замечание было учтено. Я как раз указал, что вы, Николай, сделали акцент в главе про «Новое средневековье» на двух критических частях, но очень мало пишете про положительную, т.е. про само «Новое средневековье». Вы добавили новый абзац в готовый вариант. Позволю себе прочесть фрагмент, где как раз идет цитата, которую я привел в своем отзыве к вашей книге: «Человечество встретит “сверхрационализм средневекового типа”, когда “религия опять делается в высшей степени общим, всеобщим, всеопределяющим делом”, когда “труд должен быть понят как творчество”, а не как форма рабского служения технике. Новая религиозность станет отправной точкой в углублении и изменении личности, преодолении проблемы отпадения человека от Бога, характерной черты Ренессанса» [Герасимов 2019, с. 61].

Теперь я приступаю непосредственно к теме своего выступления. Я бы хотел сделать дополнение — обратить ваше внимание на то, что книга «Новое средневековье» имеет свой особый контекст. Я воспринимаю эту работу Николая Бердяева как часть трилогии. На мой взгляд, есть три текста философа, которые имеют особую смысловую связь. Первый текст — это статья «Предсмертные мысли Фауста», которая вышла еще в советской России в сборнике «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”». Статья является непосредственной реакцией Николая Бердяева на книгу О. Шпенглера «Закат Европы». Немецкого философа он, разумеется, не принимает и критикует. В каком-то смысле этот текст является своего рода эскизом, который требовал продолжения. После того как Бердяев оказался в Берлине, он публикует две книги. В первой, «Смысл истории», он предлагает альтернативную Шпенглеру историософскую концепцию. Бердяев говорит, что, нет, мировая история — не история отдельных культур и цивилизаций, а история человечества в целом. Христианство понимается им как мировой феномен, потому что в становлении христианской культуры участвует все человечество. Во второй книге, собственно «Новом средневековье», Бердяев уже обсуждает детали мировой истории. В ответ О. Шпенглеру говорит, что, да, есть история человечества, но также есть исторические ритмы. Эти ритмы — ритмы смены эпох. В качестве образца Бердяев выбирает конкретные эпохи: Античность и сменяющее Античность Средневековье. Кстати, в статье «Предсмертные мысли Фауста» 1922 г. в самом конце уже есть словосочетание «новое средневековье». На основании сказанного я связываю эти три текста («Предсмертные мысли Фауста», «Смысл истории», «Новое средневековье») в единую трилогию.

Еще хотел бы обратить ваше внимание на то, что Бердяев, хоть и критикует О. Шпенглера, но так же, как и его немецкий коллега, занимается прогнозами. Почему Шпенглер был так популярен? Потому что он дал ответ на вопрос, почему случилась Первая мировая война. Все культуры рано или поздно транс-

формируются в цивилизации, а срок жизни цивилизации — примерно 1000 лет. Европейская цивилизация, по его подсчетам, как раз и должна скоро прекратить свое существование. Бердяев делает другой прогноз. Он как бы говорит: «Нет, в истории, за исключением Страшного суда и Апокалипсиса, ничего просто так не заканчивается, истории свойственна незавершенность. В истории возможны новые формы культуры. Когда заканчивается одна эпоха, то наступает другая». Бердяев описывает некоторые черты этой грядущей новой эпохи. Я выявил две черты, о которых он пишет: религиозно-символическое сознание и христианская соборность. И теперь уже можно обсуждать его прогнозы. На мой взгляд, одни прогнозы сбылись, а другие не сбылись вообще (Н.А. Бердяев, кстати, менее радикален, чем О. Шпенглер). Эти прогнозы, если они кому-то интересны, кроме меня, можно было бы отдельно сегодня обсудить. Спасибо!

Т.В. Марченко

Мне так вообще — только это и интересно!

Н.И. Герасимов

Очень интересный взгляд на «Новое средневековье» как на часть трилогии. У меня, правда, есть вопрос. Вы же понимаете концепцию Н.А. Бердяева как ответ Шпенглеру, да?

О.Т. Ермишин

Скорее это какой-то импульс, после которого идет развитие мысли. Бердяев, разумеется, не всегда думает о Шпенглере, но этот первоначальный диалог в какой-то мере сохраняется.

Н.И. Герасимов

Я бы просто хотел провести некоторую черту. Есть действительно работы, которые написаны как ответ. Например, даже то же письмо Белинского к Гоголю! Или другой вариант: сочинение П.А. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции», которое является ответом на «Основания этики» Г. Спенсера. «Новое средневековье» в этом смысле не является таким строгим ответом на чужое сочинение. Разве что это просто реакция...

О.Т. Ермишин

«Предсмертные мысли Фауста» — да, являются ответом. В статье он развивает свои критические мысли, но потом уже уходит от Шпенглера. В последующих сочинениях начинает уже вообще рассуждать о смысле истории. Вместе с тем все-таки первоначальный импульс все равно сохраняется.

А.Ф. Макарова

Раз мы стали говорить о прогнозах. У меня вопрос-реплика. Бердяев все-таки претендовал на империю. Империю мистическую, пророческую. Пророчество, собственно, не должно сбываться. Оно работает как предостережение. Если люди

не внимают словам, то наступает кара. На прогнозы, как мне кажется, он не претендовал, а вот на пророчество — вполне. Другая реплика про звучавший сегодня тезис Ксении Борисовны, что это Новое средневековье было построено. Меня это зацепило, потому что Бердяев говорит, что это все не механическим образом происходит, а органическим. Ритмы и циклы, о которых говорил Олег Тимофеевич, происходят лишь потому, что мир лежит во зле. В мире существует власть. В какой-то момент власть перестает быть светоносной. Людская масса в конце концов уничтожает порядок. Почему? Потому что эти самые законы смены эпох присутствуют не в объективной истории, а в самой природе человека.

О.Т. Ермишин

Индивидуализм, о котором говорит и Николай Бердяев, и У. Эко, все же остается! Не происходит эта самая смена.

Н.И. Герасимов

У. Эко, скорее, имел в виду, что у нас уже есть какие-то элементы, благодаря которым мы можем построить Средневековье, а для Бердяева: «Ну мало ли что у нас есть?» У нас, кстати, новость! Пришла Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, главный библиотекарь Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова. И еще: предлагаю выйти за границы нашего изолированного круглого стола и дать возможность высказаться людям в зале. Вижу, что есть вопрос!

Из зала

У меня два коротких вопроса. Почему И.А. Ильин называл Н.А. Бердяева «белибердяевым»? В книге С.Ю. Куняева «Любовь, исполненная зла» говорится, что Н.А. Бердяев входил в кружок любителей Гафиза. Что это была за группа, что это был за кружок?¹⁸

¹⁸ Кружок «Друзья Гафиза» собирался в «Башне» у Вяч. Иванова. Участниками «вечеров» были, помимо Вяч. Иванова, его жена Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Н.А. Бердяев с женой Лидией Юдифовной, М. Кузмин, художники К. Сомов и Л. Бакст, В. Нувель и др. Каждый из участников имел прозвище, которым его называли в этом обществе. Иванов именовался Гиперион или Эль-Руми, Зиновьева-Аннибал — Диотима, Бердяев — Соломон, Кузмин — Антиной или Харикл, Сомов — Аладин, Нувель — Петроний, Корсар или Repoucheau, Бакст — Апеллес, Городецкий — Зэйн или Гермес, Ауслендер — Ганимед. Этот круг участников изображен в стихотворении Иванова «Друзьям Гафиза» с подзаголовком: «Вечера вторая. 8 мая 1906 г. в Петробагдаде. Встреча гостей»:

Ты, Антиной-Харикл, и ты, о Диотима,
И ты, утонченный скучающего Рима —
Петроний, иль Корсар, и ты, Ассаргадон,
Иль мудрых демонов начальник — Соломон,
И ты, мой Аладин, — со мной, Гиперионом,
Дервишем Эль-Руми, — почтишь гостей поклоном!

Друзья-избранники, внимлите: пусть измена
Ничья не омрачит священных сих трапез!
Храните тайну их! — Ты, Муза-Мельпомена,

О.Т. Ермишин

По второму вопросу я ничего не смогу ответить, но могу по первому. Термин «белибердяевщина» был придуман не И.А. Ильным, а Г.Г. Шпетом в 1912 г. в Москве. Это объясняется просто: Г.Г. Шпет был поклонником феноменологии Э. Гуссерля, а у Э. Гуссерля был целый проект философии как строгой науки. Для Г.Г. Шпета философия существовала именно как наука, а всякие свободные размышления — для него что-то вроде развлечения, не более. Потом это понятие использовал уже кто угодно...

Н.И. Герасимов

В РСХД даже!

О.Т. Ермишин

Придумал это все не И.А. Ильин.

Н.И. Герасимов

Стоит заметить, что и отношения между Н.А. Бердяевы и И.А. Ильным были не лучшими.

О.Т. Ермишин

У И.А. Ильина вообще мало с кем были хорошие отношения.

Н.И. Герасимов

Соглашусь!

О.Т. Ермишин

Единственное исключение — литератор И.С. Шмелев, пожалуй. Со всеми остальными он как-то мало ладил. Ну, с женой еще более-менее отношения, да...

Н.И. Герасимов

Передаю слово Анастасии Георгиевне Гачевой!

А.Г. Гачева

Мы сегодня с Ксенией Борисовной Ермишиной были в Исторической библиотеке, где в рамках Чертковских чтений шел разговор, от которого очень хорошо перейти к бердяевскому «Новому средневековью». Я имею в виду только что завершившийся круглый стол под названием «Идея царской власти и христианской политики в русской культуре XIX–XX вв. (К 190-летию со дня рождения

Ты, кравчий Ганимед, стремительный Гермес,
И ты, кто кистию свободной и широкой
Умешь приманить — художник быстроокий —
К обманным гроздиям пернатых, — Апеллес!

[Иванов 1971, с. 10]

Н.Ф. Федорова)». О чем мы там говорили? О том, что русские писатели и мыслители выстраивали аксиологию институтов власти, культуры и общества, мысля историю не как избытие времени, не как пространство спасения только личного (мысль в стиле Константина Леонтьева, который не допускал для человечества никакого общего дела), а как поприще соборного дела и творчества. Так было у Чаадаева и славянофилов, у Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, у деятелей русского религиозно-философского возрождения начала XX в., наконец, у философов русского зарубежья, которые стремились «выправить» историю, повернуть ее на Божьи пути. И вот главный вопрос: как мыслили они этот поворот — как некое внешнее действие, когда человеком манипулируют (модель «великого инквизитора»), когда его хватают за шкуру и ведут (в том числе и насильно) к раю на земле (именно так поступал большевизм), или как следствие свободного, ответственного, личностного выбора, когда человек объединяется с другими людьми и действует с ними совместно, исполняя евангельский закон любви и жертвы?

Именно на этом свободном, ответственном, благом выборе личности была построена и идея «общества по типу Троицы» Н.Ф. Федорова, и концепция «нашего русского социализма» Ф.М. Достоевского, а потом модель христианского социализма С.Н. Булгакова. И именно в этой логике совершеннолетней ответственности, творчества и любви создана концепция «Нового средневековья» Николая Бердяева. В отличие от ориентации на внешнюю власть и «сильную руку», которая возьмет и приведет человека в счастливое будущее, у Бердяева мы наблюдаем активность личности и ответственность общества. Собственно, еще в 1860-х гг. И.С. Аксаков одним из первых заговорил об обществе как «третьей силе», стоящей между народом и властью, от самоопределения и активности которой по-настоящему и зависит будущее России. И вторая половина XIX в. в лице Достоевского, Федорова, Владимира Соловьева вырабатывает модели движения социума от несовершеннолетия к совершеннолетию. «Новое средневековье» — попытка воззвать к внутренней ответственности человека, которому дана заповедь о совершенстве («Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» — Мф. 5, 48). Н.А. Бердяев это делает после «Философии неравенства», сочинения, которое было откликом на революционный разгул, на ужас Гражданской войны, на неправду братоубийства, когда история в каком-то смысле, если не «провалилась», то откатилась назад. И вот неожиданно он выступает с совершенно утопическим христианским проектом, ориентируя своих современников на то, чтобы начать двигаться в сторону «выправления» жизни, реабилитации истории. Это было очень смелым решением!

При этом само понимание христианства в «Новом средневековье» персоналистично и космично одновременно. Церковь трактуется здесь в духе Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева. Это не только совершенный социум, где правда личности примирена с правдой общежития, где царствует «неслиянность»-«нераздельность», где любовь и благое действие являются основой развития соборного целого. Это и преображенная, обоженная природа, в которой преодолены смерть и рознь. В «Новом средневековье», где звучит образ Церкви как «охристовленного космоса», явственна переключка с идеями В.Н. Муравьева, который общался с Бердяевым еще в период Вольной академии духовной культуры. Церковь — это не институт, а новый

строй бытия, новый строй мироздания, который создается соборными усилиями личностей в процессе истории. Когда Бердяев пишет о новой педагогике, новой политике, новой экономике, новой культуре и т.д., он следует принципу не отторжения, а преображения, обращения зла в добро: все, что создано для бытия, все, что «начало быть», должно быть не отброшено, а просветлено.

«Новое средневековье» — великая книга надежды! И мы не случайно сегодня к ней возвращаемся. В ней есть подлинная вера в человека, в его личностный и творческий рост, в его способность к совершеннолетию и ответственности за бытие, вера в то, что он призван к богочеловечности, к сотрудничеству с Богом, к тому, чтобы быть сотворцом. Этот текст очень важен. Каждый, кто занимается современными философскими исследованиями, понимает, что мы здесь находимся в ситуации полного духовного мрака. Христианство как одушевляющая, творческая сила мира, как то, что Тейяр де Шарден называл аксиологической осью развития, «мотором эволюции», выброшено из современного философского дискурса и активно выбрасывается из культуры — нигде вы не встретите понимания человека как со-работника Творца. Церковь воспринимается исключительно как застывший, окостеневший институт, как инстанция мракобесия, обскурантизма и подавления человеческой свободы. А Бердяев видит в Церкви творческую силу мира и силу истории: «Церковь должна перейти от по преимуществу храмового своего периода к космическому периоду, к преображению полноты жизни. <...> Она по-новому должна стать всем, силой преображающей и просветляющей всю жизнь изнутри» [Бердяев 1994, с. 431].

В 1920-х гг. русская религиозная философия пыталась найти третий путь — путь христианского, соборного действия — между большевизмом, который узурпировал идею активности человека в истории, развернув ее в безрелигиозном, прометеистическом ключе, и концепцией краха истории Константина Леонтьева, для которого противоречивый, греховный, самостный человек не способен создать на земле никакого совершенного строя. Разумеется, каков человек — такова и история. Но для Бердяева, Булгакова, других деятелей русской активно-христианской мысли это не означает глобального пессимизма, напротив — это означает, что возможна умоперемена, что человек, обладающей свободой и совестью, может повернуться на Божьи пути, и тогда история розни и противостояния станет историей, как сказал бы Федоров, братотворения, «работой спасения». Просто представьте себе то состояние мира, в котором высказывали они эти идеи. Это же было настоящее «юродство проповеди», настоящий подвиг. В СССР красный террор, борьба с церковью и инакомыслием, в Европе растет национализм и фашизм. Мир стремительно движется от Первой мировой войны ко Второй. А небольшая горстка людей настойчиво призывает отречься от дробностей атеистического социализма, от всех других дробностей и выйти к тому, что современник Бердяева философ Николай Сетницкий¹⁹ называл «целостным идеалом». «Новое средневековье» — литературный памятник этому целостному идеалу.

¹⁹ Сетницкий Николай Александрович (1888–1937) — философ и экономист, представитель русского космизма. Во время учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета находился под влиянием идей Л.И. Петражицкого. С 1918 г. философское творчество С.Н. Сетницкого, считавшего себя

Сейчас в мире торжествуют другие дробности — трансгуманизм²⁰, который стремится победить смерть на технологических, безрелигиозных путях, построить рай на земле в совершенно большевистском смысле этого слова, и постгуманизм²¹, который отрицает уникальность такого явления в мире, как человек, уравнивая его с «плесенью» и «тараканом», подчеркивая его вредоносность для бытия. «Новое средневековье» отстаивает идеалы христианского гуманизма, реабилитируя человека как вершинное создание Творца и одновременно задавая ему перспективу общего дела, перспективу обожения себя и мира. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Сегодня мы много говорим об идеях, но я бы хотел обратить внимание на формальную сторону книги. Наверное, ни для кого не секрет, что «Новое средневековье» уже в 1924 г. многими воспринималось как своеобразное литературное эссе. Возникает вопрос: можно ли считать его философским текстом, можно ли объяснить успех книги формой, которую выбрал Бердяев для изложения своих идей? Сегодня уже шла речь о Э. Гуссерле и Г.Г. Шпете. «Ноэма»²² и «ноэза»²³ — сложные для нефилософа термины, а терминология Бердяева, хоть и во многом художественная, все-таки более демократична по отношению к читателю.

А.Г. Гачева

Можно, я тогда скажу два слова по поводу формы?

Н.И. Герасимов

Конечно!

последователем и продолжателем «Философии общего дела» Федорова, развивалось в русле традиций русского космизма. В 1925–1935 гг. Сетницкий жил в Харбине, работал в Экономическом бюро КВЖД, преподавал на юридическом факультете. В 1935 г. вернулся в Москву, был арестован и расстрелян. Автор таких философских работ, как «Статистика, литература и поэзия. К вопросу о плане исследования» (1922) и «О конечном идеале» (1932).

²⁰ Трансгуманизм (от *лат.* *trans* — сквозь, через, за и *homo* — человек) — философская концепция, предполагающая целесообразным использование всех современных технологий для улучшения умственных и физических способностей человека. Трансгуманизм в современном мире поддерживается многими общественными движениями (например, радикальным крылом либертарианцев). Впервые термин встречается в работе эволюционного биолога Дж. Хаксли «Религия без откровения» (1927). Как философская концепция трансгуманизм стал развиваться в 1990-х гг. в работах Н. Бострона и Д. Пирса.

²¹ Постгуманизм — условное обозначение современных философских концепций, предполагающих борьбу с современным антропоцентризмом в области науки и культуры. Постгуманизм выступает против иерархического представления о мире, в котором человек есть привилегированный субъект бытия, наделенный особыми свойствами (одушевленность, наличие сознания, «верховенство» в эволюционной структуре организации живого и т.д.). Одним из авторитетных теоретиков постгуманизма относят итало-австралийскую феминистку и профессора философии Австралийского национального университета Розы Брайдотти. В своих работах «Постчеловек» (2013) и «Постчеловеческий феминизм» (2017) Розы Брайдотти обобщает всю существующую критику антропоцентризма в современных философских исследованиях.

²² Ноэма (*греч.* νόημα — мысль; прил. ноэматический) — специальный философский термин в феноменологии, означающий «представленность предмета в сознании» (термин введен Э. Гуссерлем).

²³ Ноэза (*греч.* νόησις — мышление; прил. ноэтический) — специальный философский термин в феноменологии, означающий «реальное содержание сознания» (термин введен Э. Гуссерлем).

А.Г. Гачева

Николай Бердяев не сам все это придумал. Русская философия, выросшая из духа русской литературы, всегда тяготела к художественным формам высказывания. Неслучайно в Европе самым известным и ярким русским философом считают Ф.М. Достоевского. Вспомните первый русский философский роман — «Русские ночи» В.Ф. Одоевского с его философскими диалогами и вставными новеллами, вспомните буквально следующие им по форме «Три разговора» В.С. Соловьева с «Краткой повестью об антихристе» или знаменитые диалоги «На пиру богов (Pro et contra)» С.Н. Булгакова. Традиция синтеза литературы и философии в русской мысли уже была, и Николай Бердяев просто ей следовал.

О.Т. Ермишин

Николай, вы в своей книге, надо сказать, уже даёте ответ на этот вопрос, но конечно нужно вспомнить Л.И. Шестова, в сочинениях которого (еще до эмиграции) лучше всего закрепляется взгляд на литературу с философской точки зрения. Николай Бердяев не сразу научился этому стилю. Если почитать его ранние труды (например, «Новое религиозное сознание и общественность»), то мы увидим, что, с одной стороны, да, это уже не научный стиль, с другой — не то, что мы читаем в его эмигрантских сочинениях. В «Философии свободы» он продолжает работать все в той же форме, а вот уже «Смысл творчества» он пишет легко, на одном дыхании. Другими словами, Бердяев прошел некоторый путь к той форме изложения мыслей, которую мы видим в «Новом средневековье».

Н.И. Герасимов

Я бы хотел передать слово Марине Анатольевне!

М.А. Васильева

Сложный вопрос: кто первый использовал термин «Новое средневековье»? В работах медиевиста и филолога П.М. Бицилли это понятие встречается уже в 1917 г. [Бицилли 1917]. До этого он говорит о социализме в контексте его работ по медиевистике, посвященных Италии. Сейчас мы уже обращаемся к самому понятию «Средневековье». Средневековье — это все-таки «middle» или «dark»?.. На мой взгляд, эта проблематика начала разрабатываться у нас с петербургской школы медиевистики И.М. Гревса в оптике изучения итальянских коммун (отсюда сочетание интереса к Средним векам и социализму). Другое дело, что П.М. Бицилли в «Основах социализма» трактует термин «новое средневековье» совершенно по-другому. Я бы даже сказала, что диаметрально противоположно Н.А. Бердяеву, но это, понимаю, уже совсем другая тема...

Н.И. Герасимов

Я бы хотел признаться. Я «подставил» двух моих коллег. Они сегодня сюда пришли как гости-слушатели, но я в последний момент настоял на их участии в качестве выступающих. Виктор Владимирович, когда мы с вами еще вместе учились, то немного по-разному читали «Новое средневековье» Н.А. Бердяева. Я как

философ, а вы как религиовед. Как вы сейчас оцениваете бердяевскую концепцию?

В.В. Барашков

Профессионально Н.А. Бердяевым не занимаюсь. Область моих научных интересов — отражение религии в искусстве (в том числе и в современном). Безусловно, когда я преподаю своим студентам философию культуры, то «Новое средневековье» мы никогда не обходим стороной. Это действительно важный текст. Дополню сегодняшние выступления и напомним, что у Н.А. Бердяева есть еще и работы по религии и искусству! В том числе и по творчеству П. Пикассо. На мой взгляд, целый ряд сочинений, среди которых и «Новое средневековье», определил критический взгляд на современное искусство. Разумеется, не в плане обозначения какой-то катастрофы, а как то, что сигнализирует о внутренних проблемах общества. Здесь Н.А. Бердяев не одинок. Достаточно вспомнить работу его современника В.В. Вейдле «Умирание искусства» (1937). К искусству Возрождения Н.А. Бердяев относился положительно, но считал, что оно транслирует сугубо телесную, физическую красоту. Хотя та же живопись Ренессанса отражает красоту как таковую, не следует ее воспринимать как нечто прогрессивное по отношению к живописи Средних веков. Недавно в Москве, в ГМИИ им. Пушкина выставлялись работы П. Пикассо. Когда Н.А. Бердяев был на выставке его картин, то, если верить историкам философии, испытал чувство глубокого ужаса. Интересно, современные посетителя пушкинского музея тоже испытывали то самое чувство глубокого ужаса? Мне кажется, что нет. Вообще, «Новое средневековье» вызывает интерес именно с критической точки зрения, сам образ возможного будущего, на мой взгляд, абсолютно не вытекает из современности. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Друзья, у нас остается мало времени. Давид Соломонович, вы занимаетесь весьма сложной темой «Психоанализ и религия». Какое у вас мнение о «Новом средневековье» Н.А. Бердяева?

Д.С. Дамте

Наверное, я бы хотел воздержаться от слов, потому что, да, специально не готовился, а сегодня и так было много сказано интересного. Лучше поделюсь впечатлениями после всего услышанного. Когда я перечитывал «Новое средневековье», то тоже обратил внимание на удивительную гармонию между литературной формой произведения и концептуальным аппаратом, который предлагает Н.А. Бердяев. Вопрос о будущем — отдельная проблема, но важно, что изложенные в сочинении идеи, как мы сегодня видим на примере этого круглого стола, не оставляют людей равнодушными. Одно только это говорит в пользу актуальности «Нового средневековья».

Н.И. Герасимов

Вынужден передать микрофон тем, кто очень хочет высказаться.

Ю.Ф. Гришатова

Я постараюсь очень коротко. Хочу дополнить сегодняшние рассуждения о «средневековье» Н.А. Бердяева как духовной соборности. Бердяевская концепция предполагает высокоразвитую личность. Недаром он обращает внимание на ключевые социальные образы средневекового мира: монах и рыцарь. Речь идет о своеобразных «духовных» латах личности, своего рода системе защиты от дегуманизации.

Из зала

Хотелось бы сделать некоторую ремарку. Н.А. Бердяев как представитель религиозной философии предостерегает нас от соблазна социализма, от этой ложной формы коллективности.

Н.И. Герасимов

Социализм для Н.А. Бердяева — это не что-то монолитное. Он совершенно справедливо разделяет социал-демократию, марксизм, философию К. Маркса и большевиков. Для него это совершенно разные понятия, часто абсолютно не сочетающиеся друг с другом, а иногда даже по смыслу диаметрально противоположные. С социализмом у него очень сложные отношения. «Новое средневековье» — хороший тому пример! К сожалению, вынужден сказать, что нам придется завершить сегодняшний круглый стол. Отведенное время закончилось. Огромная благодарность всем, кто сегодня выступал, кто высказывал мнение, дискутировал, спорил. Мне кажется, Н.А. Бердяев был бы рад тому, что сегодня мы поговорили и о нем, и о его книге, и об идеях, которые лежат в основе не только отдельно взятой книги, но и его творчества в целом. Спасибо большое всем!

Послесловие

В день, когда проходил круглый стол, и участники, и организаторы еще не знали о надвигающейся эпидемии вируса COVID-19. Сам замысел этого вечера, разумеется, не был связан с каким-либо эсхатологическим настроением в кругу сообщества профессиональных гуманитариев. Вместе с тем у читателя этого текста может вполне обоснованно возникнуть мысль о странном совпадении — проводить круглый стол о книге, наполненной эсхатологическими идеями, и о философе, рассуждавшем о грядущем крушении старого порядка вещей, накануне мировой пандемии. Данное совпадение говорит лишь о том, что философия Н.А. Бердяева до сих пор актуальна — она отражает и то, что происходит в мире, и то, как люди переживают происходящие события, и то, как они, возможно, предчувствуют будущее.

О.Т. Ермишин, К.Б. Ермишина

МАТЕРИАЛЫ

К «ЭНЦИКЛОПЕДИИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА»

Под редакцией О.Т. Ермишина

В 2011 г. на философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова возникла идея: подготовить и издать «Энциклопедию классического евразийства». Руководил проектом профессор М.А. Маслин, заведующий кафедрой истории русской философии. В течение года был составлен словник энциклопедии, заказаны статьи, часть которых была написана. Однако до редактирования и издания работа не дошла из-за финансовых трудностей — философский факультет оказался не готов реализовать такой большой издательский проект. Поиски грантов и заявки в известные научные фонды успехом не увенчались. Проект был заморожен, перспективы его будущей реализации остаются очень неопределенными.

В подготовке энциклопедических статей принимали участие сотрудники Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ниже публикуется статья, подготовленные для «Энциклопедии классического евразийства», для того, чтобы, во-первых, дать представление о нереализованном проекте и, во-вторых, показать общие научные подходы в современных исследованиях евразийства. Конечно, в истории евразийского движения остаются белые пятна, связанные с отдельными людьми и событиями. Однако словник энциклопедии был составлен так, чтобы в нем были не только персоналии, которые имели отношение к евразийству, но и основные программные работы, издания, понятия и термины евразийцев. Кроме того, предполагалось ввести и обосновать термин «классическое евразийство» для того, чтобы отличать аутентичное евразийство 1920–30-х гг. от современного «неоевразийства» и не создавать терминологическую путаницу.

Какие научные задачи удалось решить при написании статей для «Энциклопедии классического евразийства»? Прежде всего, показано евразийское движение как многообразное явление русской эмиграции, в котором, кроме трех основных лидеров (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского), участвовало много людей (историки, философы, богословы, литературные критики, публицисты и т.д.), и каждый из них вносил какую-то, пусть небольшую, лепту в развитие движения. В «Энциклопедии классического евразийства» сделаны первые шаги в изучении двух главных идейных пластов евразийства — изложения евразийского учения как единого идейного комплекса и внутренних дискуссий, в которых евразийство было не законченной идеологией, а преимущественно «лабораторией идей». В «Энциклопедии классического евразийства» был обозначен общий исто-

рический контекст евразийства, представленный, с одной стороны, его критиками, с другой — «попутчиками» (авторами, симпатизировавшими евразийству, принимавшими участие в евразийских изданиях).

Кроме двух основных, Пражской и Парижской, групп под руководством П.Н. Савицкого и П.П. Сувчинского, недостаточно изученными остаются другие евразийские группы (в Бельгии, Англии, США, Прибалтике, Балканских странах). Местные евразийские группы нередко воспринимали евразийство в своей особой интерпретации, отличной от генеральной линии евразийских лидеров. Новые архивные материалы по истории евразийства дают важные дополнения и проливают свет на многие значимые факты. Для изучения евразийства архивные исследования по-прежнему сохраняют актуальность и остаются самым перспективным научным направлением. Будем надеяться, что в будущем возникнут более благоприятные условия для подготовки и издания «Энциклопедии классического евразийства».

При редактировании текстов для «Энциклопедии классического евразийства» неизбежными были бы сокращения и унификация, поэтому ниже публикуются не окончательные варианты статей, а именно «материалы». Для более удобного чтения не использован обычный энциклопедический принцип множественных сокращений, исключение сделано только для названий статей, которое выделены прописными буквами и повторяются в тексте. Все материалы помещены в алфавитном порядке, сноски на архивы и издания даны в сокращении с отсылкой к библиографии, помещенной в конце каждой статьи.

О.Т. Ермишин

АРАПОВ Петр Семенович (07(19).05.1897, Пенза — 17.02.1938, Соловецкие острова), активный деятель евразийского движения. Один из учредителей Евразийского книгоиздательства, член евразийских высших органов управления (Совет «Трех П», Совет Пяти, Совет Семи, Евразийский Совет, Евразийское Политбюро).

О биографии А. до 1922 г. известно мало. По воспоминаниям его друга Н.В. Волкова-Муромцева, А. вместе с ним находился с осени 1918 до 26 февраля 1919 г. в Бутырской тюрьме, затем был отпущен и бежал из Москвы, служил в Белой армии на юге России, с лета 1919 г. в Белозерском пехотном полку, затем в эскадроне лейб-гвардии Конного полка, летом 1920 г. имел чин штабс-ротмистра, эмигрировал вместе с армией из Крыма в Турцию. По словам самого А., он был двоюродным племянником П.Н. Врангеля.

В начале 1922 г. А. прибыл из Риги в Берлин вместе с А.А. Якушевым, одним из руководителей провокаторской организации Трест, организованной советскими спецслужбами. В 1922–1923 гг., около года, А. был студентом Кенигсбергского университета, но бросил обучение с началом активной евразийской работы. В 1922 г. А. написал Н.С. Трубецкому письмо, в котором представился монархистом, заинтересовавшимся евразийскими идеями. 20 сентября 1922 г. с ответом Трубецкого явился к П.П. Сувчинскому и предложил оплатить расходы на издание сборника «Россия и латинство». С некоторыми колебаниями евразийцы принимают на из-

дательские нужды 700 тысяч немецких марок, полученных через посредство А. от А.В. Меллера-Закомельского и его сестры. В письме от 10 июля 1923 г. к Сувчинскому А. впервые упомянул об Ю.А. Артамонове, который должен был приехать из Варшавы, и предложил их познакомить (Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 20. Л. 13 об.). А. сообщил адрес Сувчинского представителям Треста, после чего 3 сентября 1923 г. состоялась встреча Сувчинского с Якушевым и Артамоновым.

В начале апреля 1924 г. А. совместно с А.А. Ланговым и Артамоновым убеждает Сувчинского в необходимости установить контакты с единомышленниками в советской России, что явилось поворотным пунктом в идейном развитии евразийства. С согласия евразийцев А. выезжает в середине апреля 1924 г. для встречи с представителями Треста в Варшаву, где была составлена программа взаимоотношений евразийства и Треста (Ланговой, руководствуясь этой программой, должен был создать внутри Треста евразийскую группу). Уже с апреля 1924 г. А. начал применять в письмах шифрованные слова («Юнкерс» — великий князь Николай Николаевич, «Денисов» — А.А. Ланговой и др.), тогда как Савицкий начал пользоваться шифрами в переписке в июле 1924 г., Сувчинский — в октябре 1924 г., Трубецкой — весной 1925 г.

В сентябре–октябре 1924 г. А. совершил «нелегальную» поездку в СССР, организованную людьми из Треста. А. сыграл решающую роль в переориентации движения с литературного и научного направления на конспиративную и нелегальную деятельность, которая была направлена не на эмиграцию, а на советскую Россию. В июне 1925 г. А. представил на рассмотрение Совета Пяти докладную записку «Об ошибках в прошлом и о реформе нефтьработы [евразийской работы]» (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 91–94), в которой критиковал прежнюю деятельность, устройство научных диспутов, вербовку новых членов, активные выступления в печати. Он предлагал новую тактику, основными направлениями которой были бы секретность, внутренняя дисциплина, конспирация. Парижская группа, согласно его записке, должна стать главным, определяющим идеологию центром, а руководителю группы Сувчинскому следует предоставить чрезвычайные полномочия, так чтобы другие руководители евразийских групп равнялись бы по Парижскому центру. Предложения А. почти дословно вошли в состав руководящих евразийских документов и постановлений, а выдвижение Сувчинского породило многочисленные конфликты, закончившиеся кламарским расколом.

В начале 1926 г. А. принял решение о том, что Савицкого необходимо исключить из Евразийского совета, и заручился в данном вопросе поддержкой Сувчинского. В апреле–мае 1926 г., когда среди евразийских лидеров обсуждался состав основных руководящих органов (Совета Пяти, Совета Семи и Евразийского Совета), А. настаивал на приеме в состав Евразийского Совета А.А. Зайцева и Л.П. Карсавина. Несмотря на противодействие Трубецкого и Савицкого, который предлагал кандидатуры Г.В. Вернадского и С.Г. Пушкирева, А. добился того, чтобы Зайцев и Карсавин вошли в состав Евразийского Совета, после чего движение еще больше политизировалось. С конца 1926 г., когда П.Н. Малевский-Малевич выступил против взаимодействия с Трестом, А. начал выступать и против него. А. предложил евразийским лидерам созвать в марте–мае 1927 г. Евразийский Совет

для исключения из него Малевского и Зайцева, настаивая на участии Лангового и Артамонова в заседаниях. Когда за продолжение сотрудничества с Трестом выступил Савицкий, А. на короткое время начал поддерживать его идеи и предложения.

В начале февраля 1927 г. при его содействии Савицкому была устроена нелегальная поездка в советскую Россию для того, чтобы усилить его положительное отношение к Тресту. Когда в мае 1927 г. состоялось разоблачение Треста, то А. представил лидерам движения данные о том, что в советской России якобы погибло только шесть евразийцев (Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 22. Л. 47 об.). 17 декабря 1927 г. А. отослал составленную им «Записку о Тресте» Сувчинскому, Савицкому, Трубецкому, Г.Н. Товстолесу (евразийцу, работавшему на Балканах и в Польше), И. Степанову (руководителю евразийской группы в Брюсселе), Малевскому-Малевичу и другим значимым для движения лицам (Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 22. Л. 48 об.). В «Записке» А. утверждал, что в Трест, действительно, проникли советские агенты, расколов его на две группы — правоверную и провокаторскую. После того как провокаторы были разоблачены, А. предложил сотрудничать с другой, правоверной группой Треста, на что получил согласие Сувчинского.

В конце 1927 — начале 1928 г. А. посвящал в свою деятельность только руководство Парижской евразийской группы, в которой он нашел сочувствующих его просоветской позиции (Д.П. Святополк-Мирский, К.Б. Родзевич, С.Я. Эфрон и др.). В конце июня 1929 г. на совещании Парижской группы было принято решение о том, что «левое евразийство» начинает работать на СССР (Особый архив Литвы. Д. 16416. Л. 8–34). Для реализации принятого решения А. нелегально уехал в Москву. Осенью 1929 г. он стал советским агентом и писал постоянные отчеты А.А. Ланговому. 27 июля 1930 г. А. написал последнее письмо Сувчинскому, сообщил о своей поездке в санаторий для отдыха, предложил Сувчинскому приехать в СССР и присоединиться к нему. Сохранилась анкета А. 1930 г. для получения итальянской визы (Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 26. Л. 35 об.). Уже в конце июля 1930 г. А. исчез из Европы и с евразийцами больше не сотрудничал.

В следственном деле Л.П. Карсавина (Особый архив Литвы. Д. 16416) хранится выписка из протокола допроса А. от 1 декабря 1930 г., из которой следует, что А. был арестован 1 сентября 1930 г., вскоре после прибытия в СССР, 5 апреля 1934 г. приговорен к десяти годам лагерей за антисоветскую деятельность. По данным Санкт-Петербургского отделения НИЦ «Мемориал», 14 февраля 1938 г. А. был приговорен к высшей мере наказания и через три дня расстрелян.

Арх.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 20–26; ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 2–6, 91–94; Д. 448. Л. 1–5; 24–28; Особый архив Литвы. Д. 16416. Л. 8–28–8–35.

Лит.: Волков-Муромцев Н.В. Юность от Вязьмы до Феодосии (1902–1920). Париж, 1983. С. 162, 165, 299, 301, 341–345, 371, 377, 380–381, 388–389, 417; Соболев А.В. Полюса евразийства // Новый мир. 1991. № 1. С. 181; Чирков Ю.И. А было все так... М., 1991. С. 121–127; Бурцев В.Л. Не Азефы и Сверхазефы! Большевицкие провокаторы в России и за границей // Иллюстрированная Россия. 1931. № 47 (340). С. 1–2; К истории евразийства. 1922–1924 гг. / публ. Е. Кривошеевой // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 476–498; П.С. Арапов и

евразийское движение (Новые архивные материалы) // Записки Русской академической группы в США. 2011/2012. Т. 37. С. 229–254.

К.Б. Ермишина

«ВЕРСТЫ» (1926. № 1; 1927. № 2; 1928. № 3), журнал, выходил в Париже под редакцией Д.П. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского и С.Я. Эфрона при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова.

Журнал «В.» не был официальным евразийским изданием, но в его идейной позиции и редакционной политике явно прослеживается влияние как евразийских, так и сменовеховских взглядов (прежде всего признание революции и интерес к советской России). Значительное место в журнале занимали литературные сочинения и литературно-критические работы. Редакторы издания пытались соединить все лучшее, что было в современной русской литературе в Советском Союзе и за его пределами. В № 1 были помещены поэзия С.А. Есенина, М.И. Цветаевой и И. Сельвинского, проза А.М. Ремизова, И. Бабеля и А. Веселого; в № 2 — произведения М.И. Цветаевой, А. Веселого, Ю. Тынянова, А. Белого, А.М. Ремизова. Наряду с литературой были представлены публицистические и философские статьи, среди их авторов — Л. Шестов, Г.П. Федотов (под псевдонимом Е. Богданов), В.Э. Сеземан, Н.А. Бердяев.

К евразийским авторам, участвовавшим в журнале, относятся П.П. Сувчинский (2 статьи), Н.С. Трубецкой (2 статьи), Л.П. Карсавин (2 статьи), Д.П. Святополк-Мирский (2 статьи), С.Я. Эфрон (1 статья). В статьях Сувчинского «Два ренессанса. 1890–1900-е и 1920-е годы» (№ 1) и «Письма в Россию» (№ 3) развивается характерная для евразийства историософия. Как полагал Сувчинский, русская революция есть результат естественного исторического развития и накопившихся противоречий, слабости власти и деградации интеллигенции. Срыв культурного ренессанса начала XX в. в революционную бездну можно преодолеть, опираясь на русскую стихию, т.е. народ с его здравым смыслом и социальным практицизмом. Торжество большевиков является временным, т.к. народные силы приведут Россию к новым формам организации и «новому русскому ренессансу». Людей, способных естественным образом изменить порядок в России, и новые формы общественной жизни Сувчинский пытался разглядеть в советской действительности 1920-х гг., надеясь на скорые перемены.

Н.С. Трубецкой выступил на страницах журнала исключительно как филолог. В статьях «“Хожение Афанасия Никитина” как литературный памятник» (№ 1) и «О метрике частушки» (№ 2) он обращается к темам древнерусской литературы и народного творчества. В первой статье Трубецкой анализировал известный литературный памятник XV в. и стремился найти новый подход к пониманию древнерусской литературы. Сочинение Афанасия Никитина Трубецкой рассматривал с религиозной точки зрения, используя уже привычный для евразийцев термин «бытовое исповедничество» (или «обрядовое исповедничество»), понимая «Хожение...» как повествование, построенное на сопряжении христианской религиозности автора и окружающей его иноверческой среды. Желание показать для современной филологической науки значимость древнерусской литературы

распространяется Трубецким также на народное творчество, когда частушки анализируются в одном ряду с эпиграммами, мадригалами и альбомными стихотворениями. Такое понимание народного творчества и быта вполне согласовалось с общеевразийскими идеями, направленными на преодоление стереотипов европейской культуры, деления на высшие и низшие культурные явления.

Л.П. Карсавин, который в 1926–1928 гг. уже активно участвовал в евразийском движении, в статье «Без догмата» (№ 2) обратился к историософской проблематике, отстаивая историзм, основанный на изучении единичного и индивидуального в контексте исторически общего. «Евразийским элементом» является в конце статьи лишь заявление Карсавина о том, что проблема России и Европы сменилась идеей России-Евразии «как особого культурного мира и особого континента», но далее эта мысль никак не развивается. Другая статья Карсавина, «Россия и евреи» (№ 3), посвящена теме антисемитизма в России, что, вероятно, было связано с намерением редакции прояснить свое отношение к данному вопросу.

Святополк-Мирский и Эфрон писали для журнала «В.» на литературно-критические темы. В статьях Святополк-Мирского «Поэты и Россия» (№ 1) и «Веяние смерти в предреволюционной литературе» (№ 2) прослеживается критическое отношение к дореволюционным писателям и апологетика советской литературы на примере В.В. Маяковского и Б.Л. Пастернака. Эфрон в статье «Социальная база русской литературы» (№ 3) настаивал на социальном происхождении всякого литературного творчества, тем самым указывая на неизбежность связи между писателем и общественной средой.

Каждый номер «В.» включал раздел «Библиография» с рецензиями и литературными обзорами, в том числе Святополк-Мирского (в № 1 — критический обзор журнала «Современные записки», в № 3 — положительная рецензия на поэмы Б.Л. Пастернака «1905 год» и «Лейтенант Шмидт»; и др.). Кроме того, в библиографическом разделе № 3 была напечатана большая статья П.Н. Савицкого «К познанию русских степей» с целью «познакомить с новейшими данными по изучению русских степей, преимущественно Центрально-Черноземной области» (№ 3. С. 215).

Журнал «В.» имел в конце каждого номера приложения под названием «Материалы». В № 1 было помещено «Житие пророка Аввакума», в № 2 — «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова с предисловием П.П. Сувчинского, в № 3 — письма Н.Ф. Федорова к В.А. Кожевникову.

Отношение к «В.» лидеров евразийского движения было различным. Савицкий отреагировал на появление журнала нейтрально. Трубецкой, считая, что читатели воспринимают «В.» как евразийское издание, резко критиковал содержание журнала. Ему, например, очень не понравился № 2, в том числе — статьи Л.П. Карсавина и Г.П. Федотова («Трагедия интеллигенции»). Особенно же Трубецкой был возмущен публикацией текста В.В. Розанова с предисловием Сувчинского, полагая, что это является дискредитацией евразийства и его религиозной позиции. Он убеждал Сувчинского: «Ни в “Верстах”, ни в каком-либо другом журнале мы не можем показывать лика, слишком несходного с нашим ликом во “Временнике”. Ибо всюду на нас смотрят как на евразийцев: “мы как мы” больше для чита-

телей не существуем, а существуем “мы как евразийцы”» (*Трубецкой Н.* Письма к П.П. Сувчинскому. С. 230). Критика Трубецкого и последующий кламарский раскол позволяют считать, что «В.» во многом отражали взгляды Парижской группы евразийцев под руководством Сувчинского, но не евразийского движения в целом.

Лит.: *Ходасевич В.Ф.* О «Верстах» // *Современные записки.* 1926. Кн. 29. С. 433–441; *Агеносов В.В.* «Версты» // *Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940.* М., 2000. Т. 2. С. 52–56; *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 228–231.

О.Т. Ермишин

«ВЕРХИ» И «НИЗЫ» В КУЛЬТУРЕ, термины, предложенные Н.С. Трубецким в статье «Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры)» (Исход к Востоку. София, 1921. С. 86–103), с помощью которых можно описать, согласно концепции автора, структуру любой развитой культуры.

Под «низями» Трубецкой подразумевал культурные ценности, которые удовлетворяют запросам народных масс, не имеют индивидуальных признаков и носят элементарный характер. «Верхи» культуры имеют усложненный индивидуализированный характер и удовлетворяют нуждам интеллектуальной и правящей элиты. В нормальном, здоровом обществе между народными массами и элитой существует постоянный обмен культурными ценностями: верхние ценности, попадая в народ, упрощаются, а нижние, мигрируя в элитарные слои населения, усложняются и индивидуализируются. Циркуляция культурных ценностей, взаимообмен и взаимообогащение являются признаками жизнеспособной культуры. Культура может обогащаться за счет привходящих «иноземных» источников, которые, попадая на новую почву, соответствующим образом модифицируются, чтобы органически войти в состав иной национальной культуры. Кроме указанного значения, Трубецкой использовал термины «верхи» и «низы» для описания этнического и социального состава русской нации: «верхи» — правящая элита, образованные классы, «низы» — народ.

До эпохи реформ Петра I русская культура была в основном однородной. Увоенные в Византии государственные религиозные и интеллектуальные ценности, модифицировавшись соответственно национальному облику русских, занимали позицию «верхов». Реформы Петра I раскололи русскую нацию на «верхи» и «низы», когда «верхами» выступили слои населения, усвоившие западные культурные ценности, а «низы» остались с прежними культурными ценностями, лишились опоры в верхних слоях населения. Прежние культурные ценности принимают «низовой» характер. Определяя этнографический состав «низов» русской культуры, Трубецкой пришел к выводу, что его составляющими элементами, кроме славянского, выступают также туранский и угро-финский элементы. «Верхи» русского народа, всегда жившие усвоенными ценностями (византийскими или западными), обособившись, составляют некую особую группу, психологически слабо связанную с туранским элементом, характерным для «низов». После крушения «верхов» русской культуры необходимо выстраивать новую модель, в которой, согласно Трубецкому, верхний пласт культуры должен состоять из элементов

византийского по происхождению православия и исконных, свойственных национальным «низам» русско-туранской культуры элементов. У Трубецкого использование терминов «верхи» и «низы» слабо дифференцировано, сливаясь иногда в однородные многозначные понятия: «верхи» как высшие культурные ценности и одновременно национальная элита и носитель этих ценностей, а «низы» — народ как носитель и выразитель национальных этнических ценностей.

Термин «верхи культуры» был использован П.П. Сувчинским в статье «Вечный устой», термины «верхи» и «низы» — в статье «Знамение былого (О Лескове)» (На путях. Берлин, 1922) для обозначения социальных групп (интеллигенции и народа). В значении разных пластов культуры и ее носителей эти термины использовал Г.В. Флоровский в статье «О патриотизме праведном и греховном» (Там же). Указанные авторы начали писать статьи в конце 1921 г. в Софии (Флоровский закончил статью в январе 1922 г. в Праге, Сувчинский — в начале 1922 г. в Берлине), до того как распался в связи с переездами первоначальный евразийский кружок. Это указывает на то, что термины «верхи» и «низы», скорее всего, были приняты в качестве евразийской терминологии раннего периода в процессе обсуждений и дискуссий евразийского кружка в Софии. В дальнейшем термины «верхи» и «низы» евразийскими лидерами будут использоваться только для обозначения социальных групп в обществе (например, в статье: *Сувчинский П.П. Идеи и методы // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925*). Трубецкой использовал термины «верхи» и «низы» в значении разных пластов культуры в статье «Мы и другие» (Там же), где подчеркивал менее ценный характер низовой культуры, т.к. культура «верхов» отличается от культуры «низов» не количественно, а качественно. В статье Трубецкого «К украинской проблеме» (*Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927*), написанной в конце 1926 г., рассматривались взаимоотношения великорусского и западнорусского направлений единой русской культурной традиции. Трубецкой специально при этом оговаривал, что термины «верхи» и «низы» не несут элемента оценки. В этой статье он отрицал правомерность постановки вопроса о преимуществе какого-либо этажа культуры, подчеркивая, что это две разные функции культуры, ценность которых зависит от одаренности ее творцов. В статье «К украинской проблеме» произошло окончательное оформление терминов: Трубецкой не употреблял их в значении «народ» и «элита», предпочитая использовать эти термины только для обозначения двух областей культуры. Термины «верхи» и «низы», по мнению Трубецкого, имеют историософский характер и призваны выявить и характеризовать истоки русской революции. Эти термины, в частности, применялись в большевистской фразеологии для обозначения социальных групп, являясь политическим шаблоном эпохи, но именно Трубецкой придал им особое значение. Термины «верхи» и «низы» использовали только лидеры евразийского движения в статьях и личной переписке, вновь примкнувшие к евразийству авторы (В.Н. Ильин, Л.П. Карсавин, Д.П. Святополк-Мирский и др.), за исключением Я.Д. Садовского, этих терминов не применяли.

Лит.: *Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. София, 1921. С. 86–103; Он же. Мы и другие // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 66–81; Он же. К украинской проблеме // Евразийский*

временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 165–184; *Он же*. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 196–200; *Сувчинский П.П.* «Знамение былого» (О Лескове) // На путях. Берлин, 1922. С. 134–146; *Он же*. Идеи и методы // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 24–65; *Флоровский Г.В.* О патриотизме праведном и греховном // На путях. Берлин, 1922. С. 230–293; *Ермишина К.Б.* Князь Н.С. Трубецкой: Жизнь и труды. М., 2015. С. 67–70.

К.Б. Ермишина

«ЕВРАЗИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 1921–1931 гг. Путеводитель по евразийской литературе», статья П.Н. Савицкого (под псевдонимом Степан Лубенский), помещенная в сборнике «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» (Кн. 7. Париж, 1931. С. 285–317). В статье Савицкий представил свою концепцию развития евразийских идей.

Сборник «Тридцатые годы» готовился к изданию непосредственно после клармарского раскола, в нем заметно противостояние П.Н. Савицкого и П.П. Сувчинского (первый пытался дезавуировать авторитет второго, не называя его в числе основоположников евразийства). Описывая сборник «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922), Савицкий упоминал о трех статьях Сувчинского, подчеркивая, что работа «Вечный устой» «невнятна», две другие статьи не вносят никаких новых идей в евразийство, а статья «Страсти и опасность» из сборника «Россия и латинство» «отклоняется от темы сборника» (Тридцатые годы. С. 289). По мнению Савицкого, на раннем этапе становления евразийства (сборники 1921–1923 гг. «Исход к Востоку», «На путях», «Россия и латинство» и «Евразийский временник. Кн. 3») самый существенный вклад в становление евразийских идей внесли он, Н.С. Трубецкой и Г.В. Флоровский.

По утверждению Савицкого, сборник «Исход к Востоку» «...произвел впечатление на русскую читающую публику по обе стороны рубежа» (Там же. С. 286). Савицкий несколько раз повторил мысль о том, что евразийская литература встречала живой отклик в советской России, а брошюра С.Л. Франка «Религия и наука» (Берлин, 1925), выпущенная «Евразийским книгоиздательством», «...непосредственно после выхода ее в свет, возбудила большой интерес среди учащейся молодежи в СССР» (Там же. С. 290). Савицкий посчитал нужным упомянуть о маленькой брошюре «Евразийство. Формулировка 1927 г.» (Париж, 1927. 15 с.), указывая, что некоторые ее отделы устарели, но текст ее был составлен в Москве. Ссылки на читающую публику в советской России показывают не изжитые к тому моменту иллюзии по поводу советской власти и возможности влиять на идейную обстановку в СССР.

В статье Савицкий представил себя основоположником евразийского движения: в сборнике «Исход к Востоку» он заложил основы евразийской этнографии и хозяйственно-географического учения; в статье «Степь и оседлость» («На путях») впервые в евразийской литературе сформулировал вопрос о влиянии монгольского ига на Россию; в статье «Подданство идеи» (Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925) положил начало исследованиям по идеократии; в статье из того же сборника «Хозяин и хозяйство» дал первый набросок евразийской экономической теории. Савицкий упомянул обо всех своих вышедших к тому времени

монографиях (Географические особенности России. Прага, 1927; Россия — особый географический мир. Прага 1927; О задачах кочевниковедения. Прага, 1928).

Большое внимание Савицкий уделил брошюре С.Л. Франка «Основы марксизма» (Берлин, 1926), сопровождая свой разбор огромными выписками на полторы страницы. Описывая евразийские сборники, он выделил значение Трубецкого, его вклад в евразийство: Трубецкой заложил основы евразийской этнографии в первом сборнике «Исход к Востоку», ввел понятие «языковый союз» в статье «Вавилонская башня и смешение языков» (Евразийский временник. Кн. 4), положил начало разработке вопроса о роли татаро-монгольского ига, в сборнике «К проблеме русского самопознания» (Париж, 1927) начал разработку евразийского учения о личности. Работу Трубецкого «Наследие Чингисхана» (Берлин, 1925), вышедшую под псевдонимом «И. Р.», Савицкий критиковал за резкое и неплодотворное отталкивание от чужих культур, научную слабость и размытые обобщения, в результате которых книга попала в разряд публицистики, а не научной литературы. Савицкий искусно обошел вопрос об авторстве «Наследия Чингисхана», для того чтобы не приписывать столь явных промахов Трубецкому.

Охарактеризовав первые евразийские сборники («Исход к Востоку», «На путях» и «Евразийский временник. Кн. 3») как «основной ствол евразийских изданий» (Там же. С. 289), дальнейшие работы Савицкий назвал отдельными ветвями, исходящими из единой основы, но посвященными уже специальным вопросам. Первой специализированной ветвью, посвященной религии, является сборник «Россия и латинство», второй ветвью указана брошюра С.Л. Франка «Религия и наука», автор которой, подчеркивал Савицкий, соприкасается с евразийством только некоторыми сторонами своего мировоззрения, т.к. он писал по заказу евразийского издательства. Далее Савицкий указывал на работу Л.П. Карсавина «О сомнении, науке и вере» (Берлин, 1925), попутно характеризуя автора как внесшего существенный вклад в развитие евразийства, но не принадлежащего к его основоположникам. Данное указание для Савицкого важно, потому что Карсавин входил в Парижскую группу евразийцев и во время кламарского раскола принял сторону Сувчинского. В качестве завершающих евразийских работ по церковному вопросу Савицкий указывал на переиздание книги А.С. Хомякова «О Церкви» (Берлин, 1923) и брошюру Л.П. Карсавина «Церковь, личность и государство» (Париж, 1927). Брошюра Л.П. Карсавина послужила основой для составления раздела, посвященного вопросам религии в программе «Евразийство. Формулировка 1927 г.» (Прага, 1927), которая, по указанию Савицкого, является программным документом и для евразийства 1930-х гг.

Высокую оценку Савицкого получил «Евразийский временник» (Париж, 1927. Кн. 5) как один из самых удачных в научном отношении. В сборнике напечатана первая евразийская работа Н.Н. Алексеева, которому дана высокая оценка как внесшему исключительно большой вклад в евразийство. Среди 14 статей «Евразийского сборника» (Прага, 1929) Савицкий отметил статьи Н.Н. Алексеева, В.Н. Ильина, К.А. Чхеидзе, Я.А. Бромберга и Н.А. Клепинина как наиболее удачные. «Евразийские хроники», редактором которых был сам Савицкий, кратко охарактеризованы как издание, некоторые выпуски которого стоят на уровне луч-

шей евразийской литературной продукции. В качестве значимых для евразийства изданий Савицкий указывал на монографии Г.В. Вернадского «Начертание русской истории» (Прага, 1927), Н.П. Толля «Скифы и гунны. Из истории кочевого мира» (Прага, 1928) и Э. Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие» (Белград, 1929). Кроме того, Савицкий упоминал три книги Алексеева: «На путях к будущей России» (Париж, 1927), «Собственность и социализм» (Париж, 1928) и «Теория государства» (Париж, 1931). В заключение Савицкий перечислил литературу по евразийству на английском языке — Г.Н. Сполдинга (под псевдонимом Английский евразиец) «Воскресающая Россия» (Лондон, 1928) и П. Н. Малевско-го-Малевича «Новая партия в России» (Лондон, 1928). Статья «Е. В.» показывает евразийство как движение, органически сложившееся в течение десятилетия, имеющее научные монографии и основополагающие работы, в которых ведущую роль сыграл Савицкий.

К.Б. Ермишина

«ЕВРАЗИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК», неперидическое повременное издание евразийского движения, выходило в 1923–1927 гг.

«Е. В.». Кн. 3. Берлин, 1923 (174 с.). Первый «Е. В.» был обозначен «Кн. 3» как преемник первых двух программных сборников евразийства («Исход к Востоку» и «На путях»). Готовя к изданию третий сборник, евразийские лидеры колебались относительно его характера. П.Н. Савицкий стоял за продолжение традиций программных сборников, предлагая назвать его «К небывалому». Лидеры пришли к выводу о том, что программа евразийства была заявлена в предыдущих сборниках, поэтому последующие должны носить характер продолжающих традицию неперидических изданий. В последующем П.Н. Савицкий рассматривал «Е. В.» (Кн. 3) как составляющий последнюю часть трилогии вместе с первыми двумя сборниками, хотя и более слабый по содержанию. «Е. В.» (Кн. 3) можно рассматривать как последнее издание евразийства, еще не оформившегося в качестве идеологии, открытого для авторов, не являющихся евразийцами, но сочувствующих некоторым его идеям.

«Е. В.» (Кн. 3) содержит 9 статей. Во Вступлении, написанном Савицким, подтверждено преемство с предыдущими сборниками и заявлено, что евразийство является новым направлением, не имеющим прямого преемства с русской религиозно-философской традицией (славянофилы, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский). В основе евразийства лежит личный опыт нескольких лиц, имеющих непосредственную связь с катастрофическими событиями 1917 г. в России.

В статье «Подданство идеи» П.Н. Савицкий предложил понятие идеи-правительницы, которая могла бы стать консолидирующим фактором для русской эмиграции, объединив беженцев на основе убеждения в мировом призвании России.

В статье «У дверей. Реакция? Революция?» Н.С. Трубецкой писал об идейном обнищании левой идеологии в России и других странах. Левая идеология дошла до логического предела развития и не может двигаться в более радикальном направлении, превратившись в правое консервативное охранительство. С одной

стороны, симпатии молодежи к правой идеологии говорят о моральной усталости, с другой — о предчувствии новой идеологии, которая будет иметь не правый и не левый уклон, но находиться вне этих традиционных направлений, явившись одновременно революционной и консервативной. Этим требованиям, полагал Трубецкой, отвечает евразийство.

В статье «К преодолению революции» П.П. Сувчинский доказывал, что вследствие революции Россия приобрела новый религиозный опыт. Революция была неизбежна, т.к. царская власть не дала самостоятельного задания русскому народу из-за пленения западными идеалами. Преодоление революции возможно на путях построения цельной идеологии, выявляющей религиозно-культурный лик России и дающей ей историческое задание.

В краткой статье «Живые камни» Н.С. Арсеньев высказал мысль о необходимости духовного возрождения России, которое будет основано на «живых камнях» — людях, носителях истинного мирозерцания и веры.

Статья М.В. Шахматова «Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов в России)» посвящена государственным идеалам Древней Руси, которые достаточно рано, еще в дотатарскую эпоху, оформились как постулат о святости власти, т.к. князь мыслился как мученик за веру, совершающий подвиг ради блага отечества. Шахматов подвергал разбору понятия «право», «правда» и «закон», доказывая, что западноевропейское естественное право на Руси не было известно, правовые отношения регулировались религиозными понятиями закона и правды. В отличие от классической евразийской историософии, личность и дело Петра I у Шахматова получают высокую оценку, татаро-монгольское нашествие оценивается как общенациональное бедствие.

В статье «Инобытие русской религиозности» П.П. Сувчинский развивал важное для раннего евразийства понятие «бытового исповедничества» как наиболее характерной для русского народа религиозности, запечатленной в бытовом укладе и традициях. Инобытие религиозности заключается в том, что раньше русский народ был носителем бытового исповедничества, после революции роль хранителя религиозной идеи переходит к интеллигенции.

В статье «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой размышлял о сущности культуры, законах ее действия, главным из которых является принцип национального многообразия. Трубецкой ввел понятие «радужная сеть культур», которые пересекается на границах. Привитие романо-германских ценностей другим культурам ради установления единообразной технической цивилизации пробуждает в других народах жадность к земным благам, гордыню и постепенный культурный упадок.

Статья «Производительные силы России» представляет собой изложение доклада Савицкого, произнесенного перед чешскими слушателями 15 января 1923 г. Несмотря на то что статья касается узкоспециальных вопросов (обзор земель, лесов, полезных ископаемых и др.), Савицкий счел нужным поместить ее в сборник, т.к. она проникнута пафосом веры во внутренние силы России, ее огромный потенциал, что даст возможность достаточно быстрого восстановления после революционного разорения.

В статье «Оппонентам евразийства (письмо в редакцию)» Я.Д. Садовский дал ответы на главные обвинения евразийства со стороны эмиграции: в том, что они — пассивные богоискатели, реакционеры, отказывающиеся от общечеловеческой культуры и призывающие к союзу с варварами, идеализирующие древнерусский период, пробольшевицки настроенные антисемиты и т.д. Кроме яркой апологетики евразийства, статья Садовского интересна тем, что дает обзор критических мнений о евразийстве в 1923 г.

«Е. В.». Кн. 4. Берлин, 1925 (445 с.). Первоначально планировалось посвятить очередной «Е. В.» церковно-богословским вопросам, выпустив его под заглавием «Догмат и творчество». По плану, который обсуждали в течение 1924 г., среди авторов намеченного «Е. В.», кроме основных лидеров, были названы Г.В. Вернадский, П.М. Бицилли, М.В. Шахматов, В.Н. Ильин, А.В. Карташев, Г.В. Флоровский, Н.С. Арсеньев.

Предисловие, по предложению Савицкого, должен был написать один из представителей церковной иерархии. Постепенно первоначальный план был практически полностью изменен. Статьи, предоставленные авторами, сформировали состав «Е. В.» (Кн. 4), который стал историософским сборником. Решение о сборнике с историософскими статьями было принято на съезде Совета Пяти, проходившем в Вене 31 ноября — 6 декабря 1924 г. В связи с разрывом с Флоровским статья на богословско-философскую тему в этом сборнике оказалась под вопросом. Это обеспокоило Трубецкого, утверждавшего, что без такой статьи евразийство отступит от взятой в сборнике «Россия и латинство» церковной линии. Для устранения этого недостатка Сувчинский привлек к участию в издании Л.П. Карсавина, который в 1924 г. вошел в состав евразийской организации.

После выхода «Е. В.» (Кн. 4) в среде эмиграции начались дискуссии, появилось много критически настроенных по отношению к евразийству авторов, обвинявших его в сменовеховстве и оскорблении исторической России, что связано с новой историософской концепцией, представленной на его страницах. Кроме того, в этом «Е. В.» евразийцы обозначили общие контуры своей идеологической доктрины, чему посвящена, например, статья Савицкого «Евразийство».

«Е. В.» (Кн. 4) содержит 13 статей, являясь самым объемным из всех евразийских изданий. В программной статье Савицкого «Евразийство» дан обзор главных, сложившихся к 1925 г. евразийских идей, таких как географические и культурно-исторические характеристики России-Евразии, отказ от европоцентризма и разработка евразийской концепции культуры, начала хозяйнодержавия, утверждение примата православия и теория фактопоклонства. В статье Савицкий доказывал, что евразийство — это не литературное течение, оно стремится активно бороться со злом волевыми методами, являясь, таким образом, политически активным движением.

В статье «Идеи и методы» Сувчинский пытался найти ответ на вопрос о причинах длительного успеха большевиков. Он обосновал понятие бытового исповедничества как вероисповедного прагматизма, который мог бы стать принципом духовного восстановления русской культуры; ввел понятие «третий максима-

лизм», подразумевая под ним евразийское мировоззрение, противостоящее коммунизму и реставраторству.

В статье «Мы и другие» Трубецкой определял место евразийства среди политических доктрин эмиграции и дореволюционной России. Он доказывал, что евразийство не имеет ничего общего ни с политическим индифферентизмом, ни с монархизмом, ни с народничеством, ни с большевизмом. В евразийстве поставлена иначе проблема взаимоотношения культуры и политики, что делает его новым явлением, за которым — будущее.

В статье «Уроки отреченной веры» Карсавин дал критический обзор католических догматов, обычаев, церковной практики и пришел к выводу об основном мировоззренческом грехе католицизма — гордыне, ведущей к разделению в догматической и церковной жизни. Вместе с тем он признавался в любви к нереализованным возможностям католичества, если бы оно было свободно от ереси.

Основной темой статьи В.Н. Ильина «Столп злобы богопротивной» являются размышления о сущности русской революции, ее философских предпосылках, этапах революционного развития. Ильин сделал вывод о том, что революция есть зло, реализованное в социальной сфере. Он ввел понятие Европы как метафизической (а не географической) родины зла, в лоне которой зародилась революционная идеология.

В статье «Сократ и проблема самопознания» В.Э. Сеземан утверждал, что критика европейской культуры требует критического рассмотрения европейской теории познания. Согласно Сеземану познание имеет две стороны — бытийную и меоническую, причем европейская цивилизация в Новое время развивала меоническую сторону, что вылилось в кризис позитивизма и рационализма. Вместе с тем Сеземан отмечал ряд положительных явлений, которые способны преодолеть кризис познания, связанный с потерей веры во всемогущество разума.

Статья М.В. Шахматова «Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России)» является второй частью из задуманной им серии очерков, первая часть была опубликована в предыдущем «Е. В.» (Кн. 3). Во второй части работы он исследовал политическую доктрину Древней Руси, которая носит название «государство правды» и противостоит идеалу правового государства Западной Европы. Смысл древнерусского учения состоит в слиянии права и нравственности, что, по Шахматову, является реальной альтернативой западному учению, а древнерусский идеал станет ответом на современный политический кризис.

Статья В.Н. Ильина «К взаимоотношению права и нравственности» была написана по просьбе редакции как комментарий к работам М.В. Шахматова. Ильин, формулируя иным языком и ссылаясь на другие факты, приходит к выводам, аналогичным сделанным Шахматовым.

Статья Г.В. Вернадского «Два подвига святого Александра Невского» посвящена политическим и культурным событиям XIII в., ее основной темой было рассмотрение роли татаро-монгольского ига для Руси. Русь оказалась в тисках между западными и восточными завоевателями, князь Александр Невский совершил подвиг смирения перед необходимостью покориться татарам, но одновременно

подвижнически сражался с западными завоевателями. Результатом его выбора было сохранение и укрепление православной веры и русской государственности. Даниил Галицкий, ориентировавшийся на Запад, и Александр Невский с ориентацией на Восток являют собой два типа русских политических и мировоззренческих установок — западническую и славянофильскую.

Статья Д.П. Святополк-Мирского «О московской литературе и протопопе Аввакуме (два отрывка)» посвящена рассмотрению литературного наследия протопопа Аввакума, который для автора выступает эталоном и образцом живой русской речи, лишенной словесных штампов. Святополк-Мирский полемизировал с писателями и журналистами эмиграции, не преодолевшими косности казенного языка, сложившегося после реформ Петра I, когда книжным языком русской культуры стал не московский, а киевский его вариант, подверженный польским влияниям.

Статья Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» посвящена проблеме познания русской нации, ее этнографических и психологических оснований. Одним из оснований выступает туранский элемент, который дает устойчивость русской психологии и, кроме того, является одним из основ русской религиозности.

Статья Я.Д. Садовского «Из дневника “Евразийца”» представляет собой краткие художественно-автобиографические заметки, в которых дана апология основных положений евразийства.

В статье «Хозяин и хозяйство» Савицкий сформулировал основные положения своей экономической теории (хозяйнодержавия), центральным понятием которой стала категория «добрый хозяин». Другие экономические категории статьи также связаны с персоналистическим осмыслением экономической сферы. Савицкий выдвинул экономическую теорию, которая бы противостояла как капитализму, так и социализму, являясь выразителем евразийского «третьего пути».

«Е. В.». Кн. 5. Париж, 1927 (308 с.). На евразийском совещании в Париже 12–15 апреля 1926 г. было решено, что концепция очередного «Е. В.» должна отличаться от предыдущего, а его темой будет разработка практических задач, в частности экономики. Данное решение, подтвержденное на евразийском курултае в начале мая 1926 г., стало основной линией, которой руководствовались при формировании состава сборника, т.к. евразийские лидеры, особенно Трубецкой, Арапов и Савицкий, считали историософскую линию евразийства в основном исчерпанной и ждали конкретного применения евразийских идей. «Е. В.» (Кн. 5) П.Н. Савицкий считал самым удачным в научном плане евразийским изданием.

В издании впервые участвовал Н.Н. Алексеев, присоединение которого к евразийству ознаменовало новый этап в его идейном развитии, переход к разработке политико-экономических и правовых проблем.

«Е. В.» (Кн. 5) содержит 10 статей. Во Вступлении к сборнику Савицкий заявил о том, что задачей настоящего «Е. В.» является установить отношение к государству и хозяйству на основе уже выработанных евразийством положений. Статья Сувчинского «К познанию современности» посвящена вопросу об успехах боль-

шевистской власти в России. Сувчинский доказывал, что победа большевиков не является случайной, но сам народ, ориентируясь на мистический рационализм, свойственный русской психологии, установил преемство власти от имперского самодержавия к советскому большевизму.

В статье «Феноменология революции» Карсавин дал схему революционного процесса, доказывая, что всякая революция, в том числе и русская, развивается стадийно, согласно определенным законам. Карсавин установил стадии развития революции от вырождения правящего слоя к его замене новым правящим слоем.

Статья В.П. Никитина «Иран, Туран и Россия» предваряется редакционным примечанием Савицкого, в котором он развивал идеи о месторазвитии как социально-исторической и одновременно географической среде. Как Иран, так и Туран являются месторазвитиями, а их история должна рассматриваться с точки зрения этого концептуального понятия. Никитин в своей статье констатировал, что как Россия, так и Иран были на одинаковых положениях подчинения Турану во время татаро-монгольского ига. Никитин старался найти общие психологические черты, свойственные как России, так и Ирану (чувство дисциплины, пассивность в области гражданского устройства, нелюбовь к отвлеченному мышлению и т.д.), которые позволят объединиться восточным народам и России в их противостоянии Западу и преодолении коммунизма.

В статье «Россия и Европа в их историческом прошлом» С.Г. Пушкарев развивал историософские идеи Савицкого и Трубецкого о том, что Киевская Русь еще до нашествия татаро-монгол клонилась к упадку, европейское иго могло быть более пагубным для России, чем татаро-монгольское, а географические условия Руси способствовали формированию не европейского, а скорее азиатского типа государства. Пушкарев проводил сравнительный анализ развития Руси и Европы, различия их исторических и цивилизационных типов.

В статье «Монгольское иго в русской истории» Г.В. Вернадский анализировал татаро-монгольское иго как историческое явление, доказывая, что оно является одним из центральных факторов русской истории. Основной тезис статьи Вернадского заключался в том, что со времен татаро-монгольского ига Русь попала в орбиту влияния мощной восточной цивилизации, что открыло для нее новые исторические пути, связанные с движением на Восток. Москва и Сарай были культурными центрами Джучиева улуса, имевшими единую историческую задачу — борьбу с западной католической экспансией.

В статье «К украинской проблеме» Трубецкой рассматривал степень влияния западнорусской культуры в послепетровской России. Он приходил к выводу, что Петр I насадил украинский вариант культуры, руководствуясь политическими целями. Это привело к украинизации великорусской духовной культуры, имевшей негативные последствия, т.к. украинизация открыла путь к европеизации России. Трубецкой дал прогнозы на будущее и указал на сложности в разграничении русской и украинской культур.

В статье «Основы политики» Карсавин постулировал, что термин «политика» используется им в значении, которое ему придал Аристотель: культура как целое

в неразрывной связи государства и общества. Государственность у Карсавина становится синонимом единства культуры как духовно-личного начала, хотя государственность как внешняя форма культуры имеет по отношению к ней подчиненное положение. Карсавин обосновывал концепцию соборной личности народа как субъекта культуры и доказывал, что евразийско-русская культура обладает личным бытием, поскольку выражает соборные общечеловеческие ценности. Русская революция имеет общечеловеческое значение, раскрывая возможность духовного самопознания Азии, в ней открывается выход из тупиков европейского индивидуализма.

В статье «Советский федерализм» Алексеев рассматривал внутривнутриполитическую ситуацию в СССР. Коммунисты организовали множество республик, тем самым заложив основы будущего сепаратизма и национализма. Национальный федерализм, по мнению Алексеева, должен сменить областной федерализм, что даст стабильность государству и исключит шовинизм.

Статья С.Л. Франка, первоначально заказанная ему евразийцами в качестве брошюры, была помещена под названием «Собственность и социализм». Она посвящена религиозно-философскому рассмотрению частной и общей собственности, их нравственной оценке. По мысли Франка, частная собственность ограничивает корысть и зависть, в чем заключается ее историческое и культурно-воспитательное значение, в то время как коммунисты, провозгласив общую собственность, способствовали росту низменных страстей. В отличие от Карсавина, Франк отстаивал реальность и ценность индивидуума по отношению к общему и коллективному началу.

В завершающей «Е. В.» статье «К вопросу о государственном и частном начале промышленности» Савицкий обосновал евразийскую систему, сочетающую государственные и частные начала экономики, с выявлением сфер, в которых то и другое должно действовать наиболее эффективно. Условия месторазвития России таковы, что они требуют вмешательства сильной и жесткой власти в ключевые сферы экономики, а частное начало может быть только прикладным и дополнительным, хотя оно необходимо и не может быть полностью упразднено.

На евразийском курултае, состоявшемся 14–18 июля 1928 г. в г. Эвьяне, было принято решение о выпуске следующего «Е. В.» (Кн. 6), который планировали посвятить социальным вопросам. В связи с кламарским расколом выход этого «Е. В.» не состоялся, однако Пражская группа евразийцев подготовила к изданию «Евразийский сборник» (Прага, 1929), который частично выполнил намеченную в Эвьяне программу, являясь преемственным изданием, помеченным как «Кн. 6».

«Е. В.», в отличие от «Евразийских хроник», был официальным изданием евразийского движения и ориентирован на широкую аудиторию. Содержание «Е. В.» подробно обсуждалось на съездах лидерами евразийства, подготовка к изданию каждого «Е. В.» знаменовала определенный этап в идейном развитии евразийского движения. Отбор статей в «Е. В.» был самым строгим, а статьи, которые могли бы вызвать серьезную критику в эмиграции, как правило, перенаправлялись

в очередную «Евразийскую хронику». Раскол движения положил конец выходу «Е. В.», в котором получили наибольшее выражение идеи евразийства 1920-х гг.

Арх.: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 444. Л. 7; Д. 452. Л. 16; Д. 445. Л. 162.

Лит.: *Савицкий П.Н.* Евразийская библиография 1921–1931 гг.: Путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж, 1931. С. 288; *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1921–1928. М., 2008. С. 196–200.

К.Б. Ермишина

«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОБЛАЗН», статья Г.В. Флоровского (Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 312–346), в которой он подверг всесторонней критике сложившуюся к этому времени систему евразийских идей.

Статье «Е. С.» предшествовали его апологетические работы (Письмо к П.Б. Струве об евразийстве // Русская мысль. 1922. Кн. 1/2; Окамененное бесчувствие // Путь. 1926. № 2), в которых Флоровский доказывал, что принцип примата культуры, характерный для евразийства, является подлинным истоком возрождения России. Последняя апологетическая статья «Окамененное бесчувствие» была написана в конце 1925 г., когда Флоровский еще верил в культурный потенциал евразийства. Однако дальнейшая евразийская литература, которую внимательно изучал Флоровский, убедила его в обратном.

В статье «Е. С.» Флоровский привел множество цитат из евразийской литературы без указания источника, но главным материалом для его критики служат статьи Карсавина «Феноменология революции» и «Основы политики» (Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927), программный документ «Евразийство: опыт систематического изложения» (Париж, 1926), работы Савицкого «Подданство идеи» (Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923), «О внепартийности» (Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927) и «Географические особенности России» (Прага, 1927). В «Евразийской хронике» (Вып. 8) Флоровский был возмущен статьей под псевдонимом В. Т. «Понятие Евразии по антропологическому признаку». Он также цитировал выдержки из работы Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана» (Берлин, 1925).

Основным тезисом, который доказывал Флоровский в статье «Е. С.», является утверждение о том, что для восстановления России важен подвиг культурного творчества и религиозной аскезы. Иные, более короткие пути являются соблазном, дающим в итоге ложную идеологию и бесплодные действия. Следуя по пути создания политической идеологии, евразийцы создали образ нового Левиафана, за которым встает облик Великого зверя (образ из Апокалипсиса). Теория евразийской государственности является соблазнительной с религиозной точки зрения. Доказывая свои основные утверждения, Флоровский обращался к критике конкретных положений, считая, что евразийство соблазнилось принятием эмпирической действительности советской России, не поняв и не осудив ее богоборческий, греховный характер.

Согласно концепции Карсавина («Феноменология революции») новый правящий слой, вышедший на поверхность после революции, является выразителем народной стихии и в процессе эволюции становится способным осуществить го-

сударственную миссию. По мнению Флоровского, в этой концепции основным является ложный тезис о якобы прекращении революции, в то время как в недрах народного духа идет смертельная борьба, гибнут сотни и тысячи людей, если не физически, то нравственно и духовно. Тем не менее евразийцы, по мнению Флоровского, готовы закрыть глаза на жертвы и принять «воров» в качестве нового правящего слоя.

Критикуя концепцию Савицкого об «идее-правительнице», которая придет на смену ложной коммунистической идее, Флоровский доказывал, что душа человека, восприняв в себя ложную идею, отравляется ею, так что механически заменить ее новой истинной идеей невозможно без духовного очищения. В концепции «идеи-правительницы» сказалось желание евразийцев не очистить душу народа, а перевести ее из одной одержимости (коммунистической идеей) в другую. В связи с этим для Флоровского кажется вполне закономерным умаление начала личности в евразийстве, что проявилось в концепции «симфонической личности», развиваемой Л.П. Карсавиным. Флоровский, критикуя концепцию «симфонической личности», доказывал, что как творчество, так и ответственность может быть только личной, а не многонародной или симфонической.

Критике подвергается концепция Савицкого о «месторазвитии», в которой Флоровский усматривает морфологизм, так что подлинным субъектом исторического процесса становится сама территория, а не духовная идея или творчество народа, созидающего ту или иную культуру. В евразийской историософии, по утверждению Флоровского, теряется проблема христианской философии истории.

Следующим пунктом в критике Флоровского была концепция Евразии и ее отношения к Европе и Азии. Флоровский доказывал, что общностью религиозных судеб Россия гораздо ближе к Западу, чем к языческой Азии. Утверждая обратное, евразийцы теряют правильную перспективу и изобретают концепцию язычества как «потенциального православия» («Евразийство: опыт систематического изложения»), которая подвергается особенно резкой критике. Флоровский доказывал, что в основе Азия является языческой, богоборческой и христорборческой, поэтому невозможно закрывать глаза на враждебные православии и духу Святой Руси ламаизм, буддизм или ислам. Самой острой критике подвергалась часть евразийской программы о соотношении Церкви и государства. Согласно Флоровскому евразийцы ставят государство над Церковью, вводят элемент тоталитаризма и духовной несвободы, а евразийская партия превращается в отдельную секту со своими задачами, не тождественными задачам Церкви.

Ответа на статью Флоровского «Е. С.» в евразийских изданиях не последовало. В статье «В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах» (Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7) П.Н. Савицкий, приводя подробный обзор критических работ о евразийстве за десятилетие, не упомянул статью Флоровского. Критическая статья Флоровского «Е. С.» стала самой известной среди работ, направленных против евразийства, но самими евразийцами была обойдена молчанием.

К.Б. Ермишина

ЗЕНЬКОВСКИЙ Василий Васильевич (04(16).07.1881, г. Проскуров Подольской губ. — 05.08.1962, Париж, Франция), протопресвитер, философ, богослов, психолог, педагог, историк литературы, мемуарист. Родился в семье педагога. В 1900 г. окончил гимназию и поступил на физико-математический факультет Киевского университета, в 1904 г. перевелся на историко-филологический факультет. С 1908 г. участвовал в заседаниях Киевского религиозно-философского общества, в котором вскоре был избран товарищем председателя (в отдельных статьях ошибочно назван председателем общества). В 1909 г. окончил Киевский университет, при котором оставлен для подготовки к преподавательской деятельности. В 1912 г. сдал магистерский экзамен и начал читать лекции по психологии в должности приват-доцента. В 1913–1914 гг. находился в заграничной командировке в Германии для написания магистерской диссертации. В апреле 1915 г. защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Проблема психической причинности», осенью 1915 г. назначен экстраординарным профессором по кафедре философии Киевского университета.

С 15 марта по 19 октября 1918 г. работал министром исповеданий в украинском правительстве гетмана П.П. Скоропадского. В январе 1920 г. эмигрировал в Югославию, жил в Белграде, с июня 1920 г. преподавал в Белградском университете. С 1923 г. жил в Праге, профессор Русского педагогического института им. Я.А. Коменского. С октября 1923 г. председатель Русского студенческого христианского движения (РСХД). С 1924 г. секретарь Братства святой Софии. В 1926 г. переехал в Париж. С октября 1926 г. по июнь 1927 г. находился в США, где в качестве стипендиата Рокфеллеровского фонда изучал проблемы религиозного воспитания. В 1927–1962 гг. профессор Свято-Сергиевского православного богословского института, с 1944 г. декан. В марте 1942 г. рукоположен во пресвитера, с 1955 г. протопресвитер. В 1948 г. получил ученую степень доктора церковных наук, защитив в качестве диссертации 1-й том исследования «История русской философии». Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

3. отличался многосторонними научными интересами. Занимаясь в семинаре профессора Киевского университета Г.И. Челпанова, З. еще студентом увлекся психологией и философией, итогом чего стала его магистерская диссертация «Проблема психической причинности». Затем он обратился к педагогике, написав работы «Принцип индивидуальности в психологии и педагогике» (1911) и «Социальное воспитание, его задачи и пути» (1918). В 1923–1926 гг. З. заведовал кафедрой экспериментальной и детской психологии в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского в Праге, в этот период вышла его книга «Психология детства» (1923).

После переезда в Париж З. проявил большой интерес к богословию и религиозной философии, активно публиковался в парижском журнале «Путь». После Второй мировой войны он написал знаменитый 2-томный труд «История русской философии» (1948–1950), выпустил курс лекций «Апологетика» (1957), завершил книгу «Н.В. Гоголь» (1961), подвел философские итоги в 2-томном исследовании «Основы христианской философии» (1961–1964), охватывающем гносеологию и

метафизику (3-й том о христианской антропологии З. не успел написать). «Христианская философия» для З. есть его идеал и основа для целостной и универсальной системы, над созданием которой ученый работал до конца жизни.

В 1920-х гг. З. был увлечен идеей православной культуры, понимая ее как путь к объединению русской эмиграции вокруг Церкви, изживанию политических и идеологических противоречий. Он редактировал сборник статей «Православие и культура» (Берлин, 1923), в котором опубликовал статью «Идея православной культуры». В тот же период З. писал большой труд, в котором разрабатывал «систему философии православия», направленную на преодоление общеевропейского духовного кризиса (рукопись сохранилась в архиве РСХД, опубликована в 2011 г. в 4-м томе Собрания сочинений). В свете основных религиозно-философских и историософских взглядов З. понятно его критическое отношение к евразийству. В сборнике «Православие и культура» З. опубликовал рецензию на второй сборник евразийцев «На путях». Он понимал евразийство прежде всего как «отход от Европы, от ее задач, от ее культуры» (Православие и культура. С. 233). Евразийских авторов З. делил на две группы: с одной стороны — упорные в отрицании европейской культуры «правовверные евразийцы» Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий, статьи которых он считал слабыми, с другой — П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский, развивавшие, по его мнению, идеи, по существу не связанные с евразийской идеологией. З. делал вывод: «Я не удивлюсь, если нынешние друзья разойдутся, ибо рано или поздно это случится» (Там же. С. 235).

Более развернутая характеристика евразийства представлена в книге З. «Русские мыслители и Европа» (1926). По мнению З., евразийство по идейным истокам ближе всего к К.Н. Леонтьеву с его признанием особого пути России, но без связи со славянским миром. Из положительных особенностей евразийцев З. отметил «восточные мотивы» и признание их значительной роли в истории России, из отрицательных — полное невнимание к опыту западного христианства. В основном З. полемизировал с Н.С. Трубецким и его концепцией в книге «Европа и человечество», которую считал определяющей для дальнейшего развития евразийства. Он утверждал, что Трубецкой занят исключительно рассмотрением конкретных исторических форм, а не идеальной цели европейской культуры, основанной на христианстве. З. полагал, что аргументы, приводимые Трубецким, являются слишком слабыми, чтобы полностью отказаться от универсальной идеи европейской христианской культуры. Религиозные размышления евразийцев З. считал поверхностными, а в их критике европейской цивилизации видел преобладание публицистического задора.

Личные контакты между З. и евразийцами практически отсутствовали, за исключением нескольких официальных обращений. Известны два коротких письма, написанных З. П.П. Сувчинскому весной 1922 г.: в первом письме он приглашал Сувчинского переехать из Софии в Белград для пропаганды русской музыки в Сербии, во втором — отвечал сожалением на отказ Сувчинского прислать статью (Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 6. Л. 1–2). В заметках «О Братстве святой Софии в эмиграции» З. упомянул о том, что Н.С. Трубецкой был приглашен в недавно учрежденное Братство, и заметил: «Это было, конечно странным, легковверным поступком, ведь

Н.С. Трубецкой был главой евразийцев, их вдохновителем...» (Братство святой Софии: Материалы и документы. С. 8). Отношение евразийцев к З. было также сдержанным и критическим. Н.С. Трубецкой писал П.П. Сувчинскому в феврале 1923 г. по поводу проекта Г.В. Флоровского издавать религиозно-философский журнал: «Флоровскому приходится, с одной стороны, придумывать для других темы, с другой — вводить в число сотрудников разных посторонних нам людей вплоть до Зеньковского» (*Трубецкой. Письма к П.П. Сувчинскому. С. 46*). Сотрудничество между З. и евразийцами не могло состояться из-за полного несовпадения идейных позиций, а затем оно стало невозможно из-за политизации евразийского движения.

Арх.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 6.

Соч.: Проблема психической причинности. Киев, 1914; Психология детства. Берлин, 1923; Русские мыслители и Европа. Париж, 1926; Париж, 1955; М., 1997; М., 2005; Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Париж, 1934; М., 1996; На пороге зрелости. Париж, 1948; Париж, 1955; История русской философии: в 2 т. Париж, 1948–1950; Л., 1991; М., 2001; *Das Bild vom Menschen in der Ostkirche: Grundlagen der orthodoxen Anthropologie*. Stuttgart, 1951; О мнимом материализме русской науки и философии. Мюнхен, 1956; Апологетика. Париж, 1957; Русская педагогика в XX в. Париж, 1960; Н.В. Гоголь. Париж, 1961; Основы христианской философии: в 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1961–1964; М., 1997; Пять месяцев у власти (15 мая — 19 октября 1918): Воспоминания. М., 1995; Педагогика. М.; Париж, 1996; О Братстве святой Софии в эмиграции // Братство святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939. М.; Париж, 2000. С. 5–12; Собр. соч. М., 2008–2011. Т. 1–4; Из моей жизни: Воспоминания. М., 2014.

Лит.: Памяти отца Василия Зеньковского. Париж, 1984; Жуков В.Н., Маслин М.А. В.В. Зеньковский о России, русской философии и культуре // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 3–8; Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 44–48; Ермишин О.Т. Путь к идейному синтезу и единству (о жизни и трудах В.В. Зеньковского) // Зеньковский В.В. Собр. соч. М., 2008. Т. 1. С. 5–37; Он же. Василий Зеньковский. СПб., 2017.

О.Т. Ермишин

«ИДЕЯ-ПРАВИТЕЛЬНИЦА», термин, предложенный П.Н. Савицким в статье «Подданство идеи» (Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 9–17) и получивший развитие в программном документе «Евразийство: Опыт систематического изложения» (Париж, 1926), а в дальнейшем — в статье Н.С. Трубецкого «Об идее-правительнице идеократического государства» (Евразийская хроника. Вып. 11. Берлин, 1935. С. 29–37).

В статье «Подданство идеи» Савицкий утверждал, что идея господствует над историческим процессом. По его мнению, идея, составляющая государственный и общественный идеал, властно возносит одни личности, иногда самые ничтожные, и низлагает другие, даже если они обладают выдающимися качествами, но не соответствуют И.-П. Савицкий, а затем и другие евразийцы пытались разгадать формулу И.-П., которая поможет преодолеть коммунистическую идеологию в советской России, поскольку уже в середине 1923 г. евразийство начинает оформляться как общественно-политическое течение, претендующее на идейное господство и в перспективе выступающее преемницей власти в России.

Положительная задача создания новой И.-П., как полагал Савицкий, заключается в том, чтобы разработать концепцию русского национализма, связанную с убеждением, что Россия имеет мировое призвание. Перед Россией стоит мировая задача сохранения и утверждения религиозной веры, от которой отказалась Европа и без которой человечество потеряет все духовные ориентиры. Духовную идею невозможно реализовать вне облечения ее в более «материальную» и действительную И.-П. И.-П. призвана сохранить и утвердить подлинно духовную, религиозную идею. В эмиграции И.-П. должна заменить русскую государственность до тех пор, пока она сама не будет воссоздана этой идеей. В настоящий момент русские, как в советской России, так и в эмиграции, остались без подданства, поэтому должны быть подданными идеи, которая как И.-П. заменяет государственные учреждения и предшествует возможным будущим правителям. Провозгласив необходимость И.-П., Савицкий тем не менее констатировал ее отсутствие, предложив ее разработку как задачу будущего. В ранней концепции Савицкого И.-П. наполнена преимущественно духовным и церковным, частично мессианским содержанием (автор указывал, в частности, на идею XV в. «Москва — Третий Рим» как И.-П. для своего времени). В последующем, по мере оформления евразийства как политического движения, меняется понимание И.-П., ее сущности и задач.

В работе «Евразийство: Опыт систематического изложения», авторство которого приписывают Л.П. Карсавину, И.-П. уже отождествляется с евразийской системой идей, которая названа «истинной идеологией». Как и в статье «Подданство идеи», развивается концепция главенствующей идеи, определяющей и направляющей жизненный процесс и существование государства. Признаками господствующей идеи выступают ее соборность, непротиворечивость конкретной действительности, т.к. она есть живой организм, порожденный жизнью.

После 1926 г. метафора «И.-П.» в работах и устных выступлениях евразийцев заменяется термином «идеократия» (или «эйдократия» у В.Н. Ильина), что знаменует эволюцию от исходного, достаточно неконкретного понятия к евразийской мировоззренческой системе.

Трубецкой в статье «Об И.-П. идеократического государства» вновь вернулся к исходной концепции, предложенной Савицким. В понимании Трубецкого И.-П. — основа, «стержень» правящего строя и, наоборот, правящий слой — ее носитель. Взаимозависимость И.-П. и правящего слоя есть основной фактор ее бытия. Признаком правящего отбора (его «селекции») является преданность И.-П., вплоть до готовности пожертвовать собой. И.-П. должна быть такой, что должна оправдать самопожертвование тех, кто воплощает ее в жизнь, а их действия расценивались бы как морально ценный поступок. Классовая диктатура и национализм, основанные на эгоизме, не могут считаться истинными И.-П. Истинной идеей может быть только благо всех народов, населяющих государство Россию-Евразию. Идеократию СССР Трубецкой называет ложной, т.к. ложным является исходная И.-П., т.е. социализм, который может быть только ее следствием, а не содержанием. Европейские страны в качестве И.-П. избрали ложные принципы, такие как «частнонародный» национализм. По прогнозам Трубецкого, к подлинной идеократии как в Европе, так и в СССР придут только в результате кровавых потрясений и

тяжелейших испытаний. Трубецкой утверждал, что истинной И.-П. в настоящий момент времени еще не существует. Он не отождествлял ее с евразийством, как оно сложилось в 1920-х гг., но понимал И.-П. как возможный результат мировых трагических событий, которые приведут правящий слой к осознанию истины. В отличие от Савицкого, связывающего И.-П. с некой метафизической стихией, которую он неопределенно называл «жизнь», а впоследствии отождествлял с евразийской идеологией, Трубецкой использовал при ее описании четкие и конкретные формулы, связывая И.-П. с правящим слоем и лишая ее, таким образом, возможного демократического толкования. Принципы, на основе которых будет сформирована И.-П., Трубецким уже были указаны в работе «Европа и человечество» — преодоление эгоизма, шовинизма и узко понимаемого национализма, благо всех народов Евразии.

Лит.: *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 9–17; *Евразийство: Опыт систематического изложения.* Париж, 1926; *Трубецкой Н.С.* Об идее-правительнице идеократического государства // Евразийская хроника. Вып. 11. Берлин, 1935. С. 29–37.

К.Б. Ермишина

«К ПРОБЛЕМЕ РУССКОГО САМОПОЗНАНИЯ», сборник статей Н.С. Трубецкого, вышел в Евразийском книгоиздательстве в 1927 г. Место издания на титульном листе не указано, но на последнем листе напечатан парижский адрес типографии: Impr. De Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

В сборник вошли четыре статьи, три из которых ранее уже были напечатаны в евразийских сборниках: «Об истинном и ложном национализме» (Исход к Востоку. София, 1921), «Верхи и низы русской культуры» (Там же), «О туранском элементе в русской культуре» (Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925). Открывает сборник предисловие «От автора», а завершает впервые публикуемая статья «Общеславянский элемент в русской культуре». В конце книги помещены два приложения: I. Родословие славянских литературных языков; II. 1. Великорусская народная песнь в «индокитайской» (пятитонной) гамме, 2. Тюркские песни в «индокитайской» (пятитонной) гамме.

Идею сборника предложил П.П. Сувчинский в сентябре 1926 г. Он хотел соединить в одном издании две статьи: «О туранском элементе в русской культуре» и «Общеславянский элемент в русской культуре» под названием «К П. Р. С.». Трубецкой отнесся к его идее без энтузиазма, назвал такой сборник искусственной комбинацией и счел более правильным издать отдельной брошюрой статью «Общеславянский элемент в русской культуре» (письмо к Сувчинскому от 23 октября 1926 г.). После обмена мнениями с Сувчинским Трубецкой согласился на компромисс и предложил добавить еще две статьи из сборника «Исход к Востоку», небольшое предисловие и два приложения, утвердив, таким образом, окончательный состав сборника (письмо к Сувчинскому от 4 ноября 1926 г.).

Сборник «К П. Р. С.» объединяет единая концепция самопознания. В статьях сборника раскрыта точка зрения Трубецкого на евразийство, основанная на его учении о личности (персонологии). В предисловии Трубецкой указывал: «Одним

из самых важных понятий, лежащих в основе евразийского учения (м<ожет> б<ыть>, даже самым важным), является понятие личности. На этом понятии строится и философская, и историософская, и социологическая, и политическая стороны евразийства» (с. 3). По его мнению, только через самопознание возможно обретение гармонии и целостности личности. Народ, как и отдельный человек, обладает личностью, которая отличается целостностью. Обретение народом цельности внешне выражается через создание самобытной национальной культуры. Гармоничное устройство культуры, по Трубецкому, предполагает тесную связь между индивидуальным и национальным самопознанием. Истинная культура основана на самопознании, и только из нее вырастает истинный национализм. В статьях «Верхи и низы русской культуры» и «О туранском элементе в русской культуре» Трубецкой раскрыл свое понимание основ русской культуры. С одной стороны, он выступил против разрыва между «верхами» и «низами» в русской культуре, а с другой — исследовал этническую основу, которая объединяет в России (Евразии) славян и «туранцев» (носителей степной культуры). Анализируя «туранский» психологический тип, Трубецкой доказывал духовное родство народов, живущих на территории Евразии. В статье «Общеславянский элемент в русской культуре» Трубецкой утверждал, что не существует общеславянского типа, а «славянство» есть лингвистическое понятие. Он анализировал развитие славянских языков и пришел к выводу, что русский литературный язык является общеславянским элементом в русской культуре и единственным звеном, связывающим Россию со славянством. Концепция Трубецкого, развернутая в сборнике «К П. Р. С.», основана на соединении общеевразийской идеологии и мировоззрения автора, ориентированного на лингвистику, культурологию и этнопсихологию.

Лит.: Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 218–222.

О.Т. Ермишин

КЛАМАРСКИЙ РАСКОЛ, приведший к кризису евразийского движения, происходил с октября 1928 г. до середины 1929 г. в г. Кламаре (около Парижа), где находилась евразийское издательство. Издательство было юридически оформлено с согласия всех лидеров движения на П.П. Сувчинского, который заключал договоры с типографией и распоряжался финансовыми средствами.

К.Р. был следствием идейного расхождения лидеров евразийского движения, первые признаки которого обозначились в начале 1925 г. на евразийском съезде с участием представителей Треста. Отправной точкой послужило выступление П.Н. Савицкого и оглашение им так называемого Ковенского документа (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 15–44) — евразийской декларации, вызвавшей разногласия среди лидеров.

После переезда Сувчинского в Париж в 1925 г. под его руководством оформилась Парижская группа евразийцев, характерными чертами которой была политизированность, увлечение философией «общего дела» Н.Ф. Федорова, близкие контакты с организацией Трест через П.С. Арапова (члена Парижской группы), ориентированность на советскую Россию. Сувчинский неоднократно (декабрь 1927 г., апрель и июль 1928 г.) обещал Трубецкому искоренить марксистский уклон

в Парижской группе, в которой тем не менее увлечение марксизмом осталось преобладающим. К концу 1926 г. Сувчинский начал переписку с Н.В. Устряловым, в которой обсуждал идеологические вопросы, утаивая ее от других лидеров. Он также скрывал содержание бесед с советскими представителями, прибывающими в Париж.

В марте 1928 г. Сувчинский решил издавать газету как печатный орган для выражения своих идей, получивших марксистско-коммунистическую направленность. Идею газеты поддержал Арапов, Савицкий выступил против, а в случае ее выхода предлагает обозначить как «Орган Парижской евразийской группы, или центра», для уменьшения ответственности за нее всего евразийства (Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 23. Л. 2 об.). Трубецкой поставил условием выхода газеты достижение единства среди лидеров. Предшественником газеты «Евразия» был «Информационный бюллетень» прокоммунистического направления, издававшийся в Клараме, основным содержанием которого были перепечатки из советских газет. Против издания бюллетеня выступали Трубецкой и Савицкий, последний особенно настойчиво на съезде Политбюро в Эвьене (июль 1928 г.). Под нажимом Сувчинского Евразийским политбюро было принято решение об издании газеты «Евразия».

В сентябре 1928 г. в Кларам для работы по подготовке газеты приехали члены Пражской евразийской группы Н.А. Дунаев, К.А. Чхеидзе и Н.Н. Алексеев, которые не были допущены к редакторской работе. Редакционная коллегия, утвержденная постановлением Политбюро в июле 1928 г., была расформирована Сувчинским, который создал вместо нее в конце января 1929 г. новую коллегию, куда вошли только согласные с прокоммунистической линией евразийцы.

22 октября 1928 г. в Кларам приехал Савицкий с письмами ранее прибывших туда пражских евразийцев, описывавших начало раскола, для разрешения возникшего конфликта. После прибытия Савицкого состоялось евразийское собрание, на котором была прочитана передовая статья первого номера газеты. В передовой статье были сформулированы идеологические основы газеты «Евразия», которые сводились к тому, что газета должна быть связующим звеном между евразийцами и строителями коммунизма в советской России. По настоянию Савицкого передовая статья была снята, но Сувчинский не отказался от идеи проводить в газете свою идеологическую линию. На редакционном собрании, состоявшемся за несколько часов до выхода первого номера, Сувчинский показал текст приветствия М.И. Цветаевой В.В. Маяковскому, подготовленный для первого номера. Савицкий заявил, что данный текст не может быть помещен в первом номере евразийской газеты, но его мнение не было учтено. Увидев «Обращение» в окончательной корректуре, он в ночь с 21 на 22 ноября приехал к Сувчинскому с настойчивой просьбой снять «Обращение» или, в случае несогласия, приостановить выход газеты, но Сувчинский не согласился на эти требования. Таким образом, состоялся распад евразийской редакционной тройки (в составе Трубецкого, Савицкого и Сувчинского), основное правило которой заключалось в том, что ни одно издание или статья не могли быть напечатаны без согласия всех троих.

23 ноября 1928 г. Савицкий письменным отказом сообщил о прекращении своего участия в редактировании газеты. 24 ноября 1928 г. Трубецкой отправил телеграмму с требованием приостановить выпуск газеты в условиях конфликта лидеров. Савицкий пытался оказать давление на Сувчинского с помощью предложения о съезде Политбюро в срок между 15 и 25 декабря 1928 г., но Политбюро не было создано. Савицкий требовал преобразовать газету в евразийском духе и передать средства, выделенные П.Н. Малевским-Малевицем, на совместный текущий счет членов Евразийского совета Л.П. Карсавина, Савицкого, Сувчинского, но ни одно из его требований не было выполнено. 31 декабря 1928 г. Трубецкой сообщил о своем выходе из евразийской организации письмом в редакцию газеты «Евразия» (напечатано в № 7 от 5 января 1929 г.).

В январе 1929 г. П.Н. Савицкий в сложившихся условиях взял на себя инициативу, провозгласив себя единственным лидером евразийства, который остался верен первоначальным идеям. Он предложил выпустить брошюру «О газете “Евразия”» (Париж, 1929). В брошюре, кроме статей Савицкого, Н.Н. Алексева и В.Н. Ильина о том, что газета не является евразийским органом, поместили письмо Трубецкого с сообщением о выходе из организации, постановление Пражской евразийской группы и обращение Белградской евразийской группы к кламарским евразийцам. Брошюру рассылали по всем евразийским ячейкам, констатируя раскол движения, но она не могла остановить начавшийся процесс массового выхода из евразийской организации рядовых членов. Произошел раскол и в рядах Парижской группы, которая разделилась на Кларскую группу евразийцев, поддержавшую линию Сувчинского, и выступившую на стороне Савицкого Парижскую группу, образованную 19 января 1929 г. На совещании с присутствием представителей новообразовавшейся Парижской группы Савицкий выступил с инициативой образования Распорядительного комитета, который стал верховным органом управления евразийством. Кроме председателя Савицкого в комитет вошли Н.Н. Алексеев и Н.А. Клепинин, позднее — представители Балканской и Пражской евразийских групп.

После возвращения из США П.Н. Малевского-Малевица 2 августа 1929 г. было созвано заседание Кларской евразийской группы, на котором заслушали доклад Малевского-Малевица о возможностях преодоления К. Р. Малевский-Малевиц предложил созвать совместный съезд для устранения конфликта и выработки новых формулировок. Савицкий выступил с предложением создать «Паритетный орган», но поставил условием устранение от участия Сувчинского, Карсавина и Святополк-Мирского. Кларская группа отклонила это предложение и отказалась признать Распорядительный комитет.

В ситуации К. Р. основной спонсор евразийского движения Г.Н. Сполдинг поставил ряд условий для дальнейшего финансирования евразийского движения: закрытие газеты «Евразия», примирение евразийских лидеров и реформирование поредевших евразийских групп для достижения идеологического единства. Требования Сполдинга не были удовлетворены, и он заявил о прекращении финансирования летом 1929 г.

Газета «Евразия» продолжала издаваться до 7 сентября 1929 г., но евразийское издательство оказалось в долгах, поэтому выпуск газеты был приостановлен. Арапов начал поиск благотворителей для покрытия долгов, которые согласился заплатить Меллер-Закомельский в ноябре 1929 г.

Небольшие денежные суммы от Сполдинга эпизодически продолжал получать Савицкий (до конца 1932 г.). Осенью 1930 г. Савицкий обратился с просьбой к Сувчинскому о передаче ему со складов издательства евразийской литературы. Сувчинский передал ему значительную часть ранее напечатанной евразийской литературы и фактически тем самым сложил с себя полномочия евразийского лидера. После К. Р. евразийство сконцентрировалось вокруг Пражской евразийской группы под руководством Савицкого, который возглавил движение.

Арх.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 26; ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 15–44; Д. 448. Л. 12–17; Д. 449. Л. 134.

Лит.: О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). Париж, 1929; Кламарский раскол в евразийском движении // Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 287–323; Устрялов Н.В. Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930. М., 2010; Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М., 2018. С. 517–520.

К.Б. Ермишина

ЛАТИНСТВО, термин, предложенный Г.В. Вернадским для обозначения Католической церкви и ее духовного наследия, впервые был использован в сборнике «Россия и латинство» (1923).

В декабре 1922 г. П.П. Сувчинский предложил назвать сборник «Россия и католичество». Лидеры евразийства готовы были утвердить предложение Сувчинского, но Вернадский выступил с замечанием, что слово «католичество» имеет корнем слово «кафолический», что значит «вселенский» (от греч. καθολικός), а подлинно Вселенской церковью можно считать только Православную церковь. Для избежания двусмысленности «католичество» было заменено на «Л.», а в самом сборнике особым примечанием было подчеркнуто, что это древнерусский термин, который служил для обозначения римско-католического вероисповедания.

Н.С. Трубецкой в письмах 1920-х гг. к Сувчинскому употреблял слово «Л.» с прописной буквы («Россия и Латинство»), подчеркивая тем, что термин охватывает совокупность романо-германских народов, их психологический склад и порождаемую ими религиозность. Л. и Россия противостоят в таком же смысле, как Европа и Человечество (это слово Трубецкой также писал с прописной буквы). В отличие от дуалистического противопоставления, концептуально важного для Трубецкого, при употреблении термина «Л.» П.Н. Савицкий подчеркивал анти-соборный, местный характер Католической церкви, отпавшей, по его мнению, от полноты вселенского христианства. В частности, мировоззрение священника Сергия Булгакова и примкнувшего к нему в 1923 г. Г.В. Флоровского Савицкий определял как «латинство» или «полулатинство», т.е. близкое по духу к католичеству. Сувчинский в статье «Идеи и методы» (Евразийский временник. Кн. 4.

Берлин, 1925) употребил термин «Л.» для обозначения онтологических элементов в мировоззрении В.С. Соловьева. Согласно Сувчинскому Л. как элемент чуждого католического, европейского мировоззрения, попадая на русскую почву, негативно действует на окружающую культурную среду, не являясь органической частью русской религиозной культуры. Термин «Л.» для обозначения Католической церкви также употребляли Л.П. Карсавин в статье «Уроки отреченной веры» и В.Н. Ильин в статье «Столп злобы богопротивной» (Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925).

Лит.: Россия и латинство. Берлин, 1923; *Сувчинский П.П.* Идеи и методы // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 24–65; *Карсавин Л.П.* Уроки отреченной веры // Там же. С. 82–154; *Ильин В.Н.* Столп злобы богопротивной // Там же. С. 155–223; *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1921–1928. М., 2008. С. 64–65.

К.Б. Ермишина

ЛИВЕН Андрей Александрович (16(28).10.1884, имение Змеево Харьковской губ. — 19.06.1949, София, Болгария), протоиерей, церковно-общественный деятель, поэт. Из княжеского рода. Окончил Пажеский корпус и Демидовский лицей в Ярославле со степенью кандидата юридических наук. В 1914 г. избран предводителем дворянства Коломенского уезда Московской губ. Воевал в Белой армии на юге России, эмигрировал, после пребывания в лагере Галлиполи переехал в Софию (Болгария). С 1925 г. священник в юрисдикции Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ), в 1925–1944 гг. помощник настоятеля церкви Святителя Николая в Софии, в 1926–1944 гг. секретарь епископского совета при управляющем русскими приходами в Болгарии, с 1930 г. протоиерей, в 1938 г. участник 2-го Собора РПЦЗ в г. Сремски-Карловцы. В 1944 г. был арестован коммунистическими властями и некоторое время находился в тюрьме. С 1945 г. настоятель церкви Святой Параскевы, в 1947–1949 гг. возглавлял русскую общину РПЦЗ в Софии. Похоронен на Центральном кладбище Софии.

Л. стоял у истоков евразийства, ему принадлежит идея создания евразийского издательства, но в деятельности самого движения он практически не принял участия. В конце 1920 г. Л. сразу после эвакуации Белой армии из Крыма занялся организацией евразийского издательства. П.Н. Савицкий, находясь в Константинополе, узнал об издательском проекте из письма Л., на которое восторженно ответил 2 декабря 1920 г. и предложил написать для евразийского издательства очерк экономической природы Евразии (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 325. Л. 3). В 1921 г. в Софии был организован религиозно-философский кружок, в котором разработкой евразийской теории занялись Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский. После того как евразийство оформилось как новое идейное течение, Л. выступил с инициативой выпуска сборника «Исход к Востоку» (1921), а затем, в конце 1921 г., составил общий план сборника «На путях» (1922). В конце 1921 г. и 1922 г. лидеры евразийства покинули Софию, а Л. перестал отвечать на их письма и полностью отстранился от евразийского движения.

Арх.: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 325.

Соч.: Лирика. М., 1997; Три шага. Поэмы. М., 2001.

Лит.: Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М.; Париж, 2007. С. 293–294.

О.Т. Ермишин

«МИГРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ», статья П.Н. Савицкого из первого евразийского сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921. С. 40–51).

Статья «М. К.» посвящена закономерностям распространения культурных центров. Савицкий понимал культурные центры как средоточия культурной жизни, которые оказали наибольшее влияние на окружающие народы, т.е. являлись силой, направленной на культурную экспансию. Савицкий определил свою концепцию как культурно-климатическую или формально-географическую, не претендуя на ее научную доказанность, но понимая ее как философскую идею. Философия в данном случае служит синонимом евразийского мировоззрения.

Сущность концепции «М. К.» состоит в том, что согласно географическим наблюдениям Савицкого каждую тысячу лет начиная с 1000 г. до н.э. культурный центр сдвигался в климатическую зону со среднегодовой температурой ниже на 5°С, так что миграция культуры неуклонно двигалась с юга на север: микено-тройская культура, греко-италийский Запад, Эллада, Рим, Галлия, Константинополь, Англия, Скандинавия и Германия. Савицкий высказал идею, использованную позднее в теории «единства мироздания» о том, что передвижение культурных центров имеет параллель с процессами органической эволюции мира: от вторичного периода, во время которого на всей планете господствовал экваториальный климат, к меловому периоду с его обособлением полярных зон и последующим охлаждением, после чего установилось господство теплокровных животных.

В статье «М. К.» Савицкий дал оценку западноевропейской культуре, которая к XX в. стала ведущей. Он не отрицал ее всемирно-исторического значения, т.к. Европа смогла впервые в истории человечества установить систему взаимоотношений между всеми народами Земли, объединив таким образом планету. Кроме того, выходцы из Европы колонизовали страны Америки, Австралии и части Африки. Культурная гегемония может вновь передвинуться к югу, не упраздняя культурного преобладания Запада. Савицкий тем не менее считал более вероятным продолжение наблюдаемой тенденции, которая приведет в самом ближайшем времени к перемещению культурного центра в климатические зоны со среднегодовой температурой 0°С. Климатическими зонами, удовлетворяющими всем эмпирическим вычислениям, которые могут претендовать на культурную гегемонию, выступают Евразия и Северная Америка. Последнее подтверждается бурным развитием экономики в Америке и революцией в России. Два претендента на всемирную культурную гегемонию тем не менее маловероятны, поэтому Савицкий делал вывод о том, что именно Россия может явиться истинной наследницей Западной Европы, т.к. американская цивилизация является перенесением

романо-германской культуры за океан и не имеет своих внутренних творческих источников. Россия имеет в своем составе разнообразные культурные влияния, от Византии до великих культур Востока, предшествующих господству Европы. Обладая мощным культурным потенциалом, Россия может стать подлинной наследницей великих культур Старого Света. В отличие от Трубецкого, негативно оценивающего романо-германскую культуру, Савицкий не высказывал однозначно отрицательного отношения к ней, предпочитая рассматривать мировые процессы в их целостности. Географическая точка зрения на исторические и культурные процессы, которую отстаивал Савицкий, стала его оригинальным вкладом в общую систему евразийских идей.

К.Б. Ермишина

«НА ПУТЯХ. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922. Кн. 2. 356 с.), второй программный евразийский сборник статей, вышел в июле 1922 г. План сборника был составлен в конце 1921 г. А.А. Ливеном.

Сборник «Н. П.» содержит 10 статей. В статье П.Н. Савицкого «Два мира» сформулирована теория двух идейных течений в русской культуре: одно связано с народными корнями, другое — с подражанием Западу. Революция есть осуществление второго пути, тогда как Россия, утверждал Савицкий, должна вернуться к первому пути и религиозной вере.

Статья Н.С. Трубецкого «Русская проблема» посвящена политическим прогнозам будущего России. Трубецкой утверждал, что Россия уже невозможна как великая европейская держава, но ее призванием может стать лидирующее положение среди восточноазиатских стран. Она может возглавить процесс освобождения от романо-германского ига, для чего необходим переворот в мировоззрении русской интеллигенции. В его же статье «Религии Индии и христианство» уточнялось, что поворот к Востоку, о котором говорят евразийцы, является не религиозным, но мировоззренческим, а приоритет православной религии и Церкви остается неизменным. Трубецкой анализировал религии Индии и показывал их несостоятельность с точки зрения христианского вероучения.

П.П. Сувчинский поместил в сборнике три статьи: «Знамение былого (о Лескове)», «Типы творчества (Памяти А. Блока)» и «Вечный устой». В первой статье он рассматривал творчество Лескова как эталон, в котором органически сочетались народный дух и образованность, и охарактеризовал Лескова как пророческого гения предреволюционной эпохи. Во второй статье Сувчинский анализировал различные аспекты творчества А.С. Пушкина и А.А. Блока, останавливаясь на образах Медного Всадника и степной кобылицы как воплощениях русской революционной стихии. В третьей статье он формулировал тезис о принятии русской революции и о невозможности бороться с ней. Сувчинский понимал революцию как неумолимую стихию, которая изменила психологию русского народа. Он рассматривал революцию в первую очередь как культурное явление и предрекал грядущий расцвет подлинно народной творческой культуры.

Статья А.В. Карташева «Реформа, реформация и исполнение Церкви» предвзрета предисловием Савицкого, в котором он определил точки расхождения с

Карташевым и одновременно указал на то, что в основных богословских вопросах (оценка католичества, протестантизма, иудейства) евразийцы с ним согласны. В статье Карташев затронул ряд вопросов религиозно-философского характера. Отстаивая необходимость церковных реформ, он определил свое отношение к таким вопросам, как церковный раскол, реформация, сущность Церкви и ее исторические искажения.

В статье «О патриотизме праведном и греховном» Г.В. Флоровский сформулировал тезис о том, что подлинное величие страны — в культурном творчестве и национальном духе, которые и составляют сущность праведного патриотизма, в то время как ложный патриотизм (Белое движение, национал-большевики) на первое место ставят государственную мощь и единство страны. Источник проблемы — культурное разобщение русского народа, возникшее после реформ Петра I. Революция 1917 г. закончила петровский период русской истории. После революции открылись перспективы для творческого создания новой русской культуры, основанной на подлинно народном духе и православном мировоззрении.

В статье «Восток и Запад в истории Старого Света» П.М. Бицилли опровергал общепринятую в европейской историографии схему противостояния Востока и Запада. Он предложил концепцию истории Старого Света как борьбу приморских окраин с центральными регионами, ставившими себе задачу осуществить единство континента. Бицилли затронул темы, которые потом стали центральными для евразийской историософии: особенности туранской психологии, Москва как наследница государственного дела Чингисхана.

В статье «Степь и оседлость» Савицкий рассматривал историю Старого Света как взаимодействие центра и окраин, сформулировав тезис о том, что без влияния татаро-монгол не было бы России.

Второй евразийский сборник тематически связан с первым («Исход к Востоку»), но тем не менее за счет привлечения новых авторов он вывел евразийское движение на новый уровень. В сборнике «Н. П.» евразийцы уточнили исходные положения и продемонстрировали творческий потенциал евразийства.

К.Б. Ермишина

ПАРИЖСКИЙ СЕМИНАРИЙ, действовал в 1926–1928 гг., был создан при Парижской евразийской группе и организован по образцу Пражского евразийского семинария (действовал под руководством П.Н. Савицкого с 1924 г.). Руководитель П. С. — Л.П. Карсавин, приехавший в Париж по приглашению П.П. Сувчинского в июле 1926 г.

Первый сезон работы П. С. открылся 3 ноября 1926 г. циклом лекций Карсавина под общим названием «Россия и Европа». Заседания П. С. проходили по понедельникам в арендуемом евразийцами помещении на рю де Магдебург (rue de Magdebourg), 11-bis. Первая лекционная сессия продолжалась четыре месяца и закончилась в начале марта 1927 г. В аудитории собиралось около 150 человек, из которых постепенно выявились постоянные слушатели. Основными докладчиками П. С., кроме Карсавина, были В.П. Никитин, Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин. В прениях по докладом участвовали П.П. Гронский, Б.П. Вышеславцев, В.Н. Сперанский,

А.А. Башмаков, В.В. Руднев, Ю.А. Ширинский-Шихматов, Г.Д. Гурвич, Н.А. Клепинин и др. Первые четыре лекции Л.П. Карсавина были посвящены изложению статьи «Феноменология революции»: противостояние Европы и Евразии как различных культурных миров, общая характеристика свойств русского народа и русской культуры, связанной с идеями православия, критика идеи прогресса и характеристика русской революции. Следующим был доклад В.П. Никитина «О культуре, истории и религии Персии», далее Н.Н. Алексеев прочитал лекции «О советском строе России и его политических возможностях» и «О политических идеалах русского народа». Последнее весеннее заседание П. С. 2 апреля 1927 г. было посвящено обсуждению книги Н.В. Устрялова «Под знаком революции».

Осенью 1927 г. в П. С. были прочитаны два доклада Карсавина: «Сталин и Троцкий» и «Евразийство как пересмотр социализма», затем последовали доклады В.П. Никитина «Турецкий опыт» и Г.Г. Шклявера «Будущее русских международных отношений». В первые месяцы 1928 г. состоялись доклады Н.Н. Алексеева «Идеократия и евразийский отбор», К.Б. Родзевича «Образование правящего слоя в России», П.П. Сувчинского «К типологии правящего отбора», В.П. Никитина «О крестьянине в Азии», В.Н. Ильина «Евразийство и мораль», С.В. Троицкого «О браке», Д.П. Святополк-Мирского «О новейшей русской литературе, преимущественно пролетарской», отчетный доклад П.Н. Малевского-Малевица о поездке в Америку. В П. С. самыми востребованными темами стали политические и социальные вопросы современности, обсуждение внешней политики советской России и политической обстановки на Дальнем Востоке, в Китае и Японии.

В «Евразийской хронике» (1927. Вып. 8) была помещена заметка о том, что успех П. С. повлиял на решение открыть на его базе Парижский евразийский клуб. В задачи клуба входило предоставление возможности всем желающим познакомиться с евразийством, для чего при клубе была организована библиотека евразийской литературы. Клуб управлялся Советом старшин, назначенных руководством Парижской евразийской группы. Членами клуба могли стать лица, которые предоставляли рекомендации двух евразийцев. Клуб открылся проведением пяти политических собраний, на первом выступили Н.С. Трубецкой и П.Н. Малевский-Малевиц. Трубецкой изложил идеи статьи «О государственной власти и форме правления», Малевский-Малевиц представил обзор международного положения. На втором собрании В.П. Никитин ознакомил слушателей с современной политической обстановкой на Дальнем Востоке, а Д.П. Святополк-Мирский рассказал о развитии евразийской идеологии и дал характеристику внешней политике советской России (наднационализм) в сравнении с Западом (провинциальный национализм). На третьем собрании выступил Н.Н. Алексеев с докладом о собственности, на четвертом собрании Карсавин охарактеризовал рукопись Шубина (Н.Е. Козелкина) «Учение о жизни». На пятом заседании В.Н. Ильин выступил с докладом «Евразийство как знамение времени».

П. С. просуществовал около полутора лет, на его базе был создан Парижский евразийский клуб, который закончил свое существование в связи с кламарским расколом и кризисом евразийского движения.

Лит.: Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7, 8; Евразийская хроника. Париж, 1928. Вып. 10.

К.Б. Ермишина

«РОССИЯ И ЛАТИНСТВО» (Берлин, 1923. 219 с.), евразийский сборник статей, посвященный проблемам взаимоотношений между православием и католичеством.

Инициатором сборника весной 1922 г. выступил П.Н. Савицкий, его поддержал Г.В. Флоровский. В составлении плана сборника принял участие историк П.А. Остроухов, окончательное название было предложено Г.В. Вернадским. Кроме евразийских лидеров, в сборнике приняли участие П.М. Бицилли, А.В. Карташев, Г.В. Вернадский и В.Н. Ильин (последние два примкнули к евразийскому движению после издания сборника).

Первоначальное название сборника, которое планировал Савицкий, — «Третье искушение», указывающее на текст Евангелия (Мф. 4, 8–9) о том, что дьявол, третий раз искушая Христа, предложил все царства мира в обмен на поклонение себе. Текст из Евангелия был вынесен на титульную страницу сборника, что отсылало к «Легенде о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского, утверждавшего, что католичество не выдержало третье искушение — властью. Первоначально лидеры евразийства расходились во мнении о том, стоит ли указывать на то, что сборник — евразийский. Они предполагали, что издание будет церковного и патриотического направления. Церковный характер сборника предлагал Флоровский, под влиянием которого в 1922 г. находился Савицкий. Сувчинский не почувствовал идею выхода изданий без указания на евразийскую принадлежность. Несмотря на то что издание вышло без евразийской марки, авторский состав и помещенные в сборнике объявления о книге «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого, сборниках «Исход к Востоку» и «На путях» сами по себе указывали на его евразийскую принадлежность.

Сборник открывается предисловием Савицкого «Россия и латинство», в котором подчеркнута связь явлений латинства и большевизма: «...в некотором смысле большевизм и латинство, — интернационализм и Ватикан, — в отношении историческом и эмпирическом суть соратники и союзники» (с. 11). Эти явления внутренне отличны — отрицающих Бога нельзя отождествить с Его врагами. Однако, несмотря на внутренние различия большевизма и латинства, Савицкий подчеркивал их сходство, более того, по его утверждению, убитые большевиками как мученики за веру обретают вечное блаженство, в отличие от сограждан в католичество, которые «подвержены гибели духовной» (с. 11).

Статья Сувчинского «Страсти и опасность» посвящена рассмотрению духовного смысла русской революции. Те, кто не принял в России большевизм, ушли в Церковь, поэтому борьба против нее имеет особенно острый и трагический характер.

Статья П.М. Бицилли «Католичество и Римская церковь» является подробным историческим очерком о развитии папства, психологических основах иезуитства и его влияния на постепенный упадок католичества в Новое время.

Статья Г.В. Вернадского «Соединение церквей» в исторической действительности» посвящена истории уний — от Флорентийской до Брестской. В статье автор доказывал безрезультатность уний, вызванных прямым давлением Ватикана, стремящегося не к единству, а к механическому подчинению себе Православной церкви.

В статье «Соблазны единения» Трубецкой доказывал невозможность в исторической действительности достижения церковного единства, которое может быть осуществлено только в эсхатологической перспективе.

В статье «Пути единения» А.В. Карташев утверждал, что церковное единство возможно только на путях покаяния и той и другой стороны, прощения и принятия духовного опыта, накопленного каждой Церковью за время отчуждения.

Флоровский, последний раз участвующий в евразийском издании, в статье «Два завета», написанной с использованием огромного числа цитат из различных церковных источников (богослужбные сборники, апостольские послания и т. д.), развивал целый ряд богословских тем. Он доказывал, что католичество осталось по духу в рамках Ветхого Завета, поддавшись соблазну власти и утверждения христианства в рамках земной исторической действительности.

В.Н. Ильин в острополюемической статье «К проблеме литургики в православии и католицизме» дал всестороннюю критику католичества, специально обратившись к проблеме эволюции на Западе литургии и литургического богословия.

Трубецкой считал сборник неудачным, т.к. его основная задача — дать русским эмигрантам понятные и простые разъяснения религиозных вопросов — не была выполнена. Сборник с научными статьями, со сложной терминологией и историческими справками был понятен только в академических кругах, для которых рассматриваемые проблемы не были актуальны. Сборник «Р. и Л.» остался несколько в стороне от магистрального идейного направления евразийства. Планы других религиозных изданий (в 1922–1923 гг. проекты журнала «Устой» и сборника «Догмат и творчество») не были реализованы, т.к. к тому времени евразийство покинул Флоровский, который был главным инициатором религиозных проектов.

Арх.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 10–10 об.

К.Б. Ермишина

«РОССИЯ — ОСОБЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ МИР» (Прага, 1927. 68 с.), сборник статей П.Н. Савицкого, в который включены статья «Континент-океан (Россия и мировой рынок)» (без изменений, по тексту сборника: Исход к Востоку. Берлин, 1921. С. 104–125) и работа «Географический обзор России-Евразии» (главы I–VIII), которая является сокращенным вариантом книги «Географические особенности России» (Прага, 1927. 180 с.), вышедшей одновременно со сборником статей.

Под названием «Географические особенности российского мира» сборник статей был задуман Савицким в январе 1926 г., вышел в начале 1927 г. Сборник «Р. — О. Г. М.» был плановым, финансировался из евразийского бюджета и предназначался для распространения в пропагандистских целях. Он готовился к из-

данию одновременно со сборником статей Н.С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания», но вышел с опережением на несколько месяцев.

В статье «Континент-океан (Россия и мировой рынок)» Савицкий развивал концепцию двух типов стран — континентального и океанического. Первый тип, к которому относится Россия, имеет невыгодные географические условия, связанные с отсутствием выхода к морям и океанам, что отрицательно сказывается на торговле и коммуникациях. Для того чтобы нивелировать эти невыгодные условия России, необходимо строить экономику, учитывая географические особенности. Наиболее выгодным будет развитие внутренней торговли и государственное вмешательство в экономическую область (этатизм).

Во второй части сборника («Географический обзор России-Евразии») Савицкий отстаивал центральный тезис о единстве и самодовлеющей роли российских территорий с точки зрения географического фактора. Одним из центральных тезисов работы является утверждение об отсутствии «европейской» и «азиатской» России. Савицкий предлагал использовать термины «доуральская» и «зауральская» части страны. Он опирался на широкий круг источников (В.В. Докучаев, Г.Ф. Морозов, Г.И. Бородавка, М.И. Ростовцев, С.А. Теплоухов, А.А. Каминский, С.И. Коржинский, А.Д. Архангельский и др.), ввел понятия «месторазвитие», «геософия», «монголосфера», исследовал различные климатические и почвенные зоны, характер растительности, гидрологические особенности, доказывая, что все это находится в единой связи и определяет культуру, историю, экономику страны. Вместе с тем он указал на двусторонний процесс влияния географического комплекса месторазвития и населяющих его народов, которые первоначально выбирают и впоследствии приспособливают для себя ту или иную территорию. Среда и социум образуют географический индивидуум, что является точным определением цельного самодовлеющего месторазвития России-Евразии. По мнению Савицкого, утверждение России как особого географического мира есть центральное понятие и важнейшая категория в русской историософии.

Сборник статей «Р. — О. Г. М.» показал единство и взаимосвязь географии, экономики, этнографии, геологии, морфологии, археологии и других наук, синтез которых, с точки зрения Савицкого, способен дать наиболее точное представление о России и достичь целостного понимания мира.

К.Б. Ермишина

САДОВСКИЙ Яков Дмитриевич (1893 — 27.09.1925), юрист, один из деятельных членов евразийского движения.

Сын священника из Курской губернии. Окончил Белгородское духовное училище, затем юридический факультет Варшавского университета. После октября 1917 г. избран председателем общинной сходки крестьян. В 1918 г., когда крестьяне делили землю, был избран селом на должность распорядителя и получил в награду один из лучших участков. О событиях этого времени написал воспоминания «Как я делил землю. Из воспоминаний 1918 года» (Русская мысль. 1923/1924. Кн. 9/12. С. 321–359). Участник Первой мировой войны (1914–1918), георгиевский

кавалер, затем участник Гражданской войны (1919–1920) в рядах Добровольческой армии.

С 1920 г. в эмиграции, эвакуировался с Добровольческой армией из Крыма в Константинополь. В 1921 г. был заведующим табачным складом в Бечкереке (Югославия), в том же году переехал в Прагу и познакомился с П.Н. Савицким. Оставлен стипендиатом для подготовки к научному званию на кафедре финансового права при Русском юридическом факультете в Праге. В 1922 г. опубликовал ряд очерков по проблемам денежного обращения и земельного дела. В середине 1922 г., после того как Г.В. Флоровский съехал из общей с П.Н. Савицким съемной квартиры, был приглашен последним занять освободившееся место.

В 1922 г. С. под влиянием Савицкого примкнул к евразийству, которое понимал с позиций «народной», крестьянской психологии, давая ему своеобразное политико-экономическое толкование. Оказал влияние на становление концепции Савицкого о «добром хозяине» (хозяйнодержавие), который противостоит, согласно С., как коммунистическому, так и капиталистическому типу ведения хозяйства. Концепция «добротного хозяина» у С. значилась как защита homo economicus'a на фоне противостояния двух максимализмов — коммунистического и евразийского. Будучи последовательным защитником идеалов государственного этатизма и противником либерально-демократического строя, С. первенствующее место отводил роли Церкви в жизни государства. Принял деятельное участие в разработке концепции сборника «Россия и латинство», став одним из активных сторонников издания религиозного евразийского сборника.

Вместе с Савицким разработал концепцию будущего Пражского евразийского семинара, предложив первую его программу политико-экономического содержания (изучение новых законов о республике, исследование вопроса о появлении палаты профессиональных представителей в виде третьей законодательной палаты в Англии и реформы второй законодательной палаты в Италии, сравнительная характеристика положений различных конституций о собственности). С. планировал выступить на одном из будущих заседаний семинара с докладом «Ложь демократии и правда демотии». С началом работы Пражского евразийского семинара в 1924 г. принимал участие в его заседаниях и прениях, в том числе с А.А. Кизеветтером, П.Б. Струве, В.С. Варшавским и другими известными оппонентами евразийства (например, 15 декабря 1924 г. на чтениях доклада И.С. Белецкого «Евразийство», прочитанного по приглашению Пражского национального объединения, председателем собрания был П.Б. Струве). В конце 1923 г. Савицкий предлагал лидерам евразийского движения считать С. четвертым лидером евразийства наряду с П.С. Араповым или же сделать выбор между ними.

К 1923 г. относится первое печатное выступление С. в «Евразийском временнике» (Кн. 3. Берлин, 1923) со статьей «Оппонентам евразийства (письмо в редакцию Я.Д. Садовского)», в которой даны развернутые ответы на все значительные критические замечания и обвинения, которые деятели русской эмиграции высказывали в адрес евразийства. После выхода «Евразийского временника» (Кн. 3) Савицкий считал, что лучшими статьями сборника являются «К преодолению революции» П.П. Сувчинского и «Оппонентам евразийства» С.

В 1923 г. Савицкий заказал С. статью «Евразийство и фашизм» для предполагаемого американского сборника, который евразийцы хотели распространять в США, в том числе ради поиска благотворителей. Поскольку А.В. Меллер-Закомельский, который предложил идею американского сборника и обещал финансирование, прервал переписку с евразийцами, сборник не был издан.

В 1924 г. Савицкий заказал С. статью «Письмо в редакцию» (вышла под названием «Из дневника “Евразийца”») о практических задачах евразийства и «Уроки фашизма», которая не была написана. Статья «Из дневника “Евразийца”» (Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925) представляет собой краткие дневниковые заметки, в которых автор рассказывал о своих путешествиях и встречах, сопровождавшихся дискуссиями на евразийские темы.

После скоростной смерти С. в санатории «Под Плешью» (в пригороде Праги) Савицкий поместил об этом объявление на первой странице «Евразийской хроники» (Прага, 1926. Вып. 3). 3 октября 1925 г. состоялось евразийское собрание в рамках Пражского евразийского семинара, посвященное памяти С., под председательством Савицкого и С.Г. Пушкарева. В «Евразийской хронике» (Париж, 1927. Вып. 7) Савицкий поместил некролог «Памяти Я.Д. Садовского».

Соч.: Оппонентам евразийства (письмо в редакцию Я.Д. Садовского) // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 159–174; Из дневника «Евразийца» // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 378–405.

Лит.: Евразийская хроника. Прага, 1925. Вып. 1; Евразийская хроника. Прага, 1926. Вып. 3; Савицкий П.Н. Памяти Я.Д. Садовского // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 7; Я.Д. Садовский: Некролог // Возрождение (Париж). 1925. 7 октября. № 127; Я.Д. Садовский: Некролог // Руль. 1925. 2 октября. № 1470.

К.Б. Ермишина

СОВЕТ ПЯТИ, высший административный орган евразийской организации, на основе которого впоследствии формировались другие органы управления движением.

С. П. был организован в ноябре 1924 г. в Вене на евразийском съезде, участники которого Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, П.Н. Савицкий, П.Н. Малевский-Малевич и П.С. Арапов вошли в его первоначальный состав. Встреча в Вене была устроена по инициативе П.П. Сувчинского, который получил от П.С. Арапова информацию о том, что богатый англичанин Генрих Норман Сполдинг выдал в свободное распоряжение П.Н. Малевскому-Малевичу деньги в размере 10 тыс. фунтов стерлингов на «русское дело» (помощь и поддержку культурных начинаний русских в эмиграции). Малевский-Малевич, узнав о евразийских идеях и познакомившись через княгиню Е.Г. Голицину с Араповым, решил передать деньги евразийцам. Для знакомства с Малевским-Малевичем и урегулирования организационных вопросов, связанных с получением денег, был созван съезд в Вене, на котором вместе с образованием С. П. евразийство вышло на новый уровень работы, превратившись из историко-философского течения в организацию с солидным бюджетом, требовавшим планирования.

Первое заседание С. П. состоялось 30 ноября 1924 г., на нем была выработана смета расходов денег, полученных от Сполдинга. На первом заседании С. П. было решено организовать евразийский Центр в Париже под руководством П.П. Сувчинского, с учетом полученных средств начать поиски надежных людей для поездки в советскую Россию, заручившись поддержкой организации Трест, издавать малоформатные «Временники» для распространения в советской России, усилить давление на Трест для более интенсивного сотрудничества и одновременно искать самостоятельные пути проникновения в СССР. На том же заседании было принято решение законспирировать С. П. из опасения каких-либо провокаций. Интеллектуальным ядром С. П. была тройка лидеров евразийства (Трубецкой, Савицкий, Сувчинский). Малевский-Малевич в составе С. П. выполнял роль казначея с правом голоса в вопросах распределения денег. Арапов был посредником, курьером, практическим распорядителем и исполнителем решений С. П.

В конце января 1925 г. С. П. был расширен за счет включения двух представителей организации Трест и преобразован в Совет Семи, который в целях конспирации постановлением от 17 июня 1925 г. назван «Советом Нефти» (Евразийским советом), о его существовании должны были знать только самые надежные сотрудники.

В 1925 г. было издано постановление, что евразийцем считается только тот, кто признает Евразийский совет высшим органом управления и подчиняется всем его решениям. Постановлением от 18 октября 1925 г., установившим срок «ликвидационного периода», в течение которого влияние Треста и его участников в составе Совета должно было упраздниться, члены С. П. принимают название «Совет Нефти», исключая из него в одностороннем порядке представителей Треста. С этого времени евразийская работа была организована по двум направлениям — известная «Совету Нефти» (Евразийскому совету) и представителям Треста до окончания «ликвидационного периода».

В 1926 г. состав Евразийского совета был пополнен привлечением в его состав Л.П. Карсавина и А.А. Зайцева. Впоследствии Зайцев был исключен из Евразийского совета и затем из евразийской организации усилиями лидеров движения и П.С. Арапова по причине возникшего идеологического конфликта.

Члены Совета рассылали друг другу письма с пометами «СП» или позже «СН» («Совет Нефти», т.е. Евразийский совет) в которых обсуждались вопросы управления движением. Периодические съезды, на которых должно было присутствовать не менее трех членов Совета, подводили итоги обсуждению вопросов в переписке. Все важнейшие решения, связанные с организацией евразийских ячеек на местах, изданием евразийской литературы, контактами с Трестом, утверждением годового бюджета и т. д., принимались и утверждались с согласия всех членов С. П. С увеличением количества участников первоначальный состав Совета тем не менее не утратил значения, а пять его участников были людьми, имевшими самое большое и непосредственное влияние на евразийство.

На основе Евразийского совета в конце 1927 г. было сформировано Евразийское политбюро, в которое вошел Л.П. Карсавин. С. П. в составе Евразийского политбюро распался в 1929 г. в связи с событиями кламарского раскола.

Арх.: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 45–47, 82, 111 об.

Лит.: К истории евразийства. 1922–1924 г. // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 488–489.

К.Б. Ермишина

СОВЕТ СЕМИ, совещательный орган, осуществлявший связь между евразийской организацией и Трестом, был создан на основе Совета Пяти в конце января 1925 г. Кроме членов Совета Пяти Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, П.С. Арапова и П.Н. Малевского-Малевича в состав С. С. были включены представители Треста Ю.А. Артамонов и А.А. Ланговой, оба агенты ГПУ.

Полномочным и обязательным для всего евразийского движения считалось решение, принятое в составе пяти членов С. С., один из которых являлся бы представителем Треста. В постановлении С. С. от 17 июня 1925 г. было указано, что конечной целью евразийства является полное слияние с Трестом, что будет осуществлено при помощи нового органа управления. Члены Совета Пяти решили создать орган, который бы контролировал совместную работу евразийской организации с представителями. Совместно должны были решаться вопросы (евразийская фракция в советской России, состав «Евразийского временника», организация секций, выработка деклараций и т. д.).

Истинными целями создания С. С. со стороны евразийцев были, во-первых, попытка через него осуществлять давление на Трест и идеологически подчинить его, во-вторых, для того, чтобы посредством Треста установить связь с советской Россией, переправлять туда литературу, своих людей для связи с писателями, экономистами, служащими. Однако сами евразийцы не считали С. С. действующим органом, называя его в секретных постановлениях «фиктивным» (постановление Совета Пяти, июнь 1925 г.): «Органом, играющим большую роль, надо признать С. С. В отношении С. С. надо всячески муссировать его значение, чтобы даже подозрений о его фиктивности не могло возникнуть в умах Денисова [А.А. Лангового] и Липского [Ю.А. Артамонова]» (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 82).

Необходимость создания С. С. была обоснована Араповым и представителями Треста на основании того, что евразийство получит возможность через Трест связаться с «последователями» в советской России и открыть евразийскую фракцию в Ленинграде, для управления которой необходим совместный координирующий центр. Для доказательства своих намерений работать на евразийцев Артамонов предложил организовать «Бюро печати “Евразия”», которое бы снабжало сведениями о советской России зарубежную прессу (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 448. Л. 20). Этот проект для евразийцев оказался заманчив, и его осуществление поручили Артамонову, который впоследствии, сославшись на трудности, отказался от его выполнения.

Главные направления совместной работы были выработаны на основе записки Арапова «Об ошибках в прошлом и о реформе нефтьработы» (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 91–94). В июньском постановлении 1925 г., составленном специально для С. С., была указана окончательная цель совместной работы: «следует напомнить, что конечной целью нефти [евразийства] — <является> полное слияние с Трестом» (л. 73).

Со стороны Треста организация С. С. была выгодна для подчинения евразийства своему влиянию и осуществления контроля над движением. Работа внутри Совета Пяти с момента образования С. С. была разделена на два направления — одно касалось общих проектов с представителями Треста, второе охватывало те вопросы, которые обсуждались и решались только евразийцами. Все евразийские постановления 1925 г. (съездов, совещаний, курултая) делались в двух экземплярах — с пометкой «С. С.» и с пометкой «С. П.» и содержали информацию, во многом не совпадающую. Так, например, при организации Военной секции в июне 1925 г. Совет Пяти тайным постановлением создает Внутреннее управление Торговой [Военной] секцией (ВУТС), состав которого был известен только Совету Пяти, для контроля над входящими в секцию представителями Треста.

Цели, поставленные Трестом, были успешно реализованы, в то время как цели евразийцев оказались невыполненными, что констатировал Совет Пяти в постановлении от 18 октября 1925 (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 131), в котором был указан вред С. С. и установлен срок «ликвидационного периода» отношений с Трестом до 1 января 1926 г. Несмотря на установление четких сроков ликвидации, С. С. продолжал существовать до середины 1926 г., пока не был утвержден состав Евразийского совета, в который, кроме членов Совета Пяти, вошли Л.П. Карсавин и А.А. Зайцев, но куда не были приглашены представители Треста.

В конце декабря 1926 г. П.Н. Малевский-Малевич, казначей и член Евразийского совета, потребовал полного устранения Артамонова и Лангового от евразийской деятельности. Тем не менее отношения с ними из-за заступничества Арапова и Савицкого, которому устроили нелегальную поездку в советскую Россию в феврале 1927 г., сохранялись до разоблачения Треста в мае 1927 г. В дальнейшем руководители Парижской евразийской группы поддерживали связь с представителями Треста через Арапова.

Арх.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Ед. хр. 20–26; ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 82, 91–94, 131; Д. 448. Л. 20.

Лит.: *Быстрыюков В.Ю.* В поисках Евразии. Общественно-политическая и научная деятельность П.Н. Савицкого в годы эмиграции. Самара, 2007. С. 120–126.

К.Б. Ермишина

«ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ. Утверждение евразийцев» (Париж, 1931. Кн. 7. 317 с.), евразийский сборник, вышедший одновременно с проведением Первого съезда представителей евразийских организаций, на котором была поставлена задача консолидации сил и преодоления кламарского раскола.

Сборник «Т. Г.» имел целью, кроме продолжения евразийских изданий, создать идеологический ориентир, при этом выявив позиции единственного, определившегося в ходе раскола, лидера (П.Н. Савицкого). Кроме того, сборник был юбилейный, посвященный десятилетию основания евразийства, и указывал перспективы на будущее евразийского движения.

Сборник содержит 16 статей (не считая Вступления, которое оставлено без подписи, но было написано Савицким). Во Вступлении П.Н. Савицкий определил новое направление евразийства как обращение к духовным, культурным про-

блемам и отказ от политики. Савицкий выделил как центральную проблему личности: «Вне идеи личности не осуществимо и религиозное преобразование жизни, к которому стремится евразийство» (с. IV). Именно идея личности, своеобразно трактуемая (не индивидуальная личность, но творец, соборно участвующий в строительстве жизни), связывает, по утверждению Савицкого, статьи сборника.

Пять статей в сборнике принадлежат Савицкому. Первая его статья «В борьбе за евразийство» содержит краткий обзор полемической литературы за 1920-е гг. с опровержением основных тезисов противников и необходимыми разъяснениями. В статье «Научные задачи евразийства» Савицкий (под псевдонимом П.В. Логовиков) утверждал, что задачей евразийства должна быть выработка национального самосознания. Основой национального самосознания должна стать всечеловеческая открытость, о которой говорил Ф.М. Достоевский. Кроме разработки историософии и геополитики, необходимо освоить такую область знаний, как русское океановедение, что позволит шире взглянуть на географический и этнический состав мира. Статья была подвергнута критике Н.С. Трубецким в письме к Савицкому от 8–10 декабря 1930 г. Трубецкой усмотрел в статье беспочвенные заявления, т.к. ставить задачи советской науке Савицкий не мог, а в эмиграции подобные задачи для евразийства мог решить, кроме Савицкого, вероятно, только Г.В. Вернадский. В сборник «Т. Г.» Савицкий включил «Главы из «Очерка географии России»», чтобы наглядно показать опыт создания евразийской географии и россиеведения. Под псевдонимом (П.В. Логовиков) он опубликовал статью «Власть организационной идеи», в которой утверждал, что «периодическая система сущего восходит к системе организационных идей» (с. 134), и декларировал необходимость создания нового научного мировоззрения для преодоления марксизма в России. По мнению Савицкого, марксизм укоренился не потому, что это выдающаяся система идей, но из-за пронизанности русской культуры организационной идеей, созвучной марксизму. При изменении организационной идеи евразийство сможет дать русской культуре правильное направление. Сборник завершает приложение, в котором Савицкий под псевдонимом (Степан Лубенский) в статье «Евразийская библиография 1921–1931 гг.» дал краткий обзор наиболее важной с его точки зрения евразийской литературы, созданной за предшествующий период.

В.Н. Ильин поместил в сборнике статьи «Эйдократическое преобразование науки» и «Под знаком диалектики». В первой статье Ильин дал всестороннюю критику марксизма, утверждая, что тот является отсталым мировоззрением. Как считал Ильин, в XX в. наиболее передовыми и соответствующими духу времени философскими системами являются феноменология Э. Гуссерля, интуитивизм Н.О. Лосского и аксиология М. Шеллера, непревзойденной эйдократической вершиной выступает философия Н.Ф. Федорова. Во второй статье Ильин также обращался к критике марксизма, но уже с позиций техники и науки. Он утверждал, что марксизм рожден мировоззрением эпохи, когда техника была основана на использовании парового котла. В современном мире, в котором техника основана на электричестве, возникли новые социальные проблемы, связанные с децентрализацией и обращенные к конкретному человеку. Ультратехника может вызвать

новый планетарный кризис, а евразийство является силой, противостоящей грядущей катастрофе.

И. Савельев в статье «Своеобычное в русской фольклористике» противопоставлял метод полевых исследований, с успехом впервые примененный в России, западным неэффективным методам исследования фольклора.

В краткой статье Э. Хара-Давана «О кочевом быте», которую предваряет предисловие Савицкого, дан очерк кочевого быта монгольских народов и их этнографические признаки.

Статья К.А. Чхеидзе «Из области русской геополитики» посвящена вопросам геополитики, ее предшественникам (А.П. Шапов, Л.И. Мечников, Д.И. Менделеев, Н.Я. Данилевский) и научным задачам.

В статье «Заметки о Ленине» Г.В. Вернадский критиковал учение В.И. Ленина об империализме как высшей стадии капитализма, прослеживая истоки этого учения и утверждая, что выводы Ленина относительно современного СССР ошибочны.

Объемная статья В. Чухнина (В.Э. Сеземана) «Время, культура и тело» посвящена восприятию времени, из которого рождаются разные типы культур. Современная европейская культура порождает восприятие времени, выключаящее тело из процессов жизни. Это дает такой тип жизни, при котором невыносим досуг, что противостоит восточному (в частности, христианскому) идеалу времяпровождения как бдительного внимания к внутреннему миру.

Статья «Еврейское восточничество в прошлом и будущем» Я.А. Бромберга содержит очерк истории еврейского народа на территории Евразии (от иудейских послов к князю Владимиру до движения хасидизма). Бромберг делал вывод о том, что подлинно творческой судьба еврейства может быть только на восточных евразийских территориях.

Н.Н. Алексеев в статье «Современные задачи правоведения» обсуждал специальные вопросы правоведения, юриспруденции и правомочия. Он подверг критике идею естественного права, имеющую истоки в западном католичестве и протестантизме, выдвинув идею субъективного права, характерную, по его мнению, для России. Во второй статье «К учению об “объективном праве”» Н.Н. Алексеев развивал идею субъективного права и его особенностей. Он указывал, что истинное право субъективно, наполнено этическим содержанием, а установленное право, правомочие, обязанность есть основные понятия, из которых должна исходить русская теория права.

Н. Дунаев в статье «Правомочие и его виды», основываясь на идеях Н.Н. Алексеева, развивал понятие служебного права, которое должно разрешить противоречие между личностью и коллективом. Личность, когда действует не для себя, но в интересах других лиц, приобщается к общему делу.

Сборник «Т. Г.» не был одобрен Трубецким, который критиковал неясные формулировки в теории личности, неумеренный оптимизм всего сборника и отдельные неточности, допущенные в статьях.

Сборник «Т. Г.» был важной вехой в становлении евразийства после кламарского раскола. В нем декларирован отказ от политики, но неизжитые иллюзии по

поводу влияния евразийства на советскую Россию и продолжающаяся полемика против марксизма связывают его с периодом конца 1920-х гг. в истории евразийства. В сборнике провозглашены новые задачи: преодолеть провинциальные черты евразийского мировоззрения и понять всемирное значение евразийства.

К.Б. Ермишина

«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ», историософская статья Л.П. Карсавина (Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 28–74).

Статье «Ф. Р.» предшествовало обсуждение лидерами евразийства будущей политической программы в 1923 г. В середине того же года евразийцами был составлен документ, в котором были высказаны идеи о «новом правящем классе» (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 7–11). В статье «Идеи и методы» (Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4) П.П. Сувчинский обосновал свое понимание революции как разложение и обезличивание правящего класса. Идеи Сувчинского имеют непосредственную связь с концепцией революции Карсавина, смысл которой заключается в смене «правлящего слоя».

Идеи, составившие основу статьи «Ф. Р.», появились у Карсавина еще до высылки 1922 г. из советской России, но именно в евразийской среде они оформились в стройную концепцию. В июле 1925 г. на евразийском курултае в Париже Карсавин изложил лидерам евразийского движения общую схему статьи (предварительный набросок статьи из 14 пунктов, датированный 1925 г.: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 156–156 об.). Изложенная схема была одобрена Н.С. Трубецким, который считал, что Карсавин смог найти формулу «настоящего момента», как прежде евразийцами были найдены историософские схемы, объясняющие прошлое России.

Карсавин выступил противником как релятивистских подходов к фактам истории (школа Г. Риккерта с утверждением «исторических законов не существует»), так и материалистических и механических (марксизм в советской версии). Русская революция подобна английской и французской революциям, поэтому, рассматривая аналогии, можно определить природу явления и дать ее феноменологию или осмысление закономерных процессов, общую схему с возможными прогнозами. Понятие «феноменология» в статье противопоставлено понятию «закон истории». Второе теоретическое положение статьи заключается в утверждении, что действующим субъектом истории является симфоническая личность (народ, культура, человечество). Изучая революцию, исследователь познает состояния («качествования») симфонической личности в момент ее болезни и саморазрушения, т. е. революции. Употребление термина «феноменология» оправдывается тем, что он идеально подходит для анализа симфонической личности и выявления чистых структур («самое революции»), что отсылает нас к понятию «феноменологическая редукция» в интерпретации Э. Гуссерля.

Для периода революции характерно политическое «качествование» симфонической личности. Сознание и воля симфонической личности (как совокупность устремлений отдельных индивидов, ее составляющих) находит себя в правящем слое, который состоит из образованных членов общества, носителей культуры и

политического правосознания. Из правящего слоя органически вырастает правительство как наиболее политическая и волевая его часть. Симфоническая личность не обладает личным бытием, если в ней нет правящего слоя, т.е. если она не выражается в четкой форме государственности. До тех пор, пока народ и правящий слой в лице правительства находятся в органической связи, власть осуществляет народную волю.

Революционный процесс проходит несколько стадий. Постепенно правящий слой замыкается в себе и денационализируется, что приводит к отрыву от народа. В России этому способствовала европеизация, запустившая механизм развития революции. Следующим этапом нарастания революционного процесса является распад правящего слоя на слабеющее, глупеющее правительство и бунтующую интеллигенцию. Согласно схеме Карсавина революция, достигнув этого этапа, развивается следующим образом: 1) народ начинает искать новую власть на путях самого дикого экспериментирования и разрушения религиозно-нравственных устоев, в чем раскрывается последний, религиозный смысл революции. Эта стадия переходит 2) в анархию, и 3) народная воля к власти обнаруживает себя в появлении слоя насильников, честолюбцев и фанатиков, из которых выделяются худшие элементы старого правящего слоя, имеющие волю к власти. Далее происходит 4) создание партии правящего слоя и новых форм государственности. В конце четвертой стадии происходит изживание и гибель революционной власти. 5) В заключительной стадии народ обретает правительство, которое выражает его интересы и вместе с интеллигенцией, опираясь на новую идеологию, полностью прекращает революционный процесс национальной болезни, создавая здоровые формы власти. Таким образом, сущность революции составляет длительный процесс вырождения правящего слоя, уничтожение его национальной государственной стихией и создание нового правящего слоя.

Карсавин предполагал, что евразийство является новой идеологией, на основе которой будет полностью преодолена революция и выстроены национальные формы власти. Идеи правящего отбора и симфонической личности, выдвинутые Карсавиным в статье «Ф. Р.», обогатили евразийскую систему идей, стали ее органической частью, в то время как другие идеи Карсавина не были приняты лидерами евразийского движения.

Арх.: ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 445. Л. 7–11, 156–156 об.

Лит.: *Сувчинский П.П.* Идеи и методы // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 40–43; *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1921–1928. М., 2008. С. 198.

К.Б. Ермишина

ХОЗЯЙНОДЕРЖАВИЕ, название экономической теории П.Н. Савицкого.

Развитие экономической теории Савицкого прошло три этапа: 1) концепция «подчиненной экономики», 2) Х., 3) теория сочетания частного и государственного принципов в экономике.

Концепцию «подчиненной экономики» Савицкий также называл Х., но не в статьях, в которых он описывал ее основные положения, а в частной переписке с евразийскими лидерами. Первый вариант концепции Х. («подчиненной эконо-

мики») он разрабатывал с 1921 г., сделав первые подступы к ней в статье «Хозяйство и вера» (Руль. 1921. 5 ноября). Для второго евразийского сборника «На путях. Утверждение евразийцев» Савицкий планировал написать статью «Хозяйство благословенное», в которой намеревался дать критический анализ западных экономических учений. Статья не была написана, т.к. анализ западных учений не давал простора для изложения оригинальной евразийской точки зрения, развитие которой и составляло главную цель статьи. Для второго сборника Савицкий написал статью «Два мира», в которую включил некоторые положения «Хозяйства благословенного». Эти положения можно считать зерном будущей экономической теории Х.: евразийство утверждает «подчиненную экономику» и «подчиненное право», смысл которых заключается в постулировании вторичного положения хозяйственной (экономической) и государственно-правовой сферы по отношению к высшим духовным и религиозным ценностям. Запад идет по пути возвышения и утверждения экономической и государственно-правовой сферы, что приводит к торжеству материализма и порождает «злую метафизику», где «нижние» (земные) ценности поставлены на место высших ценностей духа, религии и культуры.

В программной статье «Евразийство» (Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925), написанной в 1923 г. и доработанной в конце 1924 г., Савицкий утверждал, что современная ситуация «воинственного экономизма» является историческим нонсенсом. На протяжении всей истории Старого Света существовал баланс нравственно-религиозного и хозяйственного мировоззрения (Библия, Платон, Ксенофонт, Аристотель и др.), когда экономический аспект находился в подчиненном положении по отношению к религиозной сфере. Европейская экономическая теория утверждает обратное — самодовлеющую роль экономической сферы, которая претендует на то, чтобы дать ответ на вопрос о смысле человеческого существования. Самым ярким примером «воинствующего экономизма» является теория К. Маркса, у которого она становится довеском и логическим завершением атеизма. Х. противостоят воинствующий экономизм, материализм и атеизм, но современная техника и наука, по убеждению Савицкого, вполне могут обойтись без этих отрицательных побочных эффектов перевернутой системы ценностей.

Окончательное завершение концепция Х. получила в статье Савицкого «Хозяин и хозяйство» (Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925), написанной в начале 1925 г. В этой статье Савицкий сделал ряд дополнений, ввел центральное понятие хозяйственного субъекта («добротного хозяина») и сделал попытку сформулировать экономическую теорию, опираясь на термины русского народного языка, которые бы стали альтернативой западным экономическим терминам, лишённым персонального и религиозного смыслового значения. «Добрый хозяин» как экономическая категория и центральное звено производственного процесса противостоит экономическому человеку капитализма и «сознательной» коллективной личности социализма. Как идеальный тип он относится к хозяйству не с позиции наибольшего извлечения выгоды, а с точки зрения сохранения и преумножения целостности хозяйства. Хозяин-общество не соотносим с хозяином-личностью, т.к. в первом случае анонимное ведение хозяйства приводит к

безответственности и в конечном итоге к бесхозяйственности и деградации экономики. Для правильного функционирования хозяйственной сферы в России необходимо сочетание хозяина-общества и хозяина-личности.

В статье «Хозяин и хозяйство» Савицкий ввел категории соотносительных и абсолютных ценностей, которые выявляют экономическую сферу, включающую все то, что подлежит обмену и продаже. Все незаменимое («необменное») составляет отдельную сферу — художественных, религиозных, личных отношений, которые относятся к области абсолютного. Экономика есть сфера относительного, но труд в системе X. рассматривается как ценность абсолютная, т. к. в нем затрачивается личность человека. Систему X. можно понять как попытку осмысления экономической области с позиций персонологии и религиозной философии.

Статью «Хозяин и хозяйство» Савицкий уже в конце 1925 г. оценивал как самую неудачную из всех статей, им написанных. В дальнейшем, занимаясь разработкой евразийского экономического учения, он использовал идею X. о сочетании хозяина-личности с хозяином-обществом, которая формулировалась как сочетание частного и государственных принципов в экономике.

Государственно-частная система получила обоснование в работе Н.Н. Алексева «Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства» (Париж, 1928), положения которой были выработаны в экономической секции под руководством Савицкого, организованной постановлением Совета Пяти в середине 1925 г. в рамках Пражского евразийского семинара.

Соч.: *Савицкий П.Н.* Хозяйство и вера // *Руль*. 1921. 5 ноября. С. 1–2; *Он же.* Евразийство // *Евразийский временник*. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 5–23; *Он же.* Хозяин и хозяйство // Там же. С. 406–445; *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.

Лит.: *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1921–1928. М., 2008. С. 138.

К.Б. Ермишина

ХРОНИКА

М.Ю. Сорокина

**ВЫСТАВКА «РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ СЕРБИИ:
СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ (1901–1975) – КАВАЛЕРИСТ И КОМИКСИСТ»**

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Сентябрь–ноябрь 2019

В сентябре–ноябре 2019 года в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялась художественно-документальная выставка «Русские художники Сербии: Сергей Соловьев (1901–1975) — кавалерист и комиксист».

Данная выставка — второй совместный выставочный проект профессора Белградского университета Ирины Антанасиевич (Белград, Республика Сербия) и Дома русского зарубежья (кураторы Марина Сорокина и Дарья Жмылева), представляющий российской публике и специалистам ранее совершенно неизвестный пласт художественной культуры Сербии, созданный русскими именами в жанре комикса / графического романа / рисованных историй. Благодаря исследовательской работе профессора Антанасиевич русский комикс, рожденный на Балканах, сегодня уверенно занимает свое, особенное место в культурном наследии русской эмиграции, и серьезный анализ этого феномена позволяет гово-

С.В. Соловьев

Профессор И. Антанасиевич дает интервью

речь о бесспорном влиянии творчества комиксистов из России на развитие этого жанра в мировом масштабе.

На этот раз профессор И. Антанасиевич привезла в Москву выставку одного из самых ярких представителей славной когорты «белградского круга» — кавалериста и комиксиста Сергея Васильевича Соловьева (1901–1975). Это первая выставка работ художника на родине, в России. Столкновения, трагические судьбы на сломах эпох, борьба и высокое предназначение — эти темы особенно привлекали читателей, а популярность графических романов Сергея Соловьева была настолько высока, что его «Черный атаман» по результатам регулярной читательской анкеты оказался на первом месте в бывшей Югославии.

Выпускник Николаевского кавалерийского училища, участник Белого движения и галлиполиец, Сергей Соловьев с 1920 г. жил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, сначала в Любляне, а затем в Белграде. С 1937 г. он рисовал комиксы по мотивам литературных произведений, по сценариям Бранко Видича, а также собственного сочинения. К сожалению, наследие этого художника остается почти неизвестным в России. Между тем его графические романы (комиксы) знакомили широкую балканскую аудиторию с произведениями русской классической литературы, советской литературы («Тихий Дон», «Сын полка» и др.), а также отражали события Второй мировой войны («Курская дуга»). В общей сложности Сергей Соловьев — автор тридцати одного графического романа, которые публиковались не только в Югославии, но и во Франции и Бельгии.

Афиша выставки. Художник Д.А. Жмылева

С. Соловьев. Кадр комикса

В конце 1940-х гг. Сергей Соловьев переехал жить в Италию, где сотрудничал с издательством «Sergio Bonelli Editore»: рисовал комиксы, тематические истории, иллюстрации. В итальянском наследии Соловьева много комиксов на различные темы: вестерны, приключенческие и научно-фантастические романы, но особый интерес представляют два комикса — «Сын полка» и начатый Соловьевым и, к сожалению, незаконченный комикс о Курской дуге.

С. Соловьев. Кадр комикса

Скончался художник в Италии, похоронен на кладбище Миртето в городе Масса. В его художественном наследии, кроме комиксов и иллюстраций, остались еще чудесные акварели и великолепная графика, которые входят в коллекцию Российского фонда культуры и которые стали украшением выставки в Доме русского зарубежья. Кроме того, на выставке можно было увидеть комиксы художника, созданные в Югославии и Италии, оригиналы югославских и итальянских журналов 1930-х гг., которые печатали комиксы С. Соловьева, его документы, графику и даже живописные работы. Многие из них вошли в каталог выставки, изданный к ее открытию, которое состоялось 6 сентября 2019 г.

Открывая вечер словами благодарности Сербии и дружескому сербскому народу, куратор выставки от ДРЗ Марина Сорокина подчеркнула огромную роль этой страны в создании условий для достойной жизни русских беженцев и беспрецедентного отношения к эмиграции из России со стороны югославского правительства. Она отметила, что при помощи сербов русские комиксисты-эмигранты смогли преодолеть травму беженства и трудности адаптации и создать такое неординарное явление, как русский комикс Югославии.

Эту мысль продолжил и директор Дома русского зарубежья Виктор Москвин, отметивший, что Сербия — единственная страна, которая отнеслась к русским беженцам по-братски, помогая пережить их личную трагедию — изгнанничество, и в то же время предоставляя все возможности для личной реализации «белых» русских. От имени сербской стороны и лично от Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики

Каталог выставки.
Художник Д. Антанасиевич

*На открытии выставки (слева направо): А. Кунин, Д.Ю. Лобачев,
М.Ю. Сорокина, И. Антанасиевич, Д. Стоянович, Д.А. Жмылева*

Сербия г-на Славенко Терзича Дом русского зарубежья приветствовала первый секретарь посольства г-жа Иванка Стаменкович, которая поблагодарила российских коллег за интереснейшие проекты, связанные с историей и культурой обеих стран, и заверила, что сербское посольство в России будет и впредь поддерживать мероприятия, направленные на укрепление духовной связи двух братских народов.

В своем выступлении профессор Ирина Антанасиевич поблагодарила коллег, участвовавших в поиске материалов для экспозиции, отметив, что поиск биографических сведений о Сергее Васильевиче Соловьеве был нелегким делом — даже на установление отчества художника ушло почти два года! Слова признатель-

*И. Антанасиевич и М.Ю. Сорокина
на открытии выставки*

*Певица
Н. Тодорович*

ности автор выставки обратила и к ее кураторам от Дома русского зарубежья — Марине Сорокиной и Дарье Жмылевой. Профессор Антанасиевич подробно рассказала и об итальянском периоде жизни и творчества комиксиста, отметив поддержку итальянских коллег и раскрывая планы организации выставки С. Соловьева в Италии.

Известный переводчик и научный редактор издательства «Центр книги им. Рудомино» Е.В. Сагалович рассказала об использовании графики С. Соловьева при издании романа классика сербской литературы Милоша Црнянского. Музыкальную программу вечера открыл известный бард Виктор Леонидов — соавтор первой публикации о Сергее Соловьеве в журнале «Русское искусство», а продолжила русско-сербская певица Наталья Тодорович, порадовав зрителей песнями из репертуара самой популярной певицы русской эмиграции на Балканах Ольги Янчевецкой.

Выставка «Русские художники Сербии: Сергей Соловьев (1901–1975) — кавалерист и комиксист» была подготовлена при содействии Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Российского фонда культуры, Исторического архива города Белграда, Архива Алтера, Филологического факультета Белградского университета, Союза комикс-художников Республики Сербия.

Н.Ю. Масоликова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАУЧНЫЕ МИРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 7–8 октября 2019

7–8 октября 2019 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялась первая международная научно-просветительская конференция «Научные миры русского зарубежья». Конференция была приурочена к 100-летию зарубежной России и 130-летию со дня рождения выдающегося русского ученого, философа и социолога Питирима Александровича Сорокина (1889–1968). Инициаторами и организаторами конференции выступили Дом русского зарубежья и Фонд Питирима Сорокина (США).

Русское научное зарубежье, институционально оформившееся в результате революционных потрясений 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской вой-

ны, внесло выдающийся вклад в мировую науку и культуру, развитие национальных научных и гражданских обществ стран пребывания. Объединенное не только единством происхождения и языком, но и внутренними профессиональными связями, оно сумело не просто выжить в условиях новой языковой, культурной и профессиональной среды, но и занять в ней лидирующие позиции при сохранении своей «диаспоральной» принадлежности. Однако до сих пор история русского научного зарубежья остается малоизученным феноменом.

Интерес к его изучению носит тем более актуальный характер, что, по разным причинам оказавшись за рубежом, ученые, как правило, не теряли личные и профессиональные связи с родиной, что продолжает оставаться традицией научного зарубежья и в современном мире. Подавляющее большинство научных специалистов про-

Афиша конференции

должают идентифицировать себя с русской культурой и позиционировать себя частью российского национального научного сообщества. Они активно распространяли и распространяют достижения российских научных школ. Благодаря многообразным личным связям ученых-эмигрантов на всем протяжении XX в. поддерживалась свободная циркуляция и трансляция новых научных идей, концепций и практик; в то же время они создавали своего рода широкие коммуникативные коридоры между различными национальными, социальными, политическими и профессиональными элитами в условиях политически нестабильного мира XX в.

В работе форума приняли участие историки, историки науки, социологи, философы, архивные и музейные сотрудники и эксперты из восьми стран — Австрии, Сербии, США, Норвегии, Латвии, Швейцарии, Германии, Японии и четырнадцати российских городов — Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Вологды, Ростова, Воронежа, Ельца, Челябинска, Омска, Иркутска, Архангельска, Владивостока, Сыктывкара, Краснодара, Москвы. Работа конференции была сосредоточена на обсуждении таких важнейших проблем социальной истории науки, как интеллектуальный вклад русского научного зарубежья в развитие цивилизационного процесса; индивидуальные и коллективные траектории и стратегии выживания ученых в инокультурной среде; научные институции в системе мировой науки; наука в публичном пространстве: ученые и наука в средствах массовой информации; память о русском научном зарубежье: музеи, архивы, некрополи; судьбы отдельных ученых.

На открытии форум приветствовали основатель и директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына В.А. Москвин, президент Фонда Питирима Сорокина, сын выдающегося ученого Сергей Питиримович Сорокин (США), представители Пушкинского фонда (США). В ходе церемонии известная исследовательница русского зарубежья в Сербии Несиба Палибрк-Сукич передала в дар Дому русского зарубежья подлинные документы выдающегося русского слависта и византолога Владимира Алексеевича Мошина (1894–1987), многие годы жившего и работавшего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии.

Пленарное заседание конференции открыли выступления заведующей отделом истории российского зарубежья ДРЗ кандидата исторических наук Марины Юрьевны Сорокиной и известного антиковеда, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Ирины Алексеевны Левинской. Доклад М.Ю. Сорокиной «Российское научное зарубежье XIX–XX вв. как научная проблема» обозначил вектор работы

М.Ю. Сорокина и И.А. Левинская

всей конференции, а доклад «Элиас Бикерман: биография и миф» И.А. Левинской на примере судьбы выдающегося историка Античности затронул сложные и противоречивые проблемы, механизмы и инструменты конструирования биографического нарратива.

Интенсивная работа конференции, горячие дискуссии и обсуждения длились два дня, и даже за это продолжительное время ее программа не смогла вместить всех желающих выступить с докладами. Перечислим в порядке расписания секций всех выступавших и темы их докладов:

М.Ю. Сорокина, ДРЗ, «Большая политика и большая славистика: Роман Якобсон в Праге (1920-е гг.)»; О. Георгий (Белькинд), Образовательный фонд имени братьев Сергея и Евгения Трубецких, Венев — Москва, «Николай Сергеевич, кто вы: лингвист Трубецкой или...?» (о соотношении фонологии и евразийской историософии); Н. Палибрк-Сукич, Панчево, Республика Сербия, «Панчевско-белградский период жизни и научной работы В.А. Мошина (1894–1987)»; И. Антанасиевич, Белградский университет, Республика Сербия, «Некрологи ученых в эмигрантской прессе Королевства СХС/Югославии»; И.И. Грубмайр-Нужнова, Университет И. Кеплера, Линц, Австрия, «Эмигранты из России в научной жизни Загреба».

И. Франкьен, Музей русской культуры в Сан-Франциско, США, «Память о русском научном зарубежье в Музее-архиве русской культуры в г. Сан-Франциско. Обзор фондов и коллекций»; Н.Н. Колотилова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, «Великий русский микробиолог С.Н. Виноградский (1856–1953) в эмиграции: судьба и научное наследие»; Н.В. Гончаренко, Иркутский государственный университет, «Возвращение имени: ученый-зоолог Борис Сукачев (1874–1934)»; Й.П. Нильсен, В.В. Тевлина, Университет Тромсе — Арктический университет Норвегии; Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск), «Профессор и академик Анатолий Евгеньевич Гейнц (1898–1975), уроженец Санкт-Петербурга и один из основоположников норвежской палеонтологии»; Г.И. Каневская, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, «Русские имена в научном мире Австралии».

П.А. Алипов и И. Антанасиевич

П.А. Алипов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, «Пражский юбилей Н.П. Кондакова (1924 г.): подведение итогов или постановка вопроса?»; Е.Е. Седова, Воронежский государственный педагогический университет, «Русский педагогический институт им. Коменского в Праге как центр российской педагогической науки в эмиграции в 1920-е гг.»; М.В. Каиль, Смоленский государственный университет, «Академические организации рос-

сийской эмигрантской молодежи в Париже и Праге 1920–30-х гг.»; И.В. Грибков, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», «Русский научный мир Праги в годы Второй мировой войны».

Е.В. Волков, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, «Научная деятельность американского историка Сергея Павловича Петрова (Serge Paul Petroff, 1922–2014) в контексте personal history»; М.М. Горинов-мл., ДРЗ, «Михаил Карпович и Александр Изюмов: научные коммуникации историков-эмигрантов»; А.И. Ключев, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, «Николай Оттокар (1884–1957) среди итальянских историков: стратегии интеграции»; А.Ю. Вовк, независимый исследователь, Москва, «М.М. Штранге (1907–1968): от кораблестроителя в Бельгии до историка в Москве»; Д.Ю. Козлов, Институт российской истории РАН, Москва, «Вклад русской военно-морской эмиграции в научное осмысление опыта Первой мировой войны».

Д.В. Волков, НИУ «Высшая школа экономики», Московский государственный лингвистический университет, «Власть/знание, габитус и поле: русские востоковеды-эмигранты в межвоенный период»; С.Л. Шевельчинская, независимый исследователь, Санкт-Петербург, «История Доры. Фотографии членов семьи Бартоломей в архиве В.Ф. Минорского»; С.И. Марахонова, независимый исследователь, Санкт-Петербург, «Династия востоковедов Елисеевых: судьба и стратегии выживания»; Е.Б. Смагина, Институт востоковедения РАН, Москва, «Юрий Николаевич Завадовский и его востоковедческие исследования»; Н.П. Белевцева, ДРЗ, «Архив Ю.Н. Завадовского в Доме русского зарубежья»; Л. Раванди-Фадаи, Институт востоковедения РАН, Москва, «Из мемуарного наследия Владимира Алексеевича Иванова (1886–1970)»; В.М. Магомедханов, независимый исследователь, Елец, «Петр Аверьянов (1867–1937) — белый эмигрант, военный востоковед».

В.П. Борисов, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, «Русский американец Владимир Зворыкин: Достижения и злоключения “отца электронного телевидения”»; А.В. Антошин, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, «Выдающийся популяризатор астрономических знаний: Георгий Гамов (1904–1968) — профессор Университета штата Колорадо (по материалам Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США)»; Т.М. Симонова, независимый исследователь, Москва, «Дмитрий Максимилианович Сокольников — русский военный радиотехник и эмигрант»; Д.Е. Апушкинская, Российский университет дружбы народов, Москва; Saarland University, Германия, «Математик Яков Давидович Тамаркин (1888–1945): портрет на фоне эпохи»; И.А. Гордеева, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Москва, «Математика и пацифизм: “наука о мире” Марка Рейтмана (1936–2003)».

Н. Тихонова-Сигрист, Лозаннский университет, Швейцария, «Русские студентки западноевропейских университетов — карьеры в новой академической среде и контакты с советскими коллегами»; Юки Хаяси, Токийский университет, Япония, «Историческое исследование Н.А. Ганца о русской и западной интеллигенции в контексте национализма»; Н.Ю. Масоликова, ДРЗ, Москва, «Дама Ольга Уварова (1910–2001) — первая женщина — президент Королевского колледжа ветеринарных хирургов (Великобритания)»; И. Дубови-Лузянина, Венский уни-

Н.Ю. Масоликова и Юки Хаяси

верситет, Австрия, «Борис Элькин (1887–1972) и правозащита русских ученых-эмигрантов»; С.Н. Калистратова, Москва, «Художник Е.Н. Яковлев (1895–1934): «Его наследие для археологии Перу останется бессмертным...».

Т.М. Димони, Вологодский государственный университет, «Проблема классового лидерства в трудах ученых русского зарубежья (1950–1980-е гг.)»; О.В. Семенова, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-

на-Дону, «Русский военный инженер полковник Ф.П. Саблин: между Россией и Болгарией»; А.А. Головкин, ООО «Лотте Рус», Москва, «Научная русская эмиграция как основа бизнеса русской эмиграции в США 1945–1980 гг.»; К.К. Семенов, ДРЗ, «Д.С. Красенский (1878–1977) — профессор Белградского университета».

Отдельная секция конференции была посвящена наследию П.А. Сорокина, ее соорганизаторами выступили ИНИОН РАН, кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, Сообщество профессиональных социологов. В этой секции прозвучали следующие доклады:

В.В. Сапов, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, «Питирим Сорокин и Александр Солженицын»; А.Ю. Долгов, ИНИОН РАН, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, «Питирим Сорокин и современная теоретическая социология: есть ли точки пересечения?»; С.Н. Ковальчук, Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия, «Питирим Сорокин: интеллектуальное пространство Петербурга в Латвии. 1920–1940»; Е.А. Долгова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, «Профессура П.А. Сорокина в Петрограде: роль в академической эмиграции социолога-эмигранта»; К.П. Лазебная, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, «Питирим Сорокин как социолог публичной сферы: совместимы ли наука и гражданский активизм?»; В.В. Василенко, Ставропольский государственный педагогический институт, «П.А. Сорокин как интерпретатор достижений российской дореволюционной социогуманитарной мысли за рубежом (1922–1968)»; М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, «Питирим Сорокин — русский классик западной социологии»; А.С. Титков, РАНХиГС, Москва, «Куда исчез Питирим Сорокин? Идеи Сорокина и логика теоретической социологии XX века»; В.А. Ковалев, Сыктывкарский государственный университет, «Социология и утопия. Случай Питирима Сорокина»; В.Н. Петров, Кубанский государственный университет, Краснодар, «П.А. Сорокин — президент Американской социологической ассоциации»; М.Б. Буланова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, «Политика, власть и нравственность в жизни и творчестве П. Сорокина»; Е.А. Чипсанова, «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина», Сыктывкар,

«Центр “Наследие” имени Пителири-ма Сорокина: история создания и деятельность».

В рамках конференции состоялись презентации новых книг по истории русского научного зарубежья, подготовленных женщинами-учеными: Т.В. Пушкадия-Рыбкиной и И. Грубмайр «Эмигранты из России в Загреб: Жизни и судьбы» (Загреб, 2019); С.Н. Ковальчук «Настоящий изгнанник с собой все уносит» (М., 2017); Н.В. Гончаренко «Сукачевы. История одной семьи» (Иркутск, 2019) и Н. Палибрк-Сукич «Руске избеглице у Панчеву 1919–1941» (Панчево, 2019).

Участники форума единодушно выразили надежду, что такие конференции станут постоянными встречами, объединяющими всех знатоков, любителей и экспертов русского научного зарубежья.

А.Ю. Долгов и В.В. Санов

М.Ю. Сорокина

НЕДЕЛЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ТУРЦИИ

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 15–20 ноября 2019

С 15 по 20 ноября 2019 г. в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына состоялась международная историко-просветительская «Неделя русского зарубежья в Турции».

Впервые новый формат историко-просветительской недели был опробован в 2018 г., когда Дом русского зарубежья приветствовал коллег и соотечественников из Республики Сербия. Поскольку успех «сербской недели» превзошел все ожидания, впервые в стенах Дома русского зарубежья теме истории и культуры русской эмиграции в Турции было отведено значительное место.

Инициаторы проекта — кураторы с российской стороны — заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ кандидат исторических наук Марина Юрьевна Сорокина, заведующая отделом международного и межрегионального сотрудничества ДРЗ кандидат филологических наук Елена Викторовна Кривова, с турецкой — профессор Стамбульского университета Тюркан Олджай — постарались продемонстрировать масштаб интереса со стороны российских и турецких исследователей к «белым русским», оказавшимся на берегах Босфора после трагических событий Русской революции 1917 г. и Гражданской войны. Для участия в «Неделе» были приглашены известные турецкие ученые, российские соотечественники, живущие в Турции, турецкие и российские культурные и общественные деятели, а также представлен широкий спектр событий — фотодокументальная выставка, международный круглый стол, презентации книг, показ кинофильма и, самое главное, — возможность непосредственного общения с турецкими коллегами и российскими соотечественниками.

На торжественной церемонии открытия «Недели», которая состоялось в киноконцертном зале Музея русского зарубежья, присутствовали известные гости из Турции: генеральный секретарь Российско-турецкого форума общественности (с турецкой стороны), Чрезвычайный и Полномочный Посол г-н Эндер Арат; представители турецких университетов: Стамбульского — доктор филологических наук, профессор Тюркан Олджай, Эрджиевского в г. Кайсери — доктор филологических наук, профессор Севинч Учгюль и доктор филологических наук, доцент Эрдем Эринч; историк искусств, коллекционер, экс-директор Стамбульского музея фотографии Дженгиз Кахраман с супругой Бахар Таныр Кахраман; журналист Марина Сигирджи (Яровая); Вера Гилберт — внучка звезды немого кино Веры Холодной; музыковед, регент хора православного храма Святого апо-

Директор ДРЗ В.А. Москвин вручает благодарственные письма Дж. Кахраману и Т. Олджай. Фото А. Макеева

стола Андрея Первозванного в Стамбуле Эвелина Давыдова.

С приветственным словом к собравшимся обратился основатель и директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин, который отметил особую значимость отношений между Россией и Турцией и ту роль, которую сыграл Константинополь в судьбе русских беженцев. От лица посольства Турецкой Республики в Российской Федерации с ответным словом выступил советник-заместитель главы дипмиссии г-н Айше Зейнеп Гюндюз, подчеркнувший значимость совместных проектов и их перспективность для развития добрососедских отношений двух стран. Участников «Недели» также приветствовали почетный президент Детского благотворительного фонда имени Андрея Карлова Марина Михайловна Карлова, генеральный секретарь Российско-турецкого форума общественности (с российской стороны) профессор Сергей Александрович Марков и др.

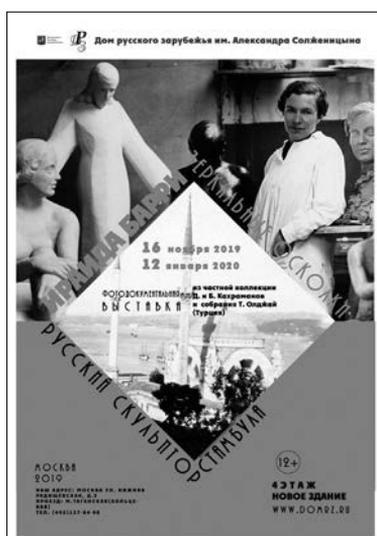
Кульминацией первого дня «Недели русского зарубежья в Турции» стало открытие фотодокументальной выставки «Ираида Барри (1899–1980) — русский скульптор Стамбула», настоящей культурной сенсации. Выставка впервые представила в России художественное наследие русской эмигрантки, одной из первых

Генеральный секретарь Российско-турецкого форума общественности (с турецкой стороны), Чрезвычайный и Полномочный Посол г-н Эндер Арат. Фото А. Макеева

Г-н Эндер Арат и профессор Стамбульского университета Тюркан Олджай. Фото А. Макеева

Афиша выставки «Ираида Барри (1899–1980) — русский скульптор Стамбула». Художник Д.А. Жмылева

Дженгиз и Бахар Кахраман. Фото А. Макеева

женщин-скульпторов Турецкой Республики, чье имя широко известно не только в Турции, но и за ее пределами.

Ираида Барри, урожденная Ириаида Вячеславовна Кедрина, родилась в Севастополе в Крыму. Дочь пионера русской морской авиации Вячеслава Никаноровича Кедрина, она с детства тянулась к художественному творчеству и еще в дореволюционные годы готовилась к поступлению в Петроградскую академию художеств. События Русской революции 1917 г. и Гражданской войны прервали естественный ход событий и тяжело отразились на судьбе людей ее круга. В 1920 г. Ирочка Кедрина оказалась в Константинополе, где и прожила всю жизнь. Здесь она получила художественное образование, участвовала в многочисленных выставках и биеннале, а позднее презентовала свое искусство в Париже. Многие работы И. Барри хранятся ныне в Стамбульском музее живописи и скульптуры и в турецких и зарубежных частных собраниях.

Экспозиция, созданная на фотоматериалах из частного собрания Дженгиза и Бахар Кахраман и архивной коллекции профессора Тюркан Олджай, рассказала как о самой И. Барри, ее судьбе и художественном наследии, так и о жизни целого поколения белой русской эмиграции, связавшего свою судьбу со Стамбулом и Турцией. Директор ДРЗ В.А. Москвин вручил турецким гостям благодарственные письма Дома за предоставление уникальных материалов, связанных с жизнью и деятельностью И. Барри и русских эмигрантов первой волны, и выразил глубокую благодарность за организацию выставки кураторам проекта — заведующей отделом истории российского зарубежья М.Ю. Сорокиной и ведущему научному сотруднику отдела научно-экспозиционной деятельности Д.А. Жмылевой.

В тот же вечер состоялась премьера документального фильма генерального секретаря Российско-турецкого форума общественности (с турецкой стороны), чрезвычайного и полномочного посла г-на Эндера Арата о русской эмиграции в Турции. Фильм является частью

На выставке

восьмисерийного сериала «Открытая дверь — Анатолия», рассказывающего о еврейских, венгерских, армянских и др. эмигрантах в Турции. Основанный на историях реальных людей и использующий многочисленные уникальные документальные съемки из жизни русских постоктябрьских беженцев в Турции, фильм демонстрировался с русскими субтитрами.

Главным событием второго дня «Недели русского зарубежья в Турции» стал международный круглый стол «Проблемы и перспективы изучения культурного и научного наследия русской эмиграции в Турции» с участием российских, турецких и сербских научных и культурных деятелей. Открывая его работу, заместитель директора ДРЗ по научной работе доктор исторических наук Н.Ф. Гриценко подчеркнула, что долг каждого ученого, занимающегося историей русской эмиграции, — восстанавливать связи с соотечественниками, исследовать проблемы сохранения национальной и культурной идентичности на чужбине. А через Константинополь / Стамбул прошло до 150 тысяч беженцев из бывшей Российской империи, часть которых продолжила свой путь в другие страны, а другая — осталась в городе навсегда... Н.Ф. Гриценко поблагодарила турецких коллег за большую и постоянную работу по возвращению в Россию забытых имен наших соотечественников, а сотрудников Дома русского зарубежья — за организацию столь нужного и перспективного мероприятия.

В рамках круглого стола профессор Стамбульского университета Тюркан Олджай представила презентацию «Русская белая эмиграция в трудах турецких ученых» и сделала детальный обзор научных работ турецких коллег по истории русской эмиграции за последние пятнадцать лет. О проблеме изучения визуального наследия русского зарубежья в Турции говорила профессор Белградского

Афиша международного круглого стола «Проблемы и перспективы изучения культурного и научного наследия русской эмиграции в Турции»

Участники круглого стола. Слева направо: И. Антанасиевич, Т. Олджай, Н.Ф. Гриценко, С. Учюль

университета доктор филологических наук Ирина Антанасиевич. Она отметила важность изучения «галлиполийского текста» — рукописных журналов русской армии в Галлиполи — как начала формирования идеологии всей русской эмиграции. Профессор Антанасиевич отметила плодотворность предложенного нового формата — совместного обсуждения научных вопросов эмигрантики российскими, турецкими, сербскими и другими зарубежными исследователями.

О плодотворной издательской деятельности «белых русских» сделала доклад профессор Эрджиевского университета (г. Кайсери), доктор филологических наук Севинч Учюль; доцент этого университета Эрдем Эринч говорил о «стамбульском тексте в литературе русской эмиграции», приводя примеры творческого осмысления поэтами и писателями русского зарубежья (В. Набоковым, И. Буниным, С. Аверченко, Г. Газдановым, З. Шаховской и др.) своего пребывания в Константинополе.

Музыковед, регент церкви Святого апостола Андрея Первозванного в Стамбуле Эвелина Давыдова рассказала об истории православных храмов в Стамбуле как центров русской жизни эмиграции. Их прихожанами были выдающиеся представители русской культуры в эмиграции, в том числе митрополит Евлогий, художник Николай Перов, расписавший храм Святого апостола Андрея Первозванного, и многие другие. Ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья ДРЗ кандидат исторических наук М.М. Горинев-мл. познакомил слушателей с новым источником сведений о жизни русской колонии в Стамбуле — мемуарами русского эмигранта Ф.П. Бурцева. Журналист Марина Сигирджи (Яровая), автор книги «Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции» (СПб.: Европейский дом, 2018), рассказала о работе в турецких и российских архивах, беседах с потомками русских беженцев и с местными жителями, сохранившими воспоминания о «белых русских».

После окончания работы круглого стола состоялась презентация первого в истории эмигрантики международного сборника статей турецких, российских и сербских исследователей «Русская эмиграция в Турции век спустя (1919–2019)» (М., 2019). О содержании уникального издания, увидевшего свет при поддержке и непосредственном участии Дома русского зарубежья и заведующей его отделом истории российского зарубежья М.Ю. Сорокиной, рассказала его инициатор, ответственный редактор и автор — профессор

*Вера Гилберт (в центре)
и Эвелина Давыдова (справа).
Фото А. Макеева*

Тюркан Олджай. Она отметила, что главная задача тома — показать роль Стамбула / Константинополя в становлении русского зарубежья — роль, которую до сих пор недооценивали исследователи русской эмиграции, называя город преимущественно «мостом», «перевалочным пунктом», в то время как Стамбул оказался для эмигрантов из России прежде всего местом «переоценки ценностей».

В работе над сборником приняли участие 16 исследователей из Турции, России и Сербии; было сформировано четыре основных раздела, которые представляют панораму Стамбула на момент появления русской колонии, дают понятие об основах юридических отношений между российской и турецкой сторонами в 1920–30-х гг., рассказывают о социально-культурной жизни русских эмигрантов и о судьбах их потомков в Турции на всем протяжении XX в. Перед гостями презентации также выступили и другие авторы нового научного издания, ее сопровождала музыкальная программа в исполнении известной русско-сербской певицы Натальи Тодорович.

Завершающим мероприятием «Недели» стала яркая презентация книги Марины Сигирджи (Яровой) «Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции». Автор подробно рассказала о своей работе по собиранию материалов и отметила, что ее книга — это попытка взглянуть на события столетней давности сквозь призму судеб людей, оказавшихся на турецкой земле в результате Русской революции 1917 года.

*Обложка сборника статей
«Русская эмиграция в Турции век
спустя (1919–2019)»*

М. Сигирджи (Яровая) показала интересные исторические архивные фотографии и современные снимки мест русского присутствия в Турции.

«Неделя русского зарубежья в Турции», впервые проводившаяся в Доме русского зарубежья, открыла новые горизонты в изучении и освоении многогранного наследия русской эмиграции в этой стране на протяжении всего XX в. «Русские на Босфоре» продолжают свое возвращение на родину.

И. Антанасиевич, М.Ю. Сорокина

**ВЫСТАВКА «РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ СЕРБИИ:
ПАВЕЛ И ЮРИЙ ЛОБАЧЕВЫ, ДИПЛОМАТ И ХУДОЖНИК»**

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 15 мая 2020

15 мая 2020 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына открылась международная художественно-документальная выставка «Русские в Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник». В связи с форс-мажорными обстоятельствами (пандемия) она показывалась онлайн¹.

Данная выставка — уже третий совместный выставочный проект профессора Белградского университета Ирины Антанасиевич (Белград, Республика Сербия) и Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (кураторы Марина Сорокина и Дарья Жмылева, Москва, Россия), представляющий российской публике и специалистам ранее совершенно неизвестный пласт художественной культуры Сербии, созданный русскими именами в жанре комикса / графического романа / рисованных историй. Русские художники, литераторы и издатели, представители первой волны послеоктябрьской русской эмиграции внесли огромный вклад в его развитие — достаточно сказать, что из двенадцати крупнейших югославских художников этого жанра девять были русскими белоэмигрантами, познакомившими подданных Королевства Югославия со многими адаптациями произведений русской, советской и мировой классики.

Проект осуществляется при поддержке многих российских и сербских институций — филологического факультета Белградского университета, Архива Алтера, Союза комикс-художников Республики Сербия, Министерства культуры и информации Республики Сербия, а также, что особенно важно, при активном содействии многих российских и сербских государственных архивов — Архива внешней полити-

*Павел Лобачев — студент
Императорского Санкт-Петербургского университета.
1893. ЦГИА СПб. Опубликовано:
Каталог выставки*

¹ См.: URL: https://www.domrz.ru/exhibition/virtualnaya_vystavka_russkie_v_serbii_pavel_i_yuriy_lobachevy_diplomat_i_khudozhnik_/?sphrase_id=7299 (дата обрац. 15.12.2020).

*Члены российской консульской миссии, в том числе Павел Артемьевич и Зианаида Владимировна Лобачевы, на пикнике. Скадр-на-Бояне. 1904. Семейный архив Лобачевых.
Опубликовано: Каталог выставки*

ки Российской империи МИД РФ, Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга, Архива Югославии, Исторического архива г. Белграда и др., которым кураторы проекта выражают искреннюю благодарность.

С помощью российских и сербских архивов в рамках проекта впервые на документальной основе восстанавливаются подлинные биографии художников и их окружения, а ведь от многих из них, казалось, не осталось даже фотоизображений. Так выставочный проект стимулирует исследовательский процесс как в историко-биографической области, так и в пространстве «больших» исторических проблем, как, например, история международных отношений на Балканах.

Павел Артемьевич Лобачев (1874–1921), отец известного художника-комиксиста и иллюстратора Юрия Лобачева (1909–2002) — Джорджа Стрипа, которым посвящена настоящая выставка, принадлежал к той многочисленной плеяде российских дипломатов, которые вершили «большую политику» непосредственно на местах. Далеким от интриг и хитросплетений придворного мира столиц, российские консулы в крупных и малых городах всего мира были теми медиаторами, которые не только своей деятельностью, но и самим образом жизни непосредственно влияли на формирование представлений о России и русских в странах и городах пребывания. Между тем внутренняя жизнь и устройство российского консульского мира на Балканах мало отражены и в мемуарной, и в научной литературе и почти совершенно неизвестны современной читающей публике. Каталог

Могила П.А. Лобачева. Успенское кладбище, г. Нови-Сад (Республика Сербия).
Опубликовано: Каталог выставки

Венчание Юрия Павловича Лобачева и Елизаветы Константиновны Апухтиной в Троицкой церкви в Белграде. 3 июля 1934.
Опубликовано: Каталог выставки

выставки впервые представляет биографии и фотографии русских императорских консулов, служивших в южной Сербии в начале XX в.

Выставка «Русские в Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник» — это не просто история об отце и сыне, это еще и история о мире, который помнит подлинную природу вещей и предметов, знает глубину и высоту настоящих трагедий и радостей, умеет совершать открытия и находки, запускать механизм надежды и веры в себя. Это настоящий мир, где человек всегда путешествует налегке: унося из географической точки А в точку Б лишь родной язык и воспоминания о том, как посвистывал самовар в том месте, которое ты решил считать своим домом.

Художник Алекса Гайич в знак памяти об одном из увлечений Юрия Лобачева нарисовал настольную игру, назвав ее так же, как сам Юрий назвал свои воспоминания — «Когда Волга впадала в Саву». Действительно, жизнь Павла и Юрия Лобачевых позволяют соединять географические фрагменты личной истории в увлекательную мозаику исторического полотна. И ветер Косово сквозит по улицам города на Неве, а на улицах Ниццы можно улыбнуться навстречу чьим-то до боли знакомым белградским глазам. Можно уходить, никогда не расставаясь.

СОПСТВЕНИК КУЋЕ
SOPSTVENIK KUĆE
HOTEL
HOTEL

ПРИЈАВА — PRIJAVA
ПРИЈАВЉЈЕ СЕ: — PRIJAVLJUJE SE:

ЊЕГОВ
NJEGOV

Улица, број, куќа — Улица, број, куќа
Тришћинска 52

Име породично и рођено. За узету или узетну и рођено или узету и девојачко породично име
Име породично и рођено. За узету или узетну и рођено или узету и девојачко породично име
Лобачев Јурије
Лобачев Јурије

Држављанство — Идржављанство
Југослава

Дан, месец и година рођења — Дан, месец и година рођења
4 II 1909

Место рођења — Место рођења, село, стез, земља
Дубокоброд

Завичајна општина, сред, ограда — Завичајна општина, сред, земља
Свадар - / Савануја /

Брачно стање — Брачно стање
Увено

Религија — Религија
Православна

Равни стани у Београду: улица и број, или у ком другом месту: село, стез, Бановина
Табле - и Јурије рођена Богачева

ЖЕНА И ДЕЦА ИСПОД 18 ГОДИНА — ŽENA I DECA ISPOD 18 GODINA

Рођено име и девојачко породично име жене и рођено име деце Rodjeno ime i девојачко породично име жене и породично име деце	мушко muško	женско žensko	Дан, месец и година рођења Dan, mesec i godina rođenja	Место рођења Mesto rođenja
Елизавета Килићева Килићева	женско	женско	22-11-1915 8 II 1955	Београд Београд

3-11-39 бр. куќа Лобачев. бр. 8988/39

2-11-40 Речица Мин. Јурије

2-11-54 Јурије жено 11-11-34

2-11-54 Јурије жено 11-11-34

Станар — Stanar
Власник куће-управитељ-стводавац
Власник куће-управитељ-стводавац
Борисав Лобачев

2 I 1928

Регистрациона карта жителя Белграда Юрия Павловича Лобачева. Белград. 2 января 1928. Исторический архив города Белграда. Опубликовано: Каталог выставки

Юриј Павлович Лобачев с женој Елизаветој и сином Дмитрием. Белград. 1949. Опубликовано: Каталог выставки

Можно двигаться назад, чтобы прийти к тому, с чего начиналась твоя жизнь, — эти ребусы и шарады (еще одно увлечение Юрия Лобачева) он умел великолепно решать, поскольку, родившись подданным одной империи на территории другой, он получил не только два имени при рождении, но и уверенность, что самое большое заблуждение — это считать, что направление — величина однозначная.

И для России, и для Сербии фамилия Лобачев — близкая и родная. Каждая из этих стран Павла и Юрия Лобачевых считает своими. А они и были — своими. Поскольку знали, что не только Волга впадает в Саву, но и белградский трамвай легко может увезти на стрелку Васильевского острова. Потому и нет никакой необходимости возвращаться туда, откуда ты никогда не уходил.

В.В. Леонидов

ВЫСТАВКА «НЕИЗВЕСТНЫЙ НИКОЛАЙ МИЛЛИОТИ»

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.

6–16 марта, 1–19 июля 2020

6 марта 2020 г. в Доме русского зарубежья открылась выставка произведений замечательного русского художника, мастера, ставшего одним из самых ярких фигур российского символизма, — Николая Дмитриевича Миллиоти.

Те дни памяты тревожной атмосферой ожидания карантина, тревогой перед распространением болезни, но тем не менее народу на открытии собралось очень много. Специально на выставку, к примеру, приехали искусствоведы из Санкт-Петербурга. Телеканал «Культура» посвятил специальный репортаж. Представители Третьяковской галереи, работники других музеев, коллекционеры поздравляли директора ДРЗ Виктора Александровича Москвина и внучку художника, одну из ведущих актрис театра «Современник» Елену Юрьевну Миллиоти с этим событием. Потому что, как это ни покажется на первый взгляд странным, экспозиция стала первой персональной, монографической выставкой знаменитого мастера в России после 1917 г. И почти все работы демонстрировались впервые.

Имя Николая Дмитриевича Миллиоти (1874–1962) известно хорошо и прочно в основном в связи с его участием в знаменитом художественном объединении начала XX в. «Голубая роза» [Дудаков 1989, Гофман 2000]. Подробная биография художника увидела свет в 2010 г. во 2-м выпуске сборника «И.А. Бунин. Новые материалы», появившегося в московском издательстве «Русский путь». Именно там американским исследователем Китом Трибблом, Олегом Коростелевым и Ричардом Дэвисом были опубликованы письма Н.Д. Миллиоти к Вере Николаевне Буниной, а также переписка Ивана Алексеевича Бунина с гражданской супругой Миллиоти Юлией Леонидовной Сазоновой [Коростелев 2010, Триббл 2010].

Николай Дмитриевич был человек необыкновенного таланта, красивый, яркий, мощный. Любил жизнь, любил женщин, и это все не могло не выплеснуться на его холсты. Потомок богатейшей купеческой семьи, он всегда жил и работал яростно, с какой-то могучей страстью. Успел поучаствовать в объединениях «Мир искусства» и «Союз русских художников». Звездный час мастера наступил в 1907 г., когда он вместе с П.В. Кузнецовым, Н.Н. Сапуновым, С.Ю. Судейкиным и другими стал организатором выставки «Голубая роза» в Москве. В том же году с огромным успехом прошла его выставка в Брюсселе. Там же, только в 1910 г., Николай Дмитриевич получил почетную золотую медаль на выставке в Брюсселе.

Первая мировая перевернула жизнь художника, как и миллионов его современников. Миллиоти воевал, был дважды контужен, награжден золотым оружи-

В.А. Дудаков, Е.Ю. Миллиоти, В.А. Москвин, В.В. Леонидов

ем. По личной просьбе легендарного командующего 12-й армией Радко Дмитриева стал его адъютантом. После большевистского переворота продолжал пытаться что-то делать, даже был назначен председателем Комиссии по охране художественных сокровищ Крыма. Однако новая власть с ее террором не оставляла выбора, и в 1920 г. мастер покинул Россию.

Поражаешься, сколько всего он успел создать за годы эмиграции. Здесь и работа в Болгарии, где его мастерскую даже посетил царь Борис, и в США, и в Германии, и театральные постановки. Так, в Париже Николай Дмитриевич был художником-декоратором в кукольном «Театре деревянных комедиантов», а также преподавал в Институте декоративного искусства, в Русской академии Т.Л. Толстой.

Его основным местом жизни стала «столица мира». В мастерскую Миллиоти на площади Сорбонны, 3-бис приходили самые известные люди Франции, к примеру Андре Моруа и Поль Валери. Художник создал огромную галерею портретов соотечественников, в том числе Марины Цветаевой, Надежды Тэффи, Федора Шаляпина, Александра Бенуа. Вообще, его слава портретиста просто гремела по всей Европе.

«Миллиоти больше всего импонирует своими портретами», — так писал Александр Николаевич Бенуа, откликаясь на парижскую выставку художника 1938 г. [Бенуа 1938]. А вот что писал о другой экспозиции мастера эмигрантский публицист Владимир Зеелер: «Можно так или иначе оценить ту или иную работу Миллиоти, может она звучать Вам или оставлять хладнокровным, нравиться или быть безразличной, но одного Вы все-таки не отнимите у нее — ее полноценности как художественного произведения» [Зеелер 1928, с. 35].

Первые годы войны художник пережил в Биаррице. Здесь он создал целую серию рисунков «Трагедия и бедствия войны». После возвращения в Париж про-

должал яростно работать, написал несколько автопортретов, продолжал участвовать в русской жизни. Так, Николай Дмитриевич был членом Общества охранения русских культурных ценностей, членом Комитета по сбору средств на издание биографии своего друга Константина Коровина.

Конец его жизни был печален. Вот что писала Нина Берберова: «До последних дней он искал прибежище у обожавших его женщин. В эмиграции у него был сын, которого он не признавал, в Москве у него оставались жена и двое детей... В последние годы жизни он, седой как лунь, в рваном пальто, заколотом английской булавкой, с мешком за плечами и беззубый, выглядел как типичный парижский “клошар” — бездомный бродяга. Что случилось после его смерти с его студией на площади Сорбонны — я не знаю. Она вся была увешана портретами светских красавиц» [Берберова 1996, с. 336–337].

К этому необходимо добавить, что в студии у мастера за несколько лет до смерти был пожар, и многое просто сгорело.

Другая часть наследия Николая Дмитриевича хранилась у его сына от гражданской жены Юлии Сазоновой Дмитрия. Дмитрий, судя по всему, страдал душевным расстройством и был полностью неприспособлен к жизни. Он жил в гостинице, куда перевез собрание матери, где наряду с произведениями Миллиоти были также и письма Бунина. После Дмитрий Петрович (отец никогда официально его не признавал, и Дмитрий не мог носить его отчество) сложил все в каком-то другом отеле, где бесценные реликвии стинули после пожара [Коростелев 2010, с. 271].

Но откуда же Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына получил столько работ мастера, причем в основном созданных в эмигрантский период? Их предоставила внучка художника, одна из ведущих актрис и основателей театра «Современник» Елена Юрьевна Миллиоти. Дочь Юрия Николаевича Миллиоти — сына художника, оставшегося в советской России.

Да, но как к ней, москвичке Елене Юрьевне Миллиоти, попали парижские произведения деда и десять тетрадей рукописей его дневников за 1917–1952 гг., которые он обильно иллюстрировал рисунками, иногда просто потрясающими по своей выразительности? Обо всем этом подробно рассказал в своей фундаментальной публикации Кит Трибл.

В.А. Москвин и Е.Ю. Миллиоти

В.В. Леонидов и В.А. Дудаков

Так получилось, что распорядилась оставшимся собранием художника русская парижанка Лидия Алексеевна Панаева, принадлежавшая к роду знаменитой подруги Некрасова. Она отправила довольно много картин в Третьяковскую галерею, а потом, узнав о том, что в Москве живет сын Николая Дмитриевича Юрий, послала ему 40 картин, большое количество рисунков и все оставшиеся дневники Миллиоти. Причем, как отмечал Триббл, «...из-за своей несколько пуританской деликатности Панаева сняла с портретов все этикетки с информацией о том, кто на них изображен» [Триббл 2010, с. 462]. Конечно, кланяясь памяти Лидии Панаевой, благодаря которой в Россию вернулось наследие Миллиоти, нельзя не отметить гибельность этого поступка для профессионального изучения жизни и творчества художника.

Произведения из собрания Елены Юрьевны несколько раз появлялись на выставках, посвященных «Голубой розе», но, еще раз отметим, такого мощного представления творчества Николая Миллиоти в России не было никогда.

Главным «мотором» выставки стал режиссер-документалист Игорь Калядин, снявший несколько лет назад прекрасный фильм «Неизвестный Миллиоти». Игорь, окончивший в свое время Школу-студию МХАТ и игравший на сцене «Современника» вместе с Еленой Юрьевной и ее мужем, замечательным актером Геннадием Фроловым, первым предложил автору этих строк провести выставку Миллиоти в Доме русского зарубежья. Директор ДРЗ Виктор Александрович Москвин сразу поддержал эту идею. Елена Юрьевна Миллиоти предоставила все для выставки. Но надо отметить, что еще две просто фантастические работы были получены от известного коллекционера и организатора выставок Валерия Дудакова и его супруги Марины Кашуро. Благодаря им посетители выставки могли любоваться картиной Николая Миллиоти «Памяти Сапунова» и впервые экспо-

Рабочая группа по подготовке выставки: И.Н.Тишина, В.А. Кулишов, С.Ю. Урбан, И.И. Калядин

Н.Д. Миллиоти. Автопортрет на фоне Толедо. [1930-е]. Холст, масло. Собрание Е.Ю. Миллиоти

Н.Д. Миллиоти. Портрет Марины Цветаевой. 1922. Картон, масло. Собрание Е.Ю. Миллиоти

Н.Д. Миллиоти. Карнавал. Лестница. 1929. Картон, масло. Собрание Е.Ю. Миллиоти

нируемым портретом брата художника Василия Миллиоти, написанным Петром Кончаловским.

Женские портреты, в том числе Марины Цветаевой и Надежды Тэффи, театральные эскизы, прекрасный автопортрет в испанском стиле, рисунки и наброски, дневники художника — все это сделало выставку «Неизвестный Николай Миллиоти» одним из самых заметных культурных событий России последнего времени. Конечно, огромную роль сыграло строго продуманное построение экспозиции, автором которой стали художник выставки Светлана Урбан и дизайнер Виталий Кулишов.

«В моей одинокой, до краев переполненной счастливой и долгой жизни я прошел мимо человеческой славы, мимо земного благополучия и блистательных возможностей. Но я не оскудел, не потерял ни одного из даров. Мое счастье в

жизни, моя защита — это вечно присутствующая ангельская мечта о красоте», — писал в дневнике Николай Дмитриевич Миллиоти. И его новое возвращение в Россию состоялось.

Литература

- Бенуа 1938 — *Бенуа А.Н.* Выставка Николая Миллиоти // Последние новости (Париж). 1938. 12 мая.
- Берберова 1996 — *Берберова Н.Н.* Курсив мой. М.: Согласие, 1996.
- Гофман 2000 — *Гофман И.* Голубая роза. М.: Пинакотека, 2000.
- Дудаков 1989 — *Дудаков В.А.* Мастера «Голубой розы» // Наше наследие. 1989. № 3. С. 136–143.
- Зеелер 1928 — *Зеелер В.Ф.* Выставка Н.Д. Миллиоти // Иллюстрированная Россия (Париж). 1928. № 24. С. 34–35.
- Коростелев 2010 — «Драгоценная скупость слов»: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / вступ. ст. К. Триббла; публ. К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2. М.: Русский путь, 2010. С. 269–299.
- Триббл 2010 — Письма Н.Д. Миллиоти к В.Н. Буниной (1927–1958) / вступ. ст. К. Триббла; публ. К. Триббла и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2. М.: Русский путь, 2010. С. 400–464.

IN MEMORIAM

В.В. Леонидов

ПАМЯТИ
ЛЬВА АБРАМОВИЧА МНУХИНА
(1938–2020)

Ушел замечательный библиограф, выдающийся исследователь жизни и наследия Марины Цветаевой Лев Абрамович Мнухин.

Когда смотришь, сколько сделал этот удивительный человек, порою кажется, что работал целый научно-исследовательский институт, так как одному человеку создать это все просто не под силу.

Да, Лев Абрамович умел создавать коллективы, заряжать своих товарищей на большие проекты, но и сам он был ученым, исследователем огромного масштаба. И прежде всего его жизнь была связана с наследием и судьбой Марины Цветаевой и бездонной планетой истории русской эмиграции во Франции.

Инженер-электротехник, автор ряда изобретений, он еще в 1960-х гг. посвятил себя одной из самых гениальных женщин, когда либо рождавшихся на нашей земле, — Марине Цветаевой. В 1960-х гг. ее стихи стали постепенно, с огромным трудом, проходить сквозь чугунные шлюзы цензуры. Лев Абрамович у себя на квартире создал первый, естественно в те годы домашний, музей великого поэта (Цветаева ненавидела само слово «поэтесса»). Конечно, времена были не сталинские, однако занятие это было в те годы не самым безопасным.

Но Лев Абрамович продолжал собирать свой музей, искать людей, которые знали Марину Ивановну, записывать их воспоминания. И с первыми ветрами свободы окунулся в бесконечный поток подготовки к изданию цветаевского наследия.

Любой, кто сталкивался с исследованием цветаевского творчества, знает, насколько это непросто. Очень много вариантов, черновики, разных редакций текстов. Рукописи Марины Ивановны разбросаны по самым разным частным и государственным архивам. А письма! Она писала их каждый день множеству корреспондентов, часто сокращая имена и фамилии. И Мнухин сумел решить все эти задачи.

Именно он подготовил первые библиографические указатели как изданий самой Цветаевой, так и литературы о ней [Марина Цветаева 1989; *Bibliographie des oeuvres de Marina Tsvetaeva* 1993], собрания сочинений [Цветаева 1994], письма и к отдельным лицам, и сводные тома [Цветаева 2002; Цветаева 2012; Цветаева 2013; Цветаева 2015; Цветаева 2016а; Цветаева 2016б]. Работая сначала в Доме-музее Марины Цветаевой, а потом в Мемориальном Доме-музее Марины Цветаевой в Болшево, он провел десятки конференций и семинаров. Его увлеченность и

высочайшие знания притягивали к нему людей, как магнит. И к тому же Мнухин передал в дар обоим музеям, так же как и в Литературный музей Марины Цветаевой Елабужского государственного музея-заповедника, ряд уникальных реликвий, являющихся ныне гордостью их фондов.

И здесь необходимо сказать, что Лев Абрамович соединил в себе и точность «технаря», и интуицию литературоведа. Любому факту в археографических комментариях, в многочисленных статьях им всегда приводилось подтверждение. Список использованных источников в работах Мнухина был исчерпывающим. Недаром он так блестяще знал фонды российских и зарубежных архивов, а как специалисту по периодике эмиграции ему было мало равных.

Это и привело Мнухина к проектам огромного масштаба. Собрав коллектив единомышленников, он приступил к созданию хроники научной, культурной и общественной жизни во Франции русской эмиграции первой волны [Русское зарубежье 1995–1997]. Несколько лет Лев Абрамович и его группа работали в библиотеках и архивах России и Европы, ряд данных получили из США. И в результате четыре тома увидели свет.

Вы только представьте, что почти любой эпизод культурной и научной жизни эмиграции за 1920–1940 гг. теперь не ушел в тину забвения. Бесчисленные пушкинские праздники, концерт Ф.И. Шляпина или хора донских казаков, вечер в русской школе, посвященный Тургеневу и собрание во французском университете, посвященное Менделееву, — все вошло в справочник. Любое представление русской книги, выступления поэтов, научный семинар, как-то связанный с российскими изгнанниками, — огромное полотно этих и множества других событий, словно какой-то град Китеж, предстало перед исследователями.

Лев Абрамович никогда не мог останавливаться на достигнутом. И снова с тем же коллективом единомышленников осуществил продолжение «Хроники». Но уже за послевоенный период. Новые четыре тома истории русской культурной и научной жизни, но только за 1940–1975 гг., также были изданы [Русское зарубежье 2000–2002].

Однако впереди ждало решение других задач. И прежде всего составление большого трехтомного биографического словаря «Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 гг.». Было представлено более 16 тыс. персонажей. Причем не только известных писателей, художников, генералов Белой армии. Из тины забвения были спасены священники, врачи, офицеры, работавшие на заводах и таксистами, музыканты, игравшие в ресторанах, учителя русских школ. Эта работа просто не имеет себе равных.

Лев Абрамович был другом Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. В 2002 г. в издательстве «Русский путь» Мнухиным была подготовлена к изданию книга писем Цветаевой к учительнице Наталье Гайдукевич, жившей в Вильно. Письма эти были в буквальном смысле слова найдены на чердаке в Литве и потребовали очень тщательных и непростых комментариев. Мнухин часто выступал у нас на семинарах и конференциях, был советником директора ДРЗ. Он передал в дар библиотеке ДРЗ комплект газеты «Русская мысль», выходившей в Париже. Экземпляры, подаренные им, печатались в 1950-х гг. и почти не пред-

ставлены в библиотеках России. Кроме этого, Лев Абрамович подарил ряд других уникальных периодических изданий и несколько картин художников русского зарубежья.

Это был исследователь фантастического масштаба и человек удивительных душевных качеств. Светлая Вам память, Лев Абрамович!

Литература

- Марина Цветаева 1989 — Марина Цветаева: Библиографический указатель литературы о жизни и деятельности. 1910–1941 и 1942–1962 / сост. Л.А. Мнухин. Wien, 1989. 149 с. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 23).
- Российское зарубежье во Франции 2008–2010 — Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биограф. слов.: в 3 т. = L'Emigration russe en France: 1919–2000: dictionnaire biographique: en trois vol. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.
- Русское зарубежье 1995–1997 — Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция = L'Emigration russe: chronique de la vie scientifique, culturelle et sociale: 1920–1940: France: [в 4 т.] / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Р.: YMCA-Press; М.: Эксмо, 1995–1997.
- Русское зарубежье 2000–2002 — Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция = L'Emigration russe : chronique de la vie scientifique, culturelle et sociale: 1940–1975: France: [в 4 т.] / под общ. ред. Л.А. Мнухина; в сотрудничестве с Т.Л. Гладковой, В.К. Лосской, И.М. Невзоровой, А.И. Серковым, Н.А. Струве. Р.: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000–2002.
- Цветаева 1994 — *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухин (т. 1–5 в соавторстве с А.А. Саакянц). М.: Эллис Лак, 1994.
- Цветаева 2012 — *Цветаева М.И.* Избранное: в 2 т. / примеч. Л.А. Мнухин. М.: ПРОЗАИК, 2012.
- Цветаева 2002 — *Цветаева М.И.* Письма к Наталье Гайдукевич / сост., подгот. текста и примеч. Л. Мнухина. М.: Русский путь, 2002. 125, [2] с.
- Цветаева 2012 — *Цветаева М.И.* Письма 1905–1923 гг. / сост., подг. текста, коммент. Л.А. Мнухин (при участии Л.Г. Трубицыной). М.: Эллис Лак; Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, при участии Дома-музея Марины Цветаевой в Москве, 2012. 790 с.
- Цветаева 2013 — *Цветаева М.И.* Письма 1924–1927 / сост., подгот. текста, коммент. Л.А. Мнухин (при участии Л.Г. Трубицыной). М.: Эллис Лак; Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, при участии Дома-музея Марины Цветаевой в Москве, 2013. 760 с.
- Цветаева 2015 — *Цветаева М.И.* Письма 1928–1932 / сост., подгот. текста, коммент. Л.А. Мнухин (при участии Л.Г. Трубицыной). М.: Эллис Лак; Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, при участии Дома-музея Марины Цветаевой в Москве, 2015. 624 с.
- Цветаева 2016а — *Цветаева М.И.* Письма 1933–1936 / сост., подгот. текста, коммент. Л.А. Мнухин (при участии Л.Г. Трубицыной). М.: Эллис Лак; Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, при участии Дома-музея Марины Цветаевой в Москве, 2016. 816 с.
- Цветаева 2016б — *Цветаева М.И.* Письма 1937–1941 / сост., подгот. текста, коммент. Л.А. Мнухин (при участии Л.Г. Трубицыной). М.: Эллис Лак; Мемориальный Дом-

IN MEMORIAM

музей Марины Цветаевой в Болшеве, при участии Дома-музея Марины Цветаевой в Москве, 2016. 496 с.

Bibliographie des oeuvres de Marina Tsvetaeva 1993 — Bibliographie des oeuvres de Marina Tsvetaeva / сост. Л.А. Мнухин, Т. Гладкова. 2-е изд., испр. и доп. Р.: Institut d'Etudes slaves, 1993. 776 p.

РЕЗЮМЕ

УДК 008+009+80+94+394

Капитан русского зарубежья

Интервью Виктора Александровича Москвина Ивану Никитичу Толстому

Интервью взял Иван Никитич Толстой 24 октября 2014 г. в Доме русского зарубежья. Впервые опубликовано: «Ad multos annos» = [На долгие годы]: К юбилею В.А. Москвина / сост. Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильева, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 60–76.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

УДК 94(497)+94(44).08

М.Ю. Сорокина

Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны: международный круглый стол

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье делается обзор международного круглого стола «Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны» (в онлайн-режиме), посвященного 75-летию Великой Победы и проведенного в Доме русского зарубежья.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, движение Сопротивления, Вторая мировая война.

УДК 94(4)

Ф.Б. Поляков

**Ранние годы Веры Макаровой (княгини Вики Оболенской)
в воспоминаниях А.В. Исаченко**

Вена, Австрия, Венский университет
E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

В статье сообщается об обстоятельствах жизни известного лингвиста, историка русского и словенского языков Александра Исаченко, которые предшествовали его работе над воспоминаниями. Эти воспоминания остались незаконченными, лишь некоторые фрагменты из них были изданы в оригинале. Сейчас нами подготавливается их публикация с комментарием. Один из эпизодов в воспоминаниях, касающихся отъезда семьи Исаченко с родителями из России в 1920 г. в Константинополь и далее через Софию в Белград, описывает его детскую встречу с Верой Макаровой, будущей героиней французского Сопротивления Вики Оболенской, казненной в Берлине на гильотине 4 августа 1944 г. В небольшом фрагменте воспоминаний Исаченко не только дается ее портрет в детстве, которого мы не имеем из источников о ее жизни и подвиге в Париже, но и сообщается материал, который позволяет уточнить различные факты ее биографии, в том числе и время приезда в Париж, когда начинается ее самая часть ее биографии, которая весьма обстоятельно освещена воспоминаниями и документами.

Ключевые слова: Вики Оболенская, русская эмиграция в Париже, участие русских во французском движении Сопротивления, Александр Исаченко, русские беженцы в Европе в 1920 г.

УДК 94(497.1)

М. Живанович

**Влияние политики на судьбу и память о русских участниках
движения Сопротивления в Югославии**

Белград, Республика Сербия, Институт новейшей истории Сербии
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

В статье анализируется влияние политики как на судьбу выживших русских участников движения Сопротивления в Югославии после принятия Резолюции Информационного бюро и последовавшего за ним конфликта Тито-Сталин 1948–1953 гг., так и на память о русских эмигрантах-участниках антифашистской борьбы, которые погибли во время оккупации.

Ключевые слова: политика, русские, движение Сопротивления, Югославия, судьба, память.

УДК 94(100)“1939/45”

Н.В. Турыгина

**Участник движения Сопротивления А.М. Агафонов-Глянцев (1920–2009)
в национальной памяти России, Франции, Германии**

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: n.turygina@spbu.ru

В статье на основе личного архива А.М. Агафопова-Глянцева, хранящегося в фондах Библиотеки современной международной документации La Contemporaine (г. Нантер, Франция), предпринята попытка реконструировать его послевоенную биографию. В фокусе внимания автора государственная политика СССР–России, Франции, Германии по признанию жертв и ветеранов Второй мировой войны, представленная через призму судьбы конкретного человека. Сложности при формировании национальной памяти о героях антифашистской борьбы русского происхождения связаны, прежде всего, с изменчивостью их идентичности, перешагнувшей государственные границы, поэтому, по мнению автора, инициатива по сохранению памяти о них должна исходить от частных лиц и организаций.

Ключевые слова: А.М. Агафонов-Глянцев, Вторая мировая война, Движение Сопротивления, ветеран, Бухенвальд.

УДК 94(497)+94(497.1)+94(497.5)+94(497.17)

М.Ю. Сорокина

**Антифашистское сопротивление на Балканах:
к биографии поэта Алексея Дуракова (1898–1944)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье рассматриваются персональные и групповые стратегии сопротивления русских эмигрантов фашизму в Югославии в годы Второй мировой войны. На основе новых архивных документов и опубликованных мемуаров анализируется судьба русского эмигранта, поэта-антифашиста Алексея Дуракова (1898–1944).

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, межвоенная Югославия, движение Сопротивления, А.П. Дураков, И.Н. Голенищев-Кутузов, Д. Ошанин.

УДК 94(100)“1939/45”

С.А. Кислицын

Голландская эпопея профессора Г.Г. Баумана

Ростов-на-Дону, Южно-российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: kislizins@yandex.ru

В статье рассматривается судьба видного историка, известного специалиста по истории стран Европы и Азии — Германа Германовича Баумана, ключевые факты биографии которого неразрывно связаны с историей становления первого советского поколения историков и участия советских людей в европейском Сопротивлении.

Ключевые слова: Г.Г. Бауман, движение Сопротивления, история исторической науки.

УДК 94(100)“1939/45”

Н.Ю. Масоликова

Неизбежное сопротивление: судьба французского микробиолога, участника движения Сопротивления Ильи Вольмана (Élie Wollman; 1917–2008)

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nmasolikova@gmail.com

В статье на примере судьбы выдающегося французского микробиолога Ильи Вольмана / Élie Wollman (1917–2008), родившегося в семье известных российских микробиологов-эмигрантов, рассматривается типология Сопротивления нацистскому оккупационному режиму. Вводится термин «неизбежное сопротивление».

Ключевые слова: И. Вольман, движение Сопротивления, история микробиологии, русское зарубежье, история науки.

УДК 94(100)“1939/45”+94(44)

М.М. Горинов-мл.

Судьба участника антифашистской борьбы во Франции Н.Н. Роллера

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

Статья посвящена судьбе участника антифашистской борьбы во Франции Николая Николаевича Роллера (1901–1973). Особенное внимание уделяется его деятельности по созданию подпольной типографии Союза русских патриотов. Автор опирается на материалы личного дела Н.Н. Роллера в Российском государственном архиве социально-политической истории и воспоминания его соратников, хранящиеся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: Н.Н. Роллер, Союз русских патриотов, «Русский патриот», типография, Париж, Сопротивление.

УДК 94(100)“1939/45”

А.Ю. Вовк

Движение Сопротивления во французской провинции. Случай эмигранта Георгия Шеметилло

Москва, ЧОУ «Пироговская школа»
E-mail: lewa84@mail.ru

В статье рассматриваются действия российских эмигрантов в движении Сопротивления на юге Франции — Марселе и Лионе. Эмигранты, действовавшие либо в рядах местных организаций, либо самостоятельно, вели антинацистскую пропаганду, разрушали коммуникации, помогали военнопленным. Одним из подпольщиков был поэт и артист Георгий Шеметилло.

Ключевые слова: Сопротивление; Франция; Марсель, Лион; Вторая мировая война; российская эмиграция; Союз русских патриотов, советские военнопленные, Шеметилло.

УДК 94(100)“1939/45”

К.К. Семенов

Александр Угримов и дурданская группа Сопротивления

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
E-mail: semenov@domrz.ru

Дурданская группа Сопротивления инженера А.А. Угримова была организована в небольшом городке во французской провинции в 1942 г. Несмотря на малочисленность, группа играла важную роль в местном французском Сопротивлении: участвовала в снабжении резистантов продовольствием и документами; укрывала советских военнопленных, французских антифашистов и пилотов союзной авиации; принимала грузы с оружием из Великобритании и, наконец, участвовала в освобождении города. После освобождения Франции участники группы активно занимались сохранением памяти о русских участниках Сопротивления.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Дурданская группа, Сопротивление, Франция.

УДК 94(4)

Н.В. Ликвинцева

Благотворительность и Сопротивление: дела милосердия в оккупированном Париже

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Автор статьи рассматривает, как в оккупированном нацистами Париже во время Второй мировой войны продолжалась благотворительная деятельность Русской православной церкви, как отдельные дела милосердия (например, спасение евреев) входили в поле деятельности французского Сопротивления или осуществляли близкие ему цели.

Ключевые слова: благотворительность, православная церковь, эмиграция, «Православное дело», холокост, Сопротивление.

УДК 929, 93/94

П.Е. Ковалевский

**О похищении генерала А.П. Кутепова
(дневниковые записи с 27 января по 24 февраля 1930 г.)**

Публикация, вступительная статья и комментарии Н.В. Ликвинцевой

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Впервые публикуются дневниковые записи историка Петра Евграфовича Ковалевского за январь–февраль 1930 года, в которых идет речь о похищении в Париже генерала А.П. Кутепова, следствии, о восприятии этого события в кругах русской эмиграции и во французском обществе.

Ключевые слова: Петр Евграфович Ковалевский, дневники, история русского зарубежья, Александр Павлович Кутепов.

УДК 94(4)+929

М. Бёмиг

Олег Цингер: русский художник в Берлине

Рим, Италия, независимый исследователь
E-mail: michaelabohmig@gmail.com

Статья посвящена воспоминаниям русско-немецкого художника Олега Цингера (1910–1998), родившегося в Москве и в 1922 г. переехавшего с родителями в Берлин, где он жил и работал до 1948 г. В книге своих воспоминаний «Moskau — Berlin — Paris. Das Leben eines Malers» (Москва — Берлин — Париж. Жизнь художника), написанной во Франции на немецком языке, Цингер, который всегда считал себя «берлинцем», описывает повседневную жизнь в Германии, делится с читателем своими впечатлениями о произведениях искусства, размышляет о закате Веймарской республики и о трагедии фашизма и Второй мировой войны, но никогда не теряет своей веры в человечество и в силу искусства. Статья о воспоминаниях Цингера включает разделы «Воспоминания», «Язык и стиль», «Замечания об искусстве и истории», «Другие суждения» и «Суждения о французах». Цингер представляется нам как человек, художник и автор интересных впечатлений от окружающего его мира.

Ключевые слова: Олег Цингер, русско-немецкий художник, Москва, Берлин, Париж.

УДК 929+94

Б.М. Горелик

Творческий путь Осипа Рунича как пример нестандартной стратегии адаптации эмигранта

Москва, Институт Африки РАН
E-mail: boris.gorelik@inafr.ru

Переход О.И. Рунича, звезды раннего русского кино и видного деятеля русского кинематографа в зарубежье, на еврейскую сцену, а затем в южноафриканскую оперу и в драматический театр на языке африкаанс может показаться нелогичным. В данной статье он рассматривается как пример нестандартной адаптации русского эмигранта, обеспечивший его профессиональное долголетие и создавший предпосылки для интеграции в принимающее общество. В продолжение разысканий Р.М. Янгирова (ДРЗ) впервые в историографии выявлен и охарактеризован вклад Рунича в театральное искусство Латвии и Южной Африки. Статья подготовлена по результатам многолетних исследований автора в архивах и библиотеках России и Южной Африки, а также проиллюстрирована фото-материалами из южноафриканской прессы, которые воспроизводятся впервые с 1940-х гг.

Ключевые слова: О.И. Рунич, раннее русское кино, кино Русского зарубежья, еврейский театр Прибалтики, южноафриканский театр, адаптация эмигрантов, стратегии адаптации.

УДК 929+821.16

**«...Там, вероятно, будут спорить и украинцы, и русские»:
Д.И. Чижевский в работе над историей украинской и русской литературы.
Письма Д.И. Чижевского к А.Л. Бему 1942–1943 гг.**

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
А.А. Бабикова*

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Настоящая работа посвящена одному из самых сложных, насыщенных и слабоизученных периодов жизни Д.И. Чижевского в Германии в 1940–1945 гг. Во вступительной статье к публикации десяти писем Чижевского из пражского архива известного историка литературы и общественного деятеля русской эмиграции А.Л. Бема подробно освещаются научные занятия Чижевского в этот период, в первую очередь, его работа над историей украинской и русской литературы. Впервые вводящий в научный оборот материал имеет большое значение для изучения взаимоотношений русских эмигрантских и западных ученых в Германии и Чехословакии во время Второй мировой войны. Публикуемые письма снабжены подробными комментариями.

Ключевые слова: Д.И. Чижевский, А.Л. Бем, история украинской и русской литературы, архивные материалы, русская эмиграция в Чехословакии и Германии, славистика в Германии в 1940–1945 гг.

УДК 75.03+7.071.1+7.07-05+94(47)08

**«Четверть века прошло как потерял Вас из вида...»:
Г.П. Мальцев в переписке и дневнике Б.А. Никольского**

*Публикация, вступительная статья, подготовка текста и
комментарии Н.А. Егоровой*

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: egorova@domrz.ru

Публикация включает письмо малоизвестного художника русского зарубежья, жившего в Италии, Григория Павловича Мальцева (1881–1953) от 09.01.1949 г. к другому представителю эмиграции первой волны, экономисту, историку, журналисту, переводчику Борису Александровичу Никольскому (1885–1969), письмо Б.А. Никольского к Г.П. Мальцеву от 10.09.1950 и фрагмент дневника Б.А. Никольского от 21.06.1921 г. Письма и фрагмент дневника печатаются впервые по архивным источникам, хранящимся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. В научный оборот вводится эпистолярное наследие, раскрывающее связь двух представителей русского зарубежья. Письма дополняют известную биографию Г.П. Мальцева новыми фактами. В публикуемом фрагменте дневника содержится характеристика Г.П. Мальцева как художника и человека, высказано мнение Б.А. Никольского о русской колонии в Италии начала 1920-х гг., описаны его впечатления «от всего русского» в Риме.

Ключевые слова: Г.П. Мальцев, Б.А. Никольский, письма, русские в Италии, художники, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

УДК 93/94-930.1

М.М. Горинов-мл.

**Русские адреса Тифлиса:
по следам Карповичей — Пресняковых**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

Работа посвящена молодым годам выдающегося историка и общественного деятеля, профессора Гарвардского университета, главного редактора «Нового журнала» Михаила Михайловича Карповича (1888–1959), который родился и учился в Тифлисе (ныне Тбилиси, Грузия), здесь началась его революционная деятельность. Статья при-

глашает к знакомству с тифлисской «географией» как самого М.М. Карповича, так и его родных. Автор опирается на материалы личного фонда М.М. Карповича в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, воспоминания потомков историка и сведения, полученные в ходе личной поездки в Грузию в августе 2017 г.

Ключевые слова: Грузия, Михаил Карпович, Тифлис, Мария Преснякова-Ямпольская, 2-я тифлисская гимназия, Андреевская улица.

УДК 93/94-930.1

**«Русская Прага для меня теперь далеко не безразлична»:
письма М.М. Карповича А.Ф. Изюмову (1929–1939 гг.)**

*Публикация, вступительная статья и комментарии
М.М. Горинова-мл., М.Ю. Сорокиной; подготовка текста М.М. Горинова-мл.*

М.М. Горинова-мл.
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
msorokina61@gmail.com

Впервые публикуются письма М.М. Карповича А.Ф. Изюмову за 1929–1939 гг. из фондов Государственного архива Российской Федерации. Они отражают научные контакты историков-эмигрантов, их реализованные и несостоявшиеся проекты, а также представляют взгляды М.М. Карповича на внутривосточные события в СССР, США и Германии.

Ключевые слова: М.М. Карпович, А.Ф. Изюмов, Русский заграничный исторический архив, Русское историческое общество в Праге, США.

УДК 930

П.А. Трибунский

Последний проект Михаила Карповича

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: pt2140@yandex.ru

Статья посвящена курсу лекций М.М. Карповича по интеллектуальной истории России, читавшихся во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. в Гарвардском университете, а также попытке подготовки его издания в конце 1950-х гг.

Ключевые слова: М.М. Карпович, интеллектуальная история России, история русской общественной мысли, лекции, Гарвардский университет, россиеведение в США.

УДК 792.075+792.072

С.Н. Дубровина

Жорж Питоев в критике русской эмиграции

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

Творчество театрального режиссера Жоржа Питоева традиционно рассматривается в контексте французского театра 1920–1930-х гг. Однако, будучи выходцем из Российской империи, Жорж Питоев до конца жизни поддерживал связи с русской эмиграцией. Сохранились письма Ж. Питоеву видных представителей русской эмиграции (М.Н. Германовой, И.Д. Сургучева, А.М. Ремизова и др.), а также публикации о театре Питоева в эмигрантской периодике. Эмиграция воспринимала Питоева как русского режиссера, наследующего традиции русского театра начала XX в.

Ключевые слова: культура русской эмиграции во Франции 1920–1930-х гг., театр Жоржа Питоева.

УДК 792.09+ 82.091 Сургучев

Статьи И.Д. Сургучева о театре Ж. Питоева

Публикация, подготовка текста, комментарии С.Н. Дубровиной, А.А. Фокина

С.Н. Дубровина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

А.А. Фокин
Ставрополь, Ставропольский государственный педагогический институт
E-mail: dm21225602@mail.ru

Публикуемые статьи И.Д. Сургучева о Ж. Питоеве и М.Н. Германовой написаны в конце 1930-х гг., во время расцвета питоевского театра, а последняя статья в 1940 г., сразу после ухода режиссера и актрисы. И.Д. Сургучев не только описывает интересные подробности, характеризующие работу Ж. Питоева как актера и режиссера, но и дает обобщающие суждения о заслугах режиссера, тем самым подводя итог его деятельности во Франции.

Ключевые слова: культура русской эмиграции во Франции 1920–1930-х гг., театр Жоржа Питоева, И.Д. Сургучев.

УДК 82.091 Сургучев+Питоев 792.075+82.6

Переписка Г.И. Питоева и И.Д. Сургучева

Публикация, подготовка текста, комментарии С.Н. Дубровиной, А.А. Фокина

С.Н. Дубровина

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

А.А. Фокин

Ставрополь, Ставропольский государственный педагогический институт

E-mail: dm21225602@mail.ru

Сохранившиеся несколько писем переписки И.Д. Сургучева и Г.И. Питоева (Жоржа Питоева) охватывают, однако, период с 1924 по 1939 г., т.е. почти все годы жизни Г.И. Питоева во Франции — последнее письмо И.Д. Сургучева написано всего за два месяца до смерти режиссера. Эти письма свидетельствуют о непрекращающемся творческом диалоге между корреспондентами, несмотря на то, что после «Осенних скрипок» И.Д. Сургучева, поставленных в 1916 г. в Швейцарии на русском языке, другие проекты постановок пьес И.Д. Сургучева Питоевым на французской сцене так и не будут реализованы.

Ключевые слова: культура русской эмиграции во Франции 1920–1930-х гг., театр Жоржа Питоева, И.Д. Сургучев.

УДК 792.075+82-6 Германова+Питоев

Письмо М.Н. Германовой Г.И. Питоеву

Публикация, предисловие, подготовка текста и комментарии С.Н. Дубровиной

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

Письмо актрисы пражской группы МХТ М.Н. Германовой, сыгравшей в театре Жоржа Питоева в Париже несколько ролей в 1920–1930-е гг., написано незадолго до смерти режиссера и актрисы. В нем звучат щемящие нотки прощания и глубокой благодарности за возможность заниматься любимым делом — играть на сцене.

Ключевые слова: культура русской эмиграции во Франции 1920–1930-х гг., театр Жоржа Питоева, М.Н. Германова.

УДК 93/94

**Круглый стол «Николай Бердяев и его “Новое средневековье”.
145 лет философу, 95 лет книге»**

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 5 декабря 2019

Подготовка текста, предисловие, послесловие Н.И. Герасимова

Н.И. Герасимов

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Публикация представляет собой комментированную стенограмму круглого стола, посвященного философу Н.А. Бердяеву и его книге «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы». Структурно публикация состоит из введения, текста стенограммы и послесловия. Во введении ставится вопрос о дискуссионном характере творческого наследия Н.А. Бердяева, в послесловии говорится об актуальности философского дискурса русского мыслителя (в связи с эпидемией вируса COVID-19).

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, русская философия, новое средневековье, стенограмма, научный семинар.

УДК 930.85

О.Т. Ермишин, К.Б. Ермишина

Материалы к «Энциклопедии классического евразийства»

Под редакцией О.Т. Ермишина

О.Т. Ермишин

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: rfm@bfrz.ru

К.Б. Ермишина

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

Публикация включает статьи, подготовленные для «Энциклопедии классического евразийства» сотрудниками Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. В статьях представлены ведущие деятели евразийства, евразийские сборники статей и издания, программные работы, термины. Публикация показывает различные аспекты евразийства, восприятие его идей современниками, дискуссии вокруг евразийского движения.

Ключевые слова: русская эмиграция, евразийство, историософия, революция, русская культура, политика.

УДК 94(497)+94(497.11)+94(470+571)

М.Ю. Сорокина

Выставка «Русские художники Сербии: Сергей Соловьев (1901–1975) — кавалерист и комиксист»

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Сентябрь–ноябрь 2019

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье дается обзор выставки «Русские художники Сербии: Сергей Соловьев (1901–1975) — кавалерист и комиксист», состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Выставка впервые представила в России неизвестный пласт художественной культуры Сербии, созданный русскими именами в жанре комикса / графического романа / рисованных историй.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, межвоенная Югославия, русский комикс, Сергей Соловьев, история искусства.

УДК 001+001.32+001.89+929

Н.Ю. Масоликова

**Международная научная конференция
«Научные миры русского зарубежья»**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nmasolikova@gmail.com

В статье делается обзор Первой международной научно-просветительской и конференции «Научные миры русского зарубежья», состоявшейся 7–8 октября 2019 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Конференция была приурочена к 100-летию Зарубежной России и 130-летию со дня рождения выдающегося русского ученого, философа и социолога Питирима Александровича Сорокина (1889–1968).

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, российское научное зарубежье, Питирим Сорокин, история науки.

УДК 93/94+94(560)

М.Ю. Сорокина

Неделя русского зарубежья в Турции

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 15–20 ноября 2019

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье дается обзор «Недели русского зарубежья в Турции», состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в ноябре 2019 г.: фотодокументальной выставки «Ираида Барри (1899–1980) — русский скульптор Стамбула», впервые представившей художественное наследие скульптора, международного круглого стола «Проблемы и перспективы изучения культурного и научного наследия русской эмиграции в Турции», презентации сборника статей «Русская эмиграция в Турции век спустя (1919–2019)».

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, Турция, Ираида Барри, скульпторы русского зарубежья, художественное наследие, выставочная экспозиция, архивные документы и музейные экспонаты.

УДК 94(497)+94(497.11)+94(470+571)

И. Антанасиевич, М.Ю. Сорокина

Выставка «Русские художники Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник»

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 15 мая 2020

И. Антанасиевич
Белград, Республика Сербия, Белградский университет
E-mail: antiira@mail.ru

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

В статье дается обзор выставки «Русские художники Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник», состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына он-лайн. Выставка впервые представила в России неизвестный пласт художественной культуры Сербии, созданный русскими именами в жанре комикса / графического романа / рисованных историй.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, межвоенная Югославия, русский комикс, Юрий Лобачев, Павел Лобачев, история русской дипломатии.

УДК 94(4)+929

В.В. Леонидов

Выставка «Неизвестный Николай Миллиоти»

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 6–16 марта, 1–19 июля 2020

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Статья посвящена выставке «Неизвестный Миллиоти», открывшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 6 марта 2020 г., где были представлены неизвестные работы эмигрантского периода жизни выдающегося мастера русского символизма, участника объединения «Голубая Роза» Николая Дмитриевича Миллиоти (1874–1962).

Ключевые слова: символизм, Николай Миллиоти, «Голубая роза», Елена Юрьевна Миллиоти, художники русского зарубежья.

УДК 94(4)+929

В.В. Леонидов

Памяти Льва Абрамовича Мнухина (1938–2020)

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Статья посвящена памяти выдающегося исследователя жизни и творчества Марины Цветаевой, замечательного библиографа русского зарубежья Льва Абрамовича Мнухина (1938–2020).

Ключевые слова: Лев Абрамович Мнухин, русское зарубежье, Франция, Марина Цветаева, библиография, справочники.

SUMMARY

Captain of the Russia Abroad

The interview of Viktor Alexandrovich Moskvin to Ivan Nikitich Tolstoy

The interview took place on 24 October, 2014, in the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. It was first published in the book: “Ad multos annos” = [For many years]: For V.A. Moskvin’s 60th Birthday / comp. by N.F. Gritsenko, M.A. Vasilyeva, T.V. Marchenko, M.Yu. Sorokina. M.: Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, 2015. P. 60–76.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora.

M. Yu. Sorokina

Russian Emigration and the Resistance Movement during World War II: International Roundtable

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article provides an overview of the International roundtable “Russian Emigration and the Resistance Movement during the Second World War” (online) dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory and held at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, Resistance movement, World War II.

F.B. Poljakov

**The Early Years of Vera Makarova (Princess Vicki Obolensky)
in Alexander Isachenko's Memoirs**

Wien, Austria, Wien University
E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

The article describes the circumstances of Alexander Isachenko's life that preceded his work on the memoirs. His memoirs remained unfinished, only some fragments have been published. One of the episodes describes his childhood meeting with Vera Makarova, who became known as Vicki Obolensky, a heroine of the French Resistance, and was executed in Berlin on August 4, 1944. While the majority of memoirs dedicated to Obolensky start with her time in Paris, Isachenko creates her childhood portrait. Moreover, he introduces some observations that shed light on the circumstances of her arrival to France.

Keywords: Vicki Obolensky, Russian émigrés in Paris, Russians in the French Résistance, Alexander Isachenko, Russian refugees in Europe in the 1920s.

M. Zhivanovich

**How Politics Influenced Faith and Memory of Russian Members
of the Resistance Movement in Yugoslavia**

Belgrade, Republic of Serbia, Institute for Modern History of Serbia
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

The article considers the impact that the policy has had on the faith of those Russian members of the resistance movement in Yugoslavia who survived the war in the period after the adoption of the Resolution of Cominform and the Tito-Stalin conflict that followed in 1948–1953, just like on the memory on the Russian anti-fascists who were killed during the occupation.

Keywords: policy, Russians, resistance movement, Yugoslavia, faith, memory.

N.V. Turygina

A.M. Agafonov-Gliantsev (1920–2009) as a Member of the Resistance Movement in the National Memory of Russia, France and Germany

Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University
E-mail: n.turygina@spbu.ru

The article is based on the personal archive of A.M. Agafonov-Gliantsev stored in the collections of the Library of Modern International Documentation *La Contemporaine* (Nanterre, France). The paper contains the reconstruction of his post-war biography. The author focuses on the state policy of the USSR-Russia, France, and Germany to recognize the victims and veterans of the Second World War presented through the fate of a particular person. The difficulties in forming a national memory of the heroes of the anti-fascist struggle of a Russian origin are primarily related to the variability of their identities, which had crossed state borders. The author comes to the conclusion that the initiative to preserve the memory of them should come from individuals and private organizations.

Keywords: A.M. Agafonov-Gliantsev, World War II, the Resistance Movement, veteran, Buchenwald.

M.Yu. Sorokina

Antifascist Resistance in the Balkans: Materials for Biography of the Poet Alexey Durakov (1898–1944)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article considers the personal and group strategies of the resistance movement of the Russian emigrants in Yugoslavia during the Second World War. The fate of the Russian émigré, anti-fascist poet Alexei Durakov (1898–1944) is analyzed on the basis of new archival documents and published memoirs.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, interwar Yugoslavia, resistance movement, A.P. Durakov, I.N. Golenishchev-Kutuzov, D. Oshanin.

S.A. Kislitsyn

Professor G.G. Bauman's Dutch Epopee

Rostov-na-Donu, South Russian Institute of Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: kislizins@yandex.ru

Abstract: The article considers the fate of German Germanovich Bauman, a prominent historian, a well-known specialist in the history of European and Asian countries. The key facts of his biography are inextricably linked with the history of the formation of the first Soviet generation of historians and the participation of Soviet people in the European Resistance.

Keywords: G.G. Bauman, Resistance Movement, history of historical science.

N.Yu. Masolikova

Inevitable Resistance: French Microbiologist Élie Leo Wollman (1917–2008)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: nmasolikova@gmail.com

The article considers the typology of Resistance to the Nazi occupation regime using the example of the fate of the eminent French microbiologist Élie Wollman (1917–2008), who was born into a family of famous Russian emigrant microbiologists. The term “inevitable resistance” is introduced.

Keywords: I. Wollman, Resistance Movement, history of microbiology, Russian diaspora, history of science.

M.M. Gorinov Jr.

**The Destiny of Participant of Antifascist Movement in France
N.N. Roller**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

The article deals with the destiny of a participant of the antifascist movement in France Nikolai Nikolaevich Roller (1901–1973). Key attention is paid to his efforts to create an underground printing-house of Russian Patriots' Union. The author refers to the materials of the personal file of N.N. Roller in the Russian State Archive of Socio-Political History

and his associates' memoirs kept in the archive of Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

Keywords: N.N. Roller, Russian Patriots' Union, "Russian Patriot", printing-house, Paris, Resistance.

A.Y. Vovk

**Resistance Movement in the Provinces of France:
the Case of Emigrant George Shemetillo**

Moscow, Private Educational Institution "Pirogovskaya School"
E-mail: lewa84@mail.ru

The article considers the actions of Russian emigrants in the Resistance Movement in the South of France, Marseille and Lyon. The emigrants who either worked in the ranks of local organizations or independently, conducted anti-Nazi propaganda, destroyed communications, and helped prisoners of war. One of the underground activists was the poet and actor George Shemetillo.

Keywords: Resistance; France; Marseille, Lyon; World War II; Russian emigration; Union of Russian Patriots, Soviet prisoners of war, Shemetillo.

K.K. Semenov

A.A. Ugrimov and the Durdan Resistance Group

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: semenov@domrz.ru

The Durdan Resistance Group led by engineer A.A. Ugrimov was organized in a small town in a French province in 1942. Despite its small size, the group played an important role in the local French Resistance: it participated in supplying the resistants with food and documents; sheltered Soviet prisoners of war, French anti-fascists and allied aviation pilots; accepted shipments of weapons from Great Britain and, finally, participated in the liberation of the city. After the liberation of France, the group members were actively engaged in preserving the memory of the Russian members of the Resistance.

Keywords: World War II, Durdan Group, Resistance, France.

N.V. Likvintseva

Charity and Resistance: Charitable Events in Occupied Paris

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

The author of the article considers the charitable works of the Russian Orthodox Church in Paris when it was occupied by the Nazis during World War II (like the aid to the Jews, for example) in the context of history of the French Resistance.

Keywords: charity, Orthodox Church, emigration. “Pravoslavnoe Delo”, holocaust, Resistance.

P.E. Kovalevsky

About Abduction of General A.P. Kutepov (Extracts from the Diaries: 27 January — 24 February, 1930)

Publication, introduction and comments by N.V. Likvintseva

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

This is the first publication of the Diaries of historian Petr Kovalevsky of January and February 1930 where we can read about the abduction of General Alexander Kutepov in Paris, the police investigation and the perception of this event by the emigrant community and the French society.

Keywords: Petr Kovalevsky, diaries, history of Russian Diaspora, Alexander Kutepov.

M. Böhmig

Oleg Zinger: A Russian Artist in Berlin

Roma, Italy, independent researcher

E-mail: michaelabohmig@gmail.com

The article deals with the memoirs of the Russian-German artist Oleg Zinger (1910–1998) who was born in Moscow and in 1922 moved with his parents to Berlin, where he lived and worked until 1948. In his book of memoirs *Moskau — Berlin — Paris. Das Leben eines Malers* (Moscow — Berlin — Paris. An Artist's Life) written in France in German, Zinger, who always considered himself a “Berliner”, describes everyday life in Germany, shares with the reader his impressions of works of art, reflects on the collapse of the Weimar Republic

and the tragedy of Nazism and World War II, but never loses his faith in humanity and in the power of art. The article about Zinger's memoirs includes five sections: "Memoirs", "Language and Style", "Remarks on Art and History", "Other Judgments" and "Judgments on the French" in which Zinger introduces himself as a person, an artist and an author of interesting descriptions of the world around him.

Keywords: Oleg Zinger, Russian-German artist, Moscow, Berlin, Paris.

B.M. Gorelik

The Career of Actor Ossip Runich: an Unconventional Adaptation Strategy of a Russian Émigré

Moscow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
E-mail: boris.gorelik@inafr.ru

The transition of Ossip Runich, a star of early Russian cinema and of Russian émigré productions in Italy and Germany, to the Jewish stage and, later, to South African opera and Afrikaans theatre may appear illogical. In this article it is regarded as a case of non-standard adaptation of a Russian emigrant, which ensured his professional longevity and enabled his integration into the host society. In continuation of the research by R.M. Yangirov (the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad), Runich's contribution to the theatre of Latvia and South Africa has been identified and characterised for the first time in historiography. The article is based on the results of many years of research conducted by the author in archives and libraries of Russia and South Africa. The photographs from South African newspapers have been reproduced for the first time since the 1940s.

Keywords: Ossip Runich, early Russian cinema, Russian émigré cinema, Jewish theatre in the Baltic states, South African theatre, adaptation of emigrants, adaptation strategies.

"...There will probably be arguments between Ukrainians and Russians": D.I. Cyževsky's Work on the History of Ukrainian and Russian Literatures. D.I. Cyževsky's Letters for A.L. Bem, 1942–1943

Publication, archival texts preparation, introduction and notes by A.A. Babikov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: andreybabikov@gmail.com

This work is devoted to one of the most complex, intensive and less known periods of D.I. Chizhevsky's life, his life in Germany in 1940–1945. The introductory article to the publication of Chizhevsky's ten letters from the Prague archive of the famous critic and public figure of Russian emigration A.L. Bem, describes in detail Chizhevsky's academic activities during this

period, primarily his work on the history of Ukrainian and Russian literature. This material, which is being introduced into scholar circulation for the first time, is of great importance for studying the relationship between Russian emigrants and Western scientists in Germany and Czechoslovakia during World War II. The letters are provided with detailed comments.

Keywords: D.I. Cyževsky, A.L. Bem, history of Ukrainian and Russian literature, archival materials, Russian émigré community in Germany and Czechoslovakia, Slavic studies in Germany in 1940–1945.

**“A quarter of a century has passed since I lost sight of you...”:
Excerpt from Nikolsky’s Diary and Correspondence between G.P. Maltsev
and B.A. Nikolsky**

Publication, introduction, preparation of the text and comments by N.A. Egorova

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: egorova@domrz.ru

This publication includes a letter written on January 9, 1949, from Gregory Pavlovich Maltsev (1881–1953), a little-known Russian artist who lived in Italy, for another Russian émigré, Boris Alexandrovich Nikolsky (1885–1969), an economist, historian, journalist and translator. In addition, a letter written by B.A. Nikolsky for G.P. Maltsev from September 10, 1950 and an excerpt from B.A. Nikolsky’s diary dated June 21, 1921 are included.

These letters and an excerpt from the diary belonging to the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad and have been published for the first time. An epistolary heritage is introduced into scientific circulation, revealing the connection between the two representatives of the Russian Diaspora. These letters complement with new facts a known biography of G.P. Maltsev. The published excerpt from the diary contains a characteristic of G.P. Maltsev as an artist and a person. It also expresses B.A. Nikolsky’s opinion about the Russian diaspora in Italy in the early 1920s and describes his impressions of “everything Russian” in Rome.

Keywords: G.P. Maltsev, B.A. Nikolsky, letters, Russians in Italy, artists, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

M.M. Gorinov Jr.

Russian Addresses of Tiflis: Following Karpovich-Presnyakov’s Footsteps

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

The work is dedicated to the younger days of Mikhail Mikhailovich Karpovich (1888–1959), a prominent historian, Harvard University Professor, Chief Editor of the “New Journal”. He was born in Tiflis (now Tbilisi, Georgia), where he also studied and began his revo-

lutionary activity. The article introduces the Tiflis geography of Mikhail Karpovich and his family. The author refers on the files of Mikhail Karpovich's private collection in the archive of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, memoirs of Mikhail Karpovich's descendants and some data collected during the author's personal journey to Georgia in August 2017.

Keywords: Georgia, Mikhail Karpovich, Tiflis, Maria Presnyakova-Yampolskaya, the 2nd Tiflis Gymnasium, Andreevskaya street.

**“Russian Prague is of great interest to me”: M.M. Karpovich's
Letters to A.F. Izyumov (1929–1939)**

*Publication, introduction and comments by M.M. Gorinov Jr., M.Yu. Sorokina;
preparation of the text by M.M. Gorinov Jr.*

M.M. Gorinov Jr.

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

M.Yu. Sorokina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

msorokina61@gmail.com

The publication of M.M. Karpovich's letters to A.F. Izyumov for the years 1929–1939 from the State Archive of the Russian Federation. It reflects the scientific contacts of the Russian émigré historians, their discussions about the completed and failed projects, and represents M.M. Karpovich's views on internal political events in the USSR, the USA and Germany.

Keywords: M.M. Karpovich, A.F. Izyumov, Russian Foreign Historical Archive, Russian Historical Society in Prague, USA.

P.A. Tribunskii

The Last Project of Michael Karpovich

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: pt2140@yandex.ru

The article is dedicated to the course of lectures by M.M. Karpovich on the intellectual history of Russia, which was delivered in the second half of the 1940s — the first half of the 1950s at Harvard University, as well as an attempt to prepare its publication in the late 1950s.

Keywords: M.M. Karpovich, Russian intellectual history, history of Russian social thought, lectures, Harvard University, Russian studies in the USA.

S.N. Dubrovina

Georges Pitoëff and Russian Diaspora Critics

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

The work of the theater director Georges Pitoëff is traditionally considered in the context of the French theatre of the 1920–1930s. But being originally from the Russian Empire, he maintained relations with the Russian Diaspora until the end of his life. There is his correspondence with great representatives of the Russian Diaspora. The letters from the writers Ilya Surgutchev, Alexei Remizov, the actress Maria Germanova etc. are conserved in the Archive of the French National Library. In the Russian periodicals abroad there are a lot of publications concerning the theatre of Georges Pitoëff. Pitoëff was considered by the Russian Diaspora as a Russian theater director who inherited traditions of the Russian theatre of the beginning of the 20th century.

Keywords: culture of Russian Diaspora in France of 1920–1930th, theatre of French theater director Georges Pitoëff originally from the Russian Empire.

Ilia Surgutchev's Articles about Georges Pitoëff's Theatre

Publication, preparation of the text and comments by S.N. Dubrovina and A.A. Fokin

S.N. Dubrovina
Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

A.A. Fokin
Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute
E-mail: dm21225602@mail.ru

Ilia Surgutchev's articles about Georges Pitoëff and Maria Germanova were written in the late 1930s. The last one was written in 1940, after the death of the theatre producer and the actress. Ilia Surgutchev not only describes interesting details which characterize Pitoëff's work as an actor and a theatre producer but also enables the reader to make a judgment about his personal merits. For this reason he reviews Pitoëff's theatre activities in France.

Keywords: culture of Russian Diaspora in France of 1920–1930s, theatre of the Russian-born French theater director Georges Pitoëff, Ilia Surgutchev.

Letters between Ilia Surgutchev and Georges Pitoëff

Publication, preparation of the text and comments by S.N. Dubrovina and A.A. Fokin

S.N. Dubrovina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

A.A. Fokin

Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute

E-mail: dm21225602@mail.ru

Some of Ilia Surgutchev's letters to Georges Pitoëff embrace the period from 1924 to 1939, almost the entire period of Georges Pitoëff's life in France. These letters are indicative of the creative relationship between the writer and the theatre producer even if George Pitoëff did not put on the stage the other plays by Surgutchev except for "The Autumn Violins" (1916, Switzerland).

Keywords: culture of Russian Diaspora in France of 1920–1930s, theatre of the Russian-born French theater director Georges Pitoëff, Ilia Surgutchev.

Maria Germanova's Letter to George Pitoëff

Publication, preparation of the text, introduction and comments by S.N. Dubrovina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: svetlana.dubrovina@gmail.com

The only letter from Maria Germanova, an actress of the Moscow Art Theatre, to George Pitoëff was written not long before the deaths of both of them. Maria Germanova played some roles in Georges Pitoëff's theatre, and in her letter one can hear some notes of farewell and of great gratitude for the possibility to play on the stage.

Keywords: culture of Russian Diaspora in France of 1920–1930s, theatre of the Russian-born French theater director Georges Pitoëff, Maria Germanova.

**Roundtable Discussion “Nikolay Berdyaev and his ‘New Middle Ages’:
145 Years since the Birth of the Philosopher, 95th Anniversary of the Book”.**

Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

5 December 2019

Preparation of the text, preface, afterword by N.I. Gerasimov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

The publication is a commented transcript of a roundtable discussion dedicated to the philosopher N.A. Berdyaev and his book “The New Middle Ages. Reflection on the Fate of Russia and Europe”. Structurally, the publication consists of an introduction, a transcript of the text and an afterword. The introduction raises the issue of the debatable nature of N.A. Berdyaev’s creative heritage, the afterword is devoted to the relevance of the Russian thinker’s philosophical discourse (in connection with the epidemic of the COVID-19 virus).

Keywords: N. Berdyaev, Russian philosophy, the New Middle Ages, transcript, roundtable discussion.

O.T. Ermishin, K.B. Ermishina

“Encyclopedia of Classical Eurasianism”: Supplementary Materials

Edited by O. Ermishin

O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

K.B. Ermishina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

This collection of supplementary materials includes academic works authored by members of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad prepared for the Encyclopedia of Classical Eurasianism. The articles present leading figures of Eurasian thought, collections of Eurasian articles and issues, collective publications and terminology. The collection is intended to represent various aspects of Eurasianism, the reception of Eurasian ideas by contemporaries and the general discussions around Eurasian movement.

Keywords: Russian emigration, Eurasianism, historiosophy, revolution, Russian culture, politics.

M. Yu. Sorokina

“Russian Artists of Serbia: Sergei Soloviev (1901–1975), Cavalry Soldier and Comics Artist”: an Exhibition at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article provides an overview of the exhibition “Russian Artists of Serbia: Sergey Soloviev (1901–1975), Cavalry Soldier and Comics Artist”, which was held at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. The exhibition presented for the first time in Russia an unknown layer of the artistic culture of Serbia created by Russian artists in the genre of comics / graphic novels / drawn stories.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, interwar Yugoslavia, Russian comics, Sergey Soloviev, history of art.

N. Yu. Masolikova

International Scientific Conference “Scientific Worlds of Russian Diaspora”

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: nmasolikova@gmail.com

The article provides an overview of the First International Conference “Scientific Worlds of the Russian Diaspora” held on October 7–8, 2019 at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. The conference was devoted to the 100th anniversary of the Russian Diaspora and the 130th anniversary of the birth of the outstanding Russian scholar, philosopher and sociologist Pitirim Alexandrovich Sorokin (1889–1968).

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, Russian scientific emigration, Pitirim Sorokin, history of science.

M. Yu. Sorokina

The Week of the Russian Turkish Diaspora Legacy at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article reviews the Russian Turkish Emigration Week held at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad in November 2019. The main events of the Week were

the photography exhibition “Iraida Barri (1899–1980), Russian Sculptor in Istanbul”, which presented the artistic legacy of the sculptor, the International roundtable “The Problems and Prospects of the Study of the Cultural and Scientific Heritage of the Russian Emigration in Turkey”, presentation of the collection of articles “Russian Emigration in Turkey: A Century Later (1919–2019)”.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, Turkey, Iraida Barry, sculptors of the Russian diaspora, artistic legacy, exhibition, archival documents and museum exhibits.

I. Antanasijevich, M.Yu. Sorokina

**“Russian Artists of Serbia: Pavel and Yuri Lobachev:
a Diplomat and an Artist”: an Exhibition at the Alexander Solzhenitsyn House
of Russia Abroad**

I. Antanasijevich
Belgrade, Serbia, The University of Belgrade
E-mail: antiira@mail.ru

M.Yu. Sorokina
Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article provides an overview of the exhibition “Russian Artists of Serbia: Pavel and Yuri Lobachev, Diplomat and Artist”, which was held online at Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. The exhibition presented for the first time in Russia an unknown layer of the artistic culture of Serbia created by Russian artists who worked in the genre of comics / graphic novels / drawn stories.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, interwar Yugoslavia, Russian comics, Yuri Lobachev, Pavel Lobachev, history of Russian diplomacy.

V.V. Leonidov

**The Exhibition of Nikolay Milliotti in the Alexander Solzhenitsyn House
of Russia Abroad**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

The article is devoted to the exhibition “Unknown Milliotti” opened on March 6, 2020 in the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, where works of the emigrant period of the life of Nikolay Dmitrievich Milliotti (1874–1962), an outstanding painter, one of the most

well-known representatives of Russian symbolism, a participant of the “Blue Rose” union were presented for the first time.

Keywords: symbolism, Nikolay Milliotti, “The Blue Rose”, Elena Yurievna Milliotti, painters of Russian Diaspora.

V.V. Leonidov

In Memoriam of Lev Abramovich Mnuchin (1938–2020)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

The article is devoted to the memory of Lev Abramovich Mnuchin (1938–2020), an outstanding bibliographer and researcher of the creative legacy of Marina Tsvetaeva, a publisher of a number of her works, an organiser of publications of books compiling information on the history of the Russian expatriate community.

Keywords: Lev Mnuchin, Bibliography, Marina Tsvetaeva, Russian Emigration.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антанасиевич Ирина,

доктор филологических наук, профессор Белградского университета (Республика Сербия);

научные интересы: история и поэтика русского комикса, визуальная культура, русская литература и эмиграция на Балканах.

11000, Београд, Србија, Студентски трг, 1
antiira@mail.ru

Бабиков Андрей Александрович,

старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: литература и культура русской эмиграции.

andreybabikov1@gmail.com

Бёмиг Михаэла (Michaela Böhmig),

до конца 2017 г. заведующая кафедрой русского языка и русской литературы Неаполитанского университета «Л'Ориентале», профессор русской литературы, председатель Неаполитанского центра «Русский мир»;

научные интересы: русская литература XIX в., поэты и художники русского авангарда, культурная жизнь русских в Берлине в 1920-е гг., взаимосвязь литературы и изобразительного искусства, образ Италии в русской литературе конца XIX — начала XX в., модернистский танец в России.

00141, Roma, Via Val d'Ossola, 25
michaelabohmig@gmail.com

Вовк Алексей Юрьевич,

кандидат исторических наук, независимый исследователь;

научные интересы: история российского зарубежья, история Второй мировой войны, движение Соппротивления.

lewa84@mail.ru

Герасимов Николай Игоревич,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: общественно-политическая мысль русского зарубежья, социальная философия русской эмиграции, история русской философии, история анархистской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
nickgerasimow@yandex.ru

Горелик Борис Моисеевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, Центр исследований Юга Африки;

научные интересы: русскоязычные мигранты в Южной Африке, история российско-южноафриканских связей, формирование взаимных представлений россиян и южноафриканцев.

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, Институт Африки РАН
boris.gorelik@inafr.ru

Горинов-младший Михаил Михайлович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: научное и эпистолярное наследие русского зарубежья; российское медицинское зарубежье; русская эмиграция в Югославии и Чехословакии; историческое краеведение российского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
mihail_gorinov@mail.ru

Дубровина Светлана Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына;

научные интересы: культура русской эмиграции во Франции 1920-х–1930-х гг., французская драма и театр XX в.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
svetlana.dubrovina@gmail.com

Егорова Надежда Алексеевна,

кандидат педагогических наук, главный библиотекарь сектор обслуживания читателей и библиографии отдела «Библиотека» Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российской эмиграции, история культуры русского зарубежья, литература и печатное дело русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
egorova@domrz.ru

Ермишин Олег Тимофеевич,

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
rfm@bfrz.ru

Ермишина Ксения Борисовна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история евразийского движения, богословие архим. Софрония (Сахарова), В.Н. Лосского и других значительных философов и богословов русской эмиграции, древнерусская история, культура и музыка.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

xenia_ermishina@mail.ru

Живанович Милана,

PhD, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии

научные интересы: русско-сербские отношения в XX в., русская эмиграция, русские некрополи в Югославии в XX в.

11000, Белград, Республика Сербия, Трг Николе Пашића, д. 11

milana.zivanovic@yahoo.com

Кислицын Сергей Алексеевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского Института управления (филиала) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

научные интересы: контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России, персонала советской эпохи, научная элита России, история казачества, патриотизм и коллаборационизм казачества.

344090, Ростов на Дону, просп. Стачки, 190/1, кв. 65

kislizins@yandex.ru

Леонидов Виктор Владимирович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, дом 2

viktor-leonidov@yandex.ru

Ликвинцева Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: культура и церковная жизнь русского зарубежья, богословская и религиозно-философская мысль XX в., творчество матери Марии (Скобцовой).

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

natalia.likvintseva@gmail.com

Масоликова Наталья Юрьевна,

ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского научного зарубежья; история психологии; некрополистика.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nmasolikova@gmail.com

Поляков Федор Борисович,

доктор философии (Dr. phil. habil.), профессор, заведующий кафедрой русской литературы, директор Института славистики Венского университета (Вена, Австрия); *научные интересы:* история российского зарубежья, русская культура в европейском контексте, литература русской эмиграции в XX в., история византистики и славистики.

1090, Wien, UniCampus, Institut für Slawistik der Universität Wien
fedor.poljakov@univie.ac.at

Семенов Константин Константинович,

старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: Гражданская война в России, история российского военного зарубежья, гражданская война в Испании (1936–1939), история Второй мировой войны (движение Сопротивления, коллаборационизм, спецслужбы).

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
semenov@domrz.ru

Сорокина Марина Юрьевна,

кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
msorokina61@gmail.com

Трибунский Павел Александрович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
pt2140@yandex.ru

Турьгина Наталья Валерьевна,

кандидат исторических наук; старший научный сотрудник, преподаватель (Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории);

научные интересы: русская эмиграция, идентичность, Вторая мировая война, славянские национальные государства в XX в., оккупация Франции, патриотизм, коллаборационизм;

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
turyginan@mail.ru, n.turygina@spbu.ru

Фокин Александр Алексеевич,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения Ставропольского государственного педагогического института;

научные интересы: теория литературы; функциональное изучение литературы; антропологическая поэтика русской и национальных литератур; история русской литературы XX в.; литература русского зарубежья; литература народов Северного Кавказа; методика преподавания литературы; литературное краеведение.

355019, Ставрополь, ул. Ленина 417-А, ГБОУ ВО СГПИ

dm21225602@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КАФЕДРА: К 25-ЛЕТИЮ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Капитан русского зарубежья

Интервью Виктора Александровича Москвина Ивану Никитичу Толстому 7

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- М.Ю. Сорокина*. Русская эмиграция и движение Сопrotивления в годы Второй мировой войны: международный круглый стол 23
- Ф.Б. Поляков*. Ранние годы Веры Макаровой (княгини Вики Оболенской) в воспоминаниях А.В. Исаченко 28
- Приложение: *А.В. Исаченко*. Жизнь прожить. Глава II. Отец <фрагмент> 35
- М. Живанович*. Влияние политики на судьбу и память о русских участниках движения Сопrotивления в Югославии 40
- Н.В. Турыгина*. Участник движения Сопrotивления А.М. Агафонов-Глянцев (1920–2009) в национальной памяти России, Франции, Германии 52
- М.Ю. Сорокина*. Антифашистское сопротивление на Балканах: к биографии поэта Алексея Дуракова (1898–1944) 61
- С.А. Кислицын*. Голландская эпопея профессора Г.Г. Баумана 79
- Н.Ю. Масоликова*. Неизбежное сопротивление: судьба французского микробиолога, участника движения Сопrotивления Ильи Вольмана (Élie Wollman; 1917–2008) 88
- М.М. Горинев-мл.* Судьба участника антифашистской борьбы во Франции Н.Н. Роллера 96

<i>А.Ю. Вовк.</i> Движение Сопротивления во французской провинции. Случай эмигранта Георгия Шеметилло	107
<i>К.К. Семенов.</i> Александр Утримов и дурданская группа Сопротивления	119
<i>Н.В. Ликвинцева.</i> Благотворительность и Сопротивление: дела милосердия в окупированном Париже	134
Приложение: <Протокол совещания митрополита Евлогия (Георгиевского) с настоятелями парижских приходов (Париж, 28 июня 1940)>	142

АРХИВНОЕ: К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО ИСХОДА

<i>П.Е. Ковалевский.</i> О похищении генерала А.П. Кутепова (дневниковые записи с 27 января по 24 февраля 1930 г.). <i>Публикация, вступительная статья и комментарии Н.В. Ликвинцевой</i>	151
<i>М. Бёмиг.</i> Олег Цингер: русский художник в Берлине	188
Приложение: Олег Цингер: публикации и архивные материалы	200
<i>Б.М. Горелик.</i> Творческий путь Осипа Рунича как пример нестандартной стратегии адаптации эмигранта	203
«...Там, вероятно, будут спорить и украинцы, и русские»: Д.И. Чижевский в работе над историей украинской и русской литературы. Письма Д.И. Чижевского к А.Л. Бему 1942–1943 гг. <i>Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии А.А. Бабикова</i>	221
«Четверть века прошло как потерял Вас из вида...»: Г.П. Мальцев в переписке и дневнике Б.А. Никольского. <i>Публикация, вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н.А. Егоровой.</i>	264

НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: МИХАИЛ КАРПОВИЧ (1888–1959)

<i>М.М. Горинев-мл.</i> Русские адреса Тифлиса: по следам Карповичей — Пресняковых.	287
«Русская Прага для меня теперь далеко не безразлична»: письма М.М. Карповича А.Ф. Изюмову (1929–1939 гг.). <i>Публикация, вступительная статья и комментарии М.М. Горинова-мл., М.Ю. Сорокиной; подготовка текста М.М. Горинова-мл.</i>	310
<i>П.А. Трибунский.</i> Последний проект Михаила Карповича.	363

ТЕАТРАЛЬНОЕ: ЖОРЖ ПИТОЕВ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

<i>С.Н. Дубровина. Жорж Питоев в критике русской эмиграции</i>	395
<i>Статьи И.Д. Сургучева о театре Ж. Питоева. Публикация, подготовка текста, комментарии С.Н. Дубровиной, А.А. Фокина</i>	415
<i>Переписка Г.И. Питоева и И.Д. Сургучева. Публикация, подготовка текста, комментарии С.Н. Дубровиной, А.А. Фокина</i>	423
<i>Письмо М.Н. Германовой Г.И. Питоеву. Публикация, предисловие, подготовка текста и комментарии С.Н. Дубровиной</i>	427

ФИЛОСОФСКОЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

<i>Круглый стол «Николай Бердяев и его “Новое средневековье”. 145 лет философу, 95 лет книге». Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 5 декабря 2019. Подготовка текста, предисловие, послесловие Н.И. Герасимова</i>	433
<i>О.Т. Ермишин, К.Б. Ермишина. Материалы к «Энциклопедии классического евразийства». Под редакцией О.Т. Ермишина</i>	464

ХРОНИКА

<i>М.Ю. Сорокина. Выставка «Русские художники Сербии: Сергей Соловьев (1901–1975) — кавалерист и комиксист». Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Сентябрь–ноябрь 2019</i>	513
<i>Н.Ю. Масоликова. Международная научная конференция «Научные миры русского зарубежья». Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 7–8 октября 2019</i>	518
<i>М.Ю. Сорокина. Неделя русского зарубежья в Турции. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 15–20 ноября 2019</i>	524
<i>И. Антанасиевич, М.Ю. Сорокина. Выставка «Русские художники Сербии: Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник». Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 15 мая 2020</i>	531
<i>В.В. Леонидов. Выставка «Неизвестный Николай Миллиоти». Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 6–16 марта, 1–19 июля 2020</i>	535

IN MEMORIAM

<i>В.В. Леонидов. Памяти Льва Абрамовича Мнухина (1938–2020)</i>	543
--	-----

Содержание

Резюме	547
Summary	563
Сведения об авторах	578

CONTENT

EX CATHEDRA FOR THE 25TH ANNIVERSARY OF THE ALEXANDER SOLZHENITSYN HOUSE OF RUSSIA ABROAD

Captain of the Russia Abroad. <i>The interview of Viktor Alexandrovich Moskvina to Ivan Nikitich Tolstoy</i>	7
--	---

FOR THE ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY: RUSSIAN DIASPORA AND RESISTANCE MOVEMENT DURING WORLD WAR II

<i>M. Yu. Sorokina</i> . Russian Emigration and the Resistance Movement during World War II: International Roundtable	23
<i>F.B. Poljakov</i> . The Early Years of Vera Makarova (Princess Vicki Obolensky) in Alexander Isachenko's Memoirs	28
Appendix: <i>A. V. Isachenko</i> . To Live a Life. Chapter II. Father <fragment>	35
<i>M. Zhivanovich</i> . How Politics Influenced Faith and Memory of Russian Members of the Resistance Movement in Yugoslavia	40
<i>N. V. Turygina</i> . A.M. Agafonov-Gliantsev (1920–2009) as a Member of the Resistance Movement in the National Memory of Russia, France and Germany	52
<i>M. Yu. Sorokina</i> . Antifascist Resistance in the Balkans: Materials for Biography of the Poet Alexey Durakov (1898–1944)	61
<i>S.A. Kislitsyn</i> . Professor G.G. Bauman's Dutch Epopee	79
<i>N. Yu. Masolikova</i> . Inevitable Resistance: French Microbiologist Élie Leo Wollman (1917–2008)	88
<i>M.M. Gorinov Jr.</i> The Destiny of Participant of Antifascist Movement in France N.N. Roller	96

A. Y. Vovk. Resistance Movement in the Provinces of France: the Case of Emigrant George Shemetillo	107
K.K. Semenov. A.A. Ugrimov and the Durdan Resistance Group	119
N.V. Likvintseva. Charity and Resistance: Charitable Events in Occupied Paris	134
Appendix: <The Minutes of the Conference Conducted by Bishop Eulogius of Paris (Georgievsky) with Senior Priests of Paris Parishes (Paris, 28 June, 1940)>	142

FROM ARCHIVES: FOR THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN EXODUS

P.E. Kovalevsky. About Abduction of General A.P. Kutepov (Extracts from the Diaries: 27 January — 24 February, 1930). <i>Publication, introduction and comments by N.V. Likvintsev</i>	151
M. Böhmig. Oleg Zinger: A Russian Artist in Berlin	188
Appendix: Oleg Zinger: Publications and Archive Materials	200
B.M. Gorelik. The Career of Actor Ossip Runich: an Unconventional Adaptation Strategy of a Russian Émigré	203
“...There will probably be arguments between Ukrainians and Russians”: D.I. Cyževsky’s Work on the History of Ukrainian and Russian Literatures. D.I. Cyževsky’s Letters for A.L. Bem, 1942–1943. <i>Publication, archival texts preparation, introduction and notes by A.A. Babikov</i>	221
“A quarter of a century has passed since I lost sight of you...”: Excerpt from Nikolsky’s Diary and Correspondence between G.P. Maltsev and B.A. Nikolsky. <i>Publication, introduction, preparation of the text and comments by N.A. Egorova</i>	264

RUSSIAN EXPATRIATE COMMUNITY OF SCHOLARS:
MIKHAIL KARPOVICH (1888–1959)

M.M. Gorinov Jr. Russian Addresses of Tiflis: Following Karpovich-Presnyakov’s Footsteps	287
“Russian Prague is of great interest to me”: M.M. Karpovich’s Letters to A.F. Izyumov (1929–1939). <i>Publication, introduction and comments by M.M. Gorinov Jr., M. Yu. Sorokina; preparation of the text by M.M. Gorinov Jr.</i>	310
P.A. Tribunskii. The Last Project of Michael Karpovich.	363

THEATRE LIFE: GEORGES PITOËFF AND RUSSIAN DIASPORA

S.N. Dubrovina. Georges Pitoëff and Russian Diaspora Critics	395
--	-----

Content

- Ilia Surgutchev's Articles about Georges Pitoëff's Theatre. *Publication, preparation of the text and comments by S.N. Dubrovina and A.A. Fokin* 415
- Letters between Ilia Surgutchev and Georges Pitoëff. *Publication, preparation of the text and comments by S.N. Dubrovina and A.A. Fokin* 423
- Maria Germanova's Letter to George Pitoëff. *Publication, preparation of the text, introduction and comments by S.N. Dubrovina* 427

PHILOSOPHY: NEW MATERIALS

- Roundtable Discussion "Nikolay Berdyaev and his 'New Middle Ages'. 145 Years since the Birth of the Philosopher, 95th Anniversary of the Book".
Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. 5 December 2019.
Preparation of the text, preface, afterword by N.I. Gerasimov 433
- O.T. Ermishin, K.B. Ermishina*. "Encyclopedia of Classical Eurasianism":
Supplementary Materials. *Edited by O. Ermishin* 464

ACADEMIC EVENTS

- M.Yu. Sorokina*. "Russian Artists of Serbia: Sergei Soloviev (1901–1975), Cavalry Soldier and Comics Artist": an Exhibition at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad 513
- N.Yu. Masolikova*. International Scientific Conference "Scientific Worlds of Russian Diaspora" 518
- M.Yu. Sorokina*. The Week of the Russian Turkish Diaspora Legacy at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad 524
- I. Antanasijevich, M.Yu. Sorokina*. "Russian Artists of Serbia: Pavel and Yuri Lobachev: a Diplomat and an Artist": an Exhibition at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad 531
- V.V. Leonidov*. The Exhibition of Nikolay Millioti in the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad 535

IN MEMORIAM

- V.V. Leonidov*. In Memoriam of Lev Abramovich Mnuchin (1938–2020) 543
- Summary in Russian 547
- Summary in English 563
- About Authors 578

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Е-361 2020 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020. — 592 с. : ил.

ISSN 2313-7517

Очередной выпуск «Ежегодника...» открывается интервью директора Дома русского зарубежья Виктора Александровича Москвина.

Юбилею победы над нацизмом посвящен раздел об участии русской эмиграции в движении Сопротивления. В разделе представлены материалы круглого стола, прошедшего 15 мая 2020 г., а также статьи о выдающихся резистантах — выходцах из России: поэте Алексее Дуракове, микробиологе Илье Вольмане, Николае Роллере, Алексее Угримове. Столетию русского исхода посвящен раздел «Архивное». В нем представлены статьи и публикации документов: дневниковые записи П.Е. Ковалевского о похищении генерала А.П. Кутепова, письма Д.И. Чижевского к А.Л. Бему. Раздел «Научное» посвящен историку-эмигранту М.М. Карповичу; раздел «Театральное» — режиссеру Жоржу Питоеву. В тематическом блоке, посвященном философии, публикуются материалы круглого стола «Николай Бердяев и его “Новое средневековье”...», а также материалы для готовящейся к публикации «Энциклопедии классического евразийства».

В «Ежегоднике...» представлены разделы, посвященные хронике научной и выставочной жизни Дома русского зарубежья, а также раздел «In memořiam». Многие из представленных в издании иллюстраций публикуются впервые.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2020

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.В. Архиреев*
Корректор *О.А. Савичева*
Верстка *П.А. Сандомирского*

Подписано в печать 10.12.2020. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура Minion Pro. Печ. л. 37. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: +7 (495) 137-83-87
www.domrz.ru

ЗАО «Издательство «Русский путь»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64
Тел.: +7 (495) 629-04-82
E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6